J. K. ROWLING

HARRY POTTER

AND THE GOBLET OF FIRE

BLOOMSBURY

Гарри Поттер и Кубок Огня(Potter's Army)

Джоан Кэтлин Роулинг

01. Дом Риддлов
02. Шрам
03. Приглашение
04. Возвращение в Нору
05. Удивительные Уловки Уизли
06. Портключ
07. Бэгмэн и Крауч
08. Чемпионат Мира по Квиддитчу
09. Тёмная Метка
10. Переполох в Министерстве
11. На Хогвартс-Экспрессе
12. Турнир Трёх Волшебников
13. Хмури-«Дикий Глаз»
14. Непростительные Заклятья
15. Бобатон и Дурмштранг
16. Кубок Огня
17. Четыре Чемпиона
18. Проверка волшебных палочек
19. Венгерский Рогохвост
20. Первое задание

21. Армия Освобождения Домовых Эльфов
22. Неожиданное задание
23. Святочный Бал
24. Сенсация Риты Скитер
25. Яйцо и глаз
26. Второе задание
27. Возвращение Мягколапа
28. Безумие мистера Крауча
29. Сон
30. Думоотвод
31. Третье задание
32. Плоть, кровь и кость
33. Пожиратели Смерти
34. Приори Инкантатем
35. Веритасерум
36. На перепутье
37. Начало

01. Дом Риддлов

Жители деревни Литтл Хэнглтон по-прежнему называли этот дом «домом Риддлов», или «Загадочным домом», хотя прошло уже много лет с тех пор, как в нём жила семья Риддлов. Он стоял на холме, над деревней, некоторые его окна были забиты досками, с крыши отвалились кусочки черепицы, а плющ беспрепятственно обвивал стены. Когда-то красивый особняк и, без сомнения, самое большое и величественное здание в округе, дом Риддлов теперь стоял отсыревший, развалившийся и пустой.

Жители Литтл Хэнглтона сходились во мнении, что дом был «жутким». Полвека назад в доме произошло странное и страшное событие, которое до сих пор любили обсуждать старожилы, когда у них заканчивались темы для сплетен. Эту историю уже столько раз пересказывали, и обросла она таким количеством выдумок, что никто уже точно не знал, осталась ли в ней хоть капля правды. Однако каждый рассказ начинался одинаково: пятьдесят лет тому назад, на рассвете, одним ясным летним утром в те времена, когда

дом Риддлов всё ещё был ухожен и впечатлял, горничная, войдя в гостиную, обнаружила, что все трое Риддлов мертвы.

С криком горничная кинулась вниз, в деревню, разбудив своим криком всю округу.

— Глаза открыты! Холодные, словно лёд! В том, что надели к ужину!

Тут же была вызвана полиция, и весь Литтл Хэнглтон охватило дикое любопытство и плохо скрываемое волнение. Никто и не думал делать вид, будто горюет о Риддлах, поскольку в деревне их недолюбливали. Старшие мистер и миссис Риддл были богаты, высокомерны и грубы, а их взрослый сын Том и того хуже. Всё, что заботило жителей деревни — кто убил Риддлов… потому что, разумеется, три здоровых на вид человека не могли вот так сразу отдать концы от какого-то естественного недуга в один и тот же вечер.

Деревенский паб «Висельник» в тот вечер допоздна отпускал спиртное — вся деревня собралась там, чтобы обсудить убийства. Покинувшие тепло каминов были вознаграждены, когда среди них эффектно появилась кухарка Риддлов и объявила затихшему пабу, что только что арестовали человека по имени Фрэнк Брайс.

— Фрэнк! — воскликнули несколько человек. —

Не может быть!

Фрэнк Брайс был у Риддлов садовником. Он жил один в обветшалом домишке на территории дома Риддлов. Фрэнк вернулся с войны с окостеневшей ногой, большой неприязнью к толпам и шуму, и с тех пор работал садовником у Риддлов.

Кухарке быстренько купили выпивки и приготовились слушать подробности.

— Всегда считала его странноватым, — сообщила она нетерпеливым слушателям, пропустив четыре стакана хереса. — Такой нелюдимый. Ей-богу, если б я ему предложила стаканчик, сто раз пришлось бы повторять. И общаться-то толком не хотел.

— Да ладно, — сказала женщина у барной стойки, — он был на войне, этот Фрэнк, и просто любит тишину. И это не повод…

— А у кого ещё были ключи от чёрного хода? — рявкнула кухарка. — Запасной ключ висит в домике садовника, сколько себя помню! А дверь-то вчера не ломали! И окна не разбиты! Фрэнку лишь оставалось прокрасться в дом, пока все спали…

Жители обменялись мрачными взглядами.

— А мне всегда казалось, что мерзкий он на вид, — проворчал мужчина у стойки.

— А по мне так он на войне тронулся, — сказал хозяин паба.

— Я же тебе говорила, Дот, что не хотела бы оказаться у него на пути? — сказала взволнованная женщина в углу.

— Жуткий характер, — с жаром согласилась Дот. — Вот помню, когда он был малышом…

К утру в деревушке Литтл Хэнглтон не осталось никого, кто бы сомневался в том, что Фрэнк Брайс убил Риддлов.

Но в соседнем городке Грэйт Хэнглтон, в тёмном и мрачном полицейском участке, Фрэнк упрямо вновь и вновь повторял, что он невиновен и, в тот день у дома Риддлов он видел лишь незнакомого подростка, темноволосого и бледного. Кроме Фрэнка никто в деревне этого мальчика не встречал, и в полиции были уверены, что Фрэнк его просто выдумал.

Но когда стало казаться, что Фрэнку уже не выпутаться, прибыл отчёт о вскрытии трупов Риддлов, и всё изменилось.

Никогда ещё полиция не получала более странного медицинского заключения. Консилиум врачей обследовал трупы и установил, что Риддлов не отравили, не зарезали, не застрелили, не удавили, не удушили и вообще (насколько они

могут утверждать) не причинили им никакого физического вреда. На самом деле, как озадаченно сообщалось в заключении, похоже, что семья Риддлов находилась в отменном здравии… не считая того, что все они были мертвы. Врачи отметили (словно пытаясь найти хоть что-нибудь, что могло быть не так с трупами), что лица покойных выражали ужас… но, как заявила растерянная полиция, кто слышал о троих людях, испуганных до смерти?

Поскольку не было никаких доказательств того, что Риддлов вообще убили, полиции пришлось отпустить Фрэнка. Риддлов похоронили на церковном кладбище Литтл Хэнглтона, и их могилы какое-то время вызывали интерес. Ко всеобщему удивлению, подозреваемый всей деревней Фрэнк Брайс вернулся жить в свой домик на территории особняка Риддлов.

— А я ж думаю, что убил он их, и плевать, что говорит полиция, — сказала Дот в «Висельнике». — И если б он имел хоть каплю порядочности, он бы убрался отсюда, раз он знает, что мы всё знаем, что он — убийца.

Но Фрэнк никуда не убрался. Он продолжил ухаживать за садом, работая на семью, поселившуюся в доме Риддлов, а затем на следующую

семью… поскольку ни та, ни другая не задержались надолго. И, может быть, именно из-за Фрэнка каждый последующий владелец говорил, что это место вызывало у него какие-то мерзкие ощущения. Без хозяина поместье начало приходить в упадок.

Нынешний состоятельный владелец дома Риддлов не жил в нем и вообще никак его не использовал. В деревушке поговаривали, что держал он поместье «по причине налогов», но никто толком не знал, что это значит. Богач продолжал платить Фрэнку, чтобы тот содержал сад. Фрэнку же скоро должно было исполниться семьдесят семь лет, он почти совсем оглох, а нога слушалась его всё хуже и хуже, но в хорошую погоду он продолжал копаться в цветочных грядках, хотя ему уже трудно было бороться с наступающей армией сорняков.

Сказать по правде, сорняки были не единственными его врагами. Деревенские мальчишки обожали швырять камнями в окна дома Риддлов. Они носились на велосипедах по газонам, которые Фрэнк добросовестно подстригал. Пару раз они вломились в дом — просто так, на спор. Они знали, что старый Фрэнк очень привязан к поместью, и забавлялись видом старика, хрома-

ющего через сад и грозящего им тростью. Фрэнк же считал, что мальчишки издеваются над ним, потому что, как и их отцы и деды, считают его убийцей. Поэтому, проснувшись одной августовской ночью и увидев нечто чрезвычайно странное в окнах старого дома, он решил, что эти мальчишки уже совсем обнаглели.

Проснулся Фрэнк из-за больной ноги: она болела сильней, чем обычно. Он поднялся с постели и захромал вниз на кухню, чтобы наполнить грелку горячей водой и облегчить свои страдания. Стоя у раковины с кастрюлей в руках он взглянул на дом Риддлов и увидел, что на втором этаже горит свет. Фрэнк тут же понял, что произошло. Мальчишки опять вломились в дом и, судя по отблескам света, что-то подожгли.

У Фрэнка не было телефона, да если бы и был, он не стал бы звонить в полицию, которой не доверял с той поры как его допрашивали по поводу смерти семьи Риддлов. Отставив кастрюлю, Фрэнк заспешил наверх, насколько позволяла ему больная нога. Быстро одевшись, он спустился на кухню и снял с крючка у двери старый заржавевший ключ. Схватив трость, стоящую у стены, он поспешно вышел на тёмный двор.

Ни главный вход, ни окна дома Риддлов не

выглядели взломанными. Хромая, Фрэнк обошёл дом и остановился у двери, почти совершенно заросшей вьюнком, вытащил из кармана ключ, повернул его и бесшумно отворил дверь.

Он оказался в огромной кухне. Хоть и прошло уже много лет с тех пор, как Фрэнк последний раз приходил на эту кухню, он отлично помнил, где находится дверь в коридор. Ощупью пробираясь к двери, он вдыхал запах гнили, настороженно прислушиваясь к звукам шагов или голосов наверху. В коридоре было немного светлее благодаря огромным сводчатым окнам по обеим сторонам двери. Фрэнк двинулся вверх по лестнице, мысленно благословляя пыль, толстым слоем покрывавшую каменные ступени и заглушавшую звуки его шагов и стук трости. На площадке второго этажа Фрэнк повернул направо и тут же понял, где находятся взломщики: в самом конце коридора была приоткрыта дверь. Из щели пробивался свет, бросая тонкие золотые нити на чёрный пол. Фрэнк мелкими шажками направился к двери, крепко вцепившись в трость. Приблизившись, он увидел кусочек комнаты.

Удивительно, но огонь, который Фрэнк принял за пожар, был разожжён в камине. Фрэнк замер на месте и навострил уши. Голос, доносившийся

из комнаты, звучал робко и подобострастно.

— На донышке ещё немножко осталось, если вы всё ещё голодны, милорд.

— Позже, — произнёс второй голос. Голос был мужской, но удивительно пронзительный и холодный, словно струя ледяного ветра. От этого голоса остатки волос на затылке Фрэнка встали дыбом. — Подвинь-ка меня поближе к огню, Червехвост.

Фрэнк повернулся к двери правым ухом, чтобы не упустить ни слова. Звякнула поставленная на что-то твёрдое бутылка, а затем заскрипело передвигаемое кресло. Перед Фрэнком промелькнула спина и лысина коротышки, одетого в чёрную мантию.

— Где же Нагини? — вновь зазвучал ледяной голос.

— Я… я не знаю, милорд, — нервно отозвался первый. — Наверно отправилась изучать дом, я так полагаю…

— Тебе надо подоить её перед сном, Червехвост, — сказал второй голос. — Мне нужно будет поесть на ночь. Дорога утомила меня.

Нахмурившись, Фрэнк склонился своим хорошим ухом ещё ближе к двери, стараясь ничего не пропустить. В комнате замолчали, но вскоре

человек, которого называли Червехвостом, снова заговорил:

— Милорд, осмелюсь спросить: как долго мы собираемся здесь пробыть?

— Неделю, — промолвил ледяной голос. — Может и дольше. Здесь довольно удобно, а мой план ещё рано осуществлять. Глупо даже пытаться что-либо предпринять до окончания Чемпионата Мира по Квиддитчу.

Фрэнк засунул скрюченный палец в ухо и хорошенько поковырял в нём. Да уж, надо лучше мыться, а то прислышится какая-то дрянь, вроде этого «Квиддитча», такого слова и нету вовсе.

— Чемпионата Мира по Квиддитчу, милорд? — повторил Червехвост (Фрэнк ещё сильнее заковырял в ухе). — Простите меня, но — я не понимаю — причём здесь Чемпионат Мира?

— А при том, глупец, что именно сейчас со всех концов света в страну прибывают маги, а это значит, что проныры из Министерства Магии будут совать свои носы во все дыры в поисках чего-то необычного, проверяя и перепроверяя всех вокруг. Они свихнулись на безопасности, боятся, что магглы что-нибудь заподозрят. Так что лучше переждать.

Фрэнк бросил прочищать ухо. Он ясно слышал

слова: «Министерство Магии», «маги» и «магглы». Понятно, что эти слова были каким-то кодом, и Фрэнк знал только два типа людей, которые пользовались кодом: шпионы и преступники. Фрэнк сжал трость и прислушался.

— Ваша Светлость, вы всё ещё уверены в своем плане? — робко проговорил Червехвост.

— Разумеется, Червехвост! — к ледяным ноткам добавились угрожающие.

После краткого молчания Червехвост снова заговорил, захлебываясь словами, словно торопясь высказать всё, что хотел, пока страх не заставит его замолчать.

— Но всё это можно сделать без Гарри Поттера, милорд.

Последовала ещё одна, более длительная пауза, а затем:

— Без Гарри Поттера? — вздохнул второй голос. — Ясно…

— Милорд, я предлагаю это не из участия к мальчишке, — затараторил Червехвост, и его голос едва не сорвался на писк. — Мальчишка для меня ничего не значит, совершенно ничего! Просто, если бы вы воспользовались другим колдуном или колдуньей, любым колдуном, всё можно бы было провернуть гораздо быстрее!

Если б Вы только позволили мне, ненадолго, Вы знаете, я могу прекрасно замаскироваться, и я бы вернулся назад через два дня с подходящей кандидатурой…

— Я бы, конечно, мог взять другого колдуна, — протянул первый голос, — в самом деле…

— Милорд, это было бы разумно, — продолжал Червехвост с облегчением. — Заполучить Гарри Поттера чрезвычайно трудно, его так охраняют…

— А ты предлагаешь пойти и привести мне кого-то другого? Я вот думаю, не обременяет ли тебя забота обо мне, Червехвост? Может быть, ты предлагаешь изменить мой план для того, чтобы покинуть меня?

— Милорд! У меня и в мыслях такого не было…

— Не лги! — прошипел второй голос. — Я всегда знаю, когда ты лжёшь, Червехвост! Ты сожалеешь о том, что вернулся ко мне. Я тебе противен. Я вижу, как ты содрогаешься каждый раз, когда тебе приходится смотреть на меня, тебя пробивает дрожь, когда ты до меня дотрагиваешься.

— Нет! Моя преданность Вашей Светлости…

— Твоя преданность — не что иное, как трусость. Духа б твоего здесь не было, если б тебе было куда податься. Как я могу выжить без твоей помощи, если мне нужно питаться каждые

несколько часов? Кто будет доить Нагини?

— Но Вы окрепли, милорд…

— Врёшь, — вздохнул второй голос. — Я ничуть не крепче, и пара дней без ухода лишит меня той капли здоровья, которой я набрался под твоей неуклюжей опекой. Молчать!

Червехвост, который что-то несвязно бормотал, брызгая слюной, тут же умолк. В течение нескольких секунд до Фрэнка доносился лишь треск поленьев в огне. Затем второй мужчина опять заговорил, но так тихо, что его голос казался шипением.

— У меня есть свои причины для того, чтобы использовать этого мальчишку, и, как я уже объяснял тебе, мне нужен он и только он. Я ждал целых тринадцать лет. Ещё пара месяцев роли не играет. А что касается того, что мальчишку охраняют, я думаю, мой план достаточно эффективен. Мне нужно только немного твоей храбрости, Червехвост. И эту храбрость ты в себе найдешь, если не хочешь почувствовать на своей шкуре ярость Лорда Волдеморта.

— Милорд, позвольте мне сказать! — в панике перебил Червехвост. — Всю дорогу я обдумывал ваш план. Милорд, исчезновение Берты Джоркинс скоро обнаружат, и если мы начнем

действовать, если я убью…

— Если? — прошептал первый голос. — Если! Если ты будешь следовать плану, Червехвост, Министерство никогда не узнает об исчезновении кого-то ещё. Ты будешь действовать тихо, без шума. Я бы так хотел сам всё проделать, но в моём теперешнем состоянии… Давай, Червехвост, осталось убрать ещё одно препятствие, и наша дорога к Гарри Поттеру свободна. И я не прошу тебя работать в одиночку. К тому времени мой верный слуга уже будет с нами.

— Но, ведь это я — ваш верный слуга, — сказал Червехвост, с лёгкой обидой в голосе.

— Червехвост, мне нужен человек с мозгами, тот, кто был бы мне всегда предан. Ты, к сожалению, ни то, ни другое.

— Я отыскал вас, — сказал Червехвост, и в его голосе определённо прозвучала нотка обиды. — Это я отыскал вас, и это я привёл к вам Берту Джоркинс.

— Твоя правда, — довольно согласился второй мужчина. — Это была гениальная идея, и я не ожидал от тебя такой сообразительности, Червехвост. Но, по правде говоря, ты и не подозревал, насколько полезной она окажется, когда поймал её, ведь так?

— Я… я подозревал, что она может оказаться полезной, милорд…

— Врёшь, — снова прозвучал второй голос, теперь в нём явно звучало жестокое удовольствие. — Я и не спорю, что информация, которую мы получили от неё, оказалась незаменимой. На этой информации основан мой план. И я награжу тебя за это, Червехвост. Я позволю тебе сделать чрезвычайно важную для меня вещь: то, ради чего многие из моих последователей готовы были бы пожертвовать своей правой рукой.

— Д-да, милорд? А что это? — в голосе Червехвоста послышался ужас.

— Ах, Червехвост, ты же не хочешь, испортить себе сюрприз? Твой черёд придет в самом конце… но я обещаю тебе, что ты будет столь же полезен мне, как была мне полезна покойная Берта Джоркинс.

— Вы… вы, — прохрипел Червехвост внезапно пересохшим горлом, — вы… меня тоже собираетесь… убить?

— Червехвост, Червехвост, — вздохнул ледяной голос. — Ну зачем мне тебя убивать? Берту Джоркинс пришлось прикончить. Она была ни на что не пригодна после моего допроса, совершенно бесполезна. И, кроме того, если бы она вернулась

назад и обратилась в Министерство с новостями о встрече с тобой, её бы забросали ненужными вопросами. Волшебникам, которых считают погибшими, лучше не сталкиваться с волшебницами из Министерства Магии в придорожных тавернах.

Червехвост пробормотал что-то так тихо, что Фрэнк ничего не услышал, но второй человек засмеялся в ответ безрадостным смехом, ледяным, как и его голос.

— Мы могли бы подтереть её память? Но сильный маг способен разрушить Заклинания Памяти, как сделал я, когда подверг её допросу. И вообще, Червехвост, не использовать полученную информацию, было бы неуважением к её памяти.

Стоящий в коридоре Фрэнк вдруг заметил, что его рука, стискивающая трость, покрыта холодным потом. Человек с ледяным голосом убил женщину. Он говорил об этом убийстве без раскаяния, и даже с удовольствием. Он был опасен, этот сумасшедший! И он собирался убить ещё этого мальчика. Гарри Поттеру, кто бы он ни был, грозит смертельная опасность!

В голове Фрэнка созрел план. Он сейчас же побежит в полицию. Он осторожно выберется из

дома и побежит к первому попавшемуся телефону-автомату. Но ледяной голос снова заговорил, и Фрэнк остался стоять, где стоял, застыв на месте, пытаясь не обронить ни единого слова.

— Осталось лишь одно заклинание… мой верный слуга в Хогвартсе… и Поттера можно считать моим, Червехвост. Всё решено. Довольно пререканий. Но, тихо, мне кажется, я слышу Нагини…

Его голос внезапно изменился. Он начал издавать звуки, подобных которым Фрэнку слышать не доводилось: он шипел и посвистывал, не переводя дыхания. Казалось, с ним случился припадок.

Внезапно Фрэнк почувствовал позади себя какое-то движение. Он обернулся на звук и остолбенел от ужаса.

Что-то скользило навстречу Фрэнку по чёрному полу коридора. Когда оно оказалось в полоске света, просачивающегося из приоткрытой двери, Фрэнк с ужасом увидел, что это огромных размеров змея, по меньшей мере, трёх с половиной метров в длину. Застыв от ужаса, Фрэнк уставился на гладкое тело, прорезающее широкий извилистый след в толстом слое пыли по дороге к нему. Что делать? Бежать? Но куда? Не в комнату же, где сидят убийцы, замышляющие очередное

убийство. Но если он не двинется с места, то огромная змея, несомненно, сожрёт его…

Фрэнк не успел принять решение. Огромная змея была уже рядом. И вдруг, неожиданно, произошло чудо: она проскользнула мимо на зов шипящих, свистящих звуков, издаваемых ледяным голосом за дверью. Минута — и кончик узорчатого в ромбах хвоста скрылся из виду.

Лоб Фрэнка покрылся холодным потом, дрожащая рука стискивала трость. Ледяной голос продолжал свистеть. Фрэнка осенила дикая, невероятная мысль: этот человек умеет разговаривать со змеями.

Фрэнк не понимал, что происходит. Больше всего на свете он хотел оказаться в своей кровати с горячей грелкой в ногах. Но ноги его были, как ватные. Пока трепещущий от страха Фрэнк пытался овладеть собой, ледяной голос внезапно заговорил по-человечески:

— Нагини принесла интересную новость, Червехвост, — сказал он.

— П-правда, милорд? — пробормотал Червехвост.

— Да, именно так, — повторил голос, — Нагини сказала, что за дверью стоит старый маггл и прислушивается к каждому нашему слову.

Фрэнк не успел спрятаться. Послышались шаги, и дверь в комнату распахнулась.

На пороге стоял невысокий лысоватый седеющий человечек с острым носом, маленькими глазами и тревожно-испуганным выражением лица.

— Пригласи его зайти, Червехвост. Где твои хорошие манеры?

Ледяной голос доносился из старого кресла, стоящего у очага, но говорящего Фрэнк не видел. Змея же, свернувшись кольцом, расположилась на гнилом коврике, брошенном у камина, как какая-то жуткая пародия на собачонку.

Червехвост жестом пригласил Фрэнка в комнату. Всё ещё трепеща от страха, Фрэнк крепко ухватился за трость и, хромая, переступил через порог.

Единственным источником света в комнате был разожжённый в камине огонь. На стенах плясали длинные паукообразные тени. Фрэнк глядел на спинку кресла. Сидящий в нём человек, казалась, был ещё меньше ростом, чем его слуга, так как из-за спинки не было видно даже его головы.

— Ты всё слышал, маггл? — поинтересовался ледяной голос.

— Кем это вы меня назвали? — воинственно переспросил Фрэнк. Находясь в комнате, перед лицом врага, он почувствовал себя смелее, как и всегда в бою.

— Я называю тебя магглом, — холодно повторил голос. — И это значит, что ты — не маг.

— Не знаю, что вы имеете в виду под магом, — заявил Фрэнк, собираясь с духом. — Но я знаю, что услышал достаточно, чтобы заинтересовать полицию. Вы уже совершили одно убийство и собираетесь убить ещё кого-то. И вот что я вам скажу, — Фрэнка осенило, — моя жена знает, что я здесь, и, если я не вернусь…

— У тебя нет жены, — оборвал его ледяной голос. — Никто не знает, что ты здесь. Ты никому не сказал о том, что собираешься в усадьбу. Не лги Лорду Волдеморту, маггл, он знает, он всегда и всё знает….

— Да ну, — промолвил Фрэнк, — лорд, а? Так вот, ваши манеры, лорд, оставляют желать лучшего. А ну-ка повернись и взгляни мне в лицо, как порядочный человек!

— Но я не человек, маггл, — отозвался ледяной голос, едва слышный из-за треска полений. — Я намного больше, гораздо больше, чем человек. Однако, почему бы и нет? Я взгляну на тебя. Чер-

вехвост, поверни к нему моё кресло.

Слуга заскулил.

— Червехвост, кому сказал!?

Медленно, с искажённым лицом, на котором было ясно написано, что он предпочёл бы всё, что угодно тому, что ему предстояло, а именно приблизиться к своему господину и коврику с лежащей на нём змеёй, человечек подвинулся поближе к креслу и повернул его. Змея подняла отвратительную треугольную голову и зашипела, когда ножки кресла задели её коврик.

И вот, когда кресло повернулось, Фрэнк увидел, что в нём сидело. Трость выпала у него из рук и с грохотом покатилась по полу. Он открыл рот и испустил надрывный вопль. Он так вопил, что не расслышал слов, которые произнесло сидящее в кресле существо, поднимая палочку. Ярко-зелёная вспышка озарила комнату, раздался гром, и Фрэнк Брайс замертво рухнул на пол.

За две сотни миль отсюда мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

02. Шрам

Гарри лежал на спине, тяжело дыша, словно после забега. Он проснулся от очень ясного сна, закрыв лицо руками. Старый шрам в форме молнии у него на лбу горел от боли под пальцами, как будто к нему только что приложили раскалённую проволоку.

Гарри сел в постели, не отнимая одной руки от шрама, а второй в темноте шаря по ночному столику в поисках очков. Он надел очки, и предметы в комнате, освещённой слабым оранжевым светом уличного фонаря, просачивающимся через оконные занавески, приобрели отчётливые очертания.

Гарри снова провёл рукой по шраму. Тот продолжал болеть. Он зажёг лампу, выбрался из постели, прошёл по комнате, открыл шкаф и пристально вгляделся в зеркало на внутренней стороне дверцы. Из зеркала на него смотрел худенький мальчишка четырнадцати лет с удивлёнными зелёными глазами и копной неопрятных чёрных волос. Он стал внимательно изучать шрам на лбу своего отражения. Шрам

выглядел, как обычно, но всё равно болел.

Гарри попытался припомнить, что ему снилось перед тем, как он проснулся. Всё было словно наяву… Во сне было двое людей, которых он уже когда-то где-то видел, а третьего не знал… Он нахмурился, напрягая память…

Перед ним предстал смутный образ тёмной комнаты. На коврике перед камином, свернувшись калачиком, лежала змея… человечек по имени Питер, по прозвищу Червехвост… и этот холодный высокий голос… голос Лорда Волдеморта. При этой мысли у Гарри в животе похолодело, словно он проглотил ледышку…

Он зажмурился и напряг память, пытаясь восстановить черты лица Волдеморта, но сделать это было невозможно… Гарри лишь помнил только, что когда кресло повернулось, и он, Гарри, увидел существо, сидящее в нём, он испытал панический ужас и проснулся… Или он проснулся от того, что заболел шрам?

И что за старик там был? Там точно был какой-то старик. Гарри видел, как он упал навзничь. Он всё больше путался. Гарри закрыл лицо руками, пытаясь мысленно перенестись из своей спальни в ту тёмную комнату, но с таким же успехом он мог бы попытаться удержать воду в пригоршне.

Детали сна ускользали от него, как он ни пытался их удержать… Волдеморт с Червехвостом говорили о каком-то совершённом ими убийстве, но Гарри никак не мог вспомнить имя убитого… и потом они собирались убить ещё кого-то… его!

Гарри убрал ладони от лица, открыл глаза и огляделся, как бы ожидая увидеть что-то из ряда вон выходящее. Как всегда, в его комнате было огромное количество необычных вещей. У подножия кровати стоял широко открытый деревянный чемодан, из которого выглядывали котёл, метла, чёрная мантия и разные учебники с заклинаниями. На столе валялись свитки пергамента. Большую же часть стола занимала огромная пустая клетка, в которой обычно сидела его полярная сова Хедвига. На полу перед кроватью валялась открытая книга, которую Гарри читал прошлым вечером, пока не заснул. Картинки в книге двигались. Мужчины в ярко-оранжевых мантиях влетали и вылетали из поля зрения верхом на мётлах, перебрасываясь красным мячом.

Гарри подошёл к книге, поднял её и увидел, как один из волшебников лихо забил гол, забросив мяч в кольцо на высоте пятидесяти футов, и решительно захлопнул книгу. Даже Квиддитч,

который, по мнению Гарри, был самым увлекательным в мире видом спорта, не мог развеять его мысли в этот момент. Он положил «Полёты с Пушками» на ночной столик, подошёл к окну и раздвинул шторы, чтобы посмотреть, что происходит на улице.

Улица Привит Драйв выглядела, как и полагается выглядеть респектабельной пригородной улице ранним субботним утром. Шторы были плотно задёрнуты. Насколько было видно Гарри, на улице не было ни одной живой души: не только людей, но даже кошек.

И всё же… и всё же… Гарри беспокойно подошёл к кровати и сел на неё, проведя рукой по шраму. Его беспокоила не боль — Гарри уже испытывал более неприятные ощущения. Однажды у него исчезли все кости из правой руки, и за одну ночь он прошёл через болезненную процедуру их выращивания. Спустя совсем немного времени, ту же самую руку пронзил ядовитый клык длиной с фут. Всего-то в прошлом году Гарри свалился с метлы с высоты пятидесяти футов. Он привык ко всяким странным травмам и происшествиям — они были обычным делом для тех учеников Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс, которые ухитрялись навлекать на себя непри-

ятности.

Нет, Гарри тревожило то, что в прошлый раз, когда его шрам загорелся болью, Волдеморт был рядом с ним. Но Волдеморта здесь просто не могло быть… Смешно было даже подумать, что Волдеморт мог затаиться где-то здесь, на Привит Драйв.

Гарри прислушался к тишине. Чего он ждал? Скрипа ступенек или шелеста мантии? И вдруг он подскочил от неожиданности: из соседней спальни донёсся хрюкающий храп его двоюродного брата Дадли. Гарри выбросил плохие мысли из головы. Он вёл себя глупо. В доме никого не было, кроме дяди Вернона, тёти Петунии и Дадли, которые мирно спали, и снились им сладкие и спокойные сны.

Больше всего Гарри любил семью Дёрсли, именно когда они спали. Да и вряд ли они помогли бы ему, если бы бодрствовали. Дядя Вернон, тётя Петуния и Дадли были единственными родственниками Гарри. Они были магглами и ненавидели волшебство во всех его проявлениях, а это значило, что Гарри был таким же желанным гостем в их доме, как кусок гнилой тряпки. Соседям они рассказывали, что причиной периодического и продолжительного отсутствия Гарри в тече-

ние последних трёх лет было его пребывание в Центре Святого Брутуса для неисправимых хулиганов. Хотя они прекрасно знали, что, как несовершеннолетнему волшебнику, Гарри не разрешалось колдовать за пределами Хогвартса, они всё равно продолжали сваливать на него вину за все неприятности, что происходили в доме. Гарри не мог довериться им и рассказать о жизни в мире волшебников. Поведать им о заболевшем шраме и Волдеморте было бы абсолютно дурацкой идеей. Но именно из-за Волдеморта Гарри жил в семье Дёрсли. Если бы не Волдеморт, у Гарри не было бы шрама в форме молнии. И если бы не Волдеморт, у Гарри бы были родители…

Гарри был год, когда Волдеморт, самый могущественный Тёмный Волшебник века, который на протяжении одиннадцати лет стабильно набирал мощь, явился в дом Поттеров и убил его родителей. Затем Волдеморт ткнул волшебной палочкой в Гарри и наложил на него проклятие, которое в своё время уничтожило множество взрослых волшебниц и волшебников, стоящих на пути Волдеморта к власти… и, к удивлению, оно не сработало. Вместо того, чтобы убить маленького мальчика, оно рикошетом ударило Волдеморта. Гарри отделался лишь порезом на

лбу в форме молнии, а Волдеморт едва остался жив. Бессильный и полуживой, Волдеморт бежал и унёс с собой панический страх, в котором в течение многих лет пребывало общество волшебниц и волшебников. Последователи Волдеморта разбежались, а Гарри Поттер стал знаменит.

В день своего одинадцатилетия Гарри получил ошеломляющее известие: он узнал, что он — волшебник. Мало того, оказалось, что весь мир волшебников знает его имя. Когда Гарри прибыл в Хогвартс, он обнаружил, что на него все оглядываются и перешёптываются за его спиной. Но за три года Гарри почти перестал обращать на это внимание. В конце лета начинался четвёртый год его учёбы, и Гарри уже считал дни, мечтая поскорее оказаться в дорогом ему замке. До начала занятий осталось всего две недели. Гарри обвёл глазами комнату. Его взгляд упал на поздравительные открытки, которые прислали в июле к его дню рождения двое его лучших друзей. Как бы они отреагировали, если бы он написал им о шраме? Тотчас же у него в ушах послышался голос Гермионы Грэйнджер, в котором звучала паника:

«У тебя болит шрам? Гарри, это очень серьёзно… Напиши профессору Дамблдору! А я пойду

полистаю «Распространённые Волшебные Недуги и Болезни». Может, я что-нибудь там найду о шрамах, нанесённых проклятьями…»

Да, конечно же, Гермиона предложила бы идти прямо к директору Хогвартса, и между тем, покопаться в учебниках. Гарри взглянул в окно на лоскут чернильно-синего неба. Он очень сомневался в том, что учебник мог чем-нибудь помочь ему в данной ситуации. Насколько он знал, он был единственным в мире человеком, не погибшим от того проклятия, что наложил Волдеморт. Так что его симптомы вряд ли были описаны в «Распространённых Волшебных Недугах и Болезнях». Что касается Дамблдора, Гарри не знал, куда уезжает директор школы на летние каникулы. Он позабавился, на мгновение представив Дамблдора с его длинной бородой серебристого цвета, в широких одеждах волшебника и остроконечной шляпе, растянувшегося где-нибудь на пляже и деловито намазывающего лосьон для загара на длинный крючковатый нос. Но где бы ни был Дамблдор, Хедвига найдёт его. Хедвига ни разу не подвела Гарри в доставке писем по назначению, даже если Гарри не знал адреса получателя. Но что он мог написать Дамблдору?

«Уважаемый профессор Дамблдор!

Извините, что я Вас побеспокоил, но у меня сегодня утром заболел шрам.

С уважением, Гарри Поттер»

Гарри не надо было писать этих слов, чтобы понять, как глупо они звучат.

Тогда он попытался представить, что сказал бы на это его друг Рон Уизли. Перед его глазами предстало удивлённое веснушчатое и длинноносое лицо Рона:

«У тебя шрам болит? Но… но не может же Сам-Знаешь-Кто быть рядом с тобой. В смысле, если бы он был, ты бы знал? Он же ведь опять попытался бы прикончить тебя, верно? Не знаю, Гарри, может шрамы от проклятий всегда немного побаливают? Я спрошу у папы…»

Мистер Уизли был опытным магом и работал в Офисе Неправильного Использования Артефактов Магглов Министерства Магии, но, насколько знал Гарри, он не был экспертом по проклятиям. Да и вообще, Гарри не хотелось, чтобы всё семейство Уизли узнало, что он, Гарри, всполошился из-за какой-то пустяковой боли. Миссис Уизли забеспокоилась бы ещё больше, чем Гермиона, а братья Рона, шестнадцатилетние близнецы Фред и Джордж, подумали бы, что Гарри просто струсил. Семью Уизли Гарри любил больше всех

на свете. Он так надеялся, что в ближайшие дни они пригласят его погостить (Рон написал ему что-то о предстоящем Чемпионате Мира по Квиддитчу) и не хотел, чтобы его всё время терзали вопросами, болит ли его шрам.

Гарри потёр лоб. Он бы просто хотел (но даже себе самому стеснялся в этом признаться), чтобы у него был кто-нибудь взрослый, родной волшебник, к которому можно было обратиться за советом и не чувствовать себя идиотом. Такой волшебник, которому он, Гарри, не был бы безразличен, и кто бы знал что-нибудь о Тёмной Магии.

И вдруг его осенило! Всё гениальное просто — как он мог забыть о нём! Сириус! Гарри вскочил с постели и бегом кинулся к письменному столу. Схватив кусочек пергамента и, окунув орлиное перо в чернила, он написал: — Дорогой Сириус! — Гарри на минутку задумался о том, как получше объяснить Сириусу, что произошло. Надо же, как же он сразу не подумал о Сириусе, но, с другой стороны, нечему было удивляться, ведь он узнал о том, что Сириус — его крёстный всего лишь два месяца назад. Сириус вошёл в жизнь Гарри совсем недавно потому, что много лет назад его заключили в страшную тюрьму волшебников,

под названием Азкабан, за преступление, которого он не совершал. Надзирателями в Азкабане служили жуткие существа, которые назывались Дементорами. Безглазые и высасывающие душу дьявольские создания явились в Хогвартс в поисках Сириуса, которому удалось сбежать из Азкабана. Убийства, в которых обвинили Сириуса, на самом деле совершил сторонник Волдеморта по имени Червехвост, которого все считали погибшим. Гарри, Рон и Гермиона обнаружили, что Червехвост на самом деле жив и здоров, когда столкнулись с ним лицом к лицу в прошлом году, но никто, кроме профессора Дамблдора, не поверил им.

В течение одного целого прекрасного, чудесного, изумительного часа Гарри думал, что ему уже никогда не придётся возвращаться к Дёрсли, потому что Сириус предложил Гарри поселиться с ним, как только он вернет себе честное имя. Но прекрасная мечта ускользнула от него вместе со сбежавшим Червехвостом, которого они собирались доставить в Министерство Магии, и Сириусу пришлось спасаться бегством. Гарри помог ему ускользнуть верхом на гиппогрифе по имени Конклюв, и с тех пор Сириус где-то скрывался. Мысль о доме, которого его лишил сбежавший

Червехвост, всё лето преследовала Гарри. Возвращение в семейство Дёрсли оказалось для него вдвойне тяжёлым, ведь он почти что избавился от них навсегда.

Но даже издалека Сириус смог оказать Гарри кое-какую помощь. Благодаря Сириусу ему разрешили держать в комнате школьные вещи. До Сириуса такой роскоши Гарри не позволялось. Раньше, во время летних каникул, Дёрсли запирали его чемодан в чулане под лестницей, чтобы насолить ему, а также из страха перед его магическими силами. Но, после того как Гарри известил их, что его крестный отец — опасный преступник, их отношение к Гарри резко изменилось. Конечно, он «позабыл» сообщить им, что Сириус не совершал убийств, в которых его обвиняли.

С тех пор, как Гарри прибыл из школы на каникулы к Дёрсли, он получил от Сириуса два письма. Оба письма принесли не совы (как было принято у волшебников), а большие разноцветные тропические птицы. Хедвига неодобрительно косилась на этих вторженцев с кричащим оперением; она с большой неохотой позволила им напиться воды из своего блюдца перед отлётом назад. Гарри же они понравились. Он невольно представил себе белый песок и пальмы… Он надеялся, что

Сириусу, где бы он ни был (о чём Сириус никогда не упоминал на тот случай, если письма перехватят), было хорошо. Гарри не представлял себе, чтобы Дементоры могли долго продержаться под ярким солнечным светом, может именно поэтому Сириус уехал на юг. По письмам (которые Гарри спрятал под отщеплённую от пола половицу под кроватью) можно было полагать, что Сириус пребывает в хорошем расположении духа. В обоих письмах он напоминал Гарри обязательно обратиться к нему за помощью, если таковая потребуется. И сейчас Гарри действительно нужна была помощь…

Казалось, свет настольной лампы тускнел, уступая холодному серому рассвету, медленно просачивающемуся в спальню. Когда взошло солнце, и стены комнаты озарились золотыми лучами, когда зашевелились в своей спальне тётя Петуния и дядя Вернон, Гарри бросил в мусор горстку скомканных листков пергамента и перечитал законченное письмо:

«Дорогой Сириус!

Спасибо тебе за твоё письмо. Птица была такой огромной, что еле-еле протиснулась в моё окно.

У меня всё без перемен. Диета на Дадли почти не сказывается. Вчера тётя поймала его с пон-

чиками, которые он пытался пронести в свою комнату. Ему пригрозили, что не будут давать карманных денег, если ещё раз поймают его с поличным. Он разозлился и швырнул в окно свой PlayStation. Это такая штука, типа компьютера, на которой играют в электронные игры. Глупо, вообще-то. Теперь он даже не может поиграть в «Мега-Расчленение Часть Третья», чтобы отвлечься от своих проблем.

Меня не трогают, главным образом потому, что Дёрсли боятся, что, если я попрошу тебя, ты появишься и превратишь их в летучих мышей.

Хотя сегодня с утра случилась странная вещь. У меня опять заболел шрам. В прошлый раз он болел, когда Волдеморт был в Хогвартсе. Но я не думаю, что он может быть где-нибудь поблизости. Ты случайно не знаешь, болят ли иногда шрамы от проклятий спустя много лет?

Я пошлю письмо с Хедвигой, когда она вернётся с охоты. Передай от меня привет Конклюву.

Гарри»

Да, подумал, Гарри, вроде ничего. Ни к чему рассказывать ему об этом сне. Пусть не думает, что меня это очень волнует.

Он свернул пергамент и положил его на письменный стол, чтобы отправить письмо с Хедви-

гой, как только она вернётся. Потом он поднялся со стула, потянулся, снова открыл шкаф и, не взглянув на себя в зеркало, начал одеваться к завтраку.

03. Приглашение

Когда Гарри появился на кухне, семейство Дёрсли уже сидело за столом. Ни один из них не поднял глаз, когда он вошёл и уселся на стул. Большое красное лицо дяди Вернона загораживал утренний выпуск газеты «Дэйли Мэйл», а тётя Петуния, поджав губы, разрезала грейпфрут на четыре части.

Дадли сидел злой и надутый, и, казалось, сегодня он занимал даже больше места, чем обычно. Это было трудно представить, так как он всегда занимал целую сторону квадратного кухонного стола. Когда тётя Петуния положила на тарелку Дадли четвертинку грейпфрута без сахара, проговорив дрожащим голосом: «Приятного аппетита, Дадлюшенька», Дадли одарил её злобным взглядом. Его жизнь значительно ухудшилась после того, как он приехал домой на летние каникулы и преподнёс родителям свой годовой табель.

Дядя Вернон и тётя Петуния, как обычно, умудрились найти оправдание плохим отметкам Дадли. Тётя Петуния как всегда настаивала, что Дадли необыкновенно талантливый ребёнок, но

учителя его не оценили, а дядя Вернон утверждал, что «всё равно не хотел иметь в сыновьях зубрилу и хлюпика». Они таким же образом прошлись по жалобам о том, что Дадли задирает других детей. — «Да, он любит иногда пошалить, но ведь он же и мухи не обидит!» — слезливо провозгласила тётя Петуния.

Однако в самом конце табеля школьная медсестра написала несколько осторожных слов, которые даже дядя Вернон и тётя Петуния не могли проигнорировать. И сколько бы тётя Петуния ни выла о том, что у Дадли широкая кость, что его килограммы были не чем иным, как «детской пухлостью» и, что растущему мальчику необходимо хорошо питаться, факт оставался фактом: магазины, торгующие школьной формой, не продавали бриджей его размера. Глаза школьной медсестры заметили то, что отказывались видеть проницательные глазки тёти Петунии (немедленно замечающие отпечатки пальцев на блистающих чистотой стенах её дома, и всё происходящие за соседскими изгородями): Дадли не только не нуждался в усиленном питании, а, напротив, — по весу и ширине он достиг размеров молодого кита.

Итак, после криков и рыданий, после ссор, от

которых сотрясались стены в комнате Гарри, после потоков слёз, пролитых тётей Петунией, начался новый режим. Листок с диетой, предписанной медсестрой Смелтингс, повесили на холодильник, из которого выбросили всю любимую еду Дадли (газированные напитки и пирожные, шоколадные батончики и котлеты) и наполнили фруктами, овощами и прочими продуктами, которые дядя Вернон именовал не иначе, как «кормом для кроликов». Чтобы Дадли не чувствовал себя одиноко, тётя Петуния посадила на диету всю семью. И сейчас она положила перед Гарри четвертушку грейпфрута несколько более миниатюрную, чем четвертушка Дадли. Тётя Петуния решила морально подбодрить Дадли, давая ему большую, чем Гарри порцию.

Но тётя Петуния не знала, что спрятано наверху в комнате Гарри под расшатанной половицей. Она не ведала, что Гарри не сидит на семейной диете. Как только он понял, что ему придётся всё лето просуществовать на морковке, он тут же послал Хедвигу друзьям с мольбой о помощи, и они его не подвели. От Гермионы Хедвига вернулась с большой коробкой, битком набитой всякой всячиной, хоть и без сахара (родители Гермионы были дантистами). Хагрид, егерь Хогвартса,

немедленно прислал булочки собственного изготовления (которые Гарри не тронул, так как уже не раз испытал на своих зубах выпечку Хагрида). Миссис Уизли прислала семейного филина Эррола, нагруженного огромных размеров фруктовым кексом и ассортиментом пирожных. Бедный старый и немощный Эррол пять дней отходил от своего путешествия. А потом, ко дню рождения (о котором никто в семье Дёрсли даже не вспомнил), он получил четыре замечательных пирога от Рона, Гермионы, Хагрида и Сириуса. У него осталось ещё два, и в предвкушении настоящего завтрака он спокойно съел грейпфрут.

Дядя Вернон отложил газету, неодобрительно фыркнул и взглянул на тарелку, где лежала четвертинка грейпфрута.

— Это всё? — недовольно поинтересовался он у тёти Петунии.

Тётя Петуния сурово взглянула на него и кивнула в сторону Дадли, который уже покончил со своим грейпфрутом и с кислой миной пожирал своими поросячьими глазками кусочек Гарри.

Дядя Вернон тяжело вздохнул, раздувая густые усы, и взялся за ложку.

В дверь позвонили. Дядя Вернон тяжело поднялся и направился в коридор. Со скоростью

молнии (воспользовавшись тем, что мать отвернулась поставить чайник) Дадли стащил остатки отцовского грейпфрута.

Из прихожей донёсся звук незнакомого голоса, смех и грубый ответ дяди Вернона. Входная дверь захлопнулась, и из коридора донёсся звук рвущейся бумаги.

Тётя Петуния поставила чайник на стол и обернулась посмотреть, куда делся дядя Вернон. Ей не пришлось долго ждать. Не прошло и минуты, как дядя Вернон ворвался на кухню с искажённым от ярости лицом.

— Ты, — рявкнул он, взглянув на Гарри. — В гостиную. Сейчас же.

В полной растерянности, не понимая, в чём он провинился на этот раз, Гарри поднялся и пошёл за дядей Верноном в гостиную. Дядя Вернон захлопнул за ним дверь.

— Ну, — сказал он, шагая к камину и повернув к Гарри лицо с таким видом, как будто собирался посадить его под арест, — ну?

Слова: «Что ну?» — вертелись у Гарри на языке, но он решил промолчать и не испытывать с утра пораньше терпение дяди Вернона, уже подорванное недоеданием. Поэтому он ограничился тем, что изобразил на лице выражение вежливого

изумления.

— Вот, полюбуйся, только что прибыло, — произнёс дядя Вернон. Он размахивал листком фиолетовой бумаги у Гарри перед носом. — Письмо! О тебе!

Гарри ничего не понимал. Кто мог написать о нём дяде Вернону? Он не знал никого, кто мог бы послать письмо обычной почтой.

Дядя Вернон кинул злобный взгляд на Гарри и принялся читать письмо вслух.

«Уважаемые мистер и миссис Дёрсли!

Хотя нам ещё не представилась возможность лично познакомиться с вами, я не сомневаюсь, что Гарри много рассказывал вам о моём сыне Роне.

Возможно, Гарри сообщил вам, что финальный матч Чемпионата Мира по Квиддитчу состоится вечером в следующий понедельник. Моему мужу Артуру удалось достать отличные билеты через знакомых в Отделе Волшебных Игр и Спортивных Состязаний.

Я очень надеюсь, что вы позволите нам взять Гарри на этот матч. Это, без сомнения, единственный в жизни шанс. Кубок не разыгрывался в Великобритании уже тридцать лет. Билеты на него чрезвычайно трудно достать. И, разумеется,

мы будем очень рады, если вы позволите Гарри погостить у нас до конца каникул. Мы доставим его на школьный поезд в целости и сохранности.

Будет лучше всего, если Гарри пошлёт ваш ответ как можно скорее и обычным путём, поскольку маггловский почтальон никогда не разносил почту в наш дом. Я не уверена, что он вообще знает, где мы живём.

Мы надеемся, что скоро увидим Гарри,

Ваша, Молли Уизли.

P.S. Я надеюсь, что наклеила достаточно марок»

Дочитав письмо, дядя Вернон засунул руку в карман и вытащил из него конверт.

— Полюбуйся, — прорычал он.

Он поднял конверт, в котором прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри едва не расхохотался. Весь конверт, целиком, был заклеен марками, за исключением кусочка, размером в квадратный дюйм, куда миссис Уизли малюсенькими буквами втиснула адрес Дёрсли.

— Похоже, что она всё-таки наклеила достаточно марок, — заметил Гарри, с таким видом, как будто в оплошности миссис Уизли не было ничего из ряда вон выходящего. Глаза дядюшки злобно засверкали.

— Почтальон тоже это заметил, — сказал он, скрежеща зубами, — очень интересовался, откуда прибыло письмо, да, да. Поэтому и позвонил в дверь. Счёл это забавным.

Гарри не ответил. Другой на его месте не понял бы, почему дядя Вернон бушует из-за конверта, заклеенного марками, но Гарри жил в доме Дёрсли достаточно долго и знал, насколько близко они принимают к сердцу любые, из ряда вон выходящие вещи. Больше всего на свете они боялись, что кто-нибудь узнает, что они каким-то образом имеют что-то общее (какое бы то ни было отдалённое) с людьми, подобными миссис Уизли.

Дядя Вернон не сводил с Гарри злобного взгляда. Гарри же старался, как мог, сохранять невозмутимый вид. Если он не сделает глупости, или не скажет ерунды, ему удастся попасть туда, куда ему хотелось попасть больше всего на свете. И потому он сидел и ждал, когда дядя Вернон заговорит, но тот молчал и злобно глядел на него. Наконец Гарри решился открыть рот.

— Так… мне можно будет поехать? — спросил он.

Большое красное лицо дяди Вернона судорожно дёрнулось, усы ощетинились. Гарри показалось, что он видит, как в дядиной голове кипит ярост-

ная борьба между двумя древними инстинктами: если он разрешит Гарри поехать, то Гарри будет счастлив. А этого дядя Вернон пытался не допустить все тринадцать лет жизни Гарри. С другой стороны, если он разрешит Гарри убраться к Уизли, то это на две недели сократит пребывание Гарри у них дома — а об этом можно было только мечтать, ведь дядя Вернон его на дух не переносил. Надо было хорошенько подумать, и, чтобы протянуть время, он снова взглянул на письмо миссис Уизли.

— Кто она — эта женщина? — спросил он, с неприязнью разглядывая её подпись.

— Вы видели её, — сказал Гарри, — она — мать моего друга Рона. Она его встречала с Хог..., со школьного поезда в конце прошлого года.

Он чуть не сказал «Хогвартс-Экспресс», что уж точно бы вывело дядюшку из себя. Никто в семье Дёрсли никогда не произносил вслух названия школы, в которой учился Гарри.

Огромное лицо дяди Вернона исказилось, изображая попытку вспомнить что-то крайне неприятное.

— Толстая коротышка? — в конце концов прорычал он. — С кучей рыжих детей?

Гарри насупился. Довольно странно слышать,

как дядя Вернон называет кого-то «толстой коротышкой», когда его собственный сын Дадли достиг того, к чему он упорно продвигался с трёхлетнего возраста, а именно, наконец-таки раздался вширь основательнее, чем ввысь.

Дядя Вернон продолжал изучать письмо.

— Квиддитч, — пробурчал он. — Квиддит… что это за чушь такая?

Гарри опять почувствовал прилив ярости.

— Это такой вид спорта, — сказал он быстро, — в который играют на мётлах…

— Ладно, ладно! — громко заявил дядя Вернон. Гарри с радостью заметил, что дядей овладела лёгкая паника. Он явно не мог вынести того, что в его гостиной произнесли слово «мётлы». Он попытался найти убежище в тщательном изучении письма. Гарри увидел, как его губы шевельнулись, произнося: «пошли обычным путём…».

— Что она имеет в виду под обычным путём? — спросил дядя Вернон, брызгая слюной.

— Обычным для нас, — сказал Гарри и, так дядя не остановил его, продолжил. — Ну, знаете, совой. Это — обычная почта волшебников.

Лицо дяди Вернона изобразило такое негодование, как будто Гарри только что грязно выругался. Затрясшись от гнева, он бросил нервный взгляд

в окно, как будто ожидал увидеть там соседей, прижавших уши к окнам гостиной.

— Сколько раз я тебе говорил не упоминать об этой неестественности в моём доме! — прошипел он. Лицо его залилось багрянцем. — Как ты смеешь стоять передо мною в одежде, которой Петуния и я одарили твою неблагодарную особу…

— После того как она стала мала Дадли, — закончил за него Гарри. И правда, на нём была футболка с такими длиннющими рукавами, что ему пришлось подвернуть их пять раз, чтобы добраться до пальцев. Футболка, свисавшая ниже колен, колыхалась над необъятными джинсами.

— Не смей так со мной разговаривать! — вскричал дядя Вернон, дрожа от злости.

Но минули те дни, когда Гарри подчинялся дурацким правилам Дёрсли. Он не намерен был больше терпеть от них обиды. Он нашёл способ избежать семейной диеты, и он приложит все силы, чтобы дядя Вернон отпустил его на Чемпионат Мира по Квиддитчу.

Гарри глубоко вздохнул, чтобы не дрожал голос, и сказал: — Ну что ж, мне нельзя ехать на Чемпионат. Можно тогда я пойду к себе? Я ещё не дописал письмо крёстному.

Дело сделано. Он произнёс волшебное слово.

Красные пятна медленно сползали с лица дядюшки, придавая ему вид плохо перемешанного черносмородинового мороженного.

— Ты… ты с ним переписываешься? — произнёс дядя Вернон притворно-спокойным голосом, но Гарри заметил, как зрачки его малюсеньких глазок сузились от страха.

— Ага, — небрежно бросил Гарри. — Я уже давно не писал ему, а он, вы знаете, беспокоится, всё ли со мной в порядке, если долго не получает от меня писем.

Он остановился, чтобы насладиться эффектом своих слов. Он практически видел винтики, крутящиеся под густыми, аккуратно разделёнными на пробор, волосами дяди Вернона. Если он не позволит Гарри писать Сириусу, Сириус подумает, что с Гарри плохо обращаются. Если он не позволит Гарри поехать на Чемпионат Мира по Квиддитчу, Гарри пожалуется Сириусу и тот узнает, что с Гарри плохо обращаются. У дядюшки не оставалось выхода. Гарри ясно видел (как будто усатое лицо было прозрачным), как решение созревало в мозгу дяди Вернона. Гарри пытался сдержать улыбку и сохранить невозмутимый вид, и вот…

— Ну ладно, я разрешаю тебе поехать на этот

чёртов… этот дурацкий… эту штуку — Чемпионат Мира. Пойди и напиши этим — этим Уизли, чтобы приехали и забрали тебя. У меня нет времени развозить тебя по всей стране. И можешь остаться у них до конца каникул. И можешь сказать своему… своему крёстному… скажи ему… скажи ему, что ты едешь.

— Хорошо, — просветлел Гарри.

Он встал и направился к двери, борясь с желанием высоко подпрыгнуть и завопить от счастья. Он ехал… он ехал к Уизли! Он ехал на Чемпионат Мира по Квиддитчу!

В коридоре он споткнулся о Дадли, затаившимся за дверью в ожидании расправы над Гарри. И вместо этого он увидел сияющее лицо Гарри.

— Отличный завтрак, а? — заметил Гарри. — Я просто до отвала наелся, а ты?

Расхохотавшись при виде ошеломлённого лица Дадли, Гарри полетел наверх, перепрыгивая сразу через три ступеньки, и вихрем ворвался в свою комнату. Он сразу же увидел, что Хедвига вернулась. Она сидела в клетке, уставившись на Гарри своими огромными янтарного цвета глазами, и щёлкала клювом с таким видом, как будто что-то её раздражало. То, что раздражало её, стало очевидно почти сразу же.

— ОЙ! — вскрикнул Гарри.

Что-то, похожее на маленький, серый, покрытый перьями теннисный мячик стукнуло Гарри по голове. Гарри, растирая ушибленное место, вертел головой, чтобы найти ударивший его предмет, и наконец увидел крохотного совёнка — такого маленького, что он мог бы поместиться у Гарри в ладошке. Малыш возбуждённо носился по комнате, как только что выпущенный фейерверк. Внезапно Гарри увидел, что у него в ногах лежит письмо. Гарри нагнулся и, узнав почерк Рона, немедленно разорвал конверт. В конверте лежала записка, настроченная быстрыми каракулями.

«Гарри!

ОТЕЦ ДОСТАЛ БИЛЕТЫ! Ирландия против Болгарии, в понедельник вечером. Мама написала магглам и попросила, чтобы тебя отпустили к нам. Может быть, они уже получили её письмо. Я не знаю, насколько быстро работает почта магглов. Но всё-таки посылаю письмо с Пигом»

Гарри уставился на слово «Пиг», которое означало «свинья», а потом на крошечного совёнка, жужжащего вокруг абажура на потолке. Никогда ему не встречалось ничто менее похожее на свинью! Может быть, он просто не разобрал

каракулей Рона? Он снова принялся за чтение.

«Мы приедем забрать тебя, разрешат тебе ехать или нет. Как можно пропустить Чемпионат Мира! Только ма и па считают, что для начала лучше прикинуться, что мы просим у них разрешения. Если они разрешат, быстренько пошли мне письмо с Пигом, и мы приедем и заберём тебя в воскресенье ровно в пять часов. Если тебе не разрешат — быстренько пошли письмо с Пигом, и мы всё равно приедем и заберём тебя в воскресенье ровно в пять часов.

Гермиона приезжает сегодня после полудня. Перси начал работать в Отделе Международного Сотрудничества Волшебников. Если ты не хочешь, чтобы он заговорил тебя до смерти, даже не упоминай слова «заграница», когда будешь у нас.

Скоро увидимся,

Рон»

— Успокойся! — сказал Гарри совёнку, который порхал у него над головой, наполняя комнату ошалелым щебетанием, которое, решил Гарри, выражало гордость за доставленную по назначению почту.

— Иди сюда, мне нужно отправить письмо!

Совёнок порхал, спускаясь на клетку Хедвиги.

Хедвига одарила его ледяным взглядом, как бы говоря: — А ну-ка посмей подлететь поближе!

Гарри снова взялся за орлиное перо и написал на чистом кусочке пергамента:

«Рон, всё в порядке, магглы отпускают меня. Жду вас завтра в пять. Не могу дождаться!

Гарри»

Он сложил записку в маленький комочек и с большим трудом привязал её к ножкам малютки-совы, которая подпрыгивала на месте от возбуждения. Как только записка была крепко привязана, совёнок пулей вылетел в окно и скрылся из виду.

Гарри обратился к Хедвиге: — Думаешь, ты можешь слетать для меня в дальние края?

Хедвига ухнула с чувством собственного достоинства.

— Ты можешь отнести Сириусу моё письмо? — спросил он, поднимая письмо со стола, — не сейчас, подожди минуточку, я только допишу его.

Он развернул пергамент и написал:

«P.S. Если ты захочешь мне написать, я буду у Рона Уизли до конца каникул. Его отец достал билеты на Чемпионат Мира по Квиддитчу!»

Дописав последние строчки, он привязал пись-

мо к лапе Хедвиги, которая стояла, не шевелясь, как бы стараясь продемонстрировать, как должна себя вести хорошо воспитанная почтовая сова.

— Я буду у Рона, когда ты вернёшься, хорошо? — сказал он ей.

Хедвига нежно клюнула его в палец, с шумом расправила огромные крылья и вылетела в открытое окно.

Гарри следил за ней до тех пор, пока она не скрылась за горизонтом, потом залез под кровать, выдернул отошедшую половицу и вытащил из-под неё огромный кусок пирога, полученного ко дню рождения. Он уселся прямо на пол, глотая куски пирога и упиваясь переполнявшей его радостью. Он ел пирог, а у Дадли был только грейпфрут, на улице стоял солнечный летний день, завтра он покидает Привит Драйв, шрам чувствовал себя прекрасно, и он собирался на матч Чемпионата Мира по Квиддитчу. В такой момент было просто невозможно о чём-то беспокоиться, даже если этим что-то был Лорд Волдеморт.

04. Возвращение в Нору

К полудню следующего дня Гарри уложил в чемодан все свои школьные вещи и самые ценные реликвии — Плащ-Невидимку, который унаследовал от отца, метлу, подаренную Сириусом, и волшебную карту Хогвартса, которую в прошлом году дали ему Фред и Джордж Уизли. Он выгреб продукты из тайника под отошедшей половицей, проверил и перепроверил все закоулки своей спальни в поисках позабытых учебников или перьев и снял со стены календарь, на котором отмечал дни, оставшиеся до первого сентября.

Атмосфера в доме номер четыре по Привит Драйв была накалена до предела. Надвигающееся прибытие в их дом толпы разнообразных волшебников привело семью Дёрсли в крайне нервозное состояние. Лицо дяди Вернона перекосило, когда Гарри сообщил ему, что Уизли приезжают завтра в пять.

— Я надеюсь, ты сказал им, этим людям, чтобы они прилично оделись, — прорычал он. — Я видел, во что одевается твой народец. Надеюсь, что у них хватит порядочности одеться в нормальную

одежду, так-то.

Гарри забеспокоился. Он едва ли когда-нибудь видел мистера и миссис Уизли в одежде, которую Дёрсли сочли бы «нормальной». Их дети иногда надевали магловскую одежду во время каникул, но мистер и миссис Уизли обычно носили длинные мантии, отличающиеся друг от друга только степенью изношенности. Реакция соседей не волновала Гарри, но он боялся, что Дёрсли могут быть грубы с Уизли, если те оправдают их худшие ожидания по поводу волшебников.

Дядя Вернон надел свой лучший костюм. Другой мог бы счесть это знаком доброжелательности, но Гарри знал, что дядя Вернон хотел произвести на прибывших впечатление важного человека, которого стоило побаиваться. Дадли, наоборот, казалось, усох. И не потому, что диета наконец-то отразилась на нём, а исключительно из страха. Предыдущая встреча со взрослым волшебником сделала его несчастным обладателем закрученного поросячьего хвостика, выглядывающего сзади из штанов. Дяде Вернону и тёте Петунии пришлось заплатить за ампутацию этого отростка в частной лондонской клинике. Поэтому, неудивительно, что Дадли периодически проводил сзади рукой, проверяя сохранность филейной части, и

передвигался из комнаты в комнату бочком, чтобы не предоставить врагу той же самой мишени.

Обед прошёл в молчании. Дадли слопал всё, даже не пикнув (на обед подавался творог и перетёртый сельдерей). Тётя Петуния вообще не ела. Она скрестила руки на груди и поджала губы. Казалось, она едва сдерживается, чтобы не наброситься на Гарри.

— Они, конечно же, приедут на машине? — рявкнул дядя Вернон со своего края стола.

— Эээ, — только и сказал Гарри.

Про это он и не подумал. Как же Уизли собираются его забирать? У них больше не было машины. Их старенький Форд Англия гулял сейчас на свободе где-то в Запретном Лесу Хогвартса. В прошлом году мистер Уизли одолжил машину в министерстве Магии. Может быть, сегодня он сделает так же?

— Наверно, — сказал наконец Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. В обычной ситуации он бы поинтересовался, на машине какой марки ездит мистер Уизли: он судил о людях по размеру и стоимости их машин. Но Гарри сильно сомневался, что дядя Вернон проникся бы уважением к мистеру Уизли, даже если бы тот прикатил на Феррари.

После обеда Гарри ушёл в свою комнату. Ему действовало на нервы, что тётя Петуния каждые несколько секунд выглядывала на улицу через тюлевые занавески, как будто только что объявили, что из зоопарка сбежал носорог, и она надеялась лицезреть его у себя под окном. Наконец, без четверти пять Гарри спустился назад в гостиную.

Тётя Петуния нервно оправляла подушки дивана. Дядя Вернон прикидывался, что читает газету, но его маленькие глазки не двигались, и Гарри был уверен, что он изо всех сил прислушивается, не едет ли машина. Дадли втиснулся в кресло, засунув свои жирные руки под себя и крепко сжимая ими задницу. Гарри не выдержал напряжения, царившего в комнате, вышел в прихожую и сел на ступени, не спуская глаз с циферблата часов. Сердце колотилось от возбуждения.

Наконец стрелки часов подошли к пяти и… продолжили движение. Дядя Вернон, слегка взопревший в своём парадном костюме, открыл входную дверь, высунулся наружу, чтобы получше осмотреть улицу, и, ничего не увидев, быстро втянул голову назад.

— Опаздывают, — прорычал он.

— Да, — согласился Гарри, — может, в пробке

застряли, или ещё что-нибудь.

Десять минут шестого… четверть шестого… Теперь даже Гарри начал нервничать. В половине шестого он услышал приглушённые голоса тёти Петунии и дяди Вернона из гостиной.

— Совершенно не считаются с нами.

— А что, если у нас были бы какие-то планы?

— Может, они надеются, что их пригласят к ужину, если они приедут достаточно поздно.

— Естественно, не пригласят, — отрезал дядя Вернон, и Гарри услышал, как он встал и начал ходить взад и вперёд по комнате, — заберут мальчишку и пусть проваливают. Долго они здесь не задержатся. То есть, если они вообще приедут. Наверно, перепутали день — вот что я думаю. Этот народ не отличается пунктуальностью. Или они едут на каком-то драндулете, который сломался по дороге сюд…А-А-А-А-А-А-А!

Гарри подскочил. Со стороны гостиной послышался топот Дёрсли, в панике мечущихся по комнате. Минута — и Дадли с выражением ужаса на лице пулей вылетел в прихожую.

— Что случилось? — спросил Гарри, — что происходит?

Но Дадли был не в состоянии что-либо ответить. Не отнимая рук от задницы, он трусцой пронёсся

на кухню. Гарри кинулся в гостиную. Из забитого досками камина, перед которым красовались искусственные угли, горящие электрическим пламенем, доносились грохот и царапанье.

— Что это? — охнула тётя Петуния, прижавшись спиной к стене и с ужасом уставившись на пламя. — Что это, Вернон?

Не прошло и минуты, как всё прояснилось. Из-за забитого досками камина доносились голоса.

— Ох, Фред, нет, возвращайся назад, произошла какая-то ошибка. Возвращайся назад и скажи Джорджу, чтобы не… ой! Джордж, тут нет места, возвращайся и скажи Рону…

— Пап, может Гарри услышит нас и выпустит?

Из камина раздался громкий стук кулаков по доскам за электрическим пламенем.

— Гарри, Гарри, ты нас слышишь?

Чета Дёрсли обрушились на Гарри, как пара злых росомах.

— Что это? — прорычал дядя Вернон, — что происходит?

— Они пытались добраться сюда с помощью Каминного Порошка, — сказал Гарри, борясь с безумным желанием расхохотаться. — Они умеют путешествовать через огонь, только вы забили камин… одну минуту…

Он подошёл к камину и позвал сквозь доски:

— Мистер Уизли, вы меня слышите?

Стук прекратился. Кто-то в камине сказал: — Тише…

— Мистер Уизли, это Гарри, камин забит, поэтому вам и не выбраться оттуда.

— Чёрт! — проговорил голос мистера Уизли. — Зачем же они забили камин?

— У них электрический огонь, — объяснил Гарри.

— Да что ты! — радостно воскликнул голос мистера Уизли, — эклектический, говоришь? С вилкой? С ума сойти! Я должен на это посмотреть! Дай-ка мне подумать… ой… Рон…

Раздался голос Рона:

— Почему мы здесь? Что-то не сработало?

— Нет-нет, Рон, — произнёс насмешливый голос Фреда, — мы именно здесь и хотели очутиться.

— Ага, нам тут так здорово — подтвердил Джордж приглушённо; казалось, его придавили к стене.

— Ребята, ребята, — промычал мистер Уизли, — я пытаюсь придумать, что сделать… Да… другого выхода нет… Гарри, отойди-ка от камина.

Гарри отошёл подальше к дивану, а дядя Вернон, напротив, придвинулся к камину.

— Минуточку! — взревел он, — а что это вы собираетесь делать?

БАХ!

Доски с камина разлетелись вдребезги, отбросив электрическое пламя к противоположной стене. Из камина вывалились мистер Уизли, Фред, Джордж и Рон в облаке обломков и щебня. Тётя Петуния, пронзительно вскрикнув, кувыркнулась через журнальный столик, но не успела долететь до пола, потому что была ловко подхвачена дядей Верноном. Он, разинув рот, уставился на Уизли, каждый из которых имел ярко-рыжую шевелюру, включая Фреда и Джорджа, которые вообще были совершенно одинаковыми, вплоть до последней веснушки.

— Ну, слава Богу, — тяжело дыша, сказал мистер Уизли, счищая золу с длинного зелёного одеяния и поправляя на носу очки, — а вы, должно быть, дядюшка и тётушка Гарри!

Долговязый худой и лысеющий мистер Уизли протянул дяде Вернону руку и сделал несколько шагов в его направлении, но тот отступил назад, таща за собой тётю Петунию. Казалось, он лишился дара речи. Его лучший костюм был покрыт слоем золы. Осевший на волосах и усах пепел придал ему вид человека, внезапно постаревшего

лет на тридцать.

— А-а, я очень извиняюсь, — наклонив голову и бросая взгляд через плечо на разрушенный камин, проговорил мистер Уизли, — виноват. Мне просто не могло прийти в голову, что мы не сможем вылезти с этой стороны. Я присоединил ваш камин к Каминной Сети — всего на несколько часов, чтобы мы смогли забрать Гарри. Камины магглов не полагается связывать, вообще-то говоря, но у меня есть знакомый в Комиссии по Управлению Каминами, и он мне удружил. Я мигом починю, не волнуйтесь. Я разведу огонь, чтобы послать ребят назад, а сам дизаппарирую.

Гарри был готов отдать голову на отсечение, что Дёрсли не поняли ни слова из речи мистера Уизли. Они, как громом поражённые, всё ещё глазели на него, разинув рты. Пошатываясь, тётя Петуния встала на ноги и спряталась за спину дяди Вернона.

— Здравствуй, Гарри! — радостно поприветствовал мистер Уизли. — Ты собрал свой чемодан?

— Да, он наверху, — ответил сияющий Гарри.

— Мы пойдём и принесём его, — тут же вызвался Фред. Подмигнув по дороге Гарри, они с Джорджем вышли из комнаты. Они знали, где

находилась спальня Гарри, так как однажды посреди ночи вызволяли его оттуда. Гарри сильно подозревал, что они надеялись повстречать по дороге Дадли, о котором были весьма наслышаны.

— Ну что ж, — сказал мистер Уизли, слегка размахивая руками и пытаясь подобрать слова, чтобы нарушить повисшую тишину. — У вас тут… гм… у вас тут очень мило.

Поскольку обычно сверкающая чистотой гостиная была сейчас покрыта золой и обломками кирпича, это замечание не было встречено четой Дёрсли с особой теплотой. Лицо дяди Вернона опять побагровело, а тётя Петуния снова прикусила язык. Но, похоже, страх в них перевесил желание сказать что-нибудь резкое.

Мистер Уизли огляделся. Он обожал всё, что имело отношение к магглам. Гарри заметил, что у него просто руки чесались попробовать включить телевизор и видеомагнитофон.

— А они ведь работают на экелтричестве, да? — произнёс он с видом знатока. — Ах да, я вижу штепселя. Я собираю штепселя, — он повернулся к дяде Вернону, — и батарейки. У меня огромная коллекция батареек. Моя жена считает, что у меня не все дома, но что уж с ней поделаешь!

Дядя Вернон всем своим видом продемонстри-

ровал, что в этом он был совершенно согласен с миссис Уизли. Он осторожно подвинулся вправо, заслоняя собой тётю Петунию, как будто готовился отразить неожиданную атаку со стороны мистера Уизли.

Внезапно в комнате появился Дадли. Гарри услышал грохотание чемодана по ступенькам и понял, что этот шум спугнул Дадли из кухни. Дадли бочком пробрался по стенке, уставившись на мистера Уизли полными ужаса глазами. Он сделал попытку спрятаться за спиной мамы и папы, но, к сожалению, хоть дядя Вернон и был достаточно широк телом, чтобы прикрыть собой тощую тётю Петунию, его габаритов на Дадли не хватило.

— А, это — твой двоюродный брат, Гарри? — спросил мистер Уизли, вновь делая отчаянную попытку завязать разговор.

— Ага, — ответил Гарри, — это Дадли.

Он переглянулся с Роном и тут же отвел глаза в сторону — искушение расхохотаться было просто невыносимым. Дадли всё ещё крепко держался за задницу, словно опасаясь, что она отвалится. Мистер Уизли, однако, казалось, был искренне обеспокоен необычным поведением Дадли. И правда, по тону его голоса, когда он вновь заго-

ворил, Гарри понял, что мистер Уизли считает Дадли настолько же сумасшедшим, насколько его самого считали Дёрсли, с той лишь разницей, что он испытывал по отношению к Дадли сочувствие, а не страх.

— Хорошо проводишь каникулы? — мягко поинтересовался он.

Дадли что-то проскулил. Гарри заметил, что его руки ещё крепче прижались к массивному заду. Фред и Джордж вернулись в комнату, таща чемодан Гарри. Войдя, они осмотрелись и заметили Дадли. Их лица расплылись в совершенно одинаковых хулиганских усмешках.

— Ну что ж, — произнес мистер Уизли, — тогда — за работу.

Он закатал рукава и вытащил волшебную палочку. Гарри заметил, что все Дёрсли, как один, отпрянули к стене.

— Инсендио, — проговорил мистер Уизли, ткнув волшебной палочкой по направлению к дыре в стене за его спиной.

Языки пламени тотчас же взвились вверх, весело потрескивая, как будто они горели уже несколько часов. Мистер Уизли вытащил из-за пазухи небольшой мешочек, развязал его, взял горстку порошка и бросил в огонь. Пламя

вспыхнуло изумрудно-зелёным цветом и громко загудело.

— Ну, давай тогда, Фред, — сказал мистер Уизли.

— Иду, — откликнулся Фред, — ой, подождика…

Из кармана его брюк выпал пакет с конфетами. Конфеты разлетелись по всей комнате — толстые тянучки в ярких обертках. Фред на четвереньках пополз по комнате, распихивая конфеты по карманам. Закончив работу, он весело помахал Дёрсли и вошёл прямо в огонь, крикнув "Нора!". Тётя Петуния судорожно вздохнула. Раздался свист, и Фред исчез.

— Теперь ты, Джордж, — сказал мистер Уизли, — вместе с чемоданом.

Гарри помог Джорджу затащить в огонь чемодан и поставил его на бок, чтобы Джорджу легче было его держать. И снова, прокричав "Нора!", Джордж со свистом испарился.

— Теперь ты, Рон, — скомандовал мистер Уизли.

— До встречи, — сияя, сказал Рон семье Дёрсли. Он широко улыбнулся Гарри, вошёл в камин, крикнул "Нора!" и исчез.

Остались только Гарри и мистер Уизли.

— Ну что ж, тогда до свидания, — произнёс Гарри.

Ему не ответили. Гарри шагнул к огню, но мистер Уизли протянул руку и остановил его на самом пороге камина. Он смотрел на Дёрсли с нескрываемым удивлением.

— Гарри с вами попрощался, — сказал он, — вы что же, не слышали его?

— Неважно, — пробормотал Гарри, — честное слово, мне всё равно.

Но мистер Уизли крепко держал Гарри за плечо.

— Вы не увидите своего племянника до следующего лета, — укоризненно сказал он дяде Вернону, — разве вы не попрощаетесь с ним?

Лицо дяди Вернона исказилось от злости. Мысль о том, что его учит манерам человек, который только что разнёс вдребезги половину его гостиной, казалось, вызывала в нём невыносимое страдание. Но мистер Уизли всё ещё держал в руках волшебную палочку, и дядя Вернон, быстро взглянув на неё, негодующе выдавил из себя: — Ну что ж, до свидания.

— Да, до свидания, — ответил Гарри и ступил одной ногой в зелёный огонь, который лизнул его тёплым дыханием. Однако в этот момент позади

себя он услышал звуки ужасной рвоты, а тётя Петуния начала визжать.

Гарри круто развернулся. Дадли уже не прятался за спины родителей. Он стоял на коленях у журнального столика и давился, брызгая слюной на фиолетовую скользкую штуку длиной в целый фут, вываливающуюся у него изо рта. Минуту спустя ошеломлённый Гарри вдруг понял, что эта штука — не что иное, как язык Дадли. Цветная обёртка от тянучки лежала на полу рядом с ним. Тётя Петуния бросилась к своему чаду и, ухватившись за конец его разбухшего языка, сделала отчаянную попытку выдернуть его изо рта Дадли. Дадли, естественно, заорал громче и ещё пуще стал плеваться слюной, пытаясь отделаться от матери. Дядя Вернон завыл и замахал руками, а мистер Уизли повысил голос, пытаясь перекричать их всех.

— Не волнуйтесь, я всё исправлю! — громко говорил он, направляя на Дадли свою волшебную палочку, но тётя Петуния закричала страшным голосом и бросилась на Дадли, пытаясь заслонить его от мистера Уизли.

— Пожалуйста! — в отчаянии повторил мистер Уизли. — Это очень просто, это — тянучка, мой сын Фред… он просто пошутил… но это обык-

новенное Заклинание Увеличения, во всяком случае, я думаю, что это оно… Пожалуйста, позвольте мне всё поправить…

Но вместо того, чтобы успокоиться, Дёрсли впали в панику. Тётя Петуния истерически рыдала и тянула Дадли за язык, явно утвердившись в своём намерении вырвать его изо рта. Дадли уже задыхался из-за двух напастей — матери и языка, — а дядя Вернон, совершенно утративший самообладание, схватил фарфоровую статуэтку, стоящую на буфете, и со всей силы швырнул её в мистера Уизли, который едва успел пригнуться, благодаря чему полёт статуэтки бесславно закончился в разрушенном камине, где она и разбилась вдребезги.

— Да что ж вы так! — сердито проговорил мистер Уизли, взмахивая волшебной палочкой. — Я же пытаюсь вам помочь!

Взревев, словно раненый носорог, дядя Вернон схватил следующую статуэтку.

— Гарри, уходи, уходи сейчас же! — закричал мистер Уизли, направляя волшебную палочку на дядю Вернона, — я сам разберусь!

Гарри очень не хотелось пропускать предстоящую комедию, но вторая статуэтка, запущенная дядей Верноном, пролетела всего в паре санти-

метров от его левого уха и, в конечном итоге, Гарри решил, что лучше всего предоставить мистеру Уизли самому разбираться со сложившейся ситуацией. Он ступил в огонь и, крикнув "Нора!", бросил прощальный взгляд через плечо. Последнее, что он увидел, была третья статуэтка, выбитая из рук дяди Вернона волшебной палочкой мистера Уизли, тётя Петуния, пытающаяся прикрыть своим телом Дадли, и язык Дадли, извивающийся, словно огромный скользкий питон. А затем Гарри закружило со страшной скоростью, и гостиная Дёрсли исчезла в вихре изумрудных огоньков.

page_revision: 3, last_edited: 20 May 2009, 02:17 +0400 (150 days ago)

edittags history files print site tools+ options

help | terms of service | privacy | report a bug | flag as objectionable

Hosted by Wikidot.com — get your free wiki now!

Unless stated otherwise Content of this page is licensed under Creative Commons Attribution-ShareAlike 3.0 License

Other remarkable sites from Wikidot

My Day Book

Yaroslav Tenzer

Nre509
Ecology: Science of Context and Interaction

Garry Williams
Game programmer

05. Удивительные Уловки Уизли

Гарри вращался быстрее и быстрее, прижав локти к бокам, а размытые камины проплывали мимо него, пока к горлу не подкатила тошнота, и он не закрыл глаза. Наконец, почувствовав, что замедляется, он вовремя вытянул вперёд руки, чтобы удержать равновесие и не вывалиться вниз лицом из камина Уизли.

— Он её съел? — радостно спросил Фред, протягивая Гарри руку, чтобы тот не упал.

— Да, — сказал Гарри, выпрямляясь. — А что это?

— Ириска «Язык-в-ярд», — просиял Фред. — Наше с Джорджем изобретение, и мы всё лето искали подопытного кролика…

Маленькая кухня содрогнулась от хохота. Гарри обернулся и увидел, что Рон и Джордж сидят за чистым деревянным столом рядом с двумя рыжими парнями, которых Гарри до этого никогда не встречал. Он сразу же догадался, что это Билл и Чарли, старшие братья Уизли.

— Как дела, Гарри? — улыбнулся сидевший поближе к Гарри парень, и пожал руку Гарри

своей огромной ладонью, покрытой волдырями и мозолями. Это наверняка был Чарли, который работает с драконами в Румынии. Чарли был сложен как близнецы — более коренастый и приземистый, чем долговязые Перси и Рон. У него было широкое, приятное, обветренное лицо, настолько усыпанное веснушками, что их можно было принять за загар, и мускулистые руки, на одной из которых блестел огромный ожог.

Билл поднялся из-за стола, улыбнулся и тоже пожал Гарри руку. Билл необычайно удивил Гарри. Он знал, что Билл работает в волшебном банке Гринготтс и, что он когда-то был Старостой в Хогвартсе. Гарри представлял себе кого-то вроде Перси, только постарше: выходящего из себя, когда нарушают правила и обожающего всеми командовать. Но Билл был (и по-другому его никак нельзя было назвать) — крутым. Он был высоким, с длинными волосами, завязанными в конский хвост. В мочке уха болталась серьга, похоже, с клыком. Билл был одет так, словно собрался на рок-концерт, только сапоги были сделаны не из обычной, а из драконьей кожи.

Прежде чем кто-то из них успел заговорить, раздался глухой хлопок и из воздуха появился мистер Уизли, прямо рядом с Джорджем. Его

лицо было таким разъярённым, каким Гарри его никогда в жизни не видел.

— В этом нет абсолютно ничего смешного, Фред, — закричал он. — Что ты подсунул этому магловскому мальчику?

— Я ничего ему не подсовывал, — хулигански ухмыльнулся Фред, — я уронил. Я не виноват, что он её съел. Я ему ничего не давал.

— Ты специально уронил её, — взревел мистер Уизли, — ты знал, что он её съест, ты знал, что он на диете…

— А каких размеров стал его язык? — живо поинтересовался Джордж.

— Он был больше метра в длину, когда я наконец до него добрался!

Гарри и братья Уизли опять разразились хохотом.

— Не вижу в этом ничего смешного! — повторил мистер Уизли. — Такое поведение серьёзно подрывает отношения между волшебниками и магглами! Я половину своей жизни посвятил борьбе против плохого обращения с магглами, а мои собственные сыновья…

— Мы подбросили ему конфетку не потому, что он — маггл! — возмущённо сказал Фред.

— Вот именно, — подхватил Джордж, — а пото-

му, что он — мерзкий садист. Так ведь, Гарри?

— Да, мистер Уизли, — подтвердил Гарри.

— Не о том речь, — рвал и метал мистер Уизли, — погодите-ка, вот я скажу матери…

— Скажешь мне что? — прозвучал голос за его спиной.

Миссис Уизли стояла в дверях кухни. Миссис Уизли была полной женщиной небольшого роста с добрейшим лицом, но сейчас её глаза с подозрением сузились.

— А Гарри, здравствуй, дорогой, — проговорила она с улыбкой, заметив его и переводя взгляд на мужа, повторила, — скажешь что, Артур?

Мистер Уизли замешкался. Гарри сообразил что как бы мистер Уизли ни был зол на Фреда и Джорджа, он не намеревался жаловаться на них миссис Уизли. Наступило молчание. Мистер Уизли нервно уставился на жену. В эту минуту в дверях появились две девочки. Одна из них, с непослушной копной каштановых волос и передними зубами солидных размеров, была подругой Рона и Гарри, Гермионой Грэйнджер. Вторая, маленькая и рыжеволосая, была младшей сестрой Рона Джинни. Они улыбнулись Гарри, и Гарри улыбнулся им в ответ. Лицо Джинни залилось ярким румянцем (она неровно дышала к Гарри с

момента его первого появления в Норе).

— Скажешь мне что, Артур? — угрожающе настаивала миссис Уизли.

— Ничего, совсем ничего, Молли, — пробубнил мистер Уизли, — Фред и Джордж просто… но я переговорил с ними…

— Что они опять натворили? — воскликнула миссис Уизли, — и если это имеет какое-то отношение к «Удивительным Уловкам Уизли»…

— Рон, покажи-ка Гарри, где он будет спать, — с порога сказала Гермиона.

— Он знает, где он будет спать, — ответил Рон, — в моей комнате, он спал там в прошлый…

— Мы все пойдём и покажем ему, — перебила его Гермиона, бросив на него многозначительный взгляд.

— А, — понимающе протянул Рон, — ладно.

— Ага, и мы тоже пойдём, — с готовностью подхватил Джордж.

— Нет уж, ВЫ останетесь здесь, — отрезала миссис Уизли.

Гарри и Рон осторожно выбрались из кухни, а за ними Гермиона и Джинни. Они прошли по узкому коридору и начали подниматься вверх по шаткой лестнице, которая зигзагом тянулась через весь дом.

— Что это за «Удивительные Уловки Уизли»? — спросил Гарри, карабкаясь вверх по ступенькам.

Рон и Джинни расхохотались, Гермиона промолчала.

— Мама нашла пачку пергамента, когда убирала комнату Фреда и Джорджа, — тихо ответил Рон, — длинные списки товаров и прейскурант цен на изобретённые ими вещицы. Представляешь, разные розыгрыши — поддельные волшебные палочки, фальшивые конфеты — да куча всего! Просто гениально! Мне и в голову не могло прийти, что они такое придумали…

— Из их комнаты всегда доносились взрывы, но мы и не догадывались, что они там что-то изобретают, — откликнулась Джинни. — Мы думали, им просто нравится пошуметь.

— Только вот почти всё, что они изобрели, да в общем, я бы сказал, всё, что они изобрели, было немножко опасным, — продолжал Рон, — они собирались продавать это в Хогвартсе и заработать немного денег. Но мама страшно рассердилась. Сказала, что не разрешает им больше делать ничего такого, и сожгла бланки заказов. Она уже и так была зла на них. Они не получили столько С.О.В., сколько бы ей хотелось.

С.О.В. — Стандартизированные Отметки Вол-

шебников, экзамены, которые сдавали ученики Хогвартса в возрасте пятнадцати лет.

— А потом они в конец разругались, — продолжала Джинни, — мама хочет, чтобы они устроились работать в Министерство Магии, как папа, а они хотят открыть магазин шуток и розыгрышей.

В этот момент на втором этаже открылась дверь, и оттуда выглянуло лицо с очками в роговой оправе на носу и с крайне недовольным выражением.

— Привет, Перси! — поздоровался с ним Гарри.

— А, привет, Гарри! — ответил Перси. — Я-то думаю, кто тут расшумелся? Я пытаюсь работать. Мне нужно закончить отчёт, а ваше топанье по лестнице мешает мне сосредоточиться.

— Мы не топаем, — раздражённо сказал Рон, — мы просто идём по лестнице. Извини, если мы помешали совершенно секретным исследованиям Министерства Магии.

— А над чем ты работаешь? — поинтересовался Гарри.

— Я пишу доклад в Отдел Международного Сотрудничества Волшебников, — раздуваясь от гордости, сообщил Перси, — мы вырабатываем стандартную толщину котлов. Некоторые им-

портные котлы немного тоньше отечественных… И протекают сильнее каждый год на целых три процента…

— Этот твой доклад, конечно, перевернёт мир, — проворчал Рон, — целая передовица в «Ежедневном Пророке» о протекающих котлах.

Перси слегка порозовел.

— Ты можешь смеяться, Рон, — разгорячился он, — но если мы не проведём единый международный стандарт, рынок наводнится шатким плоскодонным товаром, который может фундаментально подорвать…

— Ага, ага, безусловно, — сказал Рон, поднимаясь по лестнице. Перси с силой захлопнул дверь. Гарри, Гермиона и Джинни вслед за Роном прошли ещё три этажа, а за ними неслось эхо криков из кухни. Похоже было, что мистеру Уизли всё-таки пришлось рассказать миссис Уизли об ирисках.

В комнатке под крышей, где спал Рон, почти ничего не изменилось с последнего визита Гарри. По стенам и сводчатому потолку так же носились, помахивая руками с плакатов, игроки любимой команды Рона по Квиддитчу «Пушки Чадли», а в аквариуме на окне, где в прошлый раз лежала лягушачья икра, сейчас сидела огромных разме-

ров лягушка. Старой крысы Рона Коросты уже не было в доме, но вместо неё появилась серенькая малютка-сова, которая доставила Гарри письмо от Рона на Привит Драйв. Она подпрыгивала в своей маленькой клетке и возбуждённо щебетала.

— Заткнись, Пиг, — сказал Рон, пробираясь боком между двумя из четырёх кроватей, втиснутых в комнату. — Фред и Джордж временно переехали ко мне, потому что Билл и Чарли сейчас спят в их комнате. Перси же один в своей комнате — ему, видите ли, нужно работать!

— А-а… почему ты называешь сову Пигом? — спросил Гарри.

— Потому что он придуривается, — сказала Джинни, — на самом деле совёнка зовут Пигвиджен.

— Ну конечно, а это — совсем не дурное имя! — язвительно заметил Рон. — Так его Джинни назвала. Она считает это имя миленьким. Я пытался назвать его по-другому, но было поздно. Он уже больше ни на что другое не отзывается. Так что теперь он — Пиг. Я держу его у себя, потому что он раздражает Эррола и Гермеса. Если уж на то пошло, он и меня раздражает.

Пигвиджен весело порхал по клетке, пронзи-

тельно ухая. Гарри не придал никакого значения словам Рона. Он хорошо помнил постоянные жалобы Рона на свою старую крысу, и помнил также, как ужасно расстроился Рон, когда подумал, что кот Гермионы Косолап её съел.

— А где Косолап? — спросил Гарри у Гермионы.

— Наверно, в саду, — сказала она, — гоняется, небось, за гномами. Он их никогда раньше не видел.

— Так Перси нравится его работа? — продолжал расспрашивать их Гарри, усаживаясь на кровать и следя глазами за «Пушками Чадли», влетающими и вылетающими из плакатов на потолке.

— Нравится — не то слово! — угрюмо пробурчал Рон, — я думаю, он вообще бы не явился домой, если бы папа не настоял. Он просто свихнулся. Даже не упоминай его начальника. — Мистер Крауч сказал… Как я сказал мистеру Краучу… Мистер Крауч думает… Мистер Крауч говорил мне…. — Я так думаю, что со дня на день они с Краучем объявят о своей помолвке…

— А как прошло твоё лето, Гарри? — спросила Гермиона, — ты получил наши посылки с продуктами и всё остальное?

— Ага, я так вам благодарен, — ответил Гарри, — эти пироги спасли меня от голодной смерти.

— А у тебя есть какие-нибудь новости о… — начал Рон, но тут же остановился под взглядом Гермионы. Гарри понял, что Рон собирался спросить его о Сириусе. Рон и Гермиона так активно участвовали в организации побега Сириуса от Министерства Магии, что волновались за судьбу крёстного Гарри почти так же сильно, как и сам Гарри. Но они не хотели говорить об этом в присутствии Джинни. Только они трое и профессор Дамблдор верили в невиновность Сириуса и знали, как ему удалось сбежать.

— По-моему они прекратили ругаться, — сказала Гермиона, чтобы замять разговор, потому что Джинни с любопытством переводила взгляд с Рона на Гарри. — Может, пойдём вниз и поможем твоей маме с обедом?

— Ну, пошли, — согласился Рон, и все четверо спустились вниз на кухню, где они обнаружили миссис Уизли в отвратительнейшем расположении духа.

— Мы будем ужинать в саду, — объявила она. — Здесь я не смогу посадить одиннадцать человек. Девочки, отнесите, пожалуйста, тарелки на улицу. Билл и Чарли ставят там столы. А вы двое, — сказала она, обращаясь к Рону и Гарри, — возьмите вилки и ножи. — Раздав указания, она

ткнула волшебной палочкой в груду картошки в раковине, немного энергичнее, чем следовало, и картофелины вылетели из кожуры с такой скоростью, что врезались в стены и потолок и разлетелись в разные стороны по всей кухне.

— Ради всего святого, — сердито сказала миссис Уизли и ткнула волшебной палочкой в совок, который, выскочил из угла и принялся носиться по полу, собирая картошку. — Ох уж эта парочка! — яростно провозгласила она, со свирепым лицом вытаскивая кастрюли и сковородки из буфета. Гарри понял, что эта реплика относилась не к ним, а к Фреду с Джорджем. — Я просто не знаю, что с ними будет. Не имею представления. Никакого честолюбия! Если только не считать за честолюбие все безобразия, которые они творят…

Миссис Уизли с грохотом плюхнула большую медную кастрюлю на кухонный стол и начала крутить внутри неё волшебной палочкой. Из кончика палочки в кастрюлю полился соус.

— И ведь не дураки же, — раздражённо продолжала она, ставя кастрюлю на плиту и, разжигая под ней огонь взмахом волшебной палочки. — Но мозгами не пользуются, и если они не возьмутся за ум, то плохо кончат. Мне прислали столько сов

из Хогвартса по поводу этих хулиганов, сколько я не получила обо всех остальных вместе взятых. Если они будут продолжать в том же духе, то, в конце концов, им придётся отвечать перед Отделом Незаконного Применения Магии.

Миссис Уизли ткнула волшебной палочкой в ящик кухонного стола. Гарри и Рону пришлось быстро отскочить в сторону, чтобы увернуться от вылетевших из ящика ножей, которые пересекли кухню и начали бойко рубить картошку, только что заброшенную совком назад в раковину.

— Я не понимаю, когда и какую ошибку мы допустили в их воспитании, — воскликнула миссис Уизли, кладя на стол волшебную палочку и, вытаскивая из буфета груду кастрюль, — всегда что-то, не одно, так другое. И они совершенно не хотят слушать… О, БОЖЕ МОЙ! ОПЯТЬ!

Она подняла со стола волшебную палочку и та, с громким писком, превратилась в огромную резиновую мышь.

— Опять одна из этих паршивых поддельно-волшебных палочек, — закричала она, — сколько раз я им говорила не бросать их, где попало!

Она схватила свою настоящую волшебную палочку и повернулась к плите. От соуса в кастрюле поднимался пар.

— Пошли отсюда, — быстро прошептал Рон на ухо Гарри, хватая несколько ножей из ящика кухонного стола, — пошли поможем Биллу и Чарли.

Покинув миссис Уизли, они вышли во двор через чёрный вход. Не пройдя и двух шагов, они наткнулись на Косолапа, рыжего и кривоногого кота Гермионы, вылетевшего им навстречу из сада с высоко поднятым вверх взъерошенным хвостом. Он гнался за чем-то, напоминающим грязную картофелину на крепких ножках. Гарри сразу понял, что это что-то было гномом. Гном был не более десяти дюймов росту, он проворно бежал, перебирая маленькими мозолистыми ножками. Пулей пролетев через двор, он молниеносно нырнул головой вниз в один из резиновых сапогов, валявшихся у двери. И дико захохотал, издеваясь над Косолапом, который пытался засунуть лапу в сапог и выудить его оттуда. Между тем с противоположной стороны дома раздался грохот. Гарри и Рон кинулись на шум. Обогнув угол, они увидели Билла и Чарли с волшебными палочками в руках; два старых побитых стола парили над ними, периодически налетая друг о друга в попытке сбить противника на землю. Фред и Джордж улюлюкали, а Джинни громко

смеялась. Гермиона притаилась у живой изгороди и никак не могла решить то ли смеяться, то ли сердиться. Стол Билла с силой толкнул стол Чарли, с грохотом отбив одну из его ножек. В этот момент над их головами послышался стук, и вся компания взглянула наверх. Из окна второго этажа высовывался Перси.

— А потише нельзя? — взвыл он.

— Прости, Перс, — ухмыльнулся Билл, — как поживают днища котлов?

— Плохо, — обиженно ответил Перси и с силой захлопнул окно. Давясь от смеха, Билл и Чарли осторожно спустили столы на траву и установили их рядышком. Одним взмахом волшебной палочки Билл поставил отломанную ножку на место и постелил неизвестно откуда взявшуюся скатерть.

К семи часам столы ломились от многочисленных блюд, приготовленных руками миссис Уизли. Все девять членов семьи Уизли, Гарри и Гермиона уселись обедать под чистым голубым небом. Для человека, который всё лето питался постепенно черствеющими пирогами, это был настоящий праздник. Гарри поначалу не проронил ни слова, набивая рот пирогами с курятиной и ветчиной, варёной картошкой и салатом. На

противоположном конце стола Перси просвещал отца по поводу днищ котлов.

— Я обещал мистеру Краучу закончить доклад ко вторнику, — напыщенно говорил Перси, — он и не ожидал, что я так быстро его завершу, но я предпочитаю раньше времени справляться с работой. Я думаю, он будет очень рад, что я всё так быстро сделал, ведь у нас в отделе все по уши заняты приготовлениями к Кубку мира. Нам просто не хватает людей, а Отдел волшебных игр и спортивных состязаний не помогает нам. Людо Бэгмэн…

— Оставь Людо, я очень благодарен ему, — мягко сказал мистер Уизли, — это он достал нам такие замечательные билеты на Чемпионат. Правда, я тоже сделал ему маленькое одолжение. У его брата Отто произошла небольшая неурядица — газонокосилка с необычными свойствами… Я замял эту историю.

— Да, он приятный, это точно, — презрительно сказал Перси, — но как он вообще получил должность начальника отдела?… Он не идёт ни в какое сравнение с мистером Краучем! Я даже представить себе не могу, что мистер Крауч сидел бы сложа руки, если бы из его отдела исчез работник. Он бы точно попытался узнать, что случилось. Ты

знаешь, что Берта Джоркинс пропала уже месяц назад? Поехала отдыхать в Албанию и пропала.

— Да, — нахмурился мистер Уизли, — я говорил об этом с Людо. Он мне сказал, что Берта уже много раз пропадала, но я согласен с тобой — если бы кто-то из моего отдела целый месяц не появлялся на работе, я бы забеспокоился…

— Конечно, Берта — безнадёжный человек, — продолжал Перси, — я слышал, что она переходила из отдела в отдел в течение многих лет, доставляя всем кучу хлопот, но всё же… Бэгмэн мог хотя бы попытаться найти её. Мистер Крауч лично заинтересовался её исчезновением. Она когда-то работала в нашем отделе, знаешь, и мне кажется, что мистер Крауч ей симпатизировал. Но Бэгмэн посмеялся над ним и сказал, что она, наверно, перевернула карту вверх ногами и оказалась в Австралии вместо Албании. Однако, — Перси многозначительно вздохнул и отхлебнул большой глоток бузинного вина, — у нас в Отделе международного сотрудничества магов своих дел по горло и у нас нет времени на поиски работников других отделов. Ты ведь знаешь, что мы организовываем ещё одно очень важное мероприятие, как только закончим работу над Чемпионатом Мира.

Перси с достоинством откашлялся и бросил многозначительный взгляд на противоположный конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона. — Ты, отец, знаешь, о чём я говорю, — и, слегка повысив голос, добавил, — то самое, совершенно секретное дело.

Рон закатил глаза и прошептал Гарри и Гермионе: — Он с первого дня работы пытается разжечь наше любопытство, хочет, чтобы мы спросили его, что это за секретное дело. А я думаю, что это какая-нибудь выставка толстодонных котлов.

По другую сторону стола между миссис Уизли и Биллом разгорелся жаркий спор по поводу его, как видно, недавно приобретённой серьги.

— …с таким ужасным клыком. Честное слово, Билл, что говорят в банке?

— Ма, никому в банке нет никакого дела до того, как я одеваюсь, лишь бы приносил туда солидное количество сокровищ, — сдержанно ответил Билл.

— И твои волосы уже выглядят неопрятно, милый, — сказала миссис Уизли, с нежностью теребя свою волшебную палочку, — давай я их чуть-чуть подравняю…

— А мне так нравится, — сказала Джинни, сидевшая рядом с Биллом, — ты такая старомодная,

мама. И вообще, им ещё расти и расти, пока они станут такими же длинными, как у профессора Дамблдора.

Рядом с миссис Уизли Фред, Джордж и Чарли с жаром обсуждали Чемпионат Мира.

— Ирландия выиграет, это точно, — говорил Чарли, глотая жареную картошку, — они раздавили Перу в полуфинале.

— Зато за Болгарию играет Виктор Крам, — сказал Фред.

— Крам у них единственный приличный игрок, а у Ирландии — семь, — отрезал Чарли. — Жаль, что Англия не вышла в финал. Это был просто стыд и срам.

— А что случилось? — быстро спросил Гарри, в этот момент особенно сожалея о своей изоляции от мира волшебников во время пребывания у Дёрсли.

— С треском проиграли Трансильвании, триста девяносто к десяти, — угрюмо ответил Чарли. — Безобразно играли. Уэльс проиграл Уганде, а Шотландию прикончил Люксембург.

Гарри играл за гриффиндорский колледж с первого года пребывания в Хогвартсе. У него была одна из самых лучших в мире моделей гоночной метлы — «Молния». У Гарри оказался прирождён-

ный талант летать, и он был Ловцом в команде Гриффиндора.

Перед тем, как приступили к клубничному мороженому домашнего приготовления, мистер Уизли заклинанием вызвал свечи, чтобы осветить стол в темнеющем саду. Обед закончился, вокруг них кружились ночные бабочки, а тёплый воздух пропитался запахом травы и жимолости. Гарри смотрел на гномов, с диким смехом носящихся через розовые кусты от Косолапа, и чувствовал себя совершенно сытым и умиротворённым.

Рон, взглянув на сидящих за столом и убедившись, что все заняты беседой, тихо спросил Гарри: — Ну так что, есть у тебя какие-нибудь вести от Сириуса?

Гермиона огляделась по сторонам, не слушает ли кто, и навострила уши.

— Ага, — тихо сказал Гарри, — два письма. Похоже, у него всё в порядке. Я вчера послал ему сову. Возможно, он напишет мне сюда, в Нору.

Тут он внезапно вспомнил, почему он писал Сириусу. Он поколебался минуту, не рассказать ли Рону с Гермионой о шраме и ночном кошмаре, разбудившем его… но он не хотел тревожить их; не сейчас, когда ему самому было так хорошо

и легко.

— Смотрите-ка, уже поздно, — воскликнула вдруг миссис Уизли, взглянув на часы, — вам же всем пора спать. Завтра вставать ни свет, ни заря, чтобы вовремя попасть на Чемпионат. Гарри, дай мне твой список того, что тебе нужно для школы. Я завтра буду на Диагон Аллее и куплю тебе всё, что надо. Я завтра отправляюсь за покупками, а то после Чемпионата Мира у вас может не остаться времени. В прошлый раз матч продолжался пять дней.

— Вот здорово! Надеюсь, что и в этот раз он тоже растянется! — восторженно сказал Гарри.

— Ну а я надеюсь, что нет, — ханжески провозгласил Перси, — меня бросает в дрожь, когда я представляю себе количество почты, которое накопится в моем ящике на работе, если я буду отсутствовать целых пять дней.

— Ага, и кто-нибудь опять подбросит тебе туда драконий помёт, а Перс? — ухмыльнулся Фред.

— Не помёт, а образец удобрения из Норвегии, — вспыхнул Перси, — ничего личного!

— Ещё как чего, — шепнул Фред на ухо Гарри, поднимаясь из-за стола, — это мы его подкинули.

06. Портключ

Гарри показалось, что он едва лёг поспать в комнате Рона, как его уже будила миссис Уизли.

— Пора вставать, Гарри, — прошептала она и пошла будить Рона.

Гарри нащупал очки, надел их и сел в постели. На улице всё ещё было темно. Рон что-то невнятно пробурчал в ответ матери, пытающейся его разбудить. У подножия кровати Гарри различил два больших взъерошенных силуэта, пытающихся выпутаться из-под одеял.

— Жепра? — пробормотал Фред.

Оделись они молча, поскольку слишком хотели спать, чтобы разговаривать, а затем, зевая и потягиваясь, вчетвером они побрели вниз на кухню.

Миссис Уизли что-то помешивала в большом горшке на плите, а мистер Уизли сидел за столом, просматривая пачку больших билетов из пергамента. Он взглянул на вошедших мальчишек и широко распахнул руки, чтобы продемонстрировать им свой наряд. На нём был свитер для игры в гольф и изрядно потрёпанные и слегка великоватые ему джинсы, которые держал на

бёдрах широкий кожаный ремень.

— Ну как? — обеспокоенно спросил он, — нам ведь полагается идти инкогнито… — я похож на маггла, Гарри?

— Да, — улыбнулся Гарри, — вполне.

— А где Билл, Чарли и Пер-Пер-Перси? — спросил Джордж, не в силах подавить зевоту.

— Они же аппарируют, — сказала миссис Уизли, ставя на стол огромный горшок и разливая по тарелкам кашу. — Так что им можно чуть-чуть подольше поспать.

Гарри знал, что Аппарация — это очень сложный процесс. Это означало исчезнуть в одном месте и появиться в другом почти мгновенно.

— Так они ещё спят? — проворчал Фред, пододвигая к себе тарелку с кашей. — Почему бы нам тоже не саппарировать?

— Потому что вы несовершеннолетние и не сдали экзамен, — отрезала миссис Уизли. — Где же девочки?

Она выбежала из кухни и поспешила вверх по лестнице.

— Для того, чтобы аппарировать, нужно сдавать экзамен?

— Конечно, — ответил мистер Уизли, засовывая билеты в задний карман джинсов, — Отделу

Волшебных Средств Передвижения на днях пришлось оштрафовать одну парочку за то, что они аппарировали без прав. Аппарация — довольно сложный процесс, и если кто-то сделает это неправильно, то это может привести к очень плохим последствиям. Эта пара, о которой я говорил, расщепилась.

Все, кроме Гарри, поморщились.

— Эээ… расщепилась? — сказал Гарри.

— Половина осталась в предыдущем месте, — ответил мистер Уизли, обильно поливая кашу патокой. — Так что, естественно, они застряли. Ни туда, ни обратно. Им пришлось ждать Отряд Аварийного Волшебного Обращения, чтобы те с ними разобрались. Столько бумажной волокиты было, я уж и не говорю о магглах, наткнувшихся на части их тел…

Внезапно у Гарри перед глазами возникла картина пары ног и глазного яблока, забытых на тротуаре посреди Привит Драйв.

— Но всё ведь обошлось? — со страхом спросил он.

— Разумеется, — как ни в чём не бывало ответил мистер Уизли. — Но их здорово оштрафовали, так что, я не думаю, что в спешке они снова используют этот метод. С Аппарацией шутки плохи.

Многие взрослые волшебники даже и не пытаются этого делать. Предпочитают мётлы: медленно, но надёжно.

— Но Билл и Чарли, и Перси могут?

— Чарли сдал со второго раза, — ухмыльнулся Фред. — В первый раз завалил. Аппарировал в пяти милях к югу от того места, где ему нужно было появиться, и свалился на какую-то несчастную старушку, идущую за покупками, помните?

— Да, но со второго раза он сдал, — среди общего веселья провозгласила миссис Уизли, входя на кухню.

— Перси сдал всего две недели назад, — сообщил Джордж. — С тех пор он аппарирует вниз каждое утро, просто чтобы доказать, что может.

В коридоре раздались шаги, и в кухню вошли бледные и заспанные Джинни и Гермиона.

— Зачем нам нужно так рано вставать? — сказала Джинни, протирая глаза и усаживаясь за стол.

— Нам далеко идти, — ответил мистер Уизли.

— Идти? — переспросил Гарри. — Мы что, пешком пойдём на Чемпионат Мира?

— Нет, нет, это слишком далеко, — улыбнулся мистер Уизли. — Идти недалеко. Просто большой толпе волшебников трудно собраться вместе, не привлекая к себе внимания магглов. Мы вообще

должны путешествовать с огромной осторожностью и в самое обычное время, а уж во время таких важных событий, как Чемпионат Мира по Квиддитчу…

— Джордж! — воскликнула миссис Уизли, и все вздрогнули.

— Что? — отозвался Джордж таким невинным голосом, что все сразу почуяли неладное.

— Что это у тебя в кармане?

— Ничего!

— Не ври мне!

Миссис Уизли указала волшебной палочкой на карман Джорджа и произнесла: — Аццио!

Несколько небольших ярких предметов вылетели из его кармана. Он попытался перехватить их, но промахнулся, и они улетели прямо в протянутую руку миссис Уизли.

— Мы же велели вам их уничтожить! — разъярённо сказала миссис Уизли, сжимая в ладони то, что, без сомнения, было ирисками «Язык-в-Ярд». — Мы же вам сказали от них избавиться! Выворачивайте карманы, давайте, оба!

Всё это выглядело чрезвычайно неприятно: близнецы явно пытались вынести из дома столько ирисок, сколько могли, и только с помощью Призывающего Заклинания миссис Уизли уда-

лось выудить все до одной.

— Акцио! Акцио! Акцио! — кричала она, и ириски летели к ней изо всех самых невообразимых потаённых мест, включая подкладку куртки Джорджа и подвёрнутые штанины джинсов Фреда.

— Мы шесть месяцев их изобретали! — вопил Фред на мать, когда она выбросила ириски в помойное ведро.

— Хорошо же вы провели шесть месяцев! — пронзительно кричала миссис Уизли. — Неудивительно, что вы не получили больше С.О.В.!

В целом, атмосфера на кухне до самого отъезда оставалась крайне напряжённой. Миссис Уизли всё ещё сердилась, когда на прощание чмокнула мистера Уизли в щёку, хотя не так сильно, как близнецы, которые забросили за плечи рюкзаки и вышли из дома, не сказав ей ни слова.

— Желаю вам хорошо провести время, — сказала миссис Уизли, — и ведите себя прилично! — прокричала она вслед удаляющимся спинам близнецов, но те не обернулись и ничего не ответили. — Я пошлю Билла, Чарли и Перси вслед за вами где-то в середине дня, — сказала она мистеру Уизли, который вместе с Гарри, Роном, Гермионой и Джинни шли вслед за Фредом и

Джорджем через тёмный сад.

Было прохладно, и луна всё ещё была на небе. Лишь слабый зеленоватый просвет над горизонтом справа намекал на приближающийся рассвет. Гарри, размышляя о том, что в этот момент тысячи магов спешат на Чемпионат Мира по Квиддитчу, нагнал мистера Уизли.

— Так как же мы попадём туда так, чтобы не заметили магглы? — спросил он.

— Это было сложно устроить, — вздохнул мистер Уизли. — Проблема в том, что на Чемпионат Мира приедет примерно сто тысяч волшебников и, естественно, у нас нет такого большого места в волшебном мире, где можно было бы их всех разместить. Есть куча мест, недоступных маггламм, но представь себе сто тысяч волшебников на Диагон Аллее или платформе Девять и Три Четверти! Так что нам пришлось отыскать никем не обитаемое поле и установить вокруг него столько противомаггловых мер безопасности, сколько было можно. Всё Министерство очень долго над этим трудилось. В первую очередь, естественно, нам нужно было установить расписание прибытий. Те, у кого билеты подешевле, должны прибыть на две недели раньше. Кому-то можно воспользоваться маггловским транспортом, но

нельзя, чтобы все ездили на их автобусах и поездах толпами… волшебники приезжают со всего света. Некоторые, естественно, аппарируют, но мы должны создать для них определённые безопасные точки, подальше от магглов. Думаю, они переместятся в какой-нибудь подходящий лесок. А для тех, кто не хочет или не умеет аппарировать, мы используем Портключи. Это такие предметы, при помощи которых маги могут переноситься с одного места на другое в заранее установленное время. Если нужно, можно транспортировать большие группы людей. В настоящий момент по всей Великобритании расположено примерно двести Портключей, и ближайший из них находится на вершине Стоутсхэдского холма, поэтому туда мы сейчас и идём.

Мистер Уизли указал на возвышающуюся перед ними огромную тёмную массу, прямо за деревней Оттери Сент-Кэтчпол.

— А какие предметы могут быть Портключами? — полюбопытствовал Гарри.

— Любые, — ответил мистер Уизли. — Разумеется, не бросающиеся в глаза, чтобы магглы не поднимали их, считая мусором.

Они шагали по тёмной сырой тропинке, ведущей в деревню в полной тишине, нарушаемой

лишь звуками их шагов. Небо медленно светлело по мере того, как они приближались к деревне, превращаясь из чернильно-чёрного в тёмно-синее. Руки и ноги Гарри совершенно окоченели. Мистер Уизли посматривал на часы.

Пройдя через деревню, они начали взбираться вверх по склону Стоутсхедского холма. Шли молча: ни у кого не хватало дыхания на разговоры. То один, то другой время от времени натыкался на кроличьи норы или поскальзывался на чёрных бугорках травы. Каждый вздох ножом врезался в грудь Гарри, и вот, наконец, его заплетающиеся ноги ощутили плоскую верхушку холма.

— Уф! — тяжело дыша, проговорил мистер Уизли, снимая очки и протирая их о свитер. — Прекрасно. Мы пришли вовремя, у нас ещё есть десять минут.

Последней на вершину приплелась Гермиона, держась за колющий бок.

— Теперь осталось только найти наш Портключ, — сказал мистер Уизли, надевая очки и шаря глазами по земле вокруг себя. — Мы ищем какой-то небольшой предмет; но где же он?

Все разбрелись вокруг в поисках Портключа. Не прошло и пары минут, как мёртвую тишину прорезал окрик:

— Иди сюда, Артур, мы нашли его!

Две высокие фигуры вырисовывались на фоне звёздного неба на противоположной стороне холма.

— Эймос! — радостно воскликнул мистер Уизли и направился к зовущему его мужчине. Все поплелись следом.

Мистер Уизли пожимал руку краснощёкому магу с запутанной тёмной бородой, который в другой руке держал старый сапог, покрытый чем-то очень смахивающим на плесень.

— Это — Эймос Диггори, — представил его мистер Уизли. — Он работает в Отделе по контролю волшебных существ. Насколько я знаю, вы знакомы с его сыном Седриком?

Седрик Диггори был необычайно красивым парнем семнадцати лет. Он был капитаном и ловцом команды Хаффлпаффа по квиддитчу.

— Привет, — поздоровался Седрик со всей компанией.

Все, за исключением Фреда и Джорджа, ответили: — Привет. — Близнецы же ограничились лёгким кивком. Они не совсем простили Седрику то, что его команда побила Гриффиндор в первом матче прошлого года.

— Долго шли, Артур? — спросил отец Седрика.

— Не очень, — ответил мистер Уизли, — мы живём вон в той стороне от деревни. А вы?

— Нам пришлось встать в два часа ночи, да, Сед? Вот уж я буду рад, когда он сдаст экзамен по Аппарации. Но, грех жаловаться… Это же всё-таки Чемпионат Мира по Квиддитчу! Я бы не променял его на мешок Галлеонов, а билеты, в общем-то, столько и стоили. Говорю тебе, похоже, что я легко отделался… — Эймос Диггори добродушно окинул взглядом трёх братьев Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. — Все твои, Артур?

— Нет, только рыжие, — ответил мистер Уизли, — а это — Гермиона и Гарри — друзья Рона.

— Клянусь бородой Мерлина! — воскликнул мистер Диггори, вылупив глаза, — ты — Гарри? Гарри Поттер?

— Гм… да, — ответил Гарри.

Гарри привык, что люди пялятся на него, когда в первый раз его видят, привык к тому, что их глаза немедленно переходят на шрам в форме молнии у него на лбу, но, всё равно, чувствовал он себя при этом страшно неловко.

— Сед, естественно, рассказывал нам о тебе, — сказал мистер Диггори, — о том, что играл против тебя в прошлом году. И я сказал ему — Сед, в один прекрасный день тебе будет, что рассказать вну-

кам… ты победил Гарри Поттера!

Гарри не нашёлся, что ответить — он стоял и молчал. Фред и Джордж опять нахохлились. Седрик смутился.

— Гарри свалился с метлы, папа, — пробормотал он, — я говорил тебе, произошёл несчастный случай.

— Да, но ты-то не свалился? — сердечно взревел мистер Диггори, похлопывая сына по спине, — всегда скромничает, мой Сед, всегда ведёт себя, как подобает настоящему джентльмену… Но, победил сильнейший. Да и Гарри с этим согласится, правда, Гарри? Один свалился с метлы, а другой удержался. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто лучше летает.

— Нам пора, — перебил мистер Уизли, взглянув на часы. — Эймос, ты не знаешь, мы ещё кого-нибудь ждём?

— Нет, Лавгуды уехали неделю назад, а Фосетты не смогли достать билетов, — ответил мистер Диггори, — а больше никто из наших здесь не живёт.

— Насколько я знаю, это — всё, — согласился мистер Уизли, — мои часы отстают на минуту, так что давайте приготовимся.

Он оглянулся на Гарри и Гермиону.

— Вам просто нужно дотронуться до Портключа, и всё, даже, если только кончиком пальца — этого будет достаточно.

Все девять, обременённые рюкзаками, сгрудились вокруг старого сапога, который держал в руках Эймос Диггори.

Они стояли тесным кругом на пронизывающем ветру и молчали. Гарри вдруг представил себе, насколько чуднО они выглядели бы в глазах маггла, если б таковой взобрался сейчас на вершину холма: семь человек, включая двух взрослых мужчин, держатся за старый сапог в полутьме и чего-то ждут…

— Три… — считал мистер Уизли, не сводя глаз с часов, — два, один…

Всё произошло мгновенно. Гарри показалось, что к его пупку прицепили крючок и дёрнули изо всех сил. Земля исчезла из-под ног. Гермиона и Рон летели с ним рядом, касаясь его плечами. Они неслись вперёд в вое ветра и вихре радужного света. Его указательный палец, как будто бы прилип к сапогу, который неудержимо тянул его вперёд… и вдруг…

Его ноги коснулись земли. Рон с размаху налетел на него и Гарри упал. Рядом с его головой Портключ врезался в землю.

Гарри поднял глаза. Мистер Уизли, мистер Диггори и Седрик, хоть и взлохмаченные ветром, всё же удержались на ногах. Все остальные лежали на земле.

— Семь минут пятого со Стоутсхедского холма, — произнёс чей-то голос.

07. Бэгмэн и Крауч

Гарри выпутался из-под Рона и поднялся на ноги. Похоже, они приземлились где-то на туманном торфянике. Перед ними стояли двое волшебников с уставшими и недовольными лицами, один из которых держал в руке золотые часы, а другой — длинный свиток пергамента и перо. Оба были одеты как магглы, хотя они не слишком тщательно подбирали туалет: на человеке с часами был твидовый костюм и резиновые сапоги до колен, а на его коллеге — шотландский килт и пончо.

— Доброе утро, Бэйзил, — сказал мистер Уизли, поднимая сапог и передавая его одетому в килт волшебнику, который тут же бросил его в огромную коробку позади себя, где валялись использованные Портключи. В коробке лежали старая газета, пустая жестянка от газировки и проколотый футбольный мяч.

— Здорово, Артур, — устало сказал Бэйзил. — Сегодня не на дежурстве? Повезло… Мы здесь дежурим всю ночь… Отойдите-ка, а то в пять пятнадцать ожидается большая группа из Чёрного

Леса. Погоди-ка, я посмотрю, где ваш палаточный лагерь… Уизли… Уизли… — Он сверился со списком. — Примерно четверть мили отсюда, первая поляна, на которую вы выйдете. Заведующего лагерем зовут мистер Робертс. Диггори… вторая поляна… спросите мистера Пэйна.

— Спасибо, Бэйзил, — сказал мистер Уизли и жестом пригласил всю компанию следовать за ним.

Они пошли по пустынному торфянику, практически ничего не различая в густом тумане. После двадцати минут ходьбы они увидели маленький каменный домик у больших ворот. За воротами в тумане виднелись расплывчатые силуэты сотен палаток на поле, раскинувшемся до самого леса на горизонте. Они попрощались с Диггори и подошли к двери домика.

В дверях стоял мужчина и глядел на палаточный лагерь. Гарри с первого взгляда понял, что это — единственный настоящий маггл на много миль вокруг. Приближающиеся шаги заставили его обернуться.

— Доброе утро! — радостно поздоровался мистер Уизли.

— Доброе утро, — ответил маггл.

— Вы, случайно, не мистер Робертс?

— Я и есть, — ответил мистер Робертс, — а вы кем будете?

— Уизли, две палатки. Забронировали пару дней назад.

— Ага, — сказал мистер Робертс, сверившись со списком, повешенным на двери. — Вы можете разбить палатку вон там у леса. Только на эту ночь?

— Точно, — сказал мистер Уизли.

— Платить сейчас будете? — сказал мистер Робертс.

— О… да… конечно… — ответил мистер Уизли. Он отошёл на несколько шагов от домика и подозвал Гарри. — Гарри, выручай, — пробормотал он, доставая из кармана пачку маггловских денег и отсчитывая из неё банкноты. — Вот это… десятка? А, да, я вижу, на ней маленькое число… А это, значит, пятёрка?

— Это — двадцатка, — полушепотом поправил его Гарри, мучительно сознавая, что мистер Робертс прислушивается к каждому их слову.

— Ах, да, точно… Я плохо разбираюсь в этих маленьких листочках бумаги…

— Вы — иностранцы? — сказал мистер Робертс у мистера Уизли, который наконец подошёл к нему с правильной суммой денег.

— Иностранцы? — удивлённо переспросил мистер Уизли.

— Вы тут не первые, кто никак не может разобраться с деньгами, — сказал мистер Робертс, внимательно разглядывая мистера Уизли. — Одна парочка минут десять назад пыталась расплатиться со мной огромными золотыми монетами, величиною в покрышки от колёс.

— Да что вы говорите… — нервно сказал мистер Уизли.

Мистер Робертс покопался в жестянке в поисках сдачи.

— В жизни столько народу не было, — неожиданно сказал он, обводя глазами туманное поле. — Сотни броней. Обычно просто подъезжают и всё…

— Правда? — осведомился мистер Уизли, протягивая руку за сдачей, но мистер Робертс её не отдал.

— Ага, — задумчиво сказал он. — Похоже, что со всего света. Куча иностранцев. И не только иностранцев. Куча странной публики. Один мужик расхаживает по округе в шотландском килте и пончо.

— А что не так? — тревожно спросил мистер Уизли.

— Это что-то типа… не знаю… что-то типа слёта, — сказал мистер Робертс. — Похоже, что они все знакомы друг с другом. Что-то вроде большой вечеринки.

В этот самый момент маг, одетый в бриджи для игры в гольф, появился из воздуха прямо перед дверью мистера Робертса.

— Обливиате! — отрезал он, направляя на мистера Робертса свою волшебную палочку.

Тотчас же глаза мистера Робертса покрылись пеленой, лоб разгладился, и лицо его приобрело выражение мечтательной беззаботности. Гарри узнал лицо человека, чью память только что подтёрли.

— Пожалуйста, карта палаточного лагеря, — мирно сказал мистер Робертс мистеру Уизли, — и вот ваша сдача.

— Большое спасибо, — сказал мистер Уизли.

Маг в бриджах проводил их до ворот в палаточный лагерь. У него был измученный вид. На подбородке синела небритая щетина, а под глазами темнели круги. Отойдя достаточно далеко от мистера Робертса, он прошептал мистеру Уизли:

— С ним у меня одни проблемы. Десять раз в день приходится накладывать на него Заклятие Памяти, чтобы всё нормально было. А от Людо

Бэгмэна никакого толку. Шляется тут, громко рассуждая о Бладжерах и Кваффлах, ни капли не беспокоясь о противомаггловой безопасности. Господи, как же я буду рад, когда всё это кончится. До встречи, Артур.

И он дизаппарировал.

— А разве мистер Бэгмэн не начальник Отдела Волшебных Игр и Спортивных Состязаний? — удивлённо спросила Джинни. — Он же должен понимать, что при магглах нельзя говорить о Бладжерах.

— Должен, — улыбнулся мистер Уизли, шагая от ворот к палаточному городку, — но Людо всегда немного… как бы сказать… ну… небрежно относился к безопасности. Но мы не смогли бы отыскать начальника отдела спорта с большим энтузиазмом. Он сам когда-то играл в Квиддитч за Англию. И он был самым сильным Вышибалой, когда-либо игравшим за «Ос Уимборна».

Они устало топали по туманному полю среди длинных рядов палаток. Большинство палаток выглядело довольно непримечательно; хозяева удачно замаскировали их под маггловские, хотя кое-кто чуток перестарался, добавив каминные трубы, дверные колокольчики или флюгера. Но временами, то там, то здесь красовались палатки

настолько очевидно волшебные, что Гарри стало ясно, почему мистер Робертс что-то подозревает. На полпути к холму возвышалось экстравагантное сооружение из полосатого шёлка, похожее на миниатюрный дворец, а у порога было привязано несколько живых павлинов. Пройдя несколько шагов, они наткнулись на палатку о трёх этажах с башенками, а чуть дальше была разбита палатка с садом, в котором стояла поилка для птиц, солнечные часы и фонтан.

— Как всегда, — улыбнулся мистер Уизли. — Все рисуются друг перед другом, когда собираются вместе. А вот мы и пришли, смотрите, это — мы.

Они подошли к краю поляны, где у самого леса находился небольшой пустой участок, посреди которого в землю был вбит знак с надписью «ВИСЛИ».

— Лучше места и быть не могло! — радостно сказал мистер Уизли. — Игровое поле — как раз по ту сторону леса. Совсем рядом, — он снял с плеч рюкзак. — Так, — радостно воскликнул он, — нам не разрешается применять магию, вообще-то говоря, когда нас так много на территории магглов. Мы разобьём палатки своими руками! Не думаю, что это будет слишком сложно… Магглы-то всё время ставят палатки. Ну, так Гарри, как ты счи-

таешь, с чего начнём?

Гарри ни разу в жизни не ходил в походы. Дёрсли никогда не брали его с собой в отпуск, предпочитая оставлять его с миссис Фигг, пожилой соседкой. Но всё же, они с Гермионой разобрались в шестах и колышках и, несмотря на активное участие мистера Уизли (который скорее был помехой, чем помощником, потому что чересчур перевозбудился, когда они начали вбивать колышки деревянным молотком), умудрились наконец разбить две потрёпанные двухместные палатки.

Все отступили назад полюбоваться на дело рук своих. Никто, глядя на их палатки, не догадался бы, что их разбили волшебники, подумал Гарри. Но беда в том, что когда прибудут Билл, Чарли и Перси, их будет десять человек. Гермиона, казалось, тоже отметила эту проблему. Она озадаченно посмотрела на Гарри, а затем на мистера Уизли, который на четвереньках влез в одну из палаток.

— Немножко тесновато, — раздался его голос, — но, думаю, поместимся. Залезайте и взгляните сами.

Гарри согнулся, пролез через входное отверстие палатки и разинул рот от изумления. Он

оказался в старомодной трёхкомнатной квартире с туалетом и кухней. По какой-то причине меблирована она была почти также, как дом миссис Фигг: связанные крючком коврики были накинуты на разномастные стулья, и в воздухе витал кошачий дух.

— Что ж, мы здесь ненадолго, — сказал мистер Уизли, протирая лысину носовым платком и поглядывая на четыре двухъярусные кровати, стоящие в спальнях, — я одолжил её на работе у Перкинса. Бедняга теперь редко ходит в походы, у него разыгрался радикулит.

Он поднял покрытый пылью чайник и заглянул внутрь:

— Нужно сходить за водой…

— На карте, которую дал маггл, отмечена колонка, — сказал Рон, который влез в палатку вслед за Гарри, но не проявил ни малейшего удивления при виде необычайного размера внутреннего помещения, — она — на другом конце поля.

— Тогда почему бы вам с Гарри и Гермионой не принести воды? — сказал мистер Уизли, протянув ему чайник и пару кастрюль. — А остальные — пойдите и раздобудьте дров.

— Но у нас же есть плита, сказал Рон. — Почему бы нам просто не…

— Рон, противомаггловая безопасность! — напомнил мистер Уизли с лицом, светящимся от радостного предвкушения. — Когда настоящие магглы идут в поход, они готовят на кострах снаружи. Я сам видел!

Осмотрев палатку девочек, которая была чуть-чуть поменьше, зато не воняла кошками, Рон, Гарри и Гермиона отправились за водой с двумя кастрюлями и чайником.

Теперь, под лучами только что взошедшего солнца, которое растворило туман, им был отлично виден весь палаточный городок, растянувшийся на много миль вокруг. Они шагали между палатками, с любопытством озираясь по сторонам. Только сейчас Гарри понял, сколько колдунов и колдуний живет на свете. Он никогда не задумывался о том, что маги живут и за рубежом.

Обитатели палаток уже просыпались. Первыми зашевелились семьи с маленькими детьми: Гарри в первый раз увидел таких маленьких волшебников. Маленький мальчик, на вид не старше двух лет, сидел на корточках у большой палатки в форме пирамиды. В руках у него была волшебная палочка, которой он тыкал в слизняка на траве. Слизняк медленно раздувался и

уже достиг размера небольшой салями. Когда они поравнялись с ним, из палатки вышла мать мальчика.

— Сколько раз я тебе говорила, Кевин, нельзя… трогать… папину… палочку… фуууу!

Она наступила на гигантского слизняка, и тот лопнул. До них ещё долго доносились восклицания матери, заглушаемые криками малыша: — Ты лопнула слизня! Ты лопнула слизня!

Немного дальше две маленькие волшебницы, едва ли старше, чем Кевин, летали на игрушечных мётлах, которые поднимались ровно настолько, чтобы ноги девочек касались покрытой росой травы. Их уже заметил маг из Министерства, который пробежал мимо Гарри, Рона и Гермионы по направлению к нарушительницам, бормоча себе под нос: — Посреди бела дня! Родители, полагаю, заспались…

То там, то здесь взрослые волшебники выходили из палаток и начинали готовить завтрак. Некоторые, украдкой оглянувшись по сторонам, разжигали огонь заклинаниями, а другие, с недоверием чиркали спичками, как будто сомневаясь, что из этого что-то получится. Три африканских мага в длинных белых одеяниях сидели, погружённые в серьёзную беседу, не забывая при этом

поворачивать насаженного на вертел кролика, которого они поджаривали на ярко-фиолетовом огне. Чуть дальше группа американских колдуний средних лет добродушно сплетничала под натянутым между палатками, усыпанным звёздами плакатом, на котором было написано «ИНСТИТУТ САЛЕМСКИХ ВЕДЬМ». Гарри перехватил отрывки разговоров на разных незнакомых языках, доносившихся из палаток, мимо которых они проходили и, хотя он не понимал ни слова, было ясно, что все говорившие находились в радостно-возбуждённом состоянии.

— Ээээ… у меня что-то с глазами или всё вдруг позеленело? — спросил Рон.

С глазами у Рона было всё в порядке. Они шли среди группы палаток, которые были настолько увиты толстым слоем клевера, что казались маленькими, странной формы бугорками, выросшими прямо из земли. Из палаток выглядывали весёлые лица. И вдруг кто-то окликнул их.

— Гарри! Рон! Гермиона!

Это был Шеймус Финниган, их одноклассник из Гриффиндора. Он сидел перед своей покрытой клевером палаткой, рядом с женщиной с волосами песочного цвета, которая наверняка была его мамой, и с лучшим другом — Дином Томасом,

тоже гриффиндорцем.

— Как вам украшения? — расплылся в улыбке Шеймус. — Министерству не очень-то нравится.

— Ох, почему нам нельзя показать наши цвета? — сказала миссис Финниган, — Вы пойдите и посмотрите, что болгары развесили над своими палатками. Вы, естественно, болеете за Ирландию? — добавила она, сверля Гарри, Рона и Гермиону глазами. Они уверили её, что действительно болеют за Ирландию, и отправились дальше. — Как будто мы бы посмели сказать, что не болеем за них, со всех сторон окружённые этой публикой, — сказал Рон, когда они отошли подальше.

— А что, интересно, висит над палатками болгар, хотела бы я знать, — сказала Гермиона.

— Пошли, посмотрим, — предложил Гарри, указывая рукой вверх на склон, где развивался по ветру бело-зелёно-красный флаг Болгарии.

Палатки здесь не были увиты живой растительностью, но на каждой из них красовался плакат, с которого смотрело хмурое лицо с густыми чёрными бровями. Лицо, естественно, двигалось, но лишь моргало и хмурилось.

— Крам, — тихо сказал Рон.

— Что? — переспросила Гермиона.

— Крам! — повторил Рон, — Виктор Крам, болгарский Ловец!

— Какой-то он слишком хмурый, — заметила Гермиона, оглядываясь на многочисленных Крамов, мигающих и хмурящихся на них.

— Слишком хмурый? — брови Рона взлетели до небес. — Да кому какая разница, как он выглядит? Он невероятный игрок. И совсем молодой. Всего восемнадцать, или около того. Он же гений! Вот, подожди, увидишь его сегодня.

У колонки собралась очередь. Гарри, Рон и Гермиона встали за двумя мужчинами, ожесточённо о чём-то спорившими. Один из них, старый маг, был одет в ночную рубашку в цветочек. Второй, без сомнения, маг из министерства, держал на вытянутых руках брюки в полоску и чуть не плакал от злости.

— Арчи, я умоляю тебя, надень эти брюки. В таком виде тебе нельзя показываться на улице. Маггл у ворот уже что-то подозревает.

— Я купил это в магазине у магглов, — упрямо говорил старик. — Магглы носят такую одежду.

— Женщины магглов носят такую одежду, Арчи, мужчины же носят вот такую, — доказывал маг из министерства, тряся перед его носом брюками в полоску.

— Этого я не одену, — с достоинством произнёс Арчи, — нет, спасибо, предпочитаю, чтобы определённые части моего тела овевал ветерок.

Гермионой овладел такой хохот, что ей пришлось выскочить из очереди и убежать в сторонку. Она вернулась лишь тогда, когда Арчи, набрав воды, удалился.

С двумя кастрюлями и чайником, полными воды, они медленно продвигались через лагерь. То там, то здесь мелькали знакомые лица: другие ученики из Хогвартса и их родители. Оливер Вуд, бывший капитан команды Гриффиндора по Квиддитчу, который в прошлом году закончил Хогвартс, потащил представить Гарри своим родителям. Он радостно сообщил Гарри, что только что записался в дубль команды «Паддлмир Юнайтед». Потом их окликнул Эрни Макмиллан, Хаффлпаффец с четвёртого курса, а дальше они наткнулись на Чо Чанг, очень красивую девочку, которая была Ловцом в команде Рэйвенкло. Она помахала рукой и улыбнулась Гарри, который так энергично замахал ей в ответ, что чуть не пролил всю воду из своей кастрюли. Чтобы замять оплошность и заставить Рона прекратить смеяться, он указал на группу подростков, которых он до этого никогда не видел.

— Кто это, как ты думаешь? — спросил он, — они ведь не из Хогвартса?

— Наверно учатся в какой-то зарубежной школе, — ответил Рон, — я знаю, на свете полно волшебных школ. Хотя я не знаком ни с кем, кто бы там учился. Билл когда-то переписывался с девочкой из Бразилии… давным-давно… Он хотел поехать туда по обмену, но у мамы и папы не было денег. Девочка обиделась, когда он написал ей, что не сможет приехать, и послала ему заклятую шляпу. Когда он надел её, у него уши в трубочку свернулись.

Гарри рассмеялся, стараясь не показывать, что удивлён существованием других школ. Увидев столько представителей разных национальностей здесь в палаточном городке, он понял, что с его стороны было глупо предполагать, что Хогвартс был единственной в мире волшебной школой. Он взглянул на Гермиону, которая не выразила ни малейшего удивления по поводу существования других школ. Без сомнения, она вычитала о них в какой-нибудь из своих многочисленных книг.

— Вас хоть за смертью посылай, — проворчал Джордж, когда они, наконец, вернулись в палатку.

— Наткнулись на пару знакомых, — ответил Рон, ставя на землю воду, — огонь не развели ещё?

— Папа играется со спичками, — ответил Фред.

Мистеру Уизли никак не удавалось разжечь костёр, но вовсе не от недостатка усердия. Вокруг него земля была покрыта слоем сломанных спичек, а его лицо выражало беспредельное счастье.

— Ой! — воскликнул он, когда его очередная попытка зажечь спичку увенчалась успехом, но тут же от неожиданности уронил её.

— Давайте я покажу вам, — мягко предложила Гермиона, забирая у него спичечный коробок и показывая ему, как это делается.

Наконец разожгли огонь. Пришлось ждать ещё час, пока он разгорится достаточно сильно. Они сидели и ждали, а мимо них постоянно сновали люди. Их палатка, как оказалось, была разбита рядом с дорогой, ведущей на игровое поле. Работники министерства бегали взад и вперёд по этой дороге и, проходя мимо мистера Уизли, сердечно приветствовали его. Мистер Уизли отпускал пару реплик о каждом, проходящем мимо, главным образом для Гарри и Гермионы, так как его собственные дети были достаточно наслышаны о министерстве.

— Это Катберт Мокридж, начальник Отдела по Связям с Гоблинами… а вон идёт Гилберт Уимпл. Он служит в Комитете по Экспериментальным Заклинаниям, да, эти рога у него уже давненько… Здравствуй, Арни… Это Арнольд Писгуд, он — Обливиатор, член Отряда аварийного волшебного обращения, ну вы знаете… а это Боуд и Кроукер… они Неговорящие…

— Они что?

— Из Отдела тайн, совершенно секретно, ни малейшего представления, чем они занимаются…

Наконец огонь разгорелся, и они начали жарить яичницу с колбасой. В этот момент из леса вышли Билл, Чарли и Перси.

— Только что аппарировали, отец, — громко сообщил Перси. — А, отлично, ланч!

Они уже почти покончили с яичницей, когда мистер Уизли вскочил на ноги, махая рукой и улыбаясь идущему к ним мужчине. — Ага, — воскликнул он, — герой дня! Людо!

Людо, без сомнения, был самой заметной фигурой в округе, включая даже старого Арчи в цветастой ночной рубашке. Он был одет в длинное одеяние для игры в Квиддитч, с широкими горизонтальными полосками ярко-жёлтого и чёрного цвета. Огромное изображение осы красо-

валось у него на груди. Его мощное телосложение всё ещё бросалось в глаза, несмотря на небольшую обрюзглость. Квиддитчная форма плотно облегала его выступающий живот, которого, очевидно, не существовало в те времена, когда он играл в Квиддитч за Англию. Его нос был расплющен (вероятно, сломан шальным Бладжером, подумал Гарри), но круглые голубые глаза, коротко подстриженные светлые волосы и розовые щёки придавали ему вид великовозрастного школьника.

— Приветствую вас! — радостно провозгласил Бэгмэн. Он шагал, как на пружинах, и, совершенно очевидно, был вне себя от восторга.

— Артур, старик, — тяжело дыша, сказал он, приближаясь к костру, — какой день, а? Какой день! Лучшей погоды и быть не могло! Вечер, похоже, будет безоблачным, и фактически ни одной прорухи в организации. Мне практически нечего делать.

Позади него группа измученного вида магов из министерства спешила к явно волшебному огню, посылающему фиолетовые искры метров на шесть вверх.

Перси поспешил навстречу Бэгмэну с протянутой рукой. Очевидно, несмотря на неодобрение

того, как Людо Бэгмэн заведует своим отделом, он всё же стремился произвести хорошее впечатление.

— Ах, да, — расплылся в улыбке мистер Уизли, — это — мой сын Перси. Он только что начал работать в министерстве. А это — Фред… нет, Джордж, извини… вот это — Фред. Билл, Чарли, Рон, моя дочь Джинни и друзья Рона Гермиона Грэйнджер и Гарри Поттер.

Бэгмэн украдкой бросил на Гарри быстрый взгляд — глаза, как обычно, метнулись к шраму на лбу.

— А это, — мистер Уизли повернулся к ним, — Людо Бэгмэн, вы знаете кто он такой. И благодаря ему у нас такие отличные билеты.

Бэгмэн широко улыбнулся и махнул рукой, как бы говоря: — Да что вы, не стоит!

— Хочешь поставить на матч, а Артур? — взволнованно сказал он, позванивая значительным количеством золота в карманах черно-жёлтого одеяния. Родди Понтнер уже побился со мной об заклад, что Болгария откроет счёт. Я повысил ставку, принимая во внимание, что тройка Ирландских нападающих сильнее, чем когда-либо. А малышка Агата Тиммс поставила половину своей доли в ферме по разведению угрей на то,

что матч будет продолжаться неделю.

— Ага, ну тогда… — сказал мистер Уизли, — ставлю галлеон на то, что Ирландия выиграет.

— Галлеон? — у Людо Бэгмэна вытянулось лицо, но, быстро овладев собой, он добавил. — Прекрасно, прекрасно… ещё кто-нибудь?

— Им ещё рано делать ставки. Молли не…

— Мы ставим тридцать семь галлеонов, пятнадцать сиклей и три кната, — поспешно вставил Фред, поспешно складываясь с Джорджем, — что Ирландия победит, но Крам поймает Снитч. А, и добавим поддельно-волшебную палочку.

— Не морочьте мистеру Бэгмэну голову такой ерундой, — зашипел Перси, но Бэгмэн вовсе не находил поддельно-волшебную палочку ерундой. Его мальчишеское лицо загорелось от восторга, когда в его руках палочка пронзительно вскрикнула и превратилась в резиновую курицу. Бэгмэн разразился хохотом.

— Здорово, я такой хорошей подделки уже лет сто не видел! Даю вам за неё пять галлеонов.

Перси застыл с выражением ошарашенного неодобрения.

— Ребята, — тихо сказал мистер Уизли, — я не хочу, чтобы вы делали ставку. Это же все ваши сбережения. Ваша мать…

— Не порть другим удовольствия, Артур, — загудел Людо Бэгмэн, гремя монетами в карманах, — они уже достаточно взрослые, чтобы решать самим! Так вы считаете, что Ирландия выиграет, а Крам поймает Снитч? Ни под каким видом ребята, ни под каким видом… На это я повышу ставку. Сначала, добавим пять галлеонов за потешную волшебную палочку, а потом, мы…

Мистер Уизли беспомощно смотрел, как Людо Бэгмэн, вытащив тетрадь и гусиное перо, записал имена близнецов.

— Отлично, — сказал Джордж, принимая листок пергамента, который протянул ему Бэгмэн, и засовывая его в карман мантии.

Бэгмэн радостно обратился к мистеру Уизли:

— Можешь сделать мне одолжение? Я ищу Барти Крауча. Мой болгарский коллега достаёт меня чем-то, а я не понимаю ни слова из того, что он говорит. А Барти разберётся, он знает около ста пятидесяти языков.

— Мистер Крауч? — оживился Перси, каменное выражение глубокого неодобрения сменилась на его лице выражением радостного возбуждения. — Он говорит минимум на двухстах языках: по-русалочьи, на гобблдегуке, по-тролльи…

— По-тролльи все говорят, — презрительно пе-

ребил его Фред. — Нужно просто тыкать пальцем и мычать.

Перси бросил на Фреда чрезвычайно злой взгляд и с силой принялся помешивать поленья, чтобы вскипятить воду в чайнике.

— У тебя есть какие-нибудь новости о Берте Джоркинс, Людо? — спросил мистер Уизли у Бэгмэна, усевшегося на траве рядом с ним.

— Ни пташки, — без тени волнения сообщил Людо, — никуда она не денется. Бедняжка, Берта! Не память, а дырявый котёл. Она всегда идёт в противоположную сторону. Потерялась, даже не сомневаюсь. Где-нибудь в октябре она забредёт назад на работу, думая, что на дворе ещё июль.

— Может, стоит послать кого-нибудь на поиски? — осторожно предложил мистер Уизли, в то время, как Перси подал ему чашку чая.

— Вот и Барти Крауч мне всё твердит, — сказал Бэгмэн, широко раскрывая невинные голубые глаза. — Но на сегодняшний день у нас просто не хватает людей. А, лёгок на помине! Барти!

Рядом с их костром только что аппарировал маг, который являлся полной противоположности Людо Бэгмэну, растянувшемуся на траве в своих старых Осиных одеждах. Барти Крауч был пожилым человеком с совершенно прямой,

негнущейся спиной, одетым в хорошо отглаженный костюм и галстук. Пробор в его коротко подстриженных седых волосах был до неестественности прямым, а тонкие щетинистые усики выглядели так, как будто он подстригал их по линейке. На его ногах красовались отполированные до блеска ботинки. Гарри сразу стало ясно, почему Перси боготворит его. Перси свято верил, что правилам надо слепо подчиняться, а мистер Крауч настолько тщательно последовал постановлению одеться под маггла, что мог бы сойти за управляющего банком. Гарри решил, что даже дядя Вернон не узнал бы в нём того, кем он на самом деле являлся.

— Помни чуток травы, Барти, — весело сказал Людо, похлопывая по земле рядом с собой.

— Благодарю тебя Людо, не стоит, — ответил Крауч, в голосе его чувствовалось небольшое раздражение, — я тебя всюду ищу. Болгары настаивают, чтобы мы добавили ещё дюжину мест в Верхней Ложе.

— Ах вот, чего они хотят, — протянул Бэгмэн, — а я-то думал, что этот мужик зовёт меня «поужинать вместе». Акцент у него малёк тяжеловат.

— Мистер Крауч, — еле переводя дух сказал Пер-

си. Он согнулся в подобие какого-то полупоклона, придававшего ему вид горбуна, — позвольте мне предложить вам чашечку чая?

— О, — произнёс мистер Крауч, поглядывая на Перси с лёгким удивлением, — да, благодарю вас, мистер Уизерби.

Фред и Джордж прыснули в чашки. Перси, покраснев до ушей, занялся чайником.

— Да, с тобой, Артур, мне тоже надо поговорить, — сказал мистер Крауч, сверля глазами мистера Уизли, — Али Башир вступил на тропу войны. Он хочет обсудить с тобой эмбарго, которое ты наложил на импорт ковров-самолётов.

Мистер Уизли тяжело вздохнул.

— На прошлой неделе я послал ему по этому поводу сову. Я говорил ему сто раз, и ещё раз скажу: Регистр незаконно околдовываемых объектов определяет ковры как вещи магглов, — но послушает ли он?

— Сомневаюсь, — ответил мистер Крауч, принимая чашку чая из рук Перси, — он отчаянно стремится их экспортировать.

— Но они никогда не заменят мётлы в Великобритании, как вы считаете? — заметил Бэгмэн.

— Али полагает, что на нашем рынке есть место средствам передвижения для всей семьи, — отве-

тил мистер Крауч, — я помню, у моего дедушки был Аксминстерский ковёр, на котором могли усесться двенадцать человек — но это было, естественно, до их запрещения.

Он сказал это таким тоном, что ни у кого не возникло ни малейшего сомнения в том, что все его предки были предельно законопослушны.

— Так много дел, Барти? — беззаботно осведомился Бэгмэн.

— Достаточно, — сухо ответил Крауч, — организовать Портключи на пяти континентах — нелёгкое дело, Людо.

— Я полагаю, вы оба будете рады, когда матч закончится, — сказал мистер Уизли.

Людо Бэгмэн искренне удивился.

— Рад?! Не помню, когда в последний раз я получал подобное удовольствие… всё ж, не то, чтобы у нас на горизонте не было ничего новенького, а Барти, а? Осталась ещё куча организационных дел.

Мистер Крауч приподнял бровь.

— Мы договорились не сообщать об этом публике, пока все детали…

— А, детали, — сказал Бэгмэн, отмахиваясь от его слов, как от стаи мошек, — ведь всё уже подписано, все уже согласились, ведь так? Уверен,

что ребята всё равно всё скоро узнают. Ведь это же будет происходить в Хогвартсе…

— Людо, у нас встреча с болгарами, помнишь? — резко перебил его мистер Крауч, обрывая замечания Бэгмэна, — спасибо за чай, Уизерби.

Он сунул нетронутый чай Перси в руки и подождал, пока Людо поднимется с травы. Бэгмэн с трудом встал, допивая большими глотками остатки чая. Золото весело позванивало у него в карманах.

— Увидимся позже, — сказал он, — вы сидите в Верхней Ложе рядом со мной. Я комментирую! Он помахал им рукой, Барти Крауч сухо кивнул, и оба аппарировали.

— Что будет происходить в Хогвартсе? — немедленно спросил Фред. — О чём шла речь?

— Скоро узнаете, — улыбнулся мистер Уизли.

— Это — секретная информация до тех пор, пока Министерство не найдёт нужным предать её огласке, — напыщенно сказал Перси. — Мистер Крауч был совершенно прав, когда не пожелал её разглашать.

— Заткнись, Уизерби, — отозвался Фред.

После полудня возбуждение в лагере стало почти осязаемым. К сумеркам, ещё по-летнему тёплый воздух, казалось, дрожал от предвку-

шения удовольствия, а когда темнота окутала покрывалом тысячи с нетерпением ждущих волшебников, последние следы притворства испарились. Министерство покорилось неизбежному и перестало бороться с совершенно явными проявлениями магии, происходящими во всех концах лагеря.

То там, то здесь из воздуха вырисовывались продавцы с подносами и ручными тележками, нагруженными необыкновенным товаром. Там были светящиеся розетки — зелёные для Ирландии, красные для Болгарии, которые выкрикивали имена игроков; остроконечные зелёные шапки, с танцующими лепестками клевера; болгарские шарфы, украшенные по-настоящему ревущими львами; флаги обеих стран, играющие национальные гимны, когда ими махали; миниатюрные модели «Молнии», которые на самом деле летали и фигурки игроков, которые, прихорашиваясь, прохаживаясь по ладони.

— Всё лето копил на эти штуки, — сказал Рон, расплачиваясь за сувениры. Хоть он и купил большую шляпу с танцующим клевером и огромную зелёную розетку, но также приобрёл фигурку Виктора Крама, болгарского ловца. Фигурка Крама прошлась взад и вперёд по ладони Рона,

хмурясь на зелёную розетку над головой.

— Ой, посмотрите-ка на них, — воскликнул Гарри при виде тележки, нагруженной штуковинами, которые бы сошли за медные бинокли, если бы не были покрыты всякими странными ручками и циферблатами.

— Это — Омниокли, — с готовностью объяснила продавщица, — они прокручивают по несколько раз отрывки игры, замедляют действие, если пожелаете и разбивают игру на части, если вам так захочется. И всего — десять галлеонов.

— Зачем же я истратил все свои деньги! — сказал Рон, указывая на шляпу с танцующим клевером, с жадностью пожирая глазами Омниокли.

— Три штуки, — сказал Гарри продавщице.

— Нет, нет, не надо, — запротестовал покрасневший до ушей Рон. Он всегда чувствовал себя страшно неловко от того, что у Гарри, который унаследовал от родителей целое состояние, было намного больше денег, чем у него.

— Ты ничего от меня не получишь на Рождество, — ответил Гарри, всовывая Омниокли ему и Гермионе в руки, — ещё лет десять.

— А ну тогда ладно, — ухмыльнулся Рон.

— Ой, Гарри, большое спасибо, — сказала

Гермиона, — а я куплю нам всем программки, смотрите…

С основательно похудевшими кошельками, они возвратились назад в палатку. На Билле, Чарли и Джинни красовались зелёные розетки, а мистер Уизли держал в руках ирландский флаг. Фред и Джордж ничего не купили, так как отдали Бэгмэну всё своё золото.

Откуда-то из-за леса прозвучал рокочущий звук гонга, и тут же между деревьев ярко загорелись зелёные и красные фонарики, освещая дорогу к игровому полю.

— Пора, — воскликнул мистер Уизли, у которого вид был не менее возбуждённый, чем у ребят, — пойдёмте!

08. Чемпионат Мира по Квиддитчу

Крепко держа свои покупки, они поспешили вслед за мистером Уизли в лес по освещённой фонарями тропинке. Со всех сторон до них доносились тысячи голосов: крики, смех и пение. Атмосфера безумного веселья оказалась очень заразной: улыбка не сходила с лица Гарри. Они шли через лес двадцать минут, громко болтая и веселясь, пока, наконец, не оказались по другую сторону леса в тени гигантского стадиона. Хотя Гарри видел только кусочек высокой золотой стены, окружавшей игровое поле, было ясно, что стадион так огромен, что в нём мог бы спокойно поместиться десяток соборов.

— Вместимость — сто тысяч, — сказал мистер Уизли, заметив потрясённое лицо Гарри. — Министерство направило пятьсот человек работать над этим стадионом, и работали они целый год. На каждый квадратный дюйм наложено Заклинание Отталкивания магглов. Если за этот год магглы оказывались слишком близко отсюда, они внезапно вспоминали, что им срочно нужно

быть в каком-то месте далеко отсюда, и они тут же снова убегали… храни их господь, — с восхищением добавил он и заторопился к ближайшему входу, у которого уже топталась шумная толпа волшебников и волшебниц.

— Самые лучшие места! — отметила колдунья из Министерства, стоящая на контроле билетов. — Верхняя ложа! Идите наверх по лестнице, Артур, до самого конца.

Ступени на стадион были устланы ковром ярко-фиолетового цвета. Они поднимались вместе с толпой, которая медленно расходились в двери направо и налево, а они шли и шли вверх по ступеням пока не достигли последней лестничной площадки, на которой была расположена небольшая ложа высоко над стадионом прямо посередине между золотыми шестами ворот. Около двадцати позолоченных стульев с фиолетовой обивкой стояли здесь в два ряда. Перед Гарри, усевшимся на первый ряд рядом с Уизли, предстала картина, подобие которой он и не мог представить.

Перед его глазами сто тысяч волшебников и волшебниц занимали места, поднимающиеся вверх от длинного, овального поля. Стадион был залит таинственным золотым светом, который,

казалось, исходил от самого стадиона. С высоты игровое поле казалось гладким, как бархат. На противоположных сторонах поля на высоте пятидесяти футов стояло по три золотых кольца, а почти на уровне глаз Гарри висела гигантская доска. По ней пробегали золотые надписи, казалось, начертанные рукой великана-невидимки, который писал что-то, а потом стирал. Через некоторое время Гарри понял, что это была реклама.

«Василёк: метла для всей семьи — безопасная, надёжная, со встроенной сигнализацией против воров… Универсальный магический очиститель миссис Скауэр: выводит пятна легко и приятно!.. Хохмотки: одежда для магов — Лондон, Париж, Хогсмид…»

Оторвавшись от рекламы, Гарри обернулся посмотреть, кто ещё будет сидеть вместе с ними в ложе. Пока что, кроме них никого не было, если не считать маленького существа, устроившемся на втором с конца сидении. На существе, чьи ножки были настолько крошечные, что торчали перед ним, было кухонное полотенце, замотанное в виде тоги, а лицо его было закрыто руками. Но длинные уши, напоминающие крылья летучей мыши, были подозрительно знакомы…

— Добби? — неуверенно позвал Гарри.

Маленькое существо подняло голову и растопырило пальцы, из-за которых показались огромные карие глаза и нос, размером и формой похожий на большой помидор. Это был не Добби… но, без сомнения, это был эльф-домовой. Гарри освободил Добби от его старых владельцев — семьи Малфоев.

— Господин меня назвал Добби? — удивлённо пропищал домовой сквозь пальцы. Голосок его был ещё тоньше, чем у Добби — тонюсенький дребезжащий писк, и Гарри заподозрил (хотя у домовых трудно сказать наверняка), что, возможно, этот эльф был женского пола. Рон и Гермиона повернулись, чтобы тоже посмотреть. Они слышали о Добби от Гарри, но никогда его не встречали. Даже мистер Уизли обернулся и с любопытством взглянул на домового.

— Извините, — сказал Гарри, — я принял вас за кого-то другого.

— Но я тоже знать Добби, сэр! — пропищал домовёнок. Она прикрывала лицо ручками, как будто загораживаясь от яркого света, несмотря на то, что в Верхней Ложе было почти темно. — Меня зовут Винки, сэр… а вы, сэр… — её тёмные глаза расширились и стали размером с блюдца, когда она заметила шрам у него на лбу. — Вы, конечно

же, Гарри Поттер!

— Да, это я, — сказал Гарри.

— Добби всё время о вас говорит, сэр! — сказала она с благоговением, чуть-чуть опустив ладони от глаз.

— Как у него дела? — спросил Гарри. — Как он поживает на свободе?

— О, сэр, — сказала Винки, качая головой, — о, сэр, при всём уважении, сэр, я не уверена, что вы оказали Добби услугу, когда освободить его.

— Почему? — ошарашено спросил Гарри. — Что не так?

— Свобода ударила ему в голову, сэр, — печально сказала Винки. — Идеи, не подобающие существу в его положении, сэр. Не может найти другую работу, сэр.

— Почему? — спросил Гарри.

Винки понизила голос на пол-октавы и прошептала: — Он хочет оплату за работу, господин!

— Оплату? — недоумённо повторил Гарри. — Ну… а почему бы ему не платить?

От одной мысли Винки пришла в ужас и слегка сомкнула пальцы, так что её лицо снова было скрыто наполовину.

— Домовым не платят, сэр! — приглушённым пискливым голосом сказала она. — Нет, нет и

нет. Я говорить Добби, я говорить: — Иди и найди себе хорошую семью и осядь, Добби. — Он слишком сильно гуляет, господин. Это не подобает домовому. — Ты веселится вот так, Добби, — я говорить, — а потом, не успеет оглянуться и окажется у дверей Отдела по Управлению и Контролю Волшебных Существ, как какой-нибудь обыкновенный гоблин.

— Ну, пора бы ему немножко повеселится, — сказал Гарри.

— Домовые не должен веселиться, Гарри Поттер, — твёрдо сказала Винки из-за ладоней. — Домовые делает то, что им говорить. Я совсем не любить высоты Гарри Поттер, — она быстро глянула в сторону края ложи и сглотнула, — но мой хозяин посылает меня сюда, в Верхнюю Ложу, и я приходить, сэр.

— Зачем же он послал тебя сюда, если он знает, что ты боишься высоты? — нахмурился Гарри.

— Хозяин… хозяин хочет, чтобы я занимать ему место, Гарри Поттер. Он очень занят, — сказала Винки, склонив голову в сторону пустого сидения рядом. — Винки хочет назад в палатку хозяина, Гарри Поттер, но Винки делает то, что ей говорят. Винки — хороший домовой.

Она вновь бросила быстрый испуганный взгляд

на край ложи и снова полностью спрятала лицо за руками. Гарри повернулся к остальным.

— Так это и есть домовой? — пробормотал Рон. — Странные существа.

— Добби был куда страннее, — с жаром сказал Гарри.

Рон вытащил свой Омниокль и стал его проверять: приложил к глазам и разглядывал толпу на другой стороне стадиона.

— Круто! — сказал он, вертя ручку повтора сбоку. — Я могу заставить этого парня там внизу ещё раз поковырять в носу… и ещё раз… и ещё раз.

Между тем, Гермиона внимательно изучала свою программку в бархатной обложке с кисточками.

— Перед матчем будет выступление талисманов команд, — громко прочитала она.

— О, на это всегда стоит посмотреть, — сказал мистер Уизли. — Сборные привозят с собой волшебные создания из своих стран, чтобы добавить немножко зрелищности.

В течение получаса места в их ложе заполнились магами. Мистер Уизли пожимал руки людям, которые явно были очень важными волшебниками. Перси вскакивал со своего места, чтобы поприветствовать их, так часто, что каза-

лось, будто он сидит на ёжике. Когда прибыл сам министр магии Корнелиус Фадж, Перси так низко поклонился ему, что очки слетели у него с носа и разбились вдребезги. Ужасно сконфузившись, Перси починил их волшебной палочкой и уже больше не вставал со своего места, бросая завистливые взгляды на Гарри, с которым Корнелиус Фадж поздоровался, как со старым приятелем. Фадж, который уже был знаком с Гарри, по-отцовски пожал ему руку, справился о его жизни и представил его другим волшебникам.

— Гарри Поттер, знаете ли, — громко сказал он болгарскому министру, одетому в роскошную мантию из чёрного бархата, окантованного золотом, который, казалось, не понимал ни слова по-английски, — Гарри Поттер… да ладно, вы же знаете, кто он такой: мальчик, который пережил атаку Сами-Знаете-Кого… да вы же знаете кто он такой…

Болгарский маг неожиданно заметил шрам Гарри и стал громко и возбуждённо о чём-то лопотать, указывая на шрам пальцем.

— Я так и знал, что до него дойдёт в конце концов, — устало сказал Фадж. — Я не особо силён в языках. Для таких вещей мне нужен Барти Крауч. Ага, я вижу, его домовой держит ему место…

Правильно, а то эти болгарские типы пытались заграбастать все лучшие кресла… ага, а вот и Люциус.

Гарри, Рон и Гермиона быстро обернулись. Вдоль второго ряда к трём всё ещё свободным местам пробирались ни кто иные, как бывшие хозяева Добби: Люциус Малфой, его сын Драко и женщина, которая, очевидно, была его матерью.

Гарри и Драко Малфой были врагами с их первой поездки в Хогвартс. Бледный, с острым лицом и светлыми волосами, Драко был копией отца. Мать его тоже была блондинкой, высокой и стройной. Её можно было бы назвать красивой, если бы её лицо не носило такое выражение, словно ей только что подсунули под нос нечто очень вонючее.

— А, Фадж, — сказал мистер Малфой, протягивая руку Министру Магии. — Как вы? Кажется, вы не знакомы с моей женой Нарциссой и нашим сыном Драко?

— Очень приятно, очень приятно, — сказал Фадж, улыбаясь и кланяясь миссис Малфой. — А мне позвольте представить вам мистера Обланска… Обалонска… мистера… а… в общем, Министра Магии Болгарии. Он не понимает ни слова из того, что я говорю, так что, неважно. И ещё… я

так понимаю, вы знакомы с Артуром Уизли?

Наступила натянутая пауза. Мистер Уизли и мистер Малфой взглянули друг на друга, и Гарри отчётливо вспомнил последний раз, когда эти двое встречались лицом к лицу: в книжном магазине у «Флориша и Блоттса», причём встреча завершилась дракой. Холодные серые глаза мистера Малфоя скользнули по лицу мистера Уизли, а затем по всему первому ряду.

— Боже мой, Артур, — тихо сказал он. — Что тебе пришлось продать, чтобы заплатить за билеты в Верхней Ложе? Не стоит же твой дом столько денег?

Фадж, не слышавший этих слов, продолжал:

— Люциус только что сделал очень щедрое пожертвование в пользу Больницы Волшебных Болезней и Травм имени Святого Мунго, Артур. Он здесь в качестве моего гостя.

— Как… как мило, — сказал мистер Уизли, улыбаясь чересчур натянуто.

Мистер Малфой перевёл взгляд на Гермиону, которая слегка порозовела, но не отвела глаз. Гарри прекрасно понял, что вызвало кривую усмешку на губах мистера Малфоя. Он и его семья гордились своей чистокровностью и считали волшебников из маггловских семей, то есть таких,

как Гермиона, вторым сортом. Но под взглядом Министра Магии он не посмел ничего сказать. С презрительной усмешкой на губах он слегка кивнул мистеру Уизли и стал пробираться дальше к своему сиденью. Драко послал Гарри, Рону и Гермионе полный презрения взгляд и уселся между матерью и отцом.

— Мерзкие слизни, — пробормотал Рон, вместе с Гарри и Гермионой повернувшись лицом к полю. В следующую секунду в ложу влетел Людо Бэгмэн.

— Все готовы? — сказал он, сияя, словно огромный голландский сыр. — Министр… начинаем?

— Если вы готовы, то и мы готовы, Людо, — добродушно отозвался Фадж.

Людо вытащил волшебную палочку, направил её себе на горло, и произнёс: «Сонорус!», а затем заговорил прямо поверх гула набитого людьми стадионом. Его голос, проник во все углы и, отразившись эхом, прогремел:

— Дамы и господа… добро пожаловать! Добро пожаловать на финал четыреста двадцать второго Чемпионата Мира по Квиддитчу!

Зрители закричали и разразились аплодисментами. Тысячи рук махали тысячами флажков, и несогласованное пение национальных гим-

нов вносило ещё больший шум в общий хаос. С огромной доски напротив них исчезла последняя реклама (Конфеты с Любыми Вкусами от Берти Ботт — пробуйте на свой страх и риск!), а вместо неё появилось: БОЛГАРИЯ — 0, ИРЛАНДИЯ — 0.

— А сейчас, без промедления, позвольте мне представить вам… Талисманов болгарской сборной!

Правая сторона стадиона — сплошная алая стена — взревела в знак одобрения.

— Интересно, кого они с собой привезли, — сказал мистер Уизли, наклоняясь вперёд. — Оооо!.. — он внезапно сорвал с носа очки и тщательно протёр их о мантию. — Виилы!

— Что такое Ви…

Но сотня Виил уже выплывала на поле, ответив на вопрос Гарри. Виилы оказались женщинами… самыми красивыми женщинами, которых когда-либо видел Гарри, только… они не были — просто не могли быть — людьми. На секунду это смутило Гарри, пока он пытался понять, кто же они такие, почему их кожа сияет лунным светом и почему их отливающие белым золотом волосы развеваются без малейшего дуновения ветра… Но тут заиграла музыка, и Гарри стало всё равно, люди они или нет… ему вообще стало всё равно.

Виилы начали танцевать и разум Гарри абсолютно и полностью безмятежно опустошился. Единственное, что существовало сейчас на свете — это танцующие Виилы, потому что, если они вдруг перестанут танцевать, произойдёт катастрофа…

Виилы танцевали быстрее и быстрее, и дикие, оборванные на полуслове мысли, стали появляться в голове у Гарри. Он почувствовал необходимость совершить что-то из ряда вон выходящее в эту же минуту. Прыгнуть из ложи на игровое поле — показалось ему превосходной идеей… но достаточно ли героической?

— Гарри, что ты делаешь? — прозвучал в его ушах откуда-то издалека голос Гермионы.

Музыка остановилась. Гарри моргнул. Он стоял, поставив ногу на стенку ложи. Рядом с ним стоял Рон с таким видом, как будто собирался нырнуть с вышки.

Стадион наполнился озлобленными криками. Толпа не желала отпускать Виил. Гарри с энтузиазмом присоединился к общим крикам. Конечно же, он будет болеть за Болгарию. Он не понимал, почему к его груди приколот большой зелёный лист клевера. Рон в каком-то трансе рвал на мелкие части клевер на своей шляпе. Мистер Уизли,

улыбнувшись, наклонился к Рону и забрал у него шляпу.

— Она тебе ещё пригодится, — сказал он, — когда Ирландия скажет своё слово.

— А? — спросил Рон, открыв рот и глядя на Виил, которые выстроились по одну сторону поля.

Гермиона громко прищёлкнула языком и потянула Гарри назад на сиденье. — Я тебя умоляю! — сказала она.

— А сейчас, — прогремел голос Людо Бэгмэна, — пожалуйста, поднимите палочки вверх… и поприветствуйте Талисманов ирландской сборной!

И тотчас же, что-то похожее на огромную зелёную с золотом комету, ворвалось на стадион, пронеслось по кругу, разорвалось на две меньшие кометы, каждая из которой понеслась к золотым шестам на краях поля. Над полем сверкнула радуга, протянувшаяся от одного светового шара к другому. Толпа заохала и заахала, как будто на фейерверке. Радуга исчезла, шары света объединились, слились и сформировали огромный искрящийся лепесток клевера, который поднялся высоко в небо и поплыл над трибунами. Что-то, похожее на золотой дождь лилось из него на зрителей.

— Классно! — закричал Рон, когда клевер поравнялся с ними и осыпал их дождём тяжёлых золотых монет, которые отскакивали от голов и сидений. Сощурившись, Гарри присмотрелся к клеверу и увидел, что он состоит из тысяч малюсеньких бородатых карликов в красных жилетках, держащих в руках малюсенькие золотые или зелёные лампы.

— Лепреконы! — сказал мистер Уизли, стараясь перекричать громовые аплодисменты толпы, в которой многие всё ещё шарили под стульями в поисках золотых монет.

— Вот, — сказал Рон, залившись счастливой улыбкой, всовывая кучу денег в руку Гарри, — за Омниокли. Теперь тебе придётся купить мне подарок на Рождество. Ха!

Огромный клевер растворился в воздухе, лепреконы спустились вниз на поле, по-турецки уселись на противоположную от Виил сторону и приготовились смотреть матч.

— А сейчас, дамы и господа, я прошу вас поприветствовать… национальную сборную Болгарии по Квиддитчу! Я представляю вам — Димитрова!

Фигура в алой мантии верхом на метле влетела на поле с такой скоростью, что её очертания расплылись в воздухе. Последовали дикие апло-

дисменты со стороны болгарских болельщиков.

— Иванову!

Вторая фигура в алых одеждах влетела на поле.

— Зографа! Левского! Вулчанова! Волкова! иииииииииии Крама!

— Это он! Это он! — заорал Рон, следуя за Крамом своими Омниоклями. Гарри быстро навёл на него фокус.

Виктор Крам был худым, темноволосым, со смуглой кожей с желтоватым оттенком и крупным крючковатым носом под густыми бровями. Он смахивал на огромную хищную птицу. Трудно было поверить, что ему всего восемнадцать лет.

— А теперь, пожалуйста, поприветствуйте… национальную сборную Ирландии по Квиддитчу! — вскричал Бэгмэн. — Конноли! Райан! Трой! Мюллет! Моран! Квигли! ииииииииии Линч!

Семь зелёных пятен вылетели на игровое поле. Гарри повертел ручку на боку Омниоклей и замедлил движение ровно настолько, чтобы прочитать, что на мётлах было написано «Молния», а имена игроков были вышиты серебром у них на спинах.

— А сейчас, специально прибывший из Египта, наш судья — заслуженный Председатель Меж-

дународной Ассоциации по Квиддитчу, Хассан Мустафа!

Маленький тощий волшебник, с совершенно лысой головой, зато с усами, которые ещё бы поспорили с усами дяди Вернона, в одеждах из чистого золота под цвет стадиона, вступил на игровое поле. Из-под усов торчал серебряный свисток, в одной руке он держал большой деревянный ящик, а в другой — метлу. Гарри повернул ручку на ускорительном циферблате назад на нормальную скорость и внимательно следил за Мустафой, который взобрался на метлу и открыл ящик. Из ящика вылетели четыре мяча: алый Кваффл, два чёрных Бладжера и (он промелькнул перед глазами и исчез) малюсенький, крылатый, золотой Снитч. Пронзительно дунув в свисток, Мустафа взлетел в воздух вслед за мячами.

— Иииииииии наааааааааааачалии! — закричал Бэгмэн. — Мюллет! Трой! Моран! Димитров! Снова Мюллет! Трой! Левский! Моран!

Такого Квиддитча Гарри ещё не видел. Он так сильно прижимал Омниокли к очкам, что они впивались в переносицу. Игроки носились с молниеносной скоростью. Кваффл перебрасывали так быстро, что Бэгмэн только успевал произносить имена игроков. Гарри опять покрутил

циферблат на Омниоклях и замедлил игру, потом перекрутил назад время и стал пересматривать замедленный вариант. Но тут белые, сверкающие сиреневыми искорками буквы, пересекли линзы Омниоклей и гул толпы прорезал уши.

— АТАКУЮЩАЯ ПОЗИЦИЯ ЯСТРЕБИНАЯ ГОЛОВА — прочёл он и увидел, что трое ирландских Охотников быстро скучились вместе: Трой посредине, а за ним чуть дальше Мюллет и Моран, и устремились на болгар. — ХИТРОСТЬ ПОРСКОВА — засверкали буквы у него перед глазами, и Трой, казалось, приготовившийся метнуться вверх с Кваффлом, завлекая за собой болгарскую Охотницу Иванову, но вместо этого метнул его вниз Моран. Волков, один из болгарских Вышибал, с размаху ударил битой пролетавший мимо Бладжер, послав её на Моран. Моран увернулась от Бладжера, ринувшись вниз, и уронила Кваффл, а летящий под ней Левский тотчас же подхватил его.

— ТРОЙ ЗАБИВАЕТ ГОЛ! — прокричал Бэгмэн и стадион содрогнулся от грома аплодисментов и одобряющих воплей. — Десять — ноль в пользу Ирландии!

— Что? — встрепенулся Гарри, отрываясь от своих Омниоклей, — но Левский поймал Кваффл!

— Гарри, если ты не будешь смотреть с нормальной скоростью, ты всё пропустишь, — закричала Гермиона, приплясывая на месте и, махая руками, в то время как Трой совершал круг почёта по стадиону. Гарри, оторвавшись от Омниоклей, посмотрел на поле и увидел, что лепреконы, которые до этого тихонько сидели в сторонке и следили за игрой, поднялись в воздух и образовали большой сверкающий клеверный лист. С противоположной стороны поля Виилы смотрели на них с надутыми лицами.

В ярости на себя Гарри повернул ручку назад на нормальную скорость.

Не нужно было особенно разбираться в квиддитче, чтобы понять, что ирландские Охотники просто первоклассны. Они играли как один человек, их движения были настолько скоординированы, что, казалось, они читали мысли друг друга, когда занимали позиции, и розетка на груди у Гарри громко выкрикивала их имена: — Трой-Мюллет-Моран!. — Не прошло и десяти минут, как Ирландия получила ещё двадцать очков. Теперь счёт был тридцать — ноль в пользу Ирландии, что вызвало громовой рёв со стороны зелёных болельщиков.

Игра становилась более быстрой и более жесто-

кой. Волков и Вулчанов, болгарские Вышибалы, изо всех сил лупили по Бладжерам, посылая их на ирландских Охотников, мешая им проводить лучшие маневры. Дважды ирландцам пришлось разлететься в разные стороны, и во второй раз Ивановой удалось пробиться мимо них, увильнуть от Вратаря, Райана, и забить первый гол.

— Заткните уши! — набрав воздуха в лёгкие, заорал мистер Уизли. Виилы поднялись со своих мест и начали колдовской танец. Гарри заткнул уши и закрыл глаза. Он хотел полностью сосредоточиться на игре. Через пару секунд он решился взглянуть на поле. Виилы уже не танцевали, а болгары опять захватили Кваффл.

— Димитров! Левский! Димитров! Иванова! — ух ты! — гремел Бэгмэн.

У ста тысяч волшебников перехватило дыхание, когда оба Ловца рухнули вниз между Охотниками с такой молниеносной скоростью, как будто прыгнули с самолёта без парашютов. Гарри следил за их полётом во Омниокли, щурясь изо всех сил, пытаясь отыскать Снитч.

— Они разобьются! — вскрикнула Гермиона.

Она оказалась права, но только наполовину. В последнюю секунду Виктор Крам резко вышел из пике и стал подниматься по спирали вверх.

Линч же ударился о землю с такой силой, что гулкий грохот отозвался во всех концах стадиона. С ирландских мест раздался многоголосый стон.

— Идиот! — простонал мистер Уизли, — Крам прикидывался!

— Таймаут! — прогремел голос Бэгмэна над медимагами, которые бежали по полю к Эйдану Линчу.

— Ничего страшного, он немножко пропахал, — сказал Чарли стараясь успокоить Джинни, пытающуюся разглядеть, что происходит внизу. Она была в полном ужасе. — Но Крам именно этого и добивался, — добавил Чарли.

Гарри быстро перевёл Омниокли на замедленное действие, перекрутил назад время и приложил их к глазам. Он увидел, как Крам и Линч медленно спускаются вниз. — ФИНТ ВРОНСКОГО — ОПАСНЫЙ ДЛЯ ЖИЗНИ ЛОВЦА ПРИЁМ — было написано на линзах сверкающими фиолетовыми буквами. Он ясно видел лицо Крама, искажённое от напряжения, когда тот резко изменил курс полёта в последнюю секунду, в то время как Линч распластался на земле. И тут он понял: Крам не видел Снитч, он пикировал, чтобы завлечь за собой Линча. Гарри не представлял себе, что можно так летать. Как будто Крам вообще не пользовал-

ся метлой. Он так легко скользил по воздуху, что казался невесомым, летящим как птица. Гарри перекрутил Омниокли на нормальную скорость и навёл фокус на Крама. Крам летал кругами высоко над Линчем, которого пытались привести в чувство чашкой зелья окружившие его медимаги. Гарри покрутил фокус, чтобы приблизить к себе лицо Крама и увидел, что его тёмные глаза шныряют по земле. Он воспользовался моментом суматохи, чтобы без помех искать Снитч.

Наконец Линч встал на ноги под громогласные возгласы зелёных болельщиков, взобрался на Молнию и поднялся в воздух. Его выздоровление, казалось, подстегнуло ирландскую команду. Когда Мустафа просвистел, сигнализируя возобновление игры, Охотники перешли в атаку с таким искусством, подобного которому Гарри ещё не видел.

Спустя пятнадцать быстрых и яростных минут, Ирландия продолжала лидировать, заработав ещё сотню очков. Счёт теперь стал сто тридцать к десяти в пользу Ирландии, и игра пошла почёрному.

Когда Мюллет ринулась к шестам с Кваффлом в руках, болгарский Вратарь Зограф преградил ей дорогу. То, что случилось потом, случилось

так быстро, что Гарри не уловил ничего, кроме яростных криков зелёных болельщиков и продолжительного свистка Мустафы оповещающего о нарушении.

— И болгарский Вратарь получает предупреждение за чрезмерное пихание локтями, — известил ревущую толпу Бэгмэн, — да, Ирландия заработала штрафной.

Лепреконы, поднявшиеся в воздух, как рой злых блистающих шершней, когда Мюллет сфолили, теперь скучились вместе, формируя в воздухе — ХИ-ХИ-ХИ. — На противоположном конце поля Виилы вскочили на ноги, сердито откинули назад волосы и снова начали танцевать.

Все как один, братья Уизли и Гарри заткнули уши, но Гермиона, на которую танец Виил не производил должного эффекта, потянула его за рукав. Хихикая, она прокричала, ему в ухо: — Посмотри на судью!

Гарри взглянул на поле. Хассан Мустафа стоял перед танцующими Виилами, и вёл себя чрезвычайно странно. Он хорохорился, напрягая мускулы и оживлённо приглаживая усы.

— Только этого нам не хватало! — сказал Людо Бэгмэн с усмешкой в голосе. — Эй, кто-нибудь, приведите в чувство судью!

Медимаг уже бежал по полю, засунув пальцы в уши. Подбежав к Мустафе, он с силой лягнул его по щиколотке. Казалось, Мустафа пришёл в себя. Гарри направил на него Омниокли и увидел, что судья ужасно смущён. Он сердито закричал на Виил, которые прекратили танцевать и воинственно глазели на него.

— И если я не ошибаюсь, Мустафа пытается отослать с поля группу поддержки болгарской команды! — раздался голос Бэгмэна. — Ага, такого мы ещё не видели… О-о-о — что сейчас будет!

Болгарские Вышибалы Волков и Вулчанов приземлились по обе стороны от Мустафы и начали яростно спорить с ним, тыкая пальцами в лепреконов, которые с ехидными усмешками сгруппировались в воздухе, формируя слова — «ХИ-ХИ-ХИ!» — Аргументы болгар не произвели на Мустафу никакого впечатления. Он тыкал пальцем вверх, приказывая им снова подняться в воздух, и, когда они отказались, просвистел два коротких свистка.

— Два штрафных очка Ирландии, — закричал Бэгмэн, и болгарские болельщики взвыли от негодования, — а Волкову и Вулчанову лучше бы сесть обратно на мётлы — ага! — ну вот!.. Кваффл у Троя…

Игра достигла уровня доселе невиданной свирепости. Вышибалы обеих команд лупили без пощады. Волков и Вулчанов, в частности, свирепо размахивали битами и уже не обращали внимания, приходятся ли их удары на Бладжеры или на живую плоть. Димитров пулей налетел на Моран, которая держала под мышкой Кваффл, чуть не сбросив её с метлы.

— Фол! — взорвались ирландские болельщики в один голос, поднимаясь с трибун зелёной стеной.

— Фол! — эхом откликнулся Людо Бэгмэн, своим магически громогласным голосом. — Димитров нанес Моран сокрушительный удар — нарочно летел на неё, пытаясь столкнуться. Им должны дать ещё одно штрафное очко… Так и есть, я слышу свисток!

Лепреконы опять поднялись в воздух, но в этот раз они сформировали огромную руку делающую чрезвычайно неприличный жест, предназначенный Виилам напротив. Такого оскорбления Виилы не вынесли. Вместо того, чтобы танцевать, они бросились в атаку, метая в лепреконов что-то похожее на огненные шары. Гарри навёл на них фокус своих Омниоклей. От неземной красоты не осталось и следа. Напротив, нежные лица

приняли форму остроконечных птичьих голов с устрашающими клювами, а из плеч выросли длинные крылья, покрытые чешуёй.

— И именно поэтому, ребята, — мистер Уизли старался перекричать орущую под ними толпу, — вы не должны судить о людях только по внешности!

Маги из Министерства сбежались на поле, чтобы разнять Виил с лепреконами, но безуспешно. Между тем, драма, разыгравшаяся внизу, не входила ни в какое сравнение с тем, что происходило в воздухе. Гарри быстро вертел головой, пытаясь следовать за Кваффлом, который перелетал из рук в руки с быстротой молнии.

— Левский — Димитров — Моран — Трой — Мюллет — Иванова — опять Моран — МОРАН ЗАБИЛА ГОЛ!

Но радостные крики ирландских болельщиков утонули в визге Виил, выстрелах из волшебных палочек магов министерства и яростных воплях болгар. Игра продолжалась. Кваффл у Левского… у Димитрова…

Ирландский Вышибала Квигли с силой размахнулся и послал пролетающий мимо Бладжер на Крама, который не успел увернуться и получил удар прямо в лицо.

Из толпы донёсся оглушающий стон. Похоже, Краму разбили нос, его лицо было залито кровью, но Хассан Мустафа не засвистел в свой свисток. Он отвлёкся — и не удивительно — одна из Виил бросила в него огненный шар, от которого загорелся кончик его метлы.

Гарри мечтал, чтобы кто-нибудь заметил, что Крам ранен, хоть он и болел за Ирландию. Крам был самым замечательным игроком над полем. Рон, очевидно, хотел того же.

— Таймаут! Да ну, он не может продолжать игру в таком состоянии! Да вы только посмотрите на него!

— Посмотри на Линча! — вдруг во все лёгкие заорал Гарри.

Ирландский Ловец внезапно стал пикировать, и Гарри был уверен, что это не Финт Вронского: это было по-настоящему…

— Он увидел Снитч! — изо всех сил кричал Гарри. — Он видит его! Только посмотри, как он летит!

Половина зрителей уже поняла, что происходит. Ирландские болельщики поднялись зелёной стеной, подбадривая своего Ловца… но Крам висел у него на хвосте. Непонятно как он вообще что-то видел через кровь, заливающую его лицо.

Он летел, оставляя за собой след из кровавых капелек. Но мало-помалу расстояние между ним и Линчем сокращалось, они были уже на одном уровне, когда почти достигли земли.

— Они разобьются! — в ужасе взвизгнула Гермиона.

— Ни за что! — прокричал Рон.

— Линч — точно разобьётся! — орал Гарри.

И он был прав. Во второй раз Линч врезался в землю и был немедленно атакован ордой злых Виил.

— А Снитч, где же Снитч? — ревел Чарли.

— У него в руках! Крам поймал его! Всё! Конец игры! — орал Гарри.

Крам в алых одеждах, пропитанных кровью, медленно поднимался вверх, в зажатом кулаке сверкал золотой Снитч.

Доска над ревущей толпой показывала: БОЛГАРИЯ — 160, ИРЛАНДИЯ- 170. Казалось, никто ещё не понял, что произошло. Подобно реактивному самолёту, заводящему мотор, шум со стороны ирландских болельщиков становился всё громче и громче, пока не взорвался громовыми криками радости.

— ИРЛАНДИЯ ПОБЕДИЛА! — кричал Бэгмэн, который, подобно ирландцам, не ожидал такого

внезапного окончания матча.

— КРАМ ПОЙМАЛ СНИТЧ — НО ИРЛАНДИЯ ПОБЕДИЛА! Господи! Кто бы мог подумать!?

— Зачем же он поймал Снитч? — хрипло кричал Рон, подпрыгивая на месте и хлопая в ладоши над головой. — Он закончил матч, когда Ирландия выигрывала на 160 очков! Вот идиот!

— Он знал, что им ни за что не нагнать Ирландию, — выкрикивал Гарри, стараясь перекричать гром голосов и тоже аплодируя, — ирландские Охотники слишком хороши — он хотел закончить игру тогда, когда считал это нужным, вот и всё…

— Он такой отважный, правда? — кричала Гермиона, перегнувшись через стенку ложи и следя за толпой медимагов, уже спешивших к Краму, пробивая дорогу между дерущимися Виилами и лепреконами, — у него совершенно ужасный вид!

Гарри опять приложил к глазам Омниокли. Лепреконы, снующие над полем, мешали рассмотреть, что происходит внизу. Ему всё-таки удалось разглядеть Крама, окружённого медимагами. Он выглядел ещё угрюмее, чем обычно и не позволял им стереть кровь. Его окружили товарищи по команде, печально качающие головами.

А рядом радостно плясала ирландская команда, осыпаемая золотым дождём лепреконов. Флаги вились над стадионом. Репродукторы играли в полную силу ирландский национальный гимн, Виилы медленно принимали свою обычную форму, но их прекрасные лица подёрнули печаль и уныние.

— Што ше, ми билис храбро, — произнёс угрюмый голос за спиной Гарри. Гарри обернулся и увидел, что это сказал Министр Магии Болгарии.

— Вы говорите по-английски? — с возмущённым видом вскричал Фадж. — А я целый день изъяснялся с вами знаками!

— Это било ошен смиешно, — пожал плечами болгарский министр.

— И в то время, пока ирландская команда совершает круг почёта вокруг стадиона в сопровождении своей группы поддержки, Кубок доставляют в Верхнюю Ложу, — прогремел Бэгмэн.

Гарри был ослеплён ярким волшебным светом, Верхнюю ложу ярко осветили, чтобы на всех трибунах видели, что происходит внутри. Прищурившись, он различил двух запыхавшихся волшебников с огромной золотой чашей в руках. Фадж, всё ещё кипящий от злости на болгарского

министра, принял Кубок из рук тяжело дышавших магов.

— Давайте поаплодируем проигравшей доблестной команде Болгарии, — закричал Бэгмэн.

Семь игроков команды Болгарии вошли в ложу. Толпа с уважением зааплодировала. Со всех концов стадиона линзы Омниоклей были направлены на проигравших.

Один за другим болгарские игроки выстраивались между рядами. Бэгмэн вызывал каждого по имени, и они жали руку сначала своему министру, а потом Фаджу. Последним в очереди был Крам. Он выглядел просто ужасно. На залитом кровью лице сверкали чёрные глаза. Его рука всё ещё сжимала Снитч. Гарри отметил, что на земле он двигался менее грациозно, чем в воздухе. Он немного косолапил и сильно сутулился. Но, когда вызвали Крама, весь стадион разразился громогласным рёвом.

И вот сборная Ирландии двинулась к ложе. Моран и Конноли под руки вели Линча. Второй удар о землю, казалось, не прошёл ему даром: глаза его бессмысленно смотрели в пространство. Но по его лицу проскользнула счастливая улыбка, когда Трой и Квигли подняли Кубок, и толпа громко зааплодировала. Ладони Гарри онемели

от всех этих аплодисментов.

Когда, наконец, ирландская команда вышла из ложи, чтобы совершить второй круг почёта на своих метлах (Эйдан Линч за спиной у Конноли, крепко держась за его талию и улыбаясь своей бессмысленной улыбкой), Бэгмэн направил волшебную палочку на своё горло и произнёс:
— Кваетус.

— Об этом будут ещё долго говорить, — хрипло произнёс он. — Совершенно неожиданный исход… всё же, очень жаль… могли бы ещё играть да играть. Ах, да, я вам должен… Сколько?

Фред и Джордж, с улыбками до ушей, стояли перед ним, протягивая открытые ладони.

09. Тёмная Метка

— Только матери не говорите, что играли в азартные игры, — умоляюще обратился к Фреду и Джорджу мистер Уизли, пока они спускались вниз по ступеням, устланным фиолетовым ковром.

— Не волнуйся, пап, — ухмыльнулся Фред, — мы рассчитываем на эти деньги. Нам не нужно, чтобы их конфисковали.

Мистер Уизли будто секунду поколебался, не спросить ли, на что именно они рассчитывали, но, после краткого размышления, видимо, решил, что ему не хочется этого знать.

Вскоре их подхватил поток волшебников, направляющихся со стадиона обратно в палаточный лагерь. Пока они возвращались по освещённой фонарями тропинке, в ночном воздухе до них доносилось пение охрипших голосов, а Лепреконы носились у них над головами, смеясь и размахивая своими фонариками. Наконец, добравшись до палатки, они поняли, что им совершенно не хочется спать, и Мистер Уизли, учитывая уровень шума в лагере, согласился,

что всей компании не мешало бы выпить ещё по чашечке горячего шоколада перед тем, как лечь спать. Вскоре они оживлённо обсуждали игру. Мистер Уизли затеял спор с Чарли, и лишь когда Джинни уснула прямо на маленьком столе, опрокинув при этом чашку и пролив горячий шоколад на пол, мистер Уизли прервал все обсуждения и настоял на том, что пора ложиться. Гермиона и Джинни направились в соседнюю палатку, а Гарри и остальные Уизли переоделись в пижамы и залезли в кровать. С другой стороны лагеря всё ещё доносились пение и какой-то странный шум.

— Как же я рад, что не дежурю сегодня, — сонно пробормотал мистер Уизли. — Не хотел бы я быть на месте того, кто должен будет объявить ирландцам, что пора закругляться с гуляниями.

Гарри лежал на верхнем ярусе над Роном, уставившись в брезентовый потолок палатки, через который время от времени просачивался свет от фонаря какого-нибудь лепрекона, пролетающего над палатками, и представлял самые лихие пируэты Крама. Ему не терпелось сесть на собственную «Молнию» и попробовать Финт Вронского… Почему-то Оливеру Вуду, несмотря на все его извивающиеся диаграммы, толком не

удалось объяснить ему, как выполнять этот приём… Гарри представил себя в мантии с фамилией на спине, услышал громогласный рёв стотысячной толпы в ответ на возглас Людо Бэгмэна: — Представляю вам… Поттера!

Гарри так и не понял, уснул он или нет, поскольку ему вполне могло присниться, что он летал как Крам, но внезапно он понял, что слышит крик мистера Уизли:

— Вставайте! Рон… Гарри… давайте, вставайте немедленно!

Гарри быстро сел, ударившись головой о брезентовый потолок.

— Что такое? — спросил он.

До него доходило, что что-то было не так. Снаружи теперь доносились уже совсем другие звуки. Пение прекратилось. Теперь он слышал крики и топот бега. Он слез вниз и потянулся за одеждой, но мистер Уизли, который уже натянул джинсы прямо поверх пижамных штанов, сказал: — Нет времени, Гарри… бери куртку и выходи… быстро!

Схватив куртку, Гарри выскочил из палатки. За ним по пятам следовал Рон.

При свете немногочисленных костров он различил очертания людей, бежавших к лесу, пытаясь

скрыться от чего-то, надвигающегося на них со стороны поля, издающего звуки, похожие на выстрелы и выпускающего странные вспышки света. Громкое улюлюканье, раскаты хохота и пьяные крики становились всё громче, и вдруг, яркая вспышка зелёного света озарила поляну.

Сгрудившись в кучу, к ним медленно приближалась толпа волшебников, с направленными вверх волшебными палочками. Гарри прищурился… он никак не мог разглядеть их лиц… и вдруг он понял, что лица магов скрывали маски, а головы покрывали капюшоны. Над ними, отчаянно барахтаясь в воздухе, плыли четыре беспомощные фигуры, извиваясь в уродливых позах. Казалось, что люди в воздухе просто марионетки, которыми управляют с земли кукольники-маги при помощи невидимых нитей, которыми куклы привязаны к волшебным палочкам. Две из четырёх фигур, бултыхающихся в воздухе, были совсем маленькими.

К марширующей группе присоединялось всё больше и больше народу. Они гоготали и тыкали своими волшебными палочками в беспомощные фигурки в небе. Шагающая толпа сметала палатки на своём пути. Время от времени один из замаскированных волшебников взрывал ту или

иную палатку, оказывающуюся у него на дороге. Вокруг уже горело несколько палаток. Крики стали громче.

Плывущая в воздухе группа озарилась пламенем горящей палатки, и Гарри узнал в одной из жертв мистера Робертса, управляющего палаточным городком. Остальные три, скорее всего, были его женой и детьми. В этот момент один из магов взмахнул своей волшебной палочкой и перевернул миссис Робертс вверх ногами. Ночная рубашка упала ей на голову, обнажив пышные панталоны. Несчастная тщетно пыталась прикрыться под улюлюканье и весёлый гогот толпы.

— Кошмар какой-то, — пробормотал Рон, указывая на младшего маггловского ребёнка, крутящегося, как волчок, на двадцатиметровой высоте. Его голова беспомощно болталась из стороны в сторону. — Просто кошмар…

Навстречу им бежали Гермиона и Джинни, поспешно натягивая кофты поверх ночных рубашек, а за ними следовал мистер Уизли. Билл, Чарли и Перси выскочили из своей палатки, одетые и с палочками наготове.

— Нам нужно помочь Министерству! — закатывая рукава, крикнул мистер Уизли, пытаясь перекричать шум голосов, — а вы — бегите в лес и

держитесь все вместе. Я приду за вами, как только мы разберёмся здесь с этим недоразумением.

Билл, Чарли и Перси уже рванулись навстречу толпе в масках. Мистер Уизли ринулся вслед за ними. Со всех сторон сюда сбегались маги из министерства. Толпа и болтающаяся над ними семья Робертс придвигалась всё ближе.

— Пошли, — сказал Фред, схватив Джинни за руку и увлекая её за собой к лесу. Гарри, Рон, Гермиона и Джордж побежали следом. У леса они обернулись и увидели, что на земле под летящей семьёй Робертс собралась уже огромная толпа. Волшебники из Министерства с большим трудом пытались протолкнуться в центр группы к волшебникам в капюшонах. Похоже было, что они колеблются, не зная что делать и опасаясь, что семья Робертс рухнет на землю.

Цветные фонарики, доселе ярко освещавшие дорогу на стадион, потухли. Между деревьев мелькали тени, слышался плач детей. Тревожные крики и панические вопли звенели в холодном ночном воздухе. Гарри чувствовал, что на него наталкиваются люди, чьих лиц он не видел в кромешной тьме. Вдруг Рон вскрикнул от боли.

— Что такое? — тревожно спросила Гермиона и так резко остановилась, что Гарри налетел на

неё в темноте. — Где ты, Рон? Какая глупость… Люмос!

Кончик её волшебной палочки засветился и бросил узкую полоску света на тропинку, где, распластавшись, лежал Рон.

— Споткнулся о корень, — сердито пробормотал он, поднимаясь на ноги.

— С такими ходулями несложно, — протянул чей-то голос позади них.

Гарри, Рон и Гермиона быстро обернулись. Неподалёку от них, развалившись, стоял Драко Малфой, прислоняясь спиной к дереву. Скрестив руки на груди, он наблюдал за сценой в палаточном лагере через просвет между деревьями.

Рон посоветовал Малфою сделать что-то, чего бы он не посмел пожелать ему в присутствии миссис Уизли.

— Следи за языком, Уизли! — произнёс Малфой, сверкая белесыми глазами. — Мотал бы ты отсюда! Не думаю, что ты сильно обрадуешься, если они обнаружат её.

Он кивнул в сторону Гермионы. В этот самый момент со стороны лагеря послышался грохот взрыва, и вспышка зелёного света на мгновение озарила деревья вокруг них.

— И на что это ты намекаешь? — вызывающе

бросила Гермиона.

— Грэйнджер, они же охотятся за магглами, — протянул Малфой, — ты что, хочешь продемонстрировать всем свои подштанники, проплывая по воздуху? Потому что если тебе уж очень сильно этого хочется, то подожди, не уходи, они идут сюда… так мы здорово повеселимся.

— Гермиона — колдунья! — рявкнул Гарри.

— Думай, как хочешь, Поттер, — злобно ухмыльнулся Малфой, — и если ты считаешь, что они не смогут распознать грязнокровку — оставайся здесь.

— Заткни свою пасть! — заорал Рон. Всем присутствующим было известно, что слово «грязнокровка» было страшным оскорблением для волшебников, чьи родители были магглами.

— Оставь, Рон, — быстро сказала Гермиона, хватая Рона за руку в попытке удержать его от драки с Малфоем.

Но тут позади них раздался неслыханной силы громовой удар. Вокруг послышались вопли.

Малфой усмехнулся.

— Их так легко напугать, правда? — лениво протянул он. — Небось, папуля вам сказал, чтоб вы все спрятались здесь? Он что, там — спасает магглов?

— А где твои родители? — спросил Гарри, начиная злиться, — небось, в той толпе, с масками на лицах?

Малфой повернулся к Гарри с той же омерзительной улыбкой на лице: — Что ж, Поттер, если они и там, тебе я этого не скажу.

— Хватит, — сказала Гермиона, с отвращением взглянув на Малфоя, — пошли, найдём остальных.

— А ты особо не задирай свою лохматую голову, Грэйнджер, — ехидно бросил Малфой.

— Пошли, — повторила Гермиона и потянула за собой Рона и Гарри.

— Я даже не сомневаюсь, что его отец один из тех в масках! — гневно заметил Рон.

— И я надеюсь, что Министерство его поймает! — с жаром откликнулась Гермиона. — Ой, куда же делись остальные?

Фреда, Джорджа и Джинни и след простыл. На тропе было не протолкнуться, люди нервно озирались по сторонам.

Перед ними жарко спорила группа подростков в пижамах. Увидев Рона, Гарри и Гермиону, одна из девочек с копной кудрявых волос обернулась к ним и спросила: — Ou est Madame Maxime? Nous l'avons perdue…

— Эээ… чего? — переспросил Рон.

— А… — сказала девочка и отвернулась. Проходя мимо, они отчётливо услышали, как она произнесла: — Огвартс…

— Бобатон, — пробормотала Гермиона.

— Что? — сказал Гарри.

— Они, должно быть, учатся в Бобатоне, — ответила Гермиона, — ну, знаешь, Академия Волшебства Бобатон… Я читала об этой школе в книге «Оценка Волшебного Образовании в Европе».

— А… ну да… ладно… — сказал Гарри.

— Не может быть, чтобы Фред и Джордж так далеко ушли, — вдруг сказал Рон, вытаскивая свою волшебную палочку, зажигая её и освещая тропинку перед собой. Гарри сунул руку в карман, чтобы достать свою собственную палочку, но ничего не нашёл. В кармане одиноко лежали Омниокли.

— Нет… не может быть… я потерял свою волшебную палочку!

— Да ты что!

Рон и Гермиона подняли высоко над головами свои палочки и осветили тропинку. Гарри рыскал глазами по земле в поисках своей палочки, но безуспешно.

— А ты не оставил её случайно в палатке? — спросил Рон.

— Или, может, она выпала у тебя из кармана, когда мы бежали по лесу? — нервно предложила Гермиона.

— Ага, наверно, — рассеянно согласился Гарри.

Он никогда не расставался со своей волшебной палочкой, когда жил в мире волшебников, и поэтому почувствовал себя совершенно беззащитным, оказавшись без неё в такой ситуации.

Внезапно в кустах позади них послышалось шуршание, и все трое подпрыгнули от неожиданности. Из гущи растительности выбралась Винки. Она продвигалась как-то странно, с трудом, как будто что-то невидимое тянуло её назад.

— Там нехорошие волшебники! — рассеянно пропищала она, кренясь назад и изо всех сил пытаясь продвинуться вперёд. — Люди высоко-высоко в воздухе! Винки убегает от них!

И она исчезла за деревьями по другую сторону тропинки, тяжело дыша и попискивая, борясь с невидимой силой, пытающей её удержать.

— Чего это с ней? — удивился Рон. — Почему она не может нормально бежать?

— Наверно, она не попросила разрешения спрятаться, — сказал Гарри, вспоминая Добби,

который отчаянно колотил себя каждый раз, когда делал что-то, чего не одобрило бы семейство Малфоев.

— Знаете, у домовых — ужасная жизнь, — возмущённо сказала Гермиона. — Ну просто чистое рабство! Этот мистер Крауч заставил её подняться на самый верх стадиона, а она была просто в ужасе! И он заколдовал её, чтобы она не смогла убежать даже, когда пошли сметать палатки! Почему никто не вступается за их права?

— Но ведь они не жалуются, — сказал Рон, — ты же слышала старушку Винки на матче: «Домовые не должен веселиться…» — им нравится такая жизнь, когда ими командуют.

— Это такие как ты поддерживают несправедливую и гнилую систему потому, что слишком ленивы и…

Её перебил ещё один раскат грома.

— Пошли-ка отсюда, — сказал Рон, бросив на Гермиону раздражённый взгляд. Гарри подумал, что Малфой, вероятно, был прав и, возможно, Гермионе действительно угрожала большая, чем им опасность. Все трое отправились дальше вглубь леса. Гарри продолжал шарить в карманах, хоть и понимал, что ничего там не найдёт.

Они шагали по тёмной тропинке глубже и глуб-

же в лес, всё ещё надеясь наткнуться на Фреда, Джорджа и Джинни. Они прошли мимо группы гоблинов, сгрудившихся над мешком золота, которое они, несомненно, выиграли, сделав ставку на матч. Их, очевидно, не трогала суматоха в лагере. Дальше на тропинке они наткнулись на полоску серебристого сияния и, через просвет между деревьями увидели трёх высоких и красивых Виил, стоящих на полянке в окружении громко и оживлённо говорящих молодых волшебников.

— Я мешками галеоны гребу! — кричал один из них. — Я — истребитель драконов в Комитете по Избавлению от Опасных Существ.

— А вот и нет! — закричал его друг. — Ты — посудомойщик в «Дырявом Котле»… зато я — охотник за вампирами, и убил их уже штук девяносто…

Тут вмешался третий волшебник, такой прыщавый, что это было очевидно даже при тусклом свете, исходившим от Виил:

— А я вот-вот стану самым молодым Министром Магии.

Гарри фыркнул от смеха. Он узнал этого прыщавого мага. Его звали Стэн Шанпайк, и он работал кондуктором в Автобусе «Рыцарь».

Он повернулся, чтобы сказать об этом Рону.

Но лицо Рона вдруг странно расплылось, и он закричал: — А я говорил, что изобрёл метлу, на которой можно долететь до Юпитера?

— Ради всего святого! — сказала Гермиона и вместе с Гарри схватила Рона за руки, вдвоём они развернули его и потащили прочь от поляны. Звуки голосов Виил и их обожателей постепенно таяли в воздухе — они забирались уже в самую гущу леса. Казалось, кроме них здесь никого не было. Стояла полная тишина.

Гарри осмотрелся. — Наверно, мы можем здесь остановиться. Мы услышим шаги любого, кто захочет к нам подойти, за милю.

Едва он закончил говорить, как прямо перед его носом из-за дерева появился Людо Бэгмэн.

Даже при слабом свете, исходящим от двух волшебных палочек, Гарри увидел, насколько преобразился Людо. Краска сошла с его лица. На нём не осталось и следа былого оживления и подпрыгивающей походки. Он был натянут и бледен.

— Кто здесь? — спросил он, прищурившись в попытке разглядеть их лица, — и что вы здесь одни делаете?

Они удивлённо переглянулись.

— А… там же происходят какие-то беспоряд-

ки, — заметил Рон.

Бэгмэн бросил на него рассеянный взгляд: — Что?

— Там, в лагере, кто-то захватил семью магглов…

Бэгмэн громко выругался.

— Ах, что б их! — сказал он и с тихим хлопком дизаппарировал.

— Он плохо информирован, этот мистер Бэгмэн, — нахмурившись, заметила Гермиона.

— Но он был отличным Вышибалой, — сказал Рон, увлекая за собой Гарри и Гермиону на небольшую полянку между деревьями и, усаживаясь на клочок сухой травы под деревом. — «Уимборнские Осы» три раза подряд становились первыми в лиге, когда он за них играл.

Он вытащил из кармана фигурку Крама, поставил её на землю и несколько минут смотрел, как она марширует. Как и настоящий Крам, фигурка ходила, косолапя и сутулясь — выглядела она гораздо менее внушительно, чем на метле. Гарри прислушивался к шуму, доносящемуся из лагеря. Всё было тихо — наверно, нарушителей утихомирили.

— Я надеюсь, что все остальные в целости и сохранности, — помолчав, сказала Гермиона.

— Не сомневаюсь, — откликнулся Рон.

— Представляешь себе, если твой отец поймал Люциуса Малфоя? — сказал Гарри, усаживаясь рядом с Роном и, разглядывая фигурку Крама, растянувшуюся на сухой листве, — он всегда говорил, что хотел бы поймать его с поличным.

— Вот уж это сотрёт усмешку с мерзкой рожи Драко, — усмехнулся Рон.

— Бедные магглы, — взволнованно сказала Гермиона, — а что если их не смогут спустить вниз?

— Смогут, — быстро ответил Рон, — как-нибудь справятся.

— Вообще-то, они просто не в своём уме. Сделать такое, когда здесь присутствует всё Министерство Магии! — продолжала Гермиона. — Я не представляю, чего они ожидали? Думали, им это пройдёт безнаказанно? Или они просто перепили немножко? Или…

Она остановилась на полуслове и оглянулась. Гарри и Рон посмотрели в ту же сторону. Казалось, кто-то, спотыкаясь, шёл в их направлении. Они ждали, напряжённо прислушиваясь к шелесту неровных шагов, доносящихся из леса, но шаги остановились.

— Эй, — позвал Гарри.

Никто не ответил. Гарри вскочил на ноги и

заглянул за дерево. В темноте ничего не было видно, но он нутром чувствовал, что там кто-то стоит.

— Кто там? — сказал он.

И вдруг, внезапно, тишину прорезал голос, не похожий ни на один другой. И этот голос издал не панический вопль, а спокойно произнёс что-то похожее на заклинание.

— МОРСМОРДРЕ!

И тут же что-то огромное, зелёное и блестящее вырвалось из тьмы, которую безуспешно сверлили глаза Гарри. Оно взлетело над деревьями прямо в небо.

— Что за…? — выдохнул Рон, вскочив на ноги, и уставился на появившееся в небе изображение.

Сначала Гарри показалось, что это лепреконы, но в воздухе возник огромный череп, составленный из изумрудных звёздочек, со змеем, высовывающимся из бестелесного рта, как страшное подобие языка. Застыв на месте, Гарри, Рон и Гермиона во все глаза глядели на череп, который поднимался всё выше и выше, пылая в дымке зеленоватого огня и выделяясь на фоне чёрного неба, как новоявленное созвездие.

Тотчас же лес вокруг них взорвался истошными воплями. Должно быть, причиной этих воплей

был этот самый череп, который уже поднялся так высоко, что осветил весь лес, подобно какому-то жуткому неоновому знаку. Гарри вглядывался во тьму, пытаясь разглядеть того, кто вызвал заклинанием этот череп, но безуспешно.

— Кто там? — повторил он.

— Гарри, Гарри, пошли отсюда! — закричала Гермиона, схватив его за куртку и пытаясь тащить за собой.

— Что? Что случилось? — Гарри ошарашено посмотрел на её побледневшее и искажённое ужасом лицо.

— Это — Тёмная Метка, Гарри, — простонала Гермиона, изо всех сил пытаясь столкнуть его с места, — знак — Сам-Знаешь-Кого!

— Волдеморта…

— Гарри, ну пошли же!

Гарри обернулся. Позади него Рон поспешно схватил с земли малютку-Крама и побежал вслед за Гарри и Гермионой через поляну к деревьям. Не успев пройти и пары шагов, они услышали хлопки, и увидели, что вокруг них появилось из воздуха около двадцати волшебников.

Гарри быстро осмотрелся и увидел, что все маги держат в руках волшебные палочки и эти палочки направлены прямо на него, Рона и Гермиону.

Гарри в ужасе вскрикнул: — ПРИГНИТЕСЬ! — и, схватив Рона и Гермиону за руки, изо всех сил дёрнул их за собой вниз на землю.

— СТУПЕФАЙ! — прогремело двадцать голосов, и несколько вспышек ослепили Гарри. Он почувствовал, что волосы у него на голове зашевелились, как от сильного порыва ветра. Чуть приподняв голову, он увидел струйки огненно-красного света, вылетевшие из волшебных палочек магов и пронёсшиеся прямо над его головой. Они пересеклись друг с другом, отразились от стволов деревьев, и отскочили назад в темноту.

— Стойте! — вдруг закричал знакомый голос. — СТОЙТЕ! Это — мой сын!

Почувствовав, что волосы у него на голове перестали шевелиться, Гарри приподнял голову чуть повыше. Ближайший к нему маг опустил вниз свою волшебную палочку. Гарри перевернулся на спину и увидел бегущего к ним мистера Уизли с искажённым от ужаса лицом.

— Рон, Гарри, — сказал он дрожащим голосом, — Гермиона — вас не задели?

— Отойди, Артур, — коротко произнёс холодный голос, принадлежащий мистеру Краучу.

Группа магов из Министерства окружила их

плотным кольцом. Гарри поднялся на ноги и взглянул на мистера Крауча, лицо которого исказилось от ярости.

— Кто из вас это сделал? — резко произнёс он, переводя прищуренный взгляд с одного на другого, — кто из вас вызвал Тёмную Метку?

— Мы её не вызывали! — возразил Гарри, указывая на череп.

— Мы вообще ничего не сделали! — сказал Рон, потирая ушибленный локоть и возмущённо глядя на отца. — С какой стати вы на нас набросились?

— Не лгите, сэр! — закричал мистер Крауч. Его волшебная палочка всё так же была направлена прямо на Рона, а глаза были готовы выскочить из орбит. Похоже было, что он тронулся. — Вас обнаружили на месте преступления!

— Барти, — тихо сказала колдунья в длинном шерстяном халате, — они же ещё дети, они ни за что не смогли бы…

— Откуда взялась Метка? — быстро спросил мистер Уизли.

— Оттуда, — дрожащим голосом сказала Гермиона, указывая пальцем в том направлении, откуда до них донёсся голос, — за деревьями кто-то стоял, он прокричал слова — заклинание…

— Ах вот как, там стояли, а? — сказал мистер

Крауч, переводя свои вылупленные глаза на Гермиону. Всем своим видом он выражал недоверие. — Произнёс заклинание, а? Вы, кажется, чрезвычайно хорошо проинформированы о том, как надлежит вызывать Знак, барышня.

Но кроме Крауча ни один из магов, казалось, не допускал и мысли, что Гарри, Рон или Гермиона могли вызвать изображение черепа, напротив, в ответ на слова Гермионы они снова подняли свои волшебные палочки и направили их в сторону, указанную Гермионой, сощурившись, в попытке разглядеть ни стоит ли кто-нибудь за деревьями.

— Мы опоздали, — сказала колдунья в шерстяном халате, качая головой, — они уже аппарировали.

— Не думаю, — сказал волшебник с запутанной каштановой бородой. Это был Эймос Диггори, отец Седрика. — Наши Оглушители пролетели между деревьями, может быть, один из них попал в цель…

— Осторожно, Эймос! — раздалось несколько голосов, когда мистер Диггори, расправив плечи, поднял волшебную палочку, пересёк поляну и исчез в темноте.

Гермиона, закрыв рот обеими руками, смотрела, как темнота поглотила его.

Не прошло и минуты, как раздался крик мистера Диггори:

— Ага, таки мы кого-то задели! Тут кто-то есть! Без сознания! Это… однако… а чтоб тебя!..

— Ты кого-то нашёл? — с недоверием кричал мистер Крауч. — Но кого? Кто там?

Послышался хруст ломающихся сучков, шелест листьев, а затем шаги мистера Диггори. Он вышел из-за деревьев с малюсенькой фигуркой, безжизненно свисавшей с его ладоней. Гарри тут же узнал кухонное полотенце. Это была Винки.

Мистер Крауч не шевельнул ни одним мускулом и не сказал ни слова, когда мистер Диггори положил домового перед ним на землю. Все маги Министерства в упор смотрели на него. Несколько минут Крауч стоял, застыв на месте, уставившись на Винки горящими глазами на побелевшем лице. Наконец, он овладел собой.

— Не может… быть, — судорожно прошептал он, — нет…

Он обошёл мистера Диггори и направился вглубь леса, туда, где тот нашёл Винки.

— Смысла нет, мистер Крауч, — позвал его мистер Диггори, — там больше никого нет.

Но мистер Крауч не собирался верить ему на слово. Из леса доносились шелест листьев и хруст

ломающихся сучков с того места, где он шарил в кустах.

— Щекотливое положение, — угрюмо произнёс мистер Диггори, взглянув на безжизненное тело Винки, — эльф Барти Крауча… ну я вам скажу…

— Да ладно, Эймос, — тихо сказал мистер Уизли, — ты же не допускаешь возможности того, что этот домовой мог вызвать Метку? Тёмная Метка — знак волшебника, и для того, чтобы её вызвать, необходимо иметь волшебную палочку…

— Вот именно, — отозвался мистер Диггори, — у неё была волшебная палочка.

— Что? — недоверчиво переспросил мистер Уизли.

— А вот взгляни, — мистер Диггори поднял волшебную палочку и показал её мистеру Уизли. — И это — нарушение пункта номер три Положения о пользовании волшебными палочками, который гласит: — Только человеческие существа имеют право держать при себе и использовать волшебные палочки.

В этот момент раздался очередной хлопок и перед носом у мистера Уизли аппарировал Людо Бэгмэн. Он тяжело дышал, и, казалось, плохо понимал, где находится. Людо развернулся и вытаращил глаза на изумрудно-зелёный череп.

— Тёмная Метка! — с трудом переводя дыхание, сказал он, чуть не наступив при этом на Винки, лежавшую у его ног. Он повернулся лицом к коллегам. — Кто это сделал? Его поймали? Барти! Что происходит?

Мистер Крауч вернулся с пустыми руками. Его лицо всё ещё было мертвенно-бледным, а руки и тоненькие усики нервно подёргивались.

— Где ты был, Барти? — спросил Бэгмэн, — почему тебя не было на матче? Твой домовой держал тебе место… Горгулья меня подери! — Бэгмэн заметил Винки, лежащую у его ног. — Что с ней случилось?

— Я был занят, Людо, — ответил мистер Крауч, продолжая говорить отрывистыми фразами, едва шевеля губами, — а моего домового оглушили.

— Оглушили? Вы все? Но зачем?..

Но тут на его блестящем от пота лице появилось осмысленное выражение. Он взглянул вверх на череп, вниз на Винки, а потом перевёл глаза на Крауча.

— Ни за что! — сказал он. — Винки? Вызвала Тёмную Метку? Да откуда она могла знать, как это делается? И для начала ей нужна бы была волшебная палочка!

— У неё была волшебная палочка, — устало

повторил мистер Диггори, — когда я нашёл её, она держала её в руках, Людо. И если вы не возражаете, мистер Крауч, я бы хотел услышать от неё самой, что произошло.

Крауч ни словом, ни жестом не показал мистеру Диггори, что он слышал его слова. Но тот, тем не менее, посчитал его молчание за знак согласия. Он поднял свою волшебную палочку, направил её на Винки и произнёс: — Эннервейт!

Винки слабо пошевелилась. Она открыла свои огромные карие глаза и несколько раз моргнула, с удивлением оглядываясь вокруг. Окружённая стоящими вокруг неё безмолвными магами, она медленно поднялась и села. Увидев перед собой ноги мистера Диггори, она, дрожа всем телом, медленно подняла глаза к его лицу, а затем, ещё медленнее перевела их на небо. Гарри ясно увидел двойное отражение черепа в её широко распахнутых, подёрнутых поволокой глазах. Она судорожно вдохнула, дикими глазами осмотрелась вокруг и разразилась душераздирающими рыданиями.

— Эльф! — строго сказал мистер Диггори. — Ты знаешь кто я такой? Я — член Отдела по Управлению и Контролю Волшебных Существ!

Сидевшая на земле Винки раскачивалась взад

и вперёд, прерывисто дыша. Она здорово напоминала Гарри Добби в моменты его крайнего неповиновения.

— Как видишь, эльф, здесь недавно вызвали Тёмную Метку, — продолжал мистер Диггори, — и тебя нашли через несколько минут после этого прямо под Меткой. Объяснись, будь добра!

— Я… я… я… не делать этого, сэр! — Винки с трудом перевела дыхание, — я не знает, как это делать, сэр!

— Когда тебя нашли, у тебя в руках была волшебная палочка! — гаркнул мистер Диггори, махая ею перед носом у Винки. И в тот момент, когда на палочку упал зелёный свет от черепа над головой, Гарри тут же узнал её.

— Эй, это моя палочка! — сказал он.

Все присутствующие немедленно оглянулись на него.

— Что ты сказал? — недоверчиво спросил мистер Диггори.

— Это — моя палочка, — повторил Гарри, — я уронил её!

— Ты её уронил? — повторил мистер Диггори, не веря своим ушам. — Это что, признание вины? Ты выбросил её, после того, как вызвал Метку?

— Эймос, опомнись, посмотри, с кем ты гово-

ришь, — со злостью сказал мистер Уизли, — ты допускаешь возможность того, что Гарри Поттер мог вызвать Тёмную Метку?

— А… конечно нет, — смущённо пробормотал мистер Диггори, — я чересчур увлёкся…

— Я её где-то обронил, — сказал Гарри, — и обнаружил потерю, как только мы зашли в лес.

— Итак, — снова повернувшись к Винки, которая съёжилась под его суровым взглядом, сказал мистер Диггори, — так ты нашла эту волшебную палочку, не так ли? И ты подняла её и решила немножко с ней поиграть?

— Я не делает волшебства с ней, сэр, — пропищала Винки, слёзы ручьями лились у неё из глаз по расплющенному носу картошкой, — я только… я только… я только поднимает её, сэр! Я не вызывать Тёмную Метку, сэр, я не знает как!

— Она не виновата! — вмешалась Гермиона. Она, очевидно, очень нервничала, выступая против всех этих магов из министерства, но, тем не менее, продолжала. — У Винки голосок тоненький, а голос, который произнёс заклинание, был гораздо ниже! — Она оглянулась на Гарри и Рона за поддержкой. — Этот голос совсем не был похож на голос Винки, правда?

— Не был, — покачал головой Гарри, — этот

голос не был голосом домового.

— Ага, — подтвердил Рон, — это, определённо, был человеческий голос.

— Ну что ж, посмотрим, — промолвил явно не убеждённый мистер Диггори, — на самом деле узнать, какое последнее заклинание было произведено волшебной палочкой, эльф, очень просто, ведь ты этого не знала?

Винки задрожала, как осиновый листок и изо всех сил замотала головой. Её уши при этом болтались из стороны в сторону. Мистер Диггори вытащил свою волшебную палочку и приложил её кончик к кончику палочки Гарри.

— Приори Инкантатем! — громко сказал он.

Гермиона громко вздохнула от страха, когда огромный череп со змеёй вместо языка, вырвался из точки соприкосновения двух палочек, но он был лишь тенью зелёного черепа у них над головами. Казалось, этот второй череп состоял из густого серого дыма — словно призрак.

— Делетриус! — вскричал мистер Диггори, и дымчатый череп растворился в воздухе, оставив за собой только лёгкую дымку.

— Ну, — произнёс мистер Диггори с выражением жестокой радости на лице, глядя сверху вниз на трясущуюся от страха Винки.

— Я не делает этого, — пропищала она, закатывая от ужаса глаза, — я — нет, я — нет, я — нет, я не знает как! Я — хороший домовой, я не трогает волшебные палочки, я не знает как!

— Тебя поймали с поличным, — прорычал мистер Диггори, — поймали с волшебной палочкой в руках!

— Эймос, — прервал его мистер Уизли, — о чём ты говоришь, лишь горстка магов знает, как сотворить это заклинание. Откуда ей знать?..

— Возможно, Эймос полагает, — холодно перебил его мистер Крауч, — что я учу всех моих слуг заклинанию, вызывающему Тёмную Метку?

Наступило напряжённое молчание.

Эймос Диггори ужаснулся:

— Мистер Крауч, что вы, что вы, совсем нет…

— Вы практически предъявили обвинение двум людям, участие которых в этом деле наименее вероятно, — рявкнул мистер Крауч, — Гарри Поттеру и мне. Я надеюсь, вам известна история этого мальчика, Эймос?

— Безусловно, её знают все, — пробормотал чрезвычайно сконфуженный мистер Диггори.

— Ну а что касается меня, мне кажется, что за многие годы работы в Министерстве я неоднократно продемонстрировал, насколько я

презираю и ненавижу Тёмные силы и тех, кто ими пользуется, — мистер Крауч опять повысил голос до крика, его глаза вновь, казалось, готовы были выскочить из орбит.

— Мистер Крауч, я… мне даже и в голову не пришло предложить, что вы имеете какое-либо отношение к Метке! — пробормотал мистер Диггори, заливаясь густой краской под спутанной каштановой бородой.

— Когда вы обвиняете моего домового, вы обвиняете меня, Диггори! — кричал мистер Крауч. — Кто ещё мог научить её это делать?

— Она… она могла где-то подслушать…

— Вот именно, Эймос, — сказал мистер Уизли, — где-то… Винки, — мягко сказал он, повернувшись к домовёнку, но она отшатнулась от него, как будто он тоже кричал на неё, — где ты нашла волшебную палочку Гарри?

Винки так отчаянно крутила краешек своего кухонного полотенца, что он прямо на глазах превращался в бахрому.

— Я находит… я находит, я находит её вот там, сэр, — прошептала она, — там, между деревьев, сэр.…

— Ну, видишь, Эймос, — сказал мистер Уизли, — тот, кто вызвал Метку, вероятно, сразу же

после этого аппарировал и выбросил волшебную палочку Гарри. И очень хитроумно с его стороны не пользоваться своей собственной палочкой. Ведь тогда бы его легче было найти. А Винки просто не повезло, что она нашла её буквально сразу же после этого. Нашла и подняла с земли.

— Но тогда, она была всего лишь в нескольких шагах от преступника, — нетерпеливо перебил его мистер Диггори, — эльф, ты кого-нибудь видела?

Винки задрожала пуще прежнего. Она переводила свои огромные глаза с мистера Диггори на Людо Бэгмэна, а потом на мистера Крауча.

Судорожно сглотнув, она выдавила из себя:

— Я не видит никого, сэр, совсем никого…

— Эймос, — вмешался мистер Крауч, — я прекрасно понимаю, что при обычных обстоятельствах вам полагалось бы забрать Винки в свой отдел, чтобы подвергнуть её тщательному допросу, но я прошу вас позволить мне самому разобраться с ней.

У мистера Диггори был такой вид, как будто это предложение совсем не пришлось ему по вкусу, но было очевидно, что такому представительному члену министерства, как Барти Краучу, отказать было нельзя.

— Вы можете не сомневаться в том, что она будет наказана, — холодно добавил мистер Крауч.

— Х-х-хозяин… — заикаясь, произнесла Винки, взглянув снизу вверх на мистера Крауча полными слёз глазами, — х-х-хозяин, по-по-пожалуйста…

Мистер Крауч отвернулся. Его черты заострились, каждая линия на лице казалась ещё более чёткой. В его глазах не было ни тени жалости. — Сегодня вечером Винки вела себя так, как не подобает вести себя домовому, — медленно произнёс он, — я приказал ей остаться в палатке. Я приказал ей сидеть там пока я разбираюсь со случившимся. И я вижу, что она ослушалась меня. А за это полагается одежда.

— Нет, — взвизгнула Винки, падая навзничь перед мистером Краучем, — нет, хозяин, только не одежду, не одежду!

Гарри знал, что домовой получает свободу, только тогда, когда его хозяин даёт ему настоящую одежду. Сердце разрывалось от жалости при виде Винки, которая обеими руками цеплялась за своё кухонное полотенце и рыдала у ног мистера Крауча.

— Но она испугалась! — вмешалась рассерженная Гермиона, сверля мистера Крауча сердитым взглядом, — она боится высоты, а эти маги в

масках подняли людей в воздух! Конечно же, она хотела сбежать от них!

Мистер Крауч отступил назад, освобождаясь от назойливых ручек Винки и глядя на неё так, как будто она была чем-то мерзким и грязным, и оскверняла его начищенные до блеска ботинки.

— Мне не нужен домовой, который не выполняет моих указаний, — холодно сказал он, взглянув на Гермиону, — мне не нужен слуга, который забывает, что ему надлежит вести себя подобающе достоинству своего хозяина и его безупречной репутации.

Винки плакала в три ручья, её всхлипывания разносились по всей поляне.

Повисла неловкая тишина, которую нарушил мистер Уизли, проговорив: — Ну что ж, я заберу своих ребят назад в палатку, если никто не возражает. Эймос, эта волшебная палочка рассказала нам всё, что смогла — нельзя ли Гарри получить её назад?

Мистер Диггори послушно протянул Гарри его волшебную палочку, которую тот с радостью положил в карман.

— Давайте, идите, — тихо сказал мистер Уизли. Но Гермиона не двинулась с места. Она стояла, не сводя глаз с рыдающей Винки. — Гермиона, —

громче позвал мистер Уизли. Она обернулась и поплелась вслед за Гарри и Роном через поляну в лес.

— Что же станет с Винки? — спросила Гермиона, как только они ушли с полянки.

— Не знаю, — ответил мистер Уизли.

— Как они ужасно с ней обращались! — с силой сказала Гермиона, — мистер Диггори называл её не иначе как «эльф», а мистер Крауч!.. Он же знает, что она не виновата, и всё же собирается расправиться с ней! Ему наплевать, что ей было страшно, что она была расстроена, как будто… как будто она — не человек!

— Ну, ведь она и не человек, — заметил Рон.

— Но это не значит, что она не способна чувствовать, — обрушилась на него Гермиона, — Рон, это просто отвратительно…

— Гермиона, ты совершенно права, — перебил её мистер Уизли, подгоняя её вперёд, — но сейчас не время обсуждать права домовых. Я хочу как можно скорее вернуться в палатку. А где Фред, Джордж и Джинни?

— Мы разошлись в темноте, — ответил Рон, — папа, почему все сходят с ума из-за этого черепа?

— Я объясню тебе в палатке, — напряжённо сказал мистер Уизли.

Но когда они вышли из леса, им пришлось остановиться.

На их пути стояла огромная толпа испуганных волшебников и волшебниц. Увидев мистера Уизли, они ринулись к нему навстречу: — Артур, что происходит? Кто вызвал Метку? Это не ОН?

— Естественно, не он, — раздражённо ответил мистер Уизли, — и мы не знаем, кто это сделал. Похоже, что виновник аппарировал. А теперь, извините меня, я бы хотел пройти к своей палатке. Я очень хочу спать.

И он повёл Гарри, Рона и Гермиону через толпу в лагерь, в котором сейчас царила тишина. Замаскированных магов уже нигде не было видно, но несколько палаток всё ещё продолжали дымиться.

Из мужской палатки выглянула голова Чарли.

— Папа, что происходит? — крикнул он. — Фред, Джордж и Джинни вернулись, но где остальные?

— Они со мной, — ответил мистер Уизли, нагибаясь и залезая в палатку. За ним залезли Гарри, Рон и Гермиона.

Билл сидел за кухонным столом, прижимая простыню к руке, из которой обильно текла кровь. Рубашка Чарли была порвана, а у Перси кровоточил нос. Фред, Джордж и Джинни были

не ранены, но сильно потрясены.

— Ну что, папа, вы их поймали? — быстро спросил Билл. — Тех, кто вызвал Тёмную Метку?

— Нет, — ответил мистер Уизли, — мы нашли домового Барти Крауча с волшебной палочкой Гарри в руках, но это не помогло нам найти того, кто вызвал Метку.

— Что? — хором сказал Билл, Чарли и Перси.

— Волшебная палочка Гарри? — повторил Фред.

— Домовой мистера Крауча? — в шоке сказал Перси.

С помощью Гарри, Рона и Гермионы, мистер Уизли поведал им о том, что произошло в лесу. К концу рассказа Перси возмущённо надулся.

— Мистер Крауч был совершенно прав. Кому нужен такой домовой? — сказал он. — Убежать, когда ей ясно наказали оставаться на месте, опозорить его перед всем Министерством… как бы это всё выглядело, если бы ей пришлось отвечать перед Отделом по контролю волшебных…

— Она ни в чём не виновата, она просто оказалась там в неподходящее время! — набросилась на Перси Гермиона, и он немного обалдел. Гермиона всегда ладила с Перси, гораздо лучше, чем все остальные.

— Гермиона, такой маг, как мистер Крауч не может простить домового, который безответственно обращается с волшебной палочкой! — напыщенно ответил Перси, овладев собой.

— Она не обращалась безответственно, — кричала на него Гермиона, — она просто подняла её с земли!

— Послушайте, вы мне можете объяснить, что это за череп? — раздражённо сказал Рон. — Он никого не трогал, почему все сходят из-за него с ума?

— Я же сказала тебе, Рон, что это знак Сам-Знаешь-Кого, — как всегда первая с ответом выскочила Гермиона, — я читала об этом в книге «Восхождение и упадок Тёмных сил».

— И он не появлялся вот уже тринадцать лет, — тихо продолжил мистер Уизли, — естественно, что люди впали в панику… Как будто увидели самого Сами-Знаете-Кого.

— Не понимаю, — нахмурился Рон, — это всё-таки всего лишь картинка в небе…

— Рон, Сам-Знаешь-Кто и его сторонники посылали в небо Тёмную Метку, когда кого-то убивали, — сказал мистер Уизли, — она вселяет ужас… ты даже не можешь себе представить, ты слишком мал. Представь себе, ты возвраща-

ешься домой, а над домом висит Тёмная Метка, и ты знаешь, что ты увидишь, когда войдёшь в дом… — мистер Уизли содрогнулся, — то, чего ты больше всего страшишься… самое ужасное…

Наступила тишина.

Билл приподнял простыню с руки, чтобы проверить состояние своей раны. — Сегодня ночью он нам помешал — тот, кто вызвал Знак. Как только Пожиратели Смерти увидели его, они испугались и тут же аппарировали. Мы не успели добраться до них и снять с них маски. Но нам удалось вовремя поймать семью Робертс, до того, как они грохнулись на землю. Сейчас их память подвергается модификации.

— Пожиратели Смерти? — спросил Гарри. — Это кто такие?

— Так называли себя сторонники Сам-Знаешь-Кого, — ответил Билл, — мы видели сегодня тех, кто уцелел — тех, кому удалось избежать Азкабана.

— У нас нет доказательств, Билл, — сказал мистер Уизли, — хотя я вполне с тобой согласен, скорее всего, это действительно были они, — безнадёжно добавил он.

— Ага, я не сомневаюсь в этом, — внезапно вмешался Рон, — папа, мы наткнулись в лесу на

Драко Малфоя, так он чуть ли не сказал нам так прямо, что его папаша был одним из тех гадов в масках! А всем известно, что семья Малфой в своё время поддерживала Сами-Знаете-Кого.

— Но почему сторонники Волдеморта, — начал Гарри но, заметив, что все Уизли содрогнулись, так как подобно многим в мире волшебников они старались не произносить вслух имя Волдеморта, поправился, — почему сторонники Сами-Знаете-Кого подняли в воздух магглов? То есть, зачем им это было нужно?

— Зачем? — повторил мистер Уизли с глухим смешком. — Гарри, они так развлекаются. Половина убитых магглов во времена Сам-Знаешь-Кого была убита для развлечения. Думаю, они немножко подвыпили вчера вечером, решили развлечься и напомнить нам всем, что многие из них всё ещё на свободе. Прелестное собраньице Пожирателей Смерти, — с отвращением добавил он.

— Но если это действительно были Пожиратели Смерти, почему же они аппарировали, когда увидели Тёмную Метку? — спросил Рон. — Они ведь должны были обрадоваться, а не испугаться?

— Пошевели мозгами, Рон, — ответил Билл, — если это действительно были Пожиратели Смер-

ти, они здорово поработали, чтобы не попасть в Азкабан после того, как Сам-Знаешь-Кто потерял власть, и наговорили кучу сказок о том, как он принуждал их пытать и убивать людей. Я думаю, что они больше нас боятся того, что он вернётся. Они отрицали малейшую причастность к нему, когда он лишился сил, и вернулись к нормальному образу жизни… Не думаю, что он сильно будет ими доволен, если вернётся, как ты считаешь?

— Так тот, кто вызвал Тёмную Метку… — задумчиво сказала Гермиона, — сделал это, чтобы поддержать Пожирателей Смерти или для того, чтобы испугать их?

— Для меня это тоже загадка, — сказал мистер Уизли, — но одно я знаю: только Пожиратели Смерти знали заклинание, которым вызывается Метка. Я почти уверен, что тот, кто сегодня вызвал Тёмную Метку, был когда-то Пожирателем Смерти, даже если сейчас он уже и не поддерживает Сами-Знаете-Кого… Но, послушайте, уже очень поздно, и если ваша мать узнала, что произошло, она страшно волнуется. Давайте поспим пару часов и вернёмся домой с первым же Портключом

Гарри влез на верхнюю койку. Его голова гудела. Он вроде бы должен был чувствовать усталость, ведь было уже три часа ночи, но по

какой-то причине ему совсем не хотелось спать. Он не хотел спать и сильно нервничал.

Три дня назад (казалось, что целую вечность назад, но всего лишь три дня) его разбудила жгучая боль в шраме. А сегодня, впервые за тринадцать лет, Знак Лорда Волдеморта появился в небе. Что бы это могло значить?

Он вспомнил, что отправил Сириусу письмо ещё от Дёрсли. Получил ли он его? Когда же придёт ответ? Гарри смотрел в брезентовый потолок. Теперь уже в его голове не возникало никаких убаюкивающих фантазий о полётах. Лишь спустя целую вечность после того, как раздался громкий храп Чарли, Гарри, наконец, тоже погрузился в сон.

10. Переполох в Министерстве

Им удалось поспать всего несколько часов, прежде чем их разбудил мистер Уизли. Он свернул палатки при помощи магии, и они поспешно покинули лагерь, пройдя мимо мистера Робертса, стоявшего у дверей своего домика. На лице у мистера Робертса было бессмысленное выражение, и он попрощался с ними, невнятно пожелав им Счастливого Рождества.

— С ним всё будет хорошо, — тихо сказал мистер Уизли, направляясь к торфянику. — Иногда человек, чью память исправляют, временно перестает ориентироваться в пространстве и времени… а с его памятью здорово поработали, чтобы заставить его забыть то, что произошло.

Приближаясь к месту, где лежали Портключи, они услышали гул взволнованных голосов. Вокруг Бэйзила, хранителя Портключей, собралась толпа волшебниц и волшебников. Все они рвались как можно скорее убраться подальше от лагеря. Мистер Уизли быстро переговорил с Бэйзилом и занял очередь. Им удалось отправиться назад на Стоутсхэдский холм старой резиновой

шиной ещё до восхода солнца. Они прошли назад через Оттери Сент-Кэтчпол и вверх по мокрой тропинке к Норе. Все молча шагали в предрассветном мраке, еле передвигая ноги и мечтая о завтраке. Когда, обойдя угол, они увидели перед собой дом, навстречу им понёсся громкий крик.

— Слава богу, слава богу!

Миссис Уизли, которая явно уже давно сидела перед домом и ждала их, вскочила и побежала им навстречу, как была — прямо в своих домашних тапочках с мертвенно-бледным лицом и свёрнутой в трубочку газетой «Ежедневный Пророк» в руках.

— Артур… я так волновалась… так волновалась…

Она обвила руками шею мистера Уизли, уронив из ослабевших рук «Ежедневный Пророк». Гарри взглянул на заголовок передовицы: — УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА ПО КВИДДИТЧУ, — а под заголовком мерцающую чёрно-белую фотографию Тёмной Метки над деревьями.

— Вы целы и невредимы, — пробормотала миссис Уизли, отпуская мистера Уизли и обводя всю компанию растерянными и покрасневшими от слёз глазами, — вы живы… О, мальчики мои!..

И к всеобщему удивлению она схватила Фреда и Джорджа в объятия и стиснула их с такой силой, что они стукнулись лбами.

— Ай! Мама, ты нас задушишь…

— Я накричала на вас перед тем, как вы уехали! — сказала миссис Уизли сквозь слёзы. — Я только об этом и думала! Что если Сами-Знаете-Кого напал на вас, а последнее, что я вам сказала было то, что вы не получили достаточно С.О.В.! О, Фред… Джордж…

— Успокойся, Молли, мы все целы и невредимы, — мягко сказал мистер Уизли, отрывая её от близнецов и провожая в дом. — Билл, — добавил он тихо, — подними-ка газету, я хочу почитать, что там написано.

Когда, наконец, они уютно устроились за столом в кухне, и Гермиона налила миссис Уизли чашку очень крепкого чая, в которую мистер Уизли добавил рюмочку Старого Огневиски Огдена, Билл подал отцу газету. Мистер Уизли бегло просматривал передовицу, а Перси читал у него через плечо.

— Я так и знал, — тяжело вздохнув, сказал мистер Уизли, — Оплошность Министерства… виновников не нашли… прорехи в организации безопасности… тёмные маги беспрепятственно

орудуют… стыд и позор на весь мир… Кто это написал? Ну, конечно же, Рита Скитер.

— Эта дама давно уже точит зуб на Министерство Магии! — яростно сказал Перси. — На прошлой неделе она написала, что мы понапрасну тратим время, разбираясь с толщиной котлов, когда нам следовало бы заняться истреблением вампиров! Совершенно не принимая во внимание тот факт, что в параграфе номер двенадцать Директив по обращению с частично-человеческими не-магами было конкретно отмечено, что…

— Перси, сделай одолжение, — зевнул Билл, — заткнись.

— И обо мне написала, — сказал мистер Уизли, дочитав до конца статью в «Ежедневном Пророке» — его глаза расширились, и сделались больше надетых на них очков.

— Где? — встрепенулась миссис Уизли, захлебнувшись своим чаем с виски. — Если бы я увидела твоё имя, я бы знала, что вы живы!

— Тут без имени, — сказал мистер Уизли, — вот, послушайте-ка, — Напуганные до смерти колдуны и колдуньи, надеявшиеся, что Министерство Магии развеет их треволнения, жестоко ошиблись. Чиновник Министерства, вышедший

к ним вскоре после появления Тёмной Метки, сказал, что жертв не было, но отказался сообщить какую-либо дополнительную информацию. Так и осталось неясным, сможет ли это утверждение замять слухи о том, что через час после его заявления из леса вынесли трупы погибших. Разумеется, — раздражённо сказал мистер Уизли, протягивая Перси газету, — никто не пострадал. А что ещё я мог им сказать? Слухи о том, что через час после его заявления из леса вынесли трупы погибших… естественно, теперь, когда она это написала, конечно же, пойдут слухи, — он тяжело вздохнул. — Молли, мне придётся пойти на работу. Надо будет всё это улаживать.

— Я пойду с тобой, отец, — напыщенно сказал Перси, — мистеру Краучу понадобится, чтобы все находились на рабочих местах. И, кроме того, я смогу отдать ему мой отчёт о котлах, прямо из рук в руки.

Он быстрым шагом вышел из кухни. Миссис Уизли выглядела мрачнее тучи.

— Артур, но ты же в отпуске! Твой отдел не имеет к этому никакого отношения. Не сомневаюсь, что они смогут и без тебя разобраться.

— Молли, я должен ехать, — сказал мистер Уизли. — Я усугубил ситуацию. Я только переоденусь

и пойду …

— Миссис Уизли, — внезапно сказал Гарри, больше не в состоянии терпеть, — Хедвига не приносила мне писем?

— Хедвига? — рассеянно сказала миссис Уизли. — Нет… нет, почты вообще не было.

Под вопросительным взглядом Рона и Гермионы он многозначительно сказал:

— Рон, можно мне пойти и свалить свои вещи в твоей комнате?

— Да… и я, пожалуй, тоже пойду, — тут же сказал Рон. — А ты, Гермиона?

— Да, — быстро ответила она, и все трое выскочили из кухни и побежали вверх по лестнице.

— Что случилось, Гарри? — сказал Рон, как только за ними закрылась дверь комнаты на чердаке.

— Кое о чём я вам не рассказал, — ответил Гарри, — но в субботу утром я проснулся оттого, что у меня заболел шрам.

Рон и Гермиона отреагировали почти точно так же, как он себе представлял. Гермиона охнула и тотчас же принялась давать советы, ссылаясь на многочисленные справочники и взрослых волшебников, начиная от Альбуса Дамблдора и заканчивая школьной медсестрой мадам Помф-

ри. Рон же молчал, как громом поражённый.

— Но, ведь его там не было? Сам-Знаешь-Кого? Когда твой шрам заболел в прошлый раз, он был в Хогвартсе, ведь так?

— Я даже не сомневаюсь, что его не было на Привит Драйв, — сказал Гарри, — но мне приснился сон. Там были он и Питер… Червехвост. Я не помню деталей, но я точно помню, что они собирались убить… кого-то.

Он чуть не сказал — меня, — но у него не повернулся язык. Гермиона и так была слишком напугана.

— Это был всего лишь сон, — попытался ободрить его Рон, — просто ночной кошмар.

— Думаешь? — сказал Гарри и взглянул в окно на светлеющее небо. — Странно, да? Сначала у меня болит шрам, а потом, через три дня появляются Пожиратели Смерти и знак Волдеморта в небе.

— Не… произноси… его… имя! — прошипел Рон сквозь стиснутые зубы.

— А ты помнишь, что сказала профессор Трелони, — продолжал Гарри, не обращая внимания на Рона, — в конце прошлого года?

Профессор Трелони преподавала в Хогвартсе Прорицание. Выражение ужаса сменилось на

лице Гермионы насмешливой улыбкой.

— Послушай, Гарри — ты же не собираешься принимать всерьёз то, что вещает эта старая обманщица?

— Тебя не было в классе, ты не слышала её, — возразил Гарри, — в тот раз она и правда прорицала. Я говорю тебе, она была в трансе, в самом настоящем трансе. И она сказала, что Тёмный Лорд восстанет из пепла… — ещё более грозный, чем прежде … и ему удастся воспрянуть благодаря верному слуге, который к нему вернётся… и в ту же ночь Червехвост бежал.

Повисла тишина. Рон рассеянно теребил дырку в покрывале с «Пушками Чадли».

— А почему ты спрашивал о Хедвиге, Гарри, — нарушила молчание Гермиона, — ты ждёшь письма?

— Я написал о шраме Сириусу, — пожал плечами Гарри, — и жду ответа.

— Хорошая мысль! — сказал Рон с просиявшим лицом. — Сириус точно что-нибудь придумает.

— Я надеялся, что он мне сразу же ответит, — вздохнул Гарри.

— Но мы же не знаем, где скрывается Сириус… Он может быть в Африке, или где-то ещё, — рассудительно, как обычно, ответила Гермиона, —

Хедвига не смогла бы слетать так далеко туда и обратно за несколько дней.

— Ну, да, конечно, — ответил Гарри, с камнем на сердце, вглядываясь в небо в надежде увидеть там Хедвигу.

— Гарри, пошли в сад, поиграем в Квиддитч, — позвал его Рон, — давай, три на три. Билл и Чарли, и Фред, и Джордж тоже будут играть. И ты сможешь попробовать Финт Вронского…

— Рон, — сказала Гермиона укоризненным тоном, указывающим на нетактичность Рона, — Гарри не в настроении сейчас играть в Квиддитч. Он нервничает и, вообще, он устал. Нам всем нужно выспаться…

— Нет, я буду играть, — вмешался Гарри, — погоди, я сбегаю за «Молнией».

Гермиона вышла из комнаты, пробормотав при этом сквозь зубы что-то, очень похожее на «Мальчишки».

Всю следующую неделю мистера Уизли и Перси почти не бывало дома. Они уходили рано утром, до того, как остальные домочадцы просыпались и возвращались поздно вечером.

— Это полный аврал, — с важным видом сообщил им Перси воскресным вечером перед отъездом в Хогвартс. — Я всю неделю тушил

пожары. Люди продолжают слать Вопилки и, естественно, если Вопилку сразу не откроешь, она взрывается. Мой письменный стол испещерён ожогами, а моё лучшее перо сгорело дотла.

— А зачем все посылают Вопилки? — спросила Джинни, которая сидела на коврике перед камином и заклеивала Волшескотчем свой экземпляр «Тысяча Магических Трав и Грибов».

— Жалуются на плохую организацию безопасности на Чемпионате Мира, — ответил Перси, — требуют возмещения ущерба. Мундангус Флетчер, например, написал заявление с просьбой о четырнадцатикомнатной палатке, да ещё с парой джакузи, но я-то его знаю. Я видел, что он ночевал под плащом, натянутым на четырёх шестах.

Миссис Уизли взглянула на высокие напольные часы, стоящие в углу комнаты. Гарри нравились эти часы. Они ничем не могли помочь тем, кто хотел бы узнать который час, но содержали массу информации для всех остальных. На часах было девять золотых стрелок. На каждой стрелке было выгравировано имя одного из девяти членов семьи Уизли. На циферблате не было цифр, но зато там было написано название мест, где могли бы находиться члены этого семейства: дома, в

школе, на работе, а также в дороге, потерялся, в больнице, в тюрьме. В том месте, где на обычных часах находилось число двенадцать, было написано: «смертельная опасность».

Восемь из девяти стрелок были сейчас направлены на — «дома», а самая длинная стрелка, принадлежащая мистеру Уизли, всё ещё указывала — «на работе». Миссис Уизли вздохнула.

— Отцу не приходилось работать по выходным со времён Сами-Знаете-Кого, — сказала она, — он слишком много работает. Его ужин пережарится, если он скоро не появится.

— Что ж, отец считает нужным искупить свою оплошность на матче, — сказал Перси, — сказать по правде, он чуток подкачал, когда выступил с публичным заявлением, предварительно не согласовав его с начальником отдела…

— Не смей обвинять отца в том, что написала эта мерзость Скитер! — взорвалась миссис Уизли.

— И если бы отец ничего не сказал, старушка Рита написала бы, что чиновники Министерства виноваты в том, что не нашли что сказать, — заметил Билл, который в этот момент играл в шахматы с Роном. — Рита Скитер никогда ни о ком хорошо не пишет. Помнишь, один раз она

брала интервью у всех Взломщиков Заклинаний Гринготтса и обозвала меня «обросшим рокером»?

— Твои волосы действительно чуть длинноваты, — мягко заметила миссис Уизли, — если бы ты только позволил мне…

— Ни под каким видом, ма.

Дождь хлестал в окна. Гермиона сидела, уткнувшись носом в «Стандартную книгу заклинаний: четвёртый уровень», которую для неё, Гарри и Рона купила миссис Уизли на Диагон Аллее. Чарли штопал огнестойкий вязаный шлем. Гарри полировал «Молнию» препаратами из набора по уходу за метлой, который подарила ему Гермиона на тринадцатилетие. Фред и Джордж шептались в дальнем конце комнаты и писали что-то перьями на кусочке пергамента.

— А что это вы там делаете? — встрепенулась вдруг миссис Уизли.

— Домашнее задание, — быстро ответил Фред.

— Какое задание — вы же на каникулах, — удивилась миссис Уизли.

— Мы просто раньше не успели, — сообщил Джордж.

— А вы случайно не составляете новые бланки для заказов? — подозрительно спросила миссис

Уизли. — Вы, я надеюсь, не собираетесь снова заняться «Удивительными Уловками Уизли»?

— Знаешь, мам, — сказал Фред, взглянув на неё полными страдания глазами, — если Хогвартс-Экспресс завтра потерпит крушение, и мы с Джорджем погибнем, как ты будешь себя чувствовать, зная, что твоим последним обращением к нам было это ничем не обоснованное обвинение?

Все расхохотались, включая миссис Уизли.

— Ой, ваш отец идёт, — сказала она, взглянув на часы.

Стрелка мистера Уизли внезапно дёрнулась и перешла от — «на работе» к — «в дороге», а через секунду установилась на — «дома», присоединившись к остальным стрелкам. Из кухни раздался его громкий голос.

— Иду, Артур! — отозвалась миссис Уизли, выбегая из комнаты.

Через минуту мистер Уизли вошёл в гостиную, неся в руках поднос с ужином. У него был совершенно измученный вид.

— Да, мы сейчас как на раскалённой сковородке, — сказал он, усаживаясь в кресло перед камином и, ковыряя вилкой в пережаренной цветной капусте. — Рита Скитер шныряла вокруг

всю неделю, стараясь пронюхать, совершило ли министерство ещё какие-нибудь оплошности. И разнюхала об исчезновении старушки Берты. Завтра будем читать на первой странице «Пророка». Я уже давно твержу Бэгмэну, что нужно послать кого-нибудь на поиски бедняги.

— И мистер Крауч уже несколько недель то же самое говорит, — поспешно вставил Перси.

— Краучу повезло, что Рита не прознала про Винки, — раздражённо сказал мистер Уизли, — а то бы по меньшей мере неделю все заголовки кричали бы о том, что его домового нашли с волшебной палочкой в руках, да ещё с той самой, которая вызвала Тёмную Метку.

— Но я полагал, что все согласны, что этот домовой, хоть и вёл себя неблагоразумно, НЕ вызывал Тёмную Метку, — с жаром сказал Перси.

— А что касается меня, то я считаю, что мистеру Краучу крупно повезло, что никто в «Ежедневном Пророке» не знает о том, как грубо он обращается с домовыми, — со злостью сказала Гермиона.

— Послушай, Гермиона, — ответил Перси, — вполне естественно, что такой высокопоставленный чиновник министерства, как мистер Крауч, ожидает беспрекословного подчинения от своих слуг…

— Рабов, ты хочешь сказать! — перебила его Гермиона, повышая голос. — Потому что он не платит Винки за работу!

— Знаете что, пойдите-ка вы наверх и проверьте, всё ли вы упаковали, — вмешался мистер Уизли, прерывая нарастающую ссору, — сейчас же, все вместе…

Гарри сложил свой набор по уходу за метлой, закинул «Молнию» на плечо и направился наверх вместе с Роном. В комнате Рона дождь барабанил по крыше ещё громче, ветер свистел и завывал, изредка заглушаемый воплями вампира, проживающего на чердаке. Пигвиджен защебетал и бешено заметался по клетке, приветствуя их. Вид наполовину упакованных чемоданов, казалось, приводил его в неописуемый восторг.

— Дай-ка ему Совиных Сладостей, — сказал Рон, бросая небольшой пакетик Гарри, — может он заткнётся.

Гарри просунул несколько кусочков из пакетика в клетку Пигвиджена и повернулся к своему чемодану. Рядом стояла пустая клетка Хедвиги.

— Уже прошла целая неделя, — сказал Гарри, взглянув на пустующую перекладину, на которой обычно сидела Хедвига, — Рон, ты не думаешь, что Сириуса могли поймать?

— Не-а, об этом бы сразу написали в «Ежедневном Пророке», — ответил Рон. — Министерство бы обязательно сообщило, что они хоть кого-то поймали!

— Ну да, ты, наверно, прав…

— Смотри-ка, вот это мама купила тебе на Диагон Аллее. Да, и ещё она взяла тебе золото из банка, и постирала носки.

Он положил на раскладушку Гарри кучу пакетов, мешочек с золотом и груду чистых носков. Гарри принялся разворачивать пакеты. Кроме «Стандартной книги заклинаний» Миранды Госхок для четвёртого класса, в пакете лежало несколько новых перьев, дюжина свёртков пергамента и недостающие ингредиенты для изготовления зелий и снадобий — у него оставалось совсем на донышке хребта рыбы-льва и эссенции белладонны. Он начал загружать нижнее бельё в свой котёл, когда громкий возглас отвращения за его спиной заставил его обернуться.

— А ЭТО что такое?

Рон держал в руках что-то напоминающее длинное бархатное платье тёмно-бордового цвета. Воротник этого одеяния был окантован кружевными оборками, слегка заплесневелого вида. На рукавах красовались такие же ман-

жеты.

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась миссис Уизли с грудой свежевыстиранных хогвартских мантий в руках.

— Вот, — сказала она, подавая каждому из них по несколько мантий, — и пакуйте их аккуратно, чтобы не помялись.

— Мама, по-моему, ты дала мне новое платье Джинни, — сказал Рон, возвращая матери тёмно-бордовое одеяние.

— Нет, это — тебе, — сообщила миссис Уизли, — парадная мантия.

— Что? — в ужасе выдавил из себя Рон.

— Парадная мантия! — повторила миссис Уизли. — В вашем школьном списке указано, что в этом году вам понадобится парадная мантия… для официальных приёмов.

— Ты что, смеёшься? — недоверчиво переспросил Рон, — да я ЭТО ни в жизнь не надену!

— Рон, все будут одеты в парадные мантии, — жёстко сказала миссис Уизли, — они все такие. У отца тоже есть парадная мантия на особые случаи.

— Да я лучше голым пойду, чем в этом платьице! — упрямо повторил Рон.

— Не валяй дурака, — сказала миссис Уизли, —

тебе нужна парадная мантия. Она — в твоём школьном списке. Вот, я и Гарри купила тоже… Покажи ему, Гарри…

Дрожащими руками Гарри развернул последний пакет. Его мантия не была такой ужасной. На ней не было этих жутких кружев, и вообще, она отличалась от его школьной формы только цветом: тёмно-зелёным, вместо чёрного.

— Мне показалось, что она прекрасно оттенит цвет твоих глаз, — нежно сказала миссис Уизли.

— Да, его мантия — нормальная, — сердито сказал Рон, — почему ты мне такую не купила?

— Потому что… в общем, я купила твою в комиссионке, а там особого выбора не было, — вспыхнув, сказала миссис Уизли.

Гарри опустил глаза. Он был бы счастлив отдать Уизли половину своих денег из хранилища в Гринготтсе, но знал, что они никогда на это не согласятся.

— Я это не надену, — упрямо повторил Рон, — ни за что на свете!

— Хорошо, — отрезала миссис Уизли, — иди голым. И, Гарри, сделай одолжение, сфотографируй его для меня. Одному Богу известно, мне не мешает хорошо посмеяться!

И с этими словами она вышла из комнаты, за-

хлопнув за собой дверь. За их спинами раздался — хлюп. Это Пигвиджен подавился большим куском Совиной Сладости.

— Ну почему же всё, что принадлежит мне — это старый хлам! — с тоской сказал Рон, направляясь к клетке, чтобы разлепить Пигвиджену клюв.

11. На Хогвартс-Экспрессе

Когда Гарри проснулся на следующее утро, в воздухе витало бесспорное уныние по поводу окончания каникул. Проливной дождь неустанно барабанил в окна, пока он натягивал джинсы и футболку. В школьную форму они переоденутся в Хогвартс-Экспрессе.

Они с Роном, Фредом и Джорджем едва дошли до второго этажа на пути к завтраку, как внизу у лестницы появилась обеспокоенная миссис Уизли.

— Артур! — крикнула она в лестничный пролёт. — Артур! Срочное извещение из Министерства!

Гарри прижался к стене, чтобы пропустить мистера Уизли, который пробежал мимо в мантии задом наперёд и пропал из вида. Войдя на кухню с остальными, Гарри увидел, что миссис Уизли лихорадочно роется в кухонных ящиках, бормоча себе под нос:

— Где-то здесь у меня было перо!

А мистер Уизли склонился над пламенем в камине и разговаривал с…

Гарри сильно зажмурился и снова открыл глаза, чтобы убедиться, что они его не обманывают. Посреди пламени камина, похожая на большое бородатое яйцо, находилась голова Эймоса Диггори. Она быстро о чём-то говорила, не обращая внимания на искры вокруг и пламя, лижущее ей уши.

— …соседи — магглы — услышали стук и крики и позвонили этим… как их… лицедейским. Артур, немедленно отправляйся туда…

— Вот! — выдохнула миссис Уизли и сунула в руки мистера Уизли кусок пергамента, пузырёк с чернилами и помятое перо.

— …хорошо, что я узнал об этом, — сказала голова мистера Диггори. — Пришлось прийти на работу пораньше, чтобы отослать парочку сов, а там кишмя кишит эта публика из Офиса Незаконного Применения Магии. Если Рита Скитер узнает об этом, Артур…

— А что говорит «Дикий глаз»? — спросил мистер Уизли, открывая пузырёк с чернилами, обмакивая перо, и приготовившись записывать.

Голова мистера Диггори закатила глаза.

— Говорит, что слышал шаги на дворе. Кто-то, видите ли, подкрадывался к его дому, но был атакован мусорными баками.

— И что сделали мусорные баки? — спросил мистер Уизли, лихорадочно делая записи.

— Как я понял, начали шуметь и пуляться мусором, — ответил мистер Диггори. — Судя по всему, один из них всё ещё бушевал, когда прибыли лицедейские…

Мистер Уизли застонал.

— А нарушитель?

— Артур, ну ты же знаешь «Дикого глаза», — опять закатила глаза голова мистера Диггори. — Кто мог забраться к нему во двор посреди ночи? Скорее всего, какая-нибудь несчастная контуженая кошка бродит себе сейчас где-нибудь, покрытая картофельными очистками с головы до пят. Но если ребята из Офиса Незаконного Применения Магии доберутся до «Дикого глаза», ему конец… вспомни его репутацию… нужно обыграть это как мелкое нарушение, связать с твоим отделом… сколько могут дать за взрывающиеся мусорные ящики?

— Скорее всего, обычное предупреждение, — нахмурился мистер Уизли, продолжая быстро записывать. — «Дикий Глаз» не пользовался волшебной палочкой? Ни на кого не нападал?

— Готов поспорить, что он выскочил из постели и начал стрелять заклятьями повсюду, докуда мог

дотянуться из окна, — ответил мистер Диггори, — но у них нет доказательств, ведь пострадавших не оказалось.

— Ну, хорошо, я пошёл, — сказал мистер Уизли, запихивая пергамент с записями в карман, и снова выбежал из кухни.

Голова мистера Диггори перевела глаза на миссис Уизли.

— Прости, Молли, — сказал он чуть спокойнее, — что беспокою вас так рано утром, и вообще… но Артур — единственный человек, который может помочь «Дикому Глазу», а ведь тот вступает сегодня на новую должность. И почему это случилось именно вчера вечером?…

— Не волнуйся, Эймос, — сказала миссис Уизли. — Точно не хочешь кусочек тоста или ещё чего-нибудь перед уходом?

— Ну, давай, — согласился мистер Диггори.

Миссис Уизли взяла намазанный маслом тост со стопки на столе, ухватила его каминными щипцами и перенесла в рот мистера Диггори.

— Шпашибо, — набитым ртом сказал он и с лёгким хлопком исчез.

До Гарри донёсся голос поспешно со всеми прощающегося мистера Уизли. Через пять минут он вновь появился на кухне, в мантии, надетой на

этот раз на правильную сторону, расчёсывая по дороге волосы.

— Мне пора… хорошего вам семестра, ребята, — попрощался он с Роном, близнецами и Гарри, застёгивая плащ и готовясь дизаппарировать. — Молли, ты справишься? Сможешь их всех сама отвезти на Кингс-Кросс?

— Конечно, справлюсь, — ответила она. — Присмотри за «Диким Глазом», а мы справимся.

Когда мистер Уизли испарился, в кухню вошли Билл и Чарли.

— Кто-то сказал «Дикий Глаз»? — спросил Билл. — Что он опять натворил?

— Заявил, что кто-то пытался пробраться к нему в дом вчера ночью, — отозвалась миссис Уизли.

— Хмури «Дикий глаз»? — задумчиво протянул Джордж, намазывая гренку мармеладом, — это не тот ли псих?…

— Твой отец очень ценит Хмури «Дикого глаза», — строго сказала миссис Уизли.

— А ещё папа коллекционирует штепселя, — тихо сказал Фред, когда миссис Уизли вышла из комнаты. — Одного поля ягода…

— Когда-то Хмури был великим волшебником, — сказал Билл.

— И он — старый друг Дамблдора, — сказал

Чарли.

— Но Дамблдора же нельзя назвать нормальным, — сказал Фред. — Я, конечно, не спорю, он — гений и всё такое…

— Кто такой этот «Дикий глаз»? — спросил Гарри.

— Он ушёл в отставку, а когда-то он работал в Министерстве, — сказал Чарли, — однажды папа взял меня с собой на работу и я с ним познакомился. Он был Аврором, и одним из самых лучших… охотником на Тёмных волшебников, — добавил он, увидев недоумённое лицо Гарри. — Половина заключённых в Азкабане попала туда благодаря его стараниям. Хотя и врагов он себе заработал немало… в основном, в семьях тех, кого он поймал… и я слышал, что он стал параноиком на старости лет. Не доверяет ни одной живой душе. Теперь ему везде мерещатся Тёмные волшебники.

Билл и Чарли решили тоже поехать и проводить всех на станцию Кингс-Кросс, но Перси, выразив глубокие сожаления по поводу того, что не сможет поехать с ними, сказал, что чрезвычайно занят.

— Я просто не смею отпроситься ещё на один день, — сказал он. — Мистер Крауч без меня,

практически, как без рук.

— Да, и знаешь, что, Перси? — на полном серьёзе сказал Джордж. — Думаю, скоро он даже узнает, как тебя зовут.

Миссис Уизли набралась храбрости, позвонила по телефону с почты в деревне и вызвала три обычных маггловских такси для поездки в Лондон.

— Артур пытался одолжить машины в Министерстве, — прошептала миссис Уизли на ухо Гарри, глядя на таксистов, которые тащили шесть тяжеленных чемоданов в машины. — Но ни одной свободной не было… О боже, кажется, что они чем-то недовольны.

Гарри не хотелось говорить миссис Уизли, что маггловским таксистам обычно не приходится возить перевозбуждённых сов, когда Пигвиджен шумел так, что уши в трубочку сворачивались. Ко всему прочему, вывалившиеся из внезапно распахнувшегося чемодана Фреда Великолепные Непромокаемые Холодные Фейерверки Флибустьера вдруг взорвались, отчего таксист, который нёс этот чемодан, завопил от страха и от боли, потому что Косолап вцепился в него и вскарабкался вверх по ноге.

Поездка на вокзал оказалась малоприятной —

они еле-еле втиснулись на задние сидения такси вместе со своими чемоданами. Косолап никак не мог успокоиться после происшествия с фейерверком и, к моменту прибытия в Лондон, Гарри, Рон и Гермиона были исцарапаны с ног до головы. Они с облегчением выбрались из машины, даже несмотря на проливной дождь, который до нитки промочил их, пока они тащили чемоданы через дорогу к вокзалу.

Гарри уже привык добираться на платформу девять и три четверти. Нужно было просто пройти прямиком через казавшийся сплошным барьер между девятой и десятой платформами. Сложность заключалась в том, что сделать это надо было, не привлекая к себе внимания магглов. Сегодня они проходили через барьер группами: сначала Гарри, Рон и Гермиона (наиболее заметные из-за Пигвиджена и Косолапа). Они небрежно прислонились к барьеру, беззаботно болтая, и боком проскользнули сквозь него. После этого перед ними возникла платформа Девять и Три Четверти.

Блестящий алый паровоз Хогвартс-Экспресса уже стоял там, в ожидании пассажиров, выпуская облака пара, которые окутывали людей, толпящихся на платформе, придавая им вид та-

инственных призраков. Пигвиджен расшумелся ещё пуще в ответ на уханье множества сов в тумане. Гарри, Рон и Гермиона отправились искать свободные места и вскоре уже заносили свои чемоданы в один из вагонов в середине поезда. Они спрыгнули обратно на платформу, чтобы попрощаться с миссис Уизли, Биллом и Чарли.

— Думаю, мы увидимся скорее, чем вы думаете, — широко улыбнулся Чарли, обнимая Джинни на прощание.

— Почему? — полюбопытствовал Фред.

— Скоро узнаешь, — ответил Чарли. — Только не говорите Перси, что я об этом говорил, всё-таки это «секретная информация до тех пор, пока министерство не найдёт нужным предать её огласке».

— Да, хотел бы я в этом году снова оказаться в Хогвартсе, — сказал Билл, держа руки в карманах и поглядывая на поезд тоскливыми глазами.

— Почему? — настаивал Джордж.

— Вам предстоит очень интересный год, — ответил Билл с озорным огоньком в глазах. — Может, мне удастся вырваться с работы и приехать, чтобы посмотреть немножко…

— Немножко чего? — спросил Рон.

В этот момент раздался гудок, и миссис Уизли

погнала их на поезд.

— Большое спасибо вам, миссис Уизли, за ваше гостеприимство, — сказала Гермиона, когда они зашли в поезд и высунулись из окна вагона.

— Да, спасибо за всё, миссис Уизли, — сказал Гарри.

— Что вы, что вы, не за что, дорогие мои! — отозвалась миссис Уизли. — Я бы пригласила вас на рождественские каникулы, но, не думаю, что вы захотите приехать из-за… всего, что будет происходить в Хогвартсе…

— Мам, — раздражённо сказал Рон, — о чём это вы все трое говорите, мы тоже хотим знать!

— Я думаю, к вечеру узнаете, — улыбнулась миссис Уизли, — вы будете довольны, я уверена. И конечно я очень рада, что они изменили правила…

— Какие правила? — хором вскричали Гарри, Рон, Фред и Джордж.

— А вот об этом вам расскажет профессор Дамблдор… А теперь, до свидания, и ведите себя прилично, вы слышите Фред? Джордж?

Поезд загудел и тронулся с места.

— Ну, скажите же, что будет в Хогвартсе? — орал из окна Фред уплывающим вдаль миссис Уизли, Биллу и Чарли. — О каких правилах речь?

Но миссис Уизли молча улыбалась и махала рукой. Поезд ещё не успел завернуть за угол, а миссис Уизли, Билл и Чарли дизаппарировали.

Гарри, Рон и Гермиона уселись в своём купе. Из окон ничего не было видно из-за стены хлеставшего в них проливного дождя. Рон открыл чемодан, вытащил свои бордовые одежды и накинул их на клетку с Пигвидженом, чтобы утихомирить его.

— Бэгмэн собирался нам сказать, — угрюмо сказал он, усаживаясь рядом с Гарри, — на Чемпионате Мира, помните? А родная мать — молчит! Интересно, что…

— Ш-ш-ш, — прошептала Гермиона и, приложив палец к губам, указала в направлении соседнего купе. Гарри и Рон навострили уши и услышали знакомый занудный голос, доносящийся из приоткрытой двери.

— Отец собирался послать меня в Дурмштранг, а не в Хогвартс. Он знает их директора. И вы же знаете, какого он мнения о Дамблдоре — он тютькается с грязнокровками — а в Дурмштранг не принимают такую шваль. Но мать не хотела, чтобы я уехал так далеко от дома. И отец считает, что Дурмштранг более разумно относится к Тёмным искусствам. Студенты Дурмштранга изучают

Тёмные силы, а не всю эту чушь, которую учим мы — защиту от них…

Гермиона на цыпочках подошла к двери и прикрыла её, заглушив голос Малфоя.

— Ах, вот как, так он считает, что Дурмштранг бы больше подошёл ему, — со злостью сказала она, — жаль, что он туда не отправился, нам бы не пришлось иметь с ним дело.

— Дурмштранг — это школа волшебства? — спросил Гарри.

— Ага, — презрительно хмыкнула Гермиона, — и у неё ужасная репутация! В «Оценке Волшебного Образования в Европе» написано, что там уделяют большое внимание Тёмной Магии.

— Я где-то про неё уже слышал, — сказал Рон, — где она? В какой стране?

— Но об этом же никто не знает! — удивлённо подняла брови Гермиона.

— Эээ… почему? — спросил Гарри.

— Волшебные школы всегда соперничают друг с другом. Дурмштранг и Бобатон скрывают своё местонахождение, чтобы никто не смог узнать их секреты, — сказала Гермиона, как что-то, само собой разумеющееся.

— Ну в самом деле, — расхохотался Рон, — Дурм-

штранг ведь примерно таких же размеров, как Хогвартс, — разве можно спрятать такой огромнейший замок?

— Но ведь Хогвартс спрятан, — удивилась его вопросу Гермиона, — все это знают, то есть все, кто читал «Хогвартс: История».

— То есть только ты одна, — ответил Рон, — но расскажи нам, как можно спрятать такой огромный замок, как Хогвартс?

— Он заколдован, — пояснила Гермиона, — если маггл наткнётся на него, то увидит разрушенные древние руины, а над входом надпись: — ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ. ВХОД ВОСПРЕЩЁН.

— А, так Дурмштранг тоже представляется руинами тем, кто на него набредёт?

— Кто знает? — пожала плечами Гермиона. — Может, на него наложены противомаггловые заклятья, как на стадион Кубка мира. А для того, чтобы его не нашли иностранные маги, они сделали его Ненаносимым.

— Чего?

— Разве ты не знаешь? Здание можно заколдовать так, чтобы его невозможно было нанести на карту.

— А, ну конечно, естественно… — промычал Гарри.

— Но, я думаю, что Дурмштранг находится где-то на крайнем севере, — задумчиво продолжала Гермиона, — где-то, где очень холодно, потому что в их школьную форму входят меховые шубы.

— Только подумай, столько возможных вариантов! — мечтательно сказал Рон. — Было бы так просто столкнуть Малфоя с ледника, и представить это несчастным случаем… Жаль, что его мать любит его…

Поезд катил всё дальше и дальше на север, а дождь лил сильнее и сильнее. Небо было таким чёрным, а окна такими запотевшими, что в вагоне уже к полудню зажгли свет. По коридору загрохотала тележка с едой, и Гарри купил для всех пачку Кексов-Котлов.

В дверь купе заглядывал то один, то другой приятель. К ним зашли Шеймус Финниган, Дин Томас и Невилл Лонгботтом, круглолицый, забывчивый парнишка, воспитанный бабушкой, которая была очень строгой колдуньей. В петлице у Шеймуса всё ещё торчала ирландская розетка. Она постепенно теряла свои волшебные силы. Розетка всё ещё пыталась выкрикивать: — Трой-Мюллет-Моран! — но уже ослабевшим и измученным голосом. Гермиона, которой уже через полчаса до смерти надоели нескончаемые

разговоры о квиддитче, опять уткнулась носом в «Стандартную книгу заклинаний (4 курс)», пытаясь выучить Призывающее Заклинание.

Невилл с завистью слушал воспоминания приятелей о Чемпионате Мира.

— Ба не захотела идти, — с несчастным видом сказал он, — а мне не удалось уломать её на билетик. Похоже, матч был классный!

— Ага, — сказал Рон, — только посмотри, Невилл…

Он покопался в своём чемодане и извлёк оттуда фигурку Виктора Крама.

— Вот здорово, — с завистью протянул Невилл, когда Рон спустил малютку-Крама на пухлую ладонь Невилла.

— Он был просто у нас перед носом! Мы, ведь, сидели в Верхней Ложе…

— В первый и последний раз в твоей жизни, Уизли.

В проёме дверей стоял Драко Малфой, а за ним Крэбб и Гойл, — его здоровенные приспешники с бандитской наружностью. Эта парочка, казалось, выросла ещё, по меньшей мере, на целый фут за прошедшее лето. Очевидно, они слышали весь разговор через приоткрытую дверь, которую не закрыли за собой Шеймус и Дин.

— Что-то не припомню, Малфой, чтоб мы тебя сюда приглашали, — холодно заметил Гарри.

— Уизли… а это что такое? — ехидно спросил Малфой и ткнул пальцем в клетку Пигвиджена, с наброшенной на неё парадной мантией Рона, рукава которой качались из стороны в сторону в ритм движения поезда. Заплесневелые кружева на манжетах резко бросались в глаза.

Рон бросился к клетке, чтобы убрать с глаз мантию, но Малфой оказался проворнее. Он схватил за рукав и потянул.

— Вы только взгляните на ЭТО! — с восторгом орал он, демонстрируя мантию Рона Крэббу и Гойлу. — Уизли, ты же не собираешься носить ЭТО? То есть, такие штуки были в моде примерно в тысяча восемьсот девяностом…

— Иди ты в болото! — прокричал Рон с лицом такого же точно цвета, как его парадная мантия и выхватил её из рук Малфоя. Малфой ехидно хихикнул. Крэбб и Гойл глупо загоготали.

— Так что, Уизли, ты собираешься участвовать? Собираешься прославить и возвеличить имя Уизли? Да ещё и деньги заплатят!.. Тогда, если тебе удастся победить, ты сможешь купить себе приличную одежду…

— Что ты мелешь? — огрызнулся Рон.

— Так ты будешь участвовать, или нет? — повторил Малфой и повернулся к Гарри. — Ну ты-то, такой выпендрило, Поттер, ты-то, точно, будешь!

— Слушай, Малфой, либо объясни нам, о чём речь, либо убирайся отсюда, — раздражённо сказала Гермиона, отрываясь от «Стандартной книги заклинаний (4 курс)».

Бледное лицо Малфоя расплылось в ехидной усмешке.

— А вы, похоже, и правда не знаете! — злорадно сказал он. — У тебя брат и отец оба работают в министерстве, и ты ничего не знаешь! Вот это да! Мой-то отец МНЕ уже сто лет назад сказал! Он узнал от Корнелиуса Фаджа. Но с другой стороны, отец всегда общается с высокопоставленными чинами Министерства… Твой отец занимает слишком незначительную должность, поэтому и не знает об этом, Уизли… Да… Они, конечно же, не обсуждают важных вопросов в его присутствии….

И расхохотавшись, Малфой ушёл в своё купе, сопровождаемый Крэббом и Гойлом.

Рон вскочил на ноги и с такой силой захлопнул за ними дверь, что разбил в ней стекло.

— Рон! — укоризненно сказала Гермиона, вытащила свою волшебную палочку и сказала

— Репаро! — Кусочки слетелись вместе и сложились в целый и невредимый кусок стекла, который установился назад в дверь.

— Гад такой! Как будто он всё знает, а мы — ничего! — прорычал Рон. — «Отец всегда общается с высокопоставленными чинами Министерства»… Моего отца уже давно хотят повысить в должности, но он сам не хочет, ему нравится отдел, в котором он работает.

— Конечно, Рон, — тихо сказала Гермиона, — не реагируй…

— Мне? Реагировать? Очень надо! — рявкнул Рон. Он схватил оставшееся пирожное и сжал его так сильно, что оно превратилось в его руках в бесформенную кашицу.

Дурное настроение не покидало Рона до конца поездки. Он молча переоделся в школьную форму. Хмурое выражение не сошло с его лица даже когда Хогвартс-Экспресс затормозил и остановился на тёмной, как смоль, станции Хогсмид. Сквозь открытые двери поезда до них донёсся оглушительный раскат грома. Гермиона закутала Косолапа в свою мантию, а Рон оставил свою парадную мантию на клетке Пигвиджена. Они спустились с поезда прямо в стену проливного дождя, пригнув головы и щурясь. Дождь лил так

сильно, что казалось, кто-то специально опрокидывает на них ушат за ушатом ледяной воды.

— Привет, Хагрид! — закричал Гарри, увидев знакомый гигантский силуэт, вырисовывавшийся на другом конце платформы.

— Как дела, Гарри? — проревел в ответ Хагрид, махая ему рукой, — увидимся на пиру, если не утонем!

Первогодки всегда прибывали в Хогвартский замок на флотилии лодочек, которые вёл через озеро Хагрид.

— Ой, не хотела бы я плыть по озеру в такую погоду! — сказала Гермиона, которую била лихорадочная дрожь, пробираясь вместе с Гарри и Роном в толпе учеников к выходу с платформы. При выходе с вокзала стояла сотня не запряжённых лошадьми экипажей, в один из которых проворно залезли Гарри, Рон, Гермиона и Невилл. Дверь за ними захлопнулась и через мгновение, длинная процессия экипажей, тяжело качнувшись, двинулась вперёд, громыхая и расплёскивая грязь, по дороге к замку Хогвартса.

12. Турнир Трёх Волшебников

Через увенчанные крылатыми кабанами ворота, вверх по широкой дороге катились экипажи, качаясь под натиском набиравшей силу бури. Прислонившись к стеклу, Гарри видел, как приближается Хогвартс, его лучистые окна, которые расплывались и мерцали за тяжёлой завесой дождя. Вспыхнула молния, когда их карета замерла у каменной лестницы, ведущей к дубовым дверям. Первая волна прибывших уже торопилась вверх по ступенькам. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл выпрыгнули из экипажа и опрометью помчались к лестнице. Лишь оказавшись в огромном, светлом вестибюле с роскошной мраморной лестницей, они подняли мокрые головы.

— Господи, — Рон встряхнул головой, и брызги полетели во все стороны. — Ещё чуть-чуть, и озеро выйдет из берегов. На мне сухого ме… АААААА!

Огромный, наполненный водой красный шар свалился с потолка Рону на голову и взорвался. Рон, захлёбываясь, отступил и столкнулся с Гарри в тот самый миг, когда вторая бомба рухнула вслед за первой, едва не задев Гермиону, и плес-

нула ледяной водой в кроссовки Гарри. Ученики вокруг них визжали и, толкая друг друга, разбегались во все стороны подальше с линии огня. Гарри посмотрел наверх и увидел, что в двадцати футах от пола парит Полтергейст Пивз — коротышка в увешанной колокольчиками шляпе и в оранжевом галстуке-бабочке. Ухмыляясь, он тщательно целился в очередную жертву.

— ПИВЗ! — раздался разъярённый голос. — Пивз, НЕМЕДЛЕННО спускайся вниз!

Заместитель директора и глава Гриффиндора профессор МакГонагалл негодующе вылетела из Большого зала и тут же поскользнулась на мокром полу, но сохранила равновесие, схватившись за шею Гермионы.

— Ой! Простите, мисс Грэйнджер!

— Все в порядке, профессор, — ахнула Гермиона, потирая шею.

— Пивз, СИЮ ЖЕ МИНУТУ спускайся вниз! — крикнула профессор МакГонагалл, поправляя на голове остроконечную шляпу и свирепо глядя на полтергейста сквозь очки в квадратной оправе.

— Ничего я не делал! — хихикнул Пивз, посылая водяную бомбу в группу пятиклассниц, которые взвизгнули и скрылись в Большом Зале. — С них и так течёт! Мелкий дождичек! Виииии! — и он

швырнул очередную бомбу в группу вошедших второкурсников.

— Я позову директора! — закричала профессор МакГонагалл. — Предупреждаю тебя, Пивз…

Пивз высунул язык, подбросил в воздух оставшиеся водяные бомбы и улетел вверх над мраморной лестницей, гогоча, словно сумасшедший.

— Давайте же, идите! — резко сказала профессор МакГонагалл вымокшей до нитки толпе учеников. — В Большой Зал, вперёд!

Гарри, Рон и Гермиона, скользя по мокрому полу вестибюля, направились к двойным дверям справа. Рон тихонько чертыхался, откидывая со лба мокрые пряди волос.

Большой Зал был, как всегда, великолепно убран для пира в честь начала нового учебного года. Золотые тарелки и кубки поблёскивали в свете сотен свечей, парящих над столами. За длинными столами четырёх Домов оживлённо болтали ученики. Во главе зала стоял пятый стол, за которым, лицом к ученикам, сидели преподаватели. В зале было гораздо теплее. Гарри, Рон и Гермиона прошли мимо столов Слизерина, Рэйвенкло и Хаффлпаффа в дальний конец зала и уселись за стол своего Дома рядом с Почти Безголовым Ником — Гриффиндорским призраком.

Жемчужно-белый, полупрозрачный Ник был одет в свой обычный камзол, на котором сегодня красовалось огромных размеров жабо. Жабо играло двойную роль: оно придавало Нику нарядный вид и поддерживало его болтающуюся голову на не до конца отрубленной шее.

— Добрый вечер, — Ник расплылся в улыбке.

— Кому как, — пробурчал Гарри, снимая кроссовки и, выливая из них воду. — Скорей бы уже начинали Распределение. Я умираю с голоду.

Церемония Распределения новых учеников по Домам традиционно проводилась в начале каждого учебного года, но по воле случая, единственной церемонией, на которой присутствовал Гарри, была его собственная. И поэтому он с нетерпением ждал начала. С противоположного конца стола раздался радостный голос:

— Привет, Гарри!

Кричал Колин Криви, третьекурсник, почитающий Гарри за героя.

— Привет, Колин, — сдержанно отозвался Гарри.

— Гарри, а знаешь что? Знаешь что, Гарри? Мой брат будет в этом году первогодкой! Мой брат Деннис!

— Эээ… хорошо, — пробурчал Гарри.

— Он очень волнуется! — сказал Колин, разве что не прыгая на стуле. — Надеюсь, он попадёт в Гриффиндор! Подержишь кулачки, Гарри?

— Эээ… ага, хорошо, — согласился Гарри и повернулся к Гермионе, Рону и Почти Безголовому Нику. — Братья и сёстры обычно же попадают в один и тот же Дом, да? — Говоря это, он думал о семье Уизли, где все семь детей были гриффиндорцами.

— Нет, что ты, совсем необязательно, — сказала Гермиона, — близняшка Парвати Патил — в Рэйвенкло, а их не отличить друг от друга. По идее, они должны были оказаться в одном Доме.

Гарри взглянул на стол, где сидели преподаватели, и заметил, что свободных мест больше, чем обычно. Хагрид, естественно, всё ещё боролся с волнами, переправляя первогодок через озеро. Профессор МакГонагалл вроде бы руководила вытиранием пола в вестибюле, но за столом стоял ещё один пустой стул, и Гарри никак не мог сообразить, кто же отсутствует.

— А где новый преподаватель Защиты от Тёмных Искусств? — спросила Гермиона, которая тоже смотрела на учительский стол.

Ни один из преподавателей Защиты от Тёмных Искусств не продержался в Хогвартсе дольше

трёх семестров. Гарри больше всех нравился профессор Люпин, который уволился в прошлом году. Гарри смотрел на учителей, сидящих за столом, но видел только знакомые лица.

— Может Дамблдор не нашёл преподавателя? — с ужасом предположила Гермиона.

Гарри ещё раз взглянул на учительский стол. Маленький профессор Флитвик, который преподавал Заклинания, сидел на подушках рядом с профессором Спраут, учительницей Гербологии. На седой, непослушной копне волос профессора Спраут красовалась шляпа набекрень. Она беседовала с профессором Синистрой с кафедры Астрономии. По другую сторону профессора Синистры сидел крючконосый, с болезненно-жёлтым лицом и жирными волосами преподаватель Зельеварения, профессор Снейп. Снейпа Гарри на дух не переносил. И это нежное чувство было взаимным. Снейп терпеть не мог Гарри, и ненависть эта удвоилась, когда в прошлом году Гарри помог Сириусу ускользнуть у Снейпа прямо из-под носа — Снейп и Сириус не ладили ещё со времён учёбы в Хогвартсе.

По другую сторону от Снейпа стоял пустой стул, видимо для профессора МакГонагалл. А рядом, во главе стола сидел директор школы профессор

Дамблдор. Его серебристая шевелюра и длинная борода мерцали в свете сотен свечей, роскошные зелёные одежды были расшиты звёздами. Дамблдор опустил подбородок на скрещенные пальцы и, задумчиво глядел вверх сквозь очки в оправе полумесяцем. Гарри тоже взглянул на потолок. Этот волшебный потолок выглядел как настоящее небо. По нему медленно плыли фиолетово-чёрные облака и, когда с улицы раздался очередной раскат грома, на нём сверкнула молния.

— Ну где они там, — простонал Рон, — я готов слопать гиппогрифа!

Едва он это произнёс, как двери Большого Зала распахнулись, и наступила тишина. В зал вошла профессор МакГонагалл, а за ней гуськом следовали новички. Гарри, Рон и Гермиона были совершенно сухими по сравнению с несчастными первогодками. У них был такой вид, как будто они не ехали в лодках через озеро, а переплывали его. Малыши тряслись от холода и страха. Они выстроились в ряд перед столом преподавателей лицом к остальным ученикам, — все, кроме одного — маленького мальчика с пепельного цвета волосами, закутанного в кротовую доху Хагрида. Доха была такой огромной, что,

казалось, он завёрнут в чёрный меховой ковёр. Его маленькое личико, выглядывающее из-под громадного воротника, лучилось болезненным любопытством. Когда наконец мальчик поравнялся со своими испуганными одноклассниками, он глазами отыскал в толпе Колина Криви, показал ему обеими большими пальцами «Во!» и беззвучно сформировал губами слова: «Я упал в озеро!». — Лицо его при этом выражало полнейший восторг.

Между тем профессор МакГонагалл установила табуретку о трёх ногах перед первогодками, а на неё положила древнюю, грязную и залатанную остроконечную шляпу. Первогодки уставились на шляпу, а за ними и весь зал перевёл на неё глаза. Наступила полная тишина. Но вдруг прореха у полей шляпы открылась, как рот, и шляпа запела:

(стихи переводятся одним из наших талантливых переводчиков, которые переводил стихи для первой книги, и они появятся позже)

A thousand years or more ago,
When I was newly sewn,
There lived four wizards of renown,
Whose names are still well known:
Bold Gryffindor, from wild moor,

Fair Ravenclaw, from glen,
Sweet Hufflepuff, from valley broad,
Shrewd Slytherin, from fin.
They shared a wish, a hope, a dream,
They hatched a daring plan
To educate young sorcerers
Thus Hogwarts School began.
Now each of these four founders
Formed their own house, for each
Did value different virtues
In the ones they had to teach.
By Gryffindor, the bravest were
Prized far beyond the rest;
For Ravenclaw, the cleverest
Would always be the best;
For Hufflepuff, hard workers were
Most worthy of admission;
And power-hungry Slytherin
Loved those of great ambition.
While still alive they did divide
Their favorites from the throng,
Yet how to pick the worthy ones
When they were dead and gone?
'Twas Gryffindor who found the way,
He whipped me off his head
The founders put some brains in me

So I could choose instead!
Now slip me snug about your ears,
I've never yet been wrong,
I'll have a look inside your mind
And tell where you belong!

Большой зал дружно разразился аплодисментами, когда Распределяющая Шляпа допела свою песню.

— Она пела что-то другое, когда распределяла нас, — заметил Гарри, хлопая вместе со всеми.

— Она каждый год поёт что-то новое, — объяснил Рон, — ещё бы, не жизнь — а скучища! Тоска одна — быть шляпой! Небось, весь год новую песню сочиняет.

Меж тем профессор МакГонагалл разворачивала длинный свиток пергамента.

— Когда я вызову вас, надевайте на голову Шляпу и садитесь на табурет, — сказала она первогодкам, — когда Шляпа назовёт ваш Дом, идите и присаживайтесь за свой стол.

— Акерли, Стюарт!

Трепещущий от страха мальчик вышел вперёд, поднял Распределяющую Шляпу, надел её на голову и сел на табурет.

— РЭЙВЕНКЛО! — прокричала Шляпа.

Стюарт Акерли стащил Шляпу и побежал к

столу Рэйвенкло, где все дружно ему зааплодировали. Гарри мельком взглянул на

Чо, ловца Рэйвенкло, которая громко хлопала Стюарту, приветствуя его. На мгновение Гарри страшно захотелось тоже сидеть за столом Рэйвенкло.

— Бэддок, Малькольм!

— СЛИЗЕРИН!

На другом конце зала слизеринцы разразились аплодисментами. Гарри смотрел на Малфоя, который хлопал в ладоши, приветствуя Бэддока, шагавшего к столу Слизерина, и думал, знает ли Бэддок, что из Слизерина вышло куда больше Тёмных Магов, чем из любого другого Дома? Фред и Джордж освистали садящегося за стол Бэддока.

— Брэнстоун, Элеанора!

— ХАФФЛПАФФ!

— Колдуэлл, Оуэн!

— ХАФФЛПАФФ!

— Криви, Деннис!

Малыш Деннис Криви, спотыкаясь, засеменил вперёд, путаясь в хагридовой дохе. Сам Хагрид в это время боком входил в зал через дверь позади учительского стола. Примерно вдвое выше среднего мужчины и приблизительно втрое шире, Хагрид, со своей длинной, чёрной, запутанной

копной волос и бородой, навевал лёгкий страх. На самом же деле он был добрейшей души человек. Хагрид подмигнул Гарри, Рону и Гермионе, усаживаясь за стол и взглянул на Денниса Криви, надевающего Шляпу. Прореха у полей широко открылась:

— ГРИФФИНДОР! — прокричала Шляпа.

Хагрид присоединился к аплодисментам Гриффиндорцев, а Деннис, улыбаясь до ушей, стянул с себя Распределяющую Шляпу, аккуратно положил её на табуретку и помчался к брату.

— Колин, я свалился в воду! — пронзительно сообщил он, плюхаясь на стул. — Было так здорово! А кто-то в воде схватил меня и вытолкал назад в лодку!

— Здорово! — выпалил Колин, которого эта новость тоже привела в восторг, — спорю, это был гигантский кальмар!

— Ух ты! — воскликнул Деннис таким тоном, который не оставлял никаких сомнений, что пределом человеческих мечтаний было свалиться во время бури в глубокое озеро, а потом быть вытолканным оттуда огромным морским чудищем.

— Деннис! Деннис! Смотри, ты видишь того мальчика, ну черноволосого и в очках? Видишь? Знаешь кто он такой, Деннис?

Гарри отвернулся и стал сосредоточенно разглядывать Распределяющую Шляпу, которая в этот момент распределяла Эмму Доббс.

Распределение продолжилось. Мальчики и девочки с лицами, выражавшими разную степень испуга, подходили к трёхногой табуретке. Очередь становилась всё короче — профессор МакГонагалл уже дошла до буквы «Л».

— Ну же, когда они там?! — проворчал Рон, потирая свой урчащий живот.

— Ну что ты, Рон, Распределение — куда важнее пира, — отчитал его Почти Безголовый Ник в тот момент, когда Лора Мэдли была отправлена в Хаффлпафф.

— Конечно Распределение важнее пира, когда ты — мёртв! — отрезал Рон.

— Надеюсь, новая партия Гриффиндорцев будет соответствовать нашим стандартам! — произнёс Почти Безголовый Ник, хлопая Натали Мак-Дональд, которая присоединилась к Гриффиндорцам. — Чтобы сохранить инициативу!

Гриффиндор три года подряд выходил на первое место в соревновании между Домами.

— Притчард, Грэм!

— СЛИЗЕРИН!

— Квёрк, Орла!

— РЭЙВЕНКЛО!

И наконец, Кевином Уитби — ХАФФЛПАФФ! — Распределение закончилось. Профессор МакГонагалл взяла Шляпу, подняла табурет и вынесла их из зала.

— Наконец-то! — вскричал Рон, хватая свой нож и вилку и, с нетерпением взирая на пустое золотое блюдо.

Профессор Дамблдор поднялся со стула. Широко улыбаясь сидящим перед ним ученикам, он распахнул руки, приветствуя их.

— Я хочу сказать вам только одно слово! — произнёс он громким голосом, отдающимся во всех концах зала. — Приступайте.

— Прекрасно сказано! — хором отозвались Гарри и Рон и с радостью увидели, что пустые блюда по волшебству наполнились яствами.

Почти Безголовый Ник скорбно посмотрел на Гарри, Рона и Гермиону, которые нагружали свои тарелки едой.

— А-а! Так-то луше… — промямлил Рон с набитым картофельным пюре ртом.

— Вам повезло, что пир вообще состоялся, — заметил Почти Безголовый Ник, — сегодня на кухне были беспорядки.

— Пошму? Што шлушилось? — проговорил

Гарри, пытаясь прожевать большой кусок мяса.

— Пивз, что же ещё! — покачал головой Ник, и она сильно съехала набок. Он подтянул повыше своё жабо. — Как обычно, знаете ли! Он тоже хотел присутствовать на пиру — но об этом не могло быть и речи! Вы же понимаете, что он совершенно не умеет себя прилично вести! Чрезвычайно дурно воспитан! Не может пройти мимо тарелки с едой, не опрокинув её! Мы держали Совет призраков. Толстый Монах выступил за то, чтобы дать ему шанс, но Кровавый Барон, и весьма благоразумно, я считаю, наотрез отказался.

Кровавый Барон был призраком Слизерина — угрюмым привидением в одеждах, покрытых пятнами серебряной крови. И кроме того, он был единственным, кого слушался Пивз.

— А! То-то Пивз устроил нам встречу! — мрачно сказал Рон. — Так что он натворил на кухне?

— А, ну, как обычно, — пожал плечами Почти Безголовый Ник, — полнейший разгром и тарарам! Разбросал кастрюли и сковородки по всей кухне. Разлил суп. Напугал бедных домовых до потери пульса…

Дзинь!

Гермиона опрокинула свой золотой бокал. Тыквенный сок медленно расплывался по ска-

терти, перекрашивая её на своём пути из белого в оранжевый цвет. Но Гермиона не обратила на это никакого внимания.

— Здесь работают домовые? — спросила она, с ужасом глядя на Почти Безголового Ника. — Здесь? В Хогвартсе?

— Естественно, — ответил Ник, удивлённо глядя на неё, — их здесь больше, чем в любом другом месте в Англии, я полагаю. Больше сотни!

— Но я никогда ни одного не видела! — сказала Гермиона.

— Естественно, днём они не выходят из кухни, моя драгоценная! — пояснил Почти Безголовый Ник. — Они появляются только ночью и занимаются уборкой… поддерживают огонь в каминах… То есть, они не должны попадаться на глаза людям, как это положено хорошо воспитанным домовым!

Гермиона в упор глядела на него.

— Но им платят? — спросила она. — Им полагаются выходные? Больничный, пенсия и прочее?

Почти Безголовый Ник так расхохотался, что его жабо совершенно съехало с полагающегося ему места, а голова зашлёпала из стороны в сторону на ниточке призрачной кожи, толщиной где-то в пару сантиметров, которой она была

присоединена к его призрачной шее.

— Больничный и пенсия? — сквозь смех повторил он, устанавливая на место голову и повязывая жабо, — домовые не желают иметь больничный и пенсию.

Гермиона взглянула на тарелку с недоеденной едой, положила нож и вилку и отодвинула от себя тарелку.

— Да лана, Ер-ме-она, — сказал Рон, ненароком оплёвывая Гарри кусочками йоркширского пудинга. — Ой, пвофти, Вари! — он проглотил свой пудинг и продолжал. — Им не станут платить пенсию, если ты объявишь голодовку!

— Это рабский труд, — тяжело дыша, проговорила Гермиона, — да, этот обед приготовили рабы!

И она наотрез отказалась съесть ещё кусочек.

Высокие тёмные окна, по которым яростно лупил дождь, сотряслись от очередного раската грома. Штормовой потолок ярко вспыхнул, освещая золотые блюда, с которых уже исчезли остатки обеда, а на их месте появилось сладкое.

— Гермиона, пирожное с патокой! — пытался соблазнить её Рон. Он замахал ладонью над пирожным, направляя на Гермиону его сладкий запах. — Ты только посмотри — пудинг с изюмом!

Шоколадный торт!

Но Гермиона бросила на него взгляд, настолько напоминающий ледяной взгляд профессора МакГонагалл, что Рон оставил её в покое.

Когда доели сладкое и последние крошки угощения исчезли с золотых блюд, не оставив на них и следа, Альбус Дамблдор снова поднялся с места. Жужжание голосов немедленно прекратилось. В зале наступила полная тишина, прерываемая лишь завыванием ветра и шумом дождя.

— Итак, — улыбаясь, произнёс Дамблдор, — теперь, когда вы все накормлены и напоены, — (Гермиона фыркнула), — я ещё раз прошу вашего внимания. У меня для вас имеется несколько сообщений.

— Смотритель Хогвартса, мистер Филч попросил меня проинформировать вас, что в список предметов, которые запрещается держать в замке, теперь также входят Орущие Йо-йо, Клыкастые Фрисби и Всё-Колотящие Бумеранги. В полный список, насколько я знаю, внесено четыреста тридцать семь предметов. Список висит в кабинете мистера Филча, если кто-нибудь пожелает с ним ознакомиться.

Уголки рта Дамблдора дрогнули. Он продолжал.

— Как обычно, я бы хотел вам напомнить, что в лес на территории школы вход воспрещён, а также, первокурсникам и второкурсникам не разрешается посещать деревню Хогсмид.

— Кроме того, с глубоким сожалением я должен сообщить вам, что Чемпионат по Квиддитчу между Домами в этом году не состоится.

— Что?! — охнул Гарри. Он обернулся и посмотрел на Фреда с Джорджем, которые были его товарищами по команде. Они беззвучно шевелили губами, не сводя с Дамблдора глаз, очевидно настолько потрясённые, что были не в состоянии выдавить из себя ни звука. Дамблдор продолжал: — И он не состоится из-за определённого мероприятия, которое будет проходить у нас с октября месяца и до конца учебного года. Это мероприятие потребует огромного вложения времени и сил со стороны преподавательского состава. Но, я не сомневаюсь, что вы все будете необыкновенно рады этому событию. С глубоким удовольствием я сообщаю вам, что в этом году в Хогвартсе состоится…

Но в этот момент раздался оглушительный раскат грома, и двери в Большой зал распахнулись.

На пороге стоял человек, опирающийся на высокий посох. Он был закутан в чёрный дорож-

ный плащ. Все головы повернулись в сторону незнакомца, которого на мгновение осветил свет молнии, сверкнувшей на потолке. Он снял с головы капюшон и тряхнул гривой длинных седых волос, а затем зашагал к столу преподавателей. Каждый шаг незнакомца отзывался во всех концах зала глухим стуком. Добравшись до стола, он повернул направо и хромающей походкой направился к Дамблдору. Молния вновь расколола пополам чёрный потолок. Гермиона ахнула.

Молния ярко осветила лицо новоприбывшего, и лицо это не было похоже ни на одно другое. Казалось, его вырубил из старого и высохшего куска дерева кто-то, плохо владевший резцом и имевший очень слабое представление о том, как выглядит человеческое лицо. Всё его лицо было испещрено шрамами. На месте рта располагался глубокий диагональный прорез, а у носа отсутствовал огромный кусок. Но не лицо, а глаза этого человека наводили в ужас.

Один глаз был маленькой чёрной бусинкой, а второй — большой, круглый, словно монета ярко-синего цвета. И этот синий глаз не останавливался ни на секунду, двигаясь вверх, вниз, направо и налево, не мигая, совершенно независимо от первого, нормального глаза, а иногда,

закатывался назад, заглядывая во внутрь головы хозяина, и тогда, из синего он превращался в белый.

Незнакомец подошёл к Дамблдору и протянул ему покрытую шрамами руку, которую Дамблдор пожал, пробормотав что-то, чего Гарри не расслышал. Казалось, он о чём-то спросил незнакомца, который сурово покачал головой и что-то тихо проговорил ему в ответ. Дамблдор кивнул и указал незнакомцу на пустой стул справа.

Незнакомец уселся, откинул с лица пряди тёмных седых волос, подтянул к себе поближе тарелку с колбасками, поднёс их к остаткам своего носа и понюхал. Затем он извлёк из кармана складной нож, наткнул на него колбаску и принялся есть. Его первый, нормальный глаз разглядывал колбаски, а второй, синий продолжал метаться из стороны в сторону в своей глазнице, рассматривая зал и сидящих в нём учеников.

— Позвольте мне представить вам нашего нового преподавателя Защиты от Тёмных Искусств! — радостно сообщил Дамблдор безмолвному залу. — Профессор Хмури!

Согласно обычаю, новых учеников и учителей приветствовали аплодисментами. Но сейчас ни одна живая душа, кроме Дамблдора и Хагрида, не

захлопала. Дамблдор и Хагрид усердно аплодировали, но звуки их аплодисментов отзывались жалобным эхом в мёртвой тишине зала. Их одинокие хлопки быстро прекратились. Весь зал, казалось, впал в транс, созерцая невероятную наружность Хмури, и был не в состоянии поднять руки для аплодисментов.

— Это Хмури? — прошептал Гарри на ухо Рону. — Хмури-«Дикий глаз»? Которому должен был помочь сегодня утром твой отец?

— Наверно, — ответил ему Рон тихим, благоговейным голосом.

— Что это с ним? — прошептала Гермиона, — то есть, что у него с лицом?

— Понятия не имею! — прошептал Рон, не отводя от Хмури глаз.

На Хмури, казалось, не произвело никакого впечатления это, не самое доброжелательное, приветствие. Не обращая внимания на кувшин с тыквенным соком, стоящий у него перед носом, он опять полез в карман и извлёк из него флягу, к которой тут же и приложился. Его рука с флягой, поднявшаяся наверх, потянула за собой дорожную мантию. Через щель, образовавшуюся между полом и мантией, Гарри увидел кусок деревянной ноги с когтистой лапой.

Между тем Дамблдор ещё раз прочистил горло.

— Так вот, как я уже говорил, — продолжал он, улыбаясь сидящим перед ним ученикам, которые не могли отвести взгляд от Хмури-«Дикого глаза», — нам выпала честь быть хозяевами на замечательном событии, которое будет проводиться в этом году впервые за последнюю сотню лет. С превеликим удовольствием я сообщаю вам, что в этом году в Хогвартсе состоится Турнир Трёх Волшебников.

— Да ЛАДНО! — громко сказал Фред Уизли.

Напряжённое оцепенение, сковавшее зал с момента появления Хмури, улетучилось. Весь зал засмеялся, и сам Дамблдор понимающе хихикнул.

— Я не шучу, мистер Уизли, — ответил он, — хотя, что касается шуток, мне рассказали очаровательную шутку этим летом о тролле, старой карге и лепреконе, которые отправились в бар…

Профессор МакГонагалл громко откашлялась.

— Н-да… Но, может быть, сейчас не время… нет… — проговорил Дамблдор, — так вот, Турнир Трёх Волшебников… ага… некоторые из вас не знают о чём идёт речь. Так что, пожалуйста, те, кто слышали о турнире, потерпите и не взыщите, пока я вкратце расскажу о нём тем, кто не знает.

— Первый Турнир Трёх Волшебников состоялся семьсот лет назад. В нём принимали участие ученики трёх крупнейших европейских школ волшебства: Хогвартса, Бобатона и Дурмштранга. Каждая школа выдвигала по одному чемпиону, и эти три чемпиона состязались в выполнении трёх волшебных заданий. Турнир проводили раз в пять лет, и каждая школа по очереди проводила у себя это состязание. Этот международный турнир считался наилучшим способом завязать дружественные связи между колдунами и колдуньями разных стран, но когда число погибших сильно возросло, турнир перестали проводить.

— Число погибших?! — в ужасе прошептала Гермиона. Но она оказалось в меньшинстве. Никто, казалось, не разделял её волнений. Весь зал оживлённо перешёптывался. Гарри не терпелось подробнее узнать о турнире; число погибших сотню лет назад ни капли не волновало его.

— Турнир несколько раз пытались возродить, — продолжал Дамблдор, — но безуспешно. Однако Отдел международного сотрудничества магов и Отдел волшебных игр и спортивных состязаний постановили, что настало время снова попробовать. Мы трудились всё лето, чтобы обеспечить полную безопасность участникам. Ни

один из чемпионов не подвергнется смертельной опасности во время проведения нашего турнира.

— Главы Бобатона и Дурмштранга и несколько лучших учеников этих школ прибудут к нам в октябре. Выбор трёх чемпионов состоится в Хэллоуин. Совершенно беспристрастный судья примет окончательное решение о том, кто из претендентов наиболее достоин стать чемпионом своей школы. Победитель турнира принесёт славу и почёт своей школе, а также получит приз в тысячу галлеонов.

— Ого! Я точно буду участвовать! — с энтузиазмом присвистнул Фред. Его лицо залилось румянцем при мысли о славе и богатстве, которые его ожидали. И он не был единственным человеком, вообразившим себя чемпионом Хогвартса. За каждым столом мелькали лица, либо с восхищением взирающие на Дамблдора, либо жарко нашёптывающие что-то соседу по столу. Но тут Дамблдор снова заговорил и зал вновь затих.

— Я понимаю, что многие из вас пожелают выиграть Кубок Трёх Волшебников для Хогвартса, — продолжал Дамблдор, — но директора школ, принимающих участие в турнире, и министерство Магии нашли необходимым наложить ограничения возраста на участников турнира.

Только совершеннолетние, а именно, ученики семнадцати лет и старше смогут выставить на рассмотрение свои кандидатуры. И это, — тут Дамблдору пришлось слегка повысить голос, так как вокруг раздались негодующие возгласы, а на лицах близнецов Уизли отразилась ярость, — необходимая мера для обеспечения безопасности участников турнира. Задания чемпионов будут сложными и опасными для жизни, несмотря на предпринятые нами меры предосторожности, и мы решили, что ученики с первого по пятый класс вряд ли смогут с ними справиться. Я персонально прослежу за тем, чтобы ни один несовершеннолетний ученик не попытался провести нашего беспристрастного судью и не стал чемпионом Хогвартса, — в его глазах вспыхнул озорной огонёк, когда он увидел недовольные лица Фреда и Джорджа. — И я очень вас прошу, не тратьте понапрасну время и не пытайтесь проскользнуть, если вам ещё нет семнадцати лет!

— Делегации из Бобатона и Дурмштранга прибудут к нам в октябре месяце. Они будут жить в Хогвартсе почти до конца учебного года. Я не сомневаюсь, что вы радушно примете наших иностранных друзей и от всей души поддержите выбранного чемпиона Хогвартса. Но час уже

поздний. Я понимаю, что вам необходимо хорошо выспаться и отдохнуть к завтрашнему дню, к началу занятий. Немедленно в постель! Давайте-давайте!

Дамблдор уселся на место и завязал разговор с Хмури-«Диким Глазом». Со всех концов зала доносилось шарканье сотен ног и грохот множества отодвигаемых стульев. Толпа учеников выливалась из зала в вестибюль.

— Они не имеют права! — заявил Джордж, который не присоединился к толпе, выходящей из зала, а встал со стула и уставился на Дамблдора. — Нам будет семнадцать в апреле. Почему нам нельзя попробовать?

— Они не смогут меня удержать. Я всё равно попытаюсь, — упрямо сказал Фред, бросая сердитые взгляды на стол преподавателей. — Чемпиону разрешено будет делать то, что ни за что не разрешат делать обычным ученикам. И целая тысяча галлеонов в придачу!

— Ага, — рассеянно согласился Рон, — целая тысяча галлеонов…

— Ну пошли уже, — сказала Гермиона, — мы останемся тут одни, если вы не сдвинетесь с места.

Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Джордж двину-

лись к выходу. Фред и Джордж по пути обсуждали, каким образом Дамблдор попытается остановить несовершеннолетних претендентов.

— А кто будет этим беспристрастным судьёй, который выберет чемпионов? — спросил Гарри.

— Понятия не имею, — ответил Фред, — но именно этого судью мы и должны будем обдурить. Надо будет принять пару капель Старящего зелья… как ты считаешь, Джордж?

— Но ведь Дамблдор знает, что вы несовершеннолетние, — заметил Рон.

— Ну и что? Не он же выбирает чемпиона! — заявил Фред. — Я так понимаю, что этот судья будет выбирать из тех, кто внесёт свои имена на рассмотрение и из них выберет одного, самого достойного представителя каждой школы, невзирая на возраст. А Дамблдор попытается не дать нам возможности внести наши имена.

Они прошли сквозь дверь, скрытую гобеленом и начали подниматься вверх по следующей, более узкой лестнице. — Но ведь чемпионы погибали! — заметила Гермиона дрожащим голосом.

— Да, — беззаботно ответил Джордж, — но это было давным-давно. Кроме того, кто не рискует — тот не пьет шампанского. Эй, Рон, а что если мы придумаем, как обойти Дамблдора? Ты не

захочешь к нам присоединиться?

— Как ты думаешь? — спросил Рон у Гарри. — Классно было бы попытаться! Но, наверно, они выберут кого-нибудь постарше… Не знаю, достаточно ли мы уже выучили…

— Я-то, точно, ещё недостаточно выучил, — мрачным голосом вставил Невилл, выглядывая из-за спины Фреда и Джорджа. — Но думаю, что ба захочет, чтобы я попытался. Она всегда нудит, что я должен отстаивать честь семьи. Мне просто придётся… Ой!

Нога Невилла провалилась сквозь ступеньку посреди лестницы. В Хогвартских лестницах было много таких штучек. Большинство учеников знали об этой ступеньке и перепрыгивали через неё, но у Невилла, как всем было известно, была дырявая память. Гарри и Рон подхватили его подмышки и вытащили застрявшую ногу под хриплый хохот скрипящих и бряцающих доспехов наверху лестницы.

— Заткнись, ты, — сказал Рон, проходя мимо доспехов и захлопывая им забрало.

Наконец они подошли к входу в Гриффиндорскую башню, скрытую за большим портретом толстой дамы в платье из розового шёлка.

— Пароль? — потребовала она у новоприбыв-

ших.

— Галиматья, — ответил Джордж, — мне внизу Префект сказал.

Портрет повернулся, как на шарнирах, и открыл отверстие в стене, через которое они все и пролезли. Поленья потрескивали в камине, посылая тепло во все концы круглой гостиной Гриффиндора, обставленной мягкими креслами и столиками. Гермиона мрачно взглянула на весело пляшущие огоньки и тихо сказала: — Рабский труд! — а затем, распрощавшись со всеми, отправилась в спальню девочек.

Гарри, Рон и Невилл взобрались по последней винтовой лестнице в свою спальню, которая располагалась на самой верхушке башни. В их комнате было пять кроватей под красными балдахинами. Чемоданы владельцев уже стояли у подножия кроватей. Дин и Шеймус ложились спать. У изголовья своей кровати Шеймус приколол ирландскую розетку, а Дин повесил плакат Виктора Крама над ночным столиком рядом с висевшим уже там плакатом футбольной команды «Вест Хэм».

— Это не лечится! — вздохнул Рон, качая головой, глядя на совершенно неподвижные фигуры футболистов.

Надев пижамы, Гарри, Рон и Невилл забрались в постели. Кто-то, должно быть домовой, положил им под одеяла грелки. Было так тепло и приятно лежать в кровати и слышать вой бури за окном.

— Знаешь, может я и попробую, — зевая, сказал Рон, — если Фред и Джордж придумают, как… кто его знает?

— Ага, — согласился Гарри.

Он повернулся на бок, закрыл глаза и размечтался… Он обдурил беспристрастного судью и тот поверил, что ему семнадцать лет… Его выбрали в чемпионы Хогвартса… он стоит перед замком, триумфально подняв вверх обе руки, и вся школа аплодирует ему и приветствует его криками… Он только что победил на Турнире Трёх Волшебников… Среди толпы особенно выделялось лицо Чо, с восхищением глядящей на него…

Гарри улыбнулся в подушку и порадовался, что Рон не может прочесть его мыслей.

13. Хмури-«Дикий Глаз»

К утру буря улеглась, но потолок в Большом зале всё ещё выглядел довольно хмуро. Свинцовые облака медленно проплывали над головами Гарри, Рона и Гермионы, внимательно изучавшими за завтраком свои новые расписания. Неподалёку Фред, Джордж и Ли Джордан обсуждали волшебные способы взросления и проникновения в список кандидатов Турнира Трёх Волшебников.

— Сегодня — ничего. Всё утро — на улице, — говорил Рон, проводя пальцем по расписанию понедельника, — Гербология с Хаффлпаффцами и Уход за Волшебными Существами … чёрт, опять со слизеринцами…

— После обеда — двойное Прорицание! — простонал Гарри, рассматривая своё расписание. Прорицание было его самым ненавистным предметом, конечно, не считая Зельеварения. Профессор Трелони периодически пророчила Гарри гибель, что чрезвычайно действовало ему на нервы.

— Я бросила Прорицание. И тебе советую, — радостно сообщила Гермиона, намазывая маслом

гренку, — тогда ты сможешь записаться на что-нибудь более полезное, например, на Арифмантику.

— А ты, я вижу, закончила голодовку, — заметил Рон, следя, как она намазывает сверху толстый слой варенья.

— Я решила, что это не самый лучший способ борьбы за права домовых, — заносчиво отозвалась Гермиона.

— И, кроме того, ты проголодалась… — ухмыльнулся Рон.

В этот момент раздался громкий шелест, и в окна влетела сотня сов, несущих утреннюю почту. Гарри взглянул вверх, но среди коричнево-серой массы не увидел белого пятна. Совы кружили над столами в поисках своих адресатов. Большая неясыть отыскала Невилла Лонгботтома и бросила ему на колени пакет — Невилл всегда забывал что-нибудь дома. По другую сторону столовой филин Драко Малфоя сидел у него на плече, нагруженный обычным запасом конфет и печенья, присланных из дома. Пытаясь подавить поднимающееся в груди чувство разочарования, Гарри снова принялся за кашу. А вдруг что-то случилось с Хедвигой, и Сириус не получил его письма?

Он никак не мог избавиться от этих мрачных

мыслей всю дорогу в теплицу номер три, куда они шли по промокшим овощным грядкам. В теплице от дурных мыслей его отвлекла профессор Спраут, которая продемонстрировала классу самые уродливые растения, которые он когда-либо видел. Они совсем не были похожи на растения, а скорее на огромных, жирных, чёрных слизняков, торчащих из земли. Все они слегка извивались, и на каждом красовалось несколько крупных блестящих похожих на опухоли наростов, наполненных жидкостью.

— Буботубы, — живо объяснила им профессор Спраут. — Их нужно выжать и собрать гной…

— Собрать что? — с отвращением переспросил Шеймус Финниган.

— Гной, Финниган, гной, — повторила профессор Спраут, — и этот гной — чрезвычайно ценный, так что не пролейте ни капли. Вы будете собирать его в эти бутылки. Наденьте перчатки из драконьей кожи. Концентрированный буботубный гной может плохо подействовать на голую кожу.

Выжимать буботубы было противно, но, в то же время, это занятие приносило какое-то необъяснимое удовлетворение. Когда опухоль лопалась, из неё обильно вытекала густая желтовато-зелё-

ная жидкость, от которой разило бензином. Они собирали её в бутылки, согласно инструкциям профессора Спраут и к концу урока собрали пару литров.

— Вот радость-то для мадам Помфри! — воскликнула профессор Спраут, закупоривая пробкой последнюю бутылку. — Прекраснейшее средство против плохо поддающихся лечению прыщей, этот буботубный гной! Облегчит страдания студентов, которые прибегают к отчаянным мерам, чтобы избавиться от упрямых прыщей!

— Вроде бедной Элоизы Миджен, — приглушённым голосом сказала Ханна Аббот из Хаффлпаффа, — свои она пыталась проклясть.

— Глупышка, — вздохнула профессор Спраут. — К счастью мадам Помфри удалось поставить ей нос на место!

Оглушительный звонок понёсся из замка по мокрым газонам, оповещая об окончании урока. Класс разделился на две части: Хаффлпаффцы поспешили вверх по каменной лестнице на Трансфигурацию, а Гриффиндорцы направились в противоположном направлении, вниз по склону к хижине Хагрида на опушке Запретного леса.

Хагрид стоял на пороге своей лачуги, держа за ошейник огромного волкодава Клыка. У его

ног покоилось несколько открытых деревянных контейнеров. Клык скулил и рвался у него из рук, сгорая желанием поближе ознакомиться с их содержимым. Из контейнеров доносился чудной трескучий звук, время от времени прерываемый чем-то, очень напоминающим взрывы.

— Доброе утро! — поздоровался с классом Хагрид, одаривая Гарри, Рона и Гермиону светлой улыбкой. — Будем ждать слизеринцев. Не хочется лишать их такого удовольствия! Тут у меня Взрывохвостые Крутоны!

— Чего? — сказал Рон.

Хагрид ткнул пальцем в один из контейнеров.

— Мерзость какая! — пропищала Лаванда Браун, отшатнувшись.

Гарри был полностью согласен с Лавандой: мерзости хуже Взрывохвостых Крутонов нельзя было описать. Они напоминали деформированных омаров без панциря. Это были мерзкого розоватого оттенка, покрытые слизью существа безо всяких признаков головы, из которых во все стороны торчали многочисленные щупальца. В каждом контейнере их было примерно по сотне. Они были не больше пятнадцати сантиметров в длину, воняли тухлой рыбой и ползали друг по другу, слепо ударяясь в стенки. Время от времени

они выпускали искры, и с шипящим звуком пролетали на пару дюймов вперед.

— Только что вылупились! — похвастался Хагрид, — так что вы их с детства растить будите! Мы сделаем из этого неплохой проектик.

— А кто сказал, что мы хотим их растить? — раздался за их спинами холодный голос Драко Малфоя. Крэбб и Гойл угодливо захихикали — слизеринцы прибыли.

Хагрида озадачил этот вопрос.

— То есть, какая от них польза? Для чего они? Что они делают? — пояснил Малфой.

Хагрид приоткрыл рот. Было очевидно, что вопрос Малфоя озадачил его, и он лихорадочно пытается найти на него ответ. Несколько секунд царила полная тишина, но потом он резко сказал: — А это мы будем проходить на следующем уроке. А кормить их надо сейчас. Вот мы и попробуем скормить им пару разных штуковин. Никогда не держал их раньше, не знаю чем их кормить… что они любят… Тут у меня муравьиные яйца и лягушачья печень и чуток травяной змеятины. Ну, попробуйте, что они схватят.

— Господи! Сначала гной, а теперь это! — вздохнул Шеймус.

Исключительно из чувства глубокой симпатии

к Хагриду, Гарри, Рон и Гермиона, пересилив отвращение, поднимали расплющенные кусочки лягушачьей печёнки и предлагали их Взрывохвостым Крутонам, пытаясь соблазнить их этим угощением. Гарри сильно подозревал, что вся эта процедура была совершенно бессмысленной, так как у Крутонов, казалось, не было ничего, даже отдалённо напоминающего рот.

— Ой! — закричал Дин Томас, минут через десять после начала кормления. — Он меня достал!

Хагрид с испуганным лицом побежал к Дину.

— У него взорвался хвост! — со злостью сказал Дин, демонстрируя Хагриду ожог на руке.

— Иногда бывает, — кивнул Хагрид, — когда они стреляют огнём.

— Мерзость! — опять сказала Лаванда Браун. — Пакость! Хагрид, а что это за острая штука из него торчит?

— А-а, у некоторых есть жала, — радостно сообщил Хагрид (Лаванда быстро отдёрнула руку от контейнера), — я так полагаю, что у самцов… У самок на пузе что-то вроде присоски. Пьют кровь, я так считаю.

— Н-да, мне теперь совершенно ясно, для чего мы их выращиваем! — иронически заметил Драко Малфой. — Кому не захочется держать в

доме животное, которое может обжечь, ужалить и укусить, и всё разом?

— То, что они не обладают привлекательной наружностью, не значит, что они — бесполезны, — отрезала Гермиона, — драконья кровь чрезвычайно полезная, но кто захочет держать в доме дракона?

Гарри и Рон ухмыльнулись. Они украдкой взглянули на Хагрида и увидели, что за его густой бородой тоже скрывается улыбка. Хагрид до смерти хотел бы держать в доме дракона. И Гарри, Рон и Гермиона об этом прекрасно знали. Во время их первого года учёбы в Хогвартсе Хагрид пытался завести дракончика — злобного Норвежского Гребнеспина по имени Норберт. Хагрид просто обожал чудовищные создания, и чем свирепее, тем лучше.

— По крайней мере, эти Крутоны — маленькие, — вздохнул Рон по дороге на обед назад в замок.

— Сейчас-то да, — раздражённо отозвалась Гермиона, — но когда Хагрид выяснит, чем они питаются, они вырастут, я подозреваю, длиной в шесть футов!

— Но ведь это не имеет никакого значения, если с их помощью можно будет лечить морскую

болезнь, или ещё что-нибудь в этом роде...? — лукаво заметил Рон.

— Ты прекрасно знаешь, что я это сказала исключительно, чтобы заткнуть Малфою рот, — сказала Гермиона, — но, знаешь что? Я считаю, что в этом случае он был прав. Лучше всего бы было уничтожить паразитов, до того, как они попытаются напасть на нас!

Они прибыли в столовую и уселись за стол Гриффиндора. На обед подали бараньи отбивные с картофелем. Гермиона начала заглатывать свою порцию с такой скоростью, что Гарри и Рон с удивлением на неё уставились.

— А-а... это твоя новая позиция за права домовых? — поинтересовался Рон, — Я думаю, ты добьешься того, что тебя стошнит!

— Нет, — с достоинством ответила Гермиона, насколько позволял ей рот, набитый капустой, — просто я спешу в библиотеку.

— В библиотеку?! — Рон не поверил своим ушам, — Гермиона! Сегодня — первый день учёбы! Нам даже ещё не задали домашнего задания!

Гермиона пожала плечами и продолжала заглатывать пищу с такой скоростью, как будто она не ела, по меньшей мере, целую неделю. Покончив с едой, она вскочила на ноги и, выпалив:

— Увидимся за ужином, — на полной скорости вылетела из столовой.

Зазвонил звонок, оповещающий о начале второй половины занятий, и Гарри с Роном направились в Северную Башню, где над узкой винтовой лестницей стояла серебряная лесенка, которая вела к круглому люку в потолке, служащим входом в комнату, где жила профессор Трелони.

Как только они пролезли через люк, в нос им ударил знакомый сладковатый аромат, исходящий от огня в камине. Шторы были задвинуты, как обычно, и круглая комната была залита тусклым красноватым светом многочисленных светильников, покрытых шарфами и шалями. Гарри и Рон прошли мимо обитых ситцем кресел и пуфиков, беспорядочно наставленных в комнате, и уселись за небольшой круглый столик.

— Добрый день… — произнёс глухой голос профессора Трелони над ухом у Гарри, заставив его подпрыгнуть от неожиданности.

Профессор Трелони, тоненькая, как тростинка, женщина в огромных очках, делавшими её глаза непропорционально большими для её маленького лица, взирала на Гарри с глубокой печалью, которая неизменно наплывала на неё, когда она

его видела. Огонь отражался в многочисленных бусах, цепочках и браслетах, которые, как обычно, украшали её персону.

— Ты чем-то озабочен, дорогой мой, — трагическим тоном обратилась она к Гарри. — Моё Внутреннее Око взирает прямо сквозь твою телесную оболочку, оно проникает через твоё бесстрастное лицо прямо в волнующуюся душу в твоей груди. И с глубоким сожалением я должна сообщить тебе, что ты тревожишься не без основания! Я вижу, что тебя ждут трудности, увы… да-да… Я опасаюсь, что то, чего ты страшишься, свершится… и, вероятно, скорее, чем ты предполагаешь…

Она говорила всё тише и тише, и последние слова произнесла уже шепотом. Рон закатил глаза, а Гарри продолжал сидеть с каменным лицом. Профессор Трелони проплыла мимо них и уселась в глубокое, украшенное крыльями кресло у камина, спиной к огню и лицом к классу. Лаванда Браун и Парвати Патил, которые обожали профессора Трелони, сидели на пуфиках прямо у её ног.

— Дорогие мои, настал час проконсультироваться со звёздами, — сказала она. — Движение планет и таинственные предзнаменования являются только тем, кто в состоянии достигнуть по-

нимания шагов небесной пляски. Человеческую судьбу можно разгадать по лучам, исходящим от планет, которые сплетаются…

Но Гарри уже не слушал. Ароматный огонь всегда навевал на него дремоту и вводил его в состояние отупения, а бубнящие поучения профессора Трелони о предсказании будущего никогда, мягко говоря, не завораживали его. Но мысль о том, что она только что предсказала ему, не оставляли его в покое: — Я опасаюсь, что то, чего ты страшишься, свершится…

— Но Гермиона оказалась права, — раздражённо подумал он, — профессор Трелони и вправду старая мошенница, — он ничего не страшился в тот самый момент, совсем ничего… ну, если только не считать того, что он волновался за Сириуса, не поймали ли его… но что могла знать об этом профессор Трелони? Он давно уже пришёл к выводу, что её предсказания были не чем иным, как удачными догадками, поведанными зловещим тоном.

Не считая, конечно, того единственного предсказания в конце прошлого года, когда она предвещала, что Волдеморт опять воспрянет… Даже сам Дамблдор согласился, что она была в самом настоящем трансе, когда Гарри описал ему

её состояние…

— Гарри! — прошептал Рон.

— Что?

Гарри обернулся. Весь класс уставился на него. Он выпрямился. Кажется, он начал засыпать, разомлев и погрузившись в свои мысли.

— Я говорила, мой дорогой, что ты, определённо, родился под пагубным влиянием Сатурна, — проговорила профессор Трелони с оттенком негодования в голосе. Она была явно возмущена тем, что он не внимает каждому её слову.

— Простите, рождён под чем? — переспросил Гарри.

— Под Сатурном, дорогой мой, под планетой Сатурн! — пояснила профессор Трелони, раздражённая тем, что это известие не произвело на него никакого эффекта. — Я говорила, что в час твоего появления на свет Сатурн, совершенно очевидно, находился в позиции силы… Твои чёрные волосы… твой небольшой рост… трагические события твоей жизни в таком нежном возрасте… Скажи, ведь ты родился посреди зимы?

— Нет, — ответил Гарри, — я родился в июле.

Рон не смог удержаться от смеха, но вовремя спохватился и притворился, что закашлялся.

Полчаса спустя они оба трудились над сложной

круговой диаграммой, в которую им нужно было отметить положение планет в момент их рождения. Это было трудоёмкой работой, для которой им постоянно нужно было заглядывать в графики и высчитывать углы.

— У меня каким-то образом выходят два Нептуна, — нахмурившись заметил Гарри, некоторое время поработав над таблицей, — такого быть не может, а?

— А-а-а… Гарри, — ответил Рон, подражая мистическому пришёптыванию профессора Трелони, — появление в небе сразу двух Нептунов является знаком того, что родился коротышка в очках…

Шеймус и Дин, которые трудились над своими картами рядом с ними, громко захихикали, но их смех заглушил восторженный визг Лаванды Браун: — Профессор! Только взгляните! У меня вышла неаспектированная планета! О-о-о! Что это за планета, профессор?

— Это — Уран, дорогая моя, — сообщила профессор Трелони, глядя ей через плечо.

— Лаванда, а можно мне тоже взглянуть на Уран? — поинтересовался Рон.

К несчастью его услышала профессор Трелони и вероятно именно поэтому, она решила поболь-

ше задать им на дом.

— Вы должны будете детально проанализировать, какой эффект произведёт на вас движение планет в грядущем месяце, используя свою персональную диаграмму, — сказала она таким резким голосом, что больше напоминала профессора МакГонагалл, чем воздушно-волшебную саму себя, — и не позже, чем к понедельнику. И никаких отговорок!

— Жалкая, дряхлая летучая мышь! — с горечью проговорил Рон, спускаясь вниз по лестнице и направляясь в Большой зал на ужин в толпе учеников. — Все выходные придётся над этой чушью трудиться, это уж точно!

— Много задали? — задушевно спросила Гермиона, поравнявшись с ними. — А профессор Вектор ничего нам не задала…

— Молодец, профессор Вектор, — угрюмо сказал Рон.

Они вошли в вестибюль, где уже стояла очередь на ужин. Они встали в конец очереди, когда за их спинами кто-то прокричал:

— Уизли, эй, Уизли!

Гарри, Рон и Гермиона обернулись. За ними стояли Малфой, Крэбб и Гойл, явно жутко чем-то довольные.

— Что? — резко ответил Рон.

— Твоего папашу опять пропечатали, Уизли! — радостно сообщил Малфой, махая перед его носом свежим выпуском «Ежедневного Пророка». Он специально повысил голос, чтобы весь зал его услышал: — На-ка, послушай!

«ДАЛЬНЕЙШИЕ ОПЛОШНОСТИ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ.

Похоже, что проблемам министерства магии ещё не пришёл конец, пишет наш специальный корреспондент Рита Скитер. Ещё не остыв от критики за неудачу, постигшую министерство в организации Чемпионата Мира по Квиддитчу, и, всё ещё, будучи не в состоянии объяснить исчезновение одной из работающих там колдуний, министерству пришлось вчера краснеть за проделки Арнольда Уизли из Отдела по борьбе со злоупотреблениями вещами магглов».

Малфой поднял глаза:

— Смотри-ка, они даже имя его перепутали, Уизли. Как будто он совершенное ничтожество, а? — радостно вопил он.

Теперь уже все в вестибюле внимательно его слушали. Малфой театрально разгладил газету и продолжал:

«Арнольд Уизли, которому два года назад

предъявили обвинение в незаконном владении летающей машиной, вчера принимал участие в потасовке с группой магловских служителей закона (полицейских) по поводу нескольких воинственно настроенных мусорных ящиков. Очевидно, мистер Уизли прибыл оказать помощь Хмури-«Дикому глазу», бывшему Аврору, который вышел на пенсию после многих лет работы в министерстве, когда он уже был не в состоянии понять разницу между рукопожатием и покушением на собственную жизнь. Неудивительно, что по прибытию в тщательно охраняемый дом мистера «Дикого глаза», мистер Уизли обнаружил, что «Дикий глаз», как обычно, поднял ложную тревогу. Мистеру Уизли пришлось модифицировать память ряда свидетелей, прежде чем ускользнуть от полиции. Мистер Уизли отказался дать объяснения газете «Ежедневный Пророк» о причинах вовлечения министерства в такое недостойное и потенциально щекотливое происшествие»

— И фотографию напечатали, Уизли! — злорадствовал Малфой, переворачивая газету и поднимая её над головой. — Фотография твоих родителей рядом с вашим домом, если его вообще можно назвать домом! Твоей матери не мешало

бы немного похудеть, ты не думаешь?

Рона трясло от ярости. Все вокруг не сводили с него глаз.

— Заткнись, Малфой, — сказал Гарри, — пошли отсюда, Рон.

— Ах да, ты же гостил у них этим летом, Поттер, — презрительно усмехнулся Малфой. — Так, скажи мне, его мать и вправду такая жирная, или только на фотографиях?

— А твоя мать, Малфой, — сказал Гарри, присоединяясь к Гермионе, которая схватила Рона за мантию, чтобы удержать его от атаки на Малфоя, — у неё такое выражение лица, как будто ей под нос подсунули кучу навоза. Так скажи мне, у неё всегда такое выражение, или только когда она на тебя смотрит?

Бледное лицо Малфоя порозовело.

— Не смей оскорблять мою мать, Поттер!

— Тогда заткни свою пасть! — отрезал Гарри и отвернулся.

БУМ!

Кто-то вскрикнул. Гарри почувствовал, как что-то белое и горячее задело его щеку. Он сунул руку в карман и схватил волшебную палочку, но не успел её вытащить, как раздался второй громкий удар и рёв незнакомого голоса, прогремел по

всему вестибюлю:

— НЕ СМЕЙ, ПАРЕНЬ!

Гарри круто обернулся. По мраморной лестнице поспешно хромал вниз профессор Хмури. В руках он держал волшебную палочку и направлял её на белоснежного хорька, который, дрожа, свернулся в клубок на том самом месте, где до этого стоял Малфой.

Наступила мёртвая тишина. Все, кроме Хмури, застыли на месте, а Хмури повернулся к Гарри. Его нормальный глаз глядел прямо на Гарри, а второй, волшебный развернулся и смотрел вовнутрь головы Хмури.

— Он задел тебя? — прорычал Хмури. Его голос звучал низко и грозно.

— Нет, — ответил Гарри, — не попал.

— НЕ ТРОГАЙ! — закричал Хмури.

— Не трогай — чего? — озадаченно спросил Гарри.

— Это я ему! — прорычал Хмури, тыкая пальцем в Крэбба, который собирался поднять с земли белого хорька, но застыл на месте от этого крика. Видимо, волшебный глаз Хмури обладал возможностью видеть изнутри его головы.

Хмури захромал к Крэббу, Гойлу и белому хорьку, который испуганно пискнул и помчался вниз

в подземелье.

— Ну, уж нет! — прогремел Хмури, направляя свою волшебную палочку на хорька, который от этого взлетел в воздух метра на три, с силой шлёпнулся назад на пол и снова взлетел.

— Мне крайне несимпатичны люди, которые нападают на противника, когда тот поворачивается к ним спиной, — рычал Хмури хорьку, который подлетал всё выше и выше, визжа от боли, — ты — вонючее, трусливое, подлое существо!

Хорёк летал вверх и вниз, беспомощно размахивая лапами и хвостом.

— Чтобы — больше — никогда — этого — не — делал! — проговорил Хмури, произнося каждое слово в такт взлёту и падению хорька.

— Профессор Хмури! — испуганно окрикнул его кто-то.

Профессор МакГонагалл, нагруженная стопкой книг, с выражением ужаса на лице быстро спускалась по мраморной лестнице.

— Здравствуйте, профессор МакГонагалл, — хладнокровно сказал Хмури, подбрасывая хорька ещё выше.

— Что… что вы делаете? — спросила профессор МакГонагалл, не спуская глаз с летающего вниз

и вверх хорька.

— Преподаю урок, — ответил Хмури.

— Вы преподаёте? Хмури, это — ученик? — пронзительно вскрикнула профессор МакГонагалл, роняя книги на пол.

— Вы угадали, — подтвердил Хмури.

— Остановитесь! — истошно закричала профессор МакГонагалл и побежала вниз по ступенькам. Она вытащила свою волшебную палочку, раздался громкий треск и через минуту на полу лежал Драко Малфой. Его светлые волосы были спутаны и беспорядочно свисали на сильно порозовевшее лицо. Он поднялся на ноги и поморщился.

— Хмури! Мы никогда не перевоплощаем учеников в качестве наказания! — сказала профессор МакГонагалл. — Я не сомневалась, что профессор Дамблдор вам это разъяснил!

— Да, кажется, он что-то об этом говорил… — сказал Хмури, беззаботно почёсывая подбородок, — но мне казалось, что здоровый, крепкий шок…

— Мы оставляем учеников после уроков, Хмури. Или сообщаем Главе их Дома!

— Ну, что ж, я так и сделаю, — отрезал Хмури, с неприязнью взглянув на Малфоя.

Малфой, бледные глаза которого были влаж-

ными от боли и унижения, злобно посмотрел на Хмури и что-то пробормотал сквозь зубы. Слова «мой отец» были единственными внятными словами из его речи.

— Да что ты? — тихо проговорил Хмури, прихрамывая придвигаясь к Малфою. Стук его деревянной ноги отдавался во всех концах вестибюля. — Я когда-то хорошо был знаком с твоим отцом, парень… Ты передай ему, что Хмури приглядывает за его сыном… так и передай ему от меня… Так, глава твоего Дома — это Снейп, да?

— Да, — раздражённо ответил Малфой.

— Что ж, ещё один старый приятель, — прорычал Хмури, — давно хотел поболтать со стариком Снейпом… Ну, пошли.

И, крепко держа Малфоя за локоть, он повёл его в подземелье.

Профессор МакГонагалл проводила их тревожным взглядом и взмахнула волшебной палочкой в направлении своих книг. Книги поднялись в воздух, собрались в стопку и вернулись прямо к ней в руки.

— Тихо! Ни слова! — сказал Рон Гарри и Гермионе, когда они уселись за стол Гриффиндорцев. Вокруг жужжал рой голосов, обсуждающих происшествие в вестибюле.

— Почему? — удивилась Гермиона.

— Потому что я навсегда хочу запечатлеть этот момент в своей памяти, — сказал Рон, закрыв глаза, — Драко Малфой — удивительный летающий хорёк…

Гарри и Гермиона расхохотались, и Гермиона положила мясное жаркое им на тарелки.

— Но он мог, и в самом деле, причинить Малфою вред, — заметила она, — хорошо, что профессор МакГонагалл вмешалась!

— Гермиона! — сердито прокричал Рон, открывая глаза, — ты портишь лучшие минуты моей жизни!

Гермиона пробормотала что-то невразумительное и опять со страшной скоростью принялась за еду.

— Ты никак опять собираешься в библиотеку? — с любопытством сказал Гарри.

— Да, мне нужно, — твёрдо сказала Гермиона, — страшно много работы.

— Но, ты же сказала нам, что профессор Вектор…

— Это — не домашнее задание, — ответила она. За пять минут она доела остатки своего ужина и убежала. Как только она ушла, на её место сел Фред Уизли.

— Этот Хмури, — сказал Фред, — крутой мужик!

— Круче не бывает! — отозвался сидящий напротив него Джордж.

— Самый крутой из всех крутых! — согласился лучший друг близнецов Ли Джордан, присаживаясь рядом с Джорджем, — у нас был сегодня его первый урок, — пояснил он Гарри и Рону.

— Ну и как? — живо спросил Гарри.

Фред, Джордж и Ли обменялись многозначительными взглядами.

— В жизни не было такого урока! — сказал Фред.

— Он ЗНАЕТ! — продолжал Ли.

— Что знает? — спросил Рон, наклонившись вперёд.

— Он знает, каково это на самом деле — пойти и делать это! — восторженно ответил Джордж.

— Делать что? — переспросил Гарри.

— Бороться с тёмными искусствами, — сказал Фред.

— Он такое видел! — сказал Джордж.

— Просто вообще! — сказал Ли.

Рон порылся в портфеле и вытянул своё расписание.

— У нас он только в четверг! — разочарованно

протянул он.

14. Непростительные Заклятья

Следующие два дня прошли без приключений, если не считать того, что Невилл расплавил шестой по счёту котёл во время Зельеварения. Профессор Снейп, который за лето, похоже, довёл свою мстительность до совершенства, назначил для Невилла наказание, с которого Невилл вернулся в состоянии нервного истощения — ему пришлось выпотрошить целую бочку рогатых жаб.

— Ты же в курсе, почему Снейп как с цепи сорвался? — спросил Рон у Гарри, глядя как Гермиона показывает Невиллу Очистительное Заклинание, чтобы он мог вычистить из-под ногтей остатки жабьих кишок.

— Ещё бы, — ответил Гарри, — Хмури.

Все знали, что Снейп мечтал получить должность преподавателя Защиты от Тёмных Искусств, но уже четыре года подряд ему это не удавалось. Снейп терпеть не мог всех предыдущих преподавателей Защиты от Тёмных Искусств и не скрывал этого, но по какой-то причине он не высказывал открытой неприязни по отношению

к Хмури-«Дикому глазу». И когда Гарри видел их рядом — за обедом или когда те пересекались в коридоре — у него возникало ощущение, что Снейп избегает взгляда обоих глаз Хмури: и обычного, и волшебного.

— По-моему, Снейп его побаивается, — задумчиво сказал Гарри.

— Представляешь, если бы Хмури превратил Снейпа в рогатую жабу, — мечтательно сказал Рон, — и гонял бы его по всему подземелью…

Четверокурсники Гриффиндора так ждали первого урока с Хмури, что в четверг явились в класс ещё до того, как прозвенел звонок, и выстроились в очередь перед дверью. Не хватало только Гермионы, которая прибежала перед самым началом урока.

— Я была…

— В библиотеке, — договорил за неё Гарри. — Давай быстрее, а то плохие места достанутся.

Они заняли три свободных стула прямо перед учительским столом, вытащили учебники «Тёмные Силы: Руководство по самозащите» и стали ждать в непривычной тишине. Вскоре в коридоре раздались мерные шаги Хмури, и через минуту он уже входил в класс, такой же странный и жуткий, как обычно. Из под полы его мантии выглядыва-

ла деревянная нога с когтистой лапой.

— Можете убрать их, — прорычал он, тяжело шагая к столу и присаживаясь. — эти книги. Они вам не понадобятся.

Все положили книги обратно в сумки. Рон сиял.

Хмури вытащил журнал, откинул с исчерченного шрамами лица гриву длинных седых волос и начал перекличку, обычным глазом водя по именам в списке, а в это время второй, волшебный метался по классу, останавливаясь на том ученике, который отзывался на имя.

— Отлично, — сказал он, когда все до последнего подтвердили своё присутствие в классе, — профессор Люпин прислал мне письмо с описанием того, что вы проходили в прошлом году. Похоже, вы подробно изучили, как защищаться от целого ряда мерзких тварей. Вы прошли Боггартов, Красношапов, Хинкипанков, Гриндилоу, Капп и Оборотней, верно?

Все что-то пробормотали в знак согласия.

— Но вы отстаёте, и очень сильно отстаёте, по борьбе с заклятьями, — сказал Хмури. — И в мои обязанности входит пополнить ваши знания о том, каким образом один маг может причинить вред другому. В моём распоряжении один

учебный год, в течение которого я должен буду научить вас бороться с Тёмными…

— А что, разве вы не останетесь? — вырвалось у Рона.

Волшебный глаз Хмури развернулся и уставился на Рона, который съежился от страха. Но вдруг Хмури улыбнулся — в первый раз со своего появления в Хогвартсе. Его улыбка тянула на первоклассный фильм ужасов, но всё же было приятно знать, что он хотя бы способен улыбаться. Рон с облегчением вздохнул.

— А ты случаем не сын Артура Уизли? — спросил Хмури. — Твой отец на днях здорово подсобил мне, когда я оказался в довольно затруднительном положении… Да, я здесь всего лишь на один год. Сделал одолжение Дамблдору… На один учебный год, а потом назад, на пенсию…

Он издал короткий, глухой смешок и сплёл свои корявые пальцы.

— Ну, так вот. Без предисловий. Заклятья. Заклятья бывают разными по силе и типу. Согласно директивам Министерства Магии я должен обучить вас только контрзаклятьям — и ничему больше. Я не должен демонстрировать ученикам младше шестого курса противозаконные заклятья. Вы считаетесь для этого слишком молодыми.

Но профессор Дамблдор придерживается лучшего мнения о состоянии ваших нервов. Он считает, что вы вполне способны вынести демонстрацию этих заклятий. А я считаю, что чем скорее вы узнаете, что к чему, тем лучше для вас. Как вы сможете защитить себя от того, чего никогда не видели? Если Тёмный маг решит наложить на вас противозаконное заклятье, он не станет терять время и объяснять, что именно он собирается сделать. Он не набросит на вас заклятье учтиво и вежливо, лицом к лицу. Поэтому, вы всегда должны быть наготове. Вы должны быть начеку, настороже. Вы должны отложить это в сторону, мисс Браун, когда я веду урок.

Лаванда вздрогнула и густо покраснела. В этот самый момент она под партой показывала Парвати свой только что составленный гороскоп. Очевидно, волшебный глаз Хмури видел не только изнутри его головы, но и прямо сквозь дерево парты.

— Так вот… кто из вас знает, по законам магов, использование каких заклятий влечёт за собой наиболее тяжкое наказание?

Вверх неуверенно поднялись несколько рук, включая руки Рона и Гермионы. Хмури ткнул пальцем в Рона, хотя его волшебный глаз всё ещё

глядел на Лаванду.

— А-а-а, мой отец однажды рассказывал мне об одном. Оно, кажется, называется заклятие Империус.

— О, да! — понимающе сказал Хмури. — Твой отец, конечно же, знаком с этим заклятием. Когда-то оно здорово насолило министерству — это заклятие Империус!

Хмури тяжело поднялся на свои разные ноги, открыл ящик стола и вытащил из него стеклянную банку. Внутри суетилось три больших чёрных паука. Гарри почувствовал, как Рон, сидящий рядом с ним с отвращением отпрянул назад — он терпеть не мог пауков.

Хмури засунул руку в банку, вытащил одного из пауков и поднял его на ладони, чтобы всем было хорошо видно. Затем он направил на паука свою волшебную палочку и проговорил: — Империо!

Паук спрыгнул с руки Хмури и повис на тоненькой паутинке, раскачиваясь взад и вперёд, как гимнаст на трапеции. Он расправил ноги, перевернулся через голову, порвав при этом паутинку, и свалился на стол, где пошёл по кругу колесом. Хмури дёрнул палочкой, и паук, встав на две задние лапки, зашёлся чечёткой.

Все расхохотались. Все, кроме Хмури.

— Вам смешно, а? — прорычал он. — Вы бы так же смеялись, если бы я это сделал с вами, а?

Смех мгновенно прекратился.

— Полный контроль, — тихо проговорил Хмури. А паук, между тем, свернулся в клубок и начал вновь и вновь кувыркаться. — Я могу заставить его выпрыгнуть из окна, утопиться, наброситься на одного из вас…

Рона пробила дрожь.

— Давным-давно множество колдунов и колдуний жили под действием заклятия Империус, — сказал Хмури, и Гарри понял, что речь шла о временах всевластного Волдеморта. — Министерство здорово поработало, пытаясь выяснить, кто действовал под заклятием, а кто — по своей собственной инициативе.

— Но заклятию Империус можно противостоять, и я научу вас это делать. Правда, не всякому это дано. Человек должен обладать необычайной силой воли, а она есть не у каждого. Так что предпочтительнее не подставлять себя этому заклятию, если можно. НЕУСЫПНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! — рявкнул он, и класс вздрогнул.

Хмури поднял кувыркающегося паука и бросил его назад в банку.

— Ещё кто-нибудь из вас знает какое-нибудь противозаконное заклятье?

В воздух опять взлетела рука Гермионы и, к удивлению Гарри, рука Невилла. Единственным уроком, где Невилл поднимал руку, была Гербология, которая ему легко давалось. Да и сам Невилл, похоже, был ошарашен собственной смелостью.

— Я тебя слушаю, — сказал Хмури, переводя свой волшебный глаз на Невилла.

— Есть ещё одно заклятие — Круциатус, — сказал Невилл тихо, но очень внятно.

Хмури пристально посмотрел на Невилла, в этот раз обоими глазами.

— Твоя фамилия Лонгботтом? — спросил он, опуская свой волшебный глаз в журнал, чтобы уточнить своё предположение.

Невилл нервно кивнул, похоже ожидая, что Хмури спросит ещё что-нибудь, но Хмури промолчал. Повернувшись лицом к классу, он достал из банки второго паука и положил его на стол. Паук лежал, не шелохнувшись, очевидно слишком перепуганный, чтобы бежать.

— Итак, заклятие Круциатус, — произнёс Хмури. — Для того, чтоб вы ясно увидели в чём оно состоит, мне придётся увеличить этого паука. Он направил на него свою волшебную палочку и

приказал: — Энгоргио!

Паук раздулся и стал крупнее тарантула. Не в силах больше сдерживаться, Рон резко отодвинулся назад — как можно дальше от стола Хмури.

Хмури поднял волшебную палочку, направил её на паука и прошептал: Круцио!

Тотчас же ноги паука подогнулись, он упал на спину и начал биться в судорогах. Он не издавал ни единого звука, но, без всякого сомнения, если бы был одарён даром речи, то кричал бы сейчас во весь голос. Хмури не убирал своей палочки, и паук дёргался всё сильнее и сильнее.

— Прекратите! — пронзительно крикнула Гермиона.

Гарри обернулся. Гермиона смотрела на Невилла. Гарри проследил за её взглядом и увидел, что кулаки Невилла стиснуты так сильно, что суставы пальцев побелели, а широко раскрытые глаза в ужасе следят за пауком.

Хмури поднял палочку. Паук выпустил ноги, но продолжал дёргаться.

— Редуцио, — пробормотал Хмури и паук сжался до нормальных размеров. Хмури опустил его назад в банку.

— Боль, — тихо проговорил Хмури, — не нужно

вбивать гвозди под ногти, не нужно иметь арсенал пыточных инструментов. Просто наложите заклятье Круциатус… Оно тоже было когда-то довольно популярно.

— Так… ещё кто-нибудь?

Гарри оглянулся. На всех лицах было одинаковое выражение тревожного ожидания того, что произойдёт с третьим пауком. Рука Гермионы задрожала, когда она в третий раз потянула её вверх.

— Ну? — спросил Хмури, глядя на неё.

— Авада Кедавра, — шёпотом сказала Гермиона.

Несколько человек, включая Рона, с беспокойством взглянули на неё.

— А-а-а… — усмехнулся Хмури, и его кривой рот перекосился, — да, именно так… последнее и самое страшное заклятие. Авада Кедавра… Убийственное заклятие.

Он опустил руку в банку, но третий паук, как будто предчувствуя свою участь, сломя голову заметался по дну, пытаясь ускользнуть от пальцев Хмури. Но куда ему было бежать? Оказавшись на столе, он в панике кинулся к краю, но слишком поздно.

Хмури поднял волшебную палочку, и Гарри

вдруг вздрогнул от дурного предчувствия.

— Авада Кедавра! — прорычал Хмури.

Вспыхнул ослепительный зелёный свет, что-то огромное и незримое метнулось к пауку, и тот опрокинулся на спину. Он лежал неподвижно, без каких-нибудь видимых ран, но было совершенно очевидно, что он мёртв. Кто-то тихонько вскрикнул. Рон отшатнулся назад и чуть не упал, когда паука подхватило сквозняком и понесло в его направлении.

Хмури смёл мёртвого паука на пол.

— Не вежливо, — спокойно произнёс он, — не приятно. И против этого заклятия нет контрзаклинания. От него нельзя отгородиться. Известен только один человек, которому это заклятие не принесло никакого вреда. И этот человек сидит сейчас прямо передо мной.

Гарри покраснел до корней волос, когда оба глаза Хмури встретились с его глазами. Весь класс уставился на него. Гарри вдруг внезапно очень заинтересовался совершенно чистой доской, и буравил её ничего не видящим взглядом…

Так вот как умерли его родители! Как этот паук… На них тоже не было никаких следов ушибов и ранений? Они тоже увидели вспышку зелёного света и услышали, как навстречу им по воздуху

несётся смерть… и в одно краткое мгновение жизнь покинула их…

За последние три года Гарри много раз представлял себе смерть своих родителей — с тех пор, как узнал, что их убили, с тех пор, как узнал, ЧТО случилось той ночью… Как Червехвост предал их и показал Волдеморту, где они живут… как Волдеморт нашёл их маленький домик… как он сперва убил отца Гарри, как Джеймс Поттер пытался удержать Волдеморта и кричал жене, чтобы она схватила Гарри и бежала… Волдеморт наступал на Лили Поттер, повелевая ей отойти в сторону, чтобы он смог без помех убить Гарри… Как она умоляла его убить себя, вместо Гарри и заслонила малыша своим телом… и Волдеморту пришлось убить её, чтобы добраться до Гарри…

Эти последние минуты их жизни Гарри узнал в прошлом году, когда боролся с дементорами. Тогда он услышал голоса своих родителей перед смертью. Такова была страшная магическая сила дементоров — заставлять своих жертв пережить самые страшные моменты их жизни и захлебнуться без сил в своей собственной горькой безысходности.

Голос Хмури доносился откуда-то издалека. Собравшись с силами, Гарри отогнал свои мысли

и прислушался к словам Хмури.

— Заклятие Авада Кедавра требует могущественной волшебной силы. Если вы, все вместе, сейчас вытащите свои волшебные палочки, направите их на меня и хором скажете эти слова, я сомневаюсь, что у меня хотя бы кровь пойдёт из носа. Но не в этом дело. Я не собираюсь учить вас как сотворить это заклятие.

— Теперь вот что: если против этого заклятия не существует контрзаклятия, зачем я его вам демонстрирую? Да потому что вы должны знать. Вы должны понимать, в чём заключается самое худшее. Я не хочу, чтобы вы когда-нибудь оказались лицом к лицу с магом, готовящимся сотворить это заклятие. НЕУСЫПНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! — вновь рявкнул он, и весь класс опять подпрыгнул.

— Теперь так… эти три заклятия: Авада Кедавра, Империус и Круциатус называются Непростительными заклятиями. Наложение одного из этих заклятий на другого человека карается пожизненным заключением в Азкабане. Так что вот с чем вам предстоит иметь дело. И моя задача — научить вас с этим бороться. Вы должны быть наготове. Вы должны быть вооружены. Но самое главное, вы всегда, каждую минуту должны быть начеку. Ни на минуту не прекращаемая бдитель-

ность! Вытаскивайте свои перья и пишите…

И до конца урока они записывали то, что им рассказывал Хмури о Непростительных заклятиях. Ни один из них не произнёс до звонка ни звука. Но когда Хмури отпустил их, и они вышли из класса, все разом заговорили. Большинство, трепеща от страха, обсуждало заклятия: — Ты видел, как он дёргался?! А как он его убил — так запросто!

— Они говорят об этом уроке, — подумал Гарри, — как будто, это было какое-то цирковое представление. — Он не видел в этой демонстрации ничего увлекательного. Гермиона, казалось, придерживалась того же мнения.

— Пошевеливайтесь, — сухо сказала она Гарри и Рону.

— Опять в эту дурную библиотеку? — спросил Рон.

— Нет, — отрезала Гермиона и указала на узкий боковой коридор, — Невилл!

Невилл стоял один-одинёшенек в коридоре, уставившись в каменную стену широко раскрытыми глазами с таким же выражением ужаса на лице, какое появилось у него в тот момент, когда Хмури демонстрировал им заклятье Круциатус.

— Невилл… — мягко позвала его Гермиона.

Невилл обернулся.

— А, привет, — сказал он хрипло, — интересный урок… А что на обед? Я умираю от голода, а вы?

— Невилл, что с тобой? — спросила Гермиона.

— Ничего, я в полном порядке, — забормотал Невилл всё тем же неестественным голосом, — ужасно интересный обед, то есть урок… что на еду?

Рон встревожено взглянул на Гарри.

— Невилл, что…

Но в этот момент за их спиной послышались знакомые шаги. Они повернулись и увидели профессора Хмури, хромающего к ним. Вся четвёрка замолчала, настороженно глядя на него. Когда он заговорил, то его обычно рычание звучало намного мягче и тише, чем обычно.

— Ничего, ничего, сынок, — сказал он Невиллу, — пошли-ка ко мне в кабинет, выпьем чайку…

У Невилла передёрнуло лицо от перспективы чаепития с Хмури. Он не двинулся с места и не сказал ни слова. Хмури взглянул своим волшебным глазом на Гарри.

— Ты в порядке, не так ли, Поттер?

— Да, — ответил Гарри почти с вызовом.

Волшебный глаз Хмури чуть дрогнул в глаз-

нице. Хмури помолчал минуту и сказал: — Вы должны знать. Возможно это жестоко, возможно. Но вы должны знать. Ни к чему притворяться… ну, пошли, Лонгботтом. У меня есть пара книг, которые могут тебя заинтересовать.

Невилл умоляюще взглянул на Гарри, Рона и Гермиону, но они ничего не сказали. Нечего делать, Невилл поплёлся с Хмури, слегка подталкиваемый в спину корявой рукой.

— Что здесь сейчас произошло? — недоумённо сказал Рон, провожая глазами Невилла и Хмури, поворачивающих за угол.

— Понятия не имею, — задумчиво протянула Гермиона.

— Вот уж урок так урок! — заметил Рон, шагая к Большому залу. — Фред и Джордж были совершенно правы, да?! Он ведь и вправду знает, этот Хмури! Когда он сотворил Авада Кедавра, этот паук просто взял да умер, просто взял и дал дуба…

Но увидев выражение лица Гарри, Рон замолчал и не сказал больше ни слова до самого Большого зала. В зале он заговорил о том, что не мешало бы начать работу над предсказаниями для профессора Трелони сразу после ужина, так как на них, конечно, уйдёт уйма времени.

Гермиона не принимала участие в их разговоре,

но, как всегда, быстро проглотила свою порцию и убежала в библиотеку. Гарри и Рон пошли назад в Гриффиндорскую башню. Теперь уже сам Гарри, которого не покидали мысли об уроке Хмури, завёл разговор о Непрощаемых заклятиях.

— Как ты думаешь, если в министерстве узнают, что он нам показал эти заклятья, Дамблдору и Хмури влетит? — задумчиво сказал Гарри, приближаясь к портрету Толстой Дамы.

— Да уж наверно, — ответил Рон, — но Дамблдор всегда делает то, что считает нужным, а Хмури всегда влезает в какие-то истории, насколько я знаю. Сначала нападай, а потом думай — это его девиз. Помнишь его мусорные ящики? Галиматья.

Толстая Дама развернулась и открыла проход в гостиную Гриффиндора, через который они и пролезли. В комнате было полно народу и очень шумно.

— Ну, так что, будем заниматься Прорицанием? — спросил Гарри.

— Придётся… — тяжело вздохнул Рон.

Они поднялись в спальню за книгами и картами. В спальне на кровати сидел Невилл и что-то читал. Он выглядел намного спокойнее, чем под конец урока Хмури, но всё ещё не таким, как

обычно. Глаза его слегка покраснели.

— Как ты? — спросил его Гарри.

— Ничего, — ответил Невилл, — читаю вот книгу, которую мне дал профессор Хмури.

И он показал им обложку, на которой было написано «Волшебные водяные растения Средиземноморья».

— Наверно, профессор Спраут сказала профессору Хмури, что мне легко даётся Гербология, — пояснил Невилл. В его голосе звучала гордость, которую Гарри доселе никогда не слышал. — И профессор Хмури решил, что мне будет интересно почитать эту книжку.

Хмури нашёл весьма удачный способ подбодрить Невилла, подумал Гарри, ведь беднягу так редко хвалят. Профессор Люпин сделал бы что-нибудь в этом же духе.

Гарри и Рон, захватив свои книги «Заглядывая в будущее», спустились назад в гостиную, нашли свободный стол и принялись готовить предсказания на грядущий месяц. Проработав около часа, они практически не сдвинулись с места в своих пророчествах, но зато завалили стол кусочками пергамента, исписанными сложениями каких-то чисел и всевозможными символами. Гарри отметил, что в мозгах у него теперь полная каша, как

будто он надышался дыма из камина профессора Трелони.

— Не имею ни малейшего представления, о чём здесь идёт речь и что это всё означает, — сказал он, глядя на длинный столбик сложных расчётов.

— Знаешь что? — сказал Рон, в сотый раз пропуская пальцы сквозь волосы, от чего его шевелюра уже стояла дыбом. — По-моему пора вернуться на старый добрый запасной путь.

— Что — опять самим придумать?

— Конечно, — ответил Рон, сметая со стола скомканные кусочки пергамента, окуная перо в чернила и начиная воодушевлённо писать.

— В следующий понедельник, — вывел он, — на меня, вероятно, найдёт приступ кашля из-за неудачного совпадения Марса с Юпитером, — он взглянул на Гарри. — Ты же её знаешь! Навали побольше трагических событий — и она скушает это с маслом!

— Точно! — рассмеялся Гарри. Он собрал остатки своих неудачных попыток, скомкал их и послал в камин над головами весело болтавших первоклашек. — Ага, значит в понедельник мне будут угрожать… а… ожоги!

— Ага, точно будут угрожать, — трагическим

голосом согласился Рон, — ведь в понедельник мы опять будем кормить Крутонов… Так, теперь, во вторник, я… я…

— Потеряешь дорогую твоему сердцу вещь, — предположил Гарри, копаясь в "Заглядывая в будущее" в поисках новых идей.

— Прекрасно! — обрадовался Рон и записал. — По воле… а-а… Меркурия! Да, а почему бы кому-то, кого ты считал своим другом не предать тебя?

— Классно, — согласился Гарри и написал. — По воле Венеры в двенадцатом доме…

— А в среду, я думаю, я ввяжусь в драку.

— Ой, это я собирался драться в среду! Ну ладно, тогда я проиграю пари…

— Значит, ты будешь держать с кем-то пари, что я кого-то поколочу…

Они продолжали сочинять пророчества, которые постепенно становились всё более и более мрачными. Прошёл час. Гостиная пустела. Люди постепенно уходили спать. Косолап подошёл к их столу, прыгнул на свободный стул и укоризненно уставился на Гарри. Он чем-то напоминал Гермиону, которая бы именно так смотрела на них, если бы знала, как они делают своё домашнее задание.

Обводя глазами комнату в поисках свежих

идей о несчастьях, которые могли бы их постигнуть, Гарри увидел Фреда и Джорджа, сидевших у противоположной стены. Опустив головы, они сосредоточенно что-то писали на кусочке пергамента. Это само по себе было достаточно необычным зрелищем: Фред и Джордж, сидящие в уголке и тихонько над чем-то работающие. Обычно они вертелись в самой гуще событий и предпочитали быть в центре внимания. Они явно что-то скрывали, как тогда, в Норе, когда сидели в уголке и тоже что-то писали. Тогда, наверно, они составляли новые бланки заказов для «Удивительных Уловок Уизли», но теперь это было что-то другое, потому что они скрывали своё занятие даже от Ли Джордана. Несомненно, это имело прямое отношение к Турниру Трёх Волшебников.

Гарри уголком глаза увидел, как Джордж покачал головой и зачеркнул что-то пером на кусочке пергамента. Приглушённым голосом, который, тем не менее, отразился эхом во всех концах опустевшей комнаты, он сказал: — Нет, так получается, что мы обвиняем его. Нам надо быть осторожнее…

Но тут Джордж поднял голову и увидел, что Гарри на них смотрит. Гарри расплылся в улыбке

и начал старательно записывать свои предсказания — он не хотел, чтобы Джордж решил, что он подслушивает. Но близнецы свернули пергамент, пожелали оставшимся в комнате спокойной ночи и удалились.

Прошло несколько минут, портрет открылся, и в отверстие влезла Гермиона. В одной руке она держала пачку пергамента, а во второй — коробку, в которой что-то гремело и позвякивало. Косолап выгнул спину и замурлыкал.

— Привет, — сказала она, — я только что закончила!

— И я! — радостно сообщил ей Рон и бросил на стол перо.

Гермиона уселась рядом с ними, уложила свои вещи на пустое кресло и притянула к себе предсказания Рона.

— Неважный месяц тебе предстоит, — язвительно заметила она, поглаживая Косолапа, свернувшегося калачиком у неё на коленях.

— Н-да, — зевнул Рон, — но зато я заранее предупреждён!

— Похоже, что ты утонешь два раза… — заметила Гермиона.

— Да, что ты! — изумился Рон, перечитывая свои предсказания. — Так, придется заменить

второй раз на растаптывание грозным гиппогрифом.

— Тебе не кажется, что всё это выглядит полнейшей выдумкой? — поинтересовалась Гермиона.

— Гермиона! Как ты могла такое сказать! — с притворным негодованием вскричал Рон. — Мы часами тут вкалывали, как домовые!

Гермиона приподняла брови.

— Это — просто такое выражение… — поспешно начал оправдываться Рон.

Гарри тоже положил на стол перо, завершив предсказание своей смертью при помощи обезглавливания.

— А что в коробке? — спросил он

— Вот ведь, как кстати ты спросил, — сказала Гермиона, бросив на Рона косой взгляд. Она сняла крышку с коробки и показала им её содержимое.

В коробке лежало около пятидесяти значков разных цветов, на каждом из которых было написано З.А.Д.

— Зад? — недоумённо спросил Гарри, беря один из значков. — С каких это пор…?

— Не зад, — раздражённо перебила Гермиона, — а З.А.Д. — Защита Автономии Домовых!

— В жизни не слыхал о такой штуке, — сказал Рон.

— Конечно, ты не слыхал, — отрезала Гермиона, — я только что организовала это общество.

— Да что ты? — изумился Рон, — а сколько в нём состоит членов?

— Ну, если вы вступите, то будет три… — ответила Гермиона.

— Гермиона! Ты думаешь, что мы горим желанием ходить по школе с приколотыми к груди значками, на которых написано — зад?! — ошарашенно вопросил Рон.

— Зэ-А-Дэ! — раздражённо поправила его Гермиона, — я хотела написать — Положите Конец Возмутительному Обращению с Нашим Младшими Волшебными Братьями и Сестрами и Выступайте за Перемену их Правового Статуса, но это не уместилось на значке. Поэтому я назвала так наш манифест.

И она замахала перед их носом пачкой пергамента.

— Я целыми днями читала об этом в библиотеке. Порабощение домовых уходит корнями в века. Просто невероятно, что никто до сих пор не попытался изменить их плачевного положения!

— Гермиона! Прочисти уши! — громко сказал Рон. — Им это нравится! Им нравится быть порабощёнными!

— Наша программа на ближайшее будущее, — во весь голос сказала Гермиона, стараясь перекричать Рона, и ведя себя так, словно она его не слышит, — включает в себя обеспечение приличной заработной платы и условий работы. Наша долгосрочная программа включает в себя изменение закона о запрещении использования волшебных палочек и назначение представителя домовых в Отдел по Контролю Волшебных Существ, поскольку домовые, что абсолютно возмутительно, до сих пор не имеют там достаточного числа представителей.

— И каким образом мы достигнем этих целей? — осведомился Гарри.

— Для начала мы должны завербовать новых членов, — радостно сообщила Гермиона, — я думаю, что членские взносы будут по два сикля с человека. За это новый член нашего общества получит значок, а выручка пойдёт на листовки. Так, значит ты, Рон, будешь казначеем. У меня наверху есть для тебя жестянка для хранения взносов, а ты, Гарри, будешь секретарём. Так что тебе, пожалуй, следует записать всё, о чём я сейчас говорю, чтобы была официальная запись нашего первого собрания.

В наступившей тишине Гермиона сияющими

глазами глядела на мальчишек. С одной стороны Гарри злился на Гермиону, а с другой не мог удержаться от смеха при виде выражения лица Рона. Тишину нарушило не восклицание Рона, который, казалось, в настоящий момент лишился дара речи, а лёгкое постукивание в оконное стекло. Гарри взглянул через опустевшую комнату на окно, от которого исходило постукивание, и увидел сидящую на подоконнике и освещённую лунным светом полярную сову…

— Хедвига! — закричал он, вскакивая со стула и бросаясь к окну, чтобы впустить её. Хедвига влетела в комнату, пролетела над столами и уселась прямо на свиток пергамента с предсказаниями Гарри.

— Наконец-то! — вскричал Гарри и бросился к ней.

— Она принесла ответ! — возбуждённо сказал Рон, указывая на потрёпанный кусочек пергамента, привязанного к ноге Хедвиги.

Гарри быстро отвязал его и уселся читать, а Хедвига перебралась к нему на колено и тихонечко заухала.

— Ну что он там пишет? — с нетерпением спросила Гермиона.

Письмо было совсем коротеньким. Похоже

было, что Сириус нацарапал его впопыхах. Гарри начал читать вслух:

«Гарри!

Я немедленно вылетаю на север. Новость о твоём шраме — последний из слухов о необычайных происшествиях, которые до меня дошли. Если ты опять почувствуешь боль — сразу же беги к Дамблдору. Я слышал, что он вытащил «Дикого глаза» на работу, значит он видит предзнаменования, которых никто ещё, кроме него, не увидел.

Я скоро свяжусь с тобой. Привет Рону и Гермионе. Держи ухо востро, Гарри!

Сириус»

Гарри дочитал письмо и взглянул на Рона и Гермиону, которые смотрели на него.

— Он вылетает на север? — прошептала Гермиона. — Он возвращается?

— Дамблдор видит предзнаменования? Какие предзнаменования? — в замешательстве проговорил Рон. — Гарри, ты чего?

Гарри ударил себя кулаком по лбу, спугнув с колен Хедвигу.

— Я не должен был писать ему! — с яростью проговорил он.

— О чём ты? — недоумённо сказал Рон.

— Он из-за этого возвращается! — говорил

Гарри, стуча кулаком по столу. Недовольная Хедвига уселась на спинку стула Рона и негодующе заухала. — Он возвращается, потому что он беспокоится за меня! Но за меня нечего беспокоиться! И у меня ничего для тебя нет, — раздражённо сказал он Хедвиге, которая в ожидании награды пощёлкивала клювом. — Лети в Совятню, если ты голодная.

Хедвига одарила его особенно обиженным взглядом и вылетела в распахнутое окно, задев крылом его голову.

— Гарри… — сказала Гермиона успокаивающе.

— Я иду спать, — отрезал Гарри, — до завтра.

Наверху в спальне, надев пижаму, он взобрался в свою кровать под балдахином, хотя не чувствовал ни малейшей усталости.

Если Сириус вернётся и его поймают, то это будет его виной. Ну зачем он выболтал всё Сириусу! На секунду почувствовал боль — и пошёл трепаться… Не хватило ума промолчать…

Он услышал, как Рон поднялся в спальню, но притворился спящим. И долго ещё Гарри лежал, уставившись бессонными глазами в темноту балдахина над головой. В спальне было совершенно тихо и, если бы Гарри не был так занят своими мыслями, то отсутствие обычного храпа

Невилла навело бы его на мысль, что он, Гарри, не был здесь сегодня единственным человеком, страдающим бессонницей.

15. Бобатон и Дурмштранг

На утро Гарри проснулся с окончательно созревшим в голове планом, как будто его спящий мозг всю ночь над ним трудился. Он вскочил, оделся в бледном рассветном свете, не зажигая лампы, на цыпочках вышел из комнаты, не разбудив Рона, и спустился в пустую гостиную. Там он поднял со стола, на котором всё ещё лежала его домашняя работа по Прорицанию, кусочек пергамента и принялся писать.

«Дорогой Сириус!

Ты знаешь, я думаю, что мне просто приснилось, что у меня болел шрам. Когда я писал тебе предыдущее письмо, я ещё не совсем проснулся. Тебе не за чем возвращаться сюда. Всё в полном порядке. Не беспокойся обо мне — моя голова совершенно не болит.

Гарри»

Дописав письмо, он пролез через портретный ход и побежал по спящему замку (на секунду задержавшись в коридоре пятого этажа, где Пивз сделал попытку запустить в него огромной вазой) прямо в Совятню, расположенную под крышей

Западной башни.

Совятня была круглой, выложенной камнем комнатой, довольно холодной и отданной во владение сквознякам, потому что в окнах не было стёкол. Пол Совятни был устлан соломой, помётом и отрыгнутыми скелетами мышей и полёвок. Сотни сов всевозможных разновидностей сидели на насестах, расположенных рядами один над другим до самой верхушки башни. Почти все совы дремали; но временами то из-под одного, то из-под другого крыла вспыхивал круглый янтарь совиного глаза. Гарри разыскал Хедвигу, которая примостилась между сипухой и неясытью, и подбежал к ней, скользя по покрытому помётом полу.

Хедвига долго не желала просыпаться и упорно не обращала на него внимания, переминаясь на своём насесте и поворачиваясь к нему спиной. Она всё ещё дулась на него за его неблагодарное поведение прошлым вечером. И только когда Гарри осторожно высказал предположение, что она утомилась с дороги, и потому ему следует позаимствовать у Рона Пигведжена, она соблаговолила подать ему лапку и разрешила привязать к ней письмо.

— Отыщи его, хорошо? — попросил Гарри, по-

глаживая её по спине. Он поднёс её к одному из оконных проёмов. — Отыщи его до того, как он попадёт в лапы к Дементорам!

Хедвига ущипнула его за палец, пожалуй, чуть сильнее, чем обычно, но при этом нежно ухнула. Потом, расправив крылья, она вылетела в рассветное небо. Гарри следил за ней глазами, чувствуя, как знакомое гадкое ощущение зашевелилось у него в желудке. Он так надеялся, что ответ Сириуса успокоит его, а получилось наоборот…

— Но ведь это же чистое враньё, Гарри! — резко сказала ему Гермиона за завтраком, когда он рассказал им с Роном об этом письме, — ты прекрасно знаешь, что боль в шраме тебе вовсе не приснилась.

— Ну и что?! — ответил Гарри, — на моей совести не будет лежать его возвращение в Азкабан!

— Оставь, — отрезал Рон, когда она открыла рот, чтобы возразить. И в первый раз в жизни Гермиона послушалась его и замолчала.

В последующие дни Гарри вовсю старался не волноваться о Сириусе. Не считая того, что каждое утро, когда прибывала совиная почта, он, волнуясь, выискивал в ней Хедвигу, а перед сном не мог отогнать от себя страшного виде-

ния, в котором дементоры зажали Сириуса в одном из тёмных переулков Лондона, днём он успешно отгонял от себя мысли о своём крестном отце. К сожалению, он не мог отвлечься игрой в квиддитч. Хорошая тренировка была лучшим лекарством от расшатанных нервов. Но с другой стороны он и без тренировок был по уши занят — им задавали всё больше и больше уроков, в особенности профессор Хмури.

На одном из уроков к всеобщему изумлению он объявил, что собирается наложить заклятие Империус на каждого ученика в отдельности, чтобы продемонстрировать его силу и посмотреть, способны ли они противостоять ему.

— Но… но вы же говорили, профессор, что это — противозаконно, — неуверенно пробормотала Гермиона, когда Хмури взмахом своей волшебной палочки убрал парты, чтобы очистить место посредине классной комнаты, — Вы сказали, что наложение этого заклятия на другого человека…

— Дамблдор желает, чтобы вы на своей шкуре испытали действие этого заклятия, — ответил Хмури, устремляя свой волшебный глаз на Гермиону. Этот страшный глаз впился в неё жутким, немигающим взором. — Но если ты предпочитаешь пойти по трудной дорожке и почувствовать

это заклятие, когда его наложит на тебя Тёмный маг и будет управлять тобою, как марионеткой — отлично. Ты можешь считать себя свободной. Уходи.

И он указал ей на дверь скрюченным пальцем. Гермиона покраснела и пробормотала что-то невразумительное о том, что она вовсе не имела в виду, что хочет уйти с урока. Гарри и Рон с ухмылкой переглянулись. Они прекрасно понимали, что Гермиона скорее бы выпила чашку буботубного гноя, чем пропустила такой важный урок.

Хмури начал по очереди вызывать учеников и накладывать на них заклятие Империус. Гарри во все глаза глядел, как один за другим под действием этого заклятия его одноклассники проделывали самые невероятные вещи. Дин Томас три раза вприпрыжку прошёлся по комнате, напевая национальный гимн. Лаванда Браун прыгала и вертелась, как белка. Невилл совершил серию гимнастических упражнений, которые он ни за что бы не смог воспроизвести в своём обычном состоянии. Ни один из них, казалось, не был в силах бороться с силой, управляющей ими, и каждый приходил в себя только, когда Хмури снял с него заклятие.

— Поттер, — сказал Хмури, — твоя очередь.

Гарри вступил в освобождённую от парт часть классной комнаты. Хмури направил на него свою волшебную палочку и произнёс: — Империо!

Чувство, которое испытал Гарри в этот момент, нельзя было сравнить ни с одним другим. Ему казалось, что он парит над землёй, не обременённый тяжестью волнений и мыслей. Все волнения и мысли мягко улетучились у него из головы — осталось только чувство неуловимого, непреодолимого счастья. Он не чувствовал ни малейшего следа беспокойства, и едва ли сознавал, что его одноклассники не сводят с него глаз.

А потом, где-то в самой дальней части его совершенно пустого мозга раздался голос Хмури: — Прыгни на парту… прыгни на парту…

Гарри послушно согнул колени, приготовившись прыгать.

Прыгни на парту…

— А зачем? — где-то в другой, ещё более отдалённой части мозга слабо поинтересовался другой голос. — Это, вообще-то, ужасно глупо! — продолжал этот второй голос.

Прыгни на парту…

— Не-а, покорнейше благодарю, не прыгну, — настаивал второй голос более уверенным тоном, — а вот не хочу!

Прыгай! СЕЙЧАС ЖЕ!

Тотчас же Гарри почувствовал, как его пронзила острая боль. Он прыгнул, но в то же время боролся с собой, чтобы не прыгать и в результате с силой врезался в парту, опрокинув её. Он сильно подозревал, что расколол себе коленные чашечки.

— Ну то-то, так-то лучше! — прорычал Хмури. Гарри почувствовал, как гулкая пустота улетучилась у него из головы. Он вспомнил, что только что произошло, и боль в коленях удвоилась.

— Эй, вы, ну-ка поглядите… Поттер боролся! Он боролся, чёрт побери, и почти что победил! Попробуем ещё раз, Поттер, а вы — смотрите внимательно, смотрите ему в глаза. Там-то вы всё и увидите. Прекрасно, Поттер, очень-очень хорошо! Им трудно будет контролировать тебя!

— Он так говорит, — пробормотал Гарри, когда через час он, хромая, вышел из класса Защиты от Тёмных Искусств (Хмури четыре раза подряд наложил на Гарри заклятие, пока он не научился полностью сбрасывать его), — как будто на нас нападут в следующую секунду!

— Ага, точно, — согласился Рон, который через каждый шаг подпрыгивал. Борьба с заклятием досталась ему намного трудней, чем Гарри, но

Хмури уверил его, что осложнения пройдут к обеду. — Ну и параноик! — проговорил Рон, нервно оглядываясь через плечо, чтобы удостовериться, что Хмури нет поблизости. — Неудивительно, что в министерстве были рады кое-что ему пристегнуть. Ты слышал, как он рассказывал Шеймусу, что он сделал с колдуньей, которая первого апреля подкралась к нему сзади и попыталась для смеха напугать его? И когда, интересно, мы отыщем время прочитать всё, что он требует, о сопротивлении заклятию Империус, когда нам столько всего другого назадавали?

Все четверокурсники отметили значительное увеличение в объёме задаваемых им уроков. Когда весь класс хором застонал, получив особенно огромное задание по Трансфигурации, профессор МакГонагалл объяснила им: — Вы сейчас вступаете в самую важную стадию вашего волшебного образования, — сказала она, грозно сверкая глазами из-за очков в квадратной оправе, — приближаются Стандартизированные Отметки Волшебников.

— Как… ведь мы сдаём С.О.В. на пятом году? — возмущённо возразил Дин Томас.

— Да, Томас, но поверьте мне, вам нужно долго и тщательно к ним готовиться. Мисс Грэйнджер

на сегодняшний день является единственной ученицей, которая успешно превратила ежа в довольно приличную подушечку для иголок. Н-да, а ваша подушечка, Томас, я должна сказать, всё ещё свёртывается в клубок от страха, когда к ней приближаются с иголками!

Порозовевшая Гермиона изо всех сил пыталась не казаться чересчур польщённой.

На следующем уроке Прорицания Гарри и Рон страшно повеселились, узнав, что получили отличные отметки за домашнюю работу, которую они состряпали для профессора Трелони. Она вслух зачитывала длинные отрывки из их предсказаний, рассыпаясь в похвалах за то, что они, не дрогнув, покорились надвигающимся на них превратностям судьбы. Но их веселью пришёл конец, когда она задала им продолжить предсказания на последующий месяц. Их запас идей о возможных надвигающихся катастрофах практически истощился.

А между тем, профессор Биннс, привидение, которое преподавало Историю Магии, еженедельно задавал им по сочинению о восстании гоблинов в восемнадцатом веке. Профессор Снейп заставлял их изучать противоядия. К этому заданию они отнеслись наиболее серьёзно, так как Снейп при-

грозил отравить одного из них перед Рождеством, чтобы проверить эффективность найденного ими противоядия. Профессор Флитвик задал им прочитать ещё три книги, в качестве подготовки к предстоящему уроку по Призывающим чарам.

Даже Хагрид задавал им работу на дом. Крутоны росли с устрашающей скоростью, принимая во внимание то, что классу так и не удалось выяснить, чем питаются эти твари. Хагрид был в полном восторге от растущих на глазах Крутонов и предложил классу наведываться в его хижину раза три в неделю по вечерам, наблюдать за их поведением и регистрировать их незаурядные привычки.

— Ни за что! — наотрез отказался Драко Малфой, когда Хагрид внёс своё предложение с лицом Деда Мороза, который только что извлёк из своего мешка необыкновенно огромную игрушку, — мне эти мерзкие твари достаточно опротивели во время уроков!

Улыбка сползла с лица Хагрида.

— Будешь делать, как я сказал, — проревел он, — а то я воспользуюсь опытом профессора Хмури… Слышал я, что из тебя получился отличный хорёк.

Гриффиндорцы расхохотались. Малфой вспых-

нул от злости, но воспоминание о наказании Хмури, похоже, было ещё свежо в его памяти, потому что он ничего не ответил. Гарри, Рон и Гермиона вернулись в замок в прекраснейшем настроении: то, что Хагрид отбрил Малфоя, доставило им особенное удовольствие, потому что в прошлом году Малфой приложил порядочные усилия к тому, чтобы Хагрида выгнали с работы.

По прибытию в Большой зал им пришлось остановиться, потому что они наткнулись на огромное столпотворение. Вся толпа сгрудилась у большого плаката, установленного у подножия мраморной лестницы. Самый высокий из троих, Рон, встал на цыпочки и, поверх затылков стоящих перед ним учеников, ему удалось прочесть следующее:

«ТУРНИР ТРЁХ ВОЛШЕБНИКОВ

Делегации Бобатона и Дурмштранга прибывают к нам в пятницу, 30-го октября в шесть часов вечера. Уроки в этот день закончатся на полчаса раньше»

— Потрясающе! — радостно воскликнул Гарри. — Последний урок в пятницу — Зельеварение! У Снейпа не будет времени нас отравить!

«Ученики должны будут отнести сумки и книги в свои спальни, а затем собраться перед замком,

чтобы встретить наших гостей перед началом Праздничного Пира»

— Всего неделя осталась! — сказал Эрни Макмиллан из Хаффлпаффа, выбираясь из толпы с горящими глазами. — Знает ли Седрик? Пойду-ка расскажу ему…

— Седрик? — недоумённо повторил Рон, глядя вслед убегающему Эрни.

— Диггори, — объяснил Гарри, — он, наверно, собирается принимать участие в турнире.

— Этот болван — чемпион Хогвартса? — протянул Рон, пробиваясь через толпу весело болтающих учеников к лестнице.

— Он вовсе не болван! Ты просто не любишь его, потому что он побил Гриффиндор в квиддитч, — сказала Гермиона, — я слышала, что он отличник и — Префект.

Это было сказано так, как будто меняло дело.

— Тебе он нравится, потому что он красавчик, — едко заметил Рон.

— Извини, пожалуйста, с каких это пор ты считаешь, что я сужу о людях по их внешности?! — возмущённо возразила Гермиона.

Рон громко и показно закашлялся, издавая при этом звук, подозрительно напоминающий слово "Локхарт".

Появление плаката у подножия лестницы произвело неизгладимый эффект на обитателей замка. Всю последующую неделю весь Хогвартс говорил только об одном — Турнире Трёх Волшебников. По замку ходили слухи, которые передавались от одного ученика к другому, словно зараза: кто будет пытаться стать чемпионом Хогвартса, как будет проходить турнир, чем отличаются ученики Бобатона и Дурмштранга от них самих.

Между тем, замок подвергли генеральной уборке. Несколько засаленных портретов почистили к величайшему неудовольствию изображений, которые, съёжившись, сидели в своих рамках, угрюмо бормотали себе под нос и морщились, потирая свои розовые, свежевымытые щёки. Доспехи вдруг ярко заблестели и перестали издавать громкий скрип при движении, а смотритель Аргус Филч приходил в такую ярость, когда кто-нибудь из учеников забывал при входе вытереть ноги, что довёл до истерики двух напуганных первогодок.

Остальные работники школы тоже находились в крайне нервном напряжении.

— Лонгботтом, будьте любзены, не говорите при делегации из Дурмштранга, что ты не в со-

стоянии сотворить даже самое элементарное Замещающее заклинание! — раздражённо сказала профессор МакГонагалл во время одного, особенно трудного урока, когда Невилл нечаянно пересадил свои собственные уши на кактус.

Когда утром тридцатого октября они спустились вниз на завтрак, перед их глазами предстал разукрашенный за ночь Большой зал. Со стен свисали четыре огромных шёлковых знамени с изображениями каждого из четырёх Домов Хогвартса: красное — с золотым львом Гриффиндора, голубое — с бронзовым орлом Рэйвенкло, жёлтое — с чёрным барсуком Хаффлпаффа и зелёное — с серебряным змеем Слизерина. На стене позади стола преподавателей висело самое большое знамя, на котором был изображён герб Хогвартса: лев, орёл, барсук и змей вместе вокруг большой буквы Х.

Гарри, Рон и Гермиона уселись рядом с Джорджем и Фредом за стол Гриффиндора. Эти двое опять сидели в стороне от других, что само по себе являлось довольно необычным зрелищем, и тихо переговаривались. Рон первым уселся рядом с ними.

— Вот гадство! — угрюмо говорил Фреду Джордж. — Но если он не хочет с нами разговари-

вать, мы пошлём ему письмо. Или, ещё лучше, мы просто дадим письмо ему в руки. Он не сможет вот так всё время нас избегать!

— Кто вас избегает? — поинтересовался Рон, устраиваясь рядом с ними.

— Хотелось бы, что бы ты… — раздражённо ответил Фред.

— Что за гадство? — спросил Рон у Джорджа.

— Гадство — иметь брата, который постоянно суёт нос не в своё дело! — отрезал Джордж.

— А вы уже что-нибудь придумали по поводу Турнира Трёх Волшебников? — спросил Гарри. — Всё ещё собираетесь попытаться в нём участвовать?

— Я спросил МакГонагалл, как будут выбирать чемпионов, но она нам не сказала, — горько пожаловался Джордж, — она посоветовала мне заткнуться и сосредоточиться на преобразовании енота.

— Интересно, а что за испытания будут? — задумчиво сказал Рон. — Знаешь, Гарри, я уверен, что мы сможем их пройти. Мы уже проходили опасные испытания…

— Да, но не перед коллегией судей, — ответил Фред, — МакГонагалл сказала, что чемпионам присуждают определённое количество очков

в зависимости от того, насколько хорошо они справились с заданием.

— А кто будет судить? — спросил Гарри.

— Директора принимающих участие школ всегда в списке судей, — вмешалась Гермиона, и все с удивлением взглянули на неё, — потому что во время турнира 1792 года всех троих защитников ранил, начавший громить всё вокруг себя, василиск, которого они должны были поймать.

Она заметила всеобщее внимание к своей особе и, как обычно, всем своим видом демонстрируя раздражение по поводу того, что, кроме неё, никто не позаботился заглянуть в книги, произнесла:
— Об этом написано в книге "Хогвартс: История". Но, конечно, не всё, о чём написано в этой книге, нужно принимать за чистую монету. Точнее бы было назвать эту книгу «Подправленная история Хогвартса», или «Крайне односторонняя и выборочная история Хогвартса, которая замалчивает наиболее неприятные аспекты школы».

— О чём ты? — спросил Рон, но Гарри уже понял, что за этим последует.

— Домовые! — сверкая глазами, вскричала Гермиона, как и предполагал Гарри. — Ни разу, ни на одной из тысячи страниц в книге "Хогвартс: История" не упоминается о том, что мы все кол-

лективно участвуем в угнетении сотен рабов!

Гарри покачал головой и занялся яичницей. Отсутствие энтузиазма со стороны Рона и его собственной, ни на каплю не уменьшили решимости Гермионы добиться справедливости для домашних эльфов.

Правда, оба они заплатили по два сикля за значки З.А.Д., но сделали это только для того, чтобы умиротворить её. Но было похоже, что они зря потратили свои сикли — Гермиона разошлась ещё пуще. Она постоянно приставала к ним, сначала, чтобы они носили свои значки, а потом, чтобы убеждали других их носить. Кроме того, она завела привычку каждый вечер обходить гостиную Гриффиндора, гремя своей жестянкой со взносами и, загнав в угол очередную жертву, трясти ею под самым носом несчастной.

— Ты, я надеюсь, понимаешь, что твою постель застилают, зажигают огонь в каминах, убирают классные комнаты и готовят тебе еду волшебные создания, которым за это ничего не платят, которые находятся в рабстве!? — с яростью повторяла она.

Некоторые, вроде Невилла, заплатили Гермионе только для того, чтобы отделаться от неё. Нашлось несколько человек, которых затронули

речи Гермионы, но и они не хотели принять более активного участия в агитационной работе. А большинство просто насмехалось над её стараниями.

Теперь же Рон закатил глаза, устремив их в потолок, освещённый ярким, осенним солнцем, Фред вдруг страшно заинтересовался своим беконом (близнецы наотрез отказались купить значки З.А.Д.), но Джордж склонился к Гермионе.

— Послушай, Гермиона, ты когда-нибудь спускалась вниз в кухню?

— Естественно, никогда! — отрезала Гермиона. — Насколько я знаю, ученикам не разрешается…

— Ну, а мы спускались, — перебил её Джордж, указывая на Фреда, — тысячу раз, чтоб стибрить еду. И мы знакомы с ними. Они довольны своей жизнью! Они считают, что их работа — лучше всех работ на свете…

— И только потому, что они не получили образования и им прочистили мозги! — с жаром начала Гермиона, но ей не удалось закончить начатую мысль, так как у них над головами раздался шум крыльев, оповещающий прибытие совиной почты. Гарри взглянул вверх и увидел Хедвигу, парящую у него над головой. Гермиона

тут же замолчала и уставилась на Хедвигу, которая спустилась вниз, примостилась на плече у Гарри, сложила крылья и устало протянула ему лапку.

Гарри снял с лапки записку Сириуса и угостил Хедвигу шкуркой с бекона, которую она милостиво приняла и с удовольствием съела. Удостоверившись, что Фред и Джордж с головой погружены в обсуждение турнира, Гарри громким шёпотом прочитал Рону и Гермионе письмо Сириуса.

«Так я тебе и поверил, Гарри!

Я уже прибыл и прекрасно спрятался. Непременно сообщай мне обо всём, что будет происходить в Хогвартсе. Но не посылай Хедвигу — каждый раз посылай другую сову. И не волнуйся обо мне. Позаботься о себе. И не забудь то, что я тебе говорил о твоём шраме.

Сириус»

— Зачем тебе менять сов? — тихо спросил Рон.

— Хедвига привлекает к себе внимание, — ответила Гермиона — она — слишком заметная. Полярная сова, которая всё время летает в одно и то же место… Здесь ведь не водятся полярные совы…

Гарри свернул в трубочку письмо и сунул себе

в рукав. Он никак не мог определить, успокоило ли или взволновало его письмо Сириуса. Конечно, он очень обрадовался, что Сириусу удалось вернуться назад незамеченным. И, без сомнения, мысль о том, что Сириус рядом, ободряла его — по крайней мере, ему не надо будет так долго ждать ответа на свои послания.

— Спасибо, Хедвига, — сказал он, поглаживая её. В ответ она сонно ухнула, окунула клюв в кубок с апельсиновым соком и полетела в Совятню на заслуженный отдых.

В тот день в замке царила атмосфера радостного ожидания. На уроках никто особенно не слушал, все с нетерпением ожидали прибытия делегаций Бобатона и Дурмштранга. Даже зельеварение было сегодня легче переносить, чем обычно, так как оно было на полчаса короче. Когда наконец прозвенел звонок Гарри, Рон и Гермиона побежали вверх к Гриффиндорской башне, избавились от своих сумок и учебников, надели плащи и заспешили назад.

В вестибюле Главы Домов уже строили в ряд своих подопечных.

— Уизли, поправьте шляпу, — сердито сказала Рону профессор МакГонагалл, — мисс Патил, вытащите эту идиотскую штуку из волос.

Парвати бросила на неё сердитый взгляд и вытащила из косы большую декоративную бабочку.

— За мной, будьте любезны, — сказала профессор МакГонагалл, — впереди — первогодки. И не толкаться…

Они спустились по лестнице и вышли на лужайку перед замком. Вечер был прохладным, небо — безоблачным. На них спускались сумерки и светлая прозрачная луна уже сияла над Запретным лесом. Гарри, стоящий между Роном и Гермионой в четвёртом ряду, отметил, что Деннис Криви в ряду первогодок дрожит от нетерпения.

— Почти шесть, — заметил Рон, поглядывая на часы и снова переводя глаза на дорогу, ведущую к входным воротам, — как вы думаете, они приедут на поезде?

— Сомневаюсь, — ответила Гермиона.

— А как же? На мётлах? — предположил Гарри, вглядываясь в звёздное небо.

— Не думаю… из такой дали…

— Портключом? — предложил Рон, — либо аппарируют… Может там, откуда они приезжают, детям до семнадцати разрешается аппарировать?

— Сколько раз я тебе говорила, что на территорию Хогвартса аппарировать нельзя? — раздражённо сказала Гермиона.

Они рыскали глазами по темнеющим газонам, но не отметили там никакого движения. Вокруг было тихо, спокойно и совершенно обычно. Гарри потихоньку начал замерзать. — Скорее бы уж они приехали! — думал он. — Может, они готовят какое-нибудь сенсационное прибытие? — Он вспомнил слова мистера Уизли на Кубке мира по квиддитчу: — Как всегда! Все рисуются друг перед другом, когда собираются вместе…

Но тут Дамблдор, который стоял в последнем ряду вместе с остальными преподавателями, заговорил:

— Ага! Если я не ошибаюсь, приближается делегация Бобатона!

— Где? — хором вскричало несколько учеников, вглядывающихся в темноту.

— Вон! — закричал шестикурсник, указывая рукой на небо над лесом.

Что-то огромное, гораздо большее по размеру, чем метла, даже больше, чем сотня мётел неслось по тёмно-синему небу по направлению к замку. Чем ближе к ним оно придвигалось, тем яснее становилось, что оно было просто огромным.

— Дракон! — взвизгнула одна из первогодок, потеряв голову.

— Вот глупости! Это — летающая лошадь! — перебил её Деннис Криви.

Догадка Денниса была ближе к истине. Когда гигантская, чёрная тень пролетела над Запретным лесом, слегка задевая верхушки деревьев, и попала в полосу света, льющегося из окон замка, они увидели, что навстречу им плывёт огромный светло-голубой экипаж, размером с большой дом, запряженный лошадьми. Крылатые лошади, все — отборные паломино, каждая размером со слона, тащили карету по воздуху.

Ученики, стоящие в первых трёх рядах отшатнулись назад от несущейся навстречу к ним кареты, которая, на огромной скорости начала спускаться вниз. С могучим ударом, который заставил Невилла отскочить назад прямо на ногу пятикурсницы из Слизерина, копыта коней, размером с обеденные тарелки, ударились о землю. Сама же карета, подскакивая на широких колёсах, приземлилась секундой позже. Золотистые лошади вертели огромными головами и закатывали большие, горящие огнём, красные глаза.

Гарри успел разглядеть на дверце кареты герб (две скрещенные золотые волшебные палочки,

каждая из которой испускала по три золотистые звёздочки). Дверца распахнулась.

Из коляски выпрыгнул мальчик в светло-голубых одеждах, согнулся, повозился с чем-то на полу коляски и вытащил оттуда золотую лесенку. Затем он быстро отскочил в сторону, склонив голову. Из коляски появилась начищенная до блеска чёрная туфля на высоком каблуке, размером в детские санки. За туфлей тут же последовала нога и её хозяйка неимоверных габаритов. Сразу же стали понятны размеры кареты и запряжённых в неё лошадей. Раздалось несколько приглушённых возгласов.

Гарри за всю свою жизнь встречал только одного человека, величиной с эту женщину. Этим человеком был Хагрид. Без сомнения, Хагрид не отличался размерами от этой женщины даже на пару дюймов. Но почему-то, может потому, что он уже привык к Хагриду, эта женщина (которая уже спустилась с лестницы и разглядывала толпу учеников, которые в свою очередь глазели на неё широко раскрытыми глазами) казалась ему как-то неестественно огромной. Когда она вступила в полосу света, льющегося из вестибюля, их взорам представилось красивое лицо со смуглой кожей, огромные, чёрные, ясные глаза и крючковатый

нос. Её блестящие волосы были затянуты в узел у шеи. Она была одета с головы до ног в чёрный атлас, её шея и толстые пальцы были унизаны многочисленными великолепными опалами.

Дамблдор начал аплодировать, а за ним и вся школа. Многие становились на цыпочки, чтобы получше разглядеть эту женщину.

Её лицо расплылось в любезную улыбку, и она пошла навстречу Дамблдору, протягивая ему руку с поблёскивающими на ней камнями. Дамблдору, несмотря на его высокий рост, почти не пришлось согнуться, чтобы приложиться к этой руке.

— Моя дорогая мадам Максим! — проговорил он. — Добро пожаловать в Хогвартс!

— Дамбли-дорр! — грудным голосом произнесла мадам Максим. — Я надеюсь, што вы поживаете орошо?

— Прекрасно! Чудесно! Благодарю вас! — ответил Дамблдор.

— Мои ученики, — прогремела мадам Максим, небрежно махнув огромной рукой за своей спиной.

Гарри, внимание которого целиком и полностью сосредоточилось исключительно на мадам Максим, перевёл глаза на группу подростков

— всего около дюжины, которые вылезли из коляски и выстроились за спиной мадам Максим. Их била дрожь — и неудивительно. Их мантии, казалось, были сшиты из тончайшего шёлка, и ни один из них не накинул плаща. Некоторые намотали на головы шарфы и шали. Из-за спины мадам Максим они глазели на Хогвартс с лёгким страхом в глазах.

— А Карркарров уже пррибыл? — поинтересовалась мадам Максим.

— Мы ждём его с минуты на минуту, — ответил Дамблдор. — Вы бы хотели остаться с нами на улице, чтобы поприветствовать его или предпочитаете войти в замок и согреться?

— Я думаю, мы пойдём согрреться, — ответила мадам Максим, — но мои лошади…

— Наш преподаватель по Уходу за Волшебными Животными сочтёт за честь позаботиться о ваших жеребцах, — ответил Дамблдор, — как только он вернётся, после того, как уладит небольшую неурядицу, которая произошла с одними из его… гм… подопечных…

— Крутоны! — ухмыляясь, пробормотал Рон на ухо Гарри.

— Мои жеребцы требуют… а-а-а… ороши мускулов… — заметила мадам Максим с таким видом,

как будто она сильно сомневалась, что какой-то Хогвартский преподаватель по Уходу за Волшебными Животными сможет справиться с такой сложной задачей, — они ошень сильны…

— Я уверяю вас, мадам, что Хагрид прекрасно справится с этой задачей, — улыбнулся Дамблдор.

— Ошень орошо, — сказала мадам Максим, слегка поклонившись, — будьте любезны, сообщите этому Агриду, что мои жеребцы пьют только одно-солодовый виски.

— Мы позаботимся об этом, мадам, — поклонился ей Дамблдор.

— За мной, — повелительно провозгласила мадам Максим, повернувшись к своей делегации. Толпа учеников Хогвартса расступилась, пропуская её и следующих за ней подростков к каменным ступеням.

— Как вы считаете, каких размеров будут кони Дурмштранга? — поинтересовался Шеймус Финниган у Гарри и Рона, перегнувшись через спины Лаванды и Парвати.

— Если они будут хоть чуть больше этих, даже Хагрид не сможет с ними справиться… — сказал Гарри, — то есть, если, конечно, на него не напали его любимые Крутоны. Интересно, что там

произошло?

— Может, они сбежали… — с надеждой протянул Рон.

— Что ты! Что ты! — содрогнулась Гермиона, — ты представляешь, если эти твари будут свободно бродить по территории Хогвартса?!

Они стояли, слегка дрожа от холода, ожидая прибытия делегации Дурмштранга. Многие с надеждой поглядывало на небо. Наступила тишина, изредка прерываемая хрипением и цокотом копыт гигантских жеребцов мадам Максим. И вдруг…

— Вы слышите? — внезапно спросил Рон.

Гарри прислушался. Из темноты до них доносился странный и жуткий грохот, — приглушённое громыхание и звук свистящего воздуха — как будто по берегу реки в их направлении двигался огромный пылесос.

— Озеро! — закричал Ли Джордан, указывая в его направлении, — посмотрите на озеро!

С того места, где они стояли — на самой верхушке холма, им хорошо было видно чёрную и гладкую поверхность озера, по которой вдруг пошла рябь. Где-то под водой происходило что-то такое, что вызывало образование на доселе гладкой поверхности воды огромных пузырей.

На мшистые берега с силой плескали волны, и вдруг, посреди озера образовался водоворот, как будто где-то там внизу кто-то вытащил из дна огромную затычку.

Что-то, похожее на продолговатую чёрную зияющую дыру, медленно поднималось вверх из середины водоворота… потом, показался такелаж…

— Мачта! — сообщил Гарри Рону с Гермионой.

Медленно и величаво из воды поднимался корабль, поблёскивая в лунном свете. Он каким-то невероятным образом напоминал скелет, как будто этот корабль когда-то затонул и долгое время пролежал на дне, пока не был поднят назад на поверхность. Тусклые, туманные огни, льющиеся из его иллюминаторов, напоминали глаза призрака. Наконец, с громким всплеском, корабль целиком поднялся на поверхность и поплыл к берегу, покачиваясь на мощных волнах. Через мгновение они услышали всплеск якоря, опускаемого в воду и грохот спускаемого трапа.

С корабля на землю сходили люди — их силуэты мелькали перед иллюминаторами. Все они, заметил Гарри, были сложены подстать Крэббу и Гойлу… но, когда они подошли поближе, вступив на поляну, освещённую светом из вестибюля,

стало ясно, что они просто казались крупными, потому что носили плащи, сшитые из какого-то лохматого и запутанного меха. Но человек, ведущий их к замку, был одет в другие меха: такие же лоснящиеся и серебристые, как его волосы.

— Дамблдор! — сердечно вскричал он, шагая вверх по склону. — Как поживаешь, дорогой ты мой, как дела?

— Цветут и пахнут, спасибо, профессор Каркаров, — ответил Дамблдор.

У Каркарова был елейный, звучный голос. Когда он вступил в полосу света, льющегося из входных дверей, стало видно, что он высок и худощав, как Дамблдор, но его седые волосы были коротко острижены, а закрученная завитушкой козлиная бородка не смогла скрыть довольно безвольный подбородок. Он подошёл к Дамблдору и обеими руками пожал его руку.

— Добрый старый Хогвартс! — проговорил он, взглянув на замок и улыбнувшись, обнажая ряд пожелтевших зубов. Гарри заметил, что улыбался он только ртом, глаза же, нетронутые улыбкой, оставалось холодными и проницательными. — Как хорошо снова оказаться здесь! Как хорошо!.. Виктор, пошли внутрь, в тепло. Ты не возражаешь, Дамблдор? Виктор немного простудился…

Каркаров пригласительным жестом обратился к одному из своих учеников. Когда мальчик прошёл мимо него, Гарри заметил его сильный крючковатый нос и густые чёрные брови. И без толчка в бок, которым наградил его Рон, и без его возбуждённого шёпота, он узнал этот профиль.

— Гарри — это Крам!

16. Кубок Огня

— Вот это да! — говорил ошарашенный Рон, шагая в толпе Хогвартских учеников вверх по ступенькам следом за делегацией Дурмштранга. — Крам! Гарри, Виктор Крам!

— Я тебя умоляю! Рон, он всего лишь игрок в квиддитч! — одёрнула его Гермиона.

— Всего лишь игрок в квиддитч?! — не веря своим ушам повторил Рон. — Он же один из лучших ловцов мира! Я и не знал, что он ещё не закончил школу!

Проходя по вестибюлю обратно в Большой зал, они увидели Ли Джордана подпрыгивающего на месте в попытке получше рассмотреть затылок Крама. Несколько девочек с шестого курса лихорадочно шарили в карманах: — Только подумай! Ни одного пера! Думаешь, он согласится расписаться на моей шляпе губной помадой?

— Ну, уж это прямо совсем! — высокомерно фыркнула Гермиона, проходя мимо девочек, пытающихся вырвать друг у друга тюбик с помадой.

— Я тоже попрошу у него автограф, — засуе-

тился Рон, — у тебя нигде не завалялось пера, а, Гарри?

— Не-а, все — наверху, в сумке, — отозвался Гарри.

Они уселись за стол Гриффиндора. Рон сел лицом к входной двери, не спуская глаз с Крама, который остановился у входа вместе с остальными учениками Дурмштранга, пытаясь, видимо, сообразить, за какой стол им полагается сесть. Делегация Бобатона расположилась за столом Рэйвенкло. Они разглядывали Большой зал с угрюмыми выражениями лиц. У троих вокруг голов всё ещё были повязаны шарфы.

— Уж не так уж и холодно! — раздражённо сказала Гермиона. — Почему они не взяли с собой плащи?

— Сюда! Иди сюда! — жарко шептал Рон. — Иди сюда! Да, сдвинься же с места, Гермиона, освободи место!

— Чего?

— Уже ничего! — с горечью отозвался Рон.

Виктор Крам и его товарищи уселись за стол Слизерина. Лица Крэбба, Гойла и Малфоя расплылись в самодовольных улыбках. Под завистливыми взглядами Гарри и Рона, Малфой наклонился к Краму и что-то ему сказал.

— Ну да, конечно, примазывайся к нему, Малфой! — язвительно проговорил Рон. — Не сомневаюсь, что Крам видит тебя насквозь… он, небось, привык, что к нему всё время подлизываются… А как вы думаете, где они будут спать? Мы можем ему предложить место в нашей комнате, Гарри… Я бы уступил ему свою кровать — я смогу покемарить и на раскладушке…

Гермиона фыркнула.

— Похоже, что они в более хорошем настроении, чем Бобатонцы, — заметил Гарри.

Ученики Дурмштранга сняли с себя тяжёлые шубы и с интересом глядели на звёздный потолок. Некоторые с любопытством разглядывали золотые тарелки и кубки, которые явно произвели на них впечатление.

А между тем смотритель Аргус Филч ставил дополнительные стулья за стол преподавателей. В честь важного торжества он был наряжен в старый и поношенный фрак. К удивлению Гарри он поставил четыре дополнительных стула — два по правую и два по левую руку Дамблдора.

— Но ведь взрослых-то приехало двое, — удивился Гарри. — Зачем же Филч ставит четыре стула? Кто-нибудь ещё приедет?

— А? — рассеянно переспросил Рон. Он всё ещё

был не в силах оторвать глаз от Крама.

Когда все ученики, наконец, расселись, в комнату вошли преподаватели и направились к своему столу. Шествие заключали профессор Дамблдор, профессор Каркаров и мадам Максим. Увидев свою директрису, Бобатонцы вскочили на ноги. В толпе учеников Хогвартса раздалось несколько разрозненных смешков. Но Бобатонцы не смутились и остались стоять, пока мадам Максим не уселась по левую руку от Дамблдора. Дамблдор же продолжал стоять. В зале наступила тишина.

— Добрый вечер, дамы, господа, призраки, и в особенности, гости, — провозгласил Дамблдор, одаряя лучистой улыбкой иностранные делегации, — с превеликим удовольствием я приветствую вас у нас в Хогвартсе. Я надеюсь и верю, что вам будет здесь удобно и приятно.

Одна из Бобатонских девочек, крепко держась за шарф, обвязанный вокруг головы, насмешливо фыркнула.

— Тебя здесь никто не держит! — тихонько ощетинилась Гермиона.

— Официальное открытие турнира состоится по окончанию пира, — продолжал Дамблдор, — а теперь угощайтесь: ешьте, пейте и чувствуйте себя, как дома!

Закончив свою приветственную речь, Дамблдор уселся: Каркаров тут же нагнулся к нему и завязал оживлённый разговор.

Стоящая на столе посуда, как обычно, наполнилась едой. Домовые на кухне, очевидно, трудились не покладая рук — перед ними стояли всевозможные блюда, из которых несколько были явно иностранной кухни.

— А это что такое? — спросил Рон, указывая на чашу, наполненную чем-то вроде рагу из устриц, креветок, крабов и моллюсков, которое стояло рядом с пудингом, начинённым говядиной и почками.

— Буйябес, — ответила Гермиона.

— Будь здорова! — отозвался Рон.

— Это — блюдо французской кухни, — продолжала Гермиона, — я ела его, когда отдыхала во Франции в позапрошлом году. Очень вкусно.

— Я тебе верю на слово, — ответил Рон, накладывая себе на тарелку чёрный пудинг.

Казалось, что Большой зал был битком набит людьми, хотя в нём сидело не более двадцати лишних человек, возможно, из-за того, что форма гостей яркими красками выделялась на фоне чёрной формы Хогвартса. Шубы делегации Дурмштранга скрывали одежды яркого, кроваво-

красного цвета.

Минут через двадцать после начала пира, в дверь позади стола преподавателей боком проскользнул Хагрид. Он тихонько уселся на своё место в конце стола и помахал Гарри, Рону и Гермионе замотанной бинтами рукой.

— Крутоны — живы-здоровы? — поинтересовался Гарри.

— Ещё как! — радостно сообщил ему Хагрид.

— Кто бы сомневался, — тихо проговорил Рон, — похоже, они наконец-то нашли пищу, которая им по душе — пальцы Хагрида!

Но тут за их спинами раздался голос: — Извините, пожалуйста, ви собираетесь есть ваш буйябес?

Позади них стояла девушка из Бобатона — та, которая перебила своим смешком речь Дамблдора. Она наконец-то сняла с головы шарф. Длинные, серебристо-белые локоны ниспадали до самой её талии. У неё были огромные синие глаза и очень белые ровные зубы.

Лицо Рона приобрело багровый оттенок. Он уставился на неё, открыв рот, попытался что-то сказать, но, вместо слов из него вылетело несколько булькающих звуков.

— Можешь его взять, — сказал Гарри и подтолк-

нул блюдо в её направлении.

— Ви уже поели?

— Да, — еле переводя дыхание, сказал Рон, — да, было ужасно вкусно!

Девушка подняла блюдо и понесла его к столу Рэйвенкло. Рон всё ещё никак не мог отвести от неё глаз, как будто он никогда до этого не видел представителей женского пола. Гарри расхохотался. Звук его смеха привёл Рона в чувство.

— Она — Виила! — сказал Рон хриплым голосом.

— С чего ты взял, — ехидно проговорила Гермиона, — кроме тебя никто не пялится на неё, как идиот!

Но она была не совсем права. Пока девушка шла до своего стола, на неё со всех концов зала заглядывались мальчишки — многие, казалось, онемев, как и Рон.

— Я тебе говорю, это не просто девчонка, — сказал Рон, нагибаясь в сторону, чтобы не терять её из виду, — в Хогвартсе таких нет!

— В Хогвартсе тоже есть, — рассеянно ответил Гарри… Недалеко от девушки с серебряными волосами сидела Чо.

— Когда вы оба, наконец, поставите на место свои глаза, — резко сказала Гермиона, — вы уви-

дите, кто только что прибыл.

И она указал им на стол преподавателей. Доселе незанятые стулья больше не пустовали. По одну сторону профессора Каркарова сидел Людо Бэгман, а начальник Перси, мистер Крауч, восседал рядом с мадам Максим.

— А они-то тут зачем? — удивился Гарри.

— Они ведь организовали Турнир Трёх Волшебников, — сказала Гермиона, — вот они и хотят быть на его официальном открытии.

На десерт, кроме обычных, подали несколько заморских сладостей. Рон тщательно исследовал бледного цвета бланманже и подвинул его чуть-чуть в сторону, чтобы оно хорошо просматривалось со стола Рэйвенкло. Но девушка, похожая на Виилу, очевидно, наелась, потому что она не обратила на бланманже никакого внимания.

Как только золотые блюда снова засверкали чистотой, Дамблдор поднялся со стула. В зале воцарилась взволнованная и радостная тишина. Гарри содрогнулся от нетерпения и любопытства. На другом конце стола Фред и Джордж, нагнувшись вперёд, во все глаза глядели на Дамблдора, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Подошёл долгожданный час! — сказал Дам-

блдор, улыбнувшись морю глядевших на него лиц. — Турнир Трёх Волшебников откроется с минуты на минуту. Я бы хотел сказать вам несколько слов, перед тем, как мы внесём в зал сундук…

— Зачем? — недоумённо спросил Гарри.

Рон только пожал плечами.

— …и тщательно разъяснить вам протокол, которому мы будем следовать в этом году. Но сначала, разрешите мне представить тем, кто с ними не знаком, мистера Бартемия Крауча, главу Отдела международного сотрудничества магов и мистера Людо Бэгмана, возглавляющего Отдел волшебных игр и спортивных состязаний.

Бэгману аплодировали гораздо громче и дольше, чем Краучу, возможно, потому что он когда-то был превосходным вышибалой, а может из-за того, что у него просто было более располагающее лицо. Бэгман ответил на приветствие, с энтузиазмом помахав залу рукой. Бартемий Крауч же не улыбнулся и не шевельнулся, когда Дамблдор произнес его имя. Гарри видел Крауча до этого только один раз на Кубке мира по квиддитчу, одетого в костюм безупречного покроя, и поэтому сейчас, в одеждах мага он смотрелся довольно странно. Его тоненькие, топорщащиеся

усики и совершенно прямой пробор выглядели неуместно на фоне длинных седых волос и бороды Дамблдора.

— Мистер Крауч и мистер Бэгман в течение нескольких месяцев неустанно трудились над организацией Турнира Трёх Волшебников, — продолжал Дамблдор, — и они вместе со мной, профессором Каркаровым и мадам Максим входят в состав коллегии судей, которая будет оценивать старания Чемпионов.

Когда он произнёс слово «Чемпионы», ученики, и без того внимательно слушающие его, ещё пуще навострили уши. Дамблдор, вероятно, заметил, что зал внезапно замер, потому что он улыбнулся и сказал: — Внесите, пожалуйста, сундук, мистер Филч.

Филч, который до этого скромно ютился в дальнем конце зала, направился к Дамблдору, неся в руках огромный деревянный сундук, усыпанный драгоценными камнями. Сундук выглядел очень старым. Со всех сторон послышалось возбуждённое бормотание умирающих от любопытства учеников. Деннис Криви встал на стул, чтобы получше рассмотреть древний сундук, но он был таким маленьким, что даже с этой высоты его голова едва возвышалась над головами сидящих.

— Инструкции к выполнению заданий, которые будут даны Чемпионам в этом году, были тщательно проверены мистером Краучем и мистером Бэгманом, — говорил Дамблдор, пока Филч устанавливал сундук перед ним на стол, — подготовившими всё необходимое для состязаний. Перед Чемпионами будут стоять три задачи, которые им зададут с определёнными интервалами в течение учебного года. Для выполнения каждого задания Чемпионы должны будут продемонстрировать мастерство в магии, отвагу, дедуктивные способности и, естественно, умение не терять духа перед лицом опасности.

Последние слова Дамблдора прозвучали в такой абсолютной тишине, что, казалось, никто в зале не дышал.

— Как вам уже известно, в турнире будут принимать участие три Чемпиона, — невозмутимо продолжал Дамблдор, — по одному из каждой школы. За каждое задание Чемпиону будет присуждено определённое количество очков в зависимости от того, насколько успешно он справился с задачей. Чемпион, который наберёт самое большое количество очков, выиграет Кубок турнира. Участников турнира выберет абсолютно беспристрастный судья — Кубок Огня.

Дамблдор вытащил свою волшебную палочку и три раза легонько стукнул по сундуку. Крышка медленно и со скрипом откинулась. Дамблдор сунул руку в сундук и вытащил оттуда огромный, грубо вырезанный из дерева Кубок. Кубок выглядел совсем непримечательным, если не считать того, что он до краёв был наполнен пляшущими голубовато-белыми язычками пламени.

Дамблдор закрыл сундук и осторожно водворил на него Кубок, чтобы всем в зале хорошо его было видно.

— Каждый желающий участвовать в турнире должен будет написать своё имя и название своей школы на клочке пергамента и бросить его в Кубок, — объявил Дамблдор, — претенденты на звание Чемпиона должны будут внести в Кубок свои имена в течение двадцати четырёх часов. Завтра вечером, в Хэллоуин, Кубок вернёт имена троих, которых он посчитает наиболее достойными представителями своих школ. Сегодня вечером мы поместим Кубок в вестибюль, где все желающие участвовать в турнире, будут иметь к нему свободный доступ.

— Для того, чтобы ни один несовершеннолетний ученик не поддался искушению внести на рассмотрение своё имя, — продолжал

Дамблдор, — после того, как Кубок Огня будет установлен в вестибюле, я проведу вокруг него Возрастную Черту, через которую не сможет переступить ни один человек младше семнадцати лет.

— И, наконец, для тех, кто решит внести своё имя на рассмотрение, я хочу вам разъяснить, что перед тем, как вы вложите своя имя в Кубок, вы должны будете тщательно взвесить своё решение. У Чемпиона, которого выберет Кубок Огня, не будет пути назад. Он обязан будет пройти через все три испытания. Внесение имени в Кубок Огня равносильно магическому контракту. Чемпион не имеет права передумать и отказаться от участия в состязании. Поэтому, перед тем, как вы внесёте своё имя в Кубок, вы должны быть совершенно уверены в том, что вы хотите участвовать в этой игре. А сейчас, я считаю, пора ложиться спать. Всем вам спокойной ночи.

— Возрастная черта! — радостно сверкая глазами, говорил Фред Уизли, пересекая зал по дороге к вестибюлю. — Это же — пара пустяков! Взрослящее зелье обдурит эту черту безо всяких проблем… Ну а потом, когда имя уже в Кубке — умора! — Кубок-то ни за что не узнает, исполнилось ли нам уже семнадцать или нет!

— Но ты не думаешь, что у тех, кому ещё не исполнилось семнадцати, нет никаких шансов победить, — заметила Гермиона, — мы просто ещё недостаточно знаем…

— Ты-то, может, недостаточно знаешь, — перебил её Джордж, — а вот ты, Гарри, например, ведь ты попробуешь внести своё имя в Кубок?

Гарри на секунду задумался о настоятельном требовании Дамблдора, чтобы никто до семнадцати лет не пытался внести своё имя на рассмотрение, но тут же в его голове возник блистательный образ самого себя — победителя Турнира Трёх Волшебников… Интересно, очень ли разозлится Дамблдор, если кому-нибудь до семнадцати удастся переступить через Возрастную Черту?

— Где он? — вдруг сказал Рон, который не слышал ни единого слова из всего разговора, потому что был полностью поглощён созерцанием Крама. — Дамблдор не говорил, где будут спать ребята из Дурмштранга?

В этот момент они поравнялись со столом Слизерина, и Рон получил ответ на свой вопрос. Каркаров только что подбежал к своим ученикам.

— Ну, так что, пойдёмте назад на корабль, —

сказал он. — Виктор, как ты себя чувствуешь? Ты сыт? Хочешь, я пошлю на кухню за глинтвейном?

Крам отрицательно покачал головой и натянул на себя шубу.

— Профессор, а я бы с удовольствием выпил немножко глинтвейна, — с надеждой проговорил один из учеников Дурмштранга.

— А тебе я ничего не предлагал, Поляков, — ответил Каркаров, моментально переходя от теплого отеческого тона к холодному и резкому, — я вижу, что ты, отвратительный неряха, опять вместо себя накормил свои одежды.

Каркаров повернулся и пошёл к дверям, сопровождаемый своими учениками. У дверей его группа столкнулась с Гарри, Роном и Гермионой. Гарри остановился, чтобы пропустить их вперёд.

— Благодарю, — сказал Каркаров, бросив небрежный взгляд в его сторону… и застыл на месте. Он повернул голову и взглянул на Гарри, как будто не мог поверить своим глазам. Ученикам за спиной Каркарова тоже пришлось остановиться. Каркаров медленно перевёл глаза вверх на шрам Гарри, его ученики сделали то же.

Уголком глаз Гарри заметил, как глядящие на него лица медленно приобретали осознанное

выражение. Парень в запачканной едой мантии толкнул локтем девочку, стоящую рядом с ним и открыто указал ей на лоб Гарри.

— Ага, точно, это он — Гарри Поттер, — раздался позади них хриплый голос.

Профессор Каркаров быстро обернулся. За его спиной стоял «Хмури-Дикий» глаз, тяжело опираясь на свой посох — его волшебный глаз, не мигая, смотрел на директора Дурмштранга.

Каркаров прямо на глазах смертельно побледнел. На его лице отразилась смесь ярости и страха.

— Ты! — проговорил он, уставившись на Хмури, как будто отказываясь верить, что перед ним действительно стоит «Дикий глаз».

— Я, — угрюмо ответил Хмури, — и, если тебе, Каркаров, нечего сказать Поттеру, то проходи мимо. Ты загораживаешь проход.

И правда, за ними столпилось уже ползала. Стоящие в задних рядах вытягивали шеи, чтобы узнать, что происходит.

Не сказав ни слова, профессор Каркаров увлёк за собой свою группу и вышел из зала. Хмури не сводил с него взгляда, пока он ни исчез из вида — его волшебный глаз впился в спину уходящего Каркарова, а на искалеченном лице застыло вы-

ражение непреодолимого отвращения.

Следующий день был субботой. Обычно в субботу к завтраку спускались позже. Но сегодня Гарри, Рон и Гермиона встали намного раньше, чем обычно. И не они одни. Спустившись в вестибюль, они наткнулись там человек на двадцать, которые болтались (некоторые, на ходу жуя гренки) вокруг Кубка Огня. Кубок возвышался посредине вестибюля на табуретке, на которую обычно ставили Распределяющую Шляпу. Вокруг табуретки была проведена тонкая золотая окружность, радиусом примерно в десять футов.

— Кто-нибудь уже внёс своё имя? — живо спросил Рон девочку с третьего курса.

— Все Дурмштрангцы, — ответила девочка, — но я ещё не видела никого из Хогвартса.

— Не сомневаюсь, что кто-нибудь уже бросил в Кубок своё имя посреди ночи, когда мы все спали, — заметил Гарри, — если бы я собирался это сделать, я бы так и поступил — я бы не хотел, чтобы на меня все глазели… Представляешь, если Кубок тебя так сразу и выплюнет назад!

За спиной Гарри раздался смех. Он обернулся и увидел, что по лестнице бегом спускаются Фред, Джордж и Ли Джордан — у всех троих были возбуждённые и светящиеся радостью лица.

— Всё сделано, — триумфально прошептал Фред Гарри, Рону и Гермионе, — только что приняли.

— Что? — спросил Рон.

— Взрослящее зелье, олух ты несусветный! — ответил Фред.

— Каждому — по капле, — сообщил Джордж, радостно потирая руки, — нам всего-то надо было повзрослеть на пару месяцев!

— И мы разделим тысячу Галлеонов на троих, если один из нас выиграет, — улыбаясь от уха до уха, сказал Ли.

— Я всё-таки не думаю, что ваш номер пройдёт, я предупреждаю вас, — вмешалась Гермиона, — я не сомневаюсь, что Дамблдор предусмотрел такой вариант.

Фред, Джордж и Ли притворились, что не слышат её.

— Готовы? — сказал Фред приятелям, дрожа от нетерпения. — Ну тогда, пошли. Давай, я пойду первым.

Гарри, как завороженный, следил глазами за Фредом, который вытащил из кармана кусочек пергамента, с написанными на нём словами: «Фред Уизли — Хогвартс». Фред подошёл прямо к черте и остановился там, раскачиваясь взад и вперёд, как ныряльщик, готовящийся прыгнуть с

пятнадцатиметровой вышки. Потом под взглядами всех присутствующих, он глубоко вздохнул и переступил черту.

На долю секунды Гарри показалось, что план удался. Джорджу видимо в голову пришла та же мысль, потому что, издав вопль торжества, он прыгнул в круг вслед за Фредом. Но тотчас же раздался громкий шипящий звук, и близнецов вышвырнуло за пределы золотого кольца, как будто они были дисками в руках невидимого метателя. Оба с гулким звуком приземлились футах в десяти от кольца на холодном каменном полу. Но к тому, что они больно ударились, добавилось новая беда: раздался громкий хлопок и у обоих близнецов на лицах выросли длинные белые бороды.

Вестибюль дрогнул от хохота. Даже Фред и Джордж не смогли удержаться от смеха, когда, поднявшись на ноги, они взглянули друг на друга.

— Я вас предупреждал, — весело произнёс позади них низкий голос. Все обернулись и увидели профессора Дамблдора, стоящего в дверях, ведущих в Большой зал. Он рассматривал близнецов смеющимися глазами. — Рекомендую вам навестить мадам Помфри. Она уже занята Мисс

Фосетт из Рэйвенкло и мистером Саммерсом из Хаффлпаффа, которые тоже решили чуть-чуть повзрослеть. Но я вам честно скажу, их бороды сильно уступают вашим!

Фред и Джордж отправились в больничное крыло, сопровождаемые Ли, которому никак не удавалось подавить взрывы хохота. Гарри, Рон и Гермиона, хихикая, отправились завтракать.

Большой зал сегодня был украшен совсем по-другому. В честь Хэллоуина под заколдованным потолком крутилось облако летучих мышей, а во всех концах зала стояли груды тыкв, уставившиеся на них вырезанными глазами на вырезанных лицах. Гарри, а за ним Рон и Гермиона, сели рядом с Дином и Шеймусом, которые обсуждали, кто из семнадцатилетних учеников Хогвартса попытается участвовать в состязании.

— Ходят слухи, что Уоррингтон встал пораньше и сунул в Кубок своё имя, — сказал Дин, — этот громадный парень из Слизерина, похожий на ленивца.

Гарри, который играл в квиддитч против Уоррингтона, с отвращением покачал головой.

— Ещё нам не хватало Чемпиона из Слизерина!

— А весь Хаффлпафф гудит о Диггори, — пре-

зрительно сказал Шеймус, — но я сомневаюсь, что он будет рисковать своей смазливой мордой!

— Послушайте, — перебила их Гермиона.

В вестибюле кого-то приветствовали. Они повернулись к двери и увидели входящую в зал смущённо улыбающуюся Анджелину Джонсон. Высокая темнокожая девушка, нападающая команды Гриффиндора по Квиддитчу, Анджелина плюхнулась на стул рядом с ними и сказала: — Ну вот... я бросила своё имя в Кубок... вот только что...

— Да ты что! — уважительно произнёс Рон.

— Так тебе уже исполнилось семнадцать? — спросил Гарри.

— Естественно, — ответил Рон, — бороды-то на ней нет!

— На прошлой неделе, — ответила Гарри Анджелина.

— Я рада, что Гриффиндорец сделал попытку стать Чемпионом, — сказала ей Гермиона, — я надеюсь, что Кубок выберет тебя, Анджелина!

— Спасибо, Гермиона, — улыбнулась ей Анджелина.

— Ага, лучше ты, чем этот красавчик — Диггори, — сказал Шеймус. Проходящие в этот момент мимо их стола Хаффлпаффцы взглянули на него

очень хмуро.

— Ну, что мы будем сегодня делать? — после завтрака спросил Рон Гарри и Гермиону по дороге из Большого зала.

— Мы ещё не были в гостях у Хагрида, — сказал Гарри.

— Ну ладно, — согласился Рон, — пойдём, если только он не попросит нас принести в жертву Крутонам несколько пальцев с наших рук…

Лицо Гермионы внезапно озарило счастливая улыбка.

— Я только что сообразила, я же ещё не просила Хагрида вступить в З.А.Д.! — с просветлевшим лицом воскликнула она. — Подождите-ка, пока я сбегаю наверх за значками…

— Чего это с ней, — раздражённо сказал Рон, следя глазами за убегающей вверх по мраморным ступенькам Гермионой.

— Эй, Рон, — вдруг сказал Гарри, — вон твоя подружка…

Во входные двери входили Бобатонцы, и среди них девушка-Виила. Толпа вокруг Кубка Огня расступилась и пропустила их, не спуская с них глаз.

Мадам Максим вошла в вестибюль вслед за своими учениками и выстроила их в очередь.

Один за другим Бобатонцы переступали через Возрастную Черту и бросали кусочки пергамента в голубовато-белое пламя. Проглотив пергамент, пламя на мгновение приобретало красный оттенок и испускало рой искр.

— А что будут делать те, которых не выберут в участники, как ты думаешь? — задумчиво сказал Рон, не спуская глаз с девушки-Виилы, которая в эту минуту бросала в пламя своё имя. — Думаешь, они вернутся назад в школу или останутся до конца турнира?

— Понятия не имею, — ответил Гарри, — пожалуй, останутся здесь… мадам Максим ведь будет одним из судей…

Когда последний из Бобатонцев бросил в огонь своё имя, мадам Максим вывела их назад на улицу.

— А где, интересно, они ночуют? — задумчиво сказал Рон, провожая их до входной двери и выглядывая за ними на улицу.

Грохот за его спиной оповестил о прибытии Гермионы и коробки со значками З.А.Д.

— Ну, наконец-то! Пошли скорей, — обрадовался Рон и запрыгал вниз по каменным ступенькам, не спуская глаз с девушки-Виилы, которая вместе с мадам Максим уже была посреди луга.

Когда они добрались до хижины Хагрида на опушке Запретного леса, им открылся секрет местопребывания делегации Бобатона. Огромный светло-голубой экипаж, в котором они прибыли в Хогвартс, стоял метрах в двухстах от двери Хагрида, и Бобатонская группа взбиралась сейчас внутрь по откидной лесенке. Гигантские летающие лошади были выпряжены из упряжи и мирно паслись во временном загоне, построенном рядом с экипажем.

Гарри постучал в дверь Хагрида. Изнутри раздался громогласный лай Клыка.

— Как раз вовремя, — сказал Хагрид, открывая дверь. — Я думал, что вы, ребята, совсем забыли, где я живу!

— Мы были ужасно заняты, Хаг… — начала Гермиона, но вдруг остановилась, безмолвно, уставившись на Хагрида.

Хагрид был наряжен в свой лучший (и абсолютно безобразный) коричневый с ворсом костюм. На шею он повязал галстук в ярко-оранжевую и ярко-жёлтую клеточку. Но это ещё не было самым ужасным. Судя по всем признакам, он пытался прилизать свою буйную шевелюру, не пожалев на это полные пригоршни машинного масла. Результатом его стараний явилась прилизанная

и разделённая на пробор грива, — похоже, он пытался завязать её в хвостик, как у Билла, но не справился со своим невероятно огромным количеством волос. Эта причёска, на самом деле, совершенно ему не шла. Гермиона несколько мгновений дико таращила на него глаза, но, овладев собой и решив проигнорировать его внешний вид, вежливо поинтересовалась: — А-а-а где Крутоны?

— Да у тыквиной грядки, — радостно сообщил ей Хагрид, — они такие огромные сейчас стали, почти по три фута ростом. Только вот что, они жрут друг друга.

— Да что ты говоришь! — воскликнула Гермиона, бросив на Рона устрашающий взгляд. Рон, который до этого безмолвно глядел на своеобразную причёску Хагрида, открыл рот, чтобы что-то ему сказать, но под взглядом Гермионы тут же его закрыл.

— Ага, — печально продолжал Хагрид, — но ничего, я их поселил в разных контейнерах. У меня ещё штук двадцать осталось.

— Какое счастье! — воскликнул Рон, но Хагрид не заметил иронии.

Хижина Хагрида состояла из одной-единственной комнаты, в углу которой помещалась

огромнейшая кровать, покрытая лоскутным одеялом. Перед камином стоял громадный стол и стулья. С потолка над столом свешивались связки вяленой ветчины и дичи. Они уселись за стол, а Хагрид принялся заваривать чай. Разговор сразу же перешёл на Турнир Трёх Волшебников. Хагрид пребывал в таком же восторге, как и они.

— Вы погодите, — ухмыльнулся он, — вы только погодите! Вы такое увидите, какого никогда еще не видели. Первое задание… ой, я ни могу вам это сказать…

— Ну скажи нам, ну пожалуйста, Хагрид! — хором умоляли его Гарри, Рон и Гермиона, но от только покачал головой и улыбнулся.

— Я не хочу вам испортить удовольствие, — сказал он, — но все будет потрясающе! Я вам точно говорю! Они, Чемпионы эти, тяжело им, беднягам, придётся. Не думал не гадал, что доживу до Турнира Трёх Волшебников!

Они засиделись у Хагрида так долго, что остались на обед, но почти ничего не съели. Хагрид угостил их блюдом домашнего приготовления, которое он преподнёс им, как мясное жаркое, но, когда Гермиона извлекла из своей тарелки огромный коготь, у неё, Гарри и Рона испортился аппетит. Но они всё же хорошо провели время,

стараясь выудить из Хагрида, в чём именно будут заключаться задания турнира, пытаясь отгадать, кого выберут Чемпионами и, размышляя о том, удалось ли уже Фреду и Джорджу избавиться от своих бород.

После полудня пошёл мелкий, моросящий дождь. Сидеть у огня, прислушиваясь к каплям дождя, легонько барабанящим по окнам, было очень уютно. Хагрид штопал носки и спорил с Гермионой о судьбе домовых — он наотрез отказался вступить в З.А.Д.

— Это было бы нехорошо по отношению к ним — хмуро сказал он, вдевая толстую жёлтую нитку в массивную костяную иглу. — Это натура у них такая, смотреть за людьми, они это любят. Они будут несчастны, если ты у них отнимешь их работу, оскорбишь их, если попытаешься платить им.

— Но когда Гарри освободил Добби, Добби был до смерти счастлив, — сказала Гермиона, — и, мы слышали, что теперь он требует оплату за свою работу!

— Ну да, ну да, в семье не без урода! Я не говорю, что нет таких домовых, которые б не хотели быть свободными, но ты не сможешь убедить большинство, да ни за что, Гермиона!

Гермиона с недовольным видом запихала свою жестянку в карман мантии.

В половине пятого начало темнеть. Гарри, Рон и Гермиона решили, что настал час направиться назад в замок на пир, посвящённый Хэллоуину и, самое главное, на объявление Чемпиона Хогвартса.

— Я тоже пойду, — сказал Хагрид, отложив свою штопку, — только дайте мне минутку.

Хагрид поднялся, направился к комоду, стоящему у его кровати и начал рыться в ящиках. Гарри, Рон и Гермиона не обращали на него никакого внимания, пока им в нос не ударил совершенно омерзительный запах. Закашлявшись, Рон выдавил из себя: — Хагрид, что это?

— А? — переспросил Хагрид, — повернувшись к ним лицом. В руках у него была огромная бутыль. — Вам не нравится?

— Это — лосьон для бритья? — прерывающимся голосом осведомилась Гермиона.

— Не, это… одеколон, — пробормотал Хагрид и покраснел. — Может, многовато налил? — хриплым голосом засомневался он. — Сейчас сотру. Погодите маленько.

Тяжело ступая, он вышел из хижины и стал оттираться водой из бочки.

— Одеколон? — повторила изумлённая Гермиона. — Хагрид?

— А причёска? А костюм? — прошептал Гарри.

— Смотрите-ка! — вдруг сказал Рон, указывая на окно.

Хагрид уже не мылся. Он стоял, повернув голову так, что им было видно его лицо. И это лицо полыхало огнём. На цыпочках, чтобы не быть замеченными Хагридом, Гарри, Рон и Гермиона подобрались к окну и осторожно выглянули наружу. Они увидели, что мадам Максим, сопровождаемая своими учениками, только что выбралась из экипажа. Бобатонцы тоже собирались на пир. Им не было слышно слов, которые говорил ей Хагрид, но они хорошо видели его подёрнутые влагой глаза, с восхищением на неё взирающие. — Такими глазами, — подумал Гарри, — Хагрид смотрел только один раз и только на одно существо: на дракончика Норберта.

— Он пошёл с ней в замок! — возмущённо воскликнула Гермиона, — а я-то думала, что он собирается идти с нами!

Даже не оглянувшись назад на хижину, где его ждали Гарри, Рон и Гермиона, Хагрид поплёлся вместе с мадам Максим к замку, а за ними по пятам, полубегом следовали Бобатонцы, еле по-

спевая за их огромными шагами.

— Он к ней неровно дышит! — в замешательстве произнёс Рон. — Представляете, если у них родятся дети, они побьют все рекорды! Каждое их дитя будет, наверно, весить тонну!

Они вышли из хижины, захлопнув за собой дверь. На улице очень быстро темнело. Плотно закутавшись в плащи, они заспешили к замку по поросшим травой холмам.

— Ой, это они — смотрите! — прошептала Гермиона.

От озера к замку шагала делегация Дурмштранга. Виктор Крам шёл рядом с Каркаровым, а остальные пыхтели позади них. Рон уставился на Крама, но тот, не оборачиваясь, вошёл во входные двери, прямо перед носом Гарри, Рона и Гермионы.

Когда они прибыли в залитый огнями свечей Большой зал, там уже было полно народу. Кубок Огня передвинули, и теперь он стоял перед местом Дамблдора на столе преподавателей. Фред и Джордж, вновь безбородые, казалось, смирились со своим поражением.

— Я надеюсь, что выберут Анджелину, — сказал Фред, усаживающимся рядом с ним Гарри, Рону и Гермионе.

— Я тоже! — согласилась запыхавшаяся Гермиона. — Но мы уже совсем скоро узнаем!

Казалось, что праздничный пир продолжался сегодня до бесконечности!

Возможно, потому что в течение двух дней они пировали дважды, Гарри не обращал никакого внимания на изысканно приготовленные блюда, которым, в обычный день, он уделил бы своё неотъемлемое внимание. Судя по тому, что то там, то здесь кто-нибудь вытягивал шею, нетерпеливо поглядывал на стол преподавателей, ёрзал на стуле или вставал с места, чтобы проверить, закончил ли трапезу Дамблдор, весь зал не мог дождаться, когда закончится пир, тарелки очистятся и Чемпионы, наконец, будут названы.

Наконец золотые блюда вновь засверкали чистотой и в зале зашумели. Но шум мгновенно прекратился, как только Дамблдор поднялся со своего места. Профессор Каркаров справа от Дамблдора, а мадам Максим по его левую руку, выглядели такими же взволнованными, как и их подопечные. Людо Бэгман сиял и подмигивал то тому, то другому ученику. С другой стороны, мистер Крауч не проявлял к происходящему никакого интереса — у него, скорее, был довольно скучающий вид.

— Итак, Кубок почти что готов принять решение, — произнёс Дамблдор, — по моим подсчётам ему необходима ещё одна минута. Теперь так, когда Чемпионов назовут, они должны будут подойти к столу преподавателей, пройти мимо него и выйти из зала в соседнюю комнату (он указал рукой на дверь позади своего стола), где они получат первоначальные инструкции.

Он вытащил свою волшебную палочку и широким взмахом обвёл ею зал. Тотчас же все свечи, за исключением свечей внутри тыкв, потухли. Зал погрузился в полутьму. Самым светлым пятном теперь оказался Кубок Огня, его блистающее, яркое, голубовато-белое пламя, практически, обжигало глаза. Все молча ждали… То там, то здесь присутствующие нервно поглядывали на часы.

— Вот-вот начнётся! — прошептал Ли Джордан, сидящий неподалёку от Гарри.

Пламя в Кубке внезапно обрело красный цвет, рассыпалось искрами и выплюнуло в воздух обгорелый кусочек пергамента. Весь зал ахнул.

Дамблдор поймал этот кусочек и, держа его в вытянутой руке, чтобы под светом пламени, которое вновь превратилось в голубовато-белое, прочитать написанное на нём имя.

— Чемпионом Дурмштранга, — произнёс он

сильным и чистым голосом, — будет Виктор Крам.

— Никто ничего другого, естественно, и не ожидал, — кричал Рон в буре аплодисментов и радостных возгласов, разразившихся в зале. Гарри смотрел, как Виктор Крам поднялся со своего места за столом Слизерина и, сутулясь, направился к Дамблдору, повернул направо, прошёл мимо стола преподавателей и исчез за дверью соседней комнаты.

— Браво, Виктор! — кричал Каркаров так громко, что его голос перекрикивал гром аплодисментов. — Я знал, что в тебе это было заложено!

Хлопки и крики, наконец, утихли. Теперь все опять повернулись к пламени в Кубке, которое, через мгновение, опять загорелось алым цветом и выплюнуло второй кусочек пергамента.

— Чемпион Бобатона, — объявил Дамблдор, — Флёр Делакур!

— Это она, Рон! — кричал Гарри, когда девушка, очень напоминающая Виилу, грациозно поднялась со стула, откинула назад копну серебристых волос, и проплыла между столами Рэйвенкло и Хаффлпаффа.

— О, посмотрите, они все разочарованы! — среди поднявшегося гвалта произнесла Гермиона,

кивая на делегацию Бобатона.

«Разочарованы» — слишком мягко сказано, — подумал Гарри. Две девочки, которых не выбрали в Чемпионы, залились слезами. Они сидели и плакали, закрыв лица руками.

Когда Флёр Делакур тоже исчезла в соседней комнате, снова наступила тишина. В зале повисло такое напряжение, что казалось, его можно было разрезать ножом. Следующим был Чемпион Хогвартса…

И Кубок вновь сверкнул красным огнём, брызнул искрами, высунул огненный язык высоко в воздух и с кончика этого языка Дамблдор снял третий кусочек пергамента.

— Чемпион Хогвартса, — провозгласил он, — Седрик Диггори!

— Не может быть! — во весь голос отчаянно проговорил Рон, но, кроме Гарри его никто не услышал. Все звуки потонули в воплях с соседнего стола.

Все, без исключения, Хаффлпаффцы вскочили на ноги. Они кричали, топали ногами, прыгали и хлопали, пока Седрик вставал из-за стола, широко улыбаясь. Он прошёл мимо них к столу преподавателей и направился в комнату, куда до этого уже вошли Виктор и Флёр. Седрику хлопали так

долго, что прошло довольно много времени перед тем, как Дамблдору удалось снова привлечь к себе внимание.

— Изумительно! — радостно провозгласил Дамблдор, перекрикивая стихающую толпу, — итак, у нас есть три Чемпиона! Не сомневаюсь, что я могу рассчитывать на всех вас, включая учеников Бобатона и Дурмштранга, в полной и абсолютной поддержке наших Чемпионов! Подбадриванием Чемпионов вы внесёте вклад в…

Но Дамблдор внезапно запнулся. Всему залу было ясно, что остановило его.

Пламя в Кубке опять заалело. Из него во все стороны летели искры. Длинный язык пламени внезапно лизнул воздух, держа на своём кончике ещё один кусочек пергамента.

Совершенно механически Дамблдор протянул руку и взял с огня этот кусочек. Он вытянул руку с пергаментом и уставился на него. Наступила длинная пауза. Дамблдор смотрел на кусочек пергамента, а все присутствующие смотрели на Дамблдора. Но наконец, Дамблдор прочистил горло и прочёл написанное на пергаменте имя:

— Гарри Поттер.

17. Четыре Чемпиона

Гарри сидел, мучительно сознавая, что на него устремлены все глаза в Большом зале. Он был в шоке… Он оцепенел… Не может быть… Ему это снится… Он просто ослышался…

Аплодисментов не последовало, воздух наполнился жужжанием, как будто вспугнули пчелиный рой. То там, то здесь вверх тянулись шеи, чтобы получше рассмотреть Гарри, застывшего на месте.

Профессор МакГонагалл вскочила с места, промчалась мимо Людо Бэгмана и профессора Каркарова напрямик к Дамблдору и что-то жарко зашептала ему на ухо. Дамблдор, нахмурившись, слушал её, склонив голову.

Гарри повернулся к Рону с Гермионой, позади которых весь стол Гриффиндора глазел на него разинув рты.

— Я не вносил в Кубок своего имени, — ошалело произнёс он, — вы же знаете, что не вносил.

Рон с Гермионой так же ошалело смотрели на него.

За учительским столом профессор Дамблдор

выпрямился и кивнул профессору МакГонагалл,

— Гарри Поттер! — вновь позвал он. — Гарри, будь любезен, подойди к нам, пожалуйста.

— Иди, Гарри, — прошептала Гермиона и слегка подтолкнула его в спину.

Гарри поднялся с места. Путаясь в полах мантии, заплетающимися ногами он отправился в бесконечный путь к учительскому столу между столами Гриффиндора и Хаффлпаффа. Этот стол, казалось, с каждым его шагом не приближался к нему ни на сантиметр. Он чувствовал на себе взгляды сотен глаз, ослепляющих его, как прожекторы. Жужжание становилось всё громче. Наконец, после, казалось, доброго часа ходьбы, он предстал перед Дамблдором, всем своим существом ощущая на себе сверлящие взгляды преподавателей.

— Ну что ж, Гарри, в боковую комнату… — Дамблдор не улыбался.

Гарри двинулся мимо учительского стола. Примостившийся в конце стола Хагрид не проявил по отношению к нему никаких признаков своей обычной доброжелательности. Он не подмигнул ему, не помахал рукой и ни коим образом не поприветствовал его, а продолжал сидеть с ошарашенным лицом и глазеть на него, как и

все остальные преподаватели. Гарри вошёл в дверь позади учительского стола и оказался в небольшой комнате, увешенной портретами колдунов и колдуний. В камине напротив весело пылал огонь.

Люди на картинах повернули головы, чтобы взглянуть на вошедшего. Сморщенная и сухая колдунья выпорхнула из своего портрета и впорхнула в соседний, на котором обитал маг с длинными висячими усами. Колдунья поспешно принялась что-то нашёптывать на ухо магу.

У огня расположилась живописная группа, состоящая из Виктора Крама, Седрика Диггори и Флёр Делакур. Их силуэты выразительно вырисовывались на фоне пылающего огня. Ссутулившийся и насупившийся Крам примостился в стороне от Седрика и Флёр, прислонившись к каминной полке. Седрик, сплетя за спиной пальцы рук, глядел в огонь, а Флёр, оглянулась на звук открываемой двери и откинула с лица копну длинных серебристых волос.

— В чём дело? — спросила она. — Нас зовут назад в зал?

Она решила, что Гарри послали к ним с каким-то сообщением. А Гарри не знал, как объяснить им, что только что произошло. Он молча стоял

и глядел на трёх Чемпионов, внезапно заметив, какие они высокие.

Позади него раздался звук быстрых шагов и в комнату влетел Людо Бэгман. Он взял Гарри под локоть и повёл его к камину.

— Из ряда вон выходящее событие! — пробормотал он, крепко держа Гарри за локоть. — Совершенно и полностью экстраординарное! Господа… дама, — добавил он, приближаясь к камину и обращаясь к стоящей там троице, — позвольте мне представить вам, как бы то ни казалось невероятным — четвёртого Чемпиона Хогвартса!

Виктор Крам выпрямился, его хмурое лицо потемнело ещё больше, когда он бросил на Гарри быстрый взгляд. Седрик, казалось, пришёл в полное замешательство. Он перевёл глаза с Бэгмана на Гарри, а потом вновь на Бэгмана, как будто пытаясь увериться, что ослышался. Одна Флёр Делакур, откинув назад волосы, улыбнулась и сказала: — Ошень остррроумно, мсье Бэгман.

— Остроумно? — в замешательстве повторил Бэгман. — Но я не шучу! Имя Гарри только что выдал Кубок Огня.

Крам слегка сдвинул нависшие брови, Седрик продолжал стоять с застывшим на лице вежливо-удивлённым выражением, а Флёр нахмурилась.

— Но ошевидно прроизошла ошибка, — презрительно проговорила она, — он не сможит прринят ушастьа в сорревнованиа. Он — слишком маленький!

— Н-да… Это, действительно, просто из ряда вон! — проговорил Бэгман, поглаживая чисто выбритый подбородок и одаряя Гарри улыбкой. — Но вам, конечно, известно, что возрастное ограничение было введено в этом году впервые в качестве дополнительной меры безопасности. И поскольку его имя вылетело из Кубка… то есть я хочу сказать, что теперь уже некуда деваться… Так в правилах и написано: он обязан… Гарри просто придётся приложить все усилия…

Но тут дверь снова отворилась и в комнату вошла большая группа людей. Шествие возглавлял Дамблдор, а за ним по пятам следовали мистер Крауч, профессор Каркаров, мадам Максим, профессор МакГонагалл и профессор Снейп. Из раскрытой двери донеслось жужжание сотен голосов сидящих там учеников.

— Мадам Максим! — взволнованно проговорила Флёр, направляясь к своей директрисе. — Они говоррят, что этот малиш тоже будет участвовать в состязании?!

Несмотря на оцепенение, которое притупило

все чувства Гарри, эти слова задели его. Малыш?!

Мадам Максим выпрямилась во весь свой внушительный рост. Макушка её красивой головы задевала люстру с горящими в ней свечами, а огромная, обтянутая чёрным атласом грудь вздымалась.

— Что прроисходит, Дамблидорр? — повелительно вопросила она.

— Я бы тоже хотел это знать, — вторил ей профессор Каркаров. Его лицо застыло в стальной улыбке, а голубые глаза превратились в кусочки льда. — Два Чемпиона Хогвартса? Не припоминаю, чтобы меня кто-нибудь когда-либо информировал о том, что школе хозяев разрешается выставить двух Чемпионов, но может быть, я просто недостаточно внимательно прочитал правила?

И он издал короткий и мерзкий смешок.

— C'est impossible, — произнесла мадам Максим, положив огромную руку, пальцы которой были унизаны великолепными опалами, на плечо Флёр, — Огвартс не может выставит двух Чемпионов! Это неспрраведливо!

— Мы рассчитывали, что Ваша Возрастная черта не пропустит к Кубку несовершеннолетних претендентов, Дамблдор, — продолжал Каркаров

с застывшей на лице стальной улыбкой. Его глаза были ещё холоднее, чем обычно. — В противном случае мы бы привезли с собой более широкий контингент кандидатов.

— И виноват в этом один Поттер, Каркаров, — тихо произнёс Снейп, сверкая горящими от злости глазами, — не вини Дамблдора в том, что Поттер всегда рвётся нарушать правила. С момента его прибытия в школу он всё время суётся, куда не следует…

— Благодарю вас, Северус, — твёрдо сказал Дамблдор и Снейп запнулся, но его глаза недобро поблёскивали из-под копны сальных чёрных волос.

Профессор Дамблдор взглянул с высоты своего роста вниз на Гарри. Гарри не отвёл взгляда, пытаясь разгадать выражение глаз за очками полумесяцем.

— Гарри, ты положил своё имя в Кубок Огня? — спокойно спросил Дамблдор.

— Нет, — быстро ответил Гарри. Он остро ощущал на себе взгляды всех присутствующих. Стоящий в тени Снейп фыркнул с раздражённым и недоверчивым видом.

— Ты попросил кого-либо из старшеклассников положить в Кубок твоё имя? — продолжал

вопрошать Дамблдор, не обращая внимания на Снейпа.

— Нет! — с силой сказал Гарри.

— Да он, безусловно же, лжёт! — вмешалась мадам Максим. Снейп, скривив рот, тряхнул головой.

— Но, несомненно, мы все согласны, что сам он не мог переступить через Возрастную черту, — резко вмешалась профессор МакГонагалл.

— Дамблидорр ошевидно сделал ошибку с этой шерртой, — пожала плечами мадам Максим.

— Всё возможно, — галантно отозвался Дамблдор.

— Дамблдор, вы прекрасно знаете, что не сделали никаких ошибок! — гневно сказала профессор МакГонагалл. — Что за ерунда! Гарри не мог сам переступить Черту, а поскольку профессор Дамблдор верит ему, что он не просил никого из старшеклассников за него это сделать, то и вы все должны ему верить!

И она бросила в сторону профессора Снейпа разъярённый взгляд.

— Мистер Крауч… мистер Бэгман, — проговорил Каркаров своим обычным елейным голосом, — рассудите нас объективно! Вы же должны согласиться, что происшедшее не вписывается

ни в какие рамки?!

Бэгман протёр своё круглое мальчишечье лицо носовым платком и взглянул на стоящего в полутьме мистера Крауча, на лицо которого не попадал льющийся из камина свет. Полутьма жутко исказила это лицо, уподобляя его старческому, и придала ему чуть ли не черепообразный вид. Но когда он заговорил, его слова звучали, как обычно: резко и отрывисто.

— Мы должны следовать правилам, а в правилах ясно постулировано, что те, чьи имена выходят из Кубка, обязаны принимать участие в турнире.

— Н-да… Барти вызубрил правила от корки до корки, — просиял Бэгман, поворачиваясь к Каркарову и мадам Максим с таким видом, словно вопрос исчерпан.

— Я настаиваю на том, чтобы вновь внести в Кубок имена своих учеников, — проговорил Каркаров. Елейность испарилось из его голоса, а с губ сошла улыбка. Его лицо теперь приобрело поистине гадкое выражение. — Вы вновь установите Кубок Огня и мы будем бросать туда имена, пока в каждой школе не будет по два Чемпиона. Чтобы всё было по-справедливому, Дамблдор!

— Но, Каркаров, из этого ничего не выйдет, —

вмешался Бэгман, — Кубок погас и не зажжётся до начала следующего турнира…

— …в котором Дурмштранг, скорее всего, не станет принимать участия! — взорвался Каркаров. — После всех наших встреч, переговоров и компромиссов я не ожидал такого рода сюрпризов! И я серьёзно подумываю о том, чтобы сейчас же вернуться назад!

— Пустые угрозы, Каркаров! — прорычал донёсшийся от дверей голос. — Ведь ты же не оставишь здесь своего Чемпиона одного-одинёшеньку. А он-то обязан участвовать в турнире. Они все обязаны участвовать. Магически обязывающий контракт, точно, как сказал Дамблдор. Очень на руку, а?

Хмури только что вошёл в комнату и, хромая, направился к камину. Его правая нога громко бряцала, соприкасаясь с полом.

— На руку кому? — переспросил Каркаров, — прости, но ты о чём, Хмури?

Гарри было ясно, что Каркаров пытался придать своему голосу презрительный оттенок, как будто на слова Хмури вообще не стоило обращать внимания, но его выдали руки, которые непроизвольно сжались в кулаки.

— О чём? — тихо сказал Хмури. — Да очень про-

сто, Каркаров! Кто-то внёс в Кубок имя Поттера, прекрасно сознавая, что, если оно выскочит, то Поттеру придётся участвовать в турнире.

— Ошевидно кто-то пожелал удвоит шансы Хогвартса на победу, — предположила мадам Максим.

— Совершенно и полностью согласен с вами, мадам, — отвесил ей поклон Каркаров, — и я подам жалобу в министерство магии и в Международную Конфедерацию Волшебников…

— Если кому и надо жаловаться, так это Поттеру, — прорычал Хмури, — но… вот что интересно… он-то почему-то молчит…

— А на штё эму жаловаться? — взорвалась Флёр Делакур, топнув ногой, — он получил шанс участвовать, не так ли? Ми все неделями надеялис быт выбранными. Такая шесть для школи! И приз в тысяшу галлеонов в придашу! — такой шанс — льюди душу били готови отдат!

— Вот то-то я и думаю, что кто-то надеется, что Поттер и отдаст за это душу, — с едва уловимой хрипотой в голосе сказал Хмури.

В ответ наступила напряжённая тишина. Но, наконец, чрезвычайно взволнованный Людо Бэгман, слегка переминаясь с носков на пятки, выдавил из себя: — Хмури, старик, ты чего это

такое говоришь?!

— А то, что всем известно: Хмури считает, что утро пошло насмарку, если к обеду он не раскроет как минимум шесть заговоров о покушении на свою жизнь! — во весь голос провозгласил Каркаров. — И, насколько я знаю, он и учеников своих обучает постоянно опасаться покушений на их жизнь. Необычная черта характера для преподавателя Защиты от Тёмных искусств, Дамблдор, но, без сомнения, у вас были на то веские причины!

— Я всё придумываю, а? — прорычал Хмури. — Мне всё мерещится, а? Тот колдун или колдунья, которые внесли в Кубок имя Поттера, хорошо знали своё дело…

— И какие у вас ест доказателства? — воскликнула мадам Максим, всплеснув своими огромными руками.

— Да такие, что они обдурили такой мощный волшебный предмет! — ответил Хмури. — Им нужно было сотворить сильнейшее заклинание Конфундус, чтобы вконец оболванить Кубок и заставить его забыть, что в соревновании принимают участие только три школы… Я так думаю, что они внесли имя Поттера, как представителя четвёртой школы, чтобы точно знать, что он

будет единственным в этой категории…

— Похоже, ты всё это тщательно обдумал, Хмури, — холодно произнёс Каркаров, — и придумал чрезвычайно оригинальную теорию, хотя, конечно, я слыхал и такое, что совсем недавно ты вдребезги разбил один из подарков к своему дню рождения потому, что вбил себе в голову, что кто-то искусно запрятал туда яйцо василиска. И только позже до тебя дошло, что это были обыкновенные экипажные часы. Так что, ты не обидишься, если мы не станем воспринимать всерьёз твои измышления…

— Да, мне-то известно, что есть такие типы, которые готовы воспользоваться любым самым безобидным случаем для достижения своих целей, — угрожающе отпарировал Хмури, — такая у меня работа — следовать логике Тёмных Магов, и кто-кто, а ты — Каркаров, должен это помнить.

— Аластор! — предостерегающе, воскликнул Дамблдор.

— К кому это он обращается? — недоумённо подумал Гарри, но тут же сообразил, что вряд ли «Дикий глаз» — настоящее имя Хмури. «Дикий глаз» послушно замолчал, но с явным удовольствием продолжал поглядывать на вспыхнувшее лицо Каркарова.

— Как это произошло — мы не знаем, — обратился к присутствующим Дамблдор, — но, похоже, что у нас нет выбора: оба они — Седрик и Гарри были выбраны Кубком, и поэтому они оба должны будут принимать участие в турнире…

— О-о! Но, Дамблидорр…

— Моя дорогая мадам Максим, если вы сможете предложить более приемлемый вариант, я с огромным удовольствием выслушаю ваше предложение!

И Дамблдор замер в ожидании ответа, но мадам Максим молчала, продолжая сверлить его злым взглядом. И не она одна. Снейп был явно разъярён, Каркаров кипел — у одного Бэгмана был радостно-возбуждённый вид.

— Ну так что, тогда расколемся? — широко улыбаясь и потирая руки, произнёс он. — Надо ж проинструктировать Чемпионов, а? Барти, сочти за честь…

У Крауча был такой вид, как будто он только что очнулся от глубокого сна.

— Да-да… инструкции… да… первое задание…

И он ступил в полосу света. Озарившееся каминным пламенем лицо Крауча показалось Гарри нездоровым. Под глазами лежали тёмные круги, а испещрённая морщинами кожа была

тонкой и белой, как бумага. Он выглядел гораздо хуже, чем на Кубке мира по квиддитчу.

— Первое задание — на отвагу, — сообщил он четырём чемпионам, — поэтому мы вам заранее не сообщим, в чём оно будет заключаться. Храбрость перед лицом неизвестной опасности — чрезвычайно важное для мага качество… чрезвычайно важное…

— Это первое испытание состоится двадцать четвёртого ноября, и вы будете проходить его перед лицом всех учащихся школы и коллегии судей. Чемпионам не разрешается просить помощи у преподавателей. Чемпионам запрещается принимать от преподавателей какую бы то ни было помощь в целях выполнения поставленного перед ними задания. Единственным орудием, которое будет позволено иметь при себе Чемпионам, являются волшебные палочки. Информацию о втором задании Чемпионы получат по окончанию первого. В связи с тем, что участие в турнире требует огромного вложения сил и времени, Чемпионы освобождаются от годовых экзаменов.

Мистер Крауч повернулся к Дамблдору:

— По-моему — всё, Альбус?

— По-моему — тоже, — ответил Дамблдор, с участием поглядывая на Крауча. — Барти, ты

точно не останешься сегодня переночевать в Хогвартсе?

— Не останусь, Дамблдор. Мне необходимо вернуться в министерство, — ответил мистер Крауч, — у нас сейчас тяжёлые времена и очень много работы… Я оставил за себя юного Уизерби… Полон энтузиазма, этот Уизерби… хотя, иногда — чересчур, по правде сказать…

— Но ты хоть не откажешься от рюмочки на дорогу? — спросил Дамблдор.

— Давай, Барти, оставайся! Я остаюсь… — вмешался сияющий Бэгман, — Тут в Хогвартсе жизнь сейчас бьёт ключом, не то, что у нас в конторе!

— Не могу, Людо, — сказал Крауч. В его голосе прозвучали привычные нетерпеливые нотки.

— Профессор Каркаров, мадам Максим, а вы, по рюмочке, чтоб лучше спалось? — предложил Дамблдор.

Но мадам Максим, обняв за плечи Флёр, уже уводила её из комнаты назад в Большой зал. До Гарри долетели отрывки их торопливой французской речи. Каркаров позвал Крама и они также поспешно, но молча покинули комнату.

— Гарри, Седрик, и вам тоже следует ложиться спать, — улыбнулся им Дамблдор, — уверен, что Гриффиндор и Хаффлпафф ждут вас, чтобы

вместе с вами отпраздновать это событие. Не стоит лишать их такого замечательного повода перевернуть всё вверх ногами и хорошенько побалаганить.

Гарри взглянул на Седрика, который в ответ кивнул ему головой и оба вышли из комнаты.

В Большом зале уже не было ни души, свечи почти догорели, придавая беззубым мерцающим улыбкам на лицах тыкв жуткое выражение.

— Ну вот, — сказал Седрик с лёгкой улыбкой, — выходит, что мы опять противники в этой игре!

— Выходит так, — согласился Гарри. Он не нашёлся, что ещё сказать. В голове его был полный сумбур.

— Ну, так ты мне расскажешь, — спросил Седрик на выходе в вестибюль, который сейчас, когда из него вынесли Кубок Огня, был освещён лишь светом факелов, — как же всё-таки ты умудрился внести в Кубок своё имя?

— Я не вносил его, — сказал поражённый Гарри, — я не вносил! Я сказал правду!

— А-а… ну что ж, — пробубнил Седрик. Гарри было совершенно очевидно, что Седрик ему не поверил. — Ну что ж… тогда пока…

Вместо того, чтобы направиться вверх по мраморной лестнице, Седрик вышел в дверь направо

от неё. До Гарри донёсся звук шагов Седрика, спускающегося по каменным ступеням. Наконец и Гарри сдвинулся с места и побрёл вверх по мраморной лестнице.

Поверит ли ему кто-нибудь, кроме Рона и Гермионы, или все будут считать, что он как-то умудрился внести в Кубок своё имя? И как они могли подумать, что он способен на такое безумие, когда ему надо будет соревноваться с людьми, которые получили на три года больше волшебного образования, когда ему теперь надо будет участвовать в задании, в котором он будет рисковать жизнью, да ещё и на глазах сотен людей! Естественно, он думал об этом… он фантазировал, но не всерьёз же… просто, была такая невинная мечта… И он ни на минуту и не думал всерьёз участвовать в турнире…

Но кто-то подумал за него… кто-то хотел, чтобы он участвовал и внёс его имя. Зачем? Побаловать его? Почему-то ему думалось, что тому была другая причина…

Кто-то хотел, чтобы он опозорился перед всеми? Н-да, если так, то их желание скорей всего исполнится…

Или… кто-то замышлял убить его?!

Была ли эта идея обычной паранойей Хмури?

Может, это просто был розыгрыш? Кто-то просто хотел подшутить над Гарри, для этого и сунул его имя в Кубок? Или, действительно, был кто-то, кто желал ему погибели?

Ему не нужно было долго искать размышлять в поисках ответа на свой вопрос. Да, кто-то желал ему погибели: тот, кто пытался убить его с тех пор, как он был годовалым ребёнком… Лорд Волдеморт. Но как же он мог подстроить, чтобы имя Гарри попало в Кубок? Ведь, вроде бы, Волдеморт был далеко от Хогвартса, в какой-то заморской стране, прячась от всех, один… слабый, лишённый волшебных сил…

Всё так, но в том сне, после которого он проснулся от боли в шраме, с Волдемортом кто-то был… Он разговаривал с Червехвостом… замышляя убийство Гарри…

Но тут, к своему изумлению, Гарри обнаружил, что стоит перед Толстой Дамой. Он и не заметил, как его ноги сами привели его сюда. Удивительно было и то, что сейчас Толстая Дама была не единственной обитательницей своего портрета. Рядом с ней с самодовольным видом восседала сухая и морщинистая колдунья, которая кинулась в соседний портрет, когда Гарри вошёл в боковую комнату. Она, очевидно, промчалась по

всем портретам, украшающим стены семи лестниц, чтобы опередить Гарри. И теперь обе дамы с превеликим интересом взирали на Гарри.

— Ну и ну! — проговорила Толстая Дама. — Виолетта только что мне всё рассказала. Ну, так кто же только что был выбран в Чемпионы школы?

— Галиматья, — тупо ответил ей Гарри.

— Вовсе нет! — возмутилась бледнолицая колдунья.

— Да, нет, Ви, это просто пароль! — успокоила её Толстая Дама и развернулась на шарнирах, чтобы пропустить Гарри.

Звуковая волна, ударившая Гарри в уши, чуть не сбила его с ног. Не успел он оглянуться, как его втащила в комнату добрая дюжина рук и поставила перед толпой Гриффиндорцев, дружно ему аплодирующих, присвистывающих и кричащих во весь голос.

— Чего же ты не сказал нам, что внёс в Кубок своё имя, — орал Фред; раздражение на его лице смешалось с глубоким уважением.

— Как же ты умудрился переступить Черту, не заработав бороды? Просто гениально! — ревел Джордж.

— Я ничего не делал, — начал Гарри, — я не знаю, как…

Но тут на него налетела Анджелина: — Ну, если не я, так хотя бы Гриффиндорец!

— Эй, Гарри, теперь ты сможешь отплатить Диггори за тот последний квиддитчный матч! — визжала Кэти Белл, вторая Охотница Гриффиндора.

— Гарри, мы притащили жратву, хочешь есть?

— Нет, я наелся на пиру…

Но никого не интересовало, что он сыт, никто не желал слушать, что он не вкладывал своего имени в Кубок, ни одна живая душа не заметила, что у него не было настроения праздновать… Ли Джордан откуда-то раскопал Гриффиндорское знамя и чуть ли не насильно повязал его на Гарри, как мантию. Как ни пытался Гарри, ему никак не удавалось сбежать. Каждый раз, когда он делал попытку пробраться к лестнице, ведущей в спальни, толпа вокруг него смыкалась, подливая ему ещё Ирисэля, запихивая в руки чипсы и орехи… Все умирали от любопытства узнать, как ему удалось обхитрить Возрастную черту Дамблдора и положить в Кубок своё имя…

— Я ничего не делал, — вновь и вновь повторял он, — я не знаю, как это произошло!

Но на его слова обращали ровно столько внимания, как если бы он вообще не раскрывал рта.

Спустя полчаса он не выдержал и закричал

во весь голос: — Я устал! Правда, Джордж, я иду спать!

Больше всего на свете он хотел разыскать Рона и Гермиону, единственных не свихнувшихся людей, но их нигде не было видно. Упрямо повторяя, что он до смерти хочет спать и чуть не раздавив маленьких братьев Криви, которые сделали отчаянную попытку устроить ему засаду прямо под лестницей, Гарри удалось отбросить окружающую его толпу и пулей взлететь вверх по лестнице.

К своему великому облегчению он увидел, Рона, лежащего на кровати прямо в одежде. Кроме него в комнате никого не было. Рон поднял глаза при звуке захлопнутой двери и взглянул на вошедшего Гарри.

— Где же ты был? — спросил Гарри.

— А… привет… — ответил Рон.

Он ухмыльнулся какой-то необычной натянутой улыбкой. Гарри вдруг понял, что не снял с себя алого Гриффиндорского знамени, которое накинул на него Ли. Он попытался стянуть его, но не мог справиться с сильно затянутыми узлами. Рон не сдвинулся с места и продолжал лежать, не сводя глаз с Гарри, пытающегося развязать узлы.

— Что ж, — сказал он, когда Гарри наконец-то

удалось сорвать с себя знамя, которое он швырнул в угол, — прими мои поздравления.

— О чём ты? Какие поздравления? — поразился Гарри, глядя на Рона. Положительно, в его улыбке было что-то не то… Гримаса, скорее, а не улыбка…

— А как же! Никому другому не удалось переступить через Возрастную черту, — ответил Рон, — даже Фреду и Джорджу… Так как ты это сделал? Под Плащом-невидимкой?

— Плащ-невидимка не помог бы мне перейти Черту, — медленно произнёс Гарри.

— Ах, да… я думаю, ты бы мне сказал, если бы пролез туда под Плащом-невидимкой… Потому что мы бы оба под ним поместились… Как-то по-другому, но как?

— Послушай, я не вкладывал своего имени в Кубок, — сказал Гарри, — кто-то сделал это за меня.

Рон приподнял брови.

— И зачем этот кто-то другой это сделал?

— Понятия не имею, — ответил Гарри. Он хотел сказать: — Для того, чтобы убить меня, — но не решился, ему показалось, что в данной ситуации это прозвучало бы слишком мелодраматично.

Брови Рона подскочили так высоко, что чуть ни слились с волосами.

— Слушай, мне-то ты можешь сказать правду! — сказал он. — Если ты не хочешь признаваться другим — одно дело, но мне-то, чего ты врёшь? Тебе ведь за это не влетело? Эта подруга Толстой Дамы, Виолетта, она уже всем нам рассказала, что Дамблдор позволил тебе участвовать. Тысяча галлеонов в награду! И в придачу не надо сдавать годовые экзамены!

— Я не вносил в Кубок своего имени! — повторил Гарри. Он почувствовал прилив злости.

— Ну да, ну да… — произнёс Рон таким же недоверчивым тоном, как и Седрик, — но ты же ещё утром сказал, что сделал бы это посреди ночи, чтобы никто тебя не видел… Я же, знаешь, не дурак…

— Но прекрасно дураком прикидываешься! — отрезал Гарри.

— Да? — сказал Рон. Усмешка, искренняя или фальшивая, сползла с его лица, — ложись-ка спать, Гарри. Тебе, наверно, надо будет рано вставать завтра, позировать фотографам, или ещё что-нибудь в том же духе…

И с этими словами он задёрнул полог своей кровати. Красное бархатное полотно стеной отгородило стоящего у двери Гарри от одного из немногих людей, которые, как он думал, обяза-

тельно поверят ему.

18. Проверка волшебных палочек

Проснувшись наутро в воскресенье, Гарри не сразу сообразил, отчего он так обеспокоен и подавлен. Но тут воспоминания о вчерашнем вечере окатили его словно холодный душ. Он рванул занавеску полога с одной мыслью: поговорить с Роном, заставить его поверить… только Рона не оказалось на месте; пустая кровать свидетельствовала о том, что он ушёл завтракать.

Гарри оделся и спустился по винтовой лестнице в гостиную. Уже позавтракавшие Гриффиндорцы при виде его снова разразились аплодисментами. Мысль о путешествии в Большой зал, где остальные соученики по Гриффиндору, несомненно, начнут его чествовать, как какого-нибудь героя, совсем не грела; но единственной альтернативой было остаться здесь, без всякой надежды спастись от братьев Криви, которые уже отчаянно размахивали руками, приглашая его присоединиться к ним. Он решительно зашагал к портретному ходу, отодвинул картину, выкарабкался в коридор — и оказался лицом к лицу с Гермионой.

— Привет, — сказала она, протягивая ему горку

гренок на салфетке. — Это тебе. Хочешь прогуляться?

— Конечно, — с благодарностью отозвался он.

Они спустились вниз, быстро пересекли вестибюль, не глядя в сторону Большого зала, и скоро уже шагали через газон к озеру, где у причала стоял Дурмштрангский корабль, отражаясь в воде чёрным силуэтом. Утро было пронизывающе-холодным, и они прогуливались, жуя гренки, пока Гарри рассказывал Гермионе обо всём, что произошло с тех пор, как он ушёл из-за Гриффиндорского стола прошлым вечером. К его великому облегчению, Гермиона ни на минуту не усомнилась в его словах.

— Ну конечно я сразу поняла, что ты не бросал своего имени в Кубок, — сказала она, когда он закончил рассказывать о сцене в комнате. — Достаточно было на тебя посмотреть, когда Дамблдор прочитал записку! Вопрос только в том, КТО это сделал. Потому что Хмури прав, Гарри… Не думаю, чтобы кто-то из учеников смог… Никогда бы они не справились с Кубком, или с дамблдоровским…

— Ты видела Рона? — перебил Гарри.

Гермиона замялась.

— Гм… да… за завтраком, — сказала она.

— Он всё ещё думает, что я сам всё это устроил?

— Ну-у-у… нет, не думаю… главное не это…

— То есть, что значит, главное не это?

— Да ну Гарри, неужели сам не видишь? — с отчаянием спросила она. — Он же завидует!

— Завидует? — Гарри не мог поверить собственным ушам. — Чему? Он что, хочет сам стать посмешищем для всей школы?

— Послушай, — терпеливо объясняла Гермиона, — ты же и сам знаешь, все всегда смотрят только на тебя. Я знаю, ты тут не виноват, — торопливо добавила она, видя, как Гарри открывает рот для яростной отповеди, — ты на это не напрашиваешься… но — ну ты ведь знаешь, Рону приходится соревноваться со всеми своими братьями, а ты, его лучший друг — знаменитость, и как кто вас увидит, сразу на него уже не обращает внимания, и он это терпит, и никогда ни слова, вот, я думаю, тут уже и он не выдержал…

— Класс, — с горечью резюмировал Гарри, — просто класс. Передай ему, я готов с ним поменяться хоть сейчас. Скажи ему, я ещё и спасибо скажу… а то все только и делают, что пялятся на мой лоб, где я ни покажусь…

— Ничего я ему говорить не буду, — отрезала

Гермиона. — Сам скажи, иначе не получится.

— Я за ним не собираюсь бегать и воспитывать! — выкрикнул Гарри так громко, что спугнул нескольких сов с ближайшего дерева. — Может, он поверит, что мне от этого никакой радости нет, когда я себе шею сломаю или…

— Не смешно, — тихо сказала Гермиона. — Совсем не смешно! — Она была взволнована, как никогда. — Гарри, я тут подумала — ты ведь понимаешь, что теперь надо делать? Прямо сейчас, как только мы вернёмся в замок?

— Да, ещё бы — дать Рону хорошенько по…

— Напиши Сириусу. Ты должен дать ему знать. Он просил тебя держать его в курсе всего, что делается в Хогвартсе… можно даже подумать, он о чём-то таком заранее догадывался. У меня тут с собой немного пергамента, и перо…

— Брось, — Гарри тревожно оглянулся, проверяя, не подслушивает ли кто, но всё было пусто и тихо. — Он примчался из-за границы только от того, что у меня шрам заныл. Представляешь, что будет, если он узнает, что кто-то меня вынудил участвовать в турнире — да он, наверно, вломится прямиком в замок…

— Он бы хотел, чтобы ты ему рассказал, — строго сказала Гермиона. — И он всё равно узнает…

— Как?

— Гарри, об этом молчать не будут, — очень серьёзно ответила она. — Турнир — это же событие, и ты тоже. Я бы очень удивилась, если «Ежедневный пророк» уже чего-то не тиснул про тебя по этому поводу… о тебе уже и так написано в половине книг про Сам-Знаешь-Кого… И я-то уж знаю, что Сириусу было бы приятнее первому узнать от тебя…

— Ну ладно, ладно, напишу, — Гарри бросил в озеро последний остававшийся у него кусочек гренки. Они оба стояли и смотрели, как тот сначала поплыл по воде, а через мгновение был ухвачен большим щупальцем, высунувшимся из глубины. Потом оно исчезло, а они вернулись в замок.

— Чью сову послать? — спросил Гарри, карабкаясь по ступенькам. — Он сказал, чтобы я больше не отправлял Хедвигу.

— Попроси Рона…

— Ни о чём я Рона просить не буду, — резко ответил Гарри.

— Ну, возьми какого-нибудь из школьных филинов, это всем разрешается, — предложила Гермиона.

Они отправились в Совятню. Гермиона да-

ла Гарри кусочек пергамента, перо, и бутыль чернил, потом зашагала вдоль длинного ряда насестов, рассматривая сидящих там сов, пока Гарри сидел и писал письмо.

«Дорогой Сириус,

Ты сказал, чтобы я держал тебя в курсе хогвартских происшествий, так вот — не знаю, слышал ли ты уже, но в этом году проводится Турнир Трёх Волшебников, и в субботу вечером меня избрали четвёртым Чемпионом. Кто положил записку с моим именем в Кубок Огня, сказать не могу, потому что я тут ни при чем. Другой Чемпион от Хогвартса — Седрик Диггори, из Хаффлпаффа»

Он остановился и задумался. Ему вдруг захотелось что-нибудь рассказать о том, как тяжела тревога, которая, кажется, навсегда поселилась у него в сердце со вчерашнего вечера, но он не мог придумать, как бы это выразить, поэтому он просто обмакнул перо в чернильницу и закончил:

«Надеюсь, что ты в порядке, и Конклюв тоже.

Гарри»

— Готово, — сказал он Гермионе, поднимаясь на ноги и отряхивая с формы солому. Хедвига немедленно опустилась ему на плечо, хлопая крыльями, и подставила лапу.

— Нет, тебя послать не могу, — Гарри оглядел

школьных сов. — Придётся отправить кого-нибудь из них…

Хедвига ухнула, как громом громыхнула, и сорвалась с места так резко, что поцарапала ему плечо. Пока Гарри привязывал письмо к ноге большого амбарного филина, она сидела к нему спиной. Когда филин улетел, Гарри потянулся погладить её, но Хедвига свирепо щёлкнула клювом и взмыла к балкам крыши, прочь от него.

— Сначала Рон, теперь ты, — рассердился Гарри. — Я не виноват.

Если Гарри надеялся, что со временем всё уляжется, и все привыкнут к его роли Чемпиона, то на следующий же день понял, что напрасно обольщался. Когда снова начались уроки, он уже не мог прятаться от всей школы — и было яснее ясного, что, как и Гриффиндорцы, все остальные тоже думали, что он всё подстроил сам. Но, в отличие от Гриффиндорцев, были не склонны ликовать по этому поводу.

Хаффлпаффцы, у которых всегда были отличные отношения с Гриффиндорцами, стали держаться исключительно холодно и отчуждённо. Чтобы это понять, хватило одного урока Гербологии. Не оставалось никаких сомнений, что Хаффлпафф винит Гарри в покушении на

славу своего Чемпиона — а ведь Седрик был как раз одним из тех немногих, от кого им хоть сколько-нибудь этой самой славы перепало: это же он как-то раз победил Гриффиндор в матче по Кквиддитчу. Эрни Макмиллан и Джастин Финч-Флетчли, с которыми Гарри обычно приятельствовал, не разговаривали с ним даже когда им пришлось вместе пересаживать Ловкие луковицы — но рассмеялись довольно ядовито, когда одна луковица вырвалась у него из руки и крепко съездила по лицу. Рон тоже не разговаривал с Гарри. Гермиона сидела между ними, всеми силами поддерживая не клеящуюся беседу, но хотя ей оба отвечали как ни в чем не бывало, друг на друга смотреть они упорно отказывались. Даже профессор Спраут, казалось Гарри, стала суше с ним — и немудрено: она ведь была главой Хаффлпаффа.

Во всякой другой ситуации он бы теперь только и ждал, как бы встретиться с Хагридом, но Уход за Волшебными Существами означал одновременную встречу со Слизеринцами — впервые после того, как он стал Чемпионом.

Как и следовало ожидать, Малфой явился к хижине Хагрида со знакомым выражением на лице, а именно, в полной ехидной готовности.

— А вот и Чемпион, парни, поглядите, — обратился он к Гойлу и Крэббу, едва подойдя на достаточное расстояние, чтобы Гарри мог его услышать. — Захватили книжки для сбора автографов? Пользуйтесь случаем, а то я думаю, он долго не протянет… половина из Чемпионов на Турнире Трёх Волшебников не выжила… Как ты думаешь Поттер, на сколько тебя хватит? Пари держу, минут на десять с начала первого задания.

Крэбб и Гойл подхалимски заржали, но тут Малфою пришлось заткнуться, потому что из-за хижины возник Хагрид, балансируя пирамидой из ящиков, в каждом из которых сидело по весьма увесистому Взрывохвостому Крутону. К ужасу всего класса, Хагрид немедленно объяснил, что Крутоны занимались взаимоистреблением по причине переизбытка неизрасходованной энергии, и для её разрядки каждый ученик должен посадить на поводок по Крутону и отправиться на прогулку. Единственной хорошей стороной в этой идее было то, что она заставила Малфоя совершенно забыть о Гарри.

— На прогулку с этой тварью? — с отвращением переспросил он, уставившись в один из ящиков. — И куда же нам цеплять поводок? За

жало, за взрывное сопло, или, может быть, за присоску?

— Посерёдке, — продемонстрировал Хагрид. — Гм… вам, может, того, стоит надеть рукавицы из драконьей кожи, ну, вроде лишней предосторожности. Гарри — двигай сюда, помоги мне вот с этим, здоровым…

Однако это оказалось только поводом, чтобы поговорить с Гарри подальше от остальных.

Хагрид подождал, пока все разошлись со своими Крутонами, потом повернулся к Гарри и очень серьёзно произнёс: — Значит, состязаешься, Гарри. В турнире. Школьный Чемпион.

— Один из Чемпионов, — поправил Гарри.

В чёрных, как жуки, глазах Хагрида под буйно-густыми бровями, светилось сильное беспокойство. — Ни в зуб ногой, кто тебя так подставил-то, а, Гарри?

— Так ты веришь, что это не я, Хагрид? — Гарри едва сдержал порыв благодарности, услышав это.

— А то бы нет, — фыркнул Хагрид. — Ты ж сказал, что не ты, ну, я и верю — и Дамблдор тоже верит, и вообще.

— Хотел бы я знать, кто это, — с горечью промолвил Гарри.

Оба взглянули в сторону газона; весь класс к этому времени уже дружно рассыпался по периметру и дружно испытывал большие сложности. Крутоны успели вырасти за три фута в длину, и силы у них было хоть отбавляй. Некогда мягкие и бесцветные, теперь они отрастили нечто вроде плотной брони сероватого оттенка, блестевшей на солнце, как латы. По виду они напоминали гибрид гигантского скорпиона с продолговатым крабом — но по-прежнему без признаков голов или глаз. Управляться с ними, при такой выдающейся мощи, было очень непросто.

— Похоже, что им это здорово нравится, а? — радостно отметил Хагрид. Гарри так понял, что он имеет в виду Крутонов, потому что о его одноклассниках этого сказать было никак нельзя; Крутоны то и дело взрывались с того или другого конца с пугающим бумканьем, в результате чего их уносило на несколько ярдов со скоростью пули, так что уже не один и не два ученика, влекомых сзади на животе, безуспешно пытались подняться на ноги.

— Ох, не знаю, Гарри, — вдруг сказал Хагрид, озабоченно глядя на него с высоты своего могучего роста. — Чемпион школы… всё только с тобой и норовят случиться разные случайности, верно

ведь говорю?

Гарри не ответил. Да, всё действительно вечно случалось в основном с ним… и примерно об этом-то и толковала Гермиона у озера, и если ей верить, поэтому-то Рон с ним больше и не разговаривал.

Следующие несколько дней были одними из худших за всё то время, что Гарри провёл в Хогвартсе. Больше всего это напоминало те три месяца второго года его обучения, когда очень многие в школе заподозрили его в нападении на товарищей. Но тогда хоть Рон был на его стороне. Ему казалось теперь, что, если бы они и сейчас оставались друзьями, он бы уж как-нибудь перенёс поведение всех прочих — но он не собирался упрашивать Рона поговорить с ним. Не хочет — не надо. А всё-таки, одиноко было чувствовать всеобщую неприязнь.

Хаффлпаффцев он ещё мог понять, хоть это ему и не нравилось; у них и без него было, кого поддерживать. От Слизерина он вообще ничего, кроме злобы и нападок, и не ожидал — там он никогда не пользовался популярностью: как-никак, благодаря ему Гриффиндор побил их не раз и не два, и в Квиддитче, и в соревнованиях между Домами. Но он надеялся, что хотя бы у Рэйвенкло

хватит великодушия, чтобы болеть и за Седрика, и за него одновременно. Однако напрасно: большинство в Рэйвенкло, похоже, вообразили, что его единственным желанием было ещё больше упрочить свою славу с помощью Кубка Огня.

Ну, и конечно, Седрик несравнимо больше подходил на роль Чемпиона по всем параметрам. Воистину красавец, с прямым носом, тёмными волосами и серыми глазами, он уже сравнялся в популярности с Виктором Крамом — трудно было сказать, кого больше обожали в эти дни. Гарри даже видел в один обеденный перерыв, как шестиклассницы, некогда гонявшиеся за крамовскими автографами, упрашивали Седрика расписаться им на сумках.

От Сириуса, между тем, не было ни строчки, Хедвига объявила Гарри бойкот, профессор Трелони предсказывала ему гибель увереннее, чем когда-либо, а на уроке по Призывающему заклинанию он так осрамился, что профессор Флитвик дал ему дополнительное домашнее задание — единственному во всём классе, кроме, разве что, Невилла.

— Но это же не так трудно, Гарри, правда, — пыталась утешить его Гермиона по пути из класса (к ней самой весь урок летало всё что угодно из всех углов, словно она была каким-то небывалым

магнитом по притяжению тряпок для доски, корзин для бумаг и Луноскопов). — Ты просто не сосредоточился как следует…

— И с чего бы это? — мрачно заметил Гарри, наблюдая, как мимо шествует Седрик Диггори в окружении млеющих девочек, окинувших Гарри по дороге таким взглядом, будто он был какой-то особо крупной особью Взрывохвостого Крутона. — Да впрочем, не стоит переживать, верно? Вот после обеда двойной урок Зельеварения, тут-то всё самое интересное и начнётся…

Двойной урок Зельеварения всегда был удовольствием много ниже среднего, но теперь он превратился в настоящую пытку. Полтора часа в подземелье в компании Снейпа и Слизеринцев, судя по всему, дружно решивших как можно крепче отомстить Гарри, посмевшего стать Чемпионом школы — ему было трудно даже представить что-нибудь хуже. Одну пятницу он уже промучился, под непрерывный шёпот Гермионы, сидящей рядом: — не обращай на них внимания, не обращай, не обращай — и думал, что сегодня будет не легче.

Они с Гермионой сразу увидели, как только пришли после обеда, что Слизеринцы уже поджидают у входа в подземелье Снейпа, и у каждого

на форме укреплён крупный значок. На какое-то безумное мгновение Гарри показалось, что это Гермионовские значки З.А.Д. Потом он увидел, что на них всех была светящаяся надпись красными буквами, горевшая особенно ярко в слабо освещённом коридоре подземелья: — Болейте за СЕДРИКА ДИГГОРИ — НАСТОЯЩЕГО Чемпиона Хогвартса!

— Нравится, Поттер? — громко поинтересовался Малфой у Гарри. — А ведь это ещё не всё — смотри!

Он нажал на свой значок, и надпись на нем исчезла, сменившись другой, отливающей уже зелёным светом: — ПОТТЕР-ВОНЮЧКА.

Слизеринцы взвыли от смеха. Они тут же последовали примеру Малфоя, так что слова — ПОТТЕР-ВОНЮЧКА — сверкали на Гарри со всех сторон. Он почувствовал, как жар подступает к его лицу.

— Ну, очень смешно, — саркастически сказала Гермиона Панси Паркинсон, которая, во главе стайки своих девчонок хохотала громче всех. — Прямо так уж остроумно…

Рон стоял у стены рядом с Дином и Шеймусом. Он не смеялся, но и не заступался за Гарри.

— Хочешь такой, Грэйнджер? — Малфой протя-

нул значок Гермионе. — У меня их куча. Только, будь добра, руку мою не трогай. Я, видишь ли, только что их помыл, и не хотел бы тут же и запачкаться о грязнокровку…

Ярость, копившаяся в Гарри в течение всех этих дней, наконец прорвала плотину, которую он воздвиг в груди. Он схватился за волшебную палочку инстинктивно, ещё не успев ни о чем толком подумать. Окружавшие их школьники попятились, освобождая место.

— Гарри! — крикнула Гермиона.

— Ну давай, Поттер, — тихо сказал Малфой, в свою очередь вытаскивая волшебную палочку. — Здесь нет «Дикого глаза», чтобы нянчиться с тобой. Так что давай сам, если пороху хватит…

Секунду они смотрели друг другу в глаза, после чего одновременно взмахнули палочками.

— Фурнункулус! — рявкнул Гарри.

— Денсаугео! — завопил Малфой.

Вспышки света плюнули из обеих палочек, столкнулись в полёте, и отскочили рикошетом — Гарри в результате попал в лицо Гойлу, а Малфой — в Гермиону. Гойл заорал и прижал руки к носу, на котором на глазах вспухали уродливые прыщи — Гермиона же, всхлипывая, в панике хваталась за рот.

— Гермиона! — Рон прыгнул вперёд, торопясь узнать, что с ней случилось.

Обернувшись, Гарри увидел, как Рон отводит руку Гермионы от её рта. Открывшееся зрелище не радовало глаз. Передние зубы Гермионы — и без того довольно крупные — росли на глазах с угрожающей быстротой; она всё больше становилась похожей на бобра по мере того, как они удлинялись, дотягиваясь до нижней губы, до подбородка — она в ужасе потрогала их и отчаянно вскрикнула.

— Что это тут за шум? — раздался убийственно тихий голос. Это пожаловал Снейп.

Слизеринцы наперебой рванулись объяснять. Снейп протянул длинный жёлтый палец в сторону Малфоя и приказал: — Рассказывай.

— Поттер напал на меня, сэр…

— Мы напали друг на друга одновременно! — крикнул Гарри.

— …и попал в Гойла — посмотрите…

Снейп осмотрел Гойла, чье лицо к тому времени напоминало иллюстрацию из книжки о ядовитых грибках.

— В больничное крыло, Гойл, — спокойно резюмировал он.

— А Малфой — в Гермиону! — вмешался Рон. —

Смотрите!

Он заставил Гермиону показать Снейпу свои зубы — она всячески старалась прикрыть их руками, что было не так просто, потому что они уже доросли до воротника. Панси Паркинсон и другие Слизеринки складывались пополам от беззвучных хихиканий, тыкая в Гермиону пальцами из-за спины Снейпа.

Тот холодно взглянул на Гермиону и произнёс:
— Не вижу разницы.

Гермиона тихо заскулила; её глаза наполнились слезами, она развернулась и побежала, побежала через весь коридор, пока не скрылась из виду.

Это, возможно, было к лучшему, что Рон и Гарри заорали на Снейпа в один и тот же миг; к лучшему было и то, что их голоса так сильно отдавались от каменных стен коридора — потому что в лавине звуков он не мог разобрать, как они его называли. Но общий смысл до него всё равно дошёл.

— Подведём итоги, — сказал он самым шёлковым голосом, на какой был способен. — Пятьдесят очков с Гриффиндора, а Поттер и Уизли останутся после уроков. Теперь заходите в класс, а то останетесь на всю неделю.

У Гарри звенело в ушах. От такой несправед-

ливости ему захотелось расклясть Снейпа на тысячу скользких кусочков. Он прошёл мимо Снейпа, добрался вместе с Роном до последнего ряда скамей и хлопнул на стол свою сумку. Рон тоже трясся от злости — на секунду Гарри показалось, что всё между ними стало как прежде, но тут Рон повернулся и отсел от него к Дину и Шеймусу, и Гарри остался за столом один. С другого конца подземелья Малфой, повернувшись к Снейпу спиной, с ухмылкой нажал на свой значок. ПОТТЕР-ВОНЮЧКА — опять сверкнуло оттуда на весь класс.

Начался урок. Гарри сидел, не отрывая глаз от Снейпа, воображая всякие ужасы, которые могли бы случиться с тем… вот если бы только знать проклятие Круциатус… Снейп бы у него тоже лежал на спине и дергался, как тот паук…

— Противоядия! — объявил Снейп, оглядывая класс, с яростным блеском в холодных чёрных глазах. — Вы должны были уже все приготовить свои варианты. Я хочу, чтобы вы их теперь тщательно заварили, а потом выберем кого-то, на ком их можно будет проверить…

Снейп встретился глазами с Гарри, и тот понял, что его ожидает. Снейп собирался отравить его. Гарри представил, как он возьмет свой котёл,

выбежит на середину класса — и опрокинет на сальную голову Снейпа…

И тут в его мысли ворвался стук — кто-то стучал в дверь подземелья.

Это был Колин Криви; он протиснулся в комнату, сияюще улыбнулся Гарри, и прошел к столу Снейпа.

— Да? — коротко спросил Снейп.

— Пожалуйста, сэр, я должен отвести Гарри Поттера наверх.

Снейп опустил взгляд ниже своего крючковатого носа, и уставился на Колина, на чьём возбуждённом лице улыбка слегка увяла.

— Поттеру остался ещё час урока Зельеварения, — холодно произнес Снейп. — Он придёт, когда закончится урок.

Колин порозовел.

— Сэр… сэр, мистер Бэгман зовёт его, — нервно объяснил он. — Всем Чемпионам надо идти, по-моему, их хотят сфотографировать…

Гарри бы отдал всё на свете, только чтобы Колин не упомянул о фотографиях. Он украдкой метнул взгляд в сторону Рона, но тот решительно уставился в потолок.

— Ну хорошо, пусть так, — огрызнулся Снейп. — Поттер, оставь здесь сумку. Я проверю твоё

противоядие позже.

— Ну пожалуйста, сэр — ему нужны все его вещи, — пискнул Колин. — Все Чемпионы…

— ХОРОШО! — взревел Снейп. — Поттер… забирай свою сумку и исчезни с глаз моих!

Гарри закинул сумку на плечо, поднялся и направился к двери. Проходя между столами Слизеринцев, он видел, как надписи ПОТТЕР-ВОНЮЧКА поблескивали на него со всех сторон.

— Потрясающе, правда, Гарри? — Колин заговорил громче, немедленно, как только дверь подземелья закрылась за Гарри. — Нет, правда, здорово? Что ты Чемпион?

— Да уж, прямо изумительно, — глухо отозвался Гарри, двигаясь вместе с Колином в Большой зал. — Зачем им фотографии, Колин?

— Я думаю, для «Ежедневного пророка»!

— Класс, — безжизненно отозвался Гарри. — Как раз этого мне сейчас и не хватало — побольше рекламы.

— Удачи! — пожелал Колин, когда они дошли до нужной комнаты. Гарри постучался и вошёл.

Комната была довольно маленькая; большинство столов были отодвинуты, и в центре осталось широкое пространство; но три стола, сдвинутые вместе и покрытые бархатом, стояли у доски. За

ними было пять стульев, на одном из которых восседал Людо Бэгман, беседуя с незнакомой Гарри ведьмой в лиловом одеянии.

Виктор Крам супился в углу, как обычно, и ни с кем не разговаривал. Седрик и Флёр о чём-то толковали. Флёр выглядела гораздо веселее, чем Гарри привык её видеть; она то и дело откидывала голову назад, чтобы её длинные серебристые волосы отсвечивали солнцем. Приземистый человечек с большой чёрной, слегка дымившейся камерой поглядывал краем глаза на Флёр.

Вдруг Бэгман заметил Гарри, быстро встал и наклонился вперёд. — А, вот и он! Чемпион номер четыре! Быстренько сюда, Гарри, быстренько… не о чем беспокоиться, это всего лишь церемония Проверки волшебных палочек, остальные судьи уже вот-вот прибудут…

— Проверка волшебных палочек? — нервно переспросил Гарри.

— Нам нужно убедиться, что ваши палочки находятся в полном рабочем порядке, чтобы никаких проблем, понимаешь, ведь они — ваши самые важные инструменты при исполнении ожидающих вас заданий, — пояснил Людо. — Эксперт сейчас наверху, с Дамблдором. А потом будет небольшая фотосъёмка. Это — Рита Скитер, — до-

бавил он, показав на ведьму в лиловом. — Она готовит небольшой материал о турнире для «Ежедневного пророка»…

— Ну, может быть, и не СТОЛЬ уж небольшой, Людо, — заметила Рита Скитер, не отводя глаз от Гарри.

Её волосы были убраны в изысканные и выглядящие странно твёрдыми кудряшки, не очень сочетающиеся с квадратной челюстью. На ней были ювелирно отделанные очки. Толстые пальцы, сжимавшие сумочку из крокодиловой кожи, увенчивались двухдюймовыми ногтями, покрытыми лаком ярко-алого цвета.

— Не могла бы я немного поговорить с Гарри, пока не начали? — спросила она Бэгмана, но смотреть продолжала на Гарри. — Самый юный из Чемпионов, знаешь ли… чтобы добавить красок?

— Ну конечно! — воскликнул Бэгман. — То есть… если Гарри не возражает…

— Гм-м… — сказал Гарри.

— Чудненько, — подытожила Рита Скитер, и не успел Гарри опомниться, как её ало-когтистая рука неожиданно мёртвой хваткой вцепилась ему в локоть, и он был извлечён из комнаты, по направлению к двери поблизости.

— Нам этот шум совсем некстати, — сказала

она. — Ну-ка посмотрим… да-да, тут очень уютно и мило.

Они были в кладовке для мётел. Гарри выпучил на неё глаза.

— Сюда, милый — да-да — чудненько, — повторила Рита Скитер, тщательно усаживаясь на перевёрнутую кадку, толкая Гарри на ящик и закрывая дверь, так что они погрузились во тьму. — Ну, посмотрим…

Она распахнула свою крокодиловую сумочку и извлекла горсть свеч, зажгла их взмахом руки и заколдовала так, что они повисли в воздухе, давая возможность ориентироваться в темноте.

— Ты не против, Гарри, если я использую Прямоцитирующее перо? Мне так не придется отрываться от разговора с тобой…

— Прямо… что? — не понял Гарри.

Улыбка Риты Скитер стала шире. Гарри посчитал — у неё было три золотых зуба. Она снова полезла в крокодиловую сумочку и извлекла длинное ядовито-зелёное перо и свиток пергамента, который она растянула на ящике Универсального магического очистителя миссис Скауэр. Сунув кончик зелёного пера себе в рот, она пососала его немного с явным удовольствием, потом поставила перо торчком на пергамент,

и оно осталось там стоять, слегка подрагивая.

— Проверка… меня зовут Рита Скитер, я репортёр «Ежедневного пророка».

Гарри быстро глянул на перо. Едва Рита Скитер заговорила, зелёное перышко пустилось строчить, скользя по пергаменту:

«Привлекательная блондинка Рита Скитер, сорока трёх лет, чьё свирепое перо проткнуло немало раздутых репутаций…»

— Чудненько, — снова сказала Рита Скитер, оторвала верхний край пергамента, скомкала его и сунула в сумочку. После чего наклонилась к Гарри и сказала: — Итак, Гарри… что побудило тебя добавить своё имя в списки кандидатов Турнира Трёх Волшебников?

— Гм, — снова начал Гарри, но перо его отвлекло. Оно неслось по пергаменту, не дожидаясь ответа, и он сумел разобрать одну из оставленных пером фраз:

«Уродливый шрам, напоминание о трагическом прошлом, портит в остальном очаровательное личико Гарри Поттера, чьи глаза…»

— Не обращай на перо внимания, Гарри, — твёрдо сказала Рита Скитер. Неохотно, Гарри перевел взгляд на неё. — Теперь скажи, почему ты решил участвовать в турнире, Гарри?

— Не решал я, — сказал Гарри. — Не знаю, как моё имя оказалось в Кубке. Я его туда не бросал.

Рита Скитер подняла одну густо подведённую бровь. — Ну не надо, Гарри, теперь нечего бояться неприятностей. Мы все знаем, что тебе не полагалось этого делать. Но не беспокойся об этом. Наши читатели любят бунтарей.

— Но я не подбрасывал своего имени, — повторил Гарри. — Я не знаю, кто…

— Какие у тебя чувства насчёт ожидающих вас заданий? — перебила Рита Скитер. — Взволнован? Нервничаешь?

— Я особенно и не думал… да, нервничаю, пожалуй, — пробормотал Гарри. Ему было неуютно.

— В прошлом Чемпионам случалось погибать, правильно? — бодро напомнила Рита Скитер. — Тебе это вообще приходило в голову?

— Ну-у… говорят, теперь это будет намного безопаснее, — сказал Гарри.

Перо летало по пергаменту, лежавшему между ними, то туда, то сюда, как будто на коньках.

— Конечно, тебе уже приходилось смотреть в глаза смерти, ведь правда? — Рита Скитер впилась в него взглядом. — Как, по-твоему, это на тебя подействовало?

— Гм, — повторил Гарри.

— Ты не думаешь, что травма, полученная в прошлом, могла вызвать особое желание доказать, на что ты способен? Что ты достоин своей славы? Тебе не кажется, что тебя могло соблазнить принять участие в турнире…

— Я НЕ СОБИРАЛСЯ УЧАСТВОВАТЬ, — Гарри начинал раздражаться.

— Ты хоть сколько-нибудь помнишь своих родителей? — заглушила его голос Рита Скитер.

— Нет, — сказал Гарри.

— Как ты думаешь, что бы они почувствовали, если бы знали, что ты состязаешься в Турнире Трёх Волшебников? Гордились бы? Волновались? Сердились?

Гарри всё это уже серьёзно не нравилось. Ну откуда ему было знать, как бы чувствовали себя его родители, будь они сейчас живы? Он ощущал ненасытный взгляд Риты Скитер. Хмурясь, он избегал этого взгляда, пока его собственные глаза не встретились с тем, что писало перо:

«Слёзы наполняют эти завораживающе-зелёные глаза при упоминании родителей, которых он едва помнит…»

— Никаких слёз у меня в глазах НЕТ! — повысил голос Гарри.

Не успела Рита Скитер открыть рот в ответ, как

кто-то оттянул дверь кладовки наружу. Гарри осмотрелся, моргая от яркого света. С высоты своего роста на них обоих, сплюснутых среди мётел, смотрел Альбус Дамблдор.

— ДАМБЛДОР! — воскликнула Рита Скитер со всеми проявлениями радости — но Гарри заметил, что её перо и пергамент мгновенно исчезли с коробки Магического очистителя, а когтистые пальцы захлопнули крокодиловую сумочку. — Ну как ты? — спросила она, поднимаясь и протягивая большую, мужеподобную руку. — Надеюсь, успел за лето прочесть мою статью о конференции Международной конфедерации волшебников?

— Очаровательно-злобно написано, — блеснул глазами Дамблдор, — особенно мне понравилось, как ты описала меня в виде выжившего из ума и побитого молью идиота.

Рита Скитер не проявила и тени смущения. — Я только обращала внимание читателя, что некоторые из твоих идей слегка старомодны, Дамблдор, и что многие простые волшебники…

— Я с удовольствием послушаю обоснование грубостей, Рита, — с улыбкой любезно поклонился ей Дамблдор, — но, боюсь, нам придётся это отложить на потом. Проверка волшебных пало-

чек вот-вот начнётся, а это не может произойти, если один из наших Чемпионов останется в кладовке для мётел.

С глубоким облегчением вырвавшись от Риты Скитер, Гарри поспешил обратно в комнату. Остальные Чемпионы сидели на стульях у дверей, он быстро уселся рядом с Седриком, взглянул на покрытый бархатом стол, и увидел четырёх из пяти судей — профессора Каркарова, мадам Максим, мистера Крауча и Людо Бэгмана. Рита Скитер примостилась в уголке; Гарри видел, как её пергамент выскользнул из сумочки, развернулся у неё на колене, и она, пососав своё Прямоцитирующее перо, снова поставила его на пергамент.

— Разрешите представить вам мистера Олливандера, — сказал Дамблдор, занимая место за судейским столом и обращаясь к участникам. — Он проверит ваши волшебные палочки, чтобы убедиться, что они в подходящем для турнира состоянии.

Гарри огляделся, и чуть не подпрыгнул от неожиданности: старый волшебник с большими, светлыми глазами, молча стоявший у окна, был ему знаком. Это был тот самый мастер по изготовлению волшебных палочек, от которого Гарри получил свою собственную, в магазине на Диагон

аллее, три года назад.

— Мадмуазель Делакур, не могли бы вы подойти первой, пожалуйста? — пригласил мистер Олливандер, шагнув на середину комнаты в освобождённое от мебели пространство.

Флёр Делакур скользнула к мистеру Олливандеру и протянула ему свою волшебную палочку.

— Гм-м… — сказал он.

Повертев палочку в длинных пальцах, как дирижерский жезл, он извлёк из неё сноп розовых и золотых искр. Потом поднес её к глазам и тщательно изучил со всех сторон.

— Да, — тихо сказал он, — девять с половиной дюймов… негибкая… розового дерева… а внутри… боже мой…

— Волос из голови Виилы, — подсказала Флёр. — Одной из моих бабушек.

Так значит, Флёр всё-таки отчасти Виила, подумал Гарри — надо будет сказать Рону… и тут он вспомнил, что Рон с ним больше не разговаривает.

— Да, — повторил мистер Олливандер, — да, я сам никогда не пользовался волосами Виил, разумеется. На мой взгляд, с ними палочки получаются легковозбудимые… тем не менее, кому что нравится, и если вас это устраивает…

Мистер Олливандер провел пальцами по волшебной палочке, очевидно проверяя её на царапины и шишки, пробормотал — Орхидеус! — и та выстрелила букетом цветов.

— Очень, очень хорошо, она в полном рабочем порядке, — сказал мистер Олливандер, подхватывая цветы и передавая их Флёр вместе с палочкой. — Мистер Диггори, теперь ваша очередь.

Флёр проплыла обратно на своё место, улыбнувшись Седрику, когда тот проходил мимо.

— Ага, это одна из моих, не так ли? — гораздо оживлённее сказал мистер Олливандер, когда Седрик протянул ему свою волшебную палочку. — Да, я её хорошо помню. С волосом из хвоста замечательного экземпляра единорога… самца… семнадцати ладоней ростом, должно быть: чуть не проткнул меня, когда я выдернул волос из его хвоста. Двенадцать с половиной дюймов… ясень… приятно упругая. В прекрасном состоянии… ты за ней регулярно ухаживаешь?

— Только вчера вечером отполировал, — ухмыльнулся Седрик.

Гарри посмотрел на свою волшебную палочку. На ней повсюду красовались отпечатки пальцев. Он собрал в горсть растянувшуюся на колене

материю своей формы и попытался тихонько почистить палочку. Та выпустила пучок золотых искр. Флёр Делакур очень снисходительно посмотрела на Гарри, и он сдался на волю судьбы.

Виктор Крам встал, ссутулился и заковылял в сторону мистера Олливандера. Он сунул мастеру в руки свою палочку и остался стоять, супясь и засунув руки в карманы.

— Гм-м, — промычал мистер Олливандер, — это из мастерской Грегоровича, если не ошибаюсь? Отличный мастер, хотя его манера с моей точки зрения не вполне… тем не менее…

Он поднёс волшебную палочку к глазам и тщательно рассмотрел со всех сторон, поворачивая и так и этак.

— Да… граб и сердечная жила дракона? — выстрелил он вопросом в сторону Крама, который подтверждающе кивнул. — Заметно толще, чем обычно… весьма твердая… десять дюймов с четвертью…. Авис!

Палочка из граба выстрелила, как револьвер, и из неё вылетела стайка маленьких щебечущих пташек, вскоре исчезнувшая в солнечном свете, льющемся из открытого окна.

— Хорошо, — мистер Олливандер передал палочку обратно Краму. — Остаётся только…

мистер Поттер.

Гарри поднялся и пошёл мимо Крама к мистеру Олливандеру.

— А-а-а, да, — лунные глаза мистера Олливандера неожиданно блеснули. — Да, да, да. Что помню, то помню.

Гарри тоже помнил. Помнил так ясно, как будто это случилось вчера…

Четыре лета назад, когда ему исполнилось одиннадцать, он вошёл в магазин мистера Олливандера в компании Хагрида, чтобы купить волшебную палочку. Мистер Олливандер снял мерку и стал предлагать ему палочки на проверку. Он перепробовал чуть не весь склад магазина — по крайней мере, так ему тогда показалось, — пока не добрался наконец до подходящей — вот этой, из остролиста, одиннадцатидюймовой, с единственным перышком из фениксова хвоста внутри. Мистер Олливандер тогда очень удивился, что Гарри так подошла именно эта палочка. — Любопытно, — повторял он, — любопытно, — и только когда Гарри спросил, что было так любопытно, мистер Олливандер объяснил, что перо в этой палочке было от той же самой птицы, которой был обязан своей волшебной палочкой и лорд Волдеморт.

Гарри никогда ни с кем не делился этой подробностью. Он очень любил свою волшебную палочку, и в его глазах её родство с палочкой Волдеморта было чем-то, с чем ничего нельзя поделать — как для него самого его родство с тётей Петунией. Тем не менее, он от души надеялся, что мистер Олливандер не намеревается оповестить об этом присутствующих. Почему-то у него было такое чувство, что тогда Прямоцитирующее перо Риты Скитер может просто взорваться от перевозбуждения.

Волшебную палочку Гарри мистер Олливандер изучал гораздо дольше, чем остальные. В конце концов он всё же закончил, извлек из неё фонтан вина и вернул Гарри, объявив, что она в полном порядке.

— Всем спасибо, — подытожил Дамблдор, поднимаясь из-за судейского стола. — Можете отправляться обратно на уроки… или, пожалуй, быстрее и разумнее будет сразу на ужин — всё равно вот-вот звонок…

С ощущением, что хоть что-то одно вышло сегодня к лучшему, Гарри направился к двери, но тут подскочил человечек с камерой и громко прочистил горло.

— Фотографии, Дамблдор, фотографии! — вос-

торженно прокричал Бэгман. — Все судьи, все Чемпионы… Что скажешь, Рита?

— Гм, да, давайте начнем с этого, — согласилась Рита Скитер, чьи глаза вновь поедали Гарри. — А потом, возможно, парочку снимков поодиночке.

Съёмки заняли много времени. Где бы ни становилась мадам Максим, все остальные оказывались в её тени, к тому же она не помещалась в объектив, несмотря на все старания фотографа; в конце концов, ей пришлось сесть, а всем остальным — расположиться вокруг неё. Каркаров усердно накручивал бородку на палец, стараясь добавить ещё одну кудряшку; Крам, которому вроде бы пора было и привыкнуть к таким процедурам, нахохлился позади всей компании, наполовину скрывшись за спинами. Фотографу как будто очень хотелось, чтобы на переднем плане была Флёр, но Рита Скитер упорно тащила Гарри вперёд, на более заметное место. Потом она настояла, чтобы каждого Чемпиона сняли отдельно. После чего, наконец, их отпустили.

Гарри пошёл вниз на ужин. Гермионы не было — он так понял, что она всё ещё была в больничном крыле, где её зубам возвращали нормальный размер. Он поужинал отдельно от других, на краю стола, а потом вернулся в башню Гриффиндора,

размышляя о дополнительной домашней работе по Призывающему заклинанию, которая ему ещё предстояла. В спальне он и Рон столкнулись нос к носу.

— Тебе сова, — торопливо сказал Рон в ту же секунду, показывая на подушку Гарри. Там его ждал школьный амбарный филин.

— А… хорошо, — ответил Гарри.

— И мы должны отбывать наше наказание после уроков завтра вечером, в подземелье у Снейпа, — добавил Рон.

После чего сразу вышел из комнаты, не оглянувшись. На какое-то мгновение Гарри думал побежать следом — он не был уверен, для чего именно: поговорить с ним или стукнуть. Оба варианта казались одинаково соблазнительными. Но слишком уж тянуло скорее прочитать ответ Сириуса. Гарри подошёл к амбарному филину, снял с его лапы письмо и развернул его.

«Гарри,

Всё, о чем мне хотелось бы с тобой переговорить, в письме не напишешь — рискованно, а вдруг перехватят? Нам нужно встретиться. Можешь ты устроить так, чтобы в час ночи 22 ноября кроме

тебя, в гостиной Гриффиндора никого не было?

Я лучше кого другого знаю, что ты умеешь за себя постоять, и когда рядом Дамблдор и «Дикий глаз», сомневаюсь, чтобы кто-то мог причинить тебе вред. А всё-таки кто-то, похоже, предпринимает весьма умелые попытки. Это был очень хитрый и опасный трюк — затащить тебя в турнир, тем более, прямо под носом у Дамблдора.

Будь начеку, Гарри. Я по-прежнему хочу знать о любом необычном случае. Ответь мне насчет 22 ноября как можно скорее.

Сириус»

19. Венгерский Рогохвост

В последующие две недели Гарри поддерживала только надежда поговорить с Сириусом с глазу на глаз — это был единственный луч надежды в окружавшей его тьме. Шок, в который повергла его внезапно обрушившаяся неизвестно откуда роль Чемпиона, слегка прошёл — и его место постепенно занимал страх перед тем, что ждало его впереди. Первое задание надвигалось беспощадно; оно словно готовилось к прыжку, как некое жуткое чудовище, возникшее на дороге. Никогда раньше Гарри так не переживал; ничего подобного ему не приходилось испытывать ни перед одной игрой в Квиддитч — даже тогда, когда играть надо было против Слизерина, в решающем матче за Кубок. Гарри всё труднее становилось даже думать о будущем: вся его жизнь казалась предисловием к Первому заданию — и им же, судя по всему, она должна была закончиться…

Он не смог бы объяснить, каким образом Сириусу удастся облегчить ему исполнение неведомой, но наверняка сложнейшей и опаснейшей волшебной задачи на глазах у сотен зрителей; и

всё же — увидеть дружеское лицо — это в его положении уже кое-что. Гарри написал Сириусу, что он будет в гостиной у камина в назначенный час, и вместе с Гермионой они потратили немало времени, придумывая, как бы отвадить всех незваных гостей на это время. Если другого выхода не будет, решили они, придётся потратить мешок Бомб-вонючек. Правда, они от души надеялись, что удастся обойтись без этого — Филч бы от них и мокрого места не оставил.

Тем временем, жизнь Гарри стала гораздо ужасней, потому что Рита Скитер напечатала свою статью о Турнире Трёх Волшебников — и она оказалось на самом деле колоритным жизнеописанием Гарри Поттера. Большую часть передовицы занимала фотография Гарри; статья (заполнившая страницы номер два, шесть и семь) рассказывала только о Гарри; имена Бобатонского и Дурмштрангского Чемпионов (перевранные) примостились на последней строчке, а о Седрике вообще не было ни слова.

Статья вышла в свет десять дней назад, а у Гарри даже при мысли о ней в желудке жгло и отвратительно тошнило от стыда. Рита цитировала нечто такое, чего он никак не мог сказать — и уж тем более в той кладовке для метёл.

«Я думаю, свои силы я унаследовал от родителей, и я знаю, что они бы мною сейчас гордились, если бы могли меня видеть… да, иногда, по ночам, я всё ещё плачу о них, и не стыжусь в этом признаться… Я уверен, что выйду из турнира целым и невредимым, потому что они позаботятся обо мне…»

Но на этом Рита не успокоилась: она не только переработала его «гм-м» в длинные и тошнотворные пассажи, но и взяла интервью у других учеников по поводу его биографии.

«Гарри, наконец, нашел в Хогвартсе свою любовь. Его близкий друг, Колин Криви, сообщает, что Гарри частенько видят в обществе некой Гермионы Грэйнджер, неотразимо хорошенькой девочки из семьи маглов, которая, как и Гарри, является одной из первых учениц школы»

И с самого момента публикации Гарри беспрестанно осыпали цитатами из злосчастной статьи, сопровождая их ехидными комментариями — в основном, конечно, Слизеринцы.

— Платочек не нужен, Поттер, если вдруг захочется всплакнуть на Трансфигурации?

— С каких это пор ты — лучший ученик в школе, а, Поттер? Или ты имел в виду школу, которую вы решили основать вместе с Лонгботтомом, на

двоих?

— Эй, Гарри!

— Вот именно! — вырвалось у Гарри: с него на сегодня решительно хватит. Он резко затормозил на своем пути по коридору и развернулся. — Я как раз только что закончил реветь по моей покойной мамочке, а теперь, пожалуй, продолжу…

— Нет, я просто… ты… ты уронил перо.

Это была Чо. Гарри почувствовал, как жар подступает к лицу.

— А… да… извини, — пробормотал он, принимая перо.

— Гм… желаю удачи во вторник, — сказала она. — Я, правда, надеюсь, что у тебя всё получится.

В результате Гарри почувствовал себя полным идиотом.

Гермионе тоже доставалось, но она ещё не дошла до того, чтобы орать на любого, кто подвернётся под руку; если уж на то пошло, Гарри просто восхищался её самообладанием.

— НЕОТРАЗИМО ХОРОШЕНЬКАЯ? Это она-то? — взвизгнула Панси Паркинсон, едва завидев Гермиону по прочтении статьи Риты. — Это с чем же она сравнивала, с бурундуком, что ли?

— Не обращай внимания, — с достоинством

произнесла Гермиона, высоко держа голову и словно не слыша хихиканья слизеринок. — Просто не обращай внимания, Гарри.

Но Гарри не мог не обращать внимания. Рон не сказал ему ни слова с тех самых пор, как сообщил о наказании Снейпа. У Гарри было возникла надежда на примирение — два часа вместе взаперти после уроков, когда они должны были мариновать крысиные мозги в подземелье, вроде бы давали такой шанс — но тут-то как раз и вышла Ритина статья. И Рон явно уверился в своём подозрении, что Гарри наслаждается всеобщим вниманием.

Гермиона не на шутку злилась на них обоих; она металась от одного к другому, пытаясь заставить их прекратить этот бойкот, но Гарри упёрся: он не станет первым заговаривать с Роном, пока тот не признает, что Гарри не подкладывал в Кубок записки со своим именем, и не извинится за обвинение во лжи.

— Не я первый начал, — упрямо повторял он. — Это его проблемы.

— Ты по нему скучаешь, — нетерпеливо настаивала Гермиона. — И я ЗНАЮ, что он тоже…

— СКУЧАЮ? — возмутился Гарри. — Ничего я по нему не скучаю…

Но это было бессовестное враньё. Гарри очень хорошо относился к Гермионе, но Рон — это совсем другое дело. С ним можно было как следует посмеяться, и не приходилось большую часть времени проводить в библиотеке. Гарри всё ещё не удалось освоить Призывающее заклинание — словно заело — и Гермиона настояла, чтобы он налёг на теорию, уверенная, что это поможет. В результате чуть не все перерывы на обед уходили на зубрежку всяческой литературы.

Виктор Крам тоже не вылезал из библиотеки, и Гарри не мог понять, что он затевает. Учится? Или ищет каких-то подсказок к надвигающемуся Первому заданию? Гермиона часто жаловалась, что от Крама житья нет — не то, чтобы она что-то лично против него имела, просто его присутствие гарантировало, что к книжным полкам, как магнитом, притягивались стайки прыскающих в кулачки девочек, чтобы лишний раз поглазеть, и этот шум её раздражал.

— Он же даже не симпатичный! — сердилась она, сверкая глазами в сторону крючконосого профиля Крама. — Они за ним бегают только потому, что он знаменитый! А небось и не посмотрели бы, если бы он не умел делать этот Винт Болонского…

— Финт Вронского, — сквозь зубы поправил Гарри. Помимо того, что он предпочитал правильное произношение, когда речь шла о квиддитчной терминологии, его отдельно доставало то, что он очень хорошо представлял, какое выражение лица было бы у Рона, услышь он про Винт Болонского.

Странно, но факт: когда грядущее приводит вас в ужас, и вы готовы на всё, лишь бы как-то удержать время, оно приобретает гадкую привычку нестись галопом. Дни, остававшиеся до Первого задания, полетели так, будто кто-то ускорил движение часовых стрелок как минимум вдвое. Едва скрываемая на людях паника уже не оставляла Гарри ни на минуту, следуя за ним всюду так же усердно, как и ядовитые замечания по поводу статьи в «Ежедневном пророке».

В последнюю перед заданием субботу, все школьники, начиная с третьеклассников и старше, получили разрешение побывать в Хогсмиде. Гермиона сказала Гарри, что ему не помешает выбраться из замка хотя бы какое-то время, и ей не пришлось долго его в этом убеждать.

— А как же Рон? — напомнил он тем не менее. — Разве ты не хочешь пойти вместе с ним?

— А… ну… — Гермиона чуть порозовела. — Я

думала, мы все могли бы встретиться в Трёх Мётлах…

— Нет, — отрезал Гарри.

— Ой, Гарри, ну это же так глупо…

— Я пойду, но с ним встречаться не буду, и вообще надену свой Плащ-невидимку.

— Ах так, ну и ладно, — огрызнулась Гермиона. — Только я терпеть не могу разговаривать с тобой, когда ты невидим, так и знай — каждый раз сомневаешься, то ли ты есть там, куда я смотрю, то ли нет.

Итак, Гарри набросил на себя Плащ-невидимку ещё в коридоре, спустился вниз, и они с Гермионой отправились в Хогсмид.

В Плаще Гарри чувствовал себя волшебно свободным; он видел проходящих мимо школьников на входе в деревню, и хотя большинство шло со значками «Болейте за СЕДРИКА ДИГГОРИ», в кои-то веки до него не доносилось злобных фраз, и никто не вспоминал пассажей из той дурацкой статьи.

— Теперь все пялятся на МЕНЯ, — надулась Гермиона, когда они выходили из «Медового Герцогства», жуя большие шоколадки со сливочной начинкой. — Думают, я сама с собой разговариваю.

— Так шевели губами потише.

— Ну брось же, сними этот свой Плащ, пожалуйста, хоть ненадолго. Никто тебя здесь не побеспокоит.

— Вот как? — отозвался Гарри. — Ну-ка обернись.

Рита Скитер со своим фотографом как раз вышли из «Трёх Мётел». Негромко переговариваясь, они прошли мимо Гермионы, не заметив её. Гарри попятился, и уткнулся спиной в стену «Медового Герцогства», чтобы избежать увесистого пинка от крокодиловой сумочки Риты.

Когда оба исчезли из виду, Гарри заметил: — Значит, она тут засела. Ручаюсь, что явится на Первое задание.

И тут же почувствовал в желудке раскалённую лаву паники. Но промолчал: они с Гермионой просто предпочитали не обсуждать, что будет Первым заданием; он чувствовал, что она не хочет об этом говорить.

— Ушла, — сообщила Гермиона, всматриваясь вдаль сквозь невидимого Гарри, вдоль Главной улицы. — Почему бы нам не зайти в «Три Метлы» и не взять там Ирисэля? Холодновато становится… И никто тебя не заставляет подходить к Рону! — с досадой добавила она, правильно

истолковав его молчание.

«Три Метлы» были набиты битком — в основном учениками из Хогвартса, блаженствующими на свободе. Но были тут и волшебные существа, подобных которым Гарри редко удавалось увидеть где-либо ещё. Надо полагать, что Хогсмид, будучи единственной деревней в Великобритании, полностью населённой колдунами, казался раем таким, например, существам, как гномы, которым было труднее замаскироваться среди магглов, чем волшебникам.

В такой толпе Плащ-невидимка был скорее опасен, чем полезен: наступить кому-то на ногу в положении Гарри означало подставить себя под неприятные вопросы. Он медленно пробирался к свободному столу в уголке, пока Гермиона покупала напитки. По дороге Гарри заметил Рона, сидевшего с Фредом, Джорджем и Ли Джорданом. Сдержав сильное желание дать Рону хорошего подзатыльника, он наконец добрался до стола и уселся там.

Гермиона присоединилась к нему через минуту, и подсунула кубок с элем ему под плащ.

— И по-дурацки же я выгляжу, торча за столом, одна как перст, — пробормотала она. — Хорошо хоть у меня дело есть.

Она вытащила блокнот, где у неё хранились все списки членов организации З.А.Д. Гарри заметил сверху имена Рона и своё. Список был, надо признать, невелик. Казалось, прошло сто лет с тех пор, как они с Роном сидели вместе, сочиняя все эти предсказания, а Гермиона появилась и назначила их секретарём и казначеем..

— Знаешь, может быть мне стоит попробовать завербовать в З.А.Д. кого-нибудь из жителей, — Гермиона задумчиво оглядела посетителей.

— Вот этого только и не хватало, — отозвался Гарри. Он отпил Ирисэля, не высовываясь из-под плаща. — Гермиона, когда же ты наконец бросишь эту ерунду с З.А.Д. ом?

— Когда домовые получат приличное жалованье и достойные условия труда! — прошипела она в ответ. — Знаешь, я начинаю думать, что настало время для более решительных действий. Хотелось бы мне знать, как попасть на школьную кухню?

— Не имею представления — спроси у Фреда или Джорджа, — посоветовал Гарри.

Гермиона погрузилась в сосредоточенное молчание, пока Гарри допивал свой эль, поглядывая на гостей заведения. Все они казались весёлыми и довольными жизнью. Эрни Мак-

миллан и Ханна Аббот менялись карточками из шоколадных лягушек за соседним столом, и у обоих на форме красовались значки «Болейте за СЕДРИКА ДИГГОРИ». У самой двери он заметил Чо в большой компании ребят из Рэйвенкло. На ней, однако, хотя бы не было значка… что чуть-чуть ободрило Гарри. Совсем чуть-чуть…

Чего бы он только не отдал чтобы быть одним из них, сидеть здесь открыто, смеяться, болтать… и ни о чем, кроме домашнего задания, не беспокоиться! Он сидел и представлял себе, каково было бы ему тут, если бы его имя НЕ вынырнуло из Кубка. Начать с того, что на нём сейчас не было бы Плаща-невидимки. И Рон был бы сейчас рядом. Все втроём, они воображали бы, какие ужасные опасности подстерегают Чемпионов, и что с ними случится во вторник — и весело же им было бы! Он бы дождаться не мог, когда же можно будет на это всё посмотреть… и вместе со всеми болел бы за Седрика, в безопасности, среди толпы зрителей, где-нибудь сзади…

Интересно, что сейчас чувствуют остальные Чемпионы? В последнее время ему не приходилось встречать Седрика иначе, как в окружении стайки почитателей — он выглядел нервным, но взволнованным. В коридорах ему порой попа-

далась и Флёр Делакур; казалось, на неё всё это никак не действует — она оставалась надменной и невозмутимой. А Крам всё горбился над книгами в библиотеке.

Гарри подумал о Сириусе — и жёсткий, тяжёлый комок в груди словно немного отпустил. До встречи оставалось чуть больше двенадцати часов — ведь именно сегодня ночью, у камина в гостиной, он должен ждать Сириуса… если только не случится какой-нибудь беды. В последнее время ничего другого с ним вообще не случалось…

— Смотри — Хагрид! — раздался голос Гермионы.

Огромный лохматый затылок Хагрида — к счастью, он перестал делать пробор — вознёсся над толпой. Гарри удивился, как он до сих пор не заметил Хагрида, несмотря на его внушительные размеры, но, осторожно привстав, увидел, что тот сидел за столом с профессором Хмури. Перед Хагридом стоял его обычный непомерный стакан, больше напоминавший чан, а «Дикий глаз», как всегда, держался только за свою фляжку. Мадам Розмерта, миловидная владелица заведения, явно не была от этого в восторге — собирая опустевшую посуду, она не переставала вопросительно поглядывать на «Дикого глаза». Вероятно,

она принимала такое поведение за недооценку своего верескового мёда, но Гарри-то знал, в чём дело. Он помнил, как на уроке по Защите от Тёмных искусств профессор Хмури объяснял им, что его пища и питье постоянно находятся в его собственном ведении: слишком уж просто любой Тёмный маг может отравить оставленную без внимания чашку…

Тут Хагрид и «Дикий глаз» поднялись с мест и направились к выходу. Он помахал им, и тут вспомнил, что его никто не видит. Тем не менее, Хмури замедлил шаг, и его волшебный глаз уставился в угол, где сидел Гарри. Он ткнул Хагрида в поясницу (поскольку дотянуться до его плеча было бы немыслимо), что-то пробормотал ему на ухо, и оба зашагали обратно, через весь паб, к столу Гарри и Гермионы.

— Все в порядке, Гермиона? — громко поинтересовался Хагрид.

— Привет, — улыбнулась в ответ Гермиона.

Хмури-«Дикий глаз» захромал вокруг стола и нагнулся; Гарри показалось, что он читает блокнот под грифом З.А.Д.… пока он не услышал негромкое: — Неплохой Плащ, Поттер.

Гарри в изумлении воззрился на профессора. С такого расстояния было особенно заметно, что

его нос оставался при владельце далеко не полностью. «Дикий глаз» ухмыльнулся.

— Разве ваш глаз может… то есть… разве вы…

— Ага, видит насквозь через Плащи-невидимки, — чуть слышно отозвался «Дикий глаз». — И, можешь мне поверить, иной раз это оказывается очень кстати.

Хагрид тоже сиял улыбкой, повернувшись к Гарри. Тот знал, что великан не мог его видеть, но, должно быть, «Дикий глаз» ему уже всё объяснил.

Притворяясь, что читает блокнот З.А.Д., Хагрид наклонился и прошептал так тихо, что кроме Гарри, никто его не услышал: — Гарри, приходи ко мне сегодня вечером, прямиком в хижину. И Плащ надень.

Выпрямившись, он добавил вслух: — Приятно было с тобой повидаться, Гермиона.

Подмигнул и ушёл. За ним последовал и Хмури.

Удивлению Гарри не было предела. — Зачем бы я ему понадобился в полночь?

Гермиона разинула рот. — В полночь? Что это ещё за выдумки? Не знаю даже, стоит ли тебе… — Она нервно оглянулась и прошипела. — Ещё опоздаешь к Сириусу.

Она была права — такое путешествие в полночь оставляло ему времени только-только чтобы успеть в гостиную до прихода Сириуса, и то, если всё будет хорошо.

Гермиона предложила послать к Хагриду Хедвигу с запиской, что у него сегодня не получается — конечно, если Хедвига вообще соизволит снизойти до согласия — но Гарри решил, что лучше всё-таки сбегать узнать, в чем там у Хагрида дело; никогда тот не звал к себе Гарри так поздно.

В полдвенадцатого вечера Гарри (который уже некоторое время притворялся, что спит), снова натянул Плащ-невидимку и пробрался по ступенькам вниз, через гостиную, в которой было немало народу. Оба брата Криви, где-то раздобывшие горсть значков «Болейте за СЕДРИКА ДИГГОРИ», пытались переколдовать их так, чтобы вместо «Седрик Диггори» там стояло «Гарри Поттер». Пока, однако, всё, что им удалось сделать — это прочно заклинить надпись на варианте «Поттер-Вонючка». Гарри проскользнул мимо них к проходу за портретом и минуту-другую подождал. Тут Гермиона, как условлено, снаружи открыла ему выход. Он проскользнул мимо неё, шепнув «спасибо!», и направился через весь замок к выходу.

Снаружи было темным-темно. Гарри прошёл по лугу на свет, льющийся из хижины Хагрида. Он заметил, что гигантская Бобатонская карета тоже была освещена изнутри; он услышал голос мадам Максим как раз, когда постучался к Хагриду.

— Это ты там, Гарри? — хриплым шёпотом осведомился Хагрид, высовываясь из-за двери, и оглядываясь по сторонам.

— Угу, — сказал Гарри, забираясь в хижину и стягивая с себя Плащ. — В чём дело?

— Да есть тут чего тебе показать, — был ответ.

От Хагрида только что искры не сыпались, так он был возбуждён. В петлице у него красовался цветок, напоминающий сильно переросший цвет чертополоха. Машинное масло для волос, как будто, получило отставку, но причесаться Хагрид определённо постарался: Гарри заметил в его шевелюре обломанные зубья от расчески.

— Что это такое ты хочешь мне показать? — не без опаски спросил Гарри. Уж не отложили ли Крутоны яйца, подумалось ему. Или Хагрид нашел ещё какого-нибудь незнакомца в таверне, и купил у него другую трехголовую собаку?

— Идём со мной, потише и давай, надень этот свой Плащ обратно, — сказал Хагрид. — Клыка с собой брать не будем — ему это не по вкусу

пришлось бы…

— Слушай, Хагрид, я ведь ненадолго… Мне нужно назад в замок к часу ночи…

Но Хагрид уже не слушал; он отворил дверь хижины и зашагал в темноту. Гарри поспешил за ним — и тут его ожидал первый сюрприз: они направлялись прямиком к Бобатонской карете.

— Хагрид, что за…?

— Ш-ш-ш! — Хагрид постучал в дверь со скрещенными золотыми волшебными палочками ровно три раза.

Открыла сама мадам Максим. На ней была шёлковая шаль, охватывающая могучие плечи. При виде Хагрида она улыбнулась.

— А, Агрид. Пора?

— Бомбо-свар, — Хагрид, просияв, протянул руку, чтобы помочь ей спуститься по золотым ступенькам.

Мадам Максим закрыла за собой дверь, оперлась на руку Хагрида, и они двинулись вместе мимо загона, где стояли её огромные крылатые лошади. Гарри почти бежал за ними, стараясь не отстать, и ничего не понимая. Не мадам же Максим хотел показать ему Хагрид? Её и так трудно было не заметить…

Нет, конечно нет: чем дальше, тем яснее ему

становилось, что для мадам Максим тоже был приготовлен сюрприз — причём тот же самый, что и для Гарри — и наконец, она сама игриво воскликнула: — И куда же ти меня ведёшь, Агрид?

— Тебе понравится, — пропыхтел Хагрид. — Стоит взглянуть, уж поверь. Вот только… не надо никому ни слова, что я тебе показывал. Так полагается, чтобы ты про это не знала.

— Ну конечно же, — захлопала длинными чёрными ресницами мадам Максим.

Гарри уже начинал раздражаться, поспешая за ними и временами тревожно поглядывая вокруг, не шпионит ли кто. Кончится это все когда-нибудь или нет? У Хагрида какие-то нелепые планы, а он, того гляди, не успеет вернуться вовремя, чтобы встретить Сириуса. Ещё немного — и он просто повернётся и пойдет назад в замок, а Хагрид с мадам Максим пусть себе гуляют дальше при луне в полное своё удовольствие…

И тут — как раз когда уже и замок, и озеро исчезли из виду — Гарри услышал что-то странное. До него донеслись громкие звуки мужских голосов… а потом раздался оглушительный рёв…

Обойдя густую поросль деревьев, Хагрид, вместе с мадам Максим, внезапно остановился. Гарри подбежал к ним. На секунду ему показалось, что

невдалеке горят костры, а вокруг них мечутся люди… и тут у него отвисла челюсть.

Там были ДРАКОНЫ.

Четыре огромных, в самом расцвете сил, и явно свирепых дракона гарцевали на задних лапах в изгороди из толстого дерева, рыча и фыркая. Струи огня вырывались из клыкастых пастей в тёмное небо — футов на пятьдесят над землёй, потому что чудовища вытягивали шеи до предела. Один из них был серебристо-голубого цвета, с длинными острыми рогами, и он щёлкал зубами и шипел на сгрудившихся внизу волшебников; другой, в гладкой зелёной чешуе, извивался и топал изо всех сил; ещё один, красный, посверкивал золотыми шипами, то там, то здесь растущими вокруг его морды, изрыгавшей грибовидные облака пламени — и наконец, самый большой из них был весь черный, больше всего похожий на ящерицу: к нему они стояли ближе всего.

Не меньше тридцати волшебников — семь или восемь на каждого дракона — пытались держать их в узде, дёргая за цепи, прикреплённые к прочным кожаным ремням, которые оплетали шеи и ноги драконов. Как завороженный, Гарри поднял голову, и взглянул ввысь, в глаза чёрному дракону, с вертикальными, как у кошки, зрачками

— эти глаза вылезали на лоб, то ли от ярости, то ли от страха… Воющий вопль, раздающийся из драконьей пасти, был просто ужасен.

— Эй, поосторожнее, Хагрид, не подходи! — крикнул волшебник от изгороди, напрягаясь, чтобы покрепче натянуть цепь. — Знаешь, они ведь могут пулять огнем футов на двадцать, не меньше! А эта Рогохвостиха и на сорок достает, я видел!

— Ну, разве не красавица? — вздохнул Хагрид.

— Без толку! — крикнул другой волшебник. — Ну-ка, по счету три, Оглушающее заклинание!

Гарри увидел, как все драконоводы выхватили волшебные палочки.

— Ступефай! — загремели они разом, и в темноте огненными ракетами промелькнули заклинания, рассыпаясь искрами по чешуйчатым спинам драконов…

Он молча смотрел, как ближайший к нему дракон пошатнулся на задних лапах, теряя равновесие; как его пасть распахнулась во внезапно беззвучном вое; ноздри погасли, испуская лишь дым… и тут, медленно-медленно, дракон рухнул: многотонная, мускулистая, чешуйчатая туша, издавшая при падении такой «бум», что — Гарри мог бы поклясться — вокруг задрожали деревья.

Драконоводы опустили волшебные палочки и подошли к своим упавшим питомцам, из которых каждый был размером с небольшой холм. Они торопливо затянули цепи, и прочно привязали их к железным кольям, а те вогнали при помощи палочек глубоко в землю.

— Хошь поближе взглянуть? — восторженно спросил Хагрид у мадам Максим. Оба прилипли к ограде, а за ними потянулся и Гарри. Тут волшебник, который предупреждал Хагрида об опасности, повернулся к ним — и Гарри узнал его. Это был Чарли Уизли.

— Все нормально, Хагрид? — он ещё слегка задыхался, подходя поближе. — Теперь мы с ними, надо думать, управимся: по дороге сюда мы им дали Глоток Сна, решили, что им бы лучше проснуться в тишине и темноте. Но сам видишь, как им всё это понравилось. В восторг они не пришли, это точно…

— Каких они у тебя пород, Чарли? — перебил Хагрид, пожирая глазами ближайшего дракона — того самого, чёрного — чуть ли не с благоговением. Глаза у чудовища оставались открытыми, и Гарри разглядел жёлтый блеск из-под сморщенного века.

— Это Венгерский Рогохвост, — ответил Чар-

ли. — А вон тот — Уэльский Зелёный Обыкновенный. Тот, поменьше, серо-голубой — Шведский Короткорылый, а красный — то будет Китайский Огнемёт.

Чарли огляделся; мадам Максим уже шествовала вдоль изгороди, изучая обездвиженных драконов.

— Ну, не знал я, что ты её с собой возьмёшь, Хагрид, — нахмурился Чарли. — Чемпионам не положено заранее знать, что их ждёт… она ведь теперь как пить дать скажет своей ученице, что, нет?

— Да я только подумал, что ей, может, тоже хочется посмотреть, — пожал плечами Хагрид, не сводя восхищённых глаз с драконов.

Чарли только головой покачал. — Да уж, могу сказать, романтическое у тебя вышло свидание, Хагрид.

— Четыре… — пробормотал Хагрид. — Стало быть, по одному на каждого Чемпиона, так значит? И что же им, драться с ними надо будет?

— Я так думаю, только прошмыгнуть мимо них, куда надо, — ответил Чарли. — Ну, а если уж совсем круто дело повернётся, мы же здесь. Все огнетушительные заклинания в полной боевой готовности. Уж не знаю зачем, но им понадоби-

лись самки с гнёзд… Одно тебе скажу — кому бы ни досталась эта Рогохвостиха, я тому не позавидую. Злющая, и сзади от неё оказаться не лучше, чем спереди. Посмотри.

Чарли показал на хвост драконихи, и Гарри увидел часто усеявшие его длинные, бронзового цвета шипы, между которыми не было и шести дюймов просвета.

Пятеро товарищей Чарли доковыляли, наконец, до Рогохвостихи. Их руки были полны больших, гранитно-серых яиц, завёрнутых в одеяло. Они осторожно уложили свою ношу прямо под бок драконихи. Хагрид застонал.

— Смотри мне, я их все посчитал, Хагрид, — строго сказал Чарли. Потом спросил: — Как там Гарри?

— В порядке, — Хагрид всё ещё не мог отвести глаз от яиц.

— Надеюсь, и останется в порядке, после свиданьица с этой компанией, — мрачно заметил Чарли, оглядывая загон. — Я уж маме не стал говорить, что у них на Первое задание: она и без того о нём причитает без перерыва на обед… — Чарли довольно похоже изобразил испуганный голос своей матери. — Ой, да как же они допустили его до этого турнира, он ведь совсем ещё дитя!

Я-то думала, что нашим это не грозит, я думала, у них там будут возрастные ограничения!.. А уж когда вышла эта статья в «Ежедневном пророке», она там целое море наплакала. — Ох, бедный, всё плачет о своих родителях! А я и не знала, благослови его небо!

С Гарри было более, чем достаточно. Уверенный, что Хагрид о нём давно уже забыл (четыре дракона плюс мадам Максим — этого наверняка должно было хватить, чтобы занять его внимание на всю оставшуюся ночь), он тихонько повернулся и двинулся прочь, обратно к замку.

Он не знал, стоило ли радоваться тому, что теперь ему известно в чём состоит Первое задание. Может быть, так лучше: первый приступ паники уже позади. Вполне могло оказаться, что во вторник при виде драконов он при всей школе просто бы упал в обморок без сегодняшней подготовки… А с другой стороны, может быть, всё равно так оно и выйдет… У него будет с собой только волшебная палочка… и в качестве защиты от пятидесятифутового, чешуйчатого, шипастого, огнедышащего дракона, этот маленький кусочек дерева не очень поддерживал его дух. Волшебство волшебством, но суть-то в том, что Гарри должен был проскочить куда-то мимо этой зверюги — и остаться

цел. Причём делать это придётся на глазах у всей школы, да не одной. КАК?

Гарри ускорил шаг, обегая край Леса; у него оставалось меньше пятнадцати минут до встречи в гостиной — и он не помнил, чтобы ему когда бы то ни было так нужно было с кем-то поговорить, как сейчас с Сириусом… и тут, внезапно, он врезался во что-то очень плотное.

Он приземлился прямо на спину, очки соскочили у него с носа, и ему ничего не оставалось, как накрепко вцепиться в Плащ. Поблизости раздался чей-то голос: — Ай! Кто это?

Гарри торопливо убедился, что Плащ всё ещё накрывает его целиком, и замер, не сводя глаз с силуэта волшебника, с которым только что столкнулся. Он узнал эту бородку… Каркаров!

— Кто там? — повторил тот с очень подозрительным видом, вглядываясь во тьму. Гарри не двигался и не издавал ни звука. Через минуту-другую Каркаров, должно быть, решил, что наткнулся на какое-то животное. Он снова огляделся, но на этот раз смотрел вниз, словно ища собаку. После чего прокрался куда-то под деревья, и двинулся в ту сторону, где Гарри только что видел драконов.

Медленно-медленно, с большой осторожно-

стью, Гарри поднялся на ноги и продолжил свой путь, стараясь не задерживаться, но и не поднимать шума, спеша к Хогвартсу сквозь густую тьму.

У него не было вопросов, чем занимался Каркаров в лесу. Конечно же, он ускользнул с корабля, чтобы потихоньку выяснить, какое задание окажется первым. Может быть, он даже заметил Хагрида и мадам Максим, гуляющих вдоль леса — уж кого-кого, а их разглядеть было нетрудно. Так что Каркарову только и надо было что двигаться на звук их голосов, чтобы узнать о Первом задании Чемпионов ровно столько же, сколько уже узнала мадам Максим. Похоже было, что теперь уже все знали, что готовится на вторник. Все, кроме Седрика.

Гарри добрался до замка, проскользнул через парадные двери и вскарабкался по мраморным ступеням; он совсем выбился из сил, но не смел даже замедлить шага… у него оставалось не больше пяти минут, чтобы успеть к камину вовремя…

— Галиматья! — хрипло выдохнул он в сторону Толстой Дамы, дремлющей в своей раме перед входом.

— Тебе виднее, — сонно пробормотала она, не

открывая глаз, и картина распахнулась, пропуская его внутрь. Он залез, и увидел, что гостиная пуста.

Судя по тому, что пахло в ней тоже нормально, Гермионе не понадобилось прибегать к бомбометанию: незваных гостей при их с Сириусом беседе, стало быть, и так не предвиделось.

Гарри стянул с себя Плащ-невидимку и плюхнулся в кресло перед камином. Комната была окутана полутьмой; её освещал только огонь в камине. На столе валялись значки «Болейте за СЕДРИКА ДИГГОРИ», над которыми нынешним вечером пытались колдовать братья Криви: теперь каждый значок гласил «ПОТТЕР — НАСТОЯЩАЯ ВОНЮЧКА». Гарри перевёл взгляд обратно на огонь — и подскочил в кресле.

Оттуда на него смотрела голова Сириуса. Если бы Гарри уже не видел, как тот же номер проделал мистер Диггори на кухне у Уизли, он бы, наверное, свихнулся от страха. Но на этот раз, впервые за много дней, он улыбнулся, выкарабкался из кресла, присел на корточки у огня, и спросил: — Сириус… ну как ты?

Сириус выглядел иначе, чем Гарри запомнил его. При последнем прощании у того было худое, измождённое лицо в оправе длинных, чёрных

свалявшихся волос. Но теперь они были коротко острижены, чисто вымыты, а само лицо округлилось и казалось много моложе. Теперь Сириус гораздо больше походил на свою фотографию — единственную, которая сохранилась у Гарри, ту самую, которую сделали на свадьбе его родителей.

— Да ладно я, ты-то как? — Сириус был крайне серьёзен.

— Я… — Гарри попытался было сказать — в порядке, — но не смог. И тут, не в силах больше сдерживаться, он заговорил. Он столько не говорил в течение всех предыдущих дней. Он рассказал Сириусу, как никто не поверил, что он и не пытался проскользнуть на турнир, как Рита Скитер наплела о нём кучу выдумок в «Ежедневном пророке», как ему не давала прохода вся школа… и про Рона, как Рон не поверил ему, как Рон завидует…

— …а вот сейчас Хагрид показал мне, что надо будет делать во вторник, и знаешь, Сириус, это драконы, и я теперь точно пропал, — с отчаянием закончил он.

Сириус не сводил с него озабоченного взгляда — в его глазах, где-то в глубине, всё ещё оставалась тень того загнанного, полумёртвого ужаса,

который поселился там с тех пор, как Сириус побывал в Азкабане. Он не перебивал Гарри, пока тот не выговорился полностью и не замолчал — и тогда произнёс: — С драконами мы справимся, Гарри, но всё в своё время — а у меня его мало… Я пробрался кому-то в дом, чтобы воспользоваться огнём для связи, но они могут вернуться в любую минуту. Мне нужно кое о чём тебя предупредить.

— О чём? — Гарри приуныл ещё больше… неужто есть ещё что-нибудь, похуже драконов?

— Каркаров, — сказал Сириус. — Он был Пожирателем смерти, Гарри… ты ведь знаешь, кто такие Пожиратели смерти?

— Ну да… он… что-что?

— Его поймали и отправили в Азкабан вместе со мной, но потом выпустили. Готов поставить всё, что хочешь, что из-за него-то Дамблдор и вызвал в Хогвартс Хмури. Это «Дикий глаз» поймал Каркарова. И в Азкабан его он отправил.

— Каркарова выпустили? — Гарри говорил медленно, пытаясь осмыслить ещё одну порцию ошеломляющих новостей. — Почему?

— Он договорился с Министерством Магии, — с горечью ответил Сириус. — Сказал, что раскаялся, понял свою ошибку, и стал называть имена…

многих усадил в Азкабан на своё место… можешь мне поверить, там у него недобрая слава. И, насколько мне известно, как только он выкарабкался из Азкабана, так сразу начал учить Тёмным силам каждого школьника в этом своём заведении. Так что не спускай глаз и с Чемпиона из Дурмштранга.

— Ладно, — протянул Гарри. — Но… ты, значит, думаешь, что Каркаров подсунул моё имя в Кубок? Если это правда, то он просто классный актёр. Он требовал, чтобы меня исключили из турнира.

— Ну, в его актёрских талантах сомневаться не приходится, — заметил Сириус, — раз уж ему удалось убедить Министерство Магии дать ему вольную, верно? И ещё, Гарри. Я почитывал «Ежедневный пророк»…

— Да уж все почитывали, — мрачно ответил Гарри.

— …и смог понять из статьи этой Скитер, которую они напечатали в прошлом месяце, что на «Дикого глаза» напали как раз за ночь до того, как ему надо было отправляться в Хогвартс. Да знаю я, что они это представили как очередную ложную тревогу, — торопливо добавил он, видя, что Гарри уже собрался что-то сказать. — Только мне что-то

не верится. По-моему, кто-то и правда не хотел, чтобы он добрался до Хогвартса. Кому-то, сдаётся мне, его присутствие сильно осложнило жизнь. Только никто этим всерьёз не займется — «Дикий глаз» шумел насчёт нападений на себя слишком часто. Однако это не значит, что он потерял нюх на настоящие опасности. Хмури — лучший из всех Авроров министерства.

— Так что же… выходит, Каркаров хочет меня убить, так, что ли? — задумался Гарри. — Но… зачем ему?

Сириус, казалось, не был уверен, отвечать ли.

— Поговаривают о странных делах, — наконец, протянул он. — Пожиратели смерти что-то зашевелились в последнее время. Вон, и на Кубке мира по Квиддитчу вылезли на свет божий. Кто-то выпустил Тёмную метку… и потом — ты слышал о ведьме из министерстве, которая пропала?

— Берте Джоркинс?

— Вот именно… она исчезла где-то в Албании, а ведь это как раз там, где, по слухам, последний раз видели Волдеморта… и уж она-то знала о Турнире Трёх Волшебников.

— Да, но ведь… вряд ли она бы пошла в гости к Волдеморту, верно? — возразил Гарри.

— Слушай, — мрачно перебил его Сириус, — я

знал Берту Джоркинс. Мы вместе учились в Хогвартсе — она была на пару лет постарше меня и твоего отца. Так вот, она была полная размазня. Всюду совала нос — а мозгов с горошину, да и то я преувеличиваю. Не лучшее сочетание качеств, Гарри, поверь мне. И вот что я тебе скажу — заманить её в ловушку было бы легче лёгкого.

— Так… так значит, Волдеморт может знать о турнире? Мог знать ещё заранее? — спросил Гарри. — Это ты хочешь сказать? Думаешь, Каркаров здесь по его приказу?

— Не знаю, — медленно произнёс Сириус. — Просто не знаю… на Каркарова это не похоже. Он бы вряд ли побежал к Волдеморту по своей воле, пока не уверился бы, что тот достаточно могущественен. Пока не знал бы точно, что защита ему обеспечена. Но кто бы это ни был, тот, кто подсунул твоё имя в Кубок, он имел веские причины. И как ни крути, а трудно отрицать, что с помощью турнира было бы очень удобно на тебя напасть, и замаскировать это дело под несчастный случай.

— Отличный план, насколько я могу судить, — уныло отозвался Гарри. — Невелик труд сейчас расправиться со мной: знай, смотри себе, как драконы займутся своим делом.

— Ах да, эти драконы, — теперь Сириус говорил

торопливо, словно боясь опоздать. — На них есть управа, Гарри. Только не вздумай применять Оглушающее заклинание. В драконах слишком много волшебной силы для одного участника. Чтобы это подействовало, нужно как минимум полдюжины волшебников одновременно…

— Да знаю я, только что сам видел, — кивнул Гарри.

— Но ты можешь и один с ними справиться, — сказал Сириус. — Есть один способ, и всё, что тебе нужно — это одно простое заклинание. Всё, что надо — это…

Но тут Гарри знаком остановил Сириуса. Его сердце забилось так сильно, словно было готово разорваться. Он заслышал шаги по винтовой лестнице у себя за спиной.

— Уходи! — зашипел он на Сириуса. — УХОДИ! Кто-то идёт!

Он вскочил на ноги, заслоняя собой огонь: если кто увидит Сириуса в Хогвартском камине, тут такое начнётся…

министерство будет тут как тут, и Гарри начнут допрашивать, где сейчас Сириус…

В огне за его спиной раздался легкий хлопок, и Гарри понял, что Сириус испарился. Но кому же вздумалось выйти на прогулку в час ночи, и

помешать Сириусу рассказать Гарри, как справиться с драконом?

Это оказался Рон. В своей бордовой пижаме. Он остановился как вкопанный, увидев Гарри, и осмотрелся.

— А с кем ты разговаривал? — спросил он.

— А тебе какое дело? — прошипел Гарри. — Ты-то что здесь делаешь, посреди ночи?

— Просто хотел посмотреть, куда ты… — но тут Рон оборвал сам себя, и пожал плечами. — Да неважно. Я пойду дальше спать.

— Просто решил вынюхать, что да как, правильно? — рявкнул Гарри. Он знал, что Рон ничего не мог знать о том, чему он помешал, что он не нарочно, но ему было всё равно… В эту минуту Гарри ненавидел в Роне всё, даже кусочек голой щиколотки, торчавшей из-под коротковатой пижамной брючины.

— Ну, извини, — от гнева Рон даже покраснел. — Надо бы мне знать, что тебя нельзя теперь беспокоить. Тренируйся себе дальше для нового интервью.

Гарри схватил со стола один из значков с надписью «ПОТТЕР — НАСТОЯЩАЯ ВОНЮЧКА» и изо всех сил швырнул его в Рона. Значок угодил ему в лоб отскочил.

— Ну, вот, — выдохнул Гарри. — Теперь тебе есть, что надеть во вторник. А если тебе повезёт, может, ещё и шрам останется. Тебе ведь этого хочется, да?

Он зашагал прочь, к лестнице; он ожидал, что Рон остановит его… он был бы даже рад, если бы тот его ударил, но Рон так и остался стоять на месте, в своей пижаме, из которой вырос. И умчавшийся наверх Гарри долго ещё лежал без сна, кипя яростью, но так и не услышал, чтобы Рон вернулся в постель.

20. Первое задание

Гарри проснулся воскресным утром, и принялся одеваться так рассеянно, что прошло некоторое время, прежде чем он сообразил, что пытается натянуть на ногу островерхий колпак вместо носка. Когда наконец все предметы одежды заняли законное место на своих частях тела, он поспешил на поиск Гермионы, обнаружив её за столом Гриффиндора в Большом зале, где они вместе с Джинни поглощали завтрак. Чувствуя, что от одного вида пищи его тошнит, Гарри дождался, пока Гермиона проглотит последнюю ложку каши, а затем вытащил её на свежий воздух. Там, в течение длинной прогулки вокруг озера, он рассказал ей о драконах и о том, что поведал ему Сириус.

Будучи встревожена предостережениями Сириуса о Каркарове, Гермиона всё же сочла драконов более неотложной проблемой.

— Попробуем хотя бы, чтобы ты дожил до вечера вторника, — сказала она в отчаянии, — а там уже можем побеспокоиться и о Каркарове.

Они трижды обошли вокруг озера, всю дорогу

пытаясь придумать простое заклинание, которое одолело бы дракона. Никакого озарения на них так и не снизошло, поэтому взамен они переключились на библиотеку. Там Гарри повытаскивал с полок все книги, какие только мог найти по драконам, и они вдвоём принялись за работу, перекапывая большую груду томов.

— Обрезка когтей… лечение чешуйной гнили… — это без толку, это для чудаков вроде Хагрида, которые хотят их содержать здоровыми…

— Драконов исключительно тяжело поразить, благодаря древней магии, пронизывающей их толстую шкуру, которую могут пробить лишь самые могущественные заклинания… но Сириус сказал, что достаточно будет простого…

— Попробуем тогда какие-нибудь сборники простых заклинаний, — сказал Гарри, отбрасывая «Люди, которые слишком любили своих драконов».

Он вернулся к столу с кучей волшебных книг, разложил их и начал пролистывать все по очереди, а Гермиона непрерывно шептала у его плеча.

— Ну, вот Замещающие заклинания… — но какой смысл Замещать его? Хотя если заменить ему клыки на липкую смолу или что-то, что бы сделало его менее опасным… Одна беда, книга

ясно говорит, что мало что пройдёт сквозь его шкуру… Я бы сказала, примени к нему Трансфигурацию, но пытаться сделать это с чем-то настолько большим у тебя и вправду нет шансов, я сомневаюсь что даже профессор МакГонагалл… если только ты не предполагаешь использовать заклинание на себе? Может, приобрести какие-то дополнительные способности? Но это уже не простые заклинания, я имею в виду, мы такие не проходили на занятиях, и я знаю о них только потому, что работала с заданиями С.О.В…

— Гермиона, — процедил Гарри сквозь сжатые зубы, — ты бы не могла ненадолго заткнуться, пожалуйста? Я пытаюсь сосредоточиться.

Но когда Гермиона умолкла, голова Гарри заполнилась монотонным гудением, не оставлявшим ему шанса хоть как-то сосредоточиться. Он безо всякой надежды уставился на оглавление «Простейших проклятий не отвлекающих от занятий»: Мгновенное скальпирование… но у драконов нет волос… Перцовое дыхание… это скорее только усилит огневую мощь дракона… Рога на язык… как раз то что нужно, чтобы дать ему ещё и дополнительное оружие…

— О, нет, опять он возвращается, ну почему он не может читать на своём дурацком корабле? —

сказала Гермиона раздражённо, следя за тем, как в зал проковылял Виктор Крам, одарив их двоих сердитым взглядом и расположившись в дальнем углу с кипой книг. — Ладно, Гарри, пойдём обратно в гостиную… а то его фан-клуб будет здесь через минуту, болтая без передышки…

И точно: едва они покинули библиотеку, как группа девчонок прокралась на цыпочках мимо них. У одной из них вокруг талии был повязан шарф, раскрашенный в цвета болгарского флага.

Гарри едва сомкнул глаза этой ночью. Проснувшись в понедельник утром, он впервые за всё время всерьёз подумал о побеге из Хогвартса. Но, окинув взглядом Большой зал за завтраком, думая о том, что значит для него покинуть этот замок, он осознал, что просто не сможет этого сделать. Это единственное место, где он когда-либо был счастлив… конечно, он предполагал, что с родителями он тоже был счастлив, но не мог этого помнить.

Каким-то образом, сознание того, что он лучше встретиться здесь с драконом, чем с Дадли на Привит драйв, подбодрило его; от этого ему стало немного спокойнее. Он с трудом прикончил свой бекон (аппетит его так и не посетил), и, в тот момент, когда они с Гермионой вставали,

он увидел Седрика Диггори, покидавшего стол Хаффлпаффа.

Седрик ещё не знал о драконах… единственный из Чемпионов, кто не знал, если, конечно, Гарри прав, и мадам Максим и Каркаров рассказали Флёр и Краму…

— Гермиона, встретимся в теплицах, — сказал Гарри, приняв решение в то самое время, когда он провожал Седрика взглядом. — Иди, я тебя догоню.

— Гарри, ты опоздаешь, звонок может зазвенеть…

— Я догоню тебя, хорошо?

К тому времени, как Гарри достиг низа мраморной лестницы, Седрик был на самом верху. Он был окружён толпой шестиклассников. Гарри не хотел беседовать с Седриком при них; они были из тех, кто цитировал статью Риты Скитер в его адрес всякий раз, когда он оказывался рядом. Он следовал за Седриком на расстоянии и заметил, что тот направляется к классу Чар. Это натолкнуло Гарри на мысль. Немного притормозив, так что между ними образовалось некоторое расстояние, он вытащил свою палочку и аккуратно прицелился:

— Диффиндо!

Сумка Седрика лопнула. Свитки, перья и книги хлынули на пол. Несколько бутылочек с чернилами разбились.

— Не беспокойтесь, — раздражённо сказал Седрик, когда друзья кинулись помогать ему. — Скажите Флитвику, что я иду, давайте…

Это было в точности то, на что надеялся Гарри. Он засунул палочку обратно под мантию, подождал, пока друзья Седрика исчезли в классе, и поспешил по коридору, в котором никого теперь не было, кроме него и Седрика.

— Привет, — сказал Седрик, подбирая экземпляр «Учебника по продвинутой Трансфигурации», который был теперь забрызган чернилами. — Моя сумка только что лопнула… совершенно новая и всё такое…

— Седрик, — сказал Гарри, — Первым заданием будут драконы.

— Что? — переспросил Седрик, поднимая голову.

— Драконы, — сказал Гарри быстро, на случай, если профессор Флитвик выйдет посмотреть, куда подевался Седрик. — Они припасли четырёх, по одному на каждого, и мы должны пройти мимо них.

Седрик застыл и уставился на него. Гарри за-

метил, как признак паники, в которой он сам находился с вечера субботы, мелькнул в его глазах.

— Ты уверен? — приглушённо спросил Седрик.

— Совершенно уверен, — сказал Гарри, — я их видел.

— Но как ты об этом узнал? Нам не полагается…

— Неважно, — сказал Гарри; он знал, что у Хагрида будут неприятности, если он расскажет правду. — Но я не единственный, кто знает. Флёр и Крам уже узнали: мадам Максим и Каркаров тоже видели драконов.

Седрик выпрямился, держа в охапке испачканные чернилами перья, свитки и книги; лопнувшая сумка свисала с его плеча. Он неотрывно смотрел на Гарри, и взгляд его был озадаченным, почти что подозрительным.

— Почему ты рассказываешь это мне? — спросил он.

Гарри смотрел на него не веря своим ушам. Он был уверен, что Седрик не спросил бы этого, если бы сам видел драконов. Гарри не пожелал бы своему злейшему врагу встретиться с этими чудовищами без подготовки — ну, разве что Малфою или Снейпу…

— Просто, так… будет честно, ты не думаешь? — ответил он Седрику. — Теперь мы все знаем… у всех равные шансы, понимаешь?

Седрик всё ещё с подозрением смотрел на него, когда за спиной Гарри раздался знакомый скрежет. Гарри обернулся и увидел, как Хмури-«Дикий глаз» возникает из ближайшей классной комнаты.

— Пройдём со мной, Поттер, — пророкотал он. — Диггори, свободен.

Гарри охватило дурное предчувствие. Что, если тот ненароком подслушал их?

— Гм… профессор, я должен быть на Герболо-гии…

— Это подождёт, Поттер. В мой кабинет, пожа-луйста…

Гарри последовал за ним, гадая, что сейчас с ним произойдёт. Что, если Хмури захочет знать, как он разузнал о драконах? Пойдёт ли Хмури-«Дикий Глаз» к Дамблдору стучать на Хагрида, или просто превратит Гарри в хорька? Ну, может, будет легче проскользнуть мимо дракона, будучи хорьком, думал Гарри уныло, он меньше, куда труднее увидеть с высоты в пятьдесят футов.

Он вошёл за Диким Глазом в его кабинет. Хму-ри закрыл за ними дверь и повернулся к Гарри,

его волшебный глаз уставился на него вместе с нормальным.

— Ты сейчас поступил очень достойно, Поттер, — тихо сказал Дикий Глаз.

Гарри не знал, что ответить: это было совсем не то, чего он ожидал.

— Садись, — сказал «Дикий Глаз», и Гарри сел, оглядываясь по сторонам.

Он уже был в этом кабинете, когда тот принадлежал двум предыдущим своим обитателям. В дни профессора Локхарта стены были покрыты улыбающимися, подмигивающими портретами самого Локхарта. Когда тут жил Люпин, здесь с большой вероятностью можно было наткнуться на восхитительный экземпляр какого-нибудь порождения Тьмы, добытый им для изучения на занятиях. Теперь, однако, кабинет был заполнен кучей исключительно странных предметов, которые, как предположил Гарри, Хмури использовал в бытность свою Аврором.

На его столе стояло нечто, напоминающее большой, потрескавшийся, стеклянный вертящийся волчок; Гарри сразу узнал в нём Плутоскоп, потому что у него самого был такой, только гораздо меньше, чем у «Дикого Глаза». В углу на маленьком столике стоял предмет, напоминающий

невероятно скрученную золотую телевизионную антенну. Он тихо гудел. Нечто, выглядевшее как зеркало, висело напротив Гарри на стене, но оно не отражало комнату. В нём кружились расплывчатые тени.

— Нравятся мои Детекторы Тьмы, а? — спросил Дикий Глаз, который в это время пристально следил за Гарри.

— Что это? — спросил Гарри, указывая на закрученную золотую антенну.

— Сенсор Скрытности. Вибрирует, когда чувствует скрытность или ложь… без толку здесь, конечно, слишком много помех — учащиеся со всех сторон врут, почему они не сделали домашнее задание. Гудит непрерывно с тех пор, как я сюда перебрался. Пришлось отключить мой Плутоскоп, потому что он не переставал свистеть. Он сверхчувствительный, засекает сигналы больше чем на милю вокруг. Конечно, он замечает гораздо больше, чем какие-то детские шалости, — ворча, добавил он.

— А для чего зеркало?

— О, это моё Вражье Стекло. Видишь, как они там кружат? Мне не о чем беспокоиться, пока я не увижу белки их глаз. Вот тогда я открываю сундук.

Он испустил короткий, жёсткий смешок, и указал на большой сундук под окном. Семь замочных скважин зияли в ряд на его передней стенке. Гарри стал гадать, что в нём, пока следующий вопрос Хмури не вернул его на землю.

— Итак… ты узнал о драконах, не так ли?

Гарри смешался. Этого-то он и боялся — но он не сказал Седрику, и определённо не собирается говорить Хмури-«Дикому Глазу», что Хагрид нарушил правила.

— Всё в порядке, — сказал Хмури, усаживаясь и со стоном вытягивая свою деревянную ногу. — Жульничество — это традиционная часть Турнира Трёх Волшебников, и всегда было так.

— Я не жульничал, — сказал Гарри резко. — Я… вроде как случайно узнал.

Дикий Глаз ухмыльнулся.

— Я тебя не обвиняю, парень. Я с самого начала говорил Дамблдору, он может играть в благородство, сколько его душе угодно, но бьюсь об заклад, что старик Каркаров и мадам Максим не будут. Они уж расскажут своим Чемпионам всё, что могут. Они хотят победить. Они хотят побить Дамблдора. Они хотят доказать, что он всего лишь человек.

«Дикий Глаз» издал ещё один жёсткий сме-

шок, а его волшебный глаз завертелся вдруг так быстро, что Гарри, следившего за ним, слегка затошнило.

— Ну… уже имеешь какие-нибудь мысли по поводу того, как пробраться мимо твоего дракона? — спросил Дикий Глаз.

— Нет, — ответил Гарри.

— Ну, я тебе не стану подсказывать, — заметил «Дикий Глаз» грубо. — У меня любимчиков нет, да-с. Я просто собираюсь дать тебе пару добрых, общих советов. И первый из них — используй свои сильные стороны.

— Да нет у меня никаких сильных сторон, — брякнул Гарри, не успев подумать.

— Извини, — проворчал Хмури, — если уж я говорю, что они есть — значит есть. Теперь думай. Что тебе удаётся лучше всего?

Гарри попробовал сосредоточиться. Что ему лучше всего удаётся? Ну, это действительно просто…

— Квиддитч, — сказал он уныло, — и много помощи…

— Верно, — сказал «Дикий Глаз», глядя на него очень пристально, волшебный глаз почти замер. — Ты чертовски хороший Ловец, как я слышал.

— Да, но… — Гарри уставился на него. — Мётлы брать не разрешают, у меня будет только палочка…

— Мой второй добрый совет, — громко изрёк Хмури, перебивая его, — это использовать хорошее, простое заклинание, которое позволит тебе получить то, что нужно.

Гарри глядел на него тупо. Что же ему нужно?

— Давай, малец… — шептал Хмури-«Дикий Глаз». — Сложи вместе… это не так сложно…

И до него дошло. Он был лучшим в воздухе. Ему надо было пройти дракона в воздухе. Для этого, ему нужна была «Молния». А чтобы получить «Молнию», ему нужно было…

— Гермиона, — прошептал Гарри, влетев в теплицу три минуты спустя и пробормотав торопливые извинения профессору Спраут. — Гермиона, мне нужна твоя помощь.

— А ты как думаешь, что я пытаюсь делать, Гарри? — прошипела она в ответ, озабоченно выпучив глаза через подрагивающий куст Порхотуньи.

— Гермиона, я должен научиться Призывающему заклинанию к завтрашнему утру.

И они тренировались. Они не пошли на обед, а свернули в пустой класс, где Гарри пытался изо

всех своих сил заставить всевозможные предметы лететь по комнате в своём направлении. У него всё ещё были проблемы. Книги и перья то и дело утрачивали свой импульс на полпути, и обрушивались камнем на пол посередине комнаты.

— Сконцентрируйся, Гарри, сконцентрируйся…

— Что, как ты думаешь, я пытаюсь сделать? — сказал сердито Гарри. — Почему-то в моей голове продолжает скакать громадный жирный дракон… Ладно, попробуем опять…

Он хотел прогулять Прорицание, чтобы продолжать тренироваться, но Гермиона наотрез отказалась пропустить Арифмантику, а без неё оставаться не имело смысла. Поэтому ему больше часа пришлось выносить профессора Трелони, которая чуть ли не пол-урока рассказывала всем о том, что положение Марса относительно Сатурна в это время значит для людей, родившихся в июле, большой риск внезапной насильственной смерти.

— Вот и славно, — заметил Гарри вслух, вконец утратив самообладание, — лишь бы только смерть не долгой была. Не хочу мучиться.

У Рона был такой вид, словно он собирался за-

смеяться; он точно встретился с Гарри взглядом впервые за эти дни, но Гарри всё ещё чувствовал себя обиженным и не обратил на Рона никакого внимания. Он провёл остаток урока, пытаясь притягивать к себе мелкие объекты палочкой из-под стола. Ему удалось заставить муху влететь прямиком к себе в руку, хотя он не был абсолютно уверен, что это было доказательством его мастерства в Призывающем заклинании — возможно, муха просто была полной дурой.

Он усилием заставил себя проглотить ужин после Прорицания, затем вернулся в пустой класс с Гермионой, пользуясь Плащом-невидимкой, чтобы избежать встреч с учителями. Они продолжали тренироваться, пока не наступила полночь. Они оставались бы и дальше, но объявился Пивз, и, прикинувшись, что Гарри вознамерился бросать вещи в него, начал швыряться стульями. Гарри и Гермиона спешно ретировались, прежде чем шум привлёк внимание Филча, и вернулись в гостиную Гриффиндора, которая теперь была к счастью пуста.

В два часа ночи Гарри стоял у камина, окружённый кучей вещей: среди них были книги, перья, несколько перевёрнутых стульев, старый набор Плюй-камней и жаба Невилла, Тревор. Только

за прошедший час Гарри действительно удалось ухватить суть Призывающего заклинания.

— Это уже лучше, Гарри, это гораздо, гораздо лучше, — сказала Гермиона, выглядя измотанной, но очень довольной.

— Ну, теперь мы знаем, что делать в следующий раз, когда мне не будет даваться заклинание, — заметил Гарри, бросая рунный словарь обратно Гермионе, чтобы попробовать ещё раз, — припугнуть меня драконом. Итак… — он ещё раз поднял палочку. — Акцио словарь!

Тяжёлая книга воспарила из рук Гермионы, перелетела через комнату, и Гарри поймал её.

— Гарри, я правда думаю, что у тебя получается! — сказала Гермиона восхищённо.

— Это пока, а что будет завтра? — ответил Гарри. — «Молния» будет гораздо дальше, чем весь этот хлам, она будет в замке, а я буду на территории…

— Это неважно, — сказала Гермиона твёрдо. — Если ты сосредоточишься по-настоящему, очень, очень сильно, она прилетит. Гарри, тебе лучше сейчас поспать… тебе это пригодится.

Гарри так сильно сконцентрировался на изучении Призывающего заклинания в тот вечер, что даже часть слепой паники покинула его. Она,

однако, вернулась в полную силу наступившим утром. В школе царила атмосфера напряжения и возбуждения. Уроки должны были окончиться к полудню, давая всем учащимся время добраться до места встречи с драконами — хотя, конечно, они ещё не знали, что за зрелище им предстоит.

Гарри чувствовал себя странно отрешённым ото всех вокруг, желали ли ему удачи, или шипели — Мы запаслись носовыми платочками, Поттер, — проходя мимо. Он находился в таком нервном состоянии, что гадал, не потеряет ли голову, когда его попытаются подвести к дракону, и не начнёт ли проклинать всех вокруг. Время текло в более своеобразной манере, чем когда бы то ни было: оно пролетало мимо гигантскими пригоршнями, вот в одно мгновение он сидит на первом уроке, Истории Магии, а в следующее уже бредёт на обед… и затем (куда подевалось всё утро? последние часы, оставшиеся ему до дракона?), профессор МакГонагалл спешит к нему через Большой зал. Множество людей смотрят на них.

— Поттер, Чемпионы сейчас должны выходить… Тебе предстоит приготовиться к твоему Первому заданию.

— Хорошо, — сказал Гарри, вставая, и его вилка упала, звякнув, на тарелку.

— Удачи, Гарри, — прошептала Гермиона. — Ты справишься!

— М-да, — сказал Гарри голосом, совершенно непохожим на свой.

Он покинул Большой зал с профессором МакГонагалл. Она тоже была на себя не похожа; по правде сказать, она выглядела почти такой же встревоженной, как и Гермиона. После того, как они спустились по каменным ступеням, и вышли наружу под холодное ноябрьское небо, она положила руку ему на плечо:

— Ну, не паникуй, — сказала она, — и не теряй головы… Неподалёку будут стоять волшебники, готовые вмешаться в любую минуту, если ситуация вдруг станет неуправляемой. Главное, старайся — настолько, на сколько сможешь, и никто ничего плохого о тебе не подумает. Ты нормально себя чувствуешь?

— Да, — услышал свой голос Гарри. — Да, я в порядке.

Она повела его к тому месту, где были драконы, за край леса, но когда они достигли группы деревьев, за которой должна была появиться поляна, Гарри увидел, что около неё возведён шатёр, входом обращённый к ним, и скрывающий драконов из виду.

— Ты должен войти сюда вместе с другими Чемпионами, — сказала профессор Мак-Гонагалл слегка дрожащим голосом, — и ждать своей очереди, Поттер. Мистер Бэгман уже там… он расскажет тебе о… о распорядке… Удачи.

— Спасибо, — сказал Гарри безжизненным голосом. Она оставила его у входа в шатёр. Он вошёл.

Флёр Делакур сидела в углу на низенькой деревянной табуретке. От её обычной собранности не было и следа, скорее, она выглядела бледной и вспотевшей. Виктор Крам хмурился сильнее обычного, в чём Гарри предположил проявление нервозности в его случае. Седрик ходил взад и вперёд. Когда Гарри вошёл, тот коротко улыбнулся ему, на что Гарри улыбнулся в ответ, чувствуя, что мышцы лица плохо его слушаются, как будто они отвыкли улыбаться.

— Гарри! Отлично! — воскликнул Бэгман радостно, оглядывая его. — Заходи, заходи, чувствуй себя как дома!

Бэгман выглядел как слегка перераздутый мультяшный персонаж, стоя среди бледнолицых Чемпионов. На нём опять была его старая Осиная форма.

— Ну, раз вы все здесь, пришло время просве-

тить вас! — весело объявил Бэгман. — Когда соберётся аудитория, я собираюсь предложить каждому из вас заглянуть в этот мешок, — он поднял маленький мешочек из фиолетового шёлка и потряс им перед ними, — из которого каждый из вас вытащит маленькую модель того, с чем ему предстоит встретиться! Там разные… гм… разновидности, видите ли. И должен ещё кое-что сказать вам… ах, да… вашей задачей будет достать золотое яйцо!

Гарри глянул вокруг. Седрик коротко кивнул, показывая, что он понял слова Бэгмана, и снова принялся мерить шагами внутренность шатра; он выглядел слегка зеленоватым. Флёр Делакур и Крам никак не отреагировали. Возможно, они чувствовали, что им будет плохо, если они попытаются открыть рот; по крайней мере, Гарри чувствовал себя именно так. Но они, по крайней мере, шли на это добровольно…

И вот, казалось, и минуты не прошло, а шаги сотен и сотен пар ног, проходивших мимо шатра, уже раздавались снаружи, их обладатели возбуждённо переговаривались, смеялись, шутили… Гарри чувствовал себя настолько оторванным от толпы, как будто они принадлежали к разным мирам. А затем — как показалось Гарри, через

секунду — Бэгман открыл горловину фиолетового шёлкового мешочка.

— Сначала дамы, — сказал он, протягивая его Флёр Делакур.

Она засунула внутрь дрожащую руку и извлекла крошечную, изящную модель дракона — Уэльского Зелёного. На его шее был номер два. И Гарри понял, по тому, что Флёр не выказала ни тени удивления, но, скорее, определённость, смешанную с обречённостью, что он был прав: мадам Максим рассказала ей о том, что её ждёт.

То же оказалось верным и для Крама. Тот вытащил алого Китайского Огнемёта, с номером три вокруг шеи. Он даже и не моргнул, просто сел обратно и вперился в землю.

Седрик опустил руку в мешок, и на свет появился голубовато-серый Шведский Короткорыл с номером один, повязанным на шее. Уже зная, что осталось, Гарри положил руку в мешок и вытянул Венгерского Рогохвоста, и номер четыре. Пока он разглядывал его, тот расправил свои крылья и обнажил миниатюрные клыки.

— Ну, вот, и готово! — сказал Бэгман. — Каждый из вас вытянул того дракона, с которым встретится, а номера относятся к очерёдности, в которой вы должны выходить на драконов, ясно? Теперь

я должен оставить вас на минутку, потому что я комментатор. Мистер Диггори, вы первый, просто выходите на арену, когда услышите свисток, хорошо? А теперь… Гарри… можно тебя на минутку? Снаружи?

— Гм… да, — сказал Гарри безжизненно, поднялся и вышел из палатки с Бэгманом, который отвёл его на короткое расстояние за деревья, а затем повернулся к нему с отечески заботливым выражением на лице:

— Чувствуешь себя хорошо, Гарри? Что-нибудь принести тебе?

— Что? — переспросил Гарри. — Я… нет, не надо.

— Есть план? — спросил Бэгман, заговорщически понижая голос. — Потому что я не против подкинуть пару подсказок, если ты хочешь, конечно. Я имею в виду, — Бэгман продолжил, ещё понизив голос, — они все имеют перед тобой преимущество, Гарри… Всё, чем я мог бы помочь…

— Нет, — ответил Гарри так быстро, что почувствовал, что это прозвучало грубо, — нет… я… я знаю что делать, спасибо.

— Никто не будет знать, Гарри, — сказал Бэгмен, подмигивая ему.

— Нет, я готов, — сказал Гарри, гадая, поче-

му ему приходится твердить это всем, и гадая, чувствовал ли он себя когда-нибудь менее готовым. — Я выработал план, я…

Где-то прозвучал свисток.

— Боже правый, я должен бежать! — встревожился Бэгман и поспешил прочь.

Гарри пошёл обратно к шатру и увидел выныривающего из него Седрика. Тот был зеленее, чем когда-либо. Гарри попытался пожелать ему удачи, но всё, что ему удалось выдавить, было похоже на хриплый всхлип.

Гарри вернулся в шатёр к Флёр и Краму. Мгновения спустя они услышали рёв толпы, что означало, что Седрик вышел на арену и стоял теперь лицом к лицу с живым оригиналом своей модели.

Это оказалось хуже, чем он мог себе вообразить, вот так вот сидеть и слушать. Толпа вскрикивала… орала… захлёбывалась как единое многоголовое существо, в то время как Седрик делал, что он там собирался делать, чтобы пройти своего Шведского Короткорыла. Крам по-прежнему пялился в землю. Флёр же принялась повторять маршрут Седрика, меряя шагами внутренность шатра вновь и вновь. А комментарии Бэгмана делали всё это гораздо, гораздо хуже. Жуткие

картины рисовались в мозгу Гарри, когда до него доносилось: — Ох, близкий был промах, очень близкий… Да, этот парень сильно рискует!.. Хитрый ход — жаль, что он не сработал!

И затем, через приблизительно пятнадцать минут, Гарри услышал оглушительный рёв, который мог значить лишь одно: Седрик пробрался мимо своего дракона и захватил золотое яйцо.

— Действительно, очень хорошо! — кричал Бэгман. — А теперь оценки судей!

Но он не услышал оценок: Гарри предположил, что судьи поднимают их и показывают зрителям.

— Один есть, трое осталось! — заорал Бэгман, и свисток прозвучал снова. — Мисс Делакур, будьте любезны!

Флёр дрожала с ног до головы; теперь Гарри чувствовал к ней больше дружеских чувств, чем до сих пор, когда она покинула шатёр с высоко поднятой головой, сжимая палочку в руке. Он и Крам остались одни, по разные стороны шатра, избегая глядеть друг на друга.

Та же процедура началась вновь… Им было слышно, как Бэгман ликующе кричит: — О, я не уверен, что это было мудро!.. О… почти! Теперь осторожно… боже правый, я уж думал оно у неё

в руках!

Десять минут спустя, Гарри услышал, как толпа разразилась аплодисментами ещё раз… должно быть, Флёр тоже прошла испытание. Пауза, в течение которой показывались оценки Флёр… ещё хлопки… затем, третий раз, свисток.

— И вот появляется мистер Крам! — вскричал Бэгман, и Крам прошаркал наружу, оставив Гарри совершенно одного.

Он сильнее чем обычно ощущал своё тело; чувствовал, как частит сердце, как пальцы дрожат от страха… и в то же время, он словно наблюдал себя со стороны, видя стены шатра и слыша рёв толпы как будто откуда-то издалека.

— Очень смело! — вопил Бэгман, и Гарри услышал, как Китайский Огнемёт издал ужасающий, ревущий визг, и толпа затаила дыхание. — Он показывает изрядное хладнокровие — и, — да, он достал яйцо!

Аплодисменты сотрясли холодный воздух как бьющееся стекло; Крам закончил — теперь очередь за Гарри.

Он встал, смутно отмечая, что его ноги будто сделаны из ваты. Он ждал. И затем он услышал свисток. Он вышел сквозь проём шатра, и паника волной поднималась изнутри. Теперь он шёл

мимо деревьев, в проход в ограде арены.

Ему казалось, что это необычный цветной сон. Сотни и сотни лиц смотрели вниз на него с трибун, наколдованных здесь после того, как он был тут в прошлый раз. А ещё здесь была Рогохвостиха, на другом конце арены: драконихa, низко припавшая над своей кладкой яиц, свернув крылья, уставив на него злые, жёлтые глаза; чудовищный, чёрный чешуйчатый ящер, нервно выбивающий шипастым хвостом метровые следы на твёрдой земле. Толпа страшно шумела, но поддерживала она его или нет, Гарри не знал и не хотел знать. Настало время сделать то, что он должен сделать… сосредоточить свой разум, полностью и абсолютно, на вещи, которая была его единственным шансом.

Он поднял палочку.

— Акцио «Молния»! — выкрикнул он.

Гарри ждал, надеясь, молясь каждой клеточкой своего тела… Если это не сработает… если она не прилетит… Ему казалось, он смотрит на всё вокруг как сквозь какой-то мерцающий, светящийся барьер, как сквозь дрожащий поток нагретого воздуха, отчего арена и сотни лиц вокруг него странно поплыли…

А затем он услышал, как что-то летит в воздухе

за его спиной; он обернулся и увидел, как его «Молния» со свистом пронеслась к нему, огибая край леса, спланировала на арену и как вкопанная остановилась рядом, ожидая, чтобы он сел верхом. Толпа зашумела громче… Бэгман что-то выкрикивал… но уши Гарри больше не реагировали… звуки — это неважно…

Он перенёс ногу через метлу и оттолкнулся от земли. И через секунду произошло чудо.

Когда он взмыл ввысь, когда ветер заструился по его волосам, когда лица толпы стали просто розовыми булавочными головками внизу, а Рогохвостиха сжалась до размера собаки, он осознал, что не только землю оставил он далеко внизу: он оставил там все свои страхи… Он вернулся в родную стихию…

Это был просто ещё один квиддитчный матч, вот и всё… просто ещё один матч, а эта Рогохвостиха была просто ещё одной уродливой командой-противником.

Он взглянул вниз на кладку яиц и заметил золотое, сверкающее среди своих цементно-серых собратьев, и надёжно покоящееся между передних лап дракона. — Хорошо, — скомандовал себе Гарри, — отвлекающий манёвр… приступим…

Он спикировал. Голова драконихи следовала

за ним; он знал, что она собирается сделать, и вышел из пике как раз вовремя: струя пламени ударила точно в то место, где бы он находился, если бы не вывернул в сторону… но Гарри это не волновало… это было не сложнее, чем уклониться от Бладжера.

— Чёрт побери, воистину он умеет летать! — завопил Бэгман, в то время как толпа взвизгнула и задохнулась. — Вы видите, мистер Крам?

Гарри, кружась, набирал высоту; Рогохвостиха по-прежнему следила за его траекторией, и её голова вращалась на длинной шее — если он будет так продолжать, скоро она определённо закружится — но лучше не крутиться слишком долго, или она опять изрыгнёт огонь…

Гарри рухнул вниз, едва Рогохвостиха разинула пасть, но в этот раз ему посчастливилось меньше: он избежал пламени, но навстречу ему со свистом взметнулся хвост, и, пока он уклонялся влево, один из длинных шипов оцарапал его плечо, разодрав мантию…

Он почувствовал, как боль обожгла его, услышал визг и рёв толпы, но царапина, похоже, была неглубокой… Сейчас он взмывал за спиной Рогохвостихи, и его осенило возможное решение…

Не похоже, чтобы драконихa стремилась взле-

теть, она слишком берегла свои яйца. Хотя она изворачивалась и извивалась, разворачивала и сворачивала крылья и сверлила Гарри ужасными жёлтыми глазами, она боялась отодвинуться слишком далеко от них… но он должен её уговорить, или он никогда до них не доберётся… Весь трюк в том, чтобы сделать это осторожно, постепенно…

Он начал летать сначала в одну сторону, затем в другую, недостаточно близко для того, чтобы она могла дыхнуть в него огнём и поджарить его, но всё же представляя достаточную угрозу для яиц, чтобы быть уверенным — она не сводит с него глаз. Её голова поворачивалась то в одну, то в другую сторону, следя за ним глазами с сузившимися зрачками, обнажив клыки…

Он поднялся выше. Голова Рогохвостихи поднялась за ним, её шея вытянулась во всю длину, покачиваясь, как змея перед факиром…

Гарри поднялся ещё на пару метров, и она издала раздосадованный рёв. Для неё он был как назойливая муха, муха, которую она страстно желала поймать; её хвост хлестнул вновь, но теперь он был слишком высоко, чтобы достать… Она плюнула в воздух огнём, он уклонился… Её челюсти широко раскрылись…

— Давай, — шипел Гарри, вертясь над ней и изводя её, — давай, давай, достань меня… встань и достань.

И тогда она встала на дыбы, расправляя наконец свои гигантские чёрные кожистые крылья, широкие, как крылья небольшого самолёта — и Гарри спикировал. Прежде, чем драконихa поняла, что произошло, и куда он исчез, он ринулся к земле со всей скоростью, на какую был способен, к яйцам, не защищённым теперь её когтистыми передними лапами — он снял руки с «Молнии» — и схватил золотое яйцо…

А затем, с огромной скоростью он рванулся прочь, взмыл над трибунами, сжимая тяжёлое яйцо невредимой рукой, и как будто в этот момент кто-то снова включил громкость на полную мощь — первый раз он по-настоящему ощутил рёв толпы, которая теперь кричала и аплодировала так громко, как ирландские болельщики на Кубке мира…

— Посмотрите-ка! — орал Бэгман. — Посмотрите на это! Наш самый молодой претендент быстрее всех добыл своё яйцо! Ну, это повысит ставки на мистера Поттера!

Гарри увидел, как смотрители дракона выбегают вперёд, чтобы усмирить Рогохвостиху, а у

выхода на арену профессор МакГонагалл, профессор Хмури и Хагрид спешат встретить его, махая ему руками; их улыбки были ясно видны даже с такого расстояния. Он пролетел обратно над трибунами, пока шум толпы бил в его барабанные перепонки, и плавно спустился на землю, и на сердце его было так легко, как давно не бывало… Он справился со своим Первым заданием, он выжил.

— Это было великолепно, Поттер! — воскликнула профессор МакГонагалл, пока он спрыгивал с «Молнии», что было с её стороны непомерной похвалой. Он заметил, что рука её дрожала, указывая на его плечо. — Тебе необходимо посетить мадам Помфри прежде, чем судьи объявят твои оценки… Сюда, ей уже пришлось подлечить Диггори…

— Ты сделал это! — сказал Хагрид хрипло. — Ты сделал это! И против Рогохвоста, ёлы-палы, а знаешь, Чарли сказал, этот всех злее…

— Спасибо, Хагрид, — перебил его Гарри громко, так, чтобы Хагрид не заболтался и не упомянул, что показывал Гарри драконов раньше.

У «Дикого Глаза» тоже был очень довольный вид; его волшебный глаз плясал в своей глазнице.

— Ловкость рук и никакого мошенничества, Поттер, — пророкотал он.

— А сейчас, Поттер, пожалуйста, в палатку первой помощи, — сказала профессор МакГонагалл.

Гарри вышел с арены, всё ещё задыхаясь, и увидел мадам Помфри, стоящую в проёме второго шатра и озабоченно глядящую на него.

— Драконы! — сказала она с отвращением, затаскивая Гарри внутрь. Шатёр был поделён на палаты; он видел тень Седрика через ткань, но было не похоже, чтобы тот был серьёзно ранен; во всяком случае, он сидел. Мадам Помфри осмотрела плечо Гарри, непрерывно ворча себе под нос. — В прошлом году Дементоры, в этом драконы, что они притащат в школу в следующий раз? Тебе повезло… рана не очень глубокая… хотя потребуется прочистить прежде, чем я её заживлю…

Она очистила рану мазком какой-то фиолетовой жидкости, которая дымилась и воняла, но затем ткнула его плечо своей палочкой, и он почувствовал, как оно мгновенно заживает.

— Теперь просто посиди спокойно минутку — сиди! А потом можешь идти получать свои оценки.

Она протиснулась наружу, и Гарри услышал,

как она подошла к соседнему входу и спросила:
— Как ты сейчас себя чувствуешь, Диггори?

Гарри не хотел сидеть спокойно: адреналин переполнял его. Он поднялся, желая видеть, что происходит снаружи, но прежде чем он достиг выхода из шатра, две фигуры прошмыгнули внутрь — Гермиона, за которой тут же последовал Рон.

— Гарри, ты был великолепен! — пропищала Гермиона. На её лице были следы от ногтей. — Ты всех потряс! Правда!

Но Гарри смотрел на Рона, который был очень бледен, и смотрел на Гарри, как если бы тот был призраком.

— Гарри, — сказал он очень серьёзно, — кто бы ни был тот, кто положил твоё имя в этот Кубок… я… я думаю, он хотел тебя прикончить!

Как будто и не было последних нескольких недель — Гарри как будто встретил Рона первый раз, как раз после того, как из него сделали Чемпиона.

— Ну дошло наконец, да? — сказал Гарри холодно. — Много времени у тебя на это ушло.

Гермиона стояла между ними, нервно переводя взгляд с одного на другого. Рон неуверенно открыл рот. Гарри понял, что Рон собирается говорить извинения, и неожиданно обнаружил,

что не нуждается в них.

— Всё нормально, — сказал он прежде, чем Рон нашёл слова. — Забудь об этом.

— Нет, — сказал Рон, — я не должен был…

— Просто забудь, — повторил Гарри.

Рон нервно улыбнулся ему, и Гарри улыбнулся в ответ.

Гермиона расплакалась.

— Нечего тут плакать! — сказал ей Гарри, смущаясь.

— Вы оба такие глупые! — крикнула она, топая ногами, слёзы текли у неё ручьём. Затем, прежде чем кто-либо из них мог её остановить, она обняла их обоих и ринулась прочь, всё ещё рыдая.

— Совсем рехнулась, — сказал Рон, качая головой. — Пойдём, Гарри, сейчас будут объявлять твои оценки…

Подобрав золотое яйцо и «Молнию», чувствуя себя в таком приподнятом настроении, что час назад он вообще мог посчитать невозможным, Гарри выбрался из шатра. Рон шёл рядом, быстро говоря:

— Ты был лучшим, знаешь, вне конкуренции. Седрик сделал этакую чудную штуку, он Преобразовал камень… превратил его в собаку… пытался заставить дракона погнаться не за собой, а за

собакой. Ну, это было весьма крутая Трансфигурация, и она типа как сработала, потому как он достал яйцо, но и обгорел неслабо — дракон на полпути передумал и решил, что лучше доберётся до него, чем до лабрадора; ему едва удалось уйти. А эта девица Флёр попробовала что-то типа чар, думаю, она пыталась ввести его в транс — ну, это вроде как тоже сработало, он весь стал такой сонный, но потом он всхрапнул, и от этого выплюнул громадную струю пламени, и её юбка загорелась — она тушила её водой из своей палочки. А Крам — не поверишь, этот даже не подумал летать! Хотя он, наверное, был лучшим после тебя. Шарахнул его каким-то заклинанием прямо в глаз! Только вот, тот задёргался вокруг в агонии и передавил половину настоящих яиц — за это с Крама сняли очки, он не должен был причинять им никакого вреда.

Рон перевёл дыхание, когда они с Гарри добрались до края арены. Теперь, когда Рогохвостиху увели, Гарри увидел, где сидели пятеро судей — как раз напротив, на другом конце арены, на приподнятых креслах в золотых чехлах.

— Каждый даёт оценку от одного до десяти, — говорил Рон, и Гарри, прищурившись через поле, увидел, как первый судья — мадам Максим —

поднимает палочку в воздух. Из неё выстрелило нечто, выглядевшее как длинная серебряная лента, и изогнулось в большую восьмёрку.

— Неплохо! — сказал Рон под аплодисменты толпы. — Полагаю, она сняла очки за твоё плечо.

Следующим был мистер Крауч. Он выстрелил в воздух цифру девять.

— Хорошо пошло! — завопил Рон, хлопая Гарри по спине.

Далее, Дамблдор. Он тоже поднял девятку. Толпа ликовала сильнее обычного.

Людо Бэгман — десять.

— Десять? — недоверчиво спросил Гарри. — Но… я же был ранен… Чего он подыгрывает?

— Гарри, не жалуйся! — возбуждённо орал Рон.

И теперь Каркаров поднял палочку. Он сделал паузу на мгновение, и затем и из его палочки выстрелила цифра — четыре.

— Что? — Рон яростно бушевал. — Четыре? Ты, вшивый, пристрастный мерзавец, ты дал Краму десять!

Но Гарри было всё равно, его не волновало бы, если бы Каркаров дал ему ноль; то, как Рон возмущался вместо него, стоило больше, чем целых сто очков. Он, конечно, не сказал этого Рону, но сердце его рвалось из груди, когда он повернулся,

чтобы покинуть арену. И не только из-за Рона… потому что не только Гриффиндорцы ликовали в толпе. Когда все увидели, что его ждёт, большая часть школы оказалась на его стороне, так же как и Седрика… Его не волновали Слизеринцы, теперь-то он стерпит любые их гадости.

— Ты делишь первое место, Гарри! Ты и Крам! — сказал Чарли Уизли, спеша им навстречу, в то время как они отправились обратно к школе. — Слушай, мне надо бежать, надо послать маме сову, клянусь, я расскажу ей обо всём, что произошло — но это было невероятно! О, да — меня просили передать, чтобы ты побыл здесь ещё пару минут… Бэгман хочет сказать пару слов, там, в шатре Чемпионов.

Рон сказал, что подождёт, так что Гарри вновь вошёл в шатёр, который теперь каким-то образом изменился: стал дружелюбным и гостеприимным. Он припомнил свои ощущения, когда уворачивался от Рогохвостихи, и сравнил их с долгим ожиданием, прежде чем встретил её лицом к лицу… Никакого сравнения, ожидание было неизмеримо хуже.

Флёр, Седрик и Крам вошли вместе. Половина лица Седрика была покрыта густым слоем оранжевой пасты, которая, скорее всего, залечивала

его ожог. При виде Гарри он улыбнулся.

— Ты молодец, Гарри.

— Ты тоже, — сказал Гарри, улыбаясь в ответ.

— Вы все хорошо справились! — сказал Людо Бэгман, впрыгивая в шатёр и выглядя настолько удовлетворённо, как будто он лично только что справился с драконом. — Теперь, просто несколько коротких слов. У вас будет замечательный длинный перерыв перед Вторым заданием, которое произойдёт в половине десятого утра двадцать четвёртого февраля — но мы даём вам пищу для размышлений! Если вы внимательно посмотрите на золотые яйца, которые держите в руках, то увидите, что все они открываются… видите петли вот тут? Вам необходимо решить загадку, находящуюся внутри яйца — потому что она подскажет вам, что будет во втором испытании, и позволит вам подготовиться к нему! Всё ясно? Уверены? Ну, тогда ступайте!

Гарри покинул шатёр, присоединился к Рону, и они пошли обратно вокруг опушки леса, увлечённо переговариваясь; Гарри хотел поподробней узнать, что делали остальные Чемпионы. Затем, когда они обошли группу деревьев, за которой Гарри впервые услышал рёв драконов, позади них из леса выпрыгнула ведьма.

Это была Рита Скитер. Сегодня на ней была ядовито-зелёная мантия; Прямоцитирующее перо в её руке было нацелено на них.

— Мои поздравления, Гарри! — просияла она. — Я подумала, не мог бы ты сказать мне пару слов? Как ты чувствовал себя, оказавшись лицом к лицу с драконом? Каково твоё мнение о справедливости оценок?

— Да, я скажу вам пару слов, — сказал Гарри, озверев. — До свидания!

И он направился в замок вместе с Роном.

21. Армия Освобождения Домовых Эльфов

В тот же вечер Гарри, Рон и Гермиона отправились в Совятню за Пигвидженом, с которым Гарри намеревался отправить Сириусу письмо и сообщить, что ему удалось пройти дракона целым и невредимым. По дороге Гарри пересказал Рону всё, что Сириус рассказал ему о Каркарове. Поначалу потрясённый тем, что Каркаров оказался бывшим Пожирателем смерти, к тому времени, как они вошли в Совятню, Рон уже говорил, что они с самого начала должны были заподозрить его.

— Всё сходится, не так ли? — заявил он. — Помните, как Малфой в поезде рассказывал, что его отец дружен с Каркаровым? Теперь мы знаем, где они познакомились. Небось, вместе тусовались в масках на Кубке мира… Одно тебе скажу, Гарри: если это Каркаров положил твоё имя в Кубок Огня, сейчас он должен себя чувствовать чертовски глупо, а? Не сработало же! Ты только чуток оцарапался! Пиг, иди сюда — ну-ка…

Пигвиджен был настолько возбуждён предсто-

ящей доставкой, что нарезал круги вокруг головы Гарри, беспрестанно ухая. Рон сцапал его на лету и держал неподвижно, пока Гарри привязывал письмо к ноге совёнка.

— Не может такого быть, чтобы остальные задания были такими же опасными, — продолжал Рон, неся Пигвиджена к окну. — Знаешь что? Я думаю, ты можешь даже выиграть турнир, Гарри, серьёзно.

Гарри знал, что Рон говорит это, чтобы загладить своё поведение за последние пару недель, но всё равно был благодарен за эти слова. Гермиона, правда, нахмурилась, прислонившись к стене и скрестив руки.

— Гарри предстоят нешуточные испытания. Там посмотрим, — сказала она серьёзно. — Если это — Первое задание, я боюсь даже подумать, что будет следующим.

— Всегда готова поднять настроение, а? — сказал Рон. — Тебе и профессору Трелони стоит почаще общаться друг с другом.

Он швырнул Пигвиджена в окно. Пигвиджен рухнул вниз футов на двенадцать, но затем ему удалось выровняться: письмо, прикреплённое к его ноге, было куда длиннее и тяжелее обычного — Гарри не смог удержаться от искушения распи-

сать Сириусу чуть ли не посекундное изложение своих увёрток от Рогохвоста. Они проследили за тем, как Пигвиджен исчезает в темноте, и Рон сказал:

— Ну, теперь нам лучше поторопиться вниз на твою вечеринку, Гарри — Фред и Джордж должны были уже натаскать кучу еды с кухни.

И можно было не сомневаться, едва они вошли в гостиную Гриффиндора, она снова взорвалась приветственными криками. На каждой ровной поверхности громоздились горы пирожных и графины с тыквенным соком и Ирисэлем; Ли Джордан выпустил несколько Флибустьерских Фейерверков, так что воздух сверкал звёздами и искрами, а Дин Томас, который очень хорошо рисовал, вывесил новые, весьма впечатляющие плакаты, большая часть которых изображала Гарри, кружащего вокруг Рогохвоста на своей «Молнии»; на паре из них, впрочем, был Седрик с головой, охваченной пламенем.

Гарри набросился на еду; он почти забыл за эти дни, что такое настоящий голод, и теперь устроился за столом рядом с Роном и Гермионой. Он не мог представить, что можно быть таким счастливым: Рон снова был на его стороне, он одолел Первое задание, а до Второго ещё целых

три месяца.

— Чёрт, тяжёлое же оно, — сказал Ли Джордан, поднимая золотое яйцо, которое Гарри оставил на столе, и оценивающе его взвешивая. — Ну-ка, Гарри, открой его! Посмотрим-ка, что внутри!

— Полагается, чтобы он самостоятельно нашёл отгадку, — быстро сказала Гермиона. — Таковы правила турнира…

— Полагалось, чтобы я в одиночку гадал и как пройти дракона тоже, — пробормотал Гарри, так что только Гермиона могла его слышать, и та довольно виновато улыбнулась.

— Да, давай, Гарри, открой его! — подхватили несколько голосов.

Ли передал Гарри яйцо; Гарри вцепился ногтями в края бороздки, проходившей вокруг яйца, и с усилием открыл его.

Оно оказалось полым и абсолютно пустым — но в тот момент, когда Гарри распахнул его, ужасающий звук, громкий и скрипучий вой, заполнил комнату. Самое похожее, что Гарри когда-либо слышал, был оркестр призраков на вечеринке по поводу дня смерти Почти Безголового Ника, все музыканты в котором играли на пиле.

— Заткните его! — завопил Фред, зажав руками уши.

— Что это было? — спросил Шеймус Финниган, уставившись на яйцо, едва Гарри захлопнул его. — По звуку похоже на баньши… Может, в следующий раз тебе надо будет одолеть одну из них, Гарри?

— Как будто мучают кого-то! — заявил Невилл, который от этого звука побелел и рассыпал колбасные рулеты по полу. — Тебе придётся бороться с заклятием Круциатус!

— Не пори чушь, Невилл, это незаконно, — сказал Джордж. — Они не станут применять заклятие Круциатус к Чемпионам. По-моему, смахивает на пение Перси … может, тебе надо будет напасть на него, пока он моется в душе, Гарри.

— Хочешь пирожок с джемом, Гермиона? — спросил Фред.

Гермиона посмотрела с сомнением на блюдо, которое он ей предлагал. Фред ухмыльнулся.

— С ними я ничего не делал, — сказал он. — Вот пирожных с кремом и правда стоит остерегаться…

Невилл, который едва было откусил кремовое пирожное, поперхнулся и выплюнул его. Фред рассмеялся.

— Извини, просто шутка, Невилл…

Гермиона взяла пирожок с джемом. Затем она

поинтересовалась:

— Ты взял это всё на кухне, Фред?

— Ага, — ухмыльнулся Фред в ответ. Он тоненько запищал, подражая домовому. — Всё, что мы только сможем вам достать, сэр, всё что угодно! — Они чертовски услужливы… они притащили бы мне жареного слона, если бы я заявил, что голоден.

— Как же ты туда попал? — нарочито невинным тоном спросила Гермиона.

— Легко, — ответил Фред, — потайная дверь за картиной, на которой ваза с фруктами. Просто пощекочешь грушу, и она хихикнет и… — он замолчал и с подозрением посмотрел на неё. — А зачем тебе?

— Незачем, — быстро сказала Гермиона.

— Хочешь вытащить домовых на стачку, да? — сказал Джордж. — Собираешься раздавать листовки и провоцировать их на восстание?

Некоторые из присутствующих захихикали. Гермиона не ответила.

— Не надо ходить к ним и рассказывать, что они должны брать одежду и плату! — предупреждающе заговорил Фред. — Ты же нарушишь им всю кухонную работу!

И тут Невилл весьма своевременно вызвал

лёгкий переполох, превратившись в большую канарейку.

— Ох, извини, Невилл! — закричал Фред сквозь всеобщий смех. — Я забыл — всё-таки кремовые пирожные мы заколдовали…

Спустя минуту, правда, Невилл вновь изменил форму, и когда его перья поопадали, оказалось, что выглядит он нормально, как и прежде. Он даже присоединился к всеобщему веселью.

— Канареечные Кремовые! — выкрикивал Фред возбуждённой толпе. — Мы с Джорджем изобрели их — семь сиклей за штуку, налетай!

Был почти час ночи, когда Гарри наконец поднялся в спальню с Роном, Невиллом, Шеймусом и Дином. Прежде чем задёрнуть полог на своей кровати, Гарри установил крошечную модель Венгерского Рогохвоста на столик у кровати, где она моментально зевнула, свернулась в клубочек и закрыла глаза. — Действительно, — подумал Гарри, задёргивая полог, — Хагрид был прав… они и правда ничего, эти драконы…

Начало декабря принесло в Хогвартс ветер и снежную крупу. Хотя в замке зимой всегда было полно сквозняков, Гарри радовался его каминам и толстым стенам всякий раз, когда видел на озере Дурмштрангский корабль, дрожащий под

порывами ветра; чёрные паруса вздымались в потемневших небесах. Он подумывал о том, что Бобатонский караван наверняка тоже порядком мёрзнет. Хагрид, как он заметил, регулярно снабжал лошадей мадам Максим их любимым пойлом из солодового виски; паров, поднимавшиеся из кормушки в углу их загона, было достаточно для того, чтобы закружить головы всему классу на занятиях по Уходу за Волшебными Существами. Это было совсем некстати, так как они всё ещё обхаживали ужасных Крутонов, а для этого требовалась вся возможная сноровка.

— Не уверен я, впали они в спячку, али нет, — поведал Хагрид продрогшему классу на продуваемой ветром тыквенной грядке. — Хотя, мы просто попробуем и поглядим, и если они пошли баиньки… мы просто устроим их в эти коробочки…

К настоящему времени осталось всего десять Крутонов: определённо, их желание изничтожить друг друга не удалось погасить с помощью упражнений. Каждый из них приближался длиной к шести футам. Их толстая серая броня, их мощные, торопливые ноги, их извергающие огонь брюшка, их жала и хоботки, будучи собраны вместе, делали Крутонов самыми отвратительными тварями, каких Гарри когда-либо

видел. Класс деморализованно взирал на чудовищные ящики, которые приволок Хагрид, все устланные подушками и мягкими одеялами.

— Мы их просто заведём сюда, — вещал Хагрид, — и закроем крышечки, а дальше посмотрим, что будет.

Но Крутоны, как оказалось, не желали впадать в спячку, и не встретили с должным пониманием чьё-то намерение запихать их в обитые подушками ящики и заколотить их гвоздями. И скоро Хагрид орал: — Без паники, только без паники! — а Крутоны буйствовали на участке, покрытом теперь дымящимися обломками ящиков. Большая часть класса — с Малфоем, Крэббом и Гойлом во главе — удрали в хижину Хагрида через заднюю дверь и забаррикадировались там; Гарри, Рон и Гермиона остались среди тех, кто оставался снаружи и пытался помочь Хагриду. Вместе им удалось изолировать и связать, хотя и ценой многочисленных ожогов и царапин, девять Крутонов, так что, наконец, на поле оставался лишь один.

— Не пугайте его, эй! — закричал Хагрид, видя, как Рон и Гарри выстреливают из своих палочек снопы огненных искр в Крутона, который угрожающе приближался к ним, выгнув подрагивающее

жало над спиной. — Лучше попытайтесь закинуть верёвку вокруг жала, чтобы он не повредил никому из остальных!

— Да уж, постараемся! — сердито выкрикнул Рон, отступая вместе с Гарри к стене хижины и отбиваясь от Крутона искрами.

— Так-так-так… похоже, здесь творится что-то весёленькое.

Рита Скитер прислонилась к садовой ограде, наблюдая за побоищем. Сегодня на ней был тёплый фиолетовый плащ с пушистым пурпурным воротником, а на руке висела сумочка из крокодильей кожи.

Хагрид бросился вперёд и приземлился сверху на Крутона, загнавшего в угол Гарри и Рона, и придавил его к земле; язык пламени вырвался с конца крутонова брюшка, испепелив росшие поблизости тыквы.

— Вы кто? — спросил Хагрид у Риты, забрасывая верёвочную петлю вокруг жала Крутона и затягивая её.

— Рита Скитер, репортер «Ежедневного пророка», — ответила Рита, скалясь. Её золотые зубы блеснули.

— А я думал, Дамблдор сказал, чтоб вас не пускали в школу, — заметил Хагрид, слегка хмурясь,

слез со слегка помятого Крутона и начал тянуть его к остальным.

Рита сделала вид, что не слышала.

— Как называются эти восхитительные создания? — поинтересовалась она, улыбаясь ещё шире.

— Взрывохвостые Крутоны, — буркнул Хагрид.

— Правда? — просияла Рита, изображая живейший интерес. — Я никогда о них не слышала раньше… откуда они родом?

Гарри заметил, как волна румянца пробивается сквозь густую чёрную Хагридову бороду, и сердце его упало. Откуда Хагрид взял Крутонов? Гермиона, которая, похоже, подумала в эту секунду о том же, о чём и он, быстро сказала:

— Они очень интересные, не правда ли? Правда, Гарри?

— Что? А, да… ох… очень интересные, — согласился Гарри, которому она наступила на ногу.

— А-а-а, и ты здесь, Гарри! — воскликнула Рита Скитер, оборачиваясь. — Итак, тебе нравится Уход за Волшебными Существами, да? Один из твоих любимых уроков?

— Да, — выдавил Гарри. Хагрид улыбнулся ему.

— Чудненько, — сказала Рита. — Просто чудненько. Долго преподаёте? — она вернулась к

Хагриду.

Гарри заметил, как глаза её скользнули по Дину (который заработал глубокий порез через всю щёку), Лаванде (чья мантия сильно обгорела), Шеймусу (прижавшему ко рту обожжённые пальцы), и затем к окнам хижины, за которыми стояла большая часть класса, и, прижав к стеклу носы, вглядывалась, не очистился ли горизонт.

— Только второй год, — сказал Хагрид.

— Чудненько… Я думаю, не согласились бы вы дать мне интервью, а? Поделиться толикой вашего опыта по уходу за волшебными существами? «Пророк» даёт зоологическую колонку каждую среду, как вы, я уверена, знаете. Мы могли бы осветить этих… э-э-э… Взрывоносных Бутонов.

— Взрывохвостых Крутонов, — с готовностью поправил её Хагрид. — Э-э-э… ну да, почему бы нет?

Гарри посетило весьма дурное предчувствие по поводу всего этого, но способа поделиться им с Хагридом втайне от Риты не было, так что ему оставалось лишь молча стоять и смотреть, как Хагрид и Рита Скитер договариваются о встрече в «Трёх Мётлах» на неделе. Затем наверху в замке прозвенел звонок, извещающий о конце урока.

— Ну, до свидания, Гарри! — весело выкрикну-

ла ему Рита Скитер, когда он уходил с Роном и Гермионой. — Тогда до вечера пятницы, Хагрид!

— Она перевернёт с ног на голову всё, что он скажет, — сказал Гарри тихо.

— Это как минимум, если он не ввёз этих Крутонов незаконно, или ещё чего, — в отчаянии добавила Гермиона. Они переглянулись — такое было как раз в стиле Хагрида.

— Хагрид поимел уже кучу неприятностей, и Дамблдор всё равно его не выгнал, — заметил Рон утешающе. — Худшее, что может случиться, это Хагриду придётся избавиться от своих Крутонов. Простите… я сказал худшее? Я имел в виду лучшее!

Гарри с Гермионой засмеялись, и, с немного исправившимся настроением, отправились обедать.

Гарри всерьёз наслаждался двойным уроком Прорицания в тот день; они всё ещё составляли звёздные карты и предсказания, но теперь, когда они с Роном вновь были друзьями, это занятие опять казалось очень забавным. Профессор Трелони, которая была весьма довольна ими двумя, когда они предсказывали собственную ужасную смерть, быстро разозлилась, когда они прохихикали всё её объяснение различных способов,

которыми Плутон может нарушать будничную жизнь.

— Я думаю, — заявила она глухим шёпотом, не скрывавшим очевидного раздражения, — что некоторые из присутствующих, — она прямо посмотрела на Гарри, — могли бы стать менее легкомысленны, если бы увидели то, что видела я в своём хрустальном шаре прошлой ночью. Я сидела, поглощённая вышиванием, когда внутренний порыв силой заставил меня обратиться к шару. Я поднялась, я устроилась перед ним, я заглянула в его хрустальные глубины… и что, как вы думаете, взглянуло из них на меня в ответ?

— Старая летучая мышь в громадных очках? — тихонько пробормотал Рон.

Гарри с колоссальным трудом удалось сохранить серьёзность на лице.

— Смерть, дорогие мои.

Парвати и Лаванда с испуганным видом прижали руки ко рту.

— Да, — продолжала профессор Трелони, кивая, удовлетворённая произведённым впечатлением, — она приближается, она кружит над головой, подобно стервятнику, всё ниже… всё ниже над замком…

Она укоризненно уставилась на Гарри, который

в это время чересчур широко и очевидно зевнул.

— Было бы впечатляюще, если бы она не проделывала это сотню раз до этого, — заметил Гарри, когда они наконец-то вырвались на свободу, на лестнице под комнатой профессора Трелони. — Но если бы я падал замертво всякий раз, когда она говорит, что меня это ожидает, я стал бы просто медицинским феноменом.

— Ты бы стал эдаким сверх-концентрированным призраком, — хихикнул Рон, кивая на Кровавого Барона, двигавшегося в противоположном направлении и зловеще сверкавшего глазами. — По крайней мере нам не дают домашних заданий. Надеюсь, Гермиона огребает их тоннами у профессора Вектор, обожаю бездельничать, когда кто-то…

Но Гермиона не появилась на ужин, не было её и в библиотеке, куда они отправились её искать. Единственным читателем здесь был Виктор Крам. Рон поподглядывал за ним из-за книжных полок, шёпотом дискутируя с Гарри, не стоит ли им пойти и попросить автограф — но когда он обнаружил шесть или семь девчонок за соседним стеллажом с книгами, обсуждающих в точности эту же тему, эта идея утратила свою привлекательность.

— Интересно, куда же она подевалась? — спросил Рон, когда они с Гарри вернулись в Гриффиндорскую башню.

— Не знаю… Галиматья.

Но едва Толстая Дама качнулась к ним, как топот за их спинами возвестил о прибытии Гермионы.

— Гарри! — задыхаясь, выпалила она, тормозя рядом с ним (Толстая Дама уставилась на неё сверху, удивлённо подняв брови). — Гарри, ты должен пойти — ты обязан пойти со мной, произошло нечто поразительное — пожалуйста!..

Она схватила Гарри за руку и потащила его обратно по коридору.

— В чём дело? — запротестовал Гарри.

— Покажу тебе, когда мы придём — ну давай же, быстрее…

Гарри обернулся к Рону; тот ответил заинтригованным взглядом.

— Хорошо, — ответил Гарри, и помчался вниз по коридору с Гермионой. Рон поспешил за ними.

— Ох, ну и ладно! — раздражённо крикнула Толстая Дама им вслед. — Даже и не думайте извиняться! Я просто повишу здесь нараспашку, пока вы не изволите вернуться!

— Ага, спасибо! — крикнул Рон через плечо.

— Гермиона, куда мы идём? — спросил Гарри после того, как она протащила их через шесть этажей и устремилась дальше вниз по мраморной лестнице в вестибюль.

— Увидишь, увидишь через минуту! — возбуждённо ответила Гермиона.

У подножия лестницы она свернула налево, и поспешила к двери, через которую ушёл Седрик Диггори в тот вечер, когда Кубок изрыгнул его и Гарри имена. Гарри никогда ещё не входил туда раньше. Они с Роном последовали за Гермионой вниз по череде каменных ступеней, но вместо того, чтобы очутиться в мрачной галерее вроде той, что вела в подземелье Снейпа, они обнаружили широкий каменный коридор, ярко освещённый факелами и украшенный весёленькими картинами, в основном изображавшими еду.

— Постой-ка… — медленно сказал Гарри, тормозя посреди коридора. — Погоди минутку, Гермиона…

— Что? — она обернулась к ним, и на лице её было написано, что она уже знает, что будет дальше.

— Я знаю, что всё это значит.

Он подтолкнул Рона и указал ему на картину прямо за спиной Гермионы. На ней была изобра-

жена гигантская серебряная чаша с фруктами.

— Гермиона! — взвился Рон, поняв, в чём дело. — Ты опять пытаешься нас засунуть в этот зад?!

— Нет, нет, что ты! — запротестовала она торопливо. — Это не зад, Рон…

— Сменила название, да? — нахмурился Рон. — И как мы теперь называемся, Армия освобождения домовых? Я не попрусь на эту кухню, чтобы мешать им, и не собираюсь…

— Я тебя и не прошу! — нетерпеливо возразила Гермиона. — Я спустилась сюда только сегодня, чтобы просто поговорить с ними всеми, и обнаружила — ну, пойдём, Гарри, я должна показать тебе!

Она вновь схватила его за руку, подтащила к картине с гигантской чашей, и, вытянув указательный палец, пощекотала увесистую зелёную грушу. Та захихикала и неожиданно превратилась в большую зелёную дверную ручку. Гермиона ухватилась за неё и, потянув, открыла дверь; потом она подтолкнула Гарри внутрь.

Глазам его на короткое мгновение предстала гигантская комната с высокими потолками, широкая, как Большой зал над ними; горы блестящих медных кастрюль и сковородок громоздились у

каменных стен, а с противоположной стороны топилась громадная кирпичная печь; внезапно что-то маленькое метнулось к нему из середины комнаты, пронзительно вереща:

— Гарри Поттер, сэр! Гарри Поттер!

В следующую секунду удар вышиб из него дух, потому что пищащий домовой врезался ему прямо в диафрагму и сжал его так крепко, что рёбра затрещали.

— Д-д-добби? — выдохнул Гарри.

— Это Добби, сэр, это он! — пищал голос откуда-то из района его живота. — Добби всё надеялся и надеялся увидеть Гарри Поттера, сэр, и Гарри Поттер пришел повидать его, сэр!

Добби наконец отпустил его и отступил на пару шагов, сияя от радости, и на его громадных, зелёных, похожих на теннисные мячики глазах блестели счастливые слёзы. Он выглядел почти так же, каким Гарри помнил его — нос, похожий на карандаш, уши, как крылья летучей мыши, длинные тонкие ноги и пальцы — всё, кроме одежды, которая изменилась до неузнаваемости.

Когда Добби работал на Малфоев, на нём всегда была одна и та же старая грязная наволочка. Теперь же он щеголял самым странным набором одеяний, какой Гарри когда-либо видел; он явно

поработал над собой даже больше, чем некоторые из волшебников на Кубке мира. Вместо шляпы на нём был чехол для чайника, на который он прицепил множество ярких значков; на голой груди красовался галстук с узором из подков; на ногах было нечто, напоминающее детские футбольные шорты и разноцветные носки. Одним из них, как заметил Гарри, был чёрный носок, снятый им с собственной ноги, который он обманом заставил мистера Малфоя дать Добби, тем самым освободив его. Второй был расцвечен розовыми и оранжевыми полосами.

— Добби, что ты здесь делаешь? — удивлённо спросил Гарри.

— Добби пришёл работать в Хогвартс, сэр! — возбуждённо заверещал Добби. — профессор Дамблдор дал Добби и Винки работу, сэр!

— Винки? — спросил Гарри. — И она здесь?

— Да, сэр, да! — воскликнул Добби, и, схватив Гарри за руку, потащил его в глубину кухни между четырьмя длинными деревянными столами. Каждый из этих столов, как заметил Гарри, проходя мимо, располагался в точности под одним из четырёх столов колледжей в Большом зале. В данный момент на них не было еды, так как ужин закончился, но он предположил, что час

назад они были заставлены тарелками, которые затем посылались наверх сквозь потолок.

По меньшей мере сотня маленьких домовых стояла по всей кухне, сияя, кланяясь, и делая реверансы, пока Добби вёл Гарри мимо них. Они все носили одну и ту же униформу: чайная скатёрка, украшенная отпечатанным гербом Хогвартса, и повязанная как тога, как когда-то на Винки.

Добби остановился перед печью и указал пальцем.

— Винки, сэр! — сказал он.

Винки сидела у огня на табуретке. В отличие от Добби, она явно не бросалась в погоню за одёжкой. На ней были аккуратная маленькая юбочка и блузочка с подобранной синей шляпкой, в которой были проделаны специальные дыры для её больших ушей. Правда, в отличие от вещей из странного гардероба Добби, каждая из которых была настолько вычищена и отутюжена, что выглядела как новая, Винки явно не заботилась о своей одежде вообще. Вся её блузка была покрыта пятнами от супа, а в юбке прожжена дыра.

— Привет, Винки, — сказал Гарри.

Губы Винки задрожали. Затем она разрыдалась, да так, что слёзы хлынули ручьём из её больших карих глаз, прямо как тогда на Кубке мира по

Квиддитчу.

— О боже, — вздохнула Гермиона. Они с Роном последовали за Гарри и Добби вглубь кухни. — Винки, не плачь, пожалуйста, не надо…

Но Винки зарыдала ещё сильнее. Добби, с другой стороны, улыбался Гарри.

— Не желает ли Гарри Поттер чашечку чаю? — пропищал он громко, перекрывая всхлипы Винки.

— Гм-м… давай, — сказал Гарри.

В миг шесть домовых подскочили к нему, держа большой серебряный поднос, на котором был выставлен чайник, чашки для Гарри, Рона и Гермионы, кувшинчик с молоком и большая тарелка с печеньем.

— Вот это сервис! — заметил Рон, на которого это произвело сильное впечатление. Гермиона сердито на него посмотрела, но домовые выглядели очень польщёнными; они низко поклонились и удалились.

— Как долго ты здесь, Добби? — спросил Гарри, пока тот суетился над чаем.

— Всего неделю, Гарри Поттер, сэр! — счастливо отвечал Добби. — Добби пришёл встретиться с профессором Дамблдором, сэр. Видите ли, сэр, домовому, который был отпущен, очень трудно

найти новое место, сэр, действительно очень трудно…

При этих словах Винки взвыла ещё громче, её нос в виде расквашенной помидорки закапал всю её блузку, но она не делала ни единой попытки остановить поток.

— Добби путешествовал по стране целых два года, сэр, пытаясь найти работу! — пищал Добби. — Но Добби не нашёл работу, сэр, потому что Добби хочет теперь оплаты!

Домовые по всей кухне, которые с интересом прислушивались к разговору и поглядывали на них, при этих словах все как один отвернулись, как если бы Добби сказал что-то исключительно грубое и неприличное. Гермиона, однако, заметила:

— Молодец, Добби!

— Спасибо, мисс! — улыбнулся ей Добби всеми своими зубами. — Но большинству волшебников не нужен домовой, который хочет оплаты, мисс. — Это уже не домовой! — говорят они, и захлопывают дверь перед носом Добби! Добби любит работу, но он хочет носить одежду и хочет, чтобы ему платили. Гарри Поттер… Добби нравится быть свободным!

Хогвартские домовые начали потихоньку от-

ступать подальше от Добби, как будто у него была какая-то заразная болезнь. Винки не двинулась с места, хотя громкость её плача определённо скакнула ещё выше.

— А затем, Гарри Поттер, Добби идёт в гости к Винки и узнаёт, что Винки тоже освободили, сэр! — вдохновенно продолжал Добби.

При этих словах Винки бросилась с табуретки лицом вниз на вымощенный камнем пол и замолотила по нему маленькими кулачками, громко завывая от горя. Гермиона торопливо опустилась на колени рядом с ней и пыталась утешить её, но все её усилия не принесли ни малейшего видимого результата. Добби продолжал свой рассказ, пронзительно перекрикивая рыдания Винки.

— А затем Добби пришла в голову мысль, Гарри Поттер, сэр! — Почему бы Добби и Винки не поискать работу вместе? — спросил Добби. — Где найдётся столько работы, что хватит для двух домовых? — спросила Винки. И Добби подумал, подумал, и придумал, сэр! Хогвартс! Так Добби и Винки пришли встретиться с профессором Дамблдором, сэр, и профессор Дамблдор взял нас к себе!

Добби расцвёл, и счастливые слёзы снова заблестели на его глазах.

— И профессор Дамблдор сказал, он будет платить Добби, сэр, если Добби хочет платы! И вот Добби — свободный домовой, сэр, и Добби получает галлеон в неделю и один выходной в месяц!

— Не очень-то много! — критически заметила Гермиона с пола, перекрикивая плач Винки и удары её кулачков.

— Профессор Дамблдор предложил Добби десять галлеонов в неделю и выходные субботу и воскресенье, — сказал Добби, внезапно поёжившись, как будто сама мысль о таких богатстве и праздности была для него пугающей, — но Добби отверг это, мисс… Добби любит свободу, мисс, но он не хочет слишком многого, мисс, он больше любит работу.

— А сколько профессор Дамблдор платит тебе, Винки? — спросила Гермиона мягко.

Если она рассчитывала немного утешить её этим, она жестоко ошибалась. Сначала Винки и вправду перестала плакать, но когда она подняла на Гермиону свои большие карие глаза, на её заплаканном лице внезапно отразилась ярость.

— Винки бесчестный домовой, но Винки ещё не платят! — завизжала она. — Винки не пала ещё так низко! Винки достаточно стыда от того, что её освободили!

— Стыда? — непонимающе переспросила Гермиона. — Но, Винки, пойми! Это мистер Крауч должен стыдиться, а не ты! Ты же не сделала ничего дурного, он поступил с тобой просто ужасно…

При этих словах Винки прижала руки к дыркам в своей шляпе, зажав уши так, чтобы ничего не слышать, и заверещала:

— Вы не оскорбляйте моего хозяина, мисс! Вы не оскорбляйте мистера Крауча! Мистер Крауч — хороший волшебник, мисс! Мистер Крауч прав, что выгнал плохую Винки!

— У Винки большие проблемы с адаптацией, — пропищал Добби конфиденциальным тоном. — Винки забывает, что она больше не привязана к мистеру Краучу, ей позволено говорить всё, что она думает, но она этого не делает.

— Так домовые не могут говорить всё, что думают о своём хозяине? — спросил Гарри.

— О, нет, сэр, нет, — ответил Добби, внезапно посерьёзнев. — Это одно из правил подчинения домовых, сэр. Мы храним их секреты и наше молчание, сэр. Мы поддерживаем честь семьи, и мы никогда не говорим дурно о ней — хотя профессор Дамблдор сказал Добби, что не настаивает на этом. Профессор Дамблдор сказал нам, мы

можем… можем…

Добби нервно оглянулся и придвинулся поближе к Гарри. Гарри наклонился к нему. Добби зашептал:

— Он сказал, мы можем называть его хоть старым чокнутым чудилой, если нам так нравится, сэр! — и Добби выдавил испуганный смешок.

— Но Добби не хочет этого, Гарри Поттер, — продолжал Добби громко, встряхивая головой так, что его уши хлопнули. — Добби очень любит профессора Дамблдора и горд хранить его секреты и наше молчание для него.

— Но уж про Малфоев ты можешь теперь говорить всё, что пожелаешь? — улыбаясь, спросил Гарри.

Лёгкий испуг отразился в больших глазах Добби.

— Добби… Добби мог бы, — с сомнением сказал он и пожал маленькими плечами. — Добби мог бы рассказать Гарри Поттеру, что его бывшие хозяева были… были… плохие Тёмные Маги!

Мгновение Добби стоял, дрожа всем телом, охваченный ужасом от собственной смелости, а затем ринулся к ближайшему столу и принялся с силой биться о него головой, визжа: — Плохой Добби! Плохой Добби!

Гарри ухватил Добби сзади за галстук и оттащил его от стола.

— Спасибо, Гарри Поттер, спасибо, — просипел Добби, потирая голову.

— Тебе просто нужно почаще практиковаться, — заметил Гарри.

— Практиковаться?! — яростно выкрикнула Винки. — Ты должен стыдиться, Добби, так говорить о своих хозяевах!

— Они не хозяева мне больше, Винки! — отрезал Добби. — Добби больше не волнует, что они об этом думают!

— Ох, какой ты плохой домовой, Добби! — причитала Винки, слёзы вновь заструились по её лицу. — Бедный мой мистер Крауч, что он делает без Винки? Он нуждается во мне, ему нужна моя помощь! Я прислуживаю Краучам всю свою жизнь, и мать моя служила до меня, и бабушка моя служила до неё… ах, что бы сказали они, если бы узнали, что Винки освободили? Позор, какой позор! — она зарылась лицом в юбку и завыла.

— Винки, — сказала Гермиона твёрдо, — я совершенно уверена, что мистер Крауч прекрасно обходится без тебя. Знаешь, мы видели его и…

— Вы видели моего хозяина? — переспросила Винки, затаив дыхание, поднимая вновь запла-

канное лицо из юбки и глядя на Гермиону. — Вы видели его здесь, в Хогвартсе?

— Да, — ответила Гермиона, — он и мистер Бэгман — судьи на Турнире Трёх Волшебников.

— И мистер Бэгман приехал? — пискнула Винки, и к большому удивлению Гарри (да и Рона с Гермионой, судя по выражению их лиц), она снова рассердилась. — Мистер Бэгман плохой волшебник! Очень плохой волшебник! Мой хозяин не любит его, нет, совсем не любит!

— Бэгман — плохой? — переспросил Гарри.

— Да, да, — Винки яростно закивала головой. — Мой хозяин рассказывал Винки разные вещи! Но Винки не скажет… Винки — Винки хранит секреты своего хозяина…

Она снова ударилась в слёзы, и через рыдания в юбку им удалось расслышать лишь: — Бедный хозяин, бедный мой хозяин, нет больше Винки, чтобы помочь ему!

Больше от Винки не удалось добиться ничего вразумительного. Они оставили её наедине с её горем, и допили чай под счастливую болтовню Добби о его жизни в качестве свободного домового и планах на предстоящую зарплату.

— Добби собирается теперь купить себе свитер, Гарри Поттер! — радостно сказал он, хлопая по

голой груди.

— Знаешь что, Добби, — сказал Рон, который, похоже, проникся к домовому большой симпатией, — я отдам тебе один из тех, что мама вяжет мне на Рождество, я получаю их от неё каждый год. Ты ведь не возражаешь против бордового?

Добби был в восторге.

— Я думаю, придётся немного подогнать его под тебя, — продолжал Рон, — но он очень пойдёт к твоему чехлу от чайника.

Пока они собирались уходить, множество домовых столпилось вокруг них, предлагая им взять что-нибудь перекусить с собой. Гермиона отказалась, хоть и чувствовала себя виноватой, глядя, как домовые продолжают раскланиваться и умолять, но Гарри и Рон набили карманы эклерами и пирожками.

— Спасибо большое! — крикнул Гарри домовым, которые все сгрудились у двери, чтобы пожелать им спокойной ночи. — До встречи, Добби!

— Гарри Поттер… можно Добби иногда будет приходить повидаться с вами, сэр? — робко спросил Добби.

— Конечно можно, — заверил его Гарри, и Добби просиял.

— А знаете что? — сказал Рон, когда они с Гермионой и Гарри покинули кухню и взбирались по ступеням обратно в вестибюль. — Все эти годы меня дико впечатляло, как Фред и Джордж тырят еду с кухни — а это не так уж и сложно, а? Они сами норовят тебе её всучить!

— Я думаю, это лучшее, что только могло случиться с этими домовыми, знаете, — сказала Гермиона, поднимаясь обратно по мраморной лестнице. — Я имею в виду, что Добби пришёл сюда работать. Другие домовые увидят, как он счастлив, будучи свободным, и постепенно до них дойдёт, что они тоже этого хотят!

— Будем надеяться, они не составят другое мнение из-за Винки, — заметил Гарри.

— О, она ещё утешится, — сказала Гермиона не слишком уверенно. — Когда первый шок пройдёт, и она привыкнет к Хогвартсу, она увидит, насколько ей лучше живётся без этого Крауча.

— Она, похоже, любит его, — проговорил Рон глухо (он только что принялся за пирожное с кремом).

— Хотя она невысокого мнения о Бэгмане, а? — сказал Гарри. — Любопытно, что Крауч говорил о нём дома?

— Наверное, что он не слишком хороший

начальник отдела, — сказала Гермиона, — и, посмотрим правде в глаза… в чём-то он прав, так ведь?

— Я всё же охотнее работал бы на него, чем на старика Крауча, — ответил Рон. — По крайней мере, у Бэгмана есть чувство юмора.

— Смотри только, чтобы Перси не услышал это от тебя, — улыбнулась Гермиона.

— Ну, Перси не пожелал бы работать ни с кем, у кого есть чувство юмора! — заявил Рон, откусывая шоколадный эклер. — Перси не распознал бы шутку, даже если б она голой танцевала перед ним, нацепив на голову чехол от чайника.

22. Неожиданное задание

— Поттер! Уизли! Вы будете слушать или нет?

Сердитый голос профессора МакГонагалл прозвучал словно удар хлыста. Гарри с Роном вздрогнули и подняли головы.

Урок подходил к концу; они уже закончили свое задание; морская чайка превратилась в морскую свинку и её заперли в большой клетке на столе профессора МакГонагалл (свинка Невилла была пернатой); они переписали домашнее задание с доски (Опишите и дайте примеры, как можно использовать заклинания Трансфигурации при выполнении Межвидовых преобразований). Звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту. Гарри и Рон сражались на поддельно-волшебных палочках Фреда и Джорджа на задней парте. Они подняли головы — Рон сжимал в руках жестяного попугая, а Гарри — резиновую треску.

— Поскольку Поттер и Уизли ведут себя сообразно их возрасту, — сказала профессор МакГонагалл, сердито глядя на них, и в этот момент голова трески отвалилась и тихо грохнулась на пол — атака попугая не прошла для неё даром, — я со-

бираюсь сделать одно очень важное объявление.

— Приближается Рождественский бал — традиционная часть Турнира Трёх Волшебников. Это замечательная возможность для всех вас поближе познакомиться с нашими зарубежными гостями. На Бал приглашаются ученики начиная с четвёртого класса — однако, вы можете пригласить кого-нибудь из младших.

Лаванда Браун пронзительно хрюкнула. Парвати Патил пихнула её локтём, хотя и сама едва сдержала хихиканье. Они обе обернулись и посмотрели на Гарри.

Профессор МакГонагалл не обратила на них никакого внимания, что Гарри счёл ужасно несправедливым, ведь она только что сделала выговор ему и Рону.

— Вы должны облачиться в праздничные наряды, — продолжала профессор МакГонагалл.

— Бал начнется в восемь часов в Сочельник и закончится в полночь в Большом зале. И…

Профессор пристально обвела взглядом класс.

— Рождественский бал — это, конечно, возможность для нас всех… — распустить волосы, — с неодобрением закончила она.

Лаванда хрюкнула ещё сильнее и зажала рот рукой, чтобы заглушить звук. Теперь Гарри понял,

над чем они смеялись: профессор МакГонагалл, у которой волосы были уложены в тугой пучок, выглядела так, словно в жизни не распускала их ни под каким предлогом.

— Но это НЕ означает, — продолжила профессор МакГонагалл, — что правила поведения студентов Хогвартса вдруг станут не столь строгими. Я буду ужасно рассержена, если ученик Гриффиндора каким-нибудь образом опорочит школу.

Прозвенел звонок, и все кинулись запихивать книги в сумки.

— Поттер, подойдите на пару слов, пожалуйста.

Подозревая, что «пара слов» будет касаться безголовой трески, Гарри с мрачным видом двинулся к учительскому столу. Профессор МакГонагалл подождала, пока все разойдутся, и потом сказала:
— Поттер, Чемпионы и их партнёры…

— Какие партнёры? — удивился Гарри.

Профессор МакГонагалл подозрительно взглянула на него, решив, видимо, что он вздумал шутить.

— Ваши партнёры для Рождественского бала, — холодно произнесла она, — партнёры по танцам.

Гарри внезапно затошнило.

— Партнёры по танцам?

Он почувствовал, что краснеет.

— Я не танцую, — быстро проговорил он.

— Нет, танцуете, — раздражённо произнесла профессор МакГонагалл, — именно это я и хочу вам растолковать. По традиции, Чемпионы и их партнёры открывают Бал.

Гарри вдруг представил себя в цилиндре и с фалдами, и девочку рядом с собой, одетую в вычурное платье, похожее на то, которое тётя Петуния всегда одевала на вечеринки на работе дяди Вернона.

— Я не буду танцевать, — произнёс он.

— Это — традиция, — профессор МакГонагалл была непреклонна. — Вы Чемпион Хогвартса, Поттер, и будьте добры делать всё, что ожидают от вас, как от представителя школы. Так что обязательно найдите себе партнёршу, Поттер.

— Но, я не…

— Вы слышали, что я сказала, Поттер! — отрезала профессор МакГонагалл.

Неделю назад Гарри сказал бы, что найти партнёршу для танцев это пара пустяков по сравнению с битвой с Венгерским Рогохвостом. Но с последним он справился, и вот перед ним предстала необходимость пригласить девочку на бал. Взвесив обе альтернативы, сейчас он бы,

пожалуй, предпочёл битву с драконом.

Гарри не мог вообразить, что столько народу решит остаться в Хогвартсе на Рождество. Конечно, он всегда оставался, потому что ему не улыбалась перспектива вернуться к Дёрсли, но до этого года он был в меньшинстве. Сейчас, похоже, оставались все четверокурсники и старше, и Гарри казалось, что всеми завладел наступающий бал — по крайней мере девочками. Удивительно, сколько в Хогвартсе оказалось девочек; раньше он никогда этого не замечал. Девочки хихикали и перешёптывались в коридорах, девочки громко смеялись, когда мимо них проходили мальчики, девочки взволнованно сравнивали, кто в чём пойдёт на Рождество…

— Почему они ходят стайками? — поинтересовался Гарри, когда десяток девочек, хихикая и глядя на него, порхнул мимо них. — Как же их застать одних, чтобы пригласить?

— Может, заарканить? — предложил Рон. — Ты придумал, кого попробуешь пригласить?

Гарри не ответил. Он совершенно точно знал, кого он хотел бы пригласить, но проблема была не в этом… Чо была на год старше; она была красива; хорошо играла в Квиддитч и была очень популярна. Казалось, Рон понимал, что творилось

в голове у Гарри.

— У тебя не будет трудностей. Ты Чемпион. Ты только что победил Венгерского Рогохвоста. Могу поспорить, что они выстроятся в очередь, чтобы пойти с тобой.

Отдавая дань их недавно восстановленной дружбе, Рон свёл горечь в своём голосе к минимуму. Более того, к изумлению Гарри, он оказался прав. На следующий день кудрявая девочка с третьего курса Хаффлпаффа, с которой Гарри в жизни не разговаривал, попросила пойти с ней на Бал. Гарри был так ошеломлён, что ответил «нет», не успев даже понять в чем дело. Девочка обиделась, а Гарри пришлось терпеть колкости Дина, Шеймуса и Рона всю Историю Магии. На следующий день ещё две девочки пригласили его: второклашка и, к его ужасу, пятикурсница, чей вид наводил на мысль, что её ничто не остановит.

— Она была очень даже симпатичная, — довольно произнёс Рон, когда перестал смеяться.

— Она же на фут выше меня! — возразил Гарри, всё ещё расстроенный. — Представь, как я бы выглядел, когда танцевал бы с ней.

Он постоянно вспоминал, что сказала Гермиона о Краме. — Они любят его, только потому,

что он знаменит! — Гарри сильно сомневался, что какая-нибудь девочка из тех, что пригласили его на бал, захотела бы пойти, если бы он не был Чемпионом. А потом он задумался, волновало бы его это, если бы его пригласила Чо?

В общем Гарри должен был признать, что, несмотря на неловкую перспективу открывать бал, жизнь определённо улучшилась с тех пор, как он прошёл Первое задание. К нему стали относиться не так враждебно, и он полагал, что это из-за Седрика — Гарри пришло в голову, что Седрик попросил Хаффлпаффцев оставить его в покое, в благодарность за предупреждение насчёт драконов. Значков «ЗА СЕДРИКА ДИГГОРИ» стало меньше. Конечно, Драко Малфой продолжал при любой возможности цитировать статью Риты Скитер, но над ней смеялись всё меньше и меньше — и, что больше всего обрадовало Гарри — в «Ежедневном Пророке» не появилось статьи о Хагриде.

— Сказать по правде, мне показалось, она не очень-то интересуется волшебными созданиями, — поведал им Хагрид на Уходе за Волшебными Существами, когда Гарри, Рон и Гермиона спросили его, как прошло интервью с Ритой Скитер. К их большому облегчению Хагрид больше

не заставлял их прогуливать Крутонов.

Теперь ученики сидели за столом позади его хижины, и резали всевозможные съестные припасы, надеясь соблазнить Крутонов отведать хоть что-нибудь.

— Она просто хотела поговорить о тебе, Гарри, — тихо продолжил Хагрид. — Ну, я сказал ей, что мы дружим с тех пор, как я привез тебя от Дёрсли. — Никогда не приходилось делать ему выговор за четыре года? Никогда не разыгрывал вас на уроках? — спросила она. Я ответил — нет — и, по-моему, ей это не сильно понравилось. По-моему она хотела, чтобы я сказал, что ты ужасный ученик, Гарри.

— Ещё бы, — ухмыльнулся Гарри, бросая кусок драконьей печёнки в большой металлический чан, и беря нож, чтобы отрезать ещё чуток. — Она же не может всё время писать о том, какой я бедный маленький герой, это быстро наскучит.

— Ей нужен взгляд с другой стороны, Хагрид, — сказал Рон, разбивая в котёл яйцо саламандры. — Ты должен был сказать, что Гарри сорванец и безумный хулиган.

— Но это же неправда! — возмущённо возразил Хагрид.

— Ей стоило поговорить со Снейпом, — мрачно

произнес Гарри. — Он ей выдаст кучу материала в любое время. — Поттер нарушал запреты с тех пор как попал в эту школу…

— Он так сказал? — удивился Хагрид, пока Рон и Гермиона смеялись. — Ну, ты, конечно, нарушил парочку правил. Но ты же хороший парень, Гарри!

— Спасибо, Хагрид! — усмехнулся Гарри.

— Ты пойдёшь на Рождественский бал, Хагрид? — спросил Рон.

— Да, думаю, загляну туда, — хрипло ответил Хагрид. — Думаю, это будет неплохо. Ты открываешь танцы Гарри, правда? С кем ты идешь?

— Пока ни с кем, — сказал Гарри, чувствуя, что снова краснеет. Хагрид деликатно сменил тему.

Последняя неделя семестра становилась всё более шумной по мере того, как праздник приближался. Слухи о Рождественском бале росли как грибы, хотя Гарри не верил и наполовину. Например, поговаривали, что Дамблдор купил у мадам Розмерты восемьсот баррелей медовухи. Хотя, похоже, что слух о выступлении «Вещих сестричек», скорее всего, был правдой. Гарри не знал, кто такие «Вещие сестрички», потому что никогда не слушал волшебное радио, но из разговоров с теми, кто вырос рядом с приёмником BBC

(Волшебной Волновой Сети), он понял, что это ужасно популярная группа.

Кое-кто из учителей оставил попытки впихнуть в их головы хоть чуточку знаний.

Они понимали, что ученикам сейчас не до занятий. К примеру, профессор Флитвик разрешил им играть в игры весь урок в среду, а сам большую часть урока разговаривал с Гарри о том, как замечательно тот применил Призывающее заклинание на Турнире Трёх Волшебников.

Однако другие учителя оказались не столь великодушны. Ничто не могло сбить с курса профессора Биннса — ведь даже его собственная смерть не охладила его страсти к чтению лекций, поэтому такая мелочь, как Рождество, уж точно не могла этому помешать. Самое удивительное, что в его изложении кровавые мятежи гоблинов звучали столь же захватывающе, как и доклад Перси про толщину котлов. Профессор МакГонагалл и Хмури-«Дикий глаз» заставляли их работать от звонка до звонка, и, уж конечно, Снейп, скорее бы усыновил Гарри, чем разрешил бы им играть на своих уроках. Окинув класс мрачным взглядом, он объявил, что проведёт тест по противоядиям на последнем занятии.

— Злыдень, вот он кто, — горько вздохнул Рон

тем же вечером в Гриффиндорской гостиной. — Отличный он нам подарочек преподнёс. Надо же так испортить последние денёчки, завалив нас домашкой!

— Гм-м… но вы-то не очень напрягаетесь, не правда ли? — ехидно заметила Гермиона, глядя на него поверх своих пергаментов по Зельеварению. Рон строил карточный замок из колоды для Подрывного Дурака — это было гораздо интереснее, чем с картами магглов, потому что всё в любую секунду могло взлететь на воздух.

— Гермиона, ведь скоро Рождество, — лениво произнес Гарри; он перечитывал по десятому разу «Полёты с Пушками», устроившись в кресле у камина.

Гермиона переключилась на него: — Гарри, я думала, ты будешь заниматься чем-нибудь более конструктивным, даже если тебе не хочется учить Зельеварение!

— Например? — спросил Гарри, наблюдая, как Джоуи Дженкинс из Пушек Чадли направила Бладжер в нападающего из Купольных крыс.

— Яйцо! — прошипела Гермиона.

— Ну, Гермиона, у меня еще куча времени до двадцать четвертого февраля, — отмахнулся Гарри.

Он положил золотое яйцо в свой чемодан и не открывал его с той самой вечеринки после Первого задания. У него впереди было два с половиной месяца, чтобы узнать, что, в конце концов, означает этот визгливый вопль.

— На это могут уйти недели! — возмутилась Гермиона. — Ты будешь выглядеть полным идиотом, если все будут знать, в чём состоит Второе задание, а ты — нет!

— Гермиона, оставь его в покое, он заслужил передышку, — произнёс Рон. Он положил две последние карты на свой домик, и тот бабахнул, опалив ему брови.

— Рон, отлично выглядишь… пойдёт к твоей праздничной мантии, точно пойдёт!

Это были Фред и Джордж. Они присели за стол к Гарри, Рону и Гермионе, пока Рон ощупывал своё лицо, составляя перепись повреждений.

— Рон, можно мы одолжим Пигвиджена? — спросил Джордж.

— Его нет. Он доставляет письмо, — сказал Рон. — А что?

— Джордж хочет пригласить его на Бал, — фыркнул Фред.

— Мы хотим отправить письмо, ты, тормоз, — пояснил Джордж.

— Кому это вы всё пишите, а? — поинтересовался Рон.

— Не суй свой нос не в своё дело, или я его тебе тоже подпалю, — провозгласил Фред, грозно размахивая палочкой. — Ну… вы уже определились с кем пойдёте на бал?

— Нет, — вздохнул Рон.

— Вы бы поторопились, коллега, а то всех хорошеньких разберут, — сказал Джордж.

— А с кем идёшь ты? — поинтересовался Рон.

— С Анджелиной, — быстро произнес Фред, без тени смущения.

— Правда? — ошеломлённо произнес Рон. — Ты её уже пригласил?

— Хорошая мысль, — согласился Фред. Он повернулся и крикнул через всю залу. — Эй! Анджелина!

Анджелина, болтавшая с Алисией Спиннет у камина, повернулась к нему.

— Чего надо? — ответила она.

— Пойдёшь со мной на бал?

Анджелина окинула его оценивающим взглядом.

— Пойду, — сказала она и, усмехнувшись, повернулась обратно к Алисии Спиннет.

— Вот так, — сказал Фред Гарри и Рону, — раз

плюнуть.

Зевнув, он поднялся и произнёс: — Ну, мы, пожалуй, воспользуемся школьной совой. Джордж, пошли…

Они ушли. Рон перестал ощупывать брови и посмотрел через тлеющие остатки карточного домика на Гарри.

— Мы должны что-то сделать, ну… пригласить кого-то. Он прав. Мы же не хотим остаться с парочкой троллей.

— Простите, с парочкой КОГО? — с негодованием спросила Гермиона.

— Ну, знаешь ли, — сказал Рон, пожимая плечами. — Я лучше один пойду, чем с — с Элоизой Миджен, например.

— Прыщи у неё почти прошли — и она очень милая!

— У неё нос не по центру! — возразил Рон.

— О, кажется, я поняла, — рассвирепев, бросила Гермиона. — Вы готовы пригласить самую красивую девочку, которая с вами пойдет, даже если у неё ужасный характер?

— Ну… да, что-то в этом роде, — согласился Рон.

— Я иду спать, — отрезала Гермиона и удалилась в спальню девочек, ничего не добавив.

Персонал Хогвартса, желая произвести впечатление на гостей из Бобатона и Дурмштранга, старался изо всех сил. Гарри пришёл к выводу, что в этом году украшения были самыми великолепными на его памяти. Нетающие сосульки украшали перила мраморной лестницы; двенадцать Рождественских Ёлок в Большом зале были увешаны всевозможными ёлочными игрушками, начиная от светящихся ягод падуба и кончая настоящими, ухающими золотыми совами, а все доспехи были заколдованы, чтобы петь рождественские гимны, когда кто-нибудь проходил мимо. «Придите, верные сыны» в исполнении пустого шлема, который к тому же не знал половины слов, — это было нечто. Филчу пару раз пришлось извлечь Пивза из лат, где тот скрывался, заполняя пробелы в песнях строками собственного сочинения, не столь рождественского содержания.

А Гарри до сих пор не пригласил Чо на бал. Они с Роном теперь ужасно нервничали, хотя, как сказал Гарри, Рон будет выглядеть не так глупо, как он, без партнёрши; ведь Гарри должен был открывать танцы вместе с другими Чемпионами.

— Ну, всегда есть Плакса Миртл, — угрюмо добавил он, вспомнив о привидении, живущем в

женском туалете на третьем этаже.

— Гарри, мы должны стиснуть зубы и сделать это, — сказал Рон в пятницу утром, таким тоном, как будто они собирались штурмовать неприступную крепость.

— Ну… ладно, — согласился Гарри.

Но каждый раз, когда он видел Чо — во время перемены, потом в обед и однажды по пути на Историю Магии — с ней были её подружки. Неужели она вообще никогда никуда не ходит одна? Может, перехватить её по пути в туалет? Но, нет — она даже туда умудрялась ходить в компании пяти или шести девочек. Но он знал, что, если этого не сделает он, её точно пригласит кто-то другой.

Ему было трудно сосредоточиться на тестах по Зельеварению, которые дал им Снейп, и он совершенно забыл добавить ключевой ингредиент — безоаровый камень — а это означало, что он получит низший балл. Хотя ему было абсолютно всё равно; он собирал в кулак всю свою храбрость. Когда прозвенел звонок, он схватил сумку и поспешил к выходу из подземелья.

— Встретимся за ужином, — сказал он Рону и Гермионе и ринулся вниз по лестнице.

Ему просто надо отозвать Чо в сторонку на

пару слов, и только… Он пробежал по переполненным коридорам, ища её, и (даже раньше, чем рассчитывал) обнаружил её рядом с кабинетом Защиты от Тёмных Искусств.

— Гм… Чо? Можно с тобой поговорить?

Хихиканье должны объявить вне закона, яростно подумал Гарри, когда все девочки рядом с Чо прыснули. Но Чо не засмеялась. Она сказала — Хорошо, — и последовала за ним подальше от ушей одноклассниц.

Гарри повернулся к ней, и желудок у него подпрыгнул так, словно он оступился и рухнул вниз через весь лестничный пролёт.

— Гм, — выдавил он.

Он не мог попросить её! Просто не мог! Но он должен! Чо в замешательстве смотрела на него.

Слова вылетели сами собой, хотя Гарри едва ворочал языком.

— Падёшсмнойнбал?

— Что ты сказал? — переспросила Чо.

— Ты — ты пойдешь со мной на бал? — повторил Гарри. Почему же он краснеет? Почему?

— А! — сказала Чо и тоже покраснела. — Гарри, мне очень жаль, — казалось, так оно и было. — Я уже обещала пойти с другим.

— А! — пробормотал Гарри.

Странно: всего секунду назад ему казалось, что в животе ползает десяток гадюк, а теперь ему почудилось, что там вообще ничего нет.

— Конечно, — сказал он, — нет проблем.

— Мне очень жаль, — повторила она.

— Всё в порядке, — сказал Гарри.

Они стояли и смотрели друг на друга, а потом Чо сказала, — Ну…

— Да, — сказал Гарри.

— Ну, пока, — сказала Чо, всё ещё краснея. Она пошла прочь.

Гарри окликнул её прежде, чем успел остановиться.

— С кем ты идёшь?

— О — с Седриком, — сказала она, — с Седриком Диггори.

— Понятно, — сказал Гарри.

Его внутренности вернулись. Похоже, они не преминули налиться свинцом за время этой короткой отлучки.

Полностью забыв про ужин, Гарри медленно двинулся к Гриффиндорской башне, и голос Чо эхом отзывался в его ушах при каждом шаге. — С Седриком — с Седриком Диггори. — Седрик уже начинал ему нравиться — даже несмотря на то, что однажды побил его в Квиддитч и был кра-

сивым, и популярным, и почти всеми любимым Чемпионом. Теперь Гарри вдруг понял, что Седрик просто смазливый пай-мальчик и мозгов у него едва хватит на куриное яйцо.

— Волшебные огни, — грустно сказал он Толстой Даме — пароль поменяли за день до этого.

— Ох, и правда, дорогой! — пропела она, поправляя новую ленту в волосах, сделанную из мишуры, и распахнулась.

Войдя в гостиную, Гарри огляделся, и, к своему удивлению, увидел в углу очень бледного Рона. Рядом с ним сидела Джинни и что-то тихо говорила ему.

— Рон, что случилось? — спросил Гарри, подходя к ним.

Рон поднял голову — лицо его выражало полнейший ужас.

— Зачем я это сделал? — взорвался он. — Не знаю, что на меня нашло!

— Ты о чём? — спросил Гарри.

— Он… э… пригласил Флёр Делакур пойти с ним на бал, — ответила Джинни, сочувственно сжимая руку Рона. Однако, было похоже, что она изо всех сил старается не рассмеяться.

— Что-что? — изумился Гарри.

— Я не знаю, что случилось! — выдохнул Рон. —

Что на меня нашло? Там была куча народу — а я как с ума сошёл — а все глазели! Я просто шёл мимо неё в вестибюле — она разговаривала с Диггори — на меня как накатило — и я пригласил её!

Рон застонал и закрыл лицо руками. Он продолжал говорить, хотя слова едва можно было разобрать.

— Она посмотрела на меня, как на какого-то слизняка. Даже не ответила. И я — не знаю — я немного пришёл в себя и убежал.

— Она отчасти Виила, — сказал Гарри. — Ты оказался прав — её бабушка была Виилой. Это не твоя вина. Спорю, она применяла свои чары на Диггори, а когда ты оказался рядом, они срикошетили — но она зря теряла время. Он идет с Чо Чанг.

Рон поднял голову.

— Я только что пригласил её, — вздохнул Гарри, — и она мне сказала.

Джинни вдруг перестала улыбаться.

— Это безумие, — сказал Рон. — Только мы остались без партнёрш — ну кроме Невилла, конечно. Ну — угадай, кого он пригласил? Гермиону!

— Что? — переспросил Гарри, которого совершенно отвлекла эта потрясающая новость.

— Вот именно! — согласился Рон, и его лицо опять приобрело прежний оттенок, когда он начал смеяться. — Он сказал мне после Зельеварения! Сказал, что она была так добра к нему, помогала с заданиями и вообще — но она ему сказала, что уже с кем-то идёт. Ха! Если бы! Ей просто не хотелось идти с Невиллом… Да и кому бы захотелось?

— Не надо! — раздражённо перебила его Джинни. — Только не смейтесь…

В этот момент через проход в портрете скользнула Гермиона.

— Почему вас двоих не было на ужине? — спросила она.

— Потому что — о, да перестаньте же смеяться, вы двое — потому, что им дали от ворот поворот девочки, которых они пригласили на бал! — выпалила Джинни.

Гарри и Рон замолчали.

— Большое спасибо, Джинни, — кисло заметил Рон.

— Всех миловидных разобрали? — надменно поинтересовалась Гермиона. — Элоиза Миджен теперь уже кажется хорошенькой, да? Ну, я уверена, что вы найдете кого-нибудь, кто согласится пойти с вами.

Но Рон уставился на Гермиону, как будто вдруг увидел её в совершенно другом свете.

— Гермиона, а Невилл прав — ты ведь девочка…

— Да уж, верно подмечено, — ядовито отозвалась она.

— Значит… ты можешь пойти с кем-нибудь из нас!

— Нет, не могу, — резко ответила Гермиона.

— Ну же, — нетерпеливо произнес он, — нам нужны партнёрши, мы будем выглядеть ужасно глупо, если нам будет не с кем пойти, а у всех будет пара…

— Я не могу с вами пойти, — краснея сказала Гермиона, — потому что я уже иду кое с кем другим.

— Нет, не идёшь! — запальчиво возразил Рон. — Ты это сказала, чтобы избавиться от Невилла!

— Неужели? — поинтересовалась Гермиона, и её глаза опасно сверкнули. — Только потому, что у тебя ушло три года, чтобы понять, это не значит, что никто другой не догадался, что я девочка!

Рон уставился на неё. Потом снова улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, мы знаем, что ты девочка, — сказал он. — Что теперь? Теперь ты пойдешь?

— Я же сказала! — очень сердито произнесла

Гермиона. — Меня уже пригласили!

И она опять понеслась к спальне девочек.

— Она врёт, — уныло пробормотал Рон, глядя ей вслед.

— Нет, не врёт, — тихо сказала Джинни.

— Тогда кто это? — резко спросил Рон.

— Я не скажу, это её дело, — сказала Джинни.

— Хорошо, — вздохнул Рон. Он выглядел очень расстроенным. — Это же глупость какая-то. Джинни ты можешь пойти с Гарри, а я просто…

— Я не могу, — сказала Джинни, и тоже покраснела. — Я иду с — с Невиллом. Он пригласил меня, когда Гермиона отказала, и я подумала… ну… мне всё равно иначе туда не попасть, я же не на четвёртом курсе. — Она выглядела ужасно расстроенной. — Думаю, я пойду ужинать, — пробормотала Джинни и, встав, вышла через проход в портрете опустив голову.

Рон изумлённо посмотрел на Гарри.

— Что же это с ними такое? — спросил он.

Но Гарри только что увидел, как Парвати и Лаванда входят через портрет. Пришло время решительных действий.

— Подожди здесь, — сказал он Рону, и, встав, направился прямо к Парвати. — Парвати, пойдешь со мной на бал?

Парвати захихикала. Гарри ждал, пока она успокоится, скрестив пальцы в кармане мантии.

— Пойду, — наконец ответила она, ужасно покраснев.

— Спасибо, — с облегчением произнес Гарри. — Лаванда — пойдешь с Роном?

— Она идет с Шеймусом, — сказала Парвати, и они захихикали вместе.

Гарри вздохнул.

— Ты не знаешь кого-нибудь, кто бы мог пойти с Роном? — шепотом спросил он, так, чтобы Рон не услышал.

— А как насчет Гермионы Грэйнджер? — поинтересовалась Парвати.

— Её уже пригласили.

Парвати это удивило.

— Ух ты! Кто? — с интересом спросила она.

Гарри пожал плечами. — Без понятия, — сказал он. — Так как насчёт Рона?

— Ну… — медленно произнесла Парвати, — думаю, моя сестра могла бы… Падма, ты знаешь… из Рэйвенкло. Если хочешь, я у неё спрошу.

— Отлично, — сказал Гарри. — Сообщишь мне, ладно?

И он вернулся к Рону, думая, стоил ли весь сырбор какого-то там бала, и надеясь, что нос Падмы

Патил расположен точно по центру.

23. Святочный Бал

Несмотря на то, что преподаватели расстарались и задали им на каникулы кучу домашнего задания, Гарри решил не портить себе настроение в предрождественскую неделю и развлекался вместе со всеми. Народу в Гриффиндорской башне ничуть не убавилось; казалось даже, что сама башня стала меньше, потому что её обитатели веселились вовсю. Канареечные Кремовые Фреда и Джорджа имели огромный успех — и первые два дня каникул там и сям ученики то и дело покрывались перьями. Но через некоторое время Гриффиндорцы научились осторожно относиться к предлагаемой пище, на случай если внутри спрятан Канареечный Крем. Джордж поведал Гарри, что они с Фредом задумали нечто новенькое. Гарри пообещал себе ничего не брать у Фреда и Джорджа. Он до сих пор не забыл Дадли и Тянучки Язык-в-ярд.

Снег падал на замок и окрестные земли, укутывая их одеялом. Бледно-голубой экипаж Бобатонцев стал похож на большую замёрзшую тыкву, устроившуюся рядом с пряничным доми-

ком Хагрида; иллюминаторы Дурмштрангского корабля сковал лёд, а снасти заиндевели. Домовые превзошли себя, готовя горячее тушёное мясо и великолепные острые пудинги, и, пожалуй, только Флёр Делакур удалось найти, на что пожаловаться.

— Эта еда в Огварртсе такая калорийная! — услышали они однажды вечером, выходя следом за ней из Большого зала (Рон прятался за Гарри, чтобы Флёр его не заметила). — Я не влезу в своё платье!

— Да уж, прямо трагедия, — хмыкнула Гермиона, когда Флёр выплыла в вестибюль. — Ну и возомнила же она о себе!

— Гермиона, с кем ты идешь на бал? — перебил её Рон.

Он продолжал донимать её этим вопросом, надеясь застать врасплох. Однако Гермиона нахмурилась и ответила: — Не скажу, а то вы будете смеяться.

— С катушек слетел, Уизли!? — прозвучал позади них насмешливый голос Малфоя. — Неужто ты хочешь сказать, что кто-то пригласил на бал её? Эту зубастую грязнокровку?

Гарри и Рон резко обернулись, но Гермиона, помахав кому-то позади Малфоя, громко сказала:

— Здравствуйте, профессор Хмури!

Малфой побледнел и отпрянул, дико озираясь, но позади него никого не было — профессор Хмури всё еще сидел за учительским столом, доедая мясо.

— Злобный маленький хорёк, а, Малфой? — едко обронила Гермиона, и троица двинулась вверх по мраморной лестнице, покатываясь со смеху.

— Гермиона, — нахмурился Рон, искоса взглянув на неё, — твои зубы…

— Что такое? — как ни в чём не бывало поинтересовалась она.

— Ну, они изменились… Я только что заметил…

— Ещё бы! Думал, я оставлю те клыки, которыми наградил меня Малфой?

— Нет, я имею в виду, они теперь не такие как до заклинания… Прямые и нормального размера…

Гермиона вдруг одарила его озорной улыбкой, и Гарри тоже заметил. Эта улыбка разительно отличалась от той, которую он помнил.

— Ну, когда… когда я пошла к мадам Помфри, чтобы их уменьшить, она дала мне зеркало и сказала остановить её, когда они станут прежними. Ну, а я… остановила её чуточку позже, — она ещё шире улыбнулась. — Мама с папой не слишком

обрадуются. Я их долго уговаривала разрешить мне уменьшить зубы, но они хотели, чтоб я ходила в скобках. Вы же знаете, они дантисты, и думают, что зубы и магия… смотрите! Пиг вернулся!

Крошечный совёнок Рона порхал над украшенными сосульками перилами, а на его ноге висел свиток пергамента. Ученики, проходя мимо, показывали на него пальцем и смеялись, а группа третьеклассниц с восторгом наблюдала за его трепыханиями: — Ой, посмотрите, совёнок! Какая лапочка, правда?

— Маленький пернатый засранец! — прошипел Рон, кидаясь вверх по лестнице и хватая Пигвиджена. — Ты должен приносить письма адресату, а не красоваться перед прохожими!

Пигвиджен радостно ухал, высовывая голову из кулака Рона. Третьеклассницы поражённо уставились на Рона.

— Убирайтесь! — рявкнул Рон, размахивая кулаком, и Пигвиджен при этом заухал ещё радостнее.

— Вот — возьми это, Гарри, — тихо добавил Рон, отвязывая ответ Сириуса от лапы Пигвиджена, когда шокированные третьеклассницы испарились. Гарри сунул письмо в карман, и они

поспешили к Гриффиндорской башне.

В гостиной была развита такая бурная деятельность по подготовке к празднику, что никто ни на кого не обращал внимания. Они присели в сторонке, около тёмного окна, почти залепленного снегом, и Гарри прочёл:

«Дорогой Гарри,

Поздравляю с прохождением Рогохвоста. Кто бы ни положил твоё имя в Кубок, теперь он не очень-то счастлив. Я хотел предложить заклинание Конъюнктивита, так как глаза дракона — его самое уязвимое место…»

— Это сделал Крам! — прошептала Гермиона.

«…однако твой способ был лучше, я впечатлён.

Но не расслабляйся, Гарри. Ты прошел только Первое задание; кто бы ни пропихнул тебя в Кубок, у него есть ещё куча возможностей устроить пакость. Будь настороже — особенно, когда тот, кого мы обсуждали, рядом, и не лезь на рожон.

Пиши. Я всё ещё хочу быть в курсе, если случится что-нибудь необычное.

Сириус»

— Он говорит так же, как Хмури, — тихо сказал Гарри, запихивая письмо в карман. — Постоянная бдительность! Можно подумать, я брожу с закрытыми глазами и натыкаюсь на стены…

— Но он прав, Гарри, — возразила Гермиона, — у тебя впереди ещё два задания. Ты действительно должен взглянуть на то яйцо, ну ты знаешь, и начать думать, что означает…

— Гермиона, у него ещё куча времени! — вмешался Рон. — Давай партию в шахматы, Гарри?

— Давай, — согласился Гарри и, увидев выражение лица Гермионы, добавил. — Подумай, как я смогу сосредоточиться при таком шуме? Я даже вопль не расслышу!

— Ты прав, — вздохнула она и уселась смотреть их матч, который в итоге завершился разгромным поражением Гарри, не без участия двух опрометчиво храбрых пешек и очень отчаянного слона.

Рождественским утром Гарри проснулся внезапно. Задаваясь вопросом, что стало причиной столь резкого пробуждения, он разлепил веки, и увидел чьи-то огромные круглые зелёные глаза, сиявшие в полумраке прямо у него перед носом.

— Добби! — вскрикнул Гарри, испуганно отпрянув от домового, и едва не свалился с кровати. — Никогда так не делай!

— Добби извиняется, сэр! — возбуждённо пропищал Добби, шарахаясь назад и прикрывая рот длинными пальцами. — Добби только хотел

пожелать Гарри Поттеру Счастливого Рождества и принёс ему подарок, сэр! Гарри Поттер сказал, что Добби может иногда навещать его, сэр!

— Конечно, — согласился Гарри, пытаясь успокоить дыхание. — Просто, в следующий раз ткни в меня или что-нибудь в этом роде, а не кидайся на меня вот так…

Гарри отдернул полог кровати, взял с тумбочки очки и надел их. Его крик разбудил Рона, Шеймуса, Дина и Невилла. Полусонные взъерошенные мальчишки выглядывали из-под пологов.

— Кто на тебя напал, Гарри? — зевая спросил Шеймус.

— Это просто Добби, — пробормотал Гарри. — Спите дальше.

— Ха… подарки! — воскликнул Шеймус, заметив большую кучу у подножья кровати. Рон, Дин и Невилл решили, что вполне проснулись и по всей вероятности тоже справятся с разворачиванием свёртков. Гарри повернулся к Добби, который стоял рядом с кроватью и ужасно переживал, что огорчил Гарри. К петле на макушке его чайного чехла была привязана ёлочная игрушка.

— Может Добби вручить Гарри Поттеру его подарок? — нерешительно пропищал он.

— Конечно, — сказал Гарри. — Гм… у меня тоже

есть кое-что для тебя.

Это была ложь. Он ничего не купил для Добби, но отважно распахнул чемодан и после непродолжительных поисков извлёк оттуда скрученную в узел пару носок. Это были самые старые и грязные его носки, горчичного цвета, те самые, что когда-то принадлежали дяде Вернону. А скручены они были потому, что уже год служили глушителем для Плутоскопа. Гарри вынул Плутоскоп и отдал носки Добби: — Извини, забыл их завернуть…

Добби пришел в восторг.

— Носки самая, самая любимая одежда Добби, сэр! — произнёс он, стягивая старые носки и надевая пару дяди Вернона. — Теперь их у меня уже семь, сэр… Но сэр… — его глаза вдруг стали похожи на чайные блюдца, когда он натянул носки полностью, до края шорт. — Гарри Поттер, в магазине, наверное, перепутали и дали тебе два одинаковых носочка!

— Гарри, как ты не заметил?! — подмигнул ему Рон, сидя на своей кровати, уже заваленной обёрточной бумагой. — Вот что, Добби — держи эти — тебе останется только правильно их скомбинировать. И вот твой свитер.

Он бросил Добби пару фиолетовых носок, которую только что развернул, и свитер ручной вязки

миссис Уизли. Добби был ошеломлён.

— Сэр очень добр! — пропищал он, его глаза опять наполнились слезами, и он низко поклонился Рону. — Добби знал, что сэр — великий волшебник, так как он лучший друг Гарри Поттера, но Добби не знал, что он ещё и щедрый, и благородный, и такой самоотверженный…

— Это же просто носки, — возразил Рон, и краешки ушей у него заалели, хотя он и выглядел польщённым. — Ух ты, Гарри… — Он только что открыл подарок от Гарри — шляпу с эмблемой «Палящих пушек». — Круто! — Он напялил её на голову, где она смотрелась достойным конкурентом его шевелюре.

Добби протянул Гарри маленький свёрток, в котором оказались — носки.

— Добби сам вяжет их, сэр! — радостно сообщил домовой. — Он покупает шерсть на зарплату, сэр!

Левый носок был ярко-красного цвета, и на нём были вышиты мётлы; правый носок был зелёный со Снитчами.

— Они такие… такие… короче, спасибо, Добби! — сказал Гарри, и надел носки, чем снова вызвал слёзы радости на глазах Добби.

— Добби пора, сэр, мы уже готовим рождествен-

ский ужин на кухне! — заявил Добби, и поспешил из спальни, помахав на прощанье Рону и остальным мальчишкам.

Другие подарки Гарри были лучше, чем странные носки Добби — конечно, не считая подарка от Дёрсли, который состоял из носового платка весьма сомнительного качества — Гарри предположил, что они тоже не забыли Тянучки Язык-в-ярд. Гермиона подарила ему книгу «Ирландские и английские команды по Квиддитчу», Рон — здоровенный мешок Бомб-вонючек, Сириус — удобный перочинный нож с приспособлениями для открывания замков и развязывания узлов, Хагрид — огромную коробку со сладостями, включая те, что Гарри любил больше всего — Бобы Берти Ботт на любой вкус, Шоколадные лягушки, Лучшую взрывающуюся жвачку Друбла, и Жужжащих ВолшеПчёл. И, конечно, традиционный подарок от миссис Уизли — новый свитер (зелёный, с изображением дракона — Гарри полагал, что Чарли рассказал ей о Рогохвосте) и куча домашних пирожков с мясом.

Гарри и Рон встретились с Гермионой в гостиной и отправились завтракать. Утро они провели в Гриффиндорской башне, наполненной радостным гулом — все пробовали и обсуждали новые

подарки. На обед в Большом зале подали целую сотню индюшек, и рождественских пудингов, и гору Чудесных крекеров Крибиджа.

Днём они отправились на прогулку. Снег был ещё не тронут, не считая двух тропинок, протоптанных Дурмштрангцами и Бобатонцами. Гермиона отказалась играть в снежки с Гарри и братьями Уизли, а в пять часов объявила, что возвращается в замок, чтобы подготовиться к балу.

— Три часа на сборы?! — недоверчиво спросил её Рон, и тут же поплатился, получив по голове снежком от Джорджа. — С кем ты идёшь? — крикнул он вслед Гермионе, но она только помахала ему на прощание и исчезла в замке.

В этот день не было рождественского чаепития, так как Бал включал ещё и банкет, поэтому, когда в семь часов стемнело, они покинули арену боевых действий и двинулись всей толпой в гостиную. Толстая Дама сидела в своей раме с подругой Виолеттой с нижнего этажа, и обе они были подвыпившими — на нарисованном полу валялись пустые коробки из-под шоколадных конфет с ликером.

— Точно, Шебные Вогни! — захихикала она, когда они назвали пароль, и качнулась в сторону, пропуская их.

Гарри, Рон, Шеймус, Дин и Невилл переоделись в праздничные мантии. Они все ужасно смущались, особенно Рон, который с потрясённым видом рассматривал себя в высоком зеркале в углу. Но факт оставался фактом: его наряд больше всего смахивал на женское платье. Отчаянно пытаясь придать себе вид помужественней, Рон использовал Распарывающее заклинание на рюшах и манжетах. Это сработало; по крайней мере на нём теперь не было кружев, хотя оторвал он их очень неаккуратно, и края мантии стали казаться ужасно потрёпанными.

— Никак не могу понять, как вам двоим удалось оторвать самых красивых девчонок, — пробормотал Дин, когда они спускались вниз.

— Животный магнетизм, — мрачно пояснил Рон, вырывая нитки из рукавов.

Гостиная выглядела необычно — сегодня все нарядились в разноцветные мантии вместо привычных чёрных. Парвати ждала Гарри у подножия лестницы. Она выглядела очень хорошенькой в платье ярко-розового цвета, с длинной тёмной косой, украшенной золотом, и золотыми браслетами на запястьях. Гарри с облегчением заметил, что она не хихикает.

— Ты… гм… здорово выглядишь, — неловко

произнёс он.

— Спасибо, — ответила она. — Падма будет ждать в вестибюле, — добавила она, обращаясь к Рону.

— Отлично, — произнёс Рон, оглядываясь. — А где Гермиона?

Парвати пожала плечами: — Ну что, Гарри, пойдём вниз?

— Пошли, — согласился Гарри, мечтая остаться в уютной Гриффиндорской гостиной. Фред подмигнул ему, когда они прошли мимо к портретному ходу.

Вестибюль тоже был забит учениками, которые томились, ожидая, когда же откроют двери Большого зала. Те, кто встречал партнёров из других колледжей, протискивались сквозь толпу в надежде найти их. Парвати разыскала свою сестру, Падму, и повела её к Гарри и Рону.

— Привет, — сказала Падма. Она выглядела столь же прелестно, как и Парвати в платье ярко-бирюзового цвета. А вот вид Рона ей пришелся не по вкусу. Её темные глаза остановились на потёртых краях воротника и рукавов, когда она оценивающе его осмотрела.

— Привет, — ответил Рон, пялясь куда-то в толпу. — Ой, только не это…

Он согнул колени, чтобы спрятаться за Гарри, потому что мимо шла Флёр Делакур, которая выглядела просто изумительно в платье из серебристо-серого атласа. Её сопровождал капитан команды Рэйвенкло по Квиддитчу, Роджер Дэвис. Когда они скрылись из виду, Рон выпрямился и снова стал оглядываться.

— Так где же всё-таки Гермиона? — повторил он.

Группа Слизеринцев поднялась по ступенькам из подземелья. Во главе шествовал Малфой в мантии из чёрного бархата с высоким воротником, делавшим его похожим на священника. Панси Паркинсон, в вычурном платье бледно-розового цвета, сжимала его руку. Крэбб и Гойл были одеты в зелёное. При взгляде на них вспоминались покрытые мхом валуны, и, к радости Гарри, оба были без партнёрш.

Внезапно дубовые входные двери распахнулись, и ученики Дурмштранга вступили в вестибюль. Крам шёл во главе процессии под руку с какой-то незнакомой хорошенькой девочкой в голубом наряде. Газон за их спинами был усыпан сотнями волшебных огоньков — это настоящие живые феи прятались в заколдованных розовых кустах и порхали вокруг статуй Санта Клауса и

его оленя.

В этот момент раздался голос профессора МакГонагалл: — Чемпионы, подойдите сюда, пожалуйста!

Парвати, сияя, поправила браслеты. Они с Гарри сказали Падме и Рону: — Скоро увидимся — и двинулись вперёд. Шумная толпа расступилась, пропуская их. Профессор МакГонагалл, одетая в мантию из красной шотландки и с задиристым цветком чертополоха на тулье шляпы, приказала им подождать, пока все войдут и рассядутся. Флёр Делакур и Роджер Дэвис встали поближе к дверям. Дэвис был так ошеломлён тем, что Флёр стала его партнёршей, что не мог отвести от неё взгляда. Седрик и Чо стояли рядом с Гарри; он отвернулся, чтобы не пришлось с ними разговаривать. Его взгляд упал на девочку, стоявшую рядом с Крамом. Гарри открыл рот.

Это была Гермиона.

Да, это была она, и в то же время не она. Она что-то сделала со своей неуправляемой копной волос, и они были уложены в совершенно гладкий и сияющий узел на затылке. На ней было платье из лёгкого голубого материала, и она даже держалась как-то иначе. Возможно, из-за отсутствия десятка томов, который она обычно таскала

в сумке на спине. Она улыбалась — правда, довольно нервно — и зубы у неё были абсолютно ровными. Гарри мог лишь удивляться, как он не заметил этого прежде.

— Привет, Гарри, — сказала она. — Привет, Парвати!

Парвати уставилась на Гермиону, не веря своим глазам. И не только она. Когда двери Большого зала распахнулись, фанклуб Крама из библиотеки гордо прошествовал мимо, кидая на Гермиону взгляды, полные ненависти. Панси Паркинсон широко раскрыла рот, проходя мимо под руку с Малфоем, но не смогла придумать какую бы гадость ей сказать. Рон прошёл мимо Гермионы, не взглянув на неё.

Как только все расселись в Большом зале, профессор МакГонагалл скомандовала Чемпионам построиться и следовать за ней. Зал разразился аплодисментами, когда они вошли и двинулись к большому круглому столу, за которым сидели судьи.

Стены сверкали серебряным инеем, звёздный потолок был увит сотнями гирлянд из плюща и омелы, столы Домов исчезли, их место заняли сотни маленьких столиков с фонариками, за каждым из которых помещалось примерно десять

человек.

Гарри изо всех сил старался не споткнуться; Парвати наслаждалась; она ослепительно улыбалась всем вокруг, таща его за собой, словно собачку на выставке. Подходя к столу судей, Гарри заметил Рона и Падму. Рон прищурившись наблюдал за Гермионой. У Падмы был мрачный вид.

Дамблдор весело улыбался, глядя на Чемпионов, а лицо Каркарова очень напоминало лицо Рона, когда тот смотрел на Крама и Гермиону. Людо Бэгмэн, в мантии ярко-фиолетового цвета с большими жёлтыми звёздами, хлопал так же сильно, как ученики. Мадам Максим, сменившая свой обычный костюм из черного атласа на легкую мантию из шёлка цвета лаванды, вежливо аплодировала. Гарри вдруг осознал, что за столом нет мистера Крауча. Пятое судейское место занимал Перси Уизли.

Когда Чемпионы с партнёрами дошли до стола, Перси отодвинул пустой стул около себя и посмотрел на Гарри. Гарри понял намёк и сел рядом с Перси, на котором была новая, праздничная мантия тёмно-синего цвета и чрезвычайно самодовольное выражение лица.

— Я получил повышение, — заявил Перси,

не дав Гарри и рта раскрыть, таким тоном, словно провозглашал о своём назначении Верховным Властелином Вселенной. — Я теперь персональный помощник мистера Крауча и его представитель.

— Почему он не приехал? — спросил Гарри, которому не улыбалась перспектива выслушивать весь ужин лекцию о днищах котлов.

— Боюсь, мистер Крауч неважно себя чувствует, совсем неважно. Ему нездоровится ещё с Кубка мира. Неудивительно — столько сверхурочной работы. Он уже не так крепок как прежде — хотя, конечно же, великолепен и гениален, как всегда. Но Кубок мира стал провалом всего министерства, и, кроме того, мистер Крауч пережил ужасный позор — из-за того домового, Блинки, или как её там. Естественно, он её немедленно уволил, но — я бы сказал — всё перемелется, а ему необходима забота, и, думаю, с тех пор как она ушла, его хозяйство пришло в упадок. И потом ему нужно было подготовить турнир и ликвидировать последствия Кубка — а ещё эта Скитер постоянно что-то вынюхивает — наконец-то, он может позволить себе заслуженное тихо-спокойное Рождество. Я рад, что он понимает, что ему есть на кого опереться.

Гарри ужасно хотелось спросить, перестал ли Крауч называть Перси «Уизерби», но он поборол искушение.

На сверкающих тарелках ещё не было еды, а перед каждым лежало маленькое меню. Гарри нерешительно взял своё и огляделся — официантов поблизости не наблюдалось. Однако Дамблдор, внимательно изучив меню, отчетливо произнёс, обращаясь к тарелке: — Свиную отбивную!

И свиная отбивная появилась. Поняв принцип, остальные последовали его примеру. Гарри взглянул на Гермиону, чтобы посмотреть, как она отреагирует на этот мудрёный способ выбора еды — столько лишних забот бедным домовым! — но на этот раз Гермиона не думала про З.А.Д. Она была поглощена разговором с Виктором Крамом и едва замечала, что ест.

Гарри пришло в голову, что он никогда не слышал, чтобы Крам что-нибудь говорил, но в данный момент тот говорил, и очень воодушевлённо.

— Ну-у, у нас замок тоже есть, не такой большой и не такой уютный, я думаю, — говорил он Гермионе. — У нас всего четыре этажа, и огонь зажигают только для волшебных целей. Но тер-

ритория у нас побольше — хотя зимой у нас очень мало света днём, поэтому мы не очень-то ей наслаждаемся. Но летом мы летаем каждый день, над озёрами и горами…

— Ну-ну, Виктор! — рассмеялся Каркаров, но этот смех не тронул холод в его глазах, — больше ничего не выдавай, а то твоя очаровательная подруга узнает, как нас найти!

Дамблдор улыбнулся, сверкнув глазами: — Игорь, все эти секреты… можно подумать, вы не рады гостям.

— Понимаешь, Дамблдор, — сказал Каркаров, выставляя напоказ свои желтеющие зубы, — мы же все защищаем наши частные владения. Разве мы ревниво не оберегаем учебные комнаты, которые нам доверили? Разве мы не правы, что гордимся, что только мы знаем секреты нашей школы и что защищаем их?

— Игорь, я сам никогда не знал всех секретов Хогвартса, — дружелюбно произнес Дамблдор. — Например, сегодня утром по пути в ванную я свернул не туда и оказался в великолепно спланированной комнате, в которой раньше не бывал, и обнаружил там замечательную коллекцию ночных ваз. Однако когда я вернулся, чтобы рассмотреть их поближе, комната исчезла. Я

обязательно должен найти её. Может быть, в неё можно попасть только в пять тридцать утра, или она появляется в первой четверти луны — или когда мочевой пузырь ищущего переполнен.

Гарри фыркнул в свою тарелку с гуляшом. Перси нахмурился, но Гарри мог поклясться, что Дамблдор ему подмигнул.

Тем временем Флёр Делакур разносила интерьер Хогвартса в пух и прах, разговаривая с Роджером Дэвисом.

— Это еррунда, — безапелляционно заявила она, осматривая мерцающие стены Большого зала. — В Бобатонском дворрце, у нас в столовой повсюду ледяные скульптурры на Ррождество. Естесвенно, они не тают… Они как огрромные бррильянтовые статуи, поблёскивающие всюду… И еда прросто прревосходная. И еще орр лесных нимф, которрые поют нам, во врремя еды. И у нас нет этих урродливых доспехов в корридоррах, и если бы полтерргейст появился в Бобатоне, его бы оттуда выгнали, вот так, — она нетерпеливо ударила рукой по столу.

Роджер Дэвис смотрел на неё с ошеломлённым выражением лица и продолжал проносить вилку мимо рта. У Гарри создалось впечатление, что Дэвис так поглощён процессом созерцания Флёр,

что не понимает даже, о чём она говорит.

— Абсолютно согласен, — быстро сказал тот, хлопая рукой по столу, повторив жест Флёр. — Именно так. Да.

Гарри оглядел зал. За одним из учительских столов он увидел Хагрида, облачённого в свой коричневый с ворсом костюм. Хагрид помахал кому-то за судейским столом, и оглянувшись, Гарри увидел, что мадам Максим помахала Хагриду в ответ. Её опалы сверкнули в пламени свечей.

Гермиона пыталась научить Крама произносить её имя. Он продолжал называть её — Ерми-оун.

— Гер-ми-о-на, — медленно и чётко произнесла она.

— Герми-оу-нина.

— Почти, — сказала она и, перехватив взгляд Гарри, улыбнулась.

Когда с едой было покончено, Дамблдор встал и попросил студентов сделать то же самое. По мановению волшебной палочки все столы выстроились по стенам, расчистив центр зала, а у правой стены возникла сцена. На ней стояла ударная установка, парочка гитар, лютня, виолончель и несколько волынок.

«Вещие сестрички» взошли на сцену под вос-

торженный гром аплодисментов. Музыканты были в чёрных, художественно порванных и не везде зашитых мантиях и с великолепными патлами. Они взялись за инструменты, и Гарри, который был так захвачен зрелищем, что почти забыл, что должно произойти, вдруг осознал, что фонари на столах погасли, а остальные Чемпионы и их партнёры поднимаются на ноги.

— Пошли! — зашипела Парвати. — Мы должны танцевать!

Вставая, он конечно же запутался в мантии. «Вещие сестрички» взяли низкую, траурную ноту. Гарри ступил на ярко освещённый танцпол, избегая чужих взглядов (он заметил, что Шеймус и Дин машут ему и хохочут), а в следующий миг Парвати схватила его руки, уложила одну себе на талию, а другую крепко зажала в ладони.

— Могло быть и хуже, — подумал Гарри, кружась на месте (Парвати вела). Он продолжал смотреть поверх голов, и вскоре зрители высыпали на площадку, так что Чемпионы не были больше в центре внимания. Невилл и Джинни танцевали неподалеку — Гарри заметил, что Джинни часто морщилась — это Невилл наступал ей на ногу — а Дамблдор вальсировал с мадам Максим. Он казался ужасно маленьким рядом

с ней, потому что верх его остроконечной шляпы едва доставал ей до подбородка. Однако для женщины своих размеров она двигалась очень грациозно. Хмури хромал в паре с профессором Синистрой, которая нервно следила за его деревянной ногой.

— Симпатичные носки, Поттер, — прорычал Хмури, поравнявшись с Гарри — его волшебный глаз мог видеть сквозь мантии.

— А… да, Добби — домовой связал их для меня, — улыбнулся Гарри.

— Он такой ужасный! — прошептала Парвати, когда Хмури утанцевал дальше. — Я думаю, что такие волшебные глаза надо запрещать!

Гарри с облегчением услышал последнюю, дребезжащую ноту волынки. «Вещие сестрички» остановились, и аплодисменты снова наполнили зал. Гарри моментально отпустил Парвати:

— Пошли посидим?

— Ой, какая классная песня! — воскликнула Парвати, когда «Вещие сестрички» завели новую мелодию, гораздо быстрее предыдущей.

— А мне не нравится, — солгал Гарри, и повел её с площадки, мимо Фреда и Анджелины, которые отплясывали так неистово, что люди вокруг них в страхе сторонились, к столу где сидели Рон

и Падма.

— Как дела? — спросил Гарри у Рона, присаживаясь и открывая бутылку Ирисэля.

Рон не ответил. Он не отрываясь смотрел на Гермиону и Крама, которые танцевали неподалеку. Падма сидела скрестив руки, отбивая ногой ритм. Время от времени она бросала на Рона раздражённый взгляд, но Рон не обращал на неё ни малейшего внимания. Парвати села по другую сторону от Гарри, тоже скрестила руки, и буквально через минуту её пригласил мальчик из Бобатона.

— Ты не возражаешь, Гарри? — сказала Парвати.

— Что? — переспросил Гарри, наблюдая за Чо и Седриком.

— А, не важно, — огрызнулась Парвати и ушла с мальчиком из Бобатона. Когда песня закончилась, она не вернулась.

На пустой стул Парвати присела Гермиона. Её лицо слегка порозовело от танцев.

— Привет, — сказал Гарри. Рон промолчал.

— Жарко, правда? — спросила Гермиона, обмахиваясь ладонью. — Виктор ушел за напитками.

Рон уничижающе взглянул на неё. — Виктор? — произнёс он. — Он ещё не попросил называть

его Вики?

Гермиона удивлённо посмотрела на Рона: — Что с тобой?

— Если ты не знаешь, — зло сказал Рон, — я тебе не скажу!

Гермиона уставилась на него, потом перевела взгляд на Гарри, который пожал плечами.

— Рон, что…?

— Он же из Дурмштранга! — заорал Рон. — Он же выступает против Гарри! Против Хогвартса! А ты — ты… — Рон явно пытался подобрать достаточно меткие слова, чтобы описать преступление Гермионы, — братаешься с врагом, вот что ты делаешь!

Гермиона открыла рот.

— Не будь таким идиотом! — придя в себя произнесла она. — С врагом! Скажи честно, кто больше всех радовался, когда он приехал? Кто хотел взять у него автограф? У кого в спальне стоит его статуэтка?

Рон проигнорировал её тираду.

— Небось, он пригласил тебя, когда вы были в библиотеке?

— Да, именно там, — сказала Гермиона, краснея. — И что?

— Каким образом — ты пыталась заставить его

вступить в зад?

— Нет, не пыталась! Если тебе ОЧЕНЬ хочется знать, он — он сказал, что приходил в библиотеку каждый день, чтобы поговорить со мной, но не мог набраться смелости!

Гермиона произнесла это очень быстро, и покраснела так сильно, что стала почти одного цвета с платьем Парвати.

— Да — это он тебе сказал, — злобно произнёс Рон.

— Ну и что же?

— А то! Он же ученик Каркарова! Он знает, с кем ты общаешься… Он просто пытается подобраться к Гарри — узнать о нём побольше — или подобраться поближе, чтобы сотворить какую-нибудь пакость!

Гермиона выглядела так, как будто Рон её ударил. Когда она заговорила, голос её дрожал: — К твоему сведению, он не спросил НИЧЕГО о Гарри, ничего…

Рон поменял тактику со скоростью света: — Тогда он надеется, что ты поможешь ему с яйцом! Полагаю, вы уже пошептались об этом во время ваших маленьких встреч в библиотеке…

— Я бы НИКОГДА не помогла ему с этим яйцом! — оскорблённо возразила Гермиона. — НИ-

КО-ГДА. Да как ты можешь говорить такое — я хочу, чтобы Гарри выиграл турнир. Гарри это знает, правда, Гарри?

— Ты своеобразно это демонстрируешь, — усмехнулся Рон.

— Да ведь цель всего турнира в том, чтобы познакомиться с иностранными волшебниками и подружиться с ними! — горячо произнесла Гермиона.

— Нет, не в этом! — заорал Рон. — А в победе!

На них начали оглядываться.

— Рон, — тихо сказал Гарри, — я совсем не против, что Гермиона пошла на бал с Крамом…

Но слова Гарри Рон тоже пропустил мимо ушей.

— Почему бы тебе не пойти и не найти Вики, он будет искать тебя, — продолжал он.

— НЕ НАЗЫВАЙ ЕГО ВИКИ! — Гермиона вскочила на ноги, кинулась на площадку и вскоре затерялась в толпе. Рон смотрел ей вслед со смешанным выражением гнева и удовлетворения на лице.

— Ты меня вообще не собираешься приглашать танцевать? — спросила его Падма.

— Нет, — сказал Рон, всё ещё глядя вслед Гермионе.

— Чудненько, — сказала Падма. Она встала и присоединилась к Парвати и мальчику из Бобатона, который позвал к ним одного из своих друзей так быстро, что Гарри готов был поклясться, что тут не обошлось без Призывающего заклятия.

— А где Эрми-о-нина? — произнёс чей-то голос.

Крам только что присел за их столик, держа два Ирисэля.

— Без понятия, — угрюмо сказал Рон. — Потерял её, что ли?

Крам насупился.

— Если вы увидите её, скажите, что я взял напитки, — произнёс он и ушёл.

— Подружился с Виктором Крамом, Рон?

Перси потирал руки, выглядя ужасно напыщенно. — Великолепно! Это наша цель! Международное волшебное сотрудничество!

К неудовольствию Гарри, Перси занял пустое место Падмы. Судейский стол теперь пустовал. Профессор Дамблдор танцевал с профессором Спраут, Людо Бэгмэн — с профессором МакГонагалл, мадам Максим и Хагрид прокладывали широкую дорожку среди учеников, а Каркарова нигде не было видно. Когда следующая песня закончилась, вновь раздались аплодисменты, и Гарри увидел, как Людо Бэгмэн поцеловал руку

профессору МакГонагалл и двинулся к столику сквозь толпу, где его на полпути перехватили Фред и Джордж.

— Они соображают, что делают, раздражая высшие чины министерства? — прошипел Перси, с подозрением наблюдая за Фредом и Джорджем. — НИКАКОГО уважения…

Однако Людо Бэгмэн довольно быстро избавился от Фреда и Джорджа, и, заметив Гарри, помахал ему и подошёл к столу.

— Надеюсь, мои братья не докучают вам, мистер Бэгмэн? — сразу спросил Перси.

— Что? А… нет, совсем нет! — сказал Бэгмэн. — Нет, они мне просто рассказывали о своих поддельно-волшебных палочках. Интересовались, не могу ли я им помочь с организацией продаж. Я пообещал познакомить их с парочкой моих знакомых в магазине шуток Зонко…

Перси поджал губы, и Гарри был готов поспорить, что сразу же по приезду домой он бросится рассказывать об этом миссис Уизли. Похоже, планы у Фреда и Джорджа были далеко идущими, раз уж они решили поставить продажу на поток. Бэгмэн открыл рот, чтобы что-то спросить у Гарри, но Перси опередил его.

— Ну как вам турнир, мистер Бэгмэн? НАШ от-

дел доволен — неприятность с Кубком Огня, — он быстро взглянул на Гарри, — была совсем некстати, но, кажется, с тех пор всё идёт по плану, как вы думаете?

— О, да! — добродушно согласился Бэгмэн, — ужасно весело. Как поживает старик Барти? Жаль, что он не смог приехать.

— Я уверен, мистер Крауч скоро поправится, — важно заверил его Перси. — Но тем временем, я готов за него потрудиться. И не только разъезжать по балам, — он непринуждённо рассмеялся. — Нет, мне пришлось разбираться со всем, что накопилось за время его отсутствия — вы слышали, что Али Башира поймали на попытке контрабанды ковров-самолётов? А потом мы пытались убедить Трансильванцев подписать Международный запрет на дуэли. В будущем году у меня запланирована встреча с их начальником отдела Международного сотрудничества…

— Пошли прогуляемся, — прошептал Рон, — подальше от Перси…

Делая вид, что отправились за напитками, Гарри и Рон вышли из-за стола, обогнули танцплощадку, и проскользнули в вестибюль. Передние двери были распахнуты, и волшебные огоньки мерцали среди розовых кустов. Спустившись по

ступенькам, они очутились среди кустов, извилистых тропинок и больших каменных статуй. Гарри услышал шум падающей воды — похоже, где-то здесь был фонтан. Повсюду на резных скамейках сидели люди. Гарри и Рон ступили на дорожку, но не успели пройти и десятка шагов, как услышали до ужаса знакомый голос.

— …не вижу причин беспокоиться, Игорь.

— Северус, ты не можешь притворяться, как будто этого не происходит! — резко прозвучал голос Каркарова, и вдруг пропал, словно его обладатель испугался чужих ушей. — Это становится всё очевиднее с каждым месяцем. Я и не отрицаю, меня это чрезвычайно заботит…

— Тогда беги, — отрезал Снейп. — Беги — я извинюсь за тебя. Тем не менее, я останусь в Хогвартсе.

Снейп и Каркаров вышли из-за угла. Снейп сжимал в руках свою волшебную палочку и раздвигал ею розовые кусты. На его лице застыло недовольное выражение. Из кустов раздался визг, и оттуда вылетела тёмная фигура.

— Десять очков с Хаффлпаффа, Фосетт! — зарычал Снейп, когда девочка пронеслась мимо. — И десять очков с Рэйвенкло, Стеббинс! — добавил он, когда следом пробежал мальчик. — А что вы

оба тут делаете? — добавил он, заметив Гарри и Рона, стоявших у них на пути. Гарри увидел, что Каркаров раздосадован их присутствием; он нервно накручивал свою козлиную бородку на палец.

— Мы прохаживаемся, — коротко пояснил Рон. — Это же не запрещено законом?

— Тогда прохаживайтесь дальше! — прорычал Снейп, широкими шагами обходя их. Его мантия неслась за ним, словно крылья летучей мыши. Каркаров поспешил за Снейпом. Гарри и Рон пошли дальше.

— Почему Каркаров так разволновался? — пробормотал Рон.

— С каких пор он и Снейп на — ты? — медленно произнес Гарри.

Они прошли мимо большого каменного оленя, за которым виднелись мерцающие струи фонтана. Два огромных силуэта на каменной скамейке любовались игрой воды в лунном свете. И потом Гарри услышал голос Хагрида.

— Как только я вас увидел, я сразу понял, — произнёс тот странным хрипловатым голосом.

Гарри и Рон замерли. Им совсем не хотелось присутствовать при этой сцене… Гарри оглянулся, в поисках путей для отступления, и увидел

Флёр Делакур и Роджера Дэвиса, наполовину скрытых розовым кустом. Он тронул Рона за плечо, показывая, что они могут незаметно ускользнуть (Флёр и Дэвис, судя по всему, были очень заняты), но Рон, в ужасе вытаращив глаза при виде Флёр, отчаянно замотал головой и оттащил Гарри в тень статуи.

— Что ты понял, Агрид? — тихо промурлыкала мадам Максим.

Гарри абсолютно точно не собирался слушать. Он знал, что Хагрид не хотел бы, чтобы его услышали в такой момент (он сам уж точно не захотел бы), и если бы мог — заткнул бы уши руками и запел какую-нибудь песенку — но ситуация была явно не подходящая. Вместо этого он постарался сосредоточить всё внимание на жуке, который полз по каменной спине оленя, однако этот представитель фауны оказался не столь интересен, как следующая фраза Хагрида.

— Я просто понял… понял, что вы такая же, как я… Это была ваша мать или отец?

— Я не понимаю о чем вы, Агрид…

— А у меня мать, — тихо сказал Хагрид. — Она была одной их последних в Великобритании. Конечно, я плохо её помню… Она ушла, когда мне было три годика. Обычная мать бы так не посту-

пила. Но ведь… у них так принято, верно? Не знаю, что с ней случилось… может быть, умерла…

Мадам Максим ничего не ответила. И Гарри, несмотря на данное себе обещание, оторвался от созерцания жука и прислушался, глядя сквозь оленьи рога… Он никогда не слышал, чтобы Хагрид рассказывал о своем детстве.

— Сердце отца разбилось, когда она ушла. Он был очень маленьким, мой отец. Когда мне было шесть, я поднимал и ставил его на кухонный шкаф, если он меня доставал. Его это очень забавляло… — голос Хагрида оборвался. Мадам Максим неподвижно смотрела на серебряный фонтан. — Отец вырастил меня… но он умер, когда я пошёл в школу. И мне пришлось жить самому. Конечно, ещё Дамблдор помогал. Он был очень добр ко мне…

Хагрид вытащил большой шёлковый носовой платок в горошек и громко высморкался.

— Ну… ладно… довольно обо мне. А как насчет вас? От кого вы это унаследовали?

Мадам Максим внезапно поднялась на ноги.

— Здесь ужасно олодно, — сказала она — но какой бы холодной не была погода, она не шла в сравнение с её голосом. — Я, пожалуй, пойду внутррь.

— Да? — переспросил Хагрид. — Стойте, не уходите! Я никогда — никогда не встречал такую же…

— Какую — такую? — спросила мадам Максим ледяным тоном.

Гарри мог бы сказать Хагриду, что лучше не отвечать. Он стоял в тени, сжав зубы, надеясь, что Хагрид промолчит — но его надеждам не суждено было сбыться.

— Ещё одну полувеликаншу, конечно! — сказал Хагрид.

— Да как вы смеете! — взвизгнула мадам Максим. Её голос взорвал тихий ночной воздух, словно сигнальный рожок. Гарри услышал, как Флёр и Роджер вылетели из кустов. — Меня ещё в жизни так не оскоррбляли! Полувеликан! Я? У меня — у меня прррросто широкая кость!

Она унеслась прочь сквозь кусты, вздымая тучи разноцветных огоньков. Хагрид по-прежнему сидел на скамейке, уставившись ей вслед. В темноте Гарри не видел выражение его лица. Спустя минуту Хагрид тоже поднялся и двинулся прочь, но не обратно в замок, а куда-то во тьму, по направлению к своей хижине.

— Давай, — тихо сказал Гарри. — Пошли…

Рон очень серьёзно взглянул на Гарри.

— Ты знал? — прошептал он. — Ты знал, что Хагрид полувеликан?

— Нет, — пожал плечами Гарри. — А что?

По выражению лица Рона он моментально понял, что это одна из очевидных вещей в волшебном мире. Но Гарри вырос у Дёрсли и то, что маги принимали как должное, было для него открытием, хотя таких сюрпризов с каждым годом становилось все меньше и меньше. Теперь он мог бы сказать, что большинство волшебников не спросили бы — А что? — если бы узнали, что мать их друга — великанша.

— Я объясню, — прошептал Рон, — пойдём в замок…

Флёр и Роджер исчезли, вероятно, нашли более укромный уголок. Гарри и Рон вернулись в Большой зал. Парвати и Падма теперь сидели за дальним столом с целой толпой Бобатонских мальчиков, а Гермиона снова танцевала с Крамом. Гарри и Рон уселись за стол подальше от танцплощадки.

— Ну? — спросил Гарри. — В чём фишка с этими великанами?

— Ну, они… они… — Рон подбирал слова, — не слишком приятные, — неубедительно нашёлся он.

— Ну и что? — нахмурился Гарри. — Хагрид-то абсолютно нормальный!

— Я знаю, но… чёрт, не удивительно, что он держит это в тайне, — Рон покачал головой. — Я всегда думал, что он попал под Раздувающее заклинание в детстве или что-то вроде этого. И не хочет об этом упоминать…

— А что такого, что его мать великанша? — спросил Гарри.

— Ну… всем его друзьям наплевать, они-то знают, что он не опасен, — медленно произнёс Рон. — Но… Гарри, эти великаны — ужасно злобные. Как Хагрид сказал — у них так принято, они, как тролли… им просто нравится убивать — все это знают. Правда, в Великобритании их уже не осталось.

— Что с ними случилось?

— Ну, они повымирали, а потом многих убили Авроры. За границей наверняка ещё живут великаны… В горах прячутся…

— Не знаю, кому мадам Максим пытается вешать лапшу на уши, — сказал Гарри, наблюдая за мадам Максим, сидящей в одиночестве за судейским столом. Она казалась очень грустной. — Если Хагрид полувеликан, то и она тоже. Широкая кость… Только у динозавра кости шире,

чем у неё.

Гарри и Рон провели оставшуюся часть бала, обсуждая великанов в своём углу; у них не было ни малейшего желания танцевать. Гарри старался не смотреть на Чо и Седрика — при взгляде на них у него возникало острое желание кого-нибудь хорошенько стукнуть.

Когда «Вещие сестрички» закончили играть в полночь, зал вновь наполнился громкими аплодисментами и ученики начали пробираться к вестибюлю. Большинство, правда, высказало мысль, что бал мог бы продолжаться и дальше, но Гарри был ужасно рад, что всё закончилось; ему казалось, что вечер был не очень весёлый.

В вестибюле они натолкнулись на Гермиону, которая прощалась с Крамом и желала ему спокойной ночи. Она холодно взглянула на Рона и молча пронеслась мимо них вверх по мраморной лестнице. Гарри и Рон двинулись за ней, но на полпути Гарри услышал, как кто-то зовёт его.

— Эй — Гарри!

Это был Седрик Диггори. Гарри увидел Чо внизу, в вестибюле.

— Что? — резко спросил он, когда Седрик взбежал к нему.

Казалось, Седрик не хочет говорить при Роне.

Рон хмуро пожал плечами, и продолжил подниматься по лестнице.

— Послушай… — Седрик понизил голос, когда Рон ушёл. — С меня причитается за драконов. Знаешь, это золотое яйцо? Твоё воет, когда ты его открываешь?

— Да, — сказал Гарри.

— Ну… прими ванну, понял?

— Что?

— Прими ванну и, ну, возьми с собой яйцо и обдумай всё в горячей воде. Это поможет… Поверь мне.

Гарри уставился на него.

— Вот что, — сказал Седрик. — Воспользуйся ванной для префектов. Четвёртая дверь налево от статуи Бориса Беспечного на шестом этаже. Пароль — «свежая сосна». Мне пора… хотел пожелать спокойной ночи…

Он одарил Гарри улыбкой и поспешил вниз по ступенькам к Чо.

Гарри в одиночестве отправился в Гриффиндорскую башню. Что за странный совет? Как ванна поможет ему выяснить, что означает вопящее яйцо? Может быть Седрик водит его за нос? Может он хочет выставить Гарри дураком, чтобы Чо больше его любила?

Толстая Дама и её подруга Ви дремали. Гарри пришлось крикнуть: — Волшебные огни! — чтобы разбудить их, и они были чрезвычайно этим недовольны. Он пробрался в гостиную и обнаружил Рона и Гермиону, которые бешено орали друг на друга.

— Если тебе это не по душе, то ты знаешь выход! — кричала Гермиона. Её гладкий пучок растрепался, а лицо было искажено гневом.

— Да ну? — кричал в ответ Рон. — Какой же?

— В следующий раз, когда будет бал, пригласи меня, до того как это сделает кто-то другой, а не в последнюю очередь!

Рон молча глотал воздух, словно рыбка, выброшенная на берег, а Гермиона развернулась на каблуках и унеслась к себе в спальню. Рон повернулся к Гарри.

— Ну, — ошеломлённо пробормотал он, — ну — это всего лишь доказывает — ничего она не поняла…

Гарри ничего не сказал. Он был слишком рад, что Рон снова с ним разговаривает, чтобы вразумить его — но он думал, что Гермиона поняла всё гораздо лучше Рона.

24. Сенсация Риты Скитер

Утром после Рождества все встали поздно. Неторопливые разговоры в Гриффиндорской гостиной были гораздо тише, чем в последние дни и часто прерывались зевками. Пышная шевелюра Гермионы снова вернулась в своё нормальное состояние. Гермиона призналась Гарри, что перед балом воспользовалась изрядным количеством распрямляющего зелья. — Но чтобы так ходить каждый день, — сказала она, почесывая урчащего Косолапа за ухом, — слишком много возни.

Рон и Гермиона, по всей видимости, пришли к безмолвному соглашению не обсуждать свои разногласия. Друг с другом они разговаривали приветливо, но как-то натянуто. Не теряя времени, Рон и Гарри рассказали Гермионе о подслушанном разговоре Хагрида и мадам Максим. Известие о том, что Хагрид — полувеликан произвело на Гермиону гораздо меньшее впечатление, чем на Рона.

— Да, я иногда об этом задумывалась, — сказала она, пожимая плечами. — Я знала, что он не может быть великаном, потому что они око-

ло двадцати футов ростом. Но, честно говоря, вся эта истерия вокруг великанов… Ну не могут они все быть такими ужасными… Это такое же предубеждение, как и насчет оборотней… Это просто нетерпимость, вы согласны?

Рон, кажется, был готов сказать в ответ что-то ехидное, но ему не хотелось ссориться, поэтому он лишь недоверчиво покачал головой, когда Гермиона отвернулась.

Настало время подумать о домашних заданиях, которые они совсем забросили в первую неделю каникул. Теперь, когда Рождественские праздники закончились, все успокоились — все, кроме Гарри, которому снова стало не по себе. Двадцать четвертое февраля приближалось, а он всё ещё не разгадал секрет золотого яйца. Поэтому теперь каждый вечер, приходя в спальню, он доставал яйцо из чемодана, надеясь, что со временем что-нибудь поймет. Он напряженно думал о том, на что, кроме визга тридцати музыкальных пил, похож этот странный звук, но он и в самом деле никогда не слышал ничего подобного. Он закрывал яйцо, тряс его изо всех сил, открывал опять, пытаясь разобраться, не изменился ли звук, но толку не было. Он пробовал задавать яйцу вопросы, пытаясь перекричать ужасный

скрежет, но ничего не происходило. Однажды он даже швырнул яйцо через комнату — правда, без особой надежды, что это поможет…

Гарри не забыл подсказку Седрика, но, поскольку теперь он питал к нему не самые дружеские чувства, то решил ею не пользоваться. В самом деле, если бы Седрик действительно хотел помочь Гарри, то его намёк не был бы таким загадочным. Гарри ведь сказал Седрику открытым текстом, в чём будет заключаться Первое задание. Видимо, по мнению Седрика, предложение принять ванну было достойной ответной услугой. Ну да и не очень-то нужна была такая дурацкая помощь, тем более от того, кто ходит по коридорам за руку с Чо.

Наступил первый день нового семестра. Гарри отправился на уроки, нагрузившись, как обычно, книгами, пергаментом и перьями. Тревога о предстоящем задании давила на сердце так, словно он всё время таскал с собой и яйцо.

Луг вокруг замка по-прежнему был занесён снегом; стекла оранжерей запотели так, что на уроках Гербологии через них было невозможно хоть что-то разглядеть. При такой погоде никто особенно не рвался на уроки по Уходу за Волшебными Существами. Правда, Рон заметил, что уж

Крутоны-то их отогреют, либо гоняясь за ними, либо пуляя в них огнём так, что подожгут хижину Хагрида.

Однако у входа в хижину вместо Хагрида их встретила пожилая ведьма с коротко остриженными седыми волосами и боксерским подбородком.

— Пошевеливайтесь, звонок был пять минут назад! — рявкнула она, когда они пробились к ней через сугробы.

— А вы кто такая? — спросил Рон, уставившись на неё. — Где Хагрид?

— Меня зовут профессор Граббли-Плэнк, — резко сказала она. — Я буду временно преподавать вам Уход за Волшебными Существами.

— Где Хагрид? — громко повторил Гарри.

— Он не в форме, — отрезала профессор Гроборс.

Гарри услышал тихое хихиканье. Он обернулся: Драко Малфой и остальные Слизеринцы присоединились к классу. У всех был весёлый вид, и никто из них не удивился, увидев профессора Граббли-Плэнк, шагающую вдоль стойла, где дрожали от холода Бобатонские кони. Гарри, Рон и Гермиона последовали за ней, оглядываясь на хижину Хагрида. Занавески были задернуты.

Что если Хагрид лежит там, больной, один-одинёшенек?

— Что случилось с Хагридом? — спросил Гарри, стараясь не отстать от профессора Граббли-Плэнк.

— Тебя это не касается, — ответила она, таким тоном, словно он лез не в своё дело.

— Очень даже касается, — возмутился Гарри. — Что с ним случилось?

Профессор Граббли-Плэнк сделала вид, что не слышит его. Она вела учеников к опушке Запретного Леса. А там… там они увидели большого прекрасного единорога, привязанного к дереву. При виде единорога многие девочки ахнули от восторга.

— Ой, какой же он красивый! — прошептала Лаванда Браун. — Где она его взяла? Их ведь очень трудно поймать!

Единорог был таким белым, что даже свежий снег вокруг него казался серым. Он нервно вскидывал голову, увенчанную рогом, и перебирал ногами с золотыми копытами.

— Эй, парни, отойдите-ка назад! — гаркнула профессор Граббли-Плэнк, рукой преграждая им путь. — Единороги предпочитают женское общество. Девочки — вперёд, подходите осторожно,

давайте, потихоньку…

Девочки и профессор медленно подошли к единорогу, оставив мальчишек наблюдать у ограды загона. Как только профессор Граббли-Плэнк отошла и не могла их услышать, Гарри повернулся к Рону.

— Как ты думаешь, что с ним случилось? Тебе не кажется, что Крутон…

— Да никто на него не нападал, Поттер, если уж ты так беспокоишься, — тихо проговорил Малфой. — Нет, ему просто стыдно показать людям свою толстую страшную рожу.

— О чём это ты? — резко спросил Гарри.

Малфой вынул из внутреннего кармана сложенную страницу газеты.

— Полюбуйся, — сказал он с ухмылкой. — Уж не обессудь, Поттер, я не хотел быть первым, от кого ты узнаешь. Гарри взял у него страницу, развернул и начал читать. Рон, Шеймус, Дин и Невилл заглядывали ему через плечо. Это была статья с фотографией, на которой у Хагрида был очень зловещий вид.

«Гигантская ошибка Дамблдора

Альбус Дамблдор, эксцентричный директор Хогвартской Школы Колдовства и Волшебства, известен своим нетрадиционным подходом

к приёму персонала на работу, пишет Рита Скитер, наш специальный корреспондент. В сентябре нынешнего года он пригласил Аластора Хмури-«Дикий глаз», отставного Аврора, скандально известного своей подозрительностью, на должность преподавателя Защиты от Тёмных Искусств. Это решение вызвало недоумение у многих членов Министерства Магии, особенно если учесть известную всем привычку Хмури нападать на любого, кто в его присутствии имеет неосторожность сделать резкое движение. Хмури-«Дикий глаз», однако, кажется весьма ответственным и великодушным по сравнению с кандидатом, которому Дамблдор доверил преподавать Уход за Волшебными Существами.

Рубеус Хагрид, признавший, что был отчислен из Хогвартса на третьем году обучения, с давних пор работал лесничим при школе. Эта должность была предоставлена ему Дамблдором. В прошлом году, однако, Хагрид таинственным образом воздействовал на директора и получил в дополнение место преподавателя по Уходу за Волшебными Существами. При этом гораздо более квалифицированные кандидаты были отвергнуты.

Человек ужасающих размеров и грубой наружности, Хагрид использовал свою вновь

приобретённую власть, чтобы запугивать учеников, демонстрируя им чудовищ. Пока Дамблдор не обращал внимания, за время нескольких ужасных уроков многие ученики получили серьёзные увечья.

— На меня напал гиппогриф, а моего друга Винсента Крэбба искусал флобберчервь, — сказал нашему корреспонденту четверокурсник Драко Малфой. — Мы все терпеть не можем Хагрида, но боимся об этом говорить.

У Хагрида, тем не менее, нет намерения прекратить кампанию запугивания. Месяц назад, беседуя с корреспондентом «Ежедневного Пророка», он признал, что разводит существ, которых называет Взрывохвостыми Крутонами — опасные гибриды Мантикор и Огненных крабов. Выведение новых пород волшебных существ, как известно, должно проходить под наблюдением и с разрешения Отдела по Контролю Волшебных Существ. Хагрид, однако, считает, что эти глупые ограничения не имеют к нему отношения. — Мне это приносит радость, — сказал он, прежде чем сменить тему разговора.

В довершение всего, «Ежедневному Пророку» стала доступной информация о том, что Хагрид — совсем не тот, за кого себя выдаёт. Он — не

чистокровный волшебник. Более того, его происхождение — не вполне человеческое. Наша редакция располагает эксклюзивной информацией о том, что мать Хагрида — никто иная, как великанша Фридвульфа, местонахождение которой сейчас неизвестно.

На протяжении последнего столетия великаны, кровожадные и жестокие существа, довели свой род до грани вымирания, сражаясь друг с другом. Горстка тех, кто остался в живых, присоединилась к войскам Того-Кого-Нельзя-Называть, и на их совести самые жестокие массовые убийства магглов во времена его ужасного владычества.

Хотя многие из великанов, служивших Сами-Знаете-Кому, были убиты Аврорами, Фридвульфы среди них не оказалось. Предполагают, что она скрылась в одном из прибежищ великанов, которые до сих пор существуют в запредельных горах. Судя по безобразиям, творящимся на уроках по Уходу за Волшебными Существами, сын Фридвульфы, скорее всего, унаследовал ей жестокий характер.

Как известно, Хагрид непостижимым образом добился тесной дружбы с мальчиком, который повлёк падение Сами-Знаете-Кого с вершин могущества (вынудив, таким образом, мать Хагрида

и остальных сторонников Тёмного Лорда отправиться в изгнание). Возможно, Гарри Поттер не знает горькой правды о своём гигантском друге. Но Альбус Дамблдор, безусловно, обязан предупредить Гарри Поттера и его соучеников об опасностях общения с полувеликанами».

Гарри закончил читать и взглянул на Рона; тот стоял, разинув рот.

— Откуда она узнала? — прошептал он.

Но не это беспокоило Гарри.

— О чём это ты: — Мы все терпеть не можем Хагрида? — крикнул он Малфою. — Что это за ерунда, — он указал на Крэбба, — искусан флоббервервём? Да у них и зубов-то нет!

Крэбб гоготал, очевидно, очень довольный собой.

— Ну что же, я думаю, учительской карьере неотёсанного чурбана пришел конец, — сказал Малфой, довольно сверкая глазами. — Полувеликан… А я-то думал, что он просто в детстве перепил Скелероста… Нет, ни мамочек, ни папочек это не обрадует… Они испугаются, что он сожрёт их детишек, ха, ха, ха…

— Ты…

— Эй, вы там, вы слушаете? — крикнула профессор Граббли-Плэнк. Девочки сгрудились

вокруг единорога и гладили его. У Гарри тряслись руки, так разозлила его статья в «Ежедневном Пророке». Он обернулся и, не слушая, уставился на единорога, чьи магические особенности профессор Граббли-Плэнк разъясняла громовым голосом, чтобы мальчикам было слышно.

Когда урок закончился, и все направились к замку на обед, Парвати Патил сказала: — Я надеюсь, она останется насовсем! Это — настоящий Уход за Волшебными Существами, вот чего я ожидала от этих уроков… нормальные существа, как единорог например, а не всякие там чудовища…

— А как же Хагрид? — сердито спросил Гарри, поднимаясь по ступеням.

— А что ему сделается? — равнодушно сказала Парвати. — Он может остаться лесником.

Парвати очень прохладно относилась к Гарри со времени Бала. Он думал, что надо было уделить ей тогда больше внимания. Но оказалось, что она и так прекрасно провела время. Во всяком случае, она всем говорила, что у неё в следующие выходные в Хогсмиде свидание с мальчиком из Бобатона.

— Это был очень хороший урок, — сказала Гермиона, когда они входили в Большой зал. — Я не знала и половины того, что профессор Граббли-

Плэнк рассказала про единоро…

— Посмотри-ка лучше на это! — Гарри сунул ей под нос смятую газету. Реакция Гермионы была такой же, как и у Рона.

— Как эта ужасная Скитер разнюхала? Ты ведь не думаешь, что Хагрид ей сам сказал?

— Не думаю, — сказал Гарри, подходя к Гриффиндорскому столу и со злостью плюхаясь на стул. — Он ведь даже нам не рассказал! Я помню, как Скитер бесилась, когда он отказался плохо говорить обо мне, так теперь она в отместку пишет гадости о нём.

— Может быть, она слышала, его разговор с мадам Максим на балу, — тихо сказала Гермиона.

— Мы бы заметили её в саду! — возразил Рон.

— В любом случае, ей запрещено появляться на территории школы. Хагрид сказал, что таково распоряжение Дамблдора…

— Может, у неё есть Плащ-невидимка, — предположил Гарри, накладывая себе куриную запеканку и от злости разбрызгивая соус во все стороны.

— Прятаться по кустам и подслушивать — это так на неё похоже!

— Ты хочешь сказать, на вас с Роном? — съязвила Гермиона.

— Мы не пытались его подслушивать — раздражённо ответил Рон. — У нас не было выбора! Вот ведь балда, рассказывать о матери-Великанше да ещё там, где кто угодно мог его слышать!

— Нам нужно пойти и поговорить с ним, — сказал Гарри. — Сегодня же вечером, после Прорицания. Скажем ему, что хотим, чтобы он вернулся… Ты ведь хочешь, чтобы он вернулся? — он взглянул на Гермиону.

— Я… что же, я не стану притворяться, мне действительно было приятно для разнообразия побывать на нормальном уроке по Уходу за Волшебными Существами, но я хочу, чтобы Хагрид вернулся, конечно же, хочу! — торопливо договорила Гермиона под мрачным взглядом Гарри.

Вечером после ужина все трое снова выскользнули из замка и направились по замерзшему лугу к хижине Хагрида. Они постучали, в ответ послышался громкий лай Клыка.

— Хагрид, это мы! — крикнул Гарри, колотя в дверь. — Открой!

Хагрид не ответил. Было слышно, как Клык скребется и скулит, но дверь не отворилась. Они стучали ещё минут десять; Рон даже поколотил по одному из окон, но ответа не было.

Устав, они повернули обратно к замку.

— Почему он нас избегает? — спросила Гермиона. — Неужели он думает, что для нас имеет значение его полувеликанское происхождение?

Но казалось, что Хагрид именно так и думал. Целую неделю его не было видно за учительским столом в Большом зале; он забросил свои обязанности лесника, а профессор Граббли-Плэнк продолжала вести уроки Ухода за Волшебными Существами. Хагрид не появлялся.

Малфой издевался при малейшей возможности.

— Что, скучаешь по своему дружку — полукровке? Скучаешь по человеку-слону? — шептал он Гарри, когда поблизости были учителя, так что Гарри не мог ему ответить.

В середине января была запланирован поход в Хогсмид. Гермиона очень удивилась, узнав, что Гарри решил туда отправиться.

— Я думала, ты воспользуешься тем, что в общей комнате будет тихо, — сказала она. — И всерьёз займешься яйцом.

— Ой, вспомнил, я уже разобрался, — соврал Гарри.

— Правда? — обрадовано воскликнула Гермиона. — Ну, ты молодчина!

В животе у Гарри что-то дрогнуло, но он решил

не обращать внимания. Для разгадки секрета яйца у него в запасе была ещё куча времени, целых пять недель… А в Хогсмиде он мог повстречать Хагрида и попробовать уговорить его вернуться.

В субботу они с Роном и Гермионой вышли из замка и направились к воротам через луг. Было холодно и сыро. Проходя мимо Дурмштрангского корабля, стоящего на якоре, они увидели Виктора Крама в плавках. Он был очень худ, но, вероятно, гораздо выносливее, чем казался с виду, потому что забрался на борт корабля, раскинул руки и нырнул в озеро.

— Сумасшедший! — пробормотал Гарри, глядя на темную голову Крама, вынырнувшую на середине озера. — Вода же ледяная, январь всё-таки!

— Там, откуда он приехал, гораздо холоднее, — возразила Гермиона. — Думаю, ему сейчас вполне тепло.

— Да, конечно, но ведь там ещё гигантский спрут, — добавил Рон, но не с беспокойством, а скорее с надеждой. Гермиона нахмурилась.

— Вы знаете, он очень славный, — сказала она. — Он совсем не такой, как можно было бы подумать, раз учился в Дурмштранге. Он мне сказал, что здесь ему нравится гораздо больше.

Рон промолчал. Он не упоминал Виктора Крама

со времени Бала, но в первый день после Рождества Гарри нашел под кроватью миниатюрную руку, отломанную от модели игрока, одетого в болгарскую квиддитчную форму.

Гарри высматривал Хагрида, пока они шли по слякотной Главной Улице, но убедившись, что ни в одной из лавок его нет, решил зайти в «Три Метлы».

В пабе было, как обычно, многолюдно. Осмотревшись, Гарри понял, что и здесь Хагрида нет. С упавшим сердцем, он подошёл к стойке бара вместе с Роном и Гермионой. Заказав Ирисэль у мадам Розмерты, Гарри мрачно подумал, что с таким же успехом мог остаться в замке и слушать завывания яйца.

— Интересно, он вообще когда-нибудь работает? — неожиданно шепнула Гермиона. — Посмотрите!

Она указала на зеркало за стойкой бара, и Гарри увидел там отражение Людо Бэгмэна за столиком в тёмном углу с группой гоблинов, которые сидели, сложив руки на груди с весьма недовольным видом. Бэгмэн что-то говорил им, очень тихо и торопливо. Гарри удивился появлению Бэгмэна в «Трёх Мётлах», да ещё в выходной, тем более, что судить очередное задание турнира ему было толь-

ко через месяц. У Бэгмэна был встревоженный вид, как тогда, в лесу, после появления Тёмной Метки. Но тут Бэгмэн заметил Гарри и встал.

— Одну минуту! — сказал он гоблинам, и устремился через паб к Гарри, сияя своей мальчишеской улыбкой.

— Гарри! — воскликнул он. — Как ты, дружище? Я надеялся, что мы увидимся! У тебя всё в порядке?

— Прекрасно, спасибо, — ответил Гарри.

— Ничего, если мы с тобой немного посекретничаем? — настойчиво продолжал Бэгмэн. — Вы двое не возражаете?

— Э… Да нет, — сказал Рон, и они с Гермионой поднялись и пошли искать столик.

Бэгмэн повёл Гарри вдоль стойки в угол, наиболее далёкий от мадам Розмерты.

— Знаешь, я сейчас подумал, что ещё раз хочу тебя поздравить с прекрасным выступлением и победой над Рогохвостом, Гарри, — сказал Бэгмэн. — Просто потрясающе…

— Спасибо, — ответил Гарри. Но он понимал, что ради этого Бэгмэн не стал бы отводить его в дальний угол. Тем не менее, казалось, что Бэгмэн не спешит приступать к основному разговору. Гарри увидел, как тот посмотрел в стенное зер-

кало на гоблинов. Те молча таращили глаза на него и Гарри.

— Просто кошмар какой-то, — пробормотал Бэгмэн, заметив, что Гарри тоже смотрит на гоблинов. — Они скверно говорят по-английски… я опять чувствую себя, как на Кубке мира с болгарами… Но, по крайней мере, те использовали язык жестов, понятный другим людям. А эта компания бормочет что-то по-гобледегукски. А я знаю только одно гобледегукское слово — бладвак. Оно означает — «кирка». И мне не хотелось бы его использовать — вдруг они решат, что я им угрожаю? — он хохотнул.

— А что им нужно? — спросил Гарри, наблюдая, как гоблины следят за Бэгмэном.

— Гм… да… — произнёс Бэгмэн, и Гарри неожиданно показалось, что тот нервничает. — Они… они ищут Барти Крауча.

— А почему они ищут его здесь? — сказал Гарри. — Он ведь в министерстве, в Лондоне?

— Гм… честно говоря, у меня нет ни малейшего понятия о том, где он, — нехотя признал Бэгмэн. — Он… как тебе сказать… в общем, перестал приходить на работу. Отсутствует уже две недели. Молодой Перси, его помощник, говорит, что он нездоров. По слухам, Барти посылает указания

совами. Но, будь так любезен, не говори никому об этом, хорошо? Потому что Рита Скитер по-прежнему везде сует свой нос и я готов побиться об заклад, что она из недомогания Барти раздует какую-нибудь зловещую историю… Скорее всего, заявит, что он исчез, как Берта Джоркинс.

— А что известно о Берте Джоркинс? — спросил Гарри.

— Ничего, — ответил Бэгмэн, и опять выражение испуга мелькнуло на его лице. — Конечно, я послал людей на розыски… — (давно пора, подумал Гарри), — но вся эта история очень странная. Совершенно точно известно, что она прибыла в Албанию, потому что там она навестила троюродную сестру. А затем уехала от сестры и направилась на юг, повидать тётку… и по дороге бесследно исчезла. Чтоб мне провалиться, если я знаю, куда она забурилась… она из тех, кто в трёх соснах заблудится… Но всё ж таки… что это мы с тобой говорим о гоблинах и Берте Джоркинс? На самом деле я хотел тебя спросить, — Бэгмэн понизил голос, — как у тебя продвигаются дела с золотым яйцом?

— Гм… неплохо, — соврал Гарри.

Казалось, Бэгмэн понял, что это неправда.

— Послушай, Гарри, — прошептал он. — Мне

немного неловко… Ты ведь участвуешь в турнире не по своей воле… и если… — (теперь он говорил так тихо, что Гарри пришлось наклониться поближе, чтобы расслышать), — если я хоть чем-то могу помочь… ну, что ли, подтолкнуть в правильном направлении… ты мне нравишься… как ты обхитрил этого дракона!.. Так что, если что, скажи только слово.

Гарри взглянул на румяное голубоглазое лицо Бэгмэна.

— Мы ведь должны сами работать над разгадками, — Гарри старался говорить как бы между прочим, чтобы не показалось, будто он обвиняет начальника Отдела Волшебных Игр и Спортивных Состязаний в нарушении правил.

— М-да… да, конечно, — нетерпеливо подхватил Бэгмэн, — но — сам подумай, Гарри, мы ведь все хотим победы Хогвартса?

— А Седрику вы тоже предложили помощь? — спросил Гарри.

Почти незаметная гримаса исказила гладкое лицо Бэгмэна.

— Нет, — сказал он. — Я… мне, как я уже говорил, нравишься ты. Вот я и подумал, что предложу…

— Нет, спасибо, — проговорил Гарри. — Мне

кажется, что я на пути к разгадке… ещё пара дней, и я разберусь.

Он не совсем понимал, почему отвергает помощь Бэгмэна. Тем не менее, он знал, что одно дело — спрашивать совета у Рона, Гермионы или Сириуса, а другое — получать подсказки от Бэгмэна, с которым они были едва знакомы. Вот это уже было похоже на настоящее жульничество. У Бэгмэна был почти оскорблённый вид, но он не успел ничего сказать, потому что рядом появились Фред и Джордж.

— Здравствуйте, мистер Бэгмэн, — радостно сказал Фред. — Вы позволите вас угостить?

— Гм… нет, — покачал головой Бэгмэн, в последний раз разочарованно взглянув на Гарри. — Нет, спасибо, ребята…

Физиономии Фреда и Джорджа вытянулись, и они вдруг стали очень похожи на лицо Бэгмэна, который смотрел на Гарри с таким видом, словно тот его ужасно подвёл.

— Что ж, мне пора, — сказал наконец Бэгмэн. — Рад был тебя повидать. Удачи, Гарри.

И он торопливо вышел из паба. Гоблины все как один соскочили со своих стульев и последовали за ним. Гарри

присоединился к Рону и Гермионе.

— Что ему было нужно? — спросил Рон, как только Гарри уселся рядом.

— Он предложил мне помощь с золотым яйцом, — ответил Гарри.

— Он с ума сошёл! — воскликнула Гермиона. — Он же судья! И, в любом случае, ты ведь уже и так разобрался, правда?

— М-м-м… почти, — пробормотал Гарри.

— Не думаю, что Дамблдор пришёл бы в восторг, узнав, что Бэгмэн пытался заставить тебя сжульничать! — неодобрительно сказала Гермиона. — Надеюсь, он так же старается помочь Седрику!

— Я его об этом спросил. Не старается, — ответил Гарри.

— Кому какое дело, помогает ли кто-нибудь Диггори? — сказал Рон. И в глубине души Гарри с ним согласился.

— У этих гоблинов был не очень-то дружелюбный вид, — продолжала Гермиона, потягивая Ирисэль. — И вообще, что они здесь делали?

— Бэгмэн сказал, что они искали Крауча, — ответил Гарри. — Он всё еще болеет. Так и не появлялся на работе.

— Может, это Перси его потихонечку травит, — подхватил Рон. — Видимо, считает, что если

Крауч откинет копыта, то его сделают начальником Отдела Международного Сотрудничества Магов.

Гермиона взглядом дала Рону понять, что о таких вещах не шутят, и сказала: — Странно, что гоблины ищут мистера Крауча… Они обычно имеют дело с Отделом по Контролю Волшебных Существ.

— Крауч знает множество языков, — сказал Гарри. — Может быть, им нужен переводчик.

— Что, теперь ты беспокоишься о бедных-разнесчастных гоблинах? — поинтересовался Рон. — Как насчет нового общества — О.З.Б.Г. — Общество Защиты Безобразных Гоблинов?

— Ха. Ха. Ха, — саркастически произнесла Гермиона. — Гоблинам защита не нужна. Вы что, не слушали лекций профессора Биннса о Восстаниях гоблинов?

— Нет, — хором ответили Гарри и Рон.

— Так вот, они-то вполне способны иметь дело с волшебниками на равных, — сказала Гермиона, снова глотнув Ирисэля. — Гоблины очень сообразительные. Не то, что домовые, которые никогда не могут постоять за себя.

— Ну вот, дождались… — сказал Рон, глядя на Риту Скитер, которая только что вошла в паб.

Сегодня её одежды были банановогo цвета, а длинные ногти покрыты ядовито-розовым лаком. Её сопровождал фотограф. Они заказали напитки и

стали пробираться через толпу к столику неподалеку. Гарри, Рон и Гермиона смотрели, как Рита Скитер приближалась. Она быстро о чем-то тараторила, и вид у неё при этом был очень довольный.

— …ведь он не горел желанием поговорить с нами, правда, Бозо? Интересно, почему это? Должна быть причина, Бозо. И то, что за ним по пятам ходит толпа гоблинов… Что он, экскурсию проводит? Нет, чепуха… он никогда не умел врать. Здесь что-то не так, как ты думаешь? Не стоит ли нам в этом покопаться? Опозоренный бывший начальник Отдела Волшебных игр и Спортивных Состязаний, Людо Бэгмэн… Неплохое начало для фразы, ты не находишь, Бозо — нам только нужна история, к которой она бы подошла…

— Что, пытаетесь ещё кому-нибудь отравить жизнь? — громко спросил Гарри.

Несколько человек оглянулись. Увидев, кто к ней обращается, Рита Скитер выпучила глаза за стёклами своих инкрустированных очков. — Гарри! — она расцвела в улыбке. — Как замечатель-

но! Почему бы тебе не присоединиться к нам?…

— Да я к вам и с десятифутовым помелом не подойду, — гневно сказал Гарри. — Зачем вы такое сделали Хагриду?

Тщательно прорисованные брови Риты Скитер поднялись от удивления.

— Наши читатели имеют право знать правду, Гарри. Я всего лишь делаю моё де…

— Ну кому какое дело, если он полувеликан? — крикнул Гарри. — Он ведь абсолютно нормальный!

В пабе стало очень тихо. Мадам Розмерта смотрела из-за стойки, не замечая, что графин, в который она льёт медовую брагу, давно переполнился.

Рита Скитер слегка поникла, но вдруг снова заулыбалась; открыв сумку из крокодиловой кожи, она достало своё Прямоцитирующее перо и сказала: — Как насчет интервью о Хагриде, каким ты его знаешь, Гарри? Что за душа скрывается за его мускулами? Ваша необычная дружба и её причины? Не считаешь ли ты его заменой отцу?

Гермиона резко подскочила, зажав кружку Ирисэля в руке, как гранату.

— Вы ужасная женщина, — процедила она сквозь зубы, — вам нет дела до настоящей исто-

рии, сгодится любая чепуха, так ведь? Даже Людо Бэгмэн…

— Сядь, глупая маленькая девчонка, и не говори о вещах, в которых не смыслишь, — холодно отрезала Рита Скитер, строго глядя на Гермиону. — О Людо Бэгмэне мне известно такое, от чего у тебя волосы встанут дыбом… правда, они и так уже… — добавила она, покосившись на гриву Гермионы.

— Пойдёмте отсюда, — сказала Гермиона. — Пойдёмте. Гарри, Рон…

И они вышли из паба; многие смотрели им вслед. Дойдя до двери, Гарри оглянулся. Прямоцитирующее перо Риты Скитер носилось по пергаменту на столе.

— Ты на очереди, Гермиона, — удручённо сказал Рон, когда они быстро шли по улице.

— Пусть только попробует! — храбро сказала Гермиона; её трясло от гнева. — Я ей покажу! Маленькая глупая девчонка, это я-то? Ну, она у меня дождется… Сначала — Гарри, потом — Хагрид…

— Тебе не стоит ссориться с Ритой Скитер, — забеспокоился Рон. — Серьёзно, Гермиона. Она выкопает какую-нибудь пакость о тебе…

— Мои родители не читают «Ежедневный Пророк». И она не заставит меня прятаться! — от-

ветила Гермиона, шагая так быстро, что Гарри и Рон едва за ней поспевали. В последний раз Гарри видел Гермиону такой разъярённой, когда она дала пощёчину Малфою. — И Хагрид не будет больше прятаться! Он никогда не имел права позволить этой, с позволения сказать, даме, расстроить себя! За мной!

Перейдя на бег, она повела всех к воротам, увенчанным крылатыми кабанами и через луг, к хижине Хагрида.

Окна были по-прежнему занавешены; слышался лай Клыка.

— Хагрид! — крикнула Гермиона, колотя в дверь. — Хагрид, хватит! Мы знаем, что ты здесь! Никому нет дела до того, что твоя мама была великаншей, Хагрид! И не смей позволять этой вонючке Скитер изводить себя! Хагрид, выходи, ты просто…

Дверь открылась, Гермиона неожиданно запнулась, оказавшись лицом к лицу с Альбусом Дамблдором.

— Добрый день, — приветливо сказал он, улыбаясь всем троим.

— Мы… э-э-э… хотели повидать Хагрида, — тоненько проговорила Гермиона.

— Я так и подумал, — ответил Дамблдор, по-

блёскивая глазами. — Что же вы не заходите?

— О… а… хорошо, — сказала Гермиона.

Они с Роном и Гарри вошли в хижину; Клык в тот же миг набросился на Гарри с объятиями, оглушительно лая и пытаясь облизать ему уши. Гарри увернулся от него и осмотрелся.

Хагрид сидел за столом, на котором стояли две больших кружки чая. Выглядел он ужасно. Опухшие глаза, лицо покрыто пятнами, а что касается волос, то он ударился в другую крайность: теперь они выглядели, как моток перепутанной проволоки.

— Привет, Хагрид, — сказал Гарри.

Хагрид поднял глаза.

— Пр'вет, — ответил он хрипло.

— Я думаю, ещё чуток чаю нам не помешает, — сказал Дамблдор, закрывая дверь за Гарри, Роном и Гермионой. Он вытянул волшебную палочку и помахал ею. В воздухе появился вращающийся сервированный чайный поднос с тарелкой пирожных. Дамблдор опустил поднос на стол. Все сели. Немного помолчав, Дамблдор сказал: — Ты слышал, Хагрид, что Мисс Грэйнджер только что кричала?

Гермиона слегка покраснела, но Дамблдор улыбнулся ей и продолжил: — Гермиона, Гарри

и Рон по-прежнему хотят с тобой знаться, судя по тому, как они ломились в дверь.

— Ну конечно же хотим! — подхватил Гарри, глядя на Хагрида. — Ты ведь не думаешь, что писанина этой коровы Скитер — извините, профессор, — быстро добавил он, оглянувшись на Дамблдора.

— Я на секунду оглох, и не расслышал, что ты сказал, Гарри, — ответил Дамблдор задумчиво обозревая потолок.

— А-а-а… гм, — пробормотал Гарри. — Я просто хотел сказать — Хагрид, как ты мог подумать, что нам есть дело до того, что написала эта тётка?

Две огромные слезы выкатились из чёрных глаз Хагрида и медленно скрылись в его спутанной бороде.

— Вот тебе живое доказательство моих слов, Хагрид, — произнёс Дамблдор, по-прежнему глядя в потолок. — Я показал тебе кучу писем от родителей, которые помнят тебя ещё по своим годам в Хогвартсе. Они пишут, что, если только я попробую тебя уволить, они найдут, куда обратиться…

— Да, но не все, — хрипло возразил Хагрид. — Не все хотят, чтобы я остался.

— Ну, знаешь, Хагрид, если ты желаешь быть всеобщим любимчиком, тебе, боюсь, придется

просидеть в этой хижине до скончания веков, — сказал Дамблдор, серьёзно глядя на него через очки в форме полумесяца. — С тех пор как я стал директором этой школы, недели не проходит, чтобы кто-нибудь не прислал сову о том, как плохо я справляюсь со своими обязанностями. Ну и что же мне делать? Забаррикадироваться у себя в кабинете и посыпать голову пеплом?

— Но вы… вы-то не полувеликан! — прохрипел Хагрид.

— Хагрид, ты-то знаешь, какие родственники у меня! — сказал Гарри сердито. — Ты вспомни семейку Дёрсли!

— В самую точку, — подтвердил профессор Дамблдор. — Вот и мой собственный брат Аберфорт… он был осуждён за недозволенные колдовские манипуляции с козлом. Про это писали во всех газетах, но он и не подумал прятаться… Хотя, вообще-то, я не совсем уверен, что он умеет читать, так что это могло быть и не от храбрости…

— Возвращайся, Хагрид, и продолжай преподавать, — тихо сказала Гермиона, — Пожалуйста, вернись. Нам очень тебя не хватает.

Хагрид всхлипнул. Слёзы вновь полились по его щекам в спутанную бороду. Дамблдор встал.

— Я отказываюсь дать тебе расчёт, Хагрид, и

ожидаю, что ты вернёшься на работу в понедельник, — сказал он. — Увидимся в полдевятого за завтраком в Большом зале. Никаких отговорок. Всем — доброго дня.

Дамблдор вышел из хижины, остановившись по пути, чтобы почесать Клыка за ухом. Когда дверь за ним закрылась, Хагрид спрятал лицо в своих огромных ладонях и заплакал. Гермиона гладила его руку. Наконец, Хагрид поднял покрасневшие глаза и сказал — Великий человек, Дамблдор… великий человек…

— Да, он такой, — сказал Рон. — Можно мне пирожное, Хагрид?

— На здоровье, — ответил Хагрид, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Да, и он прав, конечно, вы все правы… это я сглупил. Моему старику-папе было бы стыдно за меня, так я расклеился… — и снова слёзы закапали из глаз Хагрида, но он решительно утёр их и сказал. — Я ведь вам никогда не показывал папин портрет? Вот…

Хагрид встал, подошел к комоду, открыл ящик и вынул портрет маленького волшебника со знакомыми весело прищуренными чёрными глазами. Волшебник улыбался, сидя на плече у Хагрида. Сам Хагрид был ростом семи-восьми футов, судя

по яблоне рядом, но не старше одиннадцати лет — его лицо было круглым и безбородым.

— Это мы сфотографировались, когда я поступил в Хогвартс, — сипло сказал Хагрид. — Папа страшно гордился… он, знаете, и не надеялся, что я окажусь волшебником, думал, я пошёл в мамину породу… Вот. Конечно, я никогда по-настоящему не отличался способностями к магии… но, по крайней мере, он не дожил до моего исключения. Помер, когда я был во втором классе…

— Только Дамблдор и заботился обо мне после смерти папы. Взял меня лесником… Он доверяет людям. Даёт им шанс исправиться… Вот это и отличает его от других директоров. Он примет в Хогвартс кого угодно, лишь бы способности были. Знает, что ребёнок может вырасти хорошим, даже если семья его — не ахти… да… вот за что я его уважаю. Но некоторые этого не понимают. Некоторые страдают предубеждениями… некоторые даже притворяются, что у они — ширококостные, вместо того, чтобы сказать — я — то, что я есть, и не стыжусь этого. Мой старик всегда говорил — Никогда не стыдись; всегда найдется кто-нибудь, кому ты не понравишься, но такие люди не стоят того, чтобы из-за них переживать. — И он был прав. Я был дураком. И больше не буду из-за неё

переживать, уж это я обещаю. Широкая кость… я ей задам широкую кость…

Гарри, Рон и Гермиона беспокойно переглянулись; Гарри предпочёл бы взять на прогулку пятьдесят Взрывохвостых Крутонов, чем признаться, что он невольно слышал разговор Хагрида с мадам Максим. Но Хагрид продолжал говорить, не чувствуя, что сказал что-то странное.

— Знаешь что, Гарри? — произнёс он, отрывая прояснившийся взгляд от фотографии отца, — ведь когда я впервые тебя повстречал, ты немного напомнил мне меня самого. Ни мамы, ни папы, и тебе казалось, что ты не удержишься в Хогвартсе, помнишь? Сомневался, справишься ли… А теперь, вы только на него посмотрите! Чемпион школы! — он задержал взгляд на Гарри и очень серьёзно сказал. — Знаешь, чего бы мне хотелось больше всего, Гарри? Я хочу, чтобы ты победил, очень хочу. Ты бы им всем показал… что не нужно быть чистокровным волшебником, чтобы победить. Ты не должен стыдиться того, кто ты есть. Они бы поняли, что Дамблдор прав, принимая всех, кто способен к магии. Да, кстати, как идут дела с яйцом, Гарри?

— Разобрался, — сказал Гарри. — Никаких проблем.

На грустном лице Хагрида появилась широкая улыбка.

— Вот это молодец… ты покажи им всем, Гарри, покажи. Всех их одолей.

Врать Хагриду было тяжелее, чем остальным. Ближе к вечеру, когда они вернулись в замок, Гарри всё ещё не мог забыть выражения счастья на его бородатом лице. Хагрид уже представлял Гарри победителем турнира… Неразгаданное яйцо тяжелым камнем давило на совесть Гарри этим вечером — тяжелее, чем когда-либо — и, ложась в постель, он решил, что пора позабыть о гордыне и попробовать разобраться с намёком Седрика.

25. Яйцо и глаз

Гарри не представлял, долго ли ему придётся пробыть в ванной, чтобы разгадать секрет золотого яйца, и решил отправиться туда ночью, когда времени у него будет навалом. Он чувствовал себя неловко из-за того, что пришлось принять помощь Седрика, но всё-таки решил воспользоваться ванной префектов; там бывает гораздо меньше народу, а значит, меньше и вероятность на кого-нибудь наткнуться.

Гарри тщательно спланировал свою вылазку. Как-то раз дворник Филч уже застал его посреди ночи не в постели, и у Гарри не было ни малейшего желания освежить воспоминания. Плащ-невидимка, конечно, необходим, а в качестве дополнительной предосторожности Гарри решил взять Карту Мародёров, которая, не считая плаща, больше всего прочего подходила для нарушения школьных правил. На карте был весь Хогвартс, со множеством кратчайших путей и секретных проходов и, что самое главное, маленькие подписанные точки показывали бродящих по замку людей, так что Гарри заранее узнал бы о

том, что кто-то приближается к ванной комнате.

В четверг ночью Гарри выскользнул из постели, надел плащ, прокрался вниз по ступенькам, и так же, как той ночью, когда Хагрид показал ему драконов, подождал пока откроется портретный ход. На сей раз снаружи его ждал Рон, который сказал Толстой Даме пароль — банановые чипсы. — Ни пуха! — прошептал он прошмыгнувшему мимо него Гарри, и полез в гостиную.

Этим вечером передвигаться под плащом было довольно неудобно, поскольку Гарри в одной руке нёс тяжелое яйцо, а другой держал перед носом карту. Однако в залитых лунным светом коридорах было пусто и тихо и, время от времени сверяясь с картой, Гарри был совершенно уверен, что ни на кого не наткнётся. Дойдя до статуи Бориса Беспечного, у которого правая перчатка красовалась на левой руке, а левая — на правой, Гарри нашёл нужную дверь, подошёл к ней почти вплотную и прошептал: — свежая сосна, — пароль, который сказал ему Седрик.

Дверь со скрипом открылась. Гарри скользнул внутрь, запер её за собой, снял Плащ-невидимку и осмотрелся.

Его первой реакцией была мысль о том, что стоит стать префектом хотя бы для того, чтобы

иметь возможность пользоваться этой ванной. Мягкий свет роскошной люстры со множеством свечей играл на белом мраморе, из которого было сделано всё вокруг, включая собственно ванну, напоминавшую пустой, прямоугольный бассейн, наполовину утопленный в пол. По краю бассейна шла целая сотня золотых кранов с инкрустированными ручками, и каждую ручку украшал свой собственный самоцвет. Был даже трамплин для прыжков в воду. Длинные белые льняные занавеси закрывали окна; большая стопка пушистых полотенец лежала в углу, а на стене висела картина в золотой раме. На картине спала белокурая русалка. Волосы струились по её лицу и слегка колыхались всякий раз, когда она всхрапывала.

Гарри, осматриваясь, прошёл вперёд, и его шаги эхом отозвались от стен. Какой бы великолепной не была ванная, и как бы ему не хотелось испытать хотя бы несколько кранов — теперь, оказавшись здесь, он не мог избавиться от чувства, что Седрик решил его надуть. Как, скажите на милость, всё это может помочь раскрыть тайну яйца? Тем не менее, он положил одно из махровых полотенец, плащ, карту и яйцо на край огромной, как бассейн ванны, затем опустился на колени и открыл несколько кранов.

Он сразу же понял, что из кранов течёт вода, смешанная с пеной для ванн, хотя пена эта ни капли не походила на ту, к которой привык Гарри. Из одного крана вылетали розовые и голубые пузыри размером с футбольный мяч; из другого текла густая белоснежная пена, которая легко выдержала бы его вес, вздумай он это проверить; фиолетовые облака из третьего стелились по воде и окутывали всё вокруг густым ароматом. Гарри некоторое время развлекался, открывая и закрывая краны. Больше всех ему понравился тот, чья струя рикошетом отскакивала от поверхности воды, образуя большие арки. Когда глубокий бассейн наполнился горячей водой, пеной и пузырями, а это заняло очень мало времени, учитывая его размеры, Гарри выключил все краны, снял халат, тапочки и пижаму и скользнул в воду.

Его ноги едва достали до дна, и Гарри немножко поплавал, прежде чем вернуться к бортику, где он смог встать и приступить к разгадке тайны. Гарри нежился в горячей воде в облаках пены и разноцветного пара, но ни одной блестящей мысли ему в голову так и не пришло.

Гарри протянул влажные руки, взял яйцо и открыл его. Вой и скрежет заполнили ванную, отражаясь от мраморных стен, но звуки эти были

такими же непонятными, как и раньше — даже, пожалуй, стали ещё непонятнее из-за эха. Он снова захлопнул яйцо, опасаясь, что звук привлечет Филча, и раздумывая, не этого ли хотел Седрик, и тут — Гарри даже подскочил от неожиданности и выронил яйцо, которое, загремев, покатилось по полу ванной — кто-то произнёс:

— На твоем месте я бы попробовала положить его в воду.

От изумления Гарри наглотался пузырей. Он встал, отплевываясь, и увидел, что на одном из кранов сидит, скрестив ноги, призрак очень печальной девочки. Это была Плакса Миртл, рыдания которой обычно раздавались в туалете тремя этажами ниже.

— Миртл! — возмущенно сказал Гарри, — я… я же раздет!

Пена была такой плотной, что это едва ли имело значение, но у него было неприятное чувство, что Миртл подглядывала за ним из одного из кранов с того момента, как он пришёл.

— Я закрыла глаза, когда ты залезал в ванну, — ответила она, подмигивая ему через толстые стёкла очков. — Ты не заходил повидать меня уже целую вечность.

— Гм… Ну… — протянул Гарри, слегка сгибая

колени, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что Миртл не видит ничего, кроме его головы. — Вообще-то, мне же нельзя заходить к тебе в туалет, правда? Он же девчачий.

— Раньше тебя это не смущало, — грустно возразила Миртл. — Ты торчал там всё время.

Так оно и было, но только потому, что Гарри, Рон и Гермиона сочли неработающий туалет Миртл самым подходящим местом, чтобы в тайне приготовить Многосущное зелье — запрещённое снадобье, которое на час превратило Гарри и Рона в двойников Крэбба и Гойла и помогло им пробраться в гостиную Слизерина.

— Мне из-за этого здорово влетело, — сказал Гарри, и почти не соврал; действительно, както раз Перси застал его выходящим из туалета Миртл. — Так что я решил больше не рисковать.

— А… тогда понятно, — вздохнула Миртл, тоскливо ковыряя прыщ у себя на подбородке. — Что ж… всё равно… я бы попробовала открыть яйцо в воде. Седрик Диггори так и сделал.

— Ты и за ним подглядывала? — сердито спросил Гарри. — Ты что же, пробираешься сюда по вечерам и любуешься, как префекты принимают ванну?

— Иногда, — лукаво ответила Миртл, — но

раньше я никогда ни с кем не заговаривала.

— Какая честь, — мрачно буркнул Гарри. — Закрой глаза!

Перед тем, как вылезти из ванной, он удостоверился, что Миртл плотно закрыла очки ладошками, затем обернул полотенце вокруг талии, и отправился за яйцом. Как только он вернулся назад в воду, Миртл, взглянув на него сквозь пальцы, сказала:

— А теперь давай… открой его под водой!

Гарри опустил яйцо в пенистую воду, и открыл… на сей раз оно не завизжало. Гарри услышал бульканье, напоминавшее песню — песню, слов которой он не мог разобрать.

— Голову тоже нужно опустить в воду, — сказала Миртл, явно наслаждаясь тем, что даёт ему указания. — Ну же!

Гарри сделал глубокий вдох и нырнул — и теперь, сидя на мраморном дне заполненной пузырьками ванной, он услышал хор жутких голосов, поющих из открытого яйца в его руках:

На звуки наших голосов скорей иди,
Им не дано понятно в воздухе звучать,
И ты, покуда ищешь нас, учти,
Мы взяли то, что будет горько потерять.
На поиски тебе отпущен час

Так что не мешкай, отправляйся в путь.

Но час пройдет — вини себя, не нас -

Ты опоздал. Потерю не вернуть.

Гарри всплыл, высунулся из пузырящейся воды и мотнул головой, стряхивая волосы с глаз.

— Слышал? — спросила Миртл.

— Да-а… — На звуки наших голосов скорей иди… — будто бы меня нужно уговаривать… погоди-ка, мне надо ещё раз послушать…

Он снова нырнул. Ему понадобилось ещё три раза прослушать песню под водой, прежде чем он окончательно её запомнил; потом он ещё немного поплескался в воде, думая изо всех сил, а Миртл сидела и смотрела на него.

— Я должен пойти и найти людей, чьим голосам не дано понятно в воздухе звучать… — медленно сказал он. — Гм… кто бы это мог быть?

— Медленно соображаешь, да?

Он не видел Плаксу Миртл такой весёлой с тех пор, как после приёма Оборотного зелья у Гермионы вырос хвост, а лицо покрылось кошачьей шерстью. Гарри обвёл ванную взглядом, размышляя… раз голоса можно услышать только под водой, значит, они должны принадлежать подводным существам. Он изложил эту теорию ухмыляющейся Миртл.

— Вот и Диггори тоже так подумал, — сказала она. — Лежал тут и болтал об этом сам с собой целую вечность. Да, вечность… Почти вся пена растаяла…

— Подводные существа… — медленно повторил Гарри. — Миртл… Кто ещё живет в озере, кроме гигантского спрута?

— Ой, много всяких тварей, — сказала она. — Я иногда там бываю… часто не по своей воле, если кто-то неожиданно спускает воду в моём унитазе…

Стараясь не думать о Миртл, несущейся по трубам в озеро вместе с содержимым унитаза, Гарри спросил: — Ладно, а кто-нибудь из тамошних обитателей говорит человеческим голосом? Подожди-ка…

Взгляд Гарри упал на изображение спящей русалки.

— Миртл, там случайно нет русалок?

— Ух ты, здорово! — сказала она, сверкнув очками с толстыми стеклами, — Диггори потребовалось намного больше времени! И она тогда не спала, — Миртл с отвращением на лице мотнула головой в сторону русалки, — кокетничала и хихикала, хлопала плавниками…

— Так вот что это значит! — возбуждённо

воскликнул Гарри. — Второе задание — найти русалок в озере и… и…

Но тут он неожиданно понял, что сказал, и почувствовал, как радость улетучивается из него, как воздух из воздушного шарика. Он был неважным пловцом; у него не было практики. Дадли, пока был маленький, брал уроки плавания, а Гарри тётя Петуния и дядя Вернон учить не стали, видимо, в душе надеясь, что в один прекрасный день он утонет. Он мог пару раз переплыть ванну, но озеро было очень большое, и очень глубокое… а русалки, конечно же, живут на самом дне…

— Миртл, — медленно произнес Гарри, — а как я буду там дышать?

При этих словах глаза Миртл вдруг снова наполнились слезами.

— Какая бестактность! — прошептала она, роясь в своих одеждах в поисках носового платка.

— Почему? — удивился Гарри.

— Спрашивать о том, как дышать, меня! — пронзительно крикнула она, и эхо её голоса громко прокатилось по ванной. — Когда я не могу… Когда я не… Уже столько лет…

Она зарылась лицом в носовой платок и громко зарыдала. Гарри помнил, как чувствительно Миртл относилась к собственной смерти, но ни

один из его знакомых призраков, не придавал этому событию такого значения.

— Прости, — нетерпеливо сказал он. — Я не хотел — я просто забыл…

— Ну да, конечно, так просто позабыть, что Миртл мертва, — прорыдала Миртл, глядя на него опухшими глазами. — Обо мне частенько забывали, даже когда я была жива. Они и тело-то моё нашли не сразу — я-то знаю, я сидела там и ждала их. А потом заявилась Оливия Хорнби: — Ты снова дуешься Миртл? — сказала она, — профессор Диппет велел мне тебя найти…, — и тут она увидела моё тело… о, она не забыла этого до самого своего смертного часа, уж я-то об этом позаботилась… преследовала её и напоминала, да-да… Вот помню, на свадьбе её брата…

Но Гарри не слушал; он снова думал о русалочьей песне. — Мы взяли то, что будет горько потерять. Похоже, они собираются что-то у него стащить, а он должен забрать это обратно. Что же это такое?

— …и потом, конечно, она обратилась в Министерство Магии, чтобы я перестала её преследовать, и мне пришлось вернуться сюда и поселиться в туалете.

— Ладно, — перебил её Гарри. — Что ж, я теперь

ближе к цели, чем раньше… Закрой глаза ещё раз, пожалуйста. Я вылезаю.

Он достал яйцо со дна бассейна, выбрался наружу, вытерся и снова натянул пижаму и халат.

— Ты зайдёшь ко мне в туалет как-нибудь? — грустно спросила Миртл, когда Гарри потянулся за Плащом-невидимкой.

— Знаешь… Я постараюсь, — сказал Гарри, думая про себя, что придёт в туалет Миртл только если все остальные туалеты в замке выйдут из строя. — Пока, Миртл… и спасибо за помощь.

— Пока, — уныло ответила Миртл. Накидывая Плащ-невидимку, Гарри увидел, как она исчезает в одном из кранов.

Выйдя в темный коридор, Гарри сверился с Картой Мародёров, чтобы убедиться в том, что на горизонте все чисто. Да, точки, обозначавшие Филча и его кошку, миссис Норрис, находились у Филча в кабинете. Казалось, поблизости больше никого нет, за исключением Пивза, который болтался возле Призовой комнаты этажом выше… Гарри уже сделал несколько шагов по направлению к Гриффиндорской Башне, как вдруг заметил на карте кое-что ещё… Кое-что очень странное.

По замку двигался не только Пивз. Одинокая точка бродила по комнате в нижнем левом углу

карты — в кабинете Снейпа. Но точка не была помечена, как — Северус Снейп… — это был — Бартемий Крауч.

Гарри уставился на точку. Предполагалось, что мистер Крауч слишком болен, чтобы ходить на работу или приехать на Рождественский бал — так зачем же он разгуливает по Хогвартсу в час ночи? Гарри смотрел, как точка двигается по комнате, останавливаясь то здесь, то там…

Гарри поколебался, раздумывая… а потом любопытство взяло вверх. Он развернулся и пошёл в противоположном

направлении к ближайшей лестнице. Гарри собирался посмотреть, чем занимается Крауч.

Гарри осторожно спустился по ступенькам, стараясь не шуметь, хотя некоторые портреты всё равно с любопытством поворачивались в его сторону, прислушиваясь к скрипу пола и шороху его пижамы. Он прокрался по нижнему коридору, на полпути отодвинул гобелен и начал спускаться по потайной узкой лестнице, которая вела сразу на два этажа ниже. Гарри всё время сверялся с картой и раздумывал… это было так непохоже на строгого, законопослушного мистера Крауча — разгуливать поздней ночью по чужому кабинету…

Гарри спустился до середины лестницы, думая о странном поведении мистера Крауча, как вдруг его нога провалилась в волшебную ступеньку, о которой всегда забывал Невилл. Гарри неловко дернулся и золотое яйцо, всё ещё мокрое после ванны, выскользнуло у него из рук. Он наклонился вперед, пытаясь его поймать, но было слишком поздно: яйцо покатилось вниз по длинной лестнице, оглушительно грохоча по ступенькам. Плащ-невидимка съехал, Гарри стал было его поправлять, но тут Карта Мародёров вылетела у него из рук и спланировала на шесть ступенек ниже Гарри, куда он, завязший по колено, никак не мог дотянуться.

Золотое яйцо пролетело сквозь гобелен на лестничной площадке, открылось и оглушительно завыло в коридоре этажом ниже. Гарри вытащил волшебную палочку и попытался дотянуться до Карты Мародёров, чтобы стереть её, но ничего не вышло.

Снова натянув на себя плащ, Гарри выпрямился, зажмурив от страха глаза и напряжённо прислушиваясь… И, почти сразу же услышал боевой клич Филча…

— ПИИИИВЗ!

Гарри слышал торопливые шаркающие шаги,

всё ближе и ближе, хриплый голос Филча дрожал от ярости.

— Это что ещё за шум? Ведь весь замок перебудишь! Я доберусь до тебя, Пивз, доберусь, и… а это ещё что такое?

Шаги Филча замерли; послышался металлический щелчок и вопли смолкли — это Филч поднял яйцо и закрыл его. Гарри неподвижно стоял, провалившись в волшебную ступеньку, и прислушивался. Теперь в любой момент Филч может отдёрнуть драпировку, ожидая увидеть Пивза… а Пивза там нет… но если он поднимется по лестнице, то обнаружит Карту Мародёра… и, в плаще или без, но на Карте Гарри Поттер будет обозначен…

— Яйцо? — тихо произнёс Филч на лестничной площадке. — Лапочка моя! — (очевидно, его сопровождала миссис Норрис), — это же подсказка Турнира Трёх Волшебников! Оно принадлежит Чемпиону одной из школ!

Гарри затошнило; сердце подпрыгнуло и бешено застучало…

— ПИВЗ! — взревел Филч ликующе. — Да ты воруешь!

Он раздвинул гобелен и Гарри увидел его противное, обрюзгшее лицо и вытаращенные

белесые глаза, смотревшие в темноту на пустынную (для Филча) лестницу.

— Что, спрятался? — тихо сказал он. — Я иду, Пивз, и я тебя поймаю… Ты стащил подсказку Турнира, Пивз… Да за это Дамблдор тебя, паршивого вороватого полтергейста, вышвырнет в одну секунду…

Филч начал подниматься по ступенькам, его тощая кошка пыльной окраски бежала за ним по пятам. Светящиеся глаза миссис Норрис, так похожие на глаза её хозяина, глядели прямо на Гарри. Гарри не знал, обманет ли кошку Плащ-невидимка… Он видел, как приближается Филч, одетый в свой старый фланелевый халат, и ему становилось всё хуже. Он отчаянно пытался вытянуть застрявшую ногу, но она только еще глубже завязла — и теперь, в любую секунду, Филч мог увидеть Карту или просто споткнуться о Гарри…

— Филч? Что происходит?

Филч остановился на несколько ступенек ниже Гарри и обернулся. Внизу у основания лестницы стоял именно тот, кого тут не хватало до полного счастья: Снейп. На нём была длинная серая ночная рубашка, и выглядел он разъярённым.

— Это Пивз, профессор, — злобно прошептал Филч. — Он сбросил это яйцо с лестницы.

Снейп быстро поднялся по ступеням и остановился возле Филча. Гарри стиснул зубы, уверенный, что бешеный стук сердца выдаст его с минуты на минуту…

— Пивз? — тихо переспросил Снейп, глядя на яйцо в руках Филча. — Но Пивз не мог забраться ко мне в кабинет…

— Это яйцо было в вашем кабинете, профессор?

— Разумеется, нет, — резко ответил Снейп. — Я услышал грохот и вой…

— Да, профессор, это было яйцо…

— …пошёл выяснить, в чём дело…

— …Пивз бросил его, профессор…

— …и проходя мимо своего кабинета, увидел, что там зажжены факелы, а дверь кладовой открыта! Кто-то туда проник!

— Но Пивз не мог…

— Я знаю, что он не мог, Филч! — отрезал Снейп. — Я опечатываю кабинет заклинанием, которое может снять только волшебник! — Снейп взглянул вверх, прямо сквозь Гарри, а потом вниз, в коридор. — Я хочу, чтобы ты помог мне найти нарушителя, Филч.

— Я — да, профессор — но…

Филч с сожалением смотрел вверх на лестницу.

Гарри видел, что смотрителю ужасно не хочется упускать случай поймать Пивза с поличным. Иди, мысленно умолял его Гарри, иди со Снейпом… иди… Миссис Норрис крутилась у ног Филча… Гарри показалось, что она его унюхала… Ну зачем он напустил в ванну столько душистой пены?

— Послушайте, профессор, — сказал Филч с сожалением в голосе, — на этот раз директору придётся меня выслушать. Пивз попался на воровстве, и это даст мне возможность наконец-то вышвырнуть его из замка…

— Филч, мне абсолютно нет дела до злосчастного полтергейста; а вот мой кабинет…

Бух. Бух. Бух.

Снейп резко замолчал. Они с Филчем посмотрели вниз. Через узкое пространство между их головами Гарри увидел Хмури. Тот был одет в старый дорожный плащ поверх пижамы и, как обычно, опирался на посох.

— Вечеринка в пижамах, а? — прорычал он, глядя вверх.

— Мы с профессором Снейпом услышали шум, профессор, — немедленно ответил Филч. — Полтергейст Пивз как обычно швырялся чем попало — а потом профессор Снейп обнаружил, что кто-то вломился в его каби…

— Заткнись! — прошипел Снейп Филчу.

Хмури шагнул ближе к лестнице. Гарри увидел, как его волшебный глаз скользнул по Снейпу, а затем, и в этом не было сомнений, остановился на нём.

Сердце Гарри ушло в пятки. Хмури видит через плащи-невидимки… только он один мог видеть всю эту странную сцену: Снейп в ночной рубашке, Филч, с яйцом в руках, и, за их спинами, Гарри, застрявший в ступеньке. Перекошенный рот Хмури раскрылся от изумления. Несколько секунд он и Гарри смотрели друг другу в глаза. Потом Хмури закрыл рот и снова обратил свой голубой глаз на Снейпа.

— Я не ослышался, Снейп? — медленно переспросил он. — Кто-то залез в твой кабинет?

— Это неважно, — холодно ответил Снейп.

— Наоборот, — прорычал Хмури, — это очень важно. Кому понадобилось лезть к тебе в кабинет?

— Студенту, я полагаю, — сказал Снейп. Гарри видел, как вена пульсирует на сальном виске Снейпа. — Такое случалось и раньше. Из моей кладовой были похищены ингредиенты для зелий… Очевидно, студенты пытаются составлять запретные настойки…

— Думаешь, им были нужны ингредиенты для зелий? — спросил Хмури. — А ты уверен, что больше ничего не прячешь у себя в кабинете?

Гарри увидел, как бледное лицо Снейпа принимает отвратительный кирпичный оттенок, а вена на виске пульсирует ещё быстрее.

— Ты знаешь, что я ничего не прячу, Хмури, — сказал он угрожающе, — поскольку сам усердно обыскивал мой кабинет.

Улыбка искривила лицо Хмури: — Привилегия Аврора, Снейп. Дамблдор велел мне быть настороже…

— К твоему сведению, Дамблдор мне доверяет, — процедил Снейп сквозь зубы. — Я отказываюсь верить, что он приказал тебе обыскать мой кабинет!

— Конечно, Дамблдор тебе доверяет, — в тон ему прорычал Хмури. — Он вообще доверчивый человек. Верит в исправление. Но я не верю! Я так думаю — есть такие пятна, которые не смываются, Снейп. Никогда не смываются, ты меня понимаешь?

И вдруг Снейп сделал нечто странное. Он судорожно сжал своё левое предплечье правой рукой, будто его обожгло.

Хмури расхохотался: — Возвращайся обратно в

постель, Снейп.

— Ты не имеешь права куда-то меня отправлять! — прошипел Снейп, отпуская руку с таким выражением лица, словно был зол на себя. — Я имею такое же право ходить по замку ночью, как и ты!

— Вот и катись, — прошипел Хмури. — Я все никак не дождусь, когда мы повстречаемся наедине в тёмном коридоре… Да, кстати, ты что-то уронил…

Гарри с ужасом увидел, что Хмури показывает на Карту Мародёров, которая по-прежнему лежала на лестнице в шести ступенях от него. Когда Снейп и Филч отвернулись, чтобы взглянуть на карту, Гарри отбросил всякую осторожность: он поднял руки под плащом и яростно замахал Хмури, чтобы привлечь к себе внимание, беззвучно крича: — Она моя! моя! — Снейп потянулся к карте, судя по его отвратительной ухмылке, он начал догадываться…

— Акцио пергамент!

Карта взлетела в воздух, проскользнула между протянутыми пальцами Снейпа и сползла вниз по ступеням, прямо в руки Хмури.

— Ошибочка вышла, — спокойно сказал Хмури. — Это мой пергамент, я, видно, уронил его…

Но чёрные глаза Снейпа перебегали с яйца в руках Филча на карту в руках Хмури, и Гарри мог поклясться, что Снейп сообразил, что к чему…

— Поттер, — произнес он тихо.

— Что-что? — переспросил Хмури, складывая карту и пряча ее в карман.

— Поттер! — взорвался Снейп, обернувшись и вытаращив глаза в сторону того места, где находился Гарри, словно мог его видеть.

— Это яйцо принадлежит Поттеру. Этот пергамент — тоже. Я помню, я видел его раньше! Поттер здесь! Поттер, в своём Плаще-невидимке!

Снейп вытянул руки вперед, словно слепой, и начал подниматься по ступеням; Гарри мог поклясться, что он пытался найти его по запаху, раздувая свои большие ноздри. Не в состоянии выбраться из ловушки, Гарри, как мог, отклонился назад, пытаясь избежать пальцев Снейпа, но вот-вот…

— Там никого нет, Снейп! — рявкнул Хмури, — но я с радостью расскажу директору, как быстро ты подумал о Гарри Поттере в связи с безобразиями!

— Как это понимать? — Снейп снова повернул голову в сторону Хмури, по-прежнему вытянув руки в считанных дюймах от Гарри.

— Понимать нужно так, что Дамблдора очень интересует, кто может быть настроен против этого парня! — ответил Хмури, приближаясь к лестнице. — И меня тоже, Снейп… очень интересует…

Шрамы на лице Хмури при свете факела казались ещё глубже, что придавало ему особенно зловещее выражение.

Снейп смотрел вниз, на Хмури, и Гарри не мог видеть выражения его лица. Несколько секунд все молчали и не двигались. Затем Снейп медленно опустил руки.

— Я всего лишь думал, — сказал Снейп, с напускным спокойствием, — что если Поттер снова бродит по замку в неположенное время… есть у него такая скверная привычка… его нужно остановить. Ради — ради его же безопасности.

— Ага, понятно, — тихо сказал Хмури. — Ты, оказывается, заботишься о Поттере?

Наступила пауза. Снейп и Хмури все еще смотрели друг на друга. Миссис Норрис у ног Филча громко мяукнула, продолжая озираться в поисках источника запаха душистого мыла.

— Я думаю, мне пора возвращаться к себе, — резко сказал Снейп.

— Это твоя самая блестящая мысль за этот ве-

чер, — ответил Хмури. — Теперь, Филч, будь добр, передай мне яйцо…

— Нет! — сказал Филч, обнимая яйцо, словно своего первенца. — Профессор Хмури, это улика против Пивза!

— Это собственность Чемпиона, которую он стащил, — ответил Хмури. — Отдай его мне, быстро.

Снейп спустился по лестнице и молча прошёл мимо Хмури. Филч подозвал миссис Норрис. Она ещё несколько секунд смотрела в сторону Гарри, затем повернулась и последовала за хозяином. По-прежнему тяжело дыша, Гарри слушал, как Снейп дошел до конца коридора; Филч отдал яйцо Хмури и тоже исчез из виду, бормоча миссис Норрис: — Не беспокойся, лапочка моя… мы увидимся с Дамблдором утром… расскажем ему, что вытворяет Пивз.

Дверь захлопнулась. Гарри глядел вниз на Хмури. Тот положил свою ношу на нижнюю ступеньку и начал с трудом взбираться по лестнице, стуча деревянной ногой.

— Еле пронесло, Поттер, — пробормотал он.

— Да… я — гм… спасибо, — нашёлся Гарри.

— Что это за штука? — спросил Хмури, вытаскивая Карту Мародёров из кармана и разворачивая её.

— Карта Хогвартса, — сказал Гарри, надеясь, что Хмури всё-таки соберётся вытащить его из лестницы в обозримом будущем — нога начала сильно болеть.

— Клянусь бородой Мерлина! — прошептал Хмури, глядя на карту, при этом его волшебный глаз бешено вращался. — Это… вот так карта, Поттер!

— Да, она… довольно полезная, — произнес Гарри. От боли на глаза навернулись слезы. — Э… Профессор Хмури, не могли бы вы мне помочь…?

— Что? О! Да… да, конечно…

Хмури взял Гарри за руку и потянул; нога Гарри освободилась из волшебной ступеньки, и он перебрался на ступеньку выше. Хмури по-прежнему смотрел на карту.

— Поттер… — медленно сказал он, — ты случайно не видел, кто пробрался в кабинет Снейпа? На этой карте, я имею в виду.

— Э… да, я видел… — признался Гарри. — Это был мистер Крауч.

Волшебный глаз Хмури моментально обежал всю карту. Хмури выглядел неожиданно встревоженным.

— Крауч? — переспросил он. — Ты… ты уверен, Поттер?

— Абсолютно, — сказал Гарри.

— Что ж, теперь его здесь нет, — произнёс Хмури, при этом его глаз продолжал бегать по карте. — Крауч… это очень — очень интересно…

Почти минуту он молчал, по-прежнему уставившись в карту. Гарри чувствовал, что новость означала для Хмури что-то важное, и ему хотелось узнать, что именно. Он раздумывал, не стоит ли спросить. Он слегка побаивался Хмури… но ведь «Дикий глаз» только что помог ему избежать кучи неприятностей…

— Э… Профессор Хмури … как вы думаете, почему мистер Крауч хотел обыскать кабинет Снейпа?

Волшебный глаз Хмури оторвался от карты и уставился на Гарри, чуть подрагивая. Это был пронизывающий взгляд, и у Гарри создалось впечатление, что Хмури думает, ответить или нет, и если ответить — то насколько подробно.

— Я так скажу, Поттер, — в конце концов пробормотал Хмури, — многие говорят, что старый «Дикий глаз» просто помешан на поимке Тёмных магов… но, признаюсь тебе, в этом отношении «Дикий глаз» — ничто, совсем ничто по сравнению с Барти Краучем.

Он продолжал смотреть на карту. Гарри изны-

вал от желания узнать больше.

— Профессор Хмури, — снова сказал он, — как вы думаете… имеет ли это отношение к… может быть, мистер Крауч подозревает что-нибудь неладное…

— Что, например? — резко спросил Хмури.

Гарри раздумывал, что и как сказать. Он не хотел, чтобы Хмури догадался, что у него есть осведомитель за пределами Хогвартса — это могло привести к каверзным вопросам о Сириусе.

— Я не знаю, — пробормотал Гарри, — в последнее время происходили странные вещи, вам не кажется? Про это писали в «Ежедневном Пророке»… Тёмная Метка во время Кубка мира, и Пожиратели смерти, и всё прочее…

Хмури выпучил оба своих разных глаза.

— Ты проницательный парень, Поттер, — сказал он. Его волшебный глаз опять глядел на Карту Мародёров. — Да, Крауч мог додуматься, — медленно произнёс он. — Весьма вероятно… в последнее время ходили странные слухи — не без участия Риты Скитер, разумеется. Я так думаю, это очень многих тревожит… — Мрачная улыбка изогнула его перекошенный рот. — Единственное, что я ненавижу больше всего, — пробормотал он скорее для себя, чем для Гарри, и его волшебный

глаз застыл на левом нижнем углу карты, — это Пожиратель смерти на свободе…

Гарри не сводил с него глаз. Неужели они с Хмури думали об одном и том же?

— А теперь я хочу спросить тебя, Поттер, — сказал Хмури деловым тоном.

Сердце Гарри ушло в пятки; он чувствовал, к чему идёт дело. Хмури сейчас спросит, откуда у него эта карта. Ведь это весьма подозрительная вещь. А если речь зайдёт о том, как она попала Гарри в руки, то придется упомянуть отца, Фреда с Джорджем и профессора Люпина, их предыдущего преподавателя Защиты от Тёмных Искусств.

Хмури помахал картой, и Гарри внутренне напрягся…

— Ты не одолжишь мне эту штуку?

— А! — только и мог вымолвить Гарри.

Он очень дорожил картой, но, с другой стороны, слава богу, Хмури не спросил, откуда она взялась. К тому же, несомненно, после сегодняшней ночи Гарри был у Хмури в долгу.

— Да, ладно.

— Молодец, — рявкнул Хмури. — Уж я её использую по назначению… это именно то, что мне нужно… А теперь — быстро в постель, Поттер, сию минуту…

Они вместе поднялись по лестнице. Хмури всё ещё глядел на карту так, словно это было невиданное сокровище. В молчании они подошли к двери кабинета Хмури, где тот остановился и взглянул на Гарри.

— Ты когда-нибудь задумывался о карьере Аврора, Поттер?

— Нет, — ответил Гарри, застигнутый врасплох.

— Тебе стоит над этим поразмыслить, — Хмури кивнул, задумчиво глядя на Гарри, — безусловно… и, кстати сказать… я полагаю, ты не просто так прогуливался в обнимку с яйцом этой ночью?

— Э… нет, — сказал Гарри, улыбаясь. — Я работал над разгадкой.

Хмури подмигнул ему, волшебный глаз опять заметался, как бешеный. — Да… Нет ничего лучшего, чем ночная прогулка, чтобы додуматься до чего-то дельного… Увидимся утром…

Он зашел в свой кабинет, не отрывая взгляда от Карты Мародёров, и закрыл за собой дверь.

Гарри медленно зашагал в сторону Гриффиндорской башни, размышляя о Снейпе, Крауче и о том, что это всё могло означать… Почему Крауч притворяется больным, если он может, когда

захочет, добраться до Хогвартса? И что, по его мнению, Снейп спрятал у себя в кабинете?

А Хмури считает, что он, Гарри, может стать Аврором! Интересная мысль… Но, как бы то ни было, — подумал Гарри спустя десять минут, тихонько забираясь в кровать, а яйцо и плащ тем временем снова покоились на дне чемодана, — прежде чем окончательно выбрать эту профессию, стоит проверить, насколько покрыты шрамами другие Авроры.

26. Второе задание

— Ты же говорил, что уже разобрался с подсказкой в яйце! — возмущённо сказала Гермиона.

— Не ори! — шикнул на неё Гарри. — Мне просто нужно, так сказать, уточнить детали, понятно?

Они с Роном и Гермионой сидели за отдельным столом в самом конце аудитории на уроке Чар. Сегодня им полагалось упражняться в заклинании, противоположном Призывающему — Отгоняющем. Из-за возможности опасных случаев, вызванных летающими по всей комнате предметами, профессор Флитвик выдал каждому ученику стопку подушек для практики, полагая, что они никому не причинят вреда, даже если полетят мимо цели. Теоретически так оно и было, но на практике работало неважно. Невилл целился так плохо, что то и дело нечаянно отправлял в полет по комнате предметы потяжелей — например, профессора Флитвика.

— Забудь ты это яйцо хоть на минуту, хорошо? — прошипел Гарри в тот момент, когда профессор Флитвик со свистом пронесся мимо

них и безропотно приземлился наверху большого шкафа. — Я пытаюсь рассказать тебе о Снейпе и Хмури…

Этот урок был идеальным местом для секретного разговора, поскольку все слишком веселились, чтобы обращать на них внимание. Последние полчаса Гарри шёпотом пересказывал свои ночные приключения.

— Снейп сказал, что Хмури тоже обыскивал его кабинет? — прошептал Рон, с интересом в глазах, одновременно Отгоняя подушку взмахом волшебной палочки (подушка взвилась в воздух и сбила у Парвати шляпу). — И что… ты думаешь, что Хмури здесь затем, чтобы следить и за Снейпом, и за Каркаровым?

— Ну, я не знаю, просил ли его Дамблдор именно об этом, но он определённо этим занимается, — объяснил Гарри, и не прицеливаясь, взмахнул палочкой, в результате чего подушка проделала странный кувырок и плюхнулась со стола. — Хмури сказал, что Дамблдор позволяет Снейпу находиться здесь только потому, что дал ему ещё один шанс, или что-то вроде того…

— Что? — воскликнул Рон, широко раскрыв глаза, и его следующая подушка завертелась высоко в воздухе, рикошетом отлетела от канде-

лябра и грохнулась на стол Флитвика. — Гарри… наверное Хмури думает, что это Снейп подложил твоё имя в Кубок!

— Ох, Рон, — вздохнула Гермиона, недоверчиво качая головой, — мы и раньше думали, что Снейп пытался убить Гарри, а оказалось, что он спасал ему жизнь, помнишь?

Она Отогнала подушку, и та пролетела через комнату и приземлилась прямо в коробку, куда им и полагалось целиться. Гарри, задумавшись, смотрел на Гермиону… Снейп и вправду однажды спас ему жизнь, но странное дело, Снейп определённо ненавидел его, так же как он ненавидел отца Гарри, когда они учились вместе. Снейпу нравилось снимать с Гарри баллы, и он никогда не упускал случая наказать его или даже предложить исключить его из школы.

— Мне всё равно, что говорит Хмури, — продолжала Гермиона. — Дамблдор вовсе не глуп. Он оказался прав, когда поверил Хагриду и профессору Люпину, хотя множество других людей не дали бы им работу, так почему бы ему не оказаться правым относительно Снейпа, даже если Снейп немного и…

— …злыдень, — быстро закончил Рон. — Слушай, Гермиона, почему тогда все охотники за

Тёмными магами обыскивают его кабинет?

— Почему мистер Крауч делал вид, что болен? — спросила Гермиона, не обращая внимания на слова Рона. — Странно, не правда ли, что он не может прийти на Рождественский бал, но может появиться здесь среди ночи, когда ему захочется?

— Тебе просто не нравится Крауч, потому что он так обошелся с этим эльфом, Винки, — сказал Рон, отправляя свою подушку в полёт через окно.

— А тебе просто хочется думать, что Снейп что-то замышляет, — ответила Гермиона, аккуратно направляя свою подушку в коробку.

— А я просто хочу знать, что сделал Снейп со своим первым шансом, если ему пришлось дать ещё один, — мрачно сказал Гарри, и его подушка, совершенно неожиданно для него, пролетела через комнату и опустилась точнёхонько на подушку Гермионы.

Помня, что Сириус хотел быть в курсе всего, что творится в Хогвартсе, Гарри послал ему этой ночью бурую сову с письмом, рассказав о проникновении мистера Крауча в кабинет Снейпа и о разговоре Хмури и Снейпа. После этого он со всей серьёзностью обратился к наиболее срочной проблеме — как продержаться под водой в течение

часа двадцать четвёртого февраля.

Рону приглянулась идея снова использовать Призывающее заклинание — Гарри рассказал ему про акваланг, и Рон не видел причин, почему бы Гарри не Призвать такой аппарат из ближайшего магловского города. Гермиона отвергла этот план, указав, что даже если Гарри научится пользоваться аквалангом в течение отведённого часа, он непременно будет дисквалифицирован за нарушение Международного Кодекса о Секретности — нельзя же надеяться, что ни один маггл не заметит акваланга, летящего в Хогвартс.

— Конечно, идеальным решением для тебя было бы Преобразоваться в подводную лодку или что-то в этом роде, — сказала Гермиона. — Ах, если бы мы уже прошли Трансфигурацию людей! Но я не думаю, что мы начнем это раньше шестого класса, и оно может пройти совершенно неправильно, если ты не знаешь, что делаешь…

— Да уж, мне вовсе не улыбается расхаживать с перископом, торчащим из головы, — сказал Гарри. — Впрочем, я всегда могу затеять драку с кем-нибудь у Хмури на глазах; может, он сделает это для меня…

— Не думаю, что он позволит тебе выбрать, во что ты хочешь превратиться, — серьёзно заме-

тила Гермиона. — Нет, по-моему, твой лучший выбор — это какие-нибудь чары.

Итак, Гарри, раздумывая о том, что скоро он будет сыт библиотеками по горло на всю оставшуюся жизнь, снова зарылся в пыльные тома в поисках заклинания, которое могло бы помочь человеку выжить без кислорода. Однако, хотя они с Роном и Гермионой проводили в поисках обеденное время, вечера и все выходные, хотя Гарри выпросил у профессора МакГонагалл записку с разрешением пользоваться Запретной Секцией, и даже попросил помочь раздражительную, похожую на недокормленного стервятника библиотекаршу мадам Пинс — они не нашли абсолютно ничего, что позволило бы Гарри провести под водой целый час и остаться в живых.

На Гарри стали накатываться знакомые волны паники, и ему снова стало трудно сосредоточиться на занятиях. Озеро, которое всегда было просто частью пейзажа, теперь притягивало его взгляд, стоило ему оказаться у окна — чугунно-серая масса ледяной воды, до тёмных и студёных глубин которой, казалось, так же далеко, как до Луны.

Так же, как и в прошлый раз, перед тем как он встретился лицом к лицу с Рогохвостом, время ускользало, будто кто-то заколдовал часы, чтобы

стрелки неслись вскачь. Вот осталась неделя до 24-го февраля (ещё есть время)… осталось пять дней (нужно скорее что-нибудь найти)… три дня (пожалуйста, пусть я хоть что-нибудь найду… пожалуйста)…

Когда осталось два дня, Гарри снова не мог смотреть на еду. Единственно приятным событием за завтраком в понедельник было возвращение бурой совы, которую он посылал к Сириусу. Он вытащил пергамент, развернул его и увидел самое короткое письмо, которое Сириус когда-либо посылал ему.

«Сообщи день следующего посещения Хогсмида с обратной совой»

Гарри перевернул пергамент и взглянул на оборотную сторону, надеясь увидеть продолжение, но там ничего не было.

— Через выходной, — прошептала Гермиона, которая прочитала записку через плечо Гарри. — Вот — возьми моё перо и отправь эту сову назад сейчас же.

Гарри нацарапал дату на обороте записки, привязал её к ноге совы и проводил её взглядом. Чего он ожидал? Совета, как продержаться под водой? Он так торопился поведать Сириусу про Снейпа и Хмури, что совершенно забыл упомянуть под-

сказку, спрятанную в яйце.

— Для чего ему нужно знать про следующий выходной в Хогсмиде? — спросил Рон.

— Не знаю, — вяло ответил Гарри. Мимолётное ощущение радости, вспыхнувшее при виде совы, угасло. — Пошли… У нас Уход за Волшебными Существами.

То ли Хагрид хотел загладить неприятности с Взрывохвостыми Крутонами, то ли потому, что их осталось всего два, а может, он хотел доказать, что он не хуже профессора Граббли-Плэнк — Гарри не знал — но с самого своего возвращения к работе Хагрид продолжал её уроки о единорогах. Оказалось, что Хагрид знал так же много о единорогах, как и о чудовищах, хотя было ясно, что он разочарован отсутствием у них ядовитых клыков.

Сегодня он сумел поймать двух единорогов-жеребят. В отличие от взрослых особей они были чистой золотой масти. Парвати и Лаванда пришли в полный восторг при виде детенышей, и даже Панси Паркинсон изо всех сил старалась не подавать виду, как они ей нравятся.

— Их легче засечь, чем больших, — рассказывал Хагрид классу. — Когда им стукнет два года, они станут серебряными, а в четыре у них вырастает

рог. Они не будут чисто белыми, пока не вырастут — это лет в семь. Они доверчивее, пока маленькие… не так остерегаются мальчишек… Давайте, придвигайтесь ближе, можете погладить их, если хотите… дайте им сахарку…

— Ты как, Гарри? — спросил Хагрид вполголоса, слегка придвинувшись, пока остальные толпились вокруг жеребят.

— Хорошо, — сказал Гарри.

— Нервничаешь, да? — продолжал Хагрид.

— Немного, — ответил Гарри.

— Гарри, — сказал Хагрид, хлопнув своей ручищей его по плечу, так что колени у Гарри подогнулись, — я волновался, пока не увидел, как ты взялся за этого Рогохвоста, но теперь я знаю — ты сможешь сделать всё, что задумаешь. Я за тебя спокоен. У тебя всё будет путём. Ты уже разобрался с подсказкой, а?

Гарри кивнул, но его тут же захлестнуло безумное желание признаться, что он не имеет ни малейшего понятия, как продержаться час на дне озера. Он поднял глаза на Хагрида — пожалуй, ему-то приходилось время от времени погружаться в озеро за тамошними созданиями? В конце концов, он же смотритель за всем, что есть в округе…

— Ты выиграешь, — гаркнул Хагрид, снова хлопнув Гарри по плечу так, что тот почувствовал, как он уходит в мягкую землю на пару дюймов. — Я знаю. Нутром чую. Ты выиграешь, Гарри.

Гарри так и не решился стереть счастливую, уверенную улыбку с лица Хагрида. Притворившись, что заинтересовался молодыми единорогами, он вымученно улыбнулся в ответ и присоединился к остальным, чтобы тоже приласкать их.

Вечером накануне Второго задания Гарри чувствовал себя так, будто запутался в ночном кошмаре. Он совершенно ясно понимал, что даже если каким-то чудом он сумеет найти подходящее заклинание, ему придётся очень постараться, чтобы овладеть им за одну ночь. Как он мог допустить такое? Почему он не начал работать над загадкой яйца раньше? Почему он позволял себе отвлекаться на уроках — вдруг учитель упоминал о том, как дышать под водой?

Они сидели на закате дня в библиотеке с Гермионой и Роном, лихорадочно просматривая страницу за страницей, отгороженные друг от друга массивными стопками книг, громоздящихся на столе перед каждым. Сердце Гарри прыгало каждый раз, когда он видел слово «во-

да», напечатанное на странице, но чаще всего это было очередное — Возьмите две пинты воды, полфунта измельченных листьев мандрагоры и головастика…

— Это невозможно, — раздался унылый голос Рона с другой стороны стола. — Ничего нет. Ничего. Больше всего подходила эта штука, как высушивать лужи и пруды, заклинание Засухи, но его силы совершенно недостаточно, чтобы осушить озеро.

— Ну хоть что-нибудь, — пробормотала Гермиона, придвигая к себе свечу. Её глаза так устали, что она почти уткнулась носом в страницу, чтобы разобрать мелкий шрифт «Старинных и забытых заклинаний и чар». — Вам бы никогда не дали невыполнимого задания.

— Но именно это они и сделали, — сказал Рон. — Гарри, слушай, просто подойди завтра к озеру, сунь туда голову и крикни этим русалкам, чтобы вернули, чего они там заныкали, и увидишь, если они это выбросят. Это лучшее, что ты можешь сделать, приятель.

— Да нет же! Ведь должен быть способ! — сердито сказала Гермиона. — Ну хоть какой-нибудь!

Похоже, что она восприняла отсутствие в библиотеке сведений по этому предмету, как личное

оскорбление — книги никогда раньше не подводили её.

— Я знаю, что мне надо было сделать, — сказал Гарри, который отдыхал, зарывшись лицом в «Ловкие шутки для шутников-ловкачей». — Мне надо было стать Анимагом, как Сириус.

Анимагами называли волшебников, которые могли превращаться в какое-нибудь животное.

— Ага, и ты мог бы превратиться в золотую рыбку! — подхватил Рон.

— Или в лягушку, — зевнул Гарри. Он безумно устал.

— Требуются годы, чтобы стать Анимагом, а потом ты должен зарегистрироваться и всё такое, — рассеяно пробормотала Гермиона, просматривая оглавление книги «Таинственные проблемы волшебства и их решения». — Помнишь, профессор МакГонагалл рассказывала… ты должен зарегистрироваться в Бюро по Недопустимому Использованию Магии… в кого ты превращаешься, и твои особые приметы, чтобы ты не мог злоупотреблять…

— Я пошутил, Гермиона, — устало ответил Гарри. — Я прекрасно знаю, что мне не превратиться в лягушку к завтрашнему утру…

— Ох, это бесполезно, — сказала Гермиона, за-

хлопывая «Таинственные проблемы волшебства»
— Ну кому же захочется, чтобы волосы у него из носа росли колечками?

— Я бы не прочь, — раздался голос Фреда Уизли. — Вот была бы фишка!

Гарри, Рон и Гермиона оглянулись. Из-за книжных полок появились Фред и Джордж.

— Каким ветром вас сюда занесло? — спросил Рон.

— Разыскиваем тебя, — ответил Джордж. — МакГонагалл вызывает тебя, Рон. И тебя тоже, Гермиона.

— Зачем? — удивлённо спросила Гермиона.

— Не знаю… хотя она выглядела мрачновато, — сказал Фред.

— И велела отвести вас к ней в кабинет, — прибавил Джордж.

Рон и Гермиона уставились на Гарри, который почувствовал, как сердце ушло в пятки. Может, профессор МакГонагалл собиралась сказать Рону и Гермионе не вмешиваться? Наверное, она заметила, как много они ему помогают, а ведь он должен был готовиться к заданию в одиночку.

— Встретимся в гостиной, — вставая, чтобы идти за Роном, сказала Гермиона. Оба они выглядели очень встревоженными. — Принеси столько

книг, сколько сможешь, хорошо?

— Ладно.

В восемь вечера мадам Пинс загасила все лампы и подошла к Гарри, чтобы выставить его из библиотеки. Пошатываясь под тяжестью книг, Гарри вернулся в гостиную Гриффиндора, подтащил стол в угол и продолжил поиски. Ничего не нашлось в «Сумасбродной магии для эксцентричных колдунов…» Ничего в «Пособии по средневековой магии…» Никакого упоминания о подводных деяниях в «Антологии чар восемнадцатого века», или в «Ужасных обитателях глубин», или же в «Колдовских силах, об обладании которыми вы и не подозревали, и что с ними делать теперь, когда вы знаете».

Косолап взобрался Гарри на колени и свернулся в клубочек, мурлыкая басом. Комната вокруг Гарри постепенно пустела. Ученики уходя продолжали желать ему удачи на завтрашнее утро ободряющими, уверенными голосами, точно, как Хагрид. Все они, несомненно, были уверены, что он собирается снова показать класс, как на Первом задании. Гарри не мог сказать ни слова в ответ, он только кивал, чувствуя, будто у него в горле застрял мячик для гольфа. После десяти вечера и до полуночи он оставался в комнате

один с Косолапом. Он просмотрел все оставшиеся книги, а Рон с Гермионой так и не вернулись.

Всё кончено, сказал он себе. Ты не знаешь, как выполнить задание. Тебе остаётся только выйти завтра утром к озеру и сказать об этом судьям…

Он представил себе, как он будет объяснять, что он не может выполнить задание. Он увидел лицо Бэгмэна с округлившимися от удивления глазами, довольную желтозубую улыбку Каркарова. Он почти услышал, как Флёр Делакур говорит: — Я знала… он слишком мал… всего лишь маленький мальчик. — Он видел, как Малфой сигналит своим значком ПОТТЕР ВОНЮЧКА перед всей толпой, видел недоверчиво-удивлённое лицо Хагрида…

Забыв про Косолапа на коленях, Гарри резко вскочил на ноги; Косолап сердито зашипел, упав на пол, с раздражением взглянул на Гарри и гордо удалился, задрав свой похожий на посудный ёршик хвост. Но Гарри уже торопился по спиральной лестнице наверх, в спальню… Он возьмет свой Плащ-невидимку и вернётся в библиотеку, если будет нужно, останется там на всю ночь…

— Люмос, — прошептал Гарри спустя пятнадцать минут, открыв дверь библиотеки.

Светя себе палочкой, он крался вдоль полок,

вытаскивая книги — книги о заклятиях и чарах, книги о русалках и водных чудищах, книги о знаменитых ведьмах и волшебниках, о магических изобретениях, хоть что-нибудь, что могло содержать беглое упоминание о пребывании под водой. Он перенёс их к столу и погрузился в работу, просматривая их с помощью узкого луча света от волшебной палочки, время от времени поглядывая на часы…

Час ночи… два часа… единственное, что поддерживало его, были слова, которые он повторял себе снова и снова, следующая книга… в следующей книге… в следующей…

Русалка на картине, что висела в ванной префектов, смеялась. Гарри бултыхался, словно пробка, в пузырящейся воде рядом с её скалой, в то время как она держала «Молнию» над его головой.

— А ну, достань её! — злобно хихикала она. — Давай, прыгни!

— Я не могу, — отфыркивался Гарри, пытаясь ухватить «Молнию» и стараясь не утонуть. — Дай мне её!

Но она только больно тыкала его в бок концом метлы, смеясь над ним.

— Больно — перестань — ой…

— Гарри Поттер должен вставать, сэр!

— Перестань тыкать меня…

— Добби должен тыкать Гарри Поттера, сэр, ему пора вставать!

Гарри открыл глаза. Он по-прежнему был в библиотеке; Плащ-невидимка соскользнул с его головы, пока он спал, и его щека прилипла к странице книги «Была бы волшебная палочка, найдется и выход». Он сел прямо, поправляя очки и моргая на яркий свет утра.

— Гарри Поттеру надо торопиться! — пропищал Добби. — Второе задание начнётся через десять минут, а Гарри Поттер…

— Десять минут? — прохрипел Гарри. — Десять — десять минут?

Он взглянул на часы. Добби был прав. Было 9:20. Гарри внезапно почувствовал себя так, словно его огрели обухом по голове.

— Скорее, Гарри Поттер! — пропищал Добби, дергая Гарри за рукав. — Вам полагаться быть возле озера вместе с другими Чемпионами, сэр!

— Слишком поздно, Добби, — ответил Гарри безнадежно. — Я не буду участвовать в задании, я не знаю как…

— Гарри Поттер будет состязаться! — пропищал домовой. — Добби знал, что Гарри не нашёл нуж-

ной книги, и Добби сделал это для него!

— Что? — спросил Гарри. — Но ты же не знаешь, что во Втором задании…

— Добби знает, сэр! Гарри Поттер должен погрузиться в озеро и найти Уизи…

— Чего-чего?

— … и отобрать Уизи у русалочьего народа!

— Что за Уизи?

— Уизи, сэр, ваш Уизи — тот самый, который давать Добби свой свитер!

Добби одёрнул севший бордовый свитер, который он теперь носил поверх шорт.

— Что? — задохнулся Гарри. — Они забрали… Они забрали Рона?

— То, чего Гарри Поттеру будет не хватать больше всего, сэр! — пропищал Добби. — Но час пройдет…

— …вини себя — не нас, — продолжил Гарри, в ужасе глядя на домового. — Ты опоздал. Потерю не вернуть. Добби, что мне делать?

— Вы должны съесть это, сэр! — пискнул домовой, сунул руку в карман своих штанов и вытащил что-то, напоминающее клубок покрытых слизью серо-зеленых крысиных хвостов. — Прямо перед тем, как вы пойдете в озеро, сэр — это Жаброслии!

— Зачем это? — спросил Гарри, глядя на водоросли.

— Это даст Гарри Поттеру дышать под водой, сэр!

— Добби, — с нажимом спросил Гарри, — слушай — ты уверен в этом?

Он ещё не забыл, как в прошлый раз, когда Добби пытался «помочь» ему, всё кончилось исчезновением костей из правой руки.

— Добби весьма уверен, сэр! — убедительно ответил домовой. — Добби слышит всякое, сэр, он домовой, он ходит по всему замку, зажигая камины и протирая полы. Добби слышал профессора МакГонагалл и профессора Хмури в учительской, как они говорили о следующем задании… Добби не может дать Гарри Поттеру лишиться своего Уизи!

Сомнения Гарри улетучились. Вскочив на ноги, он стянул Плащ-невидимку, сунул его в сумку, схватил водоросли и положил их в карман, затем выскочил из библиотеки с Добби, следовавшим за ним по пятам.

— Добби следует быть на кухне, сэр! — пропищал домовой, пока они неслись по коридору. — Добби хватятся — удачи, Гарри Поттер, сэр, удачи!

— Пока, Добби! — крикнул Гарри и помчался по коридору и вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки.

В вестибюле ещё оставалось несколько человек, замешкавшихся в последнюю минуту, все они покидали Большой зал после завтрака и через двойные дубовые двери направлялись смотреть Второе задание. Они удивлённо взглянули на Гарри, а он пронёсся мимо, нечаянно толкнув Колина и Денниса Криви, перепрыгнул через каменные ступеньки и выскочил на светлый и морозный двор.

Пробегая по лужайке, он заметил, что скамьи, в ноябре окружавшие загон для драконов, теперь стоят вдоль противоположного берега, образуя трибуны, заполненные до отказа и отражавшиеся в озере. Возбуждённый гомон толпы странным образом разносился над водой, пока Гарри бежал по другой стороне озера в сторону судей, сидящих за задрапированным золотом столом у края воды. Седрик, Флёр и Крам стояли возле судейского стола, наблюдая, как Гарри несётся к ним.

— Я… здесь… — пропыхтел Гарри, юзом тормозя в глине и нечаянно забрызгав одежду Флёр.

— Где ты был? — спросил начальственный, неодобрительный голос. — Испытание вот-вот

начнется!

Гарри огляделся. За судейским столом сидел Перси Уизли — мистер Крауч снова не явился.

— Ну, ну, Перси! — Сказал Людо Бэгмэн, который выглядел ужасно довольным при виде Гарри. — Дай ему отдышаться!

Дамблдор улыбался Гарри, но Каркаров и мадам Максим похоже не прыгали от радости, завидев его… Судя по выражению их лиц, они уже уверились, что он не решился участвовать.

Гарри согнулся, упершись руками в колени, хватая воздух; в боку кололо, будто ему всадили нож между рёбер, но избавиться от этого ощущения он не успел; Людо Бэгмэн уже расставлял Чемпионов вдоль берега на расстоянии десяти футов друг от друга. Гарри был в самом конце очереди, рядом с Крамом, который был в плавках и держал наготове волшебную палочку.

— Всё в порядке, Гарри? — прошептал Бэгмэн, отводя Гарри на несколько футов дальше от Крама. — Знаешь, что нужно делать?

— Да, — пропыхтел Гарри, растирая ребра.

Бэгмэн мимолётно сжал плечо Гарри и возвратился к столу судей; он прикоснулся волшебной палочкой к горлу, как он делал это на Кубке мира, произнёс — Сонорус! — и его голос громом раска-

тился над тёмной водой.

— Итак, все наши Чемпионы готовы ко Второму заданию, которое начнется по моему свистку. Им даётся ровно один час на то, чтобы вернуть то, что было у них отнято. Внимание, на счёт три. Один… Два… Три!

Свисток пронзительным эхом отозвался в холодном, застывшем воздухе; трибуны взорвались приветствиями и аплодисментами; не обращая внимания на остальных, Гарри стянул ботинки и носки, вытащил пригоршню Жаброслей из кармана, запихал их в рот и вошёл в озеро.

Оно было таким холодным, что он почувствовал, как кожу на ногах обожгло, будто в озере был огонь, а не ледяная вода. Намокшая одежда тянула его вниз, пока он заходил всё глубже; теперь вода была ему по колено, и занемевшие ноги скользили по илу и плоским, скользким камням. Он жевал Жабросли так старательно и быстро, как только мог; ощущение было неприятно слизистым и резиновым, вроде щупалец осьминога. Зайдя в ледяную воду по пояс, он остановился, сглотнул и стал ждать, что случится.

Он слышал смех в толпе и знал, что он выглядит глупо, просто заходя в озеро и не демонстрируя никакой магии. Грудь, оставшаяся над водой,

покрылась гусиной кожей; наполовину войдя в ледяную воду, под пронизывающим ветром, трепавшим его волосы, Гарри начал сильно дрожать. Он избегал смотреть на трибуны; смех становился всё громче, а со стороны Слизеринцев раздавались смешки и колкости…

Затем, совершенно неожиданно, Гарри почувствовал, будто к его рту и носу прижали невидимую подушку. Он попробовал вдохнуть, но это вызвало головокружение; его легкие были пусты, и внезапно он почувствовал острую боль по бокам шеи…

Гарри схватился руками за горло и ощутил два больших разреза чуть ниже ушей, хлопающих в холодном воздухе… У него появились жабры. Ни секунды не раздумывая, он сделал единственную вещь, которая имела смысл — бросился с головой в воду.

Первый же глоток ледяной воды из озера будто вдохнул в него жизнь. Голова перестала кружиться; он сделал второй большой глоток воды и почувствовал, как она мягко идёт через жабры, отдавая кислород мозгу. Он вытянул вперёд руки и посмотрел на них. Под водой они казались зелёными и призрачными, и на них появились перепонки. Он обернулся и посмотрел на свои

голые ноги — они удлинились и между пальцев тоже появились перепонки — выглядело так, как будто у него отросли плавники.

Холода воды больше не чувствовалось… наоборот, он чувствовал приятную прохладу и лёгкость во всём теле… Гарри сделал ещё один гребок, восхищаясь тем, как далеко и быстро несут его под водой ноги-ласты, заметив, как ясно он видит и что ему, похоже, не нужно больше моргать. Вскоре он заплыл так далеко в озеро, что дна больше не было видно. Он перевернулся и нырнул в глубину.

Тишина давила ему на уши, пока он скользил над странным, тёмным пейзажем. Он плыл словно в тумане, и новые сцены вдруг внезапно надвигались из окружающей тьмы; заросли колышущихся, спутанных чёрных водорослей, широкие глинистые равнины с разбросанными тускло мерцающими камнями. Он погружался глубже и глубже и плыл к середине озера, широко раскрыв глаза, всматриваясь сквозь призрачную сероватую воду в тени там, внизу, где вода становилась непрозрачной.

Маленькие рыбки, мерцая, проплывали мимо него, как серебряные стрелки. Один или два раза ему показалось, что он видит что-то большое,

плывущее впереди него, но когда он приближался, то обнаруживал, что это всего-навсего затонувшее бревно, или плотные заросли водорослей. Никаких признаков других Чемпионов, русалок, Рона — гигантского спрута тоже, к счастью видно не было.

Светло-зелёные водоросли расстилались под ним, насколько хватало глаз, густые, словно заросли травы. Гарри, не мигая, смотрел вперёд, пытаясь различить контуры в темноте… и вдруг, совершенно неожиданно, что-то схватило его за лодыжку.

Гарри развернулся и увидел Гриндилоу, маленького, рогатого водного демона, высунувшегося из водорослей. Его длинные пальцы сильно сжались вокруг ноги Гарри, а клыки обнажились — Гарри быстро сунул под одежду перепончатую руку и попытался нащупать волшебную палочку. Когда ему наконец удалось до неё добраться, ещё два гриндилоу всплыли из водорослей, схватили Гарри за одежду и пытались утащить вниз.

— Релашио! — прокричал Гарри, но никакого звука не было… Изо рта у него выплыл большой пузырь, а палочка, вместо того, чтобы выпустить искры, обстреляла Гриндилоу чем-то вроде струи кипятка, судя по тому, что там, где она в них попа-

ла, на их зеленой коже появились красные пятна. Гарри высвободил ногу из захвата Гриндилоу и кинулся прочь, время от времени наугад посылая через плечо новые струи кипятка; то и дело он чувствовал, как Гриндилоу снова хватает его за ногу, и отбрыкивался изо всех сил… Вдруг его удар достиг цели и, ощутив под ногой рогатый череп, он оглянулся и увидел, как ошеломлённый Гриндилоу уплывает прочь, а его товарищи грозят Гарри кулаками, опускаясь назад в водоросли.

Гарри немного притормозил, засунул палочку обратно и огляделся вокруг, прислушиваясь. Тишина глухо давила на барабанные перепонки. Он знал, что сейчас он очень глубоко, но всё вокруг было неподвижно, лишь водоросли едва колыхались, словно от ветра.

— Ну как дела?

Гарри подумал, что его хватил удар. Он крутанулся вокруг себя и увидел Плаксу Миртл; она неясно светилась в воде и пристально смотрела на него сквозь толстые очки в перламутровой оправе.

— Миртл! — попытался крикнуть Гарри — но опять ничего не вышло, только очень большой пузырь вылетел у него изо рта. Плакса Миртл самым настоящим образом захихикала.

— Попробуй-ка вон там! — сказала она, показывая рукой. — Я с тобой не пойду… Я их не люблю, они всегда гоняются за мной, когда я подбираюсь слишком близко…

Гарри показал ей большой палец в знак благодарности, и отправился дальше, стараясь плыть повыше, чтобы избежать встречи с Гриндилоу, которые могли прятаться в водорослях.

Он плыл уже, по меньшей мере, минут двадцать. Паря над просторами чёрной глины, которая закручивалась мутью, когда он волновал воду, он наконец услышал кусочек завораживающей русалочьей песни.

На поиски тебе отпущен час

Так что не мешкай, отправляйся в путь.

Гарри поплыл быстрее и вскоре увидел большую скалу. На ней были изображения русалов; они несли копья и преследовали кого-то, очень похожего на гигантского спрута. Гарри поплыл вдоль скалы, следуя за звуками песни.

Полсрока позади, спеши вперёд,

Иль то, что ищешь ты, навек уйдёт…

Внезапно он оказался посреди обвитых водорослями грубых каменных жилищ, возвышающихся в окружающем мраке. То там, то тут в тёмных окнах Гарри видел лица… Лица, которые не имели

никакого сходства с изображением русалки на картине в ванной префектов…

У русалов была сероватая кожа и длинные, спутанные, тёмно-зелёные волосы. Глаза у них были жёлтого цвета, как и их сломанные зубы, а на шеях болтались ожерелья из гальки. Они косились на Гарри, когда он проплывал мимо; один или два вылезли из пещер, чтобы лучше разглядеть его, их мощные серебристые рыбьи хвосты взбивали воду, в руках они сжимали копья.

Гарри спешил вперёд, оглядываясь по сторонам, и скоро строений стало больше; вокруг некоторых были садики из водорослей, и он даже видел домашнего Гриндилоу, привязанного к будке у одной из дверей. Русалы теперь появлялись со всех сторон, пристально глядя на него, показывая на его перепончатые руки и жабры, переговариваясь друг с другом. Гарри завернул за угол, и перед ним открылась очень странная картина.

Целая толпа русалов плавала перед зданиями, окаймляющими нечто вроде деревенской площади на подводный лад. В центре пел хор, призывая участников состязания, а позади них высилась грубая статуя; гигантский русал, высеченный из камня. Четыре человека были крепко привязаны

к его хвосту.

Рон был привязан между Гермионой и Чо Чанг. Ещё там была девочка, на вид не старше восьми лет, облако серебристых волос которой уверило Гарри, что это сестра Флёр Делакур. Все четверо, казалось, находились в очень глубоком сне. Их головы болтались из стороны в сторону, а изо ртов поднимались тоненькие струйки пузырей.

Гарри поспешил к заложникам, отчасти ожидая, что русалки опустят свои копья и нападут на него, но они ничего не делали. Верёвки из водорослей, привязывающие заложников к статуе были толстыми, скользкими, и очень крепкими. На какую-то секунду он подумал о ноже, который Сириус купил ему в подарок на Рождество — запертый в сундуке в замке, в четверти мили отсюда, он был в любом случае бесполезен.

Гарри оглянулся. Многие русалы, окружившие его, держали копья. Он стремительно подплыл к русалу семи футов ростом, с длинной зелёной бородой и ожерельем из акульих зубов и попытался жестами попросить взаймы копье. Но тот лишь рассмеялся и покачал головой.

— Мы не помогаем, — сказал он резким, хриплым голосом.

— Да ну же! — отчаянно сказал Гарри (но толь-

ко пузыри вылетели изо рта), и он попробовал забрать у русала копьё, но тот отдернул назад руку, по-прежнему качая головой и смеясь.

Гарри крутился вокруг, вглядываясь. Что-нибудь острое… что-нибудь…

Дно озера было усеяно камнями. Он нырнул, схватил самый зазубренный и возвратился к статуе. Он стал рубить верёвки, обязывающие Рона, и после нескольких минут упорной работы, они лопнули. Рон плавал без сознания в нескольких дюймах над дном озера, понемногу дрейфуя по течению.

Гарри осмотрелся. Никаких признаков других Чемпионов. Что они, в игрушки играют? Почему они не торопятся? Он вернулся к Гермионе, поднял зазубренный камень и начал рубить и её веревки…

Тут же несколько пар сильных серых рук схватили его. Полдюжины русалок оттащили его от Гермионы, качая зеленоволосыми головами и смеясь.

— Возьми только своего заложника, — сказал одни из них. — Оставь других…

— Ни за что! — гневно воскликнул Гарри — но только три больших пузыря вылетело изо рта.

— Твоё задание — вернуть своего друга… Оставь

других…

— Она — тоже мой друг! — завопил Гарри, показывая на Гермиону, и огромный серебряный пузырь беззвучно появился из его рта. — И чтобы они умерли, я тоже не хочу!

Голова Чо лежала на плече Гермионы; маленькая девочка с серебряными волосами была призрачно зелена и бледна. Гарри боролся, пытаясь отогнать русалок, но они смеялись ещё сильнее, удерживая его на расстоянии. Гарри дико озирался. Где же остальные участники? Будет ли у него время поднять Рона на поверхность и вернуться вниз за Гермионой и другими? Сможет ли он найти их снова? Он взглянул на часы, чтобы узнать, сколько времени ещё осталось — часы остановились.

Но тут русалки вокруг него стали возбуждённо показывать на что-то над его головой. Гарри посмотрел вверх и увидел Седрика, плывущего к ним. Вокруг его головы был огромный пузырь, который искажал черты его лица, делая его странно широким и растянутым.

— Я заблудился! — беззвучно проговорил он, белый как мел. — Флёр и Крам скоро будут!

Чувствуя огромное облегчение, Гарри наблюдал, как Седрик достал нож из кармана и

освободил Чо. Он потянул её наверх и скрылся из виду.

Гарри смотрел вокруг в ожидании. Где же Флёр и Крам? Время истекало, и согласно песне, заложники будут потеряны по прошествии часа…

Русалы внезапно завизжали. Те, что держали Гарри, ослабили захват, глядя ему за спину. Гарри повернулся и увидел, как что-то чудовищное мчится сквозь воду к ним навстречу; человеческое тело в плавках с головой акулы… Это был Крам. Он, похоже, Преобразовался, но неудачно.

Человек-акула поплыл прямо к Гермионе и принялся рвать и кусать связывающие её веревки; беда была в том, что новые зубы Крама были расположены очень неудобно для того, чтобы перекусить что-нибудь меньше дельфина, и Гарри был почти уверен, что, если Крам не будет осторожен, он разорвёт Гермиону пополам. Рванувшись вперед, Гарри с силой ударил Крама по плечу и подал ему зазубренный камень. Крам схватил его и начал резать веревки, чтобы освободить Гермиону. Через несколько секунд ему это удалось; он обхватил Гермиону вокруг талии, и, не оглядываясь, начал быстро подниматься с ней к поверхности.

— Что теперь? — отчаянно подумал Гарри. Если

бы он мог быть уверенным, что Флёр появится… Но её всё не было. Ничего нельзя было сделать, кроме…

Он схватил камень, который бросил Крам, но русалы теперь окружили Рона и маленькую девочку, качая головами. Гарри выхватил волшебную палочку.

— Прочь с дороги!

Только пузыри вылетели из его рта, но было очевидно, что русалы поняли его, потому что они внезапно прекратили смеяться. Их желтоватые глаза уставились на палочку Гарри, и похоже они испугались. Их было намного больше, но Гарри мог, по выражению их лиц, сказать, что они видели на своём веку не больше волшебства, чем гигантский спрут.

— Считаю до трёх! — прокричал Гарри; струя пузырей вылетела у него изо рта, но он поднял вверх три пальца, чтобы удостовериться, что они поняли. — Один… — (он загнул палец) — два… — (он загнул второй)…

Они расступились. Гарри бросился вперёд и начал рубить верёвки, привязывавшие маленькую девочку к статуе, и, наконец, освободил её. Он обхватил девочку вокруг талии, схватил Рона за воротник и оттолкнулся от дна.

Подъём тянулся невыразимо долго. Гарри больше не мог грести руками; он неистово работал ластами, но Рон и сестрёнка Флёр тянули его вниз, как мешки с картошкой… Он всё время смотрел вверх, хотя знал, что он, должно быть, всё ещё очень глубоко, потому что вода над ним была такая тёмная…

Русалы поднимались вместе с ним. Он видел, как они непринуждённо сновали вокруг него, наблюдая, как он сражается с водой… Утащат ли они его вниз, как только кончится время? Может быть, они едят людей? Ноги Гарри сводила судорога от усилий; его плечи ужасно болели под весом Рона и девочки…

Дышать стало ужасно тяжело. Он снова почувствовал боль по бокам шеи… он чувствовал воду у себя во рту… и всё же темнота определённо отступала… он уже видел дневной свет над головой…

Он изо всех сил оттолкнулся ластами и обнаружил, что они снова превратились в ноги… вода через рот попала в лёгкие… он ощутил головокружение, но знал, что свет и воздух всего в десяти футах над ним… он должен добраться туда… он должен…

Гарри грёб ногами так сильно и быстро, что мускулы протестовали; его мозг будто был на-

сыщен водой, он не мог дышать, он нуждался в кислороде, он должен был двигаться, он не мог остановиться…

А затем он почувствовал, что его голова пробила поверхность озера; замечательный, холодный, чистый воздух ужалил его мокрое лицо; он заглотнул его, чувствуя, будто никогда раньше не дышал так, как нужно, и, задыхаясь, вытащил на поверхность Рона и девочку. Повсюду вокруг него из воды высовывались дикие, зеленоволосые головы, но они улыбались ему.

Толпа на трибунах ужасно шумела; свистя и крича, они все, видимо, повскакали на ноги; Гарри показалось, что они думали, будто Рон и девочка мертвы, но слава богу… оба открыли глаза; девочка растерялась, но Рон просто выплюнул большую струю воды, моргнул на яркий свет, повернулся к Гарри и сказал: — Ну и мокро же здесь, правда? — тут он заметил сестру Флёр. — Ты что, сдурел? А она-то тебе зачем?

— Флёр не появилась, а я не мог оставить её там, — пропыхтел Гарри.

— Гарри, балбес, — сказал Рон, — ты что, принял песню всерьёз? Дамблдор не позволил бы никому из нас утонуть!

— Но в песне говорилось…

— Это для того, чтобы ты наверняка вернулся в срок! — пояснил Рон. — Я надеюсь, ты не тратил время зря там, внизу, изображая героя!

Гарри вдруг почувствовал себя идиотом и рассердился. Конечно, для Рона всё было нормально; он-то спал, он не чувствовал, насколько жутко было внизу в озере, в окружении вооружённых копьями русалов, которые выглядели вполне способными на убийство.

— Давай, — коротко сказал Гарри, — помоги мне, я не уверен, что она умеет плавать.

Они потянули сестру Флёр к берегу, откуда смотрели судьи; двадцать русалов сопровождали их вроде почётного караула, распевая свои ужасные визгливые песни.

Гарри увидел, что мадам Помфри хлопочет вокруг Гермионы, Крама, Седрика и Чо. Все они были завернуты в толстые одеяла.

Дамблдор и Людо Бэгмэн стояли, улыбаясь Гарри и Рону с берега, пока те подплывали ближе, но Перси, который был очень бледен и почему-то выглядел гораздо моложе, чем обычно, кинулся в воду, чтобы встретить их. Тем временем мадам Максим пыталась удержать Флёр Делакур, которая билась в истерике, кусалась и царапалась, пытаясь снова броситься в воду.

— Габрриэль! Габрриэль! Она жива? Она не рранена?

— С ней всё хорошо! — хотел крикнуть Гарри, но он так устал, что едва мог говорить, не то что кричать.

Перси обхватил Рона и тащил его на берег (— Отвали, Перси, я в норме!); Дамблдор и Бэгмэн поднимали Гарри; Флёр вырвалась от мадам Максим и обнимала сестру.

— Это были Гриндилоу… они нападать на меня… о Габрриэль, я думала… я думала…

— Идите сюда, вы все, — сказала мадам Помфри. Она схватила Гарри и потащила его к Гермионе и остальным, закутала его в одеяло так туго, что он почувствовал себя в смирительной рубашке, и влила ему в горло порцию очень горячей настойки. Пар повалил у него из ушей.

— Отлично, Гарри! — крикнула Гермиона. — Молодец, ты сам во всём разобрался!

— Ну… — начал было Гарри. Он рассказал бы ей о Добби, но тут заметил, что Каркаров наблюдает за ним. Он был единственным судьёй, который не поднялся из-за стола; единственным судьёй, не выказавшим удовольствия и облегчения, что Гарри, Рон и сестра Флёр вернулись.

— Конечно, — сказал Гарри, слегка повышая

голос так, чтобы Каркаров услышал.

— У тебя вотяной жук в волосах, Эрм-он-нини, — сказал Крам. Гарри показалось, что Крам пытался снова привлечь её внимание к себе; возможно, чтобы напомнить ей, что он только что спас её из озера, но Гермиона нетерпеливо стряхнула жука и сказала: — Однако ты сильно опоздал, Гарри… Что, так трудно было найти нас?

— Нет… Нашёл я вас легко…

Гарри почувствовал себя ещё глупее. Теперь, когда он вышел из воды, было совершенно ясно, что меры предосторожности, принятые Дамблдором, не допустили бы смерти заложника только потому, что его освободитель не явился. Почему он просто не забрал Рона и отправился восвояси? Он вернулся бы первым… Седрик и Крам не тратили время впустую, заботясь о ком-то ещё; они не приняли всерьёз русалочью песню…

Дамблдор сидел на корточках у края воды, беседуя с особенно дикой и свирепой на вид русалкой, которая, видимо, была предводительницей. Он издавал те же самые визгливые звуки, что и русалы; было ясно, что Дамблдор умеет говорить на их языке. Наконец он выпрямился, повернулся к другим судьям и сказал: — Думаю, нам нужно посоветоваться, прежде чем мы выставим оценки.

Судьи сгрудились в сторонке. Госпожа Помфри отправилась спасать Рона от объятий Перси; она подвела его к Гарри и другим, дала ему одеяло и Перечную настойку, затем сходила за Флёр и её сестрой. У Флёр были порезы на лице и руках, её одежда была порвана, но она казалось, не обращала на них внимания, даже не позволила мадам Помфри смазать их.

— Позаботьтесь о Габриэль, — сказала ей Флёр, и повернулась к Гарри. — Ты спас её, — сказала она, задыхаясь. — Несмотря на то, что она была не твой заложник.

— Да, — сказал Гарри, который теперь от всего сердца желал оставить всех трёх девчонок привязанными к статуе.

Флёр наклонилась, поцеловала Гарри дважды в каждую щеку (он почувствовал, что его лицо горит и не удивился бы, если бы пар снова пошёл у него из ушей), потом сказала Рону: — И ты тоже — ты помогал…

— Ага, — сказал Рон, всем видом выражая надежду, — ага, немножко…

Флёр спикировала на него и тоже расцеловала. Гермиона закипела, но в этот миг, усиленный волшебством голос Людо Бэгмэна громыхнул позади них, заставив их всех подскочить, а толпу

на трибунах притихнуть.

— Дамы и господа, мы приняли решение. Предводительница русалов Муркус рассказала нам в точности, что случилось на дне озера, и поэтому мы решили присудить очки, исходя из пятидесяти для каждого претендента, следующим образом…

— Флёр Делакур, хотя она продемонстрировала превосходное использование заклинания Пузыря-головы, была атакована Гриндилоу на пути к цели и не сумела спасти своего заложника. Мы присуждаем ей двадцать пять очков.

Аплодисменты с трибун.

— Я заслужила ноль, — грустно пробормотала Флёр, качая головой.

— Седрик Диггори, который также использовал заклинание Пузыря-головы, первым вернулся со своим заложником, хотя и на одну минуту позже установленного времени, — гром приветствий в толпе со стороны Хаффлпаффа; Гарри видел, как Чо одарила Седрика сияющим взглядом. — Поэтому мы присуждаем ему сорок семь очков.

Гарри совсем упал духом. Если Седрик не уложился в лимит времени, он уж точно опоздал.

— Виктор Крам использовал неполную форму Трансфигурации, которая, тем не менее, оказа-

лась эффективной, и был вторым, кто вернулся с заложником. Мы присуждаем ему сорок очков.

Каркаров хлопал особенно сильно.

— Гарри Поттер использовал Жабросли с превосходным результатом, — продолжал Бэгмэн. — Он возвратился последним и намного превысил часовой лимит. Однако Предводительница русалов утверждает, что мистер Поттер первым достиг заложников, и что его задержка при возвращении была вызвана намерением спасти всех заложников, а не только своего собственного.

Рон и Гермиона, оба наградили Гарри понимающе-сердитыми взглядами.

— Большинство судей, — тут Бэгмэн недоброжелательно покосился на Каркарова, — считают, что это доказывает высокие моральные качества и заслуживает высшей оценки. Однако… Счёт мистера Поттера — сорок пять очков.

Сердце у Гарри ёкнуло — теперь он делил первое место с Седриком. Рон и Гермиона, застигнутые врасплох, уставились на Гарри, затем рассмеялись и стали усиленно аплодировать вместе с остальными.

— Так держать, Гарри! — прокричал Рон сквозь шум. — Ты вовсе не тормоз — ты демонстрировал моральные качества!

Флёр тоже усиленно хлопала, но Крам выглядел расстроенным. Он попытался снова вовлечь Гермиону в разговор, но она была слишком занята поздравлением Гарри, чтобы слушать.

— Третье и заключительное испытание состоится на закате, двадцать четвёртого июня, — продолжил Бэгмэн. — Участники будут уведомлены о том, что их ожидает, ровно за месяц. Спасибо всем за поддержку Чемпионов.

Всё кончилось, — думал Гарри рассеянно, пока мадам Помфри подгоняла участников и заложников обратно в замок, чтобы переодеться в сухую одежду… всё позади, он прошел это испытание… можно ни о чем не беспокоиться до двадцать четвёртого июня…

— Следующий раз, когда буду в Хогсмиде, — решил Гарри, поднимаясь по каменным ступеням в замок, — обязательно куплю Добби по паре носков на каждый день в году.

27. Возвращение Мягколапа

Окончание второго задания ознаменовалось замечательным событием: поскольку все вокруг горели желанием в подробностях узнать о том, что произошло на дне озера, Рону, наконец-то, удалось погреться в лучах славы, обычно выпадающей на долю Гарри. Гарри отметил, что версия Рона слегка менялась с каждым пересказом. Сперва он рассказывал то, что, похоже, и произошло на самом деле, так как его версия совпадала с версией Гермионы: Дамблдор навеял на всех заложников волшебный сон в кабинете профессора МакГонагалл, предварительно уверив их, что они будут в полной безопасности и проснутся, как только вынырнут из воды. Однако неделей позже Рон выдавал захватывающий триллер о похищении, в котором он единолично сражался с пятью десятками до зубов вооружённых воинов русалочьего народа, и им пришлось постараться, чтобы скрутить его.

— Но я спрятал палочку в рукав, — уверял он Падму Патил, которая теперь уделяла Рону намного больше внимания и считала обязательным

поговорить с ним каждый раз, когда они сталкивались в коридоре. — Я был готов дать отпор этим морским болванам в любое время.

— И что ты собирался сделать, захрапеть на них? — язвительно хмыкнула Гермиона. Над ней всё время подшучивали, называя её самым дорогим сердцу Крама предметом, что повергло её в дурное расположение духа.

Уши Рона зарделись, и после этого он вернулся к версии с колдовским сном.

Наступил март, дожди прекратились, но резкий ветер впивался в лица тысячами иголок, стоило ребятам выйти на улицу. Сов сносило с курса, поэтому случались задержки с доставкой почты. Бурая сова, с которой Гарри послал Сириусу дату посещения Хогсмида, вернулась, вся растрёпанная, к завтраку в пятницу утром. Как только Гарри снял с её лапки письмо Сириуса, она тут же ретировалась, явно опасаясь, что её вновь отправят с ответом.

Письмо Сириуса было почти таким же коротким, как и предыдущее.

«Жди у ступенек на окраине Хогсмида (за «Дервишем и Хлопушкой») в два часа пополудни, в субботу. Принеси столько еды, сколько сможешь»

— Он что, вернулся в Хогсмид? — прошептал Рон.

— Похоже на то, — сказала Гермиона.

— С ума сойти, — угрюмо пробормотал Гарри, — а если его поймают?

— До сих пор-то не поймали? — подбодрил его Рон. — И теперь там нет Дементоров на каждом углу.

Гарри свернул письмо. По правде говоря, ему ужасно хотелось повидаться с Сириусом. Поэтому, идя на последний урок — двойное Зельеварение — он чувствовал себя значительно лучше, чем обычно.

Малфой, Крэбб, и Гойл стояли перед дверью в класс с кучкой Слизеринок, во главе с Панси Паркинсон. Они все что-то разглядывали и весело хихикали. Взволнованная мордашка Панси, приплюснутая, как у мопса, выглянула из-за широкой спины Гойла, когда Гарри, Рон и Гермиона подошли ближе.

— А вот и они! — хихикнула она, и кучка Слизеринцев распалась. Гарри увидел в руках у Панси «Ведьмовский Еженедельник». С движущейся фотографии на обложке во весь рот улыбалась кудрявая ведьма, указывающая палочкой на большой бисквитный торт.

— Тебе там есть что почитать, Грэйнджер! — громко сказала Панси и бросила журнал удивлённой Гермионе. В этот момент дверь подземелья распахнулась, и Снейп пригласил всех внутрь.

Гермиона, Гарри и Рон, как обычно, направились к столу в задней части класса. Пока Снейп, повернувшись к ним спиной, писал компоненты сегодняшнего зелья на доске, Гермиона торопливо перелистывала журнал под столом. Наконец, пролистав половину, Гермиона нашла то, что искала. Гарри и Рон наклонились ближе. Заголовок над цветной фотографией Гарри гласил:

«Сокровенная Боль Гарри Поттера

Мальчик, непохожий на других, но всё же мальчик, переживающий все обычные проблемы юности, — пишет Рита Скитер, — мальчик, лишённый любви с момента трагической гибели родителей, четырнадцатилетний Гарри Поттер думал, что нашёл утешение в лице своей верной подруги в Хогвартсе, магглорождённой Гермионы Грэйнджер. Смирившись с первой потерей, он не знал, что вскоре ему предстоит ещё один удар.

Мисс Грэйнджер, невзрачная, но честолюбивая девушка, которой нравятся известные волшебники, не остановилась на Гарри. Когда в Хогвартс прибыл Виктор Крам, болгарский ловец и герой

последнего Кубка мира по Квиддитчу, мисс Грэйнджер стала кокетничать с обоими. Без памяти влюблённый в коварную мисс Грэйнджер, Крам уже пригласил её на летние каникулы в Болгарию и заявил, что никогда не испытывал ничего подобного ни к одной другой девушке.

Однако, весьма возможно, что не сомнительные природные чары мисс Грэйнджер явились причиной интереса бедных мальчиков.

— Да на неё же посмотреть страшно! — говорит Панси Паркинсон, симпатичная и жизнерадостная студентка четвёртого курса, — хотя она могла бы сварить Любовное зелье, она довольно-таки умная! Думаю, так она и сделала.

Любовные зелья, конечно же, запрещены в Хогвартсе, и без сомнения Альбус Дамблдор пожелает расследовать этот случай. Тем временем, доброжелателям Гарри Поттера остаётся надеяться, что в следующий раз он подарит своё сердце более достойной кандидатке»

— Я же тебе говорил! — прошипел Рон Гермионе, которая удивлённо смотрела на статью. — Я же тебя предупреждал — не трогай Скитер! Она выставила тебя просто… какой-то непотребной женщиной!

Гермиона оторвалась от статьи и рассмеялась.

— Непотребной женщиной? — переспросила она, оглядываясь на Рона и давясь от смеха.

— Ну, мама так их называет, — краснея, пробормотал Рон.

— Если это лучшее, что Рита смогла написать, то она теряет хватку, — хмыкнула Гермиона и бросила «Ведьмовский Еженедельник» на стоящий рядом пустой стул. — Полная чушь.

Она просмотрела на Слизеринцев, которые наблюдали за ней и Гарри, горя желанием узнать, расстроила ли их статья. Гермиона послала им саркастическую улыбку и помахала рукой. Она, Гарри и Рон начали раскладывать ингредиенты, необходимые для Обостряющего остроумие зелья.

— И всё таки мне интересно, — произнесла Гермиона десять минут спустя, держа пестик над миской с жуками-скарабеями. — Откуда Скитер узнала…?

— Что узнала? — резко спросил Рон. — Ты ведь не варила Любовное зелье, правда?

— Не дури, — ответила Гермиона, продолжая измельчать жуков. — Нет, конечно… Как она узнала, что Виктор просил меня приехать летом? — при этих словах она покраснела и тщательно старалась не встречаться глазами с

Роном.

— Что? — воскликнул Рон, с грохотом уронив пестик.

— Он спросил меня сразу после того, как вытащил из озера, — пробормотала Гермиона. — Сразу, как избавился от акульей головы. Мадам Помфри дала нам обоим одеяла, и затем он отвёл меня подальше от судей, так, чтобы они не слышали, и спросил, если у меня нет летом более важных дел, не могла бы я…

— И что ты ответила? — сказал Рон, поднимая пестик и принимаясь растирать стол в добрых шести дюймах от своей миски, во все глаза глядя на Гермиону.

— И ещё он сказал, что никогда не испытывал ничего подобного ни к одной другой девушке, — щёки Гермионы теперь горели так, что Гарри почти ощущал их жар, — но откуда это известно Скитер? Её же там не было… или нет? Может, у неё есть Плащ-невидимка; может, она прокралась на берег, чтобы посмотреть Второе задание…

— И что ты ответила? — повторил Рон, нажимая на пестик так, что вдавил его в стол.

— Ну, я слишком волновалась, всё ли в порядке с вами…

— Без сомнения, ваша личная жизнь безумно

интересна, мисс Грэйнджер, — произнёс ледяной голос позади них, и все трое подскочили, — но я прошу вас не обсуждать её на моих занятиях. Десять очков с Гриффиндора.

Снейп подкрался к их столу, пока они говорили. Весь класс теперь смотрел на них; Малфой улучил возможность подмигнуть Гарри значком с надписью ПОТТЕР-ВОНЮЧКА.

— Ах… Ещё и журналы читаем под партой? — добавил Снейп, хватая номер «Ведьмовского Еженедельника». — Ещё десять очков с Гриффиндора… о, ну конечно… — Его чёрные глаза заблестели, когда он увидел статью Риты Скитер. — Поттеру необходимо быть в курсе публикаций в прессе…

Подземелье загудело от смеха Слизеринцев. Снейп ухмыльнулся и, к ярости Гарри, начал читать статью вслух.

— Сокровенная Боль Гарри Поттера… Поттер-Поттер, чем же ты болен? Мальчик непохожий на других, но всё же…

Гарри почувствовал, что краснеет. Снейп делал паузу в конце каждого предложения, чтобы дать Слизеринцам вдоволь насмеяться. Статья звучала в десять раз хуже, когда её читал Снейп. Гермиона тоже покраснела.

— …Доброжелателям Гарри Поттера остаётся надеяться, что в следующий раз, он подарит своё сердце более достойной кандидатке. Как трогательно, — с издёвкой прошипел Снейп, сворачивая журнал и пережидая бурю смеха Слизеринцев. — Что же, я думаю, будет лучше рассадить вас, чтобы вы могли сосредоточиться на Зельеварении, а не на ваших любовных переживаниях. Уизли, ты останешься здесь. Мисс Грэйнджер — туда, рядом с мисс Паркинсон. Поттер — за парту перед моим столом. Вперёд и поживей.

Разъярённый, Гарри бросил ингредиенты и сумку в котёл и потащил его к передней парте. Снейп пошёл следом, уселся за стол и стал наблюдать, как Гарри разгружает котёл. Стараясь не смотреть на Снейпа, Гарри продолжил размалывать скарабеев, представляя себе, что это Снейп.

— Всё это внимание прессы, кажется, раздувает твоё и без того большое самомнение, Поттер, — тихо сказал Снейп. Все в классе снова занимались своим делом.

Гарри не ответил. Он понимал, что Снейп пытается его спровоцировать; он всегда так делал. Видимо, теперь ищет повод снять с Гриффиндора пятьдесят очков под конец урока.

— Ты можешь впасть в заблуждение, что тобой увлечён весь мир магов, — Снейп говорил так тихо, что его слышал только Гарри (а Гарри продолжал молоть жуков, хотя они уже превратились в пыль), — но мне всё равно, сколько раз твоя фотография появится в газетах. По мне, Поттер, ты — просто противный маленький мальчик, который полагает, что он выше правил.

Гарри высыпал пыль из жуков в котёл и начал резать имбирные корешки. Его руки дрожали от гнева, но он опустил глаза и сделал вид, что не слышит Снейпа.

— Так что я предупреждаю тебя, Поттер, — угрожающим тоном продолжал Снейп, — мелкая знаменитость ты или нет — если я поймаю тебя в своей кладовке ещё раз…

— Не подходил я к вашей кладовке! — сердито сказал Гарри, забывая о своей притворной глухоте.

— А вот врать не надо, — прошипел Снейп, сверля Гарри своими бездонно чёрными глазами. — Кожа бумсланга. Жабросли. Всё это из моей кладовки, и я знаю, кто их украл.

Гарри посмотрел на Снейпа, стараясь не мигать и не выглядеть виноватым. Он и правда не крал у Снейпа. Это Гермиона взяла кожу бумсланга,

когда они учились во втором классе — она была нужна для Оборотного зелья — и хоть Снейп подозревал Гарри, он никак не мог этого доказать. Жаброслы, конечно, спёр Добби.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — хладнокровно солгал Гарри.

— Ты не спал в ту ночь, когда мою кладовую взломали! — прошипел Снейп. — Я знаю, Поттер! Может Хмури и вступил в твой фанклуб, но я тебе этого не спущу! Ещё один только раз, Поттер, и ты за это поплатишься!

— Хорошо, — холодно ответил Гарри, снова принимаясь за имбирные корешки. — Я буду иметь это в виду, когда мне потребуется туда залезть.

Глаза Снейпа вспыхнули. Он сунул руку в мантию. Сначала Гарри решил, что Снейп собирается вытащить палочку и проклясть его. Но увидел, что Снейп достал маленькую хрустальную бутылочку с прозрачной жидкостью. Гарри уставился на неё.

— Знаешь, что это, Поттер? — спросил Снейп, и его глаза опасно заблестели.

— Нет, — сказал Гарри, на сей раз абсолютно честно.

— Это Веритасерум — Сыворотка Правды.

Настолько мощная, что три капли заставят тебя излить свои самые сокровенные тайны перед всем классом, — злобно прошипел Снейп. — Использование этой микстуры строго контролируется министерством. Но если ты не будешь следить за собой, то однажды можешь обнаружить, что моя рука дрогнула, — он слегка качнул бутылочку, — и несколько капель попало в твой тыквенный сок. И тогда, Поттер… Тогда-то мы выясним, был ли ты у меня в кладовой или нет.

Гарри ничего не ответил. Он снова принялся кромсать имбирные корешки. Сыворотка Правды… это проблема… Он подавил дрожь, представив, что он может рассказать, если Снейп и в самом деле… Подставит кучу людей — Гермиону и Добби, это как пить дать… А ведь у него и так хватает тайн… Например, переписка Сириусом… И мысли о Чо… Он сбросил корешки в котёл и задался вопросом, а не взять ли пример с Хмури-«Дикого глаза» и не начать ли пить только из личной напоясной фляги?

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Снейп обычным голосом.

Дверь открылась, и в проёме появился Каркаров. Класс с любопытством смотрел на него. Каркаров подошёл к столу Снейпа, накручивая на

палец свою козлиную бородку, словно его что-то тревожило.

— Нам надо поговорить, — резко сказал Каркаров. Он видно не хотел, чтобы его слышал кто-нибудь, кроме Снейпа, так что он едва размыкал губы. Чревовещатель из него получился весьма посредственный. Гарри сделал вид, что занят исключительно корешками, одновременно изо всех сил прислушиваясь.

— После урока, Каркаров, — пробормотал в ответ Снейп, но Каркаров перебил его.

— Я хочу поговорить сейчас, пока ты не удрал, Северус. Ты меня избегаешь.

— После урока, — отчеканил Снейп.

Делая вид, что определяет мерным кубком, достаточно ли налил желчи армадилло, Гарри украдкой взглянул на говоривших. Каркаров выглядел чрезвычайно взволнованным, а Снейп — сердитым.

Всю оставшуюся часть урока Каркаров провёл за столом Снейпа. Похоже, он боялся, что Снейп опять сбежит. Чтобы подслушать их разговор Гарри намеренно опрокинул бутылку с желчью армадилло за две минуты до звонка. Это дало ему возможность согнуться за своим котлом с тряпкой, в то время как весь класс шумно двинулся

к двери.

— Что такого срочного? — прошипел Снейп.

— Вот это, — сказал Каркаров, и Гарри, выглянув из-за котла, увидел, как Каркаров закатал левый рукав мантии и что-то показал Снейпу на предплечье.

— Ну? — спросил Каркаров, всё ещё стараясь не шевелить губами. — Видишь? Она не проявлялась так сильно, с тех самых пор…

— Убери! — прорычал Снейп, обшаривая глазами классную комнату.

— Но ты тоже должен был заметить… — запальчиво начал Каркаров.

— Поговорим позже! — взорвался Снейп. — Поттер! Что ты тут делаешь?

— Вытираю желчь армадилло, профессор, — невинно ответил Гарри, энергично протирая пол и показывая Снейпу тряпку.

Каркаров развернулся на каблуках и зашагал к выходу из подземелья. У него был озабоченный и злой вид. Не желая оставаться один на один с разъярённым Снейпом, Гарри покидал книги в сумку и покинул класс на всех парах, чтобы сообщить Рону и Гермионе о только что состоявшемся разговоре.

На следующий день в полдень они вышли из

замка. Солнце едва пробивалось сквозь серебристую дымку. Был самый тёплый день за весь год, и, добравшись до Хогсмида, они сняли плащи и закинули их на плечи. Еда для Сириуса тянула сумку Гарри вниз. Он тащил дюжину цыплячьих ножек, батон хлеба, и несколько фляг тыквенного сока — всё, что им удалось спереть со стола за завтраком.

Они зашли в «Хохмотки: одежда для магов», чтобы купить Добби подарок, и вдоволь позабавились, выбирая самые аляповатые носки. Например, со сверкающими золотыми и серебряными звездами или носки, которые принимались громко вопить, когда начинали пахнуть. В половине второго они двинулись по Главной улице, мимо «Дервиша и Хлопушки», к окраине.

Гарри никогда раньше не был в этом районе. Извилистый переулок вывел их в глухую сельскую местность на окраине Хогсмида. Домов здесь было значительно меньше, а садов — больше; они шли к подножию горы, в тени которой расположился Хогсмид. Когда они повернули за очередной угол, то увидели в конце переулка ступеньки. А там, поставив передние лапы на первую ступеньку, сидел большой, косматый чёрный пёс, который держал в пасти какие-то

газеты и казался очень знакомым…

— Привет, Сириус, — сказал Гарри.

Пёс нетерпеливо обнюхал сумку Гарри, вильнул хвостом, повернулся и побежал через пустошь, которая тянулась до скалистых горных отрогов. Гарри, Рон и Гермиона поднялись по ступенькам и поспешили за ним.

Сириус вёл их к подножию горы, где земля была усыпана валунами и камнями. Ему не составляло труда лавировать между ними, с его четырьмя лапами, но Гарри, Рон и Гермиона вскоре запыхались. Они топали всё выше и выше. Примерно полчаса они поднимались по крутой, продуваемой ветрами тропинке за мелькающим впереди хвостом Сириуса, обливаясь потом. Лямки сумки врезались Гарри в плечи.

Но вот Сириус пропал, и, дойдя до того места, где он исчез, они увидели узкую трещину в скале. Они протиснулись внутрь и оказались в прохладной, полутёмной пещере. В глубине к большому валуну обрывком верёвки был привязан гиппогриф Конклюв — наполовину конь, наполовину орёл. Его грозные оранжевые глаза вспыхнули при их появлении. Все трое низко поклонились. Выдержав паузу, Конклюв преклонил чешуйчатые колени и позволил Гермионе

потрепать его оперённую шею. Гарри же смотрел на чёрного пса, который только что обернулся его крёстным.

Сириус был одет в рваную серую мантию, ту самую, которую он носил во время побега из Азкабана. Его чёрные волосы отросли и свалялись. Он был очень худ.

— Курятина! — сказал он хрипло, вытаскивая изо рта старые номера «Ежедневного Пророка» и бросая их на землю.

Гарри развязал мешок и достал упаковку цыплячьих ножек и хлеб.

— Спасибо, — сказал Сириус, разворачивая обертку, садясь на пол пещеры и отрывая зубами большой кусок. — Я тут в основном крысами питался. В Хогсмиде невозможно свистнуть много еды; я бы привлёк внимание.

Он усмехнулся Гарри, и Гарри нехотя усмехнулся в ответ.

— Что ты здесь делаешь, Сириус? — спросил он.

— Выполняю обязанности крёстного, — сказал Сириус, по-собачьи обгладывая куриную косточку. — Не волнуйся, я прикидываюсь симпатичным бездомным псом.

Он всё ещё усмехался но, видя беспокойство на

лице Гарри, посерьёзнел:

— Я хочу быть в курсе. Твоё последнее письмо… Ладно, просто скажем, что тут что-то назревает. Я подбираю газеты, каждый раз, когда кто-нибудь их выбрасывает, и думаю, я — не единственный, кто взволнован происходящим.

Он кивнул на пожелтевшие номера «Ежедневного Пророка» на полу пещеры. Рон поднял и развернул их. Но Гарри не отрываясь смотрел на Сириуса.

— А если тебя поймают? Если тебя заметят?

— Вы трое и Дамблдор — единственные в округе, кто знает, что я — Анимаг, — пожал плечами Сириус, продолжая поедать куриную ногу.

Рон толкнул Гарри и протянул ему «Ежедневный Пророк». Там было две заметки: — «Странная болезнь Бартемия Крауча» и «Ведьма из министерства всё ещё не найдена — Министр Магии теперь лично занимается этим вопросом».

Гарри просмотрел заметку о Крауче. Ему в глаза бросились фразы: — не появлялся на публике с ноября… Дом кажется заброшенным… Лечебница магических недугов и травм имени Святого Мунго не спешит давать комментарии… Министерство отказывается подтвердить слухи об опасной болезни…

— Они тут пишут, будто он прямо завтра откинет копыта, — медленно сказал Гарри. — Какой же он больной, если смог добраться досюда?

— Мой брат — личный помощник Крауча, — сообщил Рон Сириусу. — Он говорит, что Крауч страдает от переутомления.

— Согласен, он и правда выглядел больным в последний раз, когда я его видел вблизи, — заметил Гарри, всё ещё читая заметку, — в тот вечер, когда моё имя появилось из Кубка…

— Он поплатился за то, что выгнал Винки! — резко сказала Гермиона. Она гладила Конклюва, который доедал цыплячьи кости. — Я уверена, он теперь об этом жалеет — спорю, он почувствовал разницу, теперь, когда её нет.

— Гермиона помешалась на домовых, — пробормотал Рон, бросая на Гермиону хмурый взгляд. Однако Сириус заинтересовался её словами.

— Крауч выгнал домового?

— Да, на Кубке мира по Квиддитчу, — сказал Гарри и поведал ему о появлении Тёмной Метки, и о том, что Винки нашли с зажатой в руке палочкой Гарри, и о ярости мистера Крауча. Когда Гарри закончил, Сириус снова вскочил на ноги и начал шагать по пещере.

— Позвольте мне уточнить, — сказал он через

некоторое время, размахивая новой цыплячьей ножкой. — Сначала вы видели домового в Верхней ложе. Она держала Краучу место, правильно?

— Точно, — вместе сказали Гарри, Рон, и Гермиона.

— Но Крауч не появился на матче?

— Нет, — сказал Гарри. — Кажется, он сказал, что был слишком занят.

Сириус молча обошёл пещеру.

— Гарри, ты не проверял — в кармане твоя палочка или нет, после того, как вы покинули ложу?

— М-м-м… — задумался Гарри. — Нет, — сказал он, наконец. — Она мне была не нужна, пока мы не вошли в лес. Тогда я засунул руку в карман и обнаружил только Омниокли, — он взглянул на Сириуса. — Ты хочешь сказать, что тот, кто вызвал Метку, украл мою палочку ещё в Верхней ложе?

— Вполне возможно, — ответил Сириус.

— Винки не крала палочку! — безапелляционно заявила Гермиона.

— Он была не единственной в ложе, — нахмурился Сириус. — Кто ещё сидел сзади?

— Толпа народу, — сказал Гарри. — Болгарские

министры… Корнелиус Фадж… Малфои…

— Малфои! — воскликнул Рон. Его голос эхом разнёсся по пещере, а Конклюв беспокойно вскинул голову. — Держу пари, это был Люциус Малфой!

— Ещё кто-нибудь? — повторил Сириус.

— Да всё, вроде бы, — сказал Гарри.

— Нет, там ещё был… этот, Людо Бэгмэн, — напомнила ему Гермиона.

— Точно…

— Я ничего о нём не знаю, кроме того, что он был Вышибалой у Осмингтонских ос, — сказал Сириус. — Какой он?

— Нормальный мужик, — сказал Гарри. — Только всё предлагает помощь в турнире.

— Неужели? — удивился Сириус и нахмурился ещё сильнее. — Интересно, почему?

— Говорит, что я ему симпатичен, — ответил Гарри.

Сириус глубокомысленно хмыкнул.

— Мы видели его в лесу перед тем, как появился Тёмная Метка, — сказала Гермиона Сириусу. — Помните? — обратилась она к Гарри и Рону.

— Да, но он там не остался, правда? — сказал Рон. — Он же сразу кинулся в лагерь, как только мы ему сказали о беспорядках.

— Откуда ты знаешь, куда он кинулся? — отпарировала Гермиона. — Откуда ты знаешь, если он Аппарировал?

— Давай на минутку отвлечёмся, — с сомнением сказал Рон. — Ты хочешь сказать, что подозреваешь, будто Людо Бэгмэн мог наколдовать Тёмную Метку?

— Да уж скорее он, чем Винки, — упрямо заявила Гермиона.

— Я же вам говорил… — вздохнул Рон, со значением взглянув на Сириуса, — она просто помешана на домо…

Но Сириус поднял руку, призывая их к тишине.

— Когда появилась Тёмная Метка, и нашли домового с палочкой Гарри в руках, что сделал Крауч?

— Полез в кусты, — сказал Гарри, — но там никого не оказалось.

— Логично, — пробормотал Сириус, вновь принимаясь расхаживать взад-вперед, — конечно, он хотел бы повесить это на кого-нибудь другого, только не на собственного домового… а потом он выгнал её?

— Да, — горячо сказала Гермиона, — он выгнал её, только потому, что она не осталась в палатке

и не оказалась растоптанной…

— Гермиона, может, хватит? — воскликнул Рон.

Сириус покачал головой и сказал: — Она поняла Крауча лучше, чем ты, Рон. Если ты хочешь знать, что за человек перед тобой, хорошенько посмотри, как он обращается с подчинёнными, а не с теми, кто ему равен.

Он провел рукой по своему небритому лицу, видимо, сильно задумавшись.

— Все эти исчезновения Барти Крауча… он преодолевает множество трудностей, чтобы быть уверенным, что его домовой займёт ему место на Кубке мира, но даже не появляется на матче. Он делает кучу работы, чтобы возродить Турнир Трёх Волшебников, а затем пропадает… Это не похоже на Крауча. Если он когда-нибудь брал отгул по болезни, то я съем Конклюва.

— Ты знаешь Крауча? — спросил Гарри.

Лицо Сириуса потемнело. Он внезапно стал столь же угрожающим, каким был той ночью, когда Гарри впервые его встретил. Той ночью, когда Гарри ещё полагал, что Сириус — убийца.

— О, я хорошо знаю Крауча, — спокойно произнёс Сириус. — Это он подписал приказ о моём заключении в Азкабан без суда.

— Что? — хором воскликнули Рон и Гермиона.

— Не может быть! — сказал Гарри.

— Может, ещё как может, — вздохнул Сириус, откусывая большой кусок от цыплёнка. — Крауч был начальником Отдела Исполнения Магических Законов, вы не знали?

Гарри, Рон, и Гермиона покачали головами.

— Ему светил пост министра, — сказал Сириус. — Он — великий волшебник, Барти Крауч, сильный… и властолюбивый. Нет, он никогда не был сторонником Волдеморта, — сказал он, правильно растолковав выражение лица Гарри. — Нет, Барти Крауч был всегда против Тёмных сил. Но тогда многие были против Тёмных сил… Ладно, вам не понять… вы слишком молоды…

— Точно так мой отец сказал на Кубке мира, — раздраженно произнёс Рон. — А вы попробуйте объяснить, может, мы поймем?

На худом лицо Сириуса появилась улыбка.

— Хорошо, я попробую объяснить… — он прошёлся взад и вперёд по пещере, а затем сказал. — Представьте, что Волдеморт силён. Вы не знаете, кто его сторонники, вы не знаете, кто работает на него, а кто нет. Вы знаете, что он может управлять людьми так, что они будут делать ужасные вещи, и у них не будет сил сопротивляться. Вы боитесь

за себя, свою семью и друзей. Каждую неделю в новостях сообщают о растущем количестве смертей, растущем количестве исчезновений, растущем количестве мучений… Министерство магии в панике, они не знают, что делать. Они стараются держать всё в секрете от магглов, но тем временем, магглы тоже погибают. Всюду ужас… Паника… Беспорядки… Так это было.

— Так вот… такое время открывает лучшее в одних людях и худшее в других. Принципы Крауча могли быть и хорошими в самом начале — я не знаю. Он моментально сделал карьеру, и начал предпринимать очень резкие меры против сторонников Волдеморта. Аврорам были даны новые полномочия — полномочия убивать, а не задерживать. И я был не единственный, кто был отдан Дементорам без суда. Крауч боролся насилием против насилия и разрешил использование Непростительных заклятий против подозреваемых. Я сказал бы, что он стал так же безжалостен и жесток, как многие на Тёмной Стороне. У него были сторонники, уверяю вас, многие поддерживали принятые им меры. Множество ведьм и волшебников считали, что он должен занять пост Министра Магии. Когда Волдеморт исчез, было лишь вопросом времени, когда Крауч получит

повышение. Но тут случилась весьма неприятная вещь… — Сириус мрачно усмехнулся. — Собственный сын Крауча был пойман с группой Пожирателей смерти, которые сумели избежать Азкабана. Очевидно, они пытались найти Волдеморта и вернуть ему власть.

— Сын Крауча? — задохнулась Гермиона.

— Угу… — подтвердил Сириус, бросая кость Конклюву, усаживаясь на землю и разламывая батон пополам. — Думаю, для старика Барти это стало неприятным сюрпризом. Ему стоило проводить побольше времени дома, с семьёй… Пораньше уходить с работы… чтобы получше узнать собственного сына.

Он оторвал зубами кусок хлеба.

— Так его сын был Пожирателем смерти? — спросил Гарри.

— Понятия не имею, — сказал Сириус, жуя хлеб. — Я сам был в Азкабане, когда его туда кинули. Всё остальное — главным образом сведения, которые я получил, когда вышел. Мальчик был определенно пойман в плохой компании. Я не стал бы спорить на жизнь, был ли он Пожирателем смерти или нет, но он мог оказаться не в том месте не в то время, точно так же как домовой.

— Крауч отпустил сына? — спросила Герми-

она.

Сириус издал смешок, более походивший на лай.

— Крауч отпустил сына? Я-то думал, ты поняла его, Гермиона! Всё, что угодно, способное бросить тень на его репутацию, необходимо было устранить; он всю жизнь стремился стать Министром Магии. Ты видела, как он выгнал преданного домового лишь потому, что она снова связала его с Тёмной Меткой — неужели этот факт не даёт понять, каков он на самом деле? Отеческой привязанности Крауча хватило лишь на то, чтобы дать сыну шанс в суде. Для Крауча это было лишь поводом продемонстрировать, как он ненавидел мальчишку… А потом он отправил его прямо в Азкабан.

— Он отдал собственного сына Дементорам? — прошептал Гарри.

— Отдал, — подтвердил Сириус, на его лице не осталось и следа весёлости. — Я видел, как Дементоры привели его, я смотрел сквозь решетку на двери камеры. Ему навряд ли было больше девятнадцати. Они посадили его в камеру около моей. По вечерам, он громко звал мать. А через несколько дней затих… там все затихали через какое-то время… Разве только иногда кричали

во сне…

На мгновение из глубины его глаз словно глянула смерть — и захлопнула ставни.

— Так он что — всё ещё в Азкабане? — спросил Гарри.

— Нет, — ровно сказал Сириус. — Его больше нет. Он умер примерно через год после того, как они его посадили.

— Умер?

— Не он один, — горько вздохнул Сириус. — Там многие сходили с ума и многие в итоге отказывались от еды. Они теряли желание жить. Всегда можно было узнать, когда кто-то умирал, Дементоры это чувствовали и возбуждались. Тот мальчик, похоже, был болен ещё когда прибыл. Крауч был важной шишкой в министерстве, ему и его жене позволили попрощаться с сыном. Это был последний раз, когда я видел Барти Крауча. Он, поддерживая жену, прошёл мимо моей камеры. Она тоже умерла вскоре после этого. Печально. Напрасная жертва, точно так же как и мальчик. Крауч так и не приехал за телом сына. Дементоры похоронили его возле крепости, я видел.

Сириус отложил в сторону хлеб, который уже поднёс ко рту и вместо этого взял флягу тыквен-

ного сока и осушил её.

— Так старик Крауч потерял всё именно тогда, когда думал уже, что дело в шляпе, — продолжал он, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Герой, выдвинутый на пост Министра Магии… а потом вдруг — смерть сына, смерть жены, опозоренное имя, и, как я слышал, когда сбежал, популярность его сильно упала. Как только мальчик умер, люди начали чувствовать больше сочувствия к сыну и стали задумываться, как хороший парень из хорошей семьи мог пойти по дорожке зла. Сходились на том, что его отец никогда особенно не заботился о нём. Так Корнелиус Фадж получил повышение, а Крауча передвинули в Отдел Международного Сотрудничества Магов.

Повисла тишина. Гарри думал о том, как Крауч вылупил глаза, когда смотрел на своего непослушного домового в лесу на Кубке мира по Квиддитчу. Вот, наверное, почему Крауч погорячился с Винки, когда её нашли рядом с Тёмной Меткой. Случившееся возродило воспоминания о сыне и старом скандале, о провале его карьеры в министерстве.

— «Дикий глаз» говорит, что Крауч охотится на Тёмных магов, — сказал Гарри Сириусу.

— Да, я слышал, что это, с некоторых пор, стало

его манией, — кивнул Сириус. — По-моему, он всё ещё думает, что может вернуть старую популярность, поймав очередного Пожирателя смерти.

— И он прокрался сюда, чтобы обшарить кладовку Снейпа! — сказал Рон, с торжеством глядя на Гермиону.

— Согласен, но это абсолютно бессмысленно, — отозвался Сириус.

— Нет, не бессмысленно! — возразил Рон, но Сириус покачал головой.

— Послушай, если Крауч хочет расследовать деятельность Снейпа, почему он не стал судить турнир? Это было бы идеальным оправданием для регулярных посещений Хогвартса и присмотра за ним.

— Так ты думаешь, что Снейп может быть к этому причастен? — спросил Гарри, но Гермиона перебила его.

— Послушайте, Дамблдор доверяет Снейпу…

— Ох, да остынь ты, Гермиона, оборвал её Рон. — Дамблдор честный и гениальный и всё такое, но это не значит, что хитрый Тёмный маг не сможет его одурачить…

— Почему тогда Снейп спас Гарри жизнь в первый год учёбы? Почему он не дал ему умереть?

— Не знаю — может, он решил, что Дамблдор

его выгонит…

— А ты как думаешь, Сириус? — сказал Гарри так громко, что Рон и Гермиона замолчали.

— Я думаю, что они оба в чём-то правы, — сказал Сириус, глубокомысленно глядя на Рона и Гермиону. — С тех пор, как я выяснил, что Снейп здесь преподаёт, я задался вопросом, почему Дамблдор его взял. Снейп всегда увлекался Тёмными Искусствами, он был известен этим ещё в школе. Он был скользкий, хитрый, с жирными волосами парень, — добавил Сириус, и Гарри с Роном усмехнулись друг другу. — Снейп знал больше проклятий при поступлении, чем половина ребят на седьмом курсе. И он состоял в банде слизеринцев, которые почти все стали Пожирателями смерти.

Сириус начал называть имена, загибая пальцы.

— Розье и Вилкс — оба были убиты Аврорами, за год до падения Волдеморта. Лестранжи — муж и жена — находятся в Азкабане. Авери — из того, что я слышал, он выпутался из неприятностей, сказав, что действовал под заклятием Империус — он всё ещё на свободе. Но, насколько я знаю, Снейп никогда не был даже обвинён в принадлежности к Пожирателям смерти — не то, что бы

это много значило… многие из них так и не были пойманы. И Снейп конечно достаточно умён и хитёр, чтобы держаться подальше от неприятностей.

— Снейп довольно хорошо знает Каркарова, но старается держать это в тайне, — сказал Рон.

— Да вы бы видели лицо Снейпа, когда Каркаров вчера заявился на Зельеварение! — быстро сказал Гарри. — Каркаров хотел поговорить со Снейпом и сказал, что тот избегает его. Каркаров волновался. Он показал Снейпу что-то на своей руке, но я не видел, что это такое.

— Он показал Снейпу что-то на руке? — переспросил Сириус, глядя на Гарри с искренним изумлением. Он встревоженно провел пальцами по своим немытым волосам, затем снова пожал плечами. — Ладно, я тоже не имею ни малейшего представления… Но если Каркаров взволнован, и пришел к Снейпу за советом…

Сириус посмотрел на стену пещеры, затем скорчил расстроенную гримасу.

— Остаётся ещё факт, что Дамблдор доверяет Снейпу, а я знаю, что многие другие люди не смогли заслужить доверия Дамблдора… Я не представляю, чтобы он мог позволить Снейпу преподавать в Хогвартсе, если тот когда-нибудь

работал на Волдеморта.

— Почему тогда «Дикий глаз» и Крауч так хотели обыскать его кладовую? — упрямо возразил Рон.

— Ну… — медленно сказал Сириус, — я бы не удивился, если бы Хмури-«Дикий глаз» обыскал кабинет каждого преподавателя, когда приехал в Хогвартс. Он серьёзно относится к Защите от Тёмных Искусств. Я вообще не уверен, что он кому-нибудь доверяет. И после всего, что он пережил, это не удивительно. Хотя в его пользу можно сказать, что он никогда не убивал, будь у него другой выход. Он всегда оставлял людей в живых, когда это было возможно. Он был жесток, но никогда не опускался до уровня Пожирателей смерти. Крауч же… Он — другое дело… Может, он действительно болен? Если да, то как он дотащился до кладовой Снейпа? А если нет… Чем он занимается? Что такое важное он делал на Кубке мира, что не появился в Верхней ложе? Что он делает, в то время как должен судить турнир?

Сириус замолчал, уставившись на стену пещеры. Конклюв бродил по каменному полу, ища, не пропустил ли он какую-нибудь косточку. Наконец, Сириус посмотрел на Рона.

— Ты говоришь, твой брат — персональный

помощник Крауча? Ты не мог бы спросить его, видел ли он Крауча в последнее время?

— Можно попробовать, — с сомнением сказал Рон. — Лучше постараться, чтоб это не прозвучало так, будто я в чём-то подозреваю Крауча. Перси его боготворит.

— И ты мог бы, заодно, пробовать выяснить, напали ли они на какой-нибудь след Берты Джоркинс, — сказал Сириус, показывая на статью из «Ежедневного Пророка».

— Бэгмэн сказал, что они пока ничего не нашли, — ответил Гарри.

— Да, он упоминается в статье, — сказал Сириус, кивая на газету. — Бушует по поводу того, какая у Берты плохая память. Может, она изменилась с тех пор, как я её знал, только у той Берты память была что надо — очень странно, правда? Она была туповата, но память на сплетни у неё была превосходная. Из-за этого она попадала в большие неприятности; никогда не понимала, когда надо вовремя закрыть рот. Вряд ли она была ценным работником министерства… Возможно, именно поэтому Бэгмэн не торопился её искать…

Сириус зевнул и потёр глаза.

— Сколько времени?

Гарри посмотрел на часы, и вспомнил, что они

не работают после его заплыва в озере.

— Полчетвёртого, — сказала Гермиона.

— Вам пора в школу, — сказал Сириус, поднимаясь. — А теперь слушайте… — он внимательно посмотрел на Гарри. — Я не хочу, чтобы ваша компания сбегала из школы, чтобы увидеть меня, ясно? Просто пошли мне записку. Я хочу быть в курсе. И не смейте уходить из Хогвартса без разрешения. Это будет идеальной возможностью напасть на тебя, Гарри.

— До сих пор на меня никто не нападал, кроме дракона и пары Гриндилоу, — возразил Гарри.

— Всё равно… Я вздохну свободно, только когда этот турнир наконец закончится, а это случится лишь в июне. И если будете говорить обо мне между собой, зовите меня Нюхачом, ладно?

Он отдал Гарри пустую обертку и флягу и потрепал Конклюва.

— Я провожу вас до окраины, — сказал Сириус, — посмотрю, может, найду ещё газет.

Он обернулся чёрным псом перед тем, как выйти из пещеры. Они вместе спустились с горы, через усыпанную валунами равнину назад к ступенькам. Здесь он разрешил им погладить себя по голове и отправился в обход предместий. А Гарри, Рон и Гермиона направились назад в Хогвартс.

— Интересно, знает ли Перси историю Крауча? — спросил Рон, когда они шли к замку. — Хотя, может, его это не волнует… может, его это только заставляет ещё больше восхищаться Краучем. М-да, Перси любит правила. Он просто сказал бы, что Крауч отказался нарушить их ради собственного сына.

— Перси никогда не бросил бы члена своей семьи Дементорам, — строго сказала Гермиона.

— Не знаю, — вздохнул Рон. — Если б он подумал, что мы стоим на пути его карьеры… Перси очень честолюбив, понимаете…

Они поднялись в вестибюль, где до них донеслись восхитительные запахи обеда из Большого зала.

— Бедный старина Нюхач, — прошептал Рон. — Он действительно тебя любит, Гарри… Только представь — питаться одними крысами.

28. Безумие мистера Крауча

Гарри, Рон и Гермиона поднялись в Совятню в воскресенье после завтрака, чтобы послать Перси записку, как предложил Сириус, и спросить, не видел ли он в последнее время мистера Крауча. Они отправили письмо с Хедвигой — ей было как раз пора размять крылья. А когда её силуэт исчез в вышине, они отправились вниз, на кухню, чтобы вручить Добби его новые носки.

Домовые радостно засуетились, накрывая к чаю. Они кланялись, делали реверансы и улыбались гостям. Добби был просто в восторге от подарка.

— Гарри Поттер слишком добр к Добби! — пропищал он, вытирая громадные слёзы.

— Ты мне жизнь спас этими Жаброслями, — честно ответил Гарри.

— Слушайте, а у вас там случайно не осталось эклеров? — спросил Рон, глядя на сияющих от радости домовых.

— Ты же только что завтракал! — возмутилась Гермиона, но четыре домовых уже неслись к ним с громадным серебряным блюдом с голубой

каёмочкой.

— Нам надо раздобыть еды для Нюхача, — прошептал Гарри.

— Вот-вот, и я о том же подумал, — отозвался Рон. — Пусть Пиг поработает. У вас лишней еды не найдётся? — поинтересовался он у домовых, столпившихся вокруг. Те обрадованно закивали и бросились за едой.

— Добби, а где Винки? — спросила Гермиона, оглядываясь.

— Винки вон там, рядом с камином, мисс, — тихо ответил Добби тихо, и его уши поникли.

— О Боже, — сказала Гермиона, разглядев Винки.

Гарри посмотрел в сторону камина. Винки сидела на том же самом стуле, что и в прошлый раз, но сперва он не заметил её. Нестиранные обноски, когда-то бывшие одеждой, цветом сливались с закопченными кирпичами за спиной Винки. Она сжимала в руках бутылку Ирисэля и покачивалась на стуле, пристально глядя в огонь.

— Винки выпивает по шесть бутылок за день, — прошептал Добби. Винки икнула.

— Так… он же некрепкий, — сказал Гарри.

Но Добби покачал головой: — Крепкий-крепкий для домового, сэр.

Винки опять икнула. Домовые, которые принесли эклеры, неодобрительно взглянули на неё и вернулись к работе.

— Винки спивается, Гарри Поттер, — грустно прошептал Добби. — Винки хочет домой. Винки до сих пор считает мистера Крауча хозяином, сэр. Добби говорит-говорит, но не может убедить её, что профессор Дамблдор теперь её хозяин.

Гарри осенило: — Эй, Винки! — он подошел поближе и наклонился к ней. — Ты не знаешь, где сейчас мистер Крауч? Он вдруг перестал приезжать на Турнир.

Глаза Винки блеснули: — Х-хозя… ик… не приехал?

— Нет, — сказал Гарри, — мы его не видели с самого Первого задания. «Ежедневный Пророк» пишет, что он заболел.

Винки еще раз качнулась, уставившись на Гарри мутным взором.

— Хозяин… ик… болен?

Её нижняя губа задрожала.

— Мы не знаем, — быстро ответила Гермиона.

— Хозяину нужна его… Ви… ик… нки! — всхлипнула Винки. — Хозяин не… ик… может справиться сам…

— Но другие люди сами справляются с до-

машними делами, ты прекрасно это знаешь, Винки, — строго сказала Гермиона.

— Ви… ик… нки… не только… де… дела делает! — негодующе пискнула Винки, раскачиваясь ещё сильнее и расплескивая эль на свою загвазданную блузку. — Хозяин… ик… доверяет Винки… важные… ик… секреты…

— Секреты? — переспросил Гарри.

Но Винки качнула головой, пролив на себя очередную порцию эля.

— Винки… хранит… ик… секреты её хозяина! — возмущённо заявила она, энергично раскачиваясь и злобно глядя на Гарри совершенно окосевшими глазами. — Вы… вынюхивать, вот!

— Винки не смеет так разговаривать с Гарри Поттером! — рассердился Добби. — Гарри Поттер — храбрый и благородный, Гарри Поттер не вынюхивает!

— Он вынюхивает… тайны… моего хозяина… Винки — хороший домовой… ик… Винки ничего не скажет… ик… тем, кто… ик… лезет и суёт нос… ик!

Веки Винки опустились, она соскользнула со стула на каминный порожек и громко захрапела. Пустая бутылка из-под эля загремела по каменному полу. Полдюжины домовых кинулись к ней.

Один из них схватил бутылку, другие накинули на Винки большую клетчатую скатерть и подоткнули края так, что Винки не стало видно.

— Нам так жаль, что вы стали свидетелями этого зрелища, сэры и мисс! — пропищал домовой рядом с ними, качая головой. Похоже, ему было очень стыдно. — Мы надеемся, что вы не станете судить по Винки обо всех нас!

— У неё горе! — гневно воскликнула Гермиона. — Почему вы не поддержите её вместо того, чтобы прятать с глаз долой?!

— Прошу прощения, мисс, — сказал домовой, низко кланяясь, — но домовой не может горевать, пока есть работа, которую нужно делать, и господин, которому нужно служить.

— Ради всего святого! — повысила голос Гермиона. — Да выслушайте же меня! Вы имеете право горевать наравне с магами! Вы имеете право на зарплату и выходные, и приличную одежду, и вы не должны делать всё, что вам велят — взгляните на Добби!

— Мисс, пожалуйста, не впутывать в это Добби, — испуганно промямлил Добби. Радостные улыбки внезапно испарились, домовые уставились на Гермиону так, словно она вдруг сошла с ума и стала опасна.

— Вот вам ваша еда! — пискнул домовой возле локтя Гарри и сунул ему большой окорок, дюжину пирожных и фрукты. — Уходите!

Домовые столпились вокруг Гарри, Рона и Гермионы и стали вытеснять их из кухни, подталкивая в поясницы.

— Спасибо за носки, Гарри Поттер! — печально крикнул Добби от каминного порожка, стоя рядом с горбатой скатертью, которая была Винки.

— Ты никак не научишься держать язык за зубами, Гермиона! — набросился на неё Рон, как только дверь кухни захлопнулась за ними. — Теперь они не захотят, чтобы мы приходили! А мы могли бы выведать у Винки побольше насчёт Крауча!

— Именно затем ты туда и ходишь! — иронично хмыкнула Гермиона. — А вовсе не затем, чтобы наесться до отвала!

После этой стычки весь остаток дня не заладился. Гарри так устал от препирательств Рона и Гермионы, пока они делали домашнюю работу в гостиной, что отправился в Совятню один.

Пигвиджен был слишком мал, чтобы дотащить окорок и всё остальное, поэтому Гарри снарядил ему в помощь двух школьных сов. Когда они унеслись в сумерки эдаким странным крылатым

караваном, Гарри перегнулся через подоконник, разглядывая луг, шуршащие макушки Запретного Леса и трепещущие паруса Дурмштрангского корабля. Сквозь колечко дыма над трубой Хагридовой хижины скользнул филин; он облетел Совятню и направился к замку. Опустив глаза, Гарри увидел, как Хагрид что-то энергично вскапывает перед хижиной. Судя по всему, этому что-то предстояло стать грядкой. В этот момент мадам Максим вышла из Бобатонского экипажа и направилась к Хагриду. По-видимому, она пыталась завязать разговор, но Хагрид склонился над своей лопатой, и похоже, совсем не интересовался поддержанием беседы, потому что мадам Максим очень быстро повернулась и ушла.

Не желая возвращаться в Гриффиндорскую башню и слушать, как Рон и Гермиона ворчат друг на друга, Гарри смотрел на Хагрида, пока не стало совсем темно; пока совы не начали просыпаться и одна за другой бесшумно исчезать в ночи.

Наутро Рон и Гермиона перестали дуться друг на друга, и к облегчению Гарри и вопреки предсказаниям Рона, завтрак Гриффиндорцев — бекон, яичница и копчёная рыба — был так же хорош как всегда.

Когда в зал влетели совы, Гермиона нетерпеливо взглянула вверх, словно чего-то ждала.

— Успокойся, Перси не успел накатать ответ, — сказал ей Рон. — Мы же послали Хедвигу только вчера.

— Не в этом дело, — ответила Гермиона. — Я подписалась на «Ежедневный Пророк». До смерти надоело узнавать обо всем от Слизеринцев.

— Светлая мысль! — воскликнул Гарри и тоже взглянул вверх. — Эй, Гермиона, тебе везёт…

К Гермионе планировала серая сова.

— Это не газета, — сказала та разочарованно, — это…

Но к её недоумению, следом за серой совой перед её тарелкой опустились четыре сипухи, коричневая сова и неясыть.

— Сколько же ты навыписывала? — спросил Гарри, хватая бокал Гермионы, чтобы его не опрокинули совы, столпившиеся на столе.

— Да что за… — начала Гермиона, забирая письмо у серой совы, открывая и принимаясь за чтение. — Ну знаете! — воскликнула она, густо краснея.

— Чего там? — спросил Рон.

— Да так… глупости всякие…

Она бросила письмо Гарри, и тот заметил, что

оно не написано от руки, а составлено из печатных букв, видимо, вырезанных из «Ежедневного Пророка».

Ах ты пАрШИвкА. гАРри ПотТЕр ЗасЛУЖил ЛучШе. УхоДи ОТкуда прИШлА — К МАгГлАМ.

— Они все такие же, как это! — воскликнула Гермиона, открывая письма одно за другим. — Гарри Поттер достоин лучшего… Кипеть тебе в лягушачьей икре… Ой!

Она открыла последний конверт и вдруг желтовато-зелёная жидкость с сильным запахом бензина хлынула ей на руки, которые вмиг покрылись большими жёлтыми волдырями.

— Концентрированный буботубный гной! — вскрикнул Рон, выхватывая у неё конверт и принюхиваясь.

— Ох… — простонала Гермиона. Она расплакалась, пытаясь стереть гной салфеткой; пальцы были сплошь в нарывах и казалось, что у неё на руках толстые бугристые перчатки.

— Беги в больничное крыло, — посоветовал Гарри, как только совы, окружавшие Гермиону, разлетелись. — Мы скажем профессору Спраут, куда ты пошла…

— Я же говорил! — воскликнул Рон, когда Гермиона бегом кинулась в вестибюль. — Я говорил,

чтоб она не трогала Риту Скитер! Ты только послушай… — он взял одно из писем. — Я прочла в «Ведьминском Еженедельнике», как ты обошлась с Гарри Поттером, а ему ведь и так досталось в жизни. Я пошлю тебе проклятие в следующем письме, сразу как найду вместительный конверт. — Чёрт, ей теперь нельзя читать всё подряд.

Гермиона не пришла на Гербологию. Когда Гарри и Рон вышли из теплицы и направились на урок к хижине Хагрида, то увидели Малфоя, Крэбба и Гойла, которые спускались по каменным ступеням замка. Панси Паркинсон позади них шепталась и пересмеивалась с компанией Слизеринок. Поймав взгляд Гарри, Панси выкрикнула: — Что, Поттер, порвал со своей подружкой? Это потому она так огорчилась за завтраком?

Гарри сделал вид, что не слышал её. Он не хотел рассказывать, чем обернулась для Гермионы статья в «Ведьминском Еженедельнике».

Хагрид сказал им на предыдущем уроке, что они закончили с единорогами. И вот теперь он ждал перед хижиной, а возле его ног стояла целая куча ящиков. При виде них у Гарри сжалось сердце — неужто вылупляется новая партия Крутонов? — но когда он заглянул внутрь, то увидел

пушистых чёрных зверьков с длинными рыльцами и плоскими, словно лопаты, передними лапами. Зверьки поглядывали на ребят, слегка смущаясь всеобщего внимания.

— Это нюхлеры, — сказал Хагрид, когда весь класс собрался вокруг. — Они живут, по большей части, в шахтах. Им нравится всё сверкучее… Берегись!

Один из нюхлеров внезапно подпрыгнул и попытался скусить часы с запястья Панси Паркинсон. Она взвизгнула и отпрыгнула назад.

— Весьма полезные кладоискатели, — усмехаясь в бороду, сказал Хагрид. — Итак, сегодня мы повеселимся. Посмотрите вокруг, — он указал на большой участок свежевскопанной земли. — Я тут закопал золотые монеты, — (так вот чем он занимался вчера вечером!) — и приготовил приз для того, чей нюхлер найдёт больше всех. Только снимите и спрячьте всё ценное. А теперь выбирайте нюхлера и приготовьтесь отпустить его.

Гарри снял часы, которые носил исключительно по привычке, потому что они давно уже не ходили, и запихнул их в карман. Потом он выбрал нюхлера. Зверёк немедленно засунул свой длинный нос Гарри в ухо и стал с энтузиазмом принюхиваться. Было щекотно.

— Стойте, — сказал Хагрид, заглядывая в корзинки, — остался ещё один нюхлер… кого нет? Где Гермиона?

— В больничном крыле, — ответил Рон.

— Мы потом объясним, — пробормотал Гарри. Панси Паркинсон прислушивалась.

Это было самое классное занятие по Уходу за Волшебными Существами. Нюхлеры уходили в землю, словно заправские пловцы — в воду, выныривали, неслись к тому ученику, который их освободил, и складывали ему в ладони золотые монетки. Нюхлеру Рона повезло больше всех: очень скоро у Рона звенело в каждом кармане.

— Хагрид, их можно держать как домашних животных? — возбуждённо спросил Рон, когда его нюхлер снова нырнул.

— Вряд ли твоя мама будет рада, Рон, — усмехнулся Хагрид. — Они же тебе весь дом разнесут. А, вижу, почти всё собрали, — добавил он, обходя поле деятельности. — Я тут штук сто закопал. Ага! Вот и Гермиона!

Гермиона шла к ним через лужайку. Её руки были обмотаны бинтами, и выглядела она несчастной. Панси Паркинсон поглядывала на неё с жестоким любопытством.

— Ну, давайте-ка проверим карманы! — сказал

Хагрид. — Подсчитайте свои монеты! Их бесполезно красть, Гойл, — добавил он, и его чёрные глаза сузились. — Это лепреконское золото. Оно исчезнет через пару часов.

Гойл угрюмо вывернул карман.

Оказалось, что нюхлеру Рона повезло больше всех, и Хагрид вручил Рону огромную плитку шоколада из «Медового Герцогства». Прозвучал гонг к обеду и весь класс направился в замок, но Гарри, Рон и Гермиона задержались, чтобы помочь Хагриду рассадить нюхлеров по корзинкам. Гарри заметил, что мадам Максим наблюдает за ними из окна экипажа.

— Что с твоими руками, Гермиона? — участливо спросил Хагрид.

Гермиона рассказала ему про письма, которые получила утром, и про конверт с буботубным гноем.

— А-а-а-а… не переживай, — вздохнул Хагрид, глядя на неё с высоты своего роста. — Мне тоже писали, после того, как Рита Скитер накатала про мою мать. — Ты монстр и тебя следует прикончить. — Твоя мать убивала невинных людей, и если бы у тебя была хоть капля порядочности, ты бы утопился в озере.

— Не может быть! — воскликнула Гермиона.

— Может, — сказал Хагрид, ставя корзинки с нюхлерами у стены хижины. — Они просто психи, Гермиона. Не вскрывай больше эти письма. Бросай их в огонь.

— Ты пропустила ужасно интересный урок, — сообщил Гарри, когда они направились к замку. — Эти нюхлеры такие забавные! Правда, Рон?

Однако Рон хмурился, сжимая в руке шоколадку, которую вручил ему Хагрид. Казалось, Рона грызла какая-то не очень приятная мысль.

— Что случилось? — спросил Гарри. — Плохо пахнет?

— Не в том дело, — отрезал Рон. — Почему ты ничего не сказал мне про золото?

— Про какое золото? — изумился Гарри.

— Золото, которое я дал тебе на Кубке мира по Квиддитчу, — пояснил Рон. — Лепреконское золото, которое я дал тебе за Омниокли. В Верхней ложе. Почему ты не сказал мне, что оно исчезло?

Гарри пришлось напрячь память, прежде чем он понял, о чем говорит Рон.

— А… — сказал он, когда наконец вспомнил. — Ты об этом… Я и не заметил, как оно пропало. Помнишь, у меня тогда палочка исчезла?

Они поднялись по ступеням, вошли в замок и направились в Большой зал на обед.

— Как небось здорово, — сказал Рон отрывисто, когда они уселись за стол и положили себе бифштексы с Йоркширским пудингом, — когда у тебя столько денег, что ты даже не замечаешь пропажи полного кармана галеонов.

— Слушай, да я не о том думал! — перебил его Гарри. — Ты же помнишь, что там творилось!

— Я же не знал, что лепреконское золото исчезает, — пробормотал Рон. — Я думал, что расплатился с тобой. Не надо было дарить мне шляпу «Палящих пушек» на Рождество.

— Забудь, ладно? — сказал Гарри.

Рон наколол жареную картошку на кончик вилки и смерил её взглядом. Потом сказал: — Ненавижу быть бедным.

Гарри и Гермиона переглянулись. Им было нечего сказать.

— Это отвратительно, — продолжал Рон, все ещё сверля взглядом картошку. — Фред и Джордж молодцы, что пытаются подзаработать. Если бы только я мог. Если бы только у меня был нюхлер.

— Что ж, теперь мы знаем, что тебе дарить на следующее Рождество, — ободряюще произнесла Гермиона. И, так как Рон все ещё хмурился, добавила. — Да ладно тебе, Рон. Могло бы быть и хуже. В конце концов, тебе не шлют письма с буботуб-

ным гноем, — Гермиона с трудом управлялась с вилкой и ножом, её пальцы сильно распухли и почти не гнулись. — Я не-на-ви-жу эту Скитер! — внезапно взорвалась она. — Я с ней расквитаюсь. Даже если это будет последнее, что я сделаю.

Всю неделю на Гермиону валились письма, и хотя она последовала совету Хагрида и не открывала их, кое-кто догадался прислать Вопилки, которые взрывались на Гриффиндорском столе, и кричали свои оскорбления, так что никто в зале не пропустил ни слова. Теперь даже те, кто не читал «Ведьминский Еженедельник», были в курсе так называемого любовного треугольника — Гарри-Крам-Гермиона. Гарри до смерти надоело объяснять всем и каждому, что Гермиона не его девушка.

— Скоро всё прекратится, — говорил он Гермионе, — если мы не будем обращать внимания… скоро всем надоест обсуждать, что она написала про меня на этот раз…

— Хотела бы я знать, как она умудрилась подслушать личные беседы, если ей запрещено появляться на территории школы! — воскликнула Гермиона.

На следующем уроке Защиты от Тёмных Искусств она задержалась, чтобы спросить о

чем-то профессора Хмури. Остальные ученики очень спешили уйти, потому что Хмури решил протестировать их на защиту от сглаза, так что работы у мадам Помфри прибавилось. Гарри заполучил превосходный экземпляр Хлопающих Ушей, так что был вынужден крепко прижимать их руками, когда выходил из класса.

— Теперь я точно знаю, что Рита не использовала Плащ-невидимку! — выпалила Гермиона пятью минутами позже, догоняя Гарри и Рона в вестибюле и предварительно оторвав руку Гарри от уха, чтобы он её услышал. — Хмури сказал, что не видел её поблизости от судейского стола на Втором задании и вообще рядом с озером!

— Гермиона, можно я попробую убедить тебя бросить это дело? — спросил Рон.

— Нет! — упрямо ответила Гермиона. — Я хочу знать, как она подслушала мой разговор с Виктором! И как она узнала о матери Хагрида.

— Может, она подсунула тебе жучок? — предположил Гарри.

— Жучок? — ошарашенно переспросил Рон. — Как это?... подсадила ей блоху или еще какую гадость?

Гарри принялся объяснять, что такое скрытые микрофоны и записывающие устройства.

Рон был изумлён, но Гермиона не дала Гарри закончить.

— Вы двое, что, так и не прочитали «Хогвартс: История»?

— Зачем? — сказал Рон. — Ты ведь знаешь её наизусть, мы можем запросто спросить у тебя.

— Все эти маггловские штучки — электричество, компьютеры, радары, и все прочее — они не работают рядом с Хогвартсом, слишком много магии в воздухе. Нет, Рита использует магию, наверное она… Если бы только узнать, что это такое… Эх, если это что-то незаконное, я её…

— У нас что, дел больше нету?! — оборвал её Рон. — Мы что, в довершение ко всему, ещё объявим вендетту Рите Скитер?

— А ты вообще не лезь! — отрезала Гермиона. — Я сама справлюсь!

И она, не оглядываясь, зашагала к мраморной лестнице. Гарри был совершенно уверен, что она идёт в библиотеку.

— Ну что, спорим, она вернется с коробкой значков «Ненавижу Риту Скитер»? — спросил Рон.

Но Гермиона не попросила Гарри и Рона помочь ей отомстить Скитер, и они были благодарны ей за это, потому что в преддверии Пасхальных каникул на них навалили домашнего задания выше

крыши. Гарри искренне изумлялся, как Гермиона умудряется читать про способы магического подслушивания вдобавок ко всему тому, что им задавали. Он трудился без энтузиазма, только чтобы сделать всю домашнюю работу, и обязательно находил время, чтобы отослать Сириусу пакет с едой. На летних каникулах он испытал на себе, что значит быть постоянно голодным, и не забыл этого. С пакетами он отправлял записки, что ничего особенного не произошло и они всё ещё ждут ответа Перси.

Хедвига вернулась в конце Пасхальных каникул. Письмо от Перси было приложено к посылке с Пасхальными яйцами, которую прислала миссис Уизли. Яйца для Рона и Гарри были размером с драконьи и наполнены домашней ириской. А яйцо для Гермионы было размером с куриное. Её лицо вытянулось, когда она его увидела.

— Рон, твоя мама случайно не читает «Ведьминский Еженедельник»? — тихо спросила она.

— Угу, — ответил Рон, жуя ириску. — Из-за рецептов.

Гермиона ужасно расстроилась из-за крохотного яйца.

— Эй, вы не хотите посмотреть, что написал Перси? — спросил Гарри нетерпеливо.

Письмо Перси было коротким и раздражённым.

«Как я уже говорил «Ежедневному Пророку», мистер Крауч взял заслуженный отпуск. Он регулярно присылает сов с инструкциями. Нет, я не видел его, но думаю, что можно не сомневаться в моей способности узнать почерк босса. У меня слишком много дел и без того, чтобы опровергать всякие глупые слухи. Пожалуйста, больше не беспокойте меня, если только не произойдет чего-нибудь важного. Счастливой Пасхи»

Начало летнего семестра обычно означало, что у Гарри начинаются упорные тренировки к последнему матчу по Квиддитчу. Однако в этом году ему предстояло Третье и последнее задание Турнира Трёх Волшебников, к которому надо было готовиться, а он до сих пор не знал, что делать. В конце концов, в последнюю неделю мая, профессор МакГонагалл задержала его после Трансфигурации.

— Сегодня в девять вечера ты должен быть на поле для Квиддитча, Поттер, — сказала она ему. — Мистер Бэгмэн расскажет вам о Третьем задании.

И вот, в половине девятого Гарри покинул Гриффиндорскую башню и спустился в вести-

бюль, где столкнулся с Седриком.

— Как ты думаешь, что это будет? — спросил он Гарри, пока они спускались по каменным ступеням в вечерний сумрак. — Флёр всё время говорит о подземных туннелях, она считает, что нам придётся искать клад.

— Это было бы неплохо, — ответил Гарри, подумав, что тогда он просто одолжит нюхлера у Хагрида.

Они спустились по тёмному лугу, протиснулись между трибунами и вышли на поле.

— Что они тут сделали?! — негодующе воскликнул Седрик, останавливаясь как вкопанный.

Поле для Квиддитча не было больше ровным и гладким. Оно выглядело так, словно кто-то построил длинные низкие стены, которые извивались и скрещивались куда ни кинь взгляд.

— Это живая изгородь! — сказал Гарри, наклоняясь, чтобы рассмотреть её поближе.

— Эй, вы там! — окликнул их бодрый голос.

Людо Бэгмэн стоял посреди поля с Крамом и Флёр. Гарри и Седрик двинулись к ним, перелезая через стены. Флёр вся засияла, когда Гарри подошел ближе. Её отношение к нему абсолютно изменилось в тех пор, как он спас её сестру из озера.

— Ну, как вам? — бодро спросил Бэгмэн, когда Гарри и Седрик перебрались через последнюю изгородь. — Чудно растут, правда? Спорю, что через месяц Хагрид вырастит их до двадцати футов высотой. Не переживайте, — добавил он, ухмыляясь при виде не самого счастливого выражения на лицах Гарри и Седрика, — ваше поле для Квиддитча вернётся в первоначальное состояние сразу после окончания Третьего задания. Ну а теперь, я думаю, вы уже догадались, что вас ждёт?

Все на мгновение замолчали. Потом…

— Лабиринт? — предположил Крам.

— Точно! — воскликнул Бэгмэн. — Лабиринт! Третье задание очень простое. Кубок будет расположен в центре лабиринта. Тот из Чемпионов, кто первым прикоснется к нему, получит высшую отметку.

— Мы просто должны пройти через лабиринт? — спросила Флёр.

— Здесь будут препятствия, — радостно поведал им Бэгмэн, словно радушный хозяин положения. — Хагрид предоставит парочку созданий… Потом будут ещё заклинания, которые нужно разрушить… ну и всё в этом роде, вы понимаете. И ещё, Чемпионы, имеющие наибольшее количество очков, первыми войдут в лабиринт, — Бэгмэн

усмехнулся Гарри и Седрику. — Потом пойдет мистер Крам, а последней мисс Делакур. Но вы все будете иметь одинаковые шансы на победу, всё зависит от того, как вы справитесь с препятствиями. Ух, веселья будет!

Гарри слишком хорошо знал, каких созданий может предоставить Хагрид по такому случаю, как этот, так что особо не радовался. Однако он вежливо кивнул, как и другие Чемпионы.

— Очень хорошо… если у вас больше нет вопросов, давайте вернёмся в замок, тут немного холодновато…

Бэгмэн двинулся вместе с Гарри, когда они стали пробираться обратно через растущий лабиринт. У Гарри было такое чувство, что Бэгмэн собрался снова предложить ему свою помощь, но в этот момент Крам тронул Гарри за плечо.

— Можем мы поговорить?

— Конечно, — согласился Гарри удивлённо.

— Пройдёмся?

— Ладно, — ответил Гарри с любопытством.

Бэгмэн слегка забеспокоился.

— Мне подождать тебя, Гарри?

— Нет, не стоит, мистер Бэгмэн, — сказал Гарри, пряча улыбку. — Думаю, я найду замок самостоятельно.

Гарри и Крам покинули стадион вместе, но Крам не направился в сторону Дурмштрангского корабля. Вместе этого он пошёл к лесу.

— Зачем мы туда идём? — спросил Гарри, когда они миновали хижину Хагрида и ярко освещённый Бобатонский экипаж.

— Чтоб не подслушали, — коротко ответил Крам.

Когда они наконец-то нашли укромный уголок недалеко от загона для Бобатонских лошадей, Крум остановился в тени деревьев и повернулся к Гарри.

— Я хочу знать, — угрюмо сказал он, — что есть между тобой и Эр-мио-ниной.

Гарри, который уже приготовился услышать что-нибудь посерьёзнее, чем это, изумлённо уставился на него.

— Ничего, — сказал он. Но Крам продолжал хмуриться, и Гарри, вдруг снова поразившись тому, какой Крам высокий, уточнил. — Мы друзья. Она мне не девушка и никогда ею не была. Это просто Скитер распустила сплетни.

— Эр-мио-нина говорит о тебе очень часто, — сказал Крам, с подозрением глядя на Гарри.

— Ну да, — ответил Гарри, — потому что мы друзья.

Он никак не мог поверить, что ведёт подобный разговор с Крамом, знаменитым игроком в Квиддитч. Можно подумать, восемнадцатилетний Крам считает Гарри равным себе… настоящим соперником.

— Вы никогда… вы не…

— Нет! — твёрдо сказал Гарри.

Крам слегка повеселел. Он смотрел на Гарри несколько секунд, а затем сказал: — Ты очень хорошо летаешь. Я видел на Первом задании.

— Спасибо, — улыбнулся Гарри и вдруг почувствовал себя капельку повыше. — А я видел тебя на Кубке мира по Квиддитчу. Финт Вронского, вот это было…

Что-то зашевелилось позади Крама в зарослях, и Гарри, который уже имел некоторый опыт общения с существами, таящимися в лесу, инстинктивно схватил Крама за руку и потащил прочь.

— Чего ты?

Гарри покачал головой, пристально всматриваясь туда, где он заметил движение. Он засунул руку в карман мантии в поисках волшебной палочки.

Неожиданно из-за высокого дуба, пошатываясь, вышел человек. Какой-то миг Гарри не мог

вспомнить, откуда он его знает… и вдруг понял — это мистер Крауч.

Он выглядел так, словно долго бродяжничал. Брюки были порваны на коленях и окровавлены, серое от изможденья лицо — исцарапано и небрито. Его обычно аккуратная прическа и усы были в беспорядке, давно не мыты и не стрижены. Но его странный внешний вид не шёл ни в какое сравнение с его поведением. Он бормотал и жестикулировал, словно разговаривал с невидимым собеседником. Он живо напомнил Гарри одного старого бродягу, которого он однажды видел, когда они с Дёрсли бродили по магазинам. Тот человек точно также беседовал с пустым местом. Тётя Петуния тогда схватила Дадли за руку и потянула его через улицу, чтобы не столкнуться с этим оборванцем. Дядя Вернон потом долго разглагольствовал о том, что бы он сделал с бродягами и попрошайками, будь на то его воля.

— Это случайно не судья? — спросил Крам, уставясь на Крауча. — Разве он не работает в вашем министерстве?

Гарри кивнул, не зная, что делать, но потом медленно подошёл к мистеру Краучу, который не обратил на него никакого внимания, оживлённо обращаясь к ближайшему дереву.

— …и когда ты это сделаешь, Уизерби, пошли сову Дамблдору с подтверждением числа Дурмштрангских студентов, которые будут участвовать в турнире, Каркаров только что сказал, что их будет двенадцать…

— Мистер Крауч? — окликнул его Гарри.

— …и потом отправь еще одну сову мадам Максим, потому что она, должно быть, захочет уравнять число студентов, которых она повезет, раз уж Каркаров набрал ровно дюжину… сделай это, Уизерби, хорошо? Сделаешь? Сде… — мистер Крауч выпучил глаза. Он стоял, уставившись на дерево, беззвучно бормоча. Потом он отшатнулся и упал на колени.

— Мистер, Крауч? — громко позвал Гарри. — Что с вами?

Крауч бешено вращал глазами. Гарри оглянулся на Крама, который подошел вслед за ним и встревоженно смотрел на Крауча.

— Что с ним такое?

— Понятия не имею, — прошептал Гарри. — Слушай, сходи-ка и позови кого-нибудь…

— Дамблдора! — произнес мистер Крауч задыхаясь. Он придвинулся к Гарри и схватил его за одежду, подтаскивая поближе, хотя его глаза смотрели поверх головы Гарри. — Мне… нужно…

увидеть… Дамблдора…

— Обязательно, — уверил его Гарри, — если вы поднимете, мистер Крауч, мы сможем пойти…

— Я совершил… непростительную глупость, — выдохнул мистер Крауч. Выглядел он абсолютно безумно. Его глаза вращались и вылезали из орбит, и струйка слюны стекала по подбородку. Каждое слово, которое он произносил, стоило ему колоссальных усилий. — Должен… сказать… Дамблдору…

— Поднимайтесь, мистер Крауч, — сказал Гарри громко и чётко. — Поднимайтесь, я отведу вас к Дамблдору!

Мистер Крауч обратил свой взгляд на Гарри.

— Кто… ты? — прошептал он.

— Я учусь здесь, в школе, — сказал Гарри, оглядываясь на Крама за помощью, но Крам хмурился и держался в стороне.

— Но… ведь ты не его? — прошептал Крауч, закусив губу.

— Нет, — ответил Гарри, не имея ни малейшего понятия, о чём толкует Крауч.

— Дамблдора?

— Верно, — ответил Гарри.

Крауч подтягивал его ближе, Гарри попытался освободиться от вцепившихся рук, но захват был

слишком силён.

— Предупреди… Дамблдора…

— Я приведу Дамблдора, если вы меня отпустите, — сказал Гарри. — Просто отпустите, и я приведу его…

— Спасибо тебе, Уизерби, и когда ты это сделаешь, я хотел бы выпить чашечку чая. Моя жена и сын скоро прибудут, мы идем сегодня на концерт с мистером и миссис Фадж.

Крауч снова разговаривал с деревом, и, казалось, совершенно не замечал Гарри. Гарри так удивился этой перемене, что не заметил, как Крауч отпустил его.

— Да, мой сын недавно получил двенадцать С.О.В., я очень рад. Спасибо, я действительно им горжусь. А теперь, если вы принесёте мне то письмо из Министерства Магии, я думаю, что найду время набросать ответ…

— Останься с ним! — крикнул Гарри Краму. — Я побегу за Дамблдором, я быстро. Я знаю, где его кабинет…

— Он сумасшедший, — промямлил Крам, неотрывно глядя на Крауча, который продолжал беседовать с деревом, убеждённый, что это Перси.

— Просто побудь с ним, — уже на бегу добавил

Гарри, но его движение, видимо, спровоцировало ещё одну перемену в мистере Крауче. Он кинулся Гарри наперерез, обхватил его за колени и повалил на землю.

— Не… оставляй… меня! — прошептал он, его глаза снова выпучились. — Я… сбежал… должен предупредить… должен сказать… увидеть Дамблдора… моя вина… моя вина… Берта… мертва… это всё моя вина… мой сын… моя вина… скажи Дамблдору… Гарри Поттер… Тёмный Лорд… становится сильнее… Гарри Поттер…

— Я приведу Дамблдора, если вы меня отпустите, мистер Крауч! — воскликнул Гарри. Он в бешенстве обернулся к Краму. — Помоги мне!

Крам неохотно подошёл и присел на корточки рядом с Краучем.

— Просто постереги его, — сказал Гарри, освобождаясь от захвата. — Я вернусь с Дамблдором.

— Только быстро! — крикнул Крам ему вслед, но Гарри уже выбежал из леса. Рядом никого не было: Бэгмэн, Седрик и Флёр ушли. Гарри взбежал по каменным ступеням, распахнул дубовую входную дверь, и помчался по мраморной лестнице на третий этаж.

Пятью минутами позже он врезался в каменную горгулью, одиноко стоящую в пустынном

коридоре.

— Ли… Лимонная долька! — выдохнул он.

Это был пароль, пропускавший на потайную лестницу, которая вела в кабинет Дамблдора, точнее, это был пароль двухгодичной давности. Видимо, пароль изменился, потому что каменная горгулья не ожила и не отодвинулась — она застыла неподвижно, злобно уставившись на Гарри.

— Открывайся! — крикнул Гарри. — Ну же!

Гарри знал, что это бесполезно: в Хогвартсе ничто никогда не шевелилось, когда на него просто прикрикнешь. Он осмотрелся. Может, Дамблдор в учительской? Гарри со всех ног бросился к лестнице…

— ПОТТЕР!

Гарри резко затормозил и обернулся. Из-за горгульи появился Снейп. Стена скользнула на своё место за его спиной, когда он окликнул Гарри.

— Что ты здесь делаешь, Поттер?

— Мне нужно увидеть профессора Дамблдора! — выпалил Гарри, возвращаясь в коридор и останавливаясь перед Снейпом. — Это из-за мистера Крауча… Он только что появился… в лесу… Он просит…

— Что за чушь? — сказал Снейп, его черные

глаза блеснули. — Что ты несёшь?

— Мистер Крауч! — повторил Гарри. — Из министерства! Он, похоже, болен. Он в лесу, он хочет видеть Дамблдора! Только скажите мне пароль и я…

— Директор занят, Поттер, — отрезал Снейп, и его губы скривились в усмешке.

— Но мне нужно поговорить с ним! — крикнул Гарри.

— Ты что, не слышал меня, Поттер?

Гарри видел, что Снейп просто наслаждается, не давая ему попасть к Дамблдору в тот самый момент, когда это было просто необходимо.

— Послушайте, — Гарри чувствовал, что обращается к каменной стене, — с Краучем не всё в порядке… он… он не в своём уме… Он сказал, что хочет предупредить…

Стена позади Снейпа скользнула в сторону. В проёме стоял Дамблдор в длинной зелёной мантии. Его лицо выражало лёгкое любопытство.

— В чём дело? — спросил он, оглядывая Гарри и Снейпа.

— Профессор! — воскликнул Гарри, не давая Снейпу рта раскрыть, — мистер Крауч здесь… он в лесу, он хочет поговорить с вами!

Гарри ожидал, что Дамблдор начнет задавать

вопросы, но он ошибся.

— Веди, — коротко бросил Дамблдор, и кинулся за Гарри по коридору, оставив Снейпа стоять возле горгульи, причём Снейп выглядел в два раза уродливее, чем она.

— Что сказал мистер Крауч, Гарри? — спросил Дамблдор, пока они стремительно спускались по мраморной лестнице.

— Сказал, что хочет предупредить вас… Что сделал что-то ужасное… он упоминал своего сына… и Берту Джоркинс… и Волдеморта… что-то о том, что Волдеморт становится сильнее…

— Вот как, — сказал Дамблдор, ускоряя шаг, когда они выбежали в кромешную темноту.

— Он вел себя не совсем нормально, — сказал Гарри, пытаясь не отстать от Дамблдора. — Я думаю, он не понимает, где находится. Он говорил как будто с Перси Уизли, а потом стал почти нормальным, сказал, что хочет видеть вас… Я оставил его с Виктором Крамом.

— Оставил? — коротко бросил Дамблдор и зашагал ещё быстрее, так что Гарри пришлось бежать, чтобы не отстать. — Ты не знаешь, кто-нибудь ещё видел мистера Крауча?

— Нет, — ответил Гарри. — Мы с Крамом разговаривали, мистер Бэгмэн только что рассказал

нам о Третьем задании, мы отстали, и потом мистер Крауч вышел из леса…

— Где же они? — спросил Дамблдор, когда из темноты появился Бобатонский экипаж.

— Здесь рядом, — сказал Гарри, опережая Дамблдора и показывая путь среди деревьев.

Он больше не слышал голоса Крауча, но знал куда идти, это было недалеко от Бобатонского экипажа… где-то неподалеку…

— Виктор! — закричал Гарри.

Никто не отозвался.

— Они здесь, — сказал Гарри. — Они точно где-то здесь…

— Люмос! — прошептал Дамблдор, освещая окрестности волшебной палочкой. Её слабый свет выхватывал из темноты один темный ствол за другим, освещая землю, и вдруг упал на чьи-то ноги.

Гарри и Дамблдор кинулись к ним и наткнулись на Крама. Тот раскинулся на земле, похоже, без сознания. Мистера Крауча нигде не было видно. Дамблдор склонился над Крамом и осторожно приподнял его веко.

— Его оглушили, — мягко произнес он. Очки полумесяцем, через которые он пристально вглядывался промеж близлежащих деревьев,

поблескивали в свете волшебной палочки.

— Пойти позвать кого-нибудь? — спросил Гарри. — Мадам Помфри?

— Нет, — отрезал Дамблдор. — Оставайся здесь.

Он поднял волшебную палочку и направил её на хижину Хагрида. Гарри увидел, как что-то серебряное сорвалось с её конца и понеслось сквозь лес, словно призрачная птица. А Дамблдор тем временем снова склонился над Крамом, направил на него волшебную палочку и пробормотал — Эннервате!

Крам открыл глаза. Увидев Дамблдора, он попытался сесть, но Дамблдор положил руку на его плечо и заставил снова лечь.

— Он напал на меня! — пробормотал Крам, прижимая руки к голове. — Этот старый сумасшедший напал на меня! Я оглядывался в поисках Поттера, и он напал на меня сзади!

— Полежи немного, — сказал Дамблдор.

Раздался громкий топот, и они увидели Хагрида с Клыком и арбалетом.

— Профессор Дамблдор! — воскликнул он. — Гарри… что тут…?

— Хагрид, сбегай за профессором Каркаровым, — перебил его Дамблдор, — его ученик подвергся нападению. А после, пожалуйста, пре-

дупреди профессора Хмури…

— Нет нужды, Дамблдор, — раздалось хриплое ворчанье. — Я уже здесь.

Хмури хромал к ним, опираясь на посох и освещая путь волшебной палочкой.

— Треклятая деревяшка, — яростно сказал он. — Я был бы здесь раньше… что случилось? Снейп говорил что-то про Крауча…

— Крауч? — переспросил Хагрид.

— Хагрид, пожалуйста, позови Каркарова! — отрезал Дамблдор.

— Ах, да… сейчас, профессор… — ответил Хагрид. Он повернулся и исчез в темноте вместе с Клыком.

— Я не знаю, где сейчас Барти Крауч, — сказал Дамблдор Хмури, — но необходимо разыскать его.

— Я займусь этим, — буркнул Хмури. Он поднял вверх свою волшебную палочку и заковылял в лес.

Ни Дамблдор, ни Гарри не произнесли больше ни слова, пока не услышали шаги Хагрида, которые ни с чем нельзя было спутать. За Хагридом спешил Каркаров. Он был одет в свои лоснящиеся серебряные меха, бледен и взволнован.

— Что это такое? — воскликнул он, завидев

Крама на земле и Дамблдора с Гарри рядом. — Что происходит?!

— На меня напали! — отозвался Крам, садясь и растирая голову. — Мистер Крауч или как там его зовут…

— Крауч напал на тебя? Крауч напал на тебя?! Судья Турнира?!

— Игорь… — начал было Дамблдор, но Каркаров с разъярённым лицом выпрямился во весь рост, кутаясь в меха.

— Какое вероломство! — проревел он, указывая на Дамблдора. — Это заговор! Вы и ваш Министр Магии заманили меня сюда под ложным предлогом, Дамблдор! Это вовсе не честное соревнование! Сначала вы выставили Поттера на турнир, хотя он не подходит по возрасту! Теперь один из ваших дружков из министерства попытался вывести моего Чемпиона из игры! Всё это попахивает тёмными делишками и взяточничеством, и вы, Дамблдор, вы, с вашими разговорами об установлении более близких международных связей между магами, о восстановлении былых отношений, о том, что нужно забыть старые разногласия — вот что теперь я думаю о ВАС! — И Каркаров плюнул на землю рядом с ногой Дамблдора.

Одним неуловимым движением Хагрид сгреб Каркарова за меха, поднял в воздух и прижал к ближайшему дереву.

— А ну извинись! — прорычал Хагрид, так сильно стискивая Каркарова, что тот стал задыхаться, суча ногами в воздухе.

— Хагрид, НЕ СМЕЙ! — крикнул Дамблдор, его глаза метали молнии.

Хагрид разжал руки. Каркаров сполз по стволу и затих в переплетении корней, несколько веточек и листьев спланировали ему на голову.

— Будь так добр, проводи Гарри в замок, Хагрид, — сказал Дамблдор коротко.

Тяжело дыша, Хагрид бросил на Каркарова сердитый взгляд.

— Может быть, мне лучше остаться здесь, директор…

— Отведи Гарри в школу, Хагрид, — твердо повторил Дамблдор. — Отведи его прямо в Гриффиндорскую башню. И, Гарри — я хочу, чтобы ты оставался там. Что бы ты ни захотел сделать, даже послать сову — все подождёт до завтра, ты меня понял?

— По-понял, — ответил Гарри, уставившись на Дамблдора. Как тот мог узнать, что в этот самый момент, он как раз думал о том, чтобы послать

Сириусу Пигвиджена и рассказать ему, что произошло?

— Я оставлю здесь Клыка, директор, — сказал Хагрид и угрожающе глянул на Каркарова, который все ещё лежал у подножия дерева, запутавшись в мехах и корнях. — Клык, оставайся. Гарри, пошли.

Они в молчании прошли мимо Бобатонского экипажа и направились к замку.

— Как он осмелился, — проворчал Хагрид, когда они проходили мимо озера. — Как осмелился он обвинить Дамблдора! Как он подумал, что Дамблдор сделал что-то в этом роде! Во-первых, Дамблдор вообще не хотел, чтобы ты участвовал в этом турнире. С ума сойти! Я никогда не видел, чтоб Дамблдор был сильней встревожен. А ты?! — накинулся Хагрид на Гарри, которому даже пришлось отступить на шаг. — Что ты там делал, с этим Крамом? Он из Дурмштранга, Гарри! Он же мог тебя околдовать! Неужто Хмури ничему тебя не научил? Подумать только, ты позволил ему обвести себя…

— Крам — нормальный парень! — воскликнул Гарри, когда они поднимались по ступенькам в вестибюль. — Он вовсе не пытался заколдовать меня, он только хотел поговорить о Гермионе…

— А с ней я ещё потолкую... — угрюмо сказал Хагрид, взбираясь по ступеням. — Чем меньше вы будете общаться с этими иностранцами, тем лучше для вас. Никому из них нельзя доверять.

— Но ведь ты ладил с мадам Максим! — огрызнулся Гарри.

— Даже не упоминай её! — буркнул Хагрид. На какое-то мгновение у него действительно был устрашающий вид. — Я её раскусил! Пытается снова втереться ко мне в доверие! Старается выудить из меня чего ожидать на Третьем задании!

Хагрид был в ужасном настроении, и поэтому Гарри был почти рад распрощаться с ним перед портретом Толстой Дамы. Он пробрался в гостиную портретным ходом и поспешил к углу, где сидели Рон и Гермиона, чтобы рассказать им о том, что произошло.

29. Сон

— Получается так, — сказала Гермиона, потирая лоб. — Либо мистер Крауч напал на Виктора, либо кто-то ещё напал на обоих, когда Виктор отвернулся.

— Это Крауч, — убеждённо заявил Рон. — Потому-то он и удрал, когда пришли Гарри с Дамблдором.

— Вряд ли, — возразил Гарри, качая головой. — Он мне показался очень слабым — не представляю, чтоб у него хватило сил дизаппарировать или сделать что-нибудь в этом духе.

— На территории Хогвартса невозможно Аппарировать, сколько раз я тебе говорила? — перебила его Гермиона.

— Ладно… А как вам такая теория, — сказал Рон возбуждённо, — Крам напал на Крауча — вы только представьте! — а потом сам себя оглушил!

— А мистер Крауч испарился, так что ли? — едко поинтересовалась Гермиона.

— Да уж…

Приближался рассвет. Гарри, Рон и Гермиона выбрались из своих спален очень рано и вместе

поспешили наверх, в Совятню, чтобы послать записку Сириусу. Теперь они смотрели в окно на туманные окрестности. Все трое были бледны, глаза у них опухли от недосыпания и долгих разговоров о Крауче этой ночью.

— Гарри, давай ещё раз повторим, — сказала Гермиона. — Что конкретно сказал мистер Крауч?

— Я уже говорил, он лопотал что-то бессмысленное, — ответил Гарри. — Он сказал, что хочет предостеречь Дамблдора. Он точно упомянул Берту Джоркинс, и, кажется, думал, что её нет в живых. Он всё повторял, что виноват… говорил о своём сыне…

— Да уж, это действительно на его совести, — резко сказала Гермиона.

— Он был не в себе, — продолжал Гарри. — Половину времени ему казалось, что его жена и сын живы, и он все говорил с воображаемым Перси о работе и давал ему указания.

— Так… Гарри, вспомни-ка, что он говорил о Сам-Знаешь-Ком? — негромко сказал Рон.

— Я уже сказал, — ответил Гарри без выражения. — Он говорил, что тот набирает силу.

Все замолчали. Затем Рон постарался сказать как можно увереннее: — Но, по твоим словам,

он был не в себе, так что половина его слов была бредом…

— Когда он пытался говорить о Волдеморте, — ответил Гарри, и Рон поморщился, услышав это имя, — он был в своём уме. Ему было трудно говорить связно, но казалось, что он понимал, где находится, и чего хочет. Он всё время повторял, что должен увидеть Дамблдора.

Гарри отвернулся от окна и взглянул на насесты, которые были наполовину пусты. Время от времени после ночной охоты в окно влетала очередная сова с мышью в клюве.

— Если бы Снейп меня не задержал, — с горечью сказал Гарри, — мы бы оказались там вовремя. — Директор занят, Поттер… что за чушь, Поттер? — Ну почему он путался под ногами?

— Может, он не хотел, чтобы ты туда попал! — быстро сказал Рон. — Может быть… подожди-ка… как ты думаешь, он мог быстро добраться до леса? Не мог он обогнать вас с Дамблдором?

— Нет, разве что если бы превратился в летучую мышь или что-нибудь подобное… — сказал Гарри.

— С него станется… — пробормотал Рон.

— Мы должны поговорить с профессором Хмури, — сказала Гермиона. — Нужно узнать,

отыскал ли он мистера Крауча.

— Если он захватил Карту Мародёров, это было легко, — сказал Гарри.

— Только в случае, если Крауч не покинул территорию Хогвартса, — добавил Рон, — потому что карта показывает всех только в его пределах, ведь так?

— Ш-ш-ш! — вдруг шикнула на них Гермиона.

Кто-то поднимался в Совятню. Гарри услышал два приближавшихся голоса. Они спорили.

— …но это ведь просто шантаж, мы можем из-за этого здорово влипнуть…

— …мы старались быть вежливыми; теперь будем играть так же грязно, как он. Ему не понравится, если в Министерстве Магии узнают, что он проделывал…

— А я тебе говорю, если так написать, получится шантаж!

— Да, но ты ведь не будешь возражать, если нам хорошо заплатят, сам подумай!

Дверь в Совятню с грохотом распахнулась. Фред и Джордж переступили порог и замерли при виде Гарри, Рона и Гермионы.

— Что вы здесь делаете? — одновременно спросили Рон и Фред.

— Посылаем письмо, — в один голос ответили

Гарри и Джордж.

— Так рано? — хором спросили Гермиона и Фред.

Фред ухмыльнулся: — Ладно. Мы не будем спрашивать вас, что вы делаете, если вы не будете спрашивать нас.

Он держал запечатанное письмо. Гарри попытался разглядеть конверт, но Фред то ли случайно, то ли нарочно подвинул ладонь так, что имя на конверте оказалось закрытым.

— Что ж, не будем вас задерживать, — сказал Фред, отвешивая шутовской поклон и указывая на дверь.

Рон не двинулся с места. — Кому это вы угрожаете? — спросил он.

Улыбка исчезла с лица Фреда. Гарри видел, как Джордж покосился на Фреда, прежде чем улыбнуться Рону.

— Не глупи, я просто пошутил, — легко сказал он.

— Это не было похоже на шутку, — ответил Рон.

Фред и Джордж переглянулись. Затем Фред сказал с вызовом: — Я уже говорил тебе, Рон, если тебе нравится твой нос, не суй его в это дело. Не знаю, зачем это тебе, но…

— Это уже и мое дело, если ты кого-то шантажируешь, — ответил Рон. — Джордж прав, вы можете серьезно влипнуть.

— Я же сказал, что это была шутка, — ответил Джордж. Он подошёл к Фреду, взял письмо из его рук и стал привязывать его к ноге ближайшей сипухи. — Ты начинаешь говорить как наш дорогой старший братец, Рон. Продолжай в том же духе, и тебя назначат префектом.

— Да ни за что! — разъярённо ответил Рон.

Джордж поднес сипуху к окну, и она улетела. Джордж обернулся и с улыбкой посмотрел на Рона.

— Что ж, тогда перестань поучать других. До скорой встречи.

И они с Фредом вышли из Совятни. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

— Вам не кажется, что им что-то известно об этом деле? — прошептала Гермиона. — О Крауче и обо всём остальном?

— Нет, — сказал Гарри. — Если бы это было настолько серьёзно, они бы с кем-нибудь поговорили. С Дамблдором, например.

Рону, казалось, было неловко.

— Что с тобой? — спросила его Гермиона.

— Да так… — протянул Рон. — Я не уверен, что

они сказали бы кому-нибудь. Они… они в последнее время помешались на деньгах. Я это заметил, когда был с ними … когда … ну, вы помните…

— Когда мы не разговаривали друг с другом, — закончил за него Гарри. — Да, но шантаж…

— Эта их идея о магазине розыгрышей, — сказал Рон. — Я думал, они говорили об этом только чтобы позлить маму. Но оказалось, что это серьёзно, они действительно хотят открыть лавку розыгрышей. Им остался только один год в Хогвартсе, они постоянно повторяют, что пора задуматься о будущем, а папа не может им помочь, и им нужны деньги для старта.

Теперь и Гермионе стало неловко.

— Да, но… они бы не стали делать что-то противозаконное ради денег.

— Ты уверена? — с сомнением спросил Рон. — Не знаю… ведь обычно они не прочь нарушить правило-другое…

— Да, но это же закон, — испуганно сказала Гермиона. — Это ведь не какое-то дурацкое школьное правило… За шантаж не оставляют после уроков, им придётся гораздо хуже! Рон… может, стоит рассказать Перси?

— Ты что, рехнулась? Он же немедленно настучит на них Краучу! — Рон посмотрел в окно,

куда улетела сипуха Фреда и Джорджа, потом сказал. — Ладно, пойдёмте завтракать.

— Как ты думаешь, сейчас не слишком рано, чтобы поговорить с профессором Хмури? — сказала Гермиона, когда они спускались по винтовой лестнице.

— Рановато, — ответил Гарри. — Если мы явимся перед рассветом, он, скорее всего, взорвёт нас сквозь дверь. Решит, что мы пытаемся напасть на него во сне. Давайте подождём до перемены.

История Магии тянулась на редкость медленно. Гарри всё время смотрел на часы Рона (свои он наконец-то выбросил), но стрелки двигались так медленно, что Гарри мог поклясться, что и эти часы сломались. Все трое так устали, что с удовольствием вздремнули бы за партами; даже Гермиона не записывала лекцию как обычно, а сидела, подперев голову рукой, и смотрела сквозь профессора Биннса.

Наконец раздался звонок, они выскочили в коридор и кинулись к кабинету Защиты от Тёмных Искусств. Профессор Хмури как раз выходил оттуда. Он тоже выглядел уставшим. Веко нормального глаза обвисло, что придавало его лицу ещё более перекошенный вид, чем обычно.

— Профессор Хмури! — крикнул Гарри, проби-

раясь к нему сквозь толпу.

— Привет, Поттер, — прорычал Хмури (его волшебный глаз последовал за двумя проходившими мимо первогодками, те занервничали и ускорили шаг; глаз закатился и продолжал следить за ними уже за углом) и добавил, — заходите.

Он посторонился и впустил их в класс, затем проковылял за ними и закрыл дверь.

— Вы нашли его? — сразу же спросил Гарри. — Мистера Крауча?

— Нет, — ответил Хмури. Он подошёл к столу, сел, с легким стоном вытянул свою деревянную ногу и вытащил флягу.

— Вы воспользовались картой? — спросил Гарри.

— Конечно, — ответил Хмури, отхлёбывая из фляги. — Я последовал твоему примеру, Поттер — Призвал её из кабинета в лес. Крауча на ней не было.

— Так значит он Аппарировал? — сказал Рон.

— Рон, на территории Хогвартса невозможно Аппарировать! — сказала Гермиона. — Профессор Хмури, нет ли других способов, с помощью которых он мог исчезнуть?

Волшебный глаз Хмури остановился на Гермионе и задергался: — Тебе тоже следует подумать о

карьере Аврора, — сказал он ей. — Хорошо котелок варит, Грэйнджер.

От этих слов Гермиона зарделась.

— Он не был невидим, — сказал Гарри. — Карта показывает невидимых людей. Это означает, что он покинул территорию.

— Но сам, — нетерпеливо спросила Гермиона, — или кто-то его заставил?

— Вот именно! Ведь кто-то мог насильно посадить его на метлу и улететь с ним? — торопливо сказал Рон, с надеждой глядя на Хмури; ему тоже хотелось услышать, что у него есть качества Аврора.

— Мы не можем исключить возможности похищения, — рыкнул Хмури.

— Не кажется ли вам, — спросил Рон, — что он может быть где-нибудь в Хогсмиде?

— Он может быть где угодно, — сказал Хмури, качая головой. — Одно мы знаем точно: здесь его нет.

Он зевнул так широко, что все шрамы растянулись, а в перекошенном рту можно было пересчитать отсутствующие зубы. Затем он сказал: — Значит, так. Дамблдор сказал мне, что вы трое воображаете себя сыщиками. Но вы ничего не можете сделать для Крауча. Теперь само ми-

нистерство займется его розыском. А ты, Поттер, должен сосредоточиться на Третьем задании.

— На чём? — спросил Гарри. — Ах, да…

Он совсем не думал о лабиринте с тех пор как прошлой ночью ушел оттуда с Крамом. — С этим-то ты должен легко справиться, — продолжал Хмури, глядя на Гарри и почесывая свой покрытый шрамами подбородок, заросший щетиной. — Как сказал Дамблдор, ты неоднократно справлялся с похожими вещами. Преодолел все препятствия на пути к Философскому камню ещё на первом году обучения, а?

— С нашей помощью, — поспешно добавил Рон. — Мы с Гермионой помогали.

— Ну что ж, помогите ему подготовиться к нынешнему заданию, и я очень удивлюсь, если он не победит, — улыбнулся Хмури. — А пока… ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ, Поттер. ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ. — Он ещё раз отхлебнул из фляги, и его волшебный глаз повернулся к окну, где виднелся верхний парус Дурмштрангского корабля.

— Вы двое, — наказал Хмури, устремив свой обычный глаз на Рона и Гермиону, — вы держитесь ближе к Поттеру, хорошо? Я наблюдаю за всем, но, тем не менее… лишние глаза не по-

мешают.

Сова, посланная Сириусу, вернулась на следующее утро. Она спикировала вниз к Гарри одновременно с неясытью, которая уселась перед Гермионой, сжимая в клюве номер «Ежедневного Пророка». Гермиона взяла газету, просмотрела первые страницы, сказала: — Ха! Эта Скитер ничего не узнала о Крауче! — и затем присоединилась к Рону и Гарри, которые читали мнение Сириуса о таинственных событиях позапрошлой ночи.

«Гарри,

Что это за забавы — прогулки по лесу с Виктором Крамом? Я требую, чтобы ты поклялся с обратной совой, что ты не будешь ни с кем выходить по ночам. В Хогвартсе есть кто-то крайне опасный. Для меня совершенно очевидно, что кто-то пытался удержать Крауча от встречи с Дамблдором и ты, по всей видимости, был всего в нескольких шагах от него, в темноте! Тебя могли убить!

Твоё имя неслучайно попало в Кубок огня. Если кто-то пытается напасть на тебя, это их последняя возможность. Держись вместе с Роном и Гермионой, не покидай Гриффиндорскую башню в позднее время и будь во всеоружии перед Третьим заданием. Упражняйся в Оглушении и

Разоружении, хотя знание ещё несколько проклятий тоже не помешает. Что касается Крауча, здесь ты ничего не можешь сделать. Не высовывайся и думай о себе. Я жду твоего письма с обещанием, что ты не будешь удирать, куда не положено.

Сириус»

— Кто он такой, чтобы поучать меня, что можно и что — нельзя? — оскорблённо сказал Гарри, складывая письмо Сириуса и пряча его в мантию. — Это после того, что он сам вытворял, когда был школьником!

— Он беспокоится о тебе! — резко ответила Гермиона. — И Хмури, и Хагрид тоже! Так что слушай, что тебе говорят!

— Весь год никто не пытался на меня напасть, — сказал Гарри. — Никто вообще ничего мне не сделал…

— Кроме, разве что, того, что твое имя подсунули в Кубок, — сказала Гермиона. — И это явно имело какую-то цель, Гарри. Нюхач прав. Может быть, они выжидали всё это время. Может быть, именно во время этого задания они и нападут.

— Послушай, — сказал Гарри с раздражением, — предположим, Нюхач прав и кто-то оглушил Крама, чтобы похитить Крауча. Хорошо, тогда этот кто-то должен был находиться вблизи

от нас, за деревьями. Но он дождался моего ухода прежде чем приступил к делу, правда? Так что не очень похоже, чтобы его целью был я.

— Если бы тебя убили в лесу, это не было бы похоже на несчастный случай! — ответила Гермиона. — А вот если бы ты погиб во время задания…

— Но ведь они не воспользовались присутствием там Крама, правда? Они могли бы изобразить, будто у нас с ним был поединок или что-то в этом духе.

— Гарри, я не знаю, — сказала Гермиона с отчаянием в голосе. — Но я вижу, что творится что-то странное, и мне это не нравится… Хмури прав, и Нюхач прав, ты должен серьёзно заняться подготовкой к Третьему заданию, прямо сейчас. И обязательно напиши Нюхачу и пообещай, что не будешь больше убегать в одиночку.

Территория Хогвартса никогда не выглядела так заманчиво, как теперь, когда Гарри был вынужден сидеть взаперти. Следующие несколько дней он провёл с Гермионой и Роном либо в библиотеке, просматривая заклинания, либо в пустых классах, куда они пробирались, чтобы попрактиковаться. Гарри сосредоточился на Оглушающем заклинании, которого он никогда

до этого не пробовал. Проблема была в том, что для тренировок Рону и Гермионе пришлось пожертвовать собой.

— Неужели нельзя утащить миссис Норрис? — предложил Рон во время обеда в понедельник. Он лежал на спине посреди кабинета Чар, в пятый раз подряд приходя в себя после Оглушения, наложенного Гарри. — Почему бы тебе не поупражняться на ней? А еще можно использовать Добби… Гарри, спорим, что он сделает всё что угодно, чтобы тебе помочь! Не то чтобы я возражал, — он осторожно встал, потирая себя пониже спины, — но у меня ВСЁ болит…

— Ты падаешь мимо подушек, вот в чём дело! — раздражённо сказала Гермиона, собирая подушки, оставленные Флитвиком после урока по Отгоняющему Заклинанию, в кучу. — Попробуй падать назад!

— Гермиона, когда тебя оглушают, очень трудно хорошо целиться! — огрызнулся Рон. — Почему бы теперь тебе не попробовать?

— Мне кажется, Гарри уже научился, — поспешно сказала Гермиона. — И нам не надо беспокоиться о Разоружении, это он умеет уже давно… Я думаю, нам следует начать учить некоторые из этих заклинаний сегодня вече-

ром. — Она взглянула на список, который они составили в библиотеке.

— Мне нравится вот это, — сказала она, — Барьерное Проклятье. Должно замедлить всё, что на тебя нападает, Гарри. С него мы и начнем.

Прозвенел звонок. Они торопливо засунули подушки обратно в кладовую Флитвика и выскользнули из класса.

— Увидимся за ужином! — сказала Гермиона и пошла на Арифмантику, а Гарри и Рон отправились в Северную Башню, на Прорицание. Широкие полосы сияющего солнечного света падали в коридор через высокие окна. Небо за окном было таким ярким, что казалось расписанным голубой эмалью.

Когда они приблизились к серебряной приставной лестнице с люком, Рон сказал: — В классе Трелони будет жара, она никогда не гасит свой камин.

Он оказался прав. В полутёмном классе от жары пробивал пот. Испарения от ароматического огня застоялись в воздухе. Когда Гарри пробирался к одному из занавешенных окон, голова его начала кружиться. Профессор Трелони отвернулась, чтобы отцепить свою шаль от лампы, и Гарри приоткрыл окно на несколько сантиметров

— нежный ветерок тотчас приятно подул ему в лицо.

— Дорогие мои, — сказала профессор Трелони, усаживаясь перед классом в свое крылатое кресло и оглядывая всех огромными очкастыми глазами, — мы почти закончили нашу работу по планетарному прорицанию. Сегодня, однако, будет прекрасная возможность проверить влияние Марса, поскольку он сейчас очень интересно расположен. Будьте добры, посмотрите сюда, я погашу свет…

Она взмахнула своей волшебной палочкой, и лампы погасли. Теперь единственным источником света был камин.

Профессор Трелони нагнулась и достала из-под своего кресла миниатюрную модель солнечной системы, накрытую стеклянным куполом. Это была очень красивая вещь; луны мерцали каждая на своём месте вокруг девяти планет; солнце пламенело; и всё это висело в воздухе за стеклом. Гарри лениво смотрел, как профессор Трелони начала объяснять удивительный угол, под которым Марс находится к Нептуну. Тяжелые пары благовоний плавали вокруг него, и ветерок из окна овевал его лицо. На улице еле слышно жужжало какое-то насекомое. Веки Гарри начали

тяжелеть…

Он летел на спине филина, пересекая ясное синее небо по направлению к холму, на котором стоял старый дом, увитый плющом. Ветер приятно дул Гарри в лицо, они спускались всё ниже и ниже, пока не достигли тёмного разбитого окна на верхнем этаже дома, куда и влетел филин. Теперь они летели вдоль мрачного коридора, в комнату в самом конце… в тёмную комнату с заколоченными окнами… Гарри сошёл со спины филина… теперь он смотрел, как филин пролетел через комнату к креслу, стоявшему спиной к нему… Кроме кресла на полу маячили два тёмных силуэта… Они двигались… один был огромной змеёй… другой — человеком, низкорослым лысеющим человеком, со слезящимися глазами и острым носом… Человек задыхался от рыданий на ковре у камина…

— Тебе повезло, Червехвост, — произнес холодный, высокий голос из глубины кресла, на которое сел филин, — ты крайне удачлив. Твоя ошибка нам не повредила… Он мёртв.

— Повелитель! — воскликнул человек на полу. — Повелитель, я… я так рад… и… и так сожалею…

— Нагини, — сказал холодный голос, — тебе не

повезло. Похоже, я не скормлю тебе Червехвоста… но не огорчайся… есть ещё Гарри Поттер…

Змея зашипела. Гарри видел её трепещущее жало.

— Теперь, Червехвост, — сказал холодный голос, — пожалуй, одно небольшое напоминание о том, что я не потерплю ещё одного неверного шага…

— Повелитель… нет… я умоляю вас…

Из-за спинки кресла показалась волшебная палочка, которая указывала на Червехвоста.

— Круцио! — произнёс холодный голос.

Червехвост кричал и кричал, будто бы каждый нерв в его теле горел; крик заполнил уши Гарри, а шрам на его лбу взорвался болью; он тоже кричал… Волдеморт услышит его, узнает, что он здесь…

— Гарри! Гарри!

Гарри открыл глаза. Он лежал на полу в классе профессора Трелони, закрывая лицо руками. Его шрам всё ещё горел так сильно, что глаза слезились. Боль была настоящей. Ученики окружили его, а перепуганный Рон стоял рядом с ним на коленях.

— Тебе плохо?

— Конечно, ему плохо! — сказала профессор

Трелони, которая выглядела крайне возбуждённой. Её огромные глаза выкатились, остановившись на Гарри. — Что это было, Поттер? Видение? Что ты видел?

— Ничего, — соврал Гарри. Он сел. Он чувствовал, как его трясет. Он не переставая глядел по сторонам, всматриваясь в тени вокруг; голос Волдеморта звучал так близко…

— Ты держался за свой шрам! — сказала профессор Трелони. — Ты катался по полу, держась за шрам! Ну же, Поттер. У меня большой опыт в подобных вопросах!

Гарри поднял на неё глаза.

— Я думаю, мне нужно в больничное крыло, — сказал он. — Ужасная головная боль.

— Дорогой мой, ты, несомненно, перевозбудился из-за необыкновенных мистических вибраций в моём классе! — сказала профессор Трелони. — Если ты сейчас уйдешь, то можешь потерять шанс увидеть дальше, чем ты когда-либо…

— Я не хочу видеть ничего, кроме средства от головной боли, — отрезал Гарри.

Он встал. Ученики, которых, казалось, покинула решительность, расступились.

— Пока, — прошептал Гарри Рону и, взяв свою сумку, направился к люку, не обращая внима-

ния на профессора Трелони. На её лице было написано разочарование, будто бы у неё отняли любимую игрушку.

Гарри спустился по приставной лестнице, но не пошел в больничное крыло. Он и не собирался туда идти. Сириус сказал ему, что делать, если шрам будет болеть, и Гарри последовал его совету. Он отправился прямо к кабинету Дамблдора. Проходя по коридорам, он размышлял о своём сне… Сон был таким же ярким, как и тот, что разбудил его Привит Драйв… Он мысленно повторял подробности, стараясь убедиться, что всё запомнил… Он слышал, как Волдеморт обвинял Червехвоста за ошибку… но филин принёс хорошие новости, ошибка была исправлена, кто-то был мёртв… и Червехвоста не скормили змее… он, Гарри, будет скормлен вместо него…

Гарри не заметил, как прошел мимо каменной горгульи, охраняющей вход в кабинет Дамблдора. Он удивлённо огляделся, сообразил, что произошло, и вернулся, встав напротив её. Потом он вспомнил, что не знает пароля.

— Лимонная долька? — нерешительно произнёс он. Горгулья не двинулась с места.

— Ладно, — сказал Гарри, глядя на неё, — грушевый леденец, гм… Лакричная палочка… Шипучая

Летучка… Лучшая взрывающаяся жвачка Друбла… Бобы Берти Ботт всех вкусов… ах, нет, он ведь их не любит… ну, просто откройся, что тебе стоит? — крикнул он со злостью. — Мне очень нужно его видеть, СРОЧНО!

Горгулья оставалась неподвижной.

Гарри пнул её и больно ушиб пальцы.

— Шоколадная лягушка! — гневно кричал он, стоя на одной ноге. — Сахарное перо!.. Тараканий козинак!

Горгулья спружинила и отодвинулась в сторону. Гарри захлопал глазами от удивления.

— Тараканий козинак? — сказал он потрясённо. — Я же просто пошутил…

Он быстро прошёл через отверстие в стене и встал на нижнюю ступень каменной винтовой лестницы. Двери за ним закрылись. Лестница медленно двинулась вверх и доставила его к полированной дубовой двери с бронзовым дверным молотком. Из кабинета доносились голоса. Он сошёл с движущейся лестницы и остановился, прислушиваясь.

— Дамблдор, боюсь, что я не вижу связи, совсем не вижу! — это был голос Министра Магии, Корнелиуса Фаджа. — Людо говорит, что Берта способна потеряться где угодно. Я согласен, мы

ожидали, что найдем её к этому времени, но, тем не менее, у нас нет доказательств криминальной подоплёки, Дамблдор, никаких доказательств. Что же до связи между её исчезновением и исчезновением Крауча…

— И что же по вашему мнению случилось с Барти Краучем, министр? — послышался рычащий голос Хмури.

— Я вижу две возможности, Аластор, — сказал Фадж. — Либо Крауч в конце концов рехнулся — очень вероятно, учитывая историю его жизни — сошёл с ума, и теперь где-то блуждает…

— В таком случае, он слишком быстро заблудился, Корнелиус, — спокойно сказал Дамблдор.

— Или же… — Фадж запнулся. — Ладно, я оставлю своё предположение до того, как мы осмотрим место, где его нашли… Но вы ведь говорите, это было недалеко от кареты Бобатона? Дамблдор, вы знаете, кто эта женщина?

— Я считаю её очень талантливым директором, и она превосходно танцует, — миролюбиво ответил Дамблдор.

— Дамблдор, очнитесь! — рассерженно сказал Фадж. — Вам не кажется, что у вас к ней необъективное отношение из-за Хагрида? Они не все такие уж безобидные, конечно, если вы называете

Хагрида безобидным, с его-то помешательством на чудовищах…

— Я подозреваю мадам Максим не больше, чем Хагрида, — сказал Дамблдор так же миролюбиво. — Я думаю, что, возможно, это у вас предубеждение, Корнелиус.

— Может быть, закончим дискуссию? — прорычал Хмури.

— Да, да, пойдемте туда, пора, — нетерпеливо сказал Фадж.

— Нет, я не об этом, — сказал Хмури, — я о том, что Поттер хочет с вами поговорить, Дамблдор. Он стоит за дверью.

30. Думоотвод

Дверь в кабинет распахнулась.

— Здравствуй, Поттер, — сказал Хмури, — ну что ж, заходи, раз пришёл.

Гарри вошёл внутрь. Ему уже доводилось бывать в кабинете Дамблдора. Это была большая круглая комната, на стенах которой висели портреты бывших директоров и директрис Хогвартса, находившихся в глубокой дрёме. Их грудь мерно вздымалась в такт дыханию. У стола Дамблдора стоял Корнелиус Фадж, одетый, как обычно, в деловую мантию в тонкую полоску. В руках он держал светло-зелёный котелок.

— Гарри, — сердечно сказал он, — как поживаешь?

— Прекрасно, — соврал Гарри.

— А мы как раз только что обсуждали тот вечер, когда мистер Крауч появился на территории Хогвартса, — сказал Фадж, — ведь это ты наткнулся на него?

— Да, — ответил Гарри и, внезапно решив, что скрывать то, что он нечаянно подслушал их разговор, было бессмысленно, добавил, — но я нигде

не видел мадам Максим. А ведь ей достаточно трудно спрятаться!

Из-за спины Фаджа Дамблдор, с озорным огоньком в глазах, улыбнулся Гарри.

— Н-да… — смущённо произнес Фадж, — а мы как раз собирались пройтись вокруг замка. Гарри, прошу прощения… не пора ли тебе вернуться к занятиям?

— Я бы хотел поговорить с вами, профессор, — поспешно сказал Гарри Дамблдору, который кинул на него быстрый вопросительный взгляд.

— Подожди меня здесь, Гарри — сказал Дамблдор, — наше обследование местности не займёт много времени.

Они молча прошествовали мимо и закрыли за собой дверь. Спустя минуту Гарри услышал клацанье деревянной ноги Хмури, удаляющегося по коридору. Гарри огляделся.

— Здравствуй, Фокс, — сказал он.

Феникс профессора Дамблдора Фокс примостился на золотом насесте у двери. Размером с лебедя, со сверкающим ало-золотым оперением, красавец Фокс взмахнул длинным хвостом и дружелюбно подмигнул Гарри.

Гарри уселся на стул перед письменным столом Дамблдора. Несколько минут он разглядывал

бывших директоров и директрис, посапывающих в своих рамах, размышляя о только что подслушанном разговоре и поглаживая рукой свой шрам, который уже больше не болел.

В этом кабинете Гарри почему-то чувствовал себя намного спокойнее. Ему не терпелось рассказать Дамблдору о приснившемся ему сне. Гарри провёл глазами по стене позади стола. Там на полке стояла потрёпанная и залатанная Распределяющая Шляпа. Рядом с ней под стеклянным колпаком лежал изысканной работы серебряный меч, в рукоятку которого были вставлены огромные рубины. Гарри тут же узнал его. Этот самый меч, который он, Гарри, вытащил из Распределяющей Шляпы на втором году своего пребывания в Хогвартсе. Этот меч когда-то принадлежал самому сэру Годрику Гриффиндору, основателю Дома Гриффиндор. Гарри глядел на него, вспоминая, как этот меч пришёл к нему на помощь, когда он уже потерял всякую надежду на спасение, как вдруг его внимание привлёк серебристый луч, пляшущий и поблёскивающий на поверхности стекла. Гарри огляделся в поисках источника света и увидел, что из щёлки неплотно захлопнутой дверцы чёрного секретера, стоящего за его спиной, исходит серебристо-белое сияние. Гарри на

секунду замешкался, посмотрел на Фокса, затем встал, направился к секретеру и открыл дверцу.

Там стояла неглубокая каменная чаша, на ободке которой были вырезаны незнакомые Гарри символы и руны. Серебристый свет, подобного которому Гарри никогда не видел, исходил от содержимого чаши. Он даже не мог определить, было ли вещество жидкостью или газом. Оно было похоже на яркое белое серебро и непрерывно двигалось. По его поверхности пошла рябь, как от порыва ветра, а затем оно разделилось и стало клубиться, подобно облакам. — Похоже на жидкий свет или на затвердевший ветер, — решил Гарри.

Ему захотелось потрогать это вещество, чтобы узнать, на что оно похоже, но опыт почти четырёхлетнего пребывания в волшебном мире подсказывал ему, что засунуть руку в емкость с незнакомым содержимым было глупейшей идеей. Поэтому он вытащил из складок своей мантии волшебную палочку, воровато огляделся вокруг, вновь обратил взгляд к чаше и дотронулся до её содержимого палочкой.

Поверхность серебристого вещества тут же закрутилась в водовороте.

Гарри наклонился ниже, засунув голову в

секретер. Серебристое вещество прояснилось и стало прозрачным, как стекло. Он глядел в него, ожидая увидеть каменное дно чаши, но вместо этого сквозь таинственное вещество проступили очертания огромной комнаты, на которую он смотрел, казалось, через круглое окно в потолке.

Комната была залита тусклым светом; судя по тому, что в ней не было окон, а освещалась она закреплёнными на стенах, как в Хогвартсе, факелами, Гарри решил, что это подземелье. Наклонив голову так низко, что нос почти коснулся поверхности стеклообразного вещества, он увидел множество волшебников и волшебниц, сидящих на скамьях, которые ярусами поднимались к потолку. Посреди комнаты стояло пустое кресло. Вид этого кресла вызвал у Гарри дурное предчувствие. С поручней кресла свисали цепи, как будто сидящих в нём обычно заковывали.

Где находится эта комната? Явно не в Хогвартсе; он никогда не видел её в замке. Кроме того, люди, сидящие в этой таинственной комнате на дне чаши, были взрослыми, а Гарри был уверен, что в Хогвартсе не наберётся столько преподавателей. Казалось, все присутствующие чего-то ждали; хотя Гарри мог видеть только верхушки их шляп, лица сидящих явно были направлены в

одну сторону, и никто не произносил ни слова.

Чаша была круглой, а комната, на которую он смотрел — квадратной, поэтому Гарри никак не мог разглядеть, что происходит в углах. Он нагнулся ещё ниже, чуть наклонив голову, пытаясь увидеть…

Кончик его носа коснулся того странного вещества, сквозь которое он глядел.

Кабинет Дамблдора вдруг резко накренился — Гарри потащило прямо в чашу, однако он не врезался головой в каменное дно. Он летел вниз через что-то ледяное и чёрное, словно оказавшись в тёмном водовороте.

И через мгновение он уже сидел в той самой комнате внутри чаши на скамье, которая располагалась гораздо выше всех остальных. Он взглянул вверх на высокий каменный потолок, ожидая увидеть в нём круглое окно, через которое он только что смотрел, но не увидел ничего, кроме тёмной и сплошной каменной кладки.

Тяжело дыша, Гарри посмотрел вокруг. Никто из волшебников и волшебниц (а в комнате было не меньше двухсот) не смотрел на него. Казалось, ни один из них не заметил, что с потолка только что свалился четырнадцатилетний мальчишка. Гарри повернулся к сидящему рядом с ним вол-

шебнику и громко вскрикнул от удивления. Его крик эхом отозвался во всех концах безмолвной комнаты.

Он сидел рядом с Альбусом Дамблдором.

— Профессор! — заговорил Гарри придушенным шёпотом. — Извините меня, пожалуйста… Я не хотел… Я просто взглянул на чашу в вашем секретере… и… я… Где мы?

Но Дамблдор не шевельнулся и ничего не ответил. Он совершенно не обращал внимания на Гарри. Как и все остальные волшебники, сидящие вокруг него, он, не отрываясь, смотрел на дверь в дальнем углу комнаты.

Гарри в замешательстве уставился на Дамблдора, перевёл глаза на безмолвную, ожидающую чего-то толпу, а затем назад на Дамблдора. И тут он понял…

Однажды Гарри уже был в таком месте, где никто его не видел и не слышал. В тот раз он провалился через страницу заколдованного дневника и попал в воспоминание… И похоже, с ним произошло опять что-то в том же духе.

Гарри поднял правую руку, помешкал секунду, но всё же решился и помахал ею прямо перед носом Дамблдора. Дамблдор не моргнул, не обернулся на Гарри и вообще не двинул ни единым

мускулом. Это подтверждало его догадку. Настоящий Дамблдор никогда бы его не проигнорировал. Но этот находился внутри воспоминания и, кроме того, не был сегодняшним Дамблдором. Хотя он не мог быть и давним воспоминанием… У этого Дамблдора были такие же серебристо-седые волосы, как и у теперешнего Дамблдора. Но что это за место? Чего ждут все эти волшебники?

Гарри внимательно огляделся. Комната, как он и предполагал, разглядывая её сверху, явно находилась в подземелье, — скорее темница, чем комната. В комнате царила унылая и напряжённая атмосфера; на стенах не было ни одной картинки, в ней не было вообще никаких украшений — только эти ряды скамей, поднимающиеся ярусами и расположенные так, чтобы с каждого сидения ясно просматривалось кресло с цепями, свисавшими с поручней.

Не успев прийти к каким-либо выводам относительно места, где они находятся, Гарри услышал шаги. Дверь в углу темницы отворилась, и в комнату вошли три человека, вернее один человек, которого вели под руки два Дементора.

Гарри похолодел. Дементоры, высокие существа, одетые в накидки с капюшонами, которые скрывали их лица, медленно плыли по направле-

нию к креслу посередине комнаты. Их мёртвые гниющие руки с обеих сторон вцепились в локти идущего между ними человека. И у этого человека был такой вид, как будто он вот-вот упадёт в обморок. Гарри его прекрасно понимал… Он сознавал, что внутри воспоминания Дементоры не могут причинить ему никакого вреда, но эффект, который они на него оказывали, был ещё очень свеж в его памяти. Толпа подалась назад, когда Дементоры усадив человека в кресло, выплыли из комнаты. Дверь за ними захлопнулась.

Гарри взглянул в лицо человека, сидящего в кресле. Это был Каркаров!

Этот Каркаров, в отличие от Дамблдора, выглядел намного моложе сегодняшнего Каркарова; его волосы и козлиная бородка были ещё совершенно чёрного цвета. Он был одет не в изысканные меха, а в тонкие и оборванные одежды. Каркарова била дрожь. На глазах у Гарри цепи, до того безжизненно висящие на поручнях кресла, вдруг сверкнули золотом и змейкой взобрались на руки Каркарова, заковывая его.

— Игорь Каркаров, — раздался резкий голос слева от Гарри. Гарри обернулся и увидел мистера Крауча, который стоял посередине одной из скамей позади него. Этот Крауч был темноволосым,

на его лице было гораздо меньше морщин, он выглядел подтянутым и бодрым. — Вас доставили сюда из Азкабана предоставить свидетельские показания Министерству Магии. Нам сообщили, что вы желаете поведать нам важную информацию.

Каркаров выпрямился, насколько позволили ему цепи.

— Да, сэр, — ответил он. Хотя он и говорил испуганным голосом, Гарри уловил в нём знакомую елейную нотку. — Я от всей души желаю оказать министерству услугу. Я бы хотел быть полезным… Я знаю, что министерство пытается поймать последних сподвижников Тёмного Лорда, и я желаю всеми силами помочь…

По скамьям пробежал ропот. Некоторые волшебники и волшебницы смотрели на Каркарова с интересом, прочие — с нескрываемым недоверием. Тут с противоположной от Дамблдора стороны до Гарри совершенно отчетливо донесся знакомый рык: — Ах ты мразь!

Гарри нагнулся, чтобы рассмотреть человека, сидящего за Дамблдором. Да, это, без сомнения, был Хмури-«Дикий Глаз», хотя его внешность заметно отличалась от теперешней. Вместо волшебного глаза у него было два обычных. И оба

они сейчас пристально смотрели на Каркарова, источая открытую неприязнь.

— Крауч собирается выпустить его, — еле слышно прошептал Хмури на ухо Дамблдору. — Он заключил с ним сделку. Я потратил шесть месяцев, чтобы выследить его, а Крауч его выпустит, если он назовёт достаточно новых имён. Что ж, выслушаем его, я так считаю, и сдадим назад Дементорам.

Дамблдор что-то буркнул в ответ.

— Ах да, я забыл… Ты не любишь Дементоров, Альбус, — сказал Хмури, сардонически улыбаясь.

— Да, я их не люблю, — спокойно ответил Дамблдор, — я всегда считал, что министерство не должно было связываться с такого рода созданиями.

— Но ради этой мрази… — тихо проговорил Хмури.

— Вы говорили, что готовы назвать имена, Каркаров, — проговорил мистер Крауч, — Мы ждём. Начинайте, будьте любезны.

— Вы должны понять, — торопясь, говорил Каркаров, — что Тот-Кого-Нельзя-Называть действовал в полной секретности… Он всегда предпочитал, чтобы мы, я имею ввиду, его приверженцы, и я не могу даже передать вам, на-

сколько глубоко я сожалею о том, что когда-либо считал себя одним из них…

— Ну-ну, — презрительно хмыкнул Хмури.

— …никогда не знали имён всех, кто был с нами… Только ОН один знал всех…

— И это было очень разумно с его стороны, так как он предусмотрел, что кто-то вроде тебя, Каркаров, выдаст их всех, — продолжал комментировать Хмури.

— Но вы сказали, что знаете несколько имён, — сказал мистер Крауч.

— Да, да, я знаю! — заторопился Каркаров. — И все они были преданными приверженцами, уверяю вас. Люди, которые (и я видел это своими глазами) исполняли его приказания. И я вам предоставляю эту информацию в знак того, что я совершенно и полностью отрекаюсь от него, и я настолько глубоко раскаиваюсь о содеянном, что я едва…

— Итак, их зовут… — резко перебил его мистер Крауч.

Каркаров глубоко вздохнул.

— Начнём с Антонина Долохова, — сказал он, — я сам видел, как он пытал многочисленных магглов и… и тех, кто не поддерживал Тёмного Лорда.

— И ты сам помогал ему в этом, — промычал Хмури.

— Мы уже давно задержали Долохова, — сказал Крауч, — его задержали вскоре после того, как задержали вас.

— Правда? — широко раскрыв глаза, удивился Каркаров, — Я… я очень рад это слышать…

Но его лицо отнюдь не выражало радости. Гарри было совершенно ясно, что новость об аресте Долохова стала для него ударом. Имя одного из соратников, которых он намеревался продать, не имело никакой цены.

— Кто ещё? — холодно произнёс Крауч.

— Ах, да… ещё Розье, — поспешно заговорил Каркаров, — Эван Розье.

— Розье уже нет в живых, — отозвался Крауч, — его тоже пытались задержать, сразу же после вашего ареста, но он решил не сдаваться без боя и был убит в схватке.

— И прихватил с собой кусочек меня, — прошептал Хмури справа от Гарри. Гарри обернулся на его голос и увидел, что он показывал Дамблдору свой искалеченный нос, из которого был выдран значительный кусок плоти.

— Он… он заслужил смерть, этот Розье! — сказал Каркаров, не в силах скрыть панику в голосе.

Гарри было ясно, что Каркаров начал нервничать. Он опасался, что ему не удастся сообщить ничего нового министерству. Его глаза в ужасе метнулись к двери в углу комнаты, за которой, без сомнения, его ждали Дементоры.

— Ещё кто-нибудь? — опять спросил Крауч.

— Да! — заторопился Каркаров, — Ещё был Трэверс. Он участвовал в убийстве семьи Мак-Киннон. Потом Мулсибер — он специализировался по заклятью Империус, принуждал бесчисленное количество людей вытворять совершенно ужасные вещи! Руквуд — он был шпионом и передал Тому-Кого-Нельзя-Называть полезную секретную информацию самого министерства!

Гарри увидел, что на этот раз Каркаров попал в точку. Наблюдающая за ним толпа заволновалась.

— Руквуд?!! — повторил мистер Крауч, кивая колдунье, сидящей перед ним и она тут же начала что-то записывать на кусочке пергамента, — Август Руквуд из Отдела тайн?

— Именно он, — с готовностью согласился Каркаров, — насколько я знаю, он использовал информацию целой сети высокопоставленных магов, занимающих стратегические посты и в министерстве и за его пределами…

— А Трэверс и Мулсибер уже задержаны, — сказал мистер Крауч, — отлично, Каркаров, если вам больше нечего нам сказать, вас вернут в Азкабан, пока мы не примем решение…

— Нет, подождите! — отчаянно воскликнул Каркаров, — подождите! Я ещё не закончил!

Даже при свете факелов Гарри было видно, что Каркарова бросило в пот. Его бледная кожа казалась ещё белее на фоне чёрных волос и бороды.

— Снейп, — закричал он, — Северус Снейп!

— Снейпа оправдал этот совет, — презрительно ответил Крауч, — за него персонально поручился Альбус Дамблдор.

— Нет! — ещё громче закричал Каркаров, натягивая сковывающие его цепи, — Я уверяю вас! Северус Снейп — Пожиратель смерти!

Дамблдор поднялся.

— Я уже давал показания по этому делу, — спокойно сказал он, — Северус Снейп когда-то действительно был Пожирателем смерти, но он перешёл на нашу сторону задолго до того, как Лорд Волдеморт пал, и стал нашим шпионом, рискуя собственной жизнью. Снейп такой же Пожиратель смерти, как и я!

Гарри обернулся, чтобы посмотреть на выражение лица Хмури. Скрытый от толпы спиной

Дамблдора, он не пытался скрыть выражения глубокого скептицизма.

— Хорошо, Каркаров, — холодно проговорил Крауч, — вы оказали нам услугу. Я пересмотрю ваше дело. Вы будете ждать нашего решения в Азкабане…

Голос мистера Крауча вдруг стал затихать. Гарри огляделся; темница стала растворяться, будто сотканная из дыма; всё вокруг расплывалось, отчётливым оставалось только его собственное тело, а всё остальное закрутилось в тёмном водовороте…

И вдруг комната вновь появилась. Гарри сидел уже на другом месте, слева от мистера Крауча, но снова на самой высокой скамье. Атмосфера в темнице тоже была совсем иной: лёгкой, даже радостной. Сидящие волшебники и волшебницы оживлённо болтали друг с другом, как будто были на каком-то спортивном состязании. Гарри обратил внимание на волшебницу, сидящую напротив него, в центре одной из скамей. Это была блондинка с короткой стрижкой, одетая в лиловую мантию. Она посасывала кончик пера ядовито-зелёного цвета. В ней, без всякого сомнения, угадывалась более молодая Рита Скитер. Гарри осмотрелся. Дамблдор по-прежнему

сидел рядом, но был одет уже в другую одежду. Мистер Крауч выглядел усталым, измождённым и озлобленным… Гарри понял. Это было другое воспоминание, другой день… Другой судебный процесс.

Дверь в углу комнаты открылась, и в комнату вошёл Людо Бэгмэн.

Но это был ещё не сошедший с дистанции Людо Бэгмэн, а Людо Бэгмэн в самом расцвете своей спортивной формы. Его нос ещё не был сломан; он был высок, худощав и мускулист. Бэгмэн явно нервничал, опускаясь в кресло с цепями. Но кресло не заковало его, как только что в предыдущем воспоминании оно заковало Каркарова, и Бэгмэн, воспрянув духом, огляделся вокруг, помахал рукой кому-то в толпе, и выдавил из себя улыбку.

— Людо Бэгмэн, вас вызвали сюда на суд Совета магического права по обвинению в деятельности, связанной с Пожирателями смерти, — сказал мистер Крауч. — Мы уже заслушали показания, представленные против вас и готовы вынести приговор. Не хотите ли вы что-нибудь добавить к данным вами показаниям перед тем, как мы объявим наше решение?

Гарри не верил своим ушам: Людо Бэгмэн — Пожиратель смерти?

— Только то, — с неловкой улыбкой сказал Бэгмэн, — что я был полнейшим идиотом…

Пара волшебников и волшебниц в передних рядах снисходительно улыбнулись, но мистер Крауч, похоже, не разделял их чувств. Он глядел вниз на Людо Бэгмэна с суровым выражением крайней неприязни.

— Это самые правдивые слова, которые ты когда-либо говорил, парень, — сухо пробурчал кто-то Дамблдору за спиной Гарри. Он обернулся и увидел Хмури, сидящего на том же месте, что и в прошлый раз. — Если бы я не знал, что он всегда был недалёк, я бы решил, что это Бладжер выбил ему мозги…

— Людовик Бэгмэн, вас задержали, когда вы передавали важную информацию сторонникам Волдеморта, — проговорил мистер Крауч, — за это, по моему мнению, вам полагается наказание заключением в Азкабан сроком на…

Ему не удалось закончить. Его речь перебили рассерженные выкрики, несущиеся со всех скамей. Несколько волшебников и волшебниц вскочили со своих мест, качая головами, а иные даже грозили мистеру Краучу кулаками.

— Но я же объяснил вам, что я не имел ни малейшего представления! — широко раскрыв голубые

глаза, закричал переставший улыбаться Бэгмэн, пытаясь перекричать гудящую толпу, — совершенно ни малейшего представления! Старик Руквуд был приятелем отца… Мне и в голову не могло прийти, что он мог быть сподвижником Сами-Знаете-Кого! Я думал, что собирал информацию для нашего дела! И Руквуд обещал устроить меня на работу в министерство потом, когда я перестану играть в Квиддитч… Вы же понимаете, что мне не хочется уворачиваться от Бладжеров до конца своих дней!

В толпе раздались разрозненные смешки.

— Мы проведём голосование, — холодно произнёс мистер Крауч и повернулся направо. — Присяжные заседатели, будьте любезны поднять руки, если вы голосуете за заключение в тюрьму…

Гарри тоже повернул голову направо. Ни одна живая душа не подняла руку. Многие даже стали аплодировать. Одна волшебница, входящая в состав присяжных заседателей, вскочила на ноги.

— Да? — гаркнул Крауч.

— Мы бы хотели поздравить господина Бэгмэна с великолепной игрой в матче Англии против Турции в прошлое воскресенье, — восторженно сказала волшебница.

У мистера Крауча был разъярённый вид. Зал сотрясался от аплодисментов. Бэгмэн вскочил на ноги и, сияя от уха до уха, раскланялся.

— У меня просто нет слов! — брызгая слюной, рявкнул мистер Крауч, усаживаясь на место и следя глазами за Бэгмэном, выходящим из темницы, — Руквуд устроит его на работу… Тот день, когда Людо Бэгмэн начнёт у нас работать, будет самым печальным днём в истории министерства…

Но тут темница вновь исчезла. Когда она проявилась, Гарри огляделся. Он продолжал сидеть рядом с Дамблдором и мистером Краучем, но атмосфера в комнате переменилась. Стояла мёртвая тишина, изредка прерываемая судорожными всхлипываниями хрупкой, тоненькой, почти прозрачной волшебницы, сидящей рядом с мистером Краучем. Дрожащими руками она прижимала ко рту носовой платок.

Гарри взглянул на Крауча и увидел, что он выглядит ещё более угрюмым и посеревшим, чем раньше. Жилка на его виске нервно подёргивалась.

— Введите их, — сказал он и его голос отразился эхом во всех концах безмолвного подземелья.

И опять дверь в углу темницы отворилась. В

этот раз в подземелье вошли четыре человека, окружённые шестью Дементорами. Гарри заметил, что многие из сидящих украдкой оглянулись на Крауча. По толпе пронёсся шепот.

Дементоры усадили каждого в кресла с цепями, стоявшими посредине темницы. Один из заключённых был коренастым мужчиной, не сводившим с Крауча глаз, второй был худощавым и нервным молодым человеком, с глазами, стреляющими по комнате, третьей была женщина с густыми тёмными и блестящими волосами и глазами под тяжёлыми веками, которая восседала на кресле с цепями с таким видом, как будто это был трон и, наконец, последним был подросток лет восемнадцати-девятнадцати с лицом, выражающим неописуемый ужас. Он сильно дрожал, соломенного цвета волосы падали ему на лоб и лезли в глаза, а веснушчатая кожа была молочно-белого цвета. Тоненькая маленькая волшебница, сидящая рядом с Краучем, начала раскачиваться на стуле и тихонько плакать в свой носовой платок.

Крауч поднялся. Он взглянул вниз на сидящих там людей полными ненависти глазами.

— Вас доставили сюда на Совет магического права, — чеканя каждое слово, проговорил

он, — чтобы подвергнуть суду за гнусное и отвратительное преступление…

— Папа, — неожиданно сказал подросток с соломенными волосами, — папа, я тебя прошу…

— …подобия которого мы ещё никогда не рассматривали на нашем совете, — продолжал Крауч, повысив голос, чтобы заглушить голос своего сына.

— Мы уже выслушали ряд свидетельских показаний против вас. Вас обвиняют в том, что вы захватили Аврора по имени Фрэнк Лонгботтом и наложили на него заклятье Круциатус, чтобы выпытать у него сведения о местонахождении вашего изгнанного повелителя, Того-Кого-Нельзя-Называть…

— Папа, меня там не было! — пронзительно закричал закованный в цепи мальчик. — Я клянусь, что не участвовал в этом, папа, не посылай меня назад к Дементорам…

— Далее, вас обвиняют в том, — проревел мистер Крауч, — что после того, как Фрэнк Лонгботтом не выдал вам информации, которую вы требовали, вы подвергли заклятью Круциатус его жену. Вы собирались вернуть Того-Кого-Нельзя-Называть к власти и вновь вести жизнь, полную насилия, которую вы вели, когда Он ещё был

силен. Теперь я обращаюсь к присяжным заседателям…

— Мама! — закричал мальчик и тоненькая хрупкая волшебница, сидящая рядом с Краучем, зарыдала, раскачиваясь взад и вперёд. — Мама! Останови его! Я не виноват! Это — был не я!

— Я прошу вас, уважаемые присяжные заседатели, — во весь голос кричал мистер Крауч, — поднять руки, если вы согласны со мной, что за совершённые преступления обвиняемым полагается пожизненное заключение в Азкабане!

Как один, все волшебники и волшебницы по правую сторону темницы подняли руки. Толпа, сидящая в подземелье, принялась аплодировать, как в прошлый раз Бэгмэну, но в этот раз на их лицах было написано выражение дикарского триумфа. Мальчик громко закричал.

— Нет! Мама! Нет! Я не виноват! Я не участвовал! Я не знал! Не отсылай меня туда! Останови его!

Но к пленникам уже медленно скользили Дементоры. Все, кроме мальчика, спокойно поднялись со своих мест. Женщина с тяжёлыми веками взглянула в лицо Краучу и громко сказала: — Тёмный Лорд восстанет вновь, Крауч! Брось нас в Азкабан — мы будем ждать! Он воспрянет

и придёт за нами, он вознаградит нас сполна, больше, чем всех остальных своих приверженцев! Только мы остались ему верны! Только мы старались отыскать его!

Но мальчик пытался отбиться от Дементоров, хотя Гарри было ясно, что их холодная, высасывающая жизнь сила начинает овладевать им. Толпа глумилась над ними, некоторые вскочили на ноги, чтобы получше рассмотреть женщину, увлекаемую Дементорами из подземелья и мальчика, продолжающего с ними бороться.

— Я же твой сын! — кричал он Краучу. — Я — твой сын!

— Ты мне не сын, — проревел мистер Крауч, выпучив глаза. — У меня нет больше сына!

Хрупкая волшебница рядом с ним схватила ртом воздух и без сознания рухнула на сиденье. Крауч, казалось, даже не заметил этого.

— Уведите их! — рычал он, глядя на Дементоров и брызгая слюной. — Уведите их отсюда, и пусть они заживо сгниют в Азкабане!

— Отец! Отец! Я не принимал в этом участия! Нет! Не трогайте меня! Отец, я умоляю тебя!

— По-моему, Гарри, тебе пора вернуться в мой кабинет, — тихо проговорил голос над ухом Гарри.

Гарри вздрогнул. Он посмотрел налево. Потом он посмотрел направо. Справа от него сидел Альбус Дамблдор и смотрел на сына Крауча, которого тащили из темницы Дементоры. Слева от него тоже сидел Альбус Дамблдор и глядел прямо ему в глаза.

— Пошли, — сказал Альбус Дамблдор, сидящий слева от него и положил руку Гарри на плечо. Гарри почувствовал, как он поднимается вверх по воздуху через подземелье, которое растворялось вокруг него. На мгновение он оказался в кромешной тьме, а потом ему показалось, что он очень медленно перевернулся через голову и приземлился в залитом солнечным светом кабинете Дамблдора. Перед ним в секретере мерцало вещество в каменной чаше, а Альбус Дамблдор стоял рядом.

— Профессор, — прерывающимся голосом заговорил Гарри, — я знаю, я не должен был… я не знаю, как так вышло… дверца секретера была полуоткрыта и…

— Я понимаю, — сказал Дамблдор. Он вытащил чашу из секретера, поставил её на свой письменный стол, сел и указал Гарри на стул по другую сторону стола.

Гарри сел, не отрывая глаз от каменной чаши.

Содержимое чаши вновь вернулось в первоначальное серебристо-белое состояние. Оно покрывалось рябью и закручивалось в водоворот.

— Что это? — нетвёрдым голосом спросил Гарри.

— Эта штука называется Думоотвод, — ответил Дамблдор, — иногда у меня создаётся такое впечатление, и я уверен, ты меня понимаешь, что у меня в голове крутится слишком много мыслей и воспоминаний.

— А… — произнёс Гарри, который не мог, положа руку на сердце, признаться, что уже испытывал что-то в том же духе.

— И тогда, — продолжал Дамблдор, указывая на каменную чашу, — я пользуюсь Думоотводом. Он просто высасывает избыток мыслей из человеческого мозга и выливает их в чашу. А затем человек может на досуге разобраться в своих мыслях. Когда они находятся в такой форме, становится проще разобраться в причинно-следственных связях.

— То есть… Вы говорите, что эта штука — ваши мысли? — проговорил Гарри, уставившись на крутящееся в чаше белое вещество.

— Именно так, — ответил Дамблдор. — Дай-ка я тебе покажу.

Дамблдор вытащил волшебную палочку из недр своей мантии и приложил её к серебристым волосам у виска. Когда он отвёл палочку от виска, к ней прилепилось что-то похожее на волос, но, присмотревшись, Гарри увидел, что на палочке висел не волос, а переливающаяся нить того странного серебристо-белого вещества, которое наполняло Думоотвод. Дамблдор добавил свежую мысль в чашу и поражённый Гарри увидел своё собственное лицо, плавающее на поверхности. Дамблдор взялся за чашу обеими руками и покрутил её как золотоискатель, промывающий песок в поисках кусочков золота, и Гарри увидел, как его лицо плавно превратилось в лицо Снейпа. Снейп открыл рот и гулким голосом заговорил, глядя в потолок.

— Он проявляется… у Каркарова тоже… ярче и чётче, чем когда бы то ни было…

— А это я мог бы сообразить и сам, безо всякой помощи, — вздохнул Дамблдор, — ну да ладно, — он взглянул поверх очков полумесяцем на Гарри, который глядел на лицо Снейпа, двигающееся по кругу в чаше. — Я занимался Думоотводом, когда прибыл мистер Фадж, и довольно поспешно убрал его. Очевидно, я не до конца захлопнул дверцу. Естественно, он привлёк твоё внимание.

— Извините меня! — невнятно пробурчал Гарри.

Дамблдор покачал головой: — Любопытство — не порок, — сказал он, — но надо быть очень осторожными, когда мы поддаёмся любопытству… да… несомненно…

Слегка нахмурившись, он ткнул мысли в чаше кончиком волшебной палочки. Тотчас же из чаши поднялась фигура полной, хмурящейся девушки лет шестнадцати, которая тут же начала вертеться вокруг собственной оси, не вытаскивая ног из чаши. Она не обратила никакого внимания ни на Гарри, ни на профессора Дамблдора. Когда она заговорила, её голос звучал так же гулко, как голос Снейпа, как будто он доносился из глубины чаши: — Он наложил на меня проклятье, профессор Дамблдор, а я ведь просто пошутила, сэр. Я только сказала ему, что видела, как он целовался с Флоренс за теплицами в прошлый четверг…

— Но зачем, Берта, — печально сказал Дамблдор, взглянув на молча вращающуюся девушку, — зачем ты следила за ним?

— Берта? — прошептал Гарри, взглянув на девушку. — Это… Это — Берта Джоркинс?

— Да, — ответил Дамблдор, опять тыкая палочкой в мысли в чаше, возвращая туда Берту, после

чего мысли снова стали серебристыми и непрозрачными, — это была Берта, какой я помню её, когда она ещё училась в школе.

Серебристый свет от Думоотвода осветил лицо Дамблдора, и Гарри внезапно заметил, насколько он стар. Гарри, конечно, всегда сознавал, что Дамблдор пожилой человек, но как-то никогда не считал его стариком.

— Да, Гарри, — тихо произнёс Дамблдор, до того, как ты потерялся в моих мыслях, ты хотел мне что-то сказать?

— Да, — начал Гарри, — профессор, я был в классе Прорицания и я… я… заснул…

Он остановился на минутку, ожидая, что Дамблдор пожурит его, но вместо этого Дамблдор сказал: — Ну, это — понятно, продолжай.

— Ну вот, и мне приснился сон, — сказал Гарри, — сон о Лорде Волдеморте. Он пытал Червехвоста… Вы знаете кто такой Червехвост?

— Да, я знаю, — быстро сказал Дамблдор, — продолжай, пожалуйста.

— Волдеморт получил сову. Он сказал что-то вроде того, что ошибку Червехвоста исправили. Он сказал, что кто-то умер. Потом он сказал, что не скормит Червехвоста змее — у его кресла лежала змея. Он сказал… он сказал, что вместо него

он скормит змее меня. А потом он сотворил на Червехвосте заклятье Круциатус… и у меня заболел шрам, — закончил свой рассказ Гарри, — он так сильно болел, что я проснулся.

Дамблдор молча смотрел на него.

— А… вот и всё, — сказал Гарри.

— Так, — проговорил Дамблдор, — так, так… А скажи мне, Гарри, у тебя болел шрам когда-нибудь ещё в течение этого года, кроме того раза, когда ты проснулся от боли прошлым летом?

— Нет… Я… А откуда вы знаете, что прошлым летом я проснулся от боли в шраме…? — ошарашенно спросил Гарри.

— Ты не единственный человек, который переписывается с Сириусом, — ответил Дамблдор, — мы обмениваемся совами с тех пор, как он покинул Хогвартс в прошлом году. И именно я посоветовал ему спрятаться в горной пещере, как в самом безопасном месте.

Дамблдор вскочил на ноги и начал ходить взад и вперёд позади стола. Время от времени он прикладывал к виску волшебную палочку, вытаскивал очередную сверкающую серебряную мысль и опускал её в Думоотвод. Мысли в Думоотводе завертелись так быстро, что Гарри никак не удавалось что-нибудь в нём разглядеть.

Содержимое Думоотвода превратилось в разноцветную смесь.

Через несколько минут Гарри тихо позвал: — Профессор!

Дамблдор остановился и взглянул на Гарри.

— Ах, извини меня, пожалуйста, — тихо сказал он и сел за стол.

— Вы… Вы знаете, почему у меня болит шрам?

Мгновение Дамблдор внимательно глядел на Гарри, а затем сказал: — У меня есть теория, но это — лишь только моя теория… я думаю, что твой шрам начинает болеть, когда Лорд Волдеморт рядом с тобой и тогда, когда он испытывает особенно сильную волну ненависти по отношению к тебе.

— Но… почему?

— Потому что вы с ним связаны заклятьем, которое не сработало, — проговорил Дамблдор, — твой шрам — это не просто шрам!

— Так вы считаете, что этот сон — на самом деле не сон?

— Возможно, — ответил Дамблдор, — я бы даже сказал, вероятно. Гарри, ты видел самого Волдеморта?

— Нет, — сказал Гарри, — только спинку его кресла. Но ведь там нечего видеть? Да? У него

ведь нет тела? Но с другой стороны, если у него действительно нет тела, то как же он держал волшебную палочку? — медленно добавил Гарри.

— Да, действительно, как же? — пробормотал Дамблдор, — как же?

Оба помолчали. Дамблдор уставился в пространство и временами прикладывал кончик волшебной палочки к виску, вытаскивая очередную сверкающую серебряную мысль и добавляя её в кипящее содержимое Думоотвода.

— Профессор, — прервал молчание Гарри, — вы думаете, он набирается сил?

— Кто? Волдеморт? — проговорил Дамблдор, взглянув на Гарри поверх Думоотвода. Этот взгляд был тем самым характерным для Дамблдора пронзительным взглядом, который видел Гарри насквозь так, как не видел его даже магический глаз Хмури. — Опять же, Гарри, я могу только предполагать.

Дамблдор опять вздохнул. У него был ещё более измученный и постаревший вид.

— Годы восхождения Волдеморта к власти сопровождались рядом исчезновений, — наконец проговорил он. — Берта Джоркинс испарилась, не оставив и следа там, где понаслышке обитал Волдеморт. Затем исчез мистер Крауч… прямо на

территории школы! Кроме того, исчез ещё один человек, исчезновению которого министерство, к огромному моему сожалению, не придало никакого значения, потому что этот человек был магглом. Его звали Франк Брайс и он жил в деревушке, в которой вырос отец Волдеморта. Его не видели с августа. Понимаешь, я читаю газеты магглов в отличие от большинства моих друзей в министерстве.

Дамблдор с серьёзным видом взглянул на Гарри.

— Эти исчезновения, мне кажется, взаимосвязаны. Министерство не согласно со мной, как ты, возможно, и слышал, когда стоял за дверью моего кабинета.

Гарри кивнул. Они опять помолчали. Дамблдор время от времени вытаскивал из виска мысли. Гарри понимал, что ему пора уходить, но любопытство удерживало его.

— Профессор! — опять позвал он.

— Да, Гарри, — отозвался Дамблдор.

— А… не могли бы вы мне сказать, что за суд это был, на котором я сидел, когда попал в Думоотвод?

— Да, могу, — с тяжёлым вздохом сказал Дамблдор, — я много раз был в этом судебном зале, но

некоторые процессы врезаются в память сильнее, чем другие… особенно сейчас…

— Вы знаете… Помните, тот процесс, на котором вы нашли меня? Там, где был сын Крауча? Там говорили о родителях Невилла?

Дамблдор бросил на Гарри проницательный взгляд: — Невилл никогда не говорил тебе, почему его вырастила бабушка? — спросил он.

Гарри отрицательно покачал головой, сам удивляясь тому, что никогда за четыре года ни разу не поинтересовался этим.

— Да, они говорили о родителях Невилла, — ответил Дамблдор, — его отец Фрэнк был Аврором, как и профессор Хмури. Его и его жену пытали, чтобы выведать информацию о местонахождении Волдеморта уже после того, как он потерял свою силу, как ты и слышал.

— Так они погибли? — тихо спросил Гарри.

— Нет, — проговорил Дамблдор с такой горечью, какую Гарри никогда ещё не слышал в его голосе, — они не погибли. Они сошли с ума. Они оба сейчас находятся в Больнице магических недугов и травм имени Святого Мунго. Насколько я знаю, Невилл навещает их вместе с бабушкой во время каникул. Они его не узнают.

Гарри в ужасе застыл на стуле. Он не знал… и

ни разу за все четыре года даже не поинтересовался…

— Чету Лонгботтомов все любили и уважали, — продолжал Дамблдор. — На них напали уже после того, как Волдеморт лишился власти, когда все уже думали, что опасность миновала. Атака на них вызвала волну ярости, подобной которой я никогда не видел. На министерство давили, чтоб оно отыскало тех, кто совершил это преступление. К несчастью, на показания Лонгботтомов, принимая во внимания состояние, в котором они находились, не очень-то можно было полагаться…

— Так это значит, что возможно сын мистера Крауча, действительно, в этом не участвовал? — медленно произнёс Гарри.

Дамблдор покачал головой.

— А об этом я не имею ни малейшего представления.

Гарри сидел во вновь повисшей в воздухе тишине, наблюдая за крутящимся содержимым Думоотвода. Он горел желанием задать Дамблдору ещё два вопроса, но они касались вины двух живых и здоровых людей…

— А… — наконец произнёс он, — мистера Бэгмэна…

— …с тех пор ни разу не обвиняли в занятиях Тёмной Магией, — спокойно перебил его Дамблдор.

— Ага, — быстро сказал Гарри и вновь уставился на вещество в Думоотводе, которое замедлило своё вращение, как только Дамблдор прекратил добавлять в него мысли, — а… гм…

Но, казалось, Думоотвод решил вместо него задать этот вопрос. На его поверхности опять появилось лицо Снейпа. Дамблдор взглянул на это лицо, а затем поднял глаза на Гарри.

— Так же, как и профессора Снейпа, — сказал он.

Гарри взглянул в голубые глаза Дамблдора и тот вопрос, который он хотел задать, сорвался с его губ, прежде чем он смог его удержать.

— Профессор, а почему вы так уверены, что он больше не поддерживает Волдеморта?

Дамблдор несколько секунд молчал и не отрывал своих глаз от глаз Гарри, а затем сказал: — А это, Гарри, сугубо личное дело: моё и профессора Снейпа.

И Гарри стало ясно, что аудиенция закончилась. Дамблдор не выглядел рассерженным, но в его тоне прозвучала такая категоричная нотка, что Гарри понял, что пора уходить. Он поднялся

на ноги, вслед за ним встал и Дамблдор.

— Гарри, — попросил он, провожая его до двери, — пожалуйста, не говори никому о родителях Невилла. Это его право — рассказать об этом тогда, когда он найдёт это нужным и тому, кому он захочет.

— Конечно, профессор, — пообещал Гарри.

— И ещё…

Гарри обернулся. Дамблдор стоял, наклонившись над Думоотводом, его лицо, освещённое серебристым сиянием, выглядело особенно постаревшим. Он взглянул на Гарри и сказал:
— Удачи на Третьем задании.

31. Третье задание

— Так Дамблдор тоже считает, что Сам-Знаешь-Кто снова набирается сил? — прошептал Рон.

Всё, что Гарри увидел в Думоотводе, и почти всё из того, что рассказал и показал ему после Дамблдор, знали теперь и Рон с Гермионой, и, разумеется, Сириус, которому Гарри послал сову, как только покинул кабинет Дамблдора. В тот вечер Гарри, Рон и Гермиона опять засиделись допоздна в гостиной Гриффиндора, обсуждая всё это вновь и вновь, пока у Гарри голова не пошла кругом. Теперь ему стало ясно, что имел в виду Дамблдор, когда говорил, что его голова иногда настолько переполняется мыслями, что бывает просто необходимо высосать из неё их избыток.

Рон глядел в огонь камина. Гарри показалось, что Рон вздрогнул, хотя в комнате было довольно тепло.

— И он доверяет Снейпу? — спросил Рон. — Он на самом деле доверяет Снейпу, хоть и знает, что Снейп когда-то был Пожирателем смерти?

— Да, — ответил Гарри.

Гермиона молчала добрых десять минут. Она

сидела, подперев голову руками, уставившись в колени. Гарри подумал, что ей бы сейчас тоже не помешал Думоотвод.

— Рита Скитер, — наконец пробормотала она.

— Ты что, и СЕЙЧАС о ней думаешь?! — удивился Рон.

— Я не думаю о ней, — пробубнила себе в колени Гермиона, — я просто размышляю… Ты помнишь, что она сказала в «Трёх Мётлах»? — Я знаю такое о Людо Бэгмэне, от чего у тебя волосы встанут дыбом! — Похоже, именно это она имела в виду… Она была репортером на его процессе и знала, что он передавал информацию Пожирателям смерти. И Винки тоже, помните?… — Людо Бэгмэн — он нехороший волшебник. — Мистер Крауч наверно был в ярости, что Бэгмэну всё сошло с рук, и говорил об этом дома.

— Да, но ведь Бэгмэн был не виноват, правда?

Гермиона пожала плечами.

— А Фадж считает, что это мадам Максим напала на Крауча? — спросил Рон, поворачиваясь к Гарри.

— Ага, — сказал Гарри, — но только потому, что Крауч исчез где-то около Бобатонского экипажа.

— А её, как раз, мы совсем не подозревали, — медленно произнёс Рон. — Ведь действительно, в

её жилах течёт кровь великанов, но она отказывается признаться в этом…

— Разумеется, отказывается, — резко перебила его Гермиона, поднимая голову. — Вспомни, что произошло с Хагридом, когда Рита узнала о его матери. Посмотри на Фаджа, который стал её подозревать, как только узнал, что она наполовину великанша. Кому охота испытывать на своей шкуре подобные предрассудки? Я бы, наверно, тоже сказала, что у меня просто широкая кость, если бы знала, что ко мне так будут относиться.

Гермиона взглянула на часы. — Мы же совсем не занимались! — в ужасе воскликнула она. — Мы же собирались тренироваться в Барьерном заклятии! Завтра нам придётся здорово над ним поработать! А на сегодня пора закругляться, Гарри, тебе нужно хорошо выспаться.

Гарри и Рон медленно поднялись в спальню. Гарри натягивал пижаму и поглядывал на кровать Невилла. Он сдержал данное Дамблдору слово и не рассказал Рону и Гермионе о его родителях. Сняв очки и взобравшись на кровать, Гарри попытался представить, что это должно быть за чувство — знать, что твои родители живы, но не узнают тебя. Его часто жалели совершенно чужие люди, потому что он был сиротой, но прислуши-

ваясь к похрапыванию Невилла, Гарри подумал, что Невиллу сочувствие нужно куда больше, чем ему самому. В темноте на лежащего в кровати Гарри нахлынула волна ненависти к тем, кто пытал мистера и миссис Лонгботтом… Он вспомнил, как толпа глумилась над сыном Крауча и его соратниками, уводимыми из суда Дементорами… Он хорошо понимал эту толпу… Но потом перед его глазами всплыло молочно-бледное лицо кричащего юноши, и вдруг его потрясла внезапная мысль — этот мальчик скончался через год после того суда…

— Волдеморт, — думал Гарри, лёжа в темноте и глядя на полог кровати, — всё сходится к Волдеморту… Это Волдеморт разрушил семьи, погубил жизни…

Рону и Гермионе полагалось готовиться к экзаменам, которые должны были закончиться в день Третьего задания, но вместо этого они занимались главным образом тем, что помогали Гарри.

— Пусть тебя это не волнует, — перебила его Гермиона, когда он заикнулся об этом и сказал, что мог бы потренироваться и без них, — по крайней мере, мы получим высокие отметки по Защите от Тёмных Искусств. Мы бы в жизни столько проклятий не выучили на уроке.

— Прекрасная подготовка к профессии Аврора, — оживлённо вставил Рон, накладывая Барьерное заклятие на осу, которая как раз в этот момент влетела в комнату, и резко останавливая её в воздухе.

С начала июня атмосфера в замке снова накалилась. Все с нетерпением ждали Третьего задания, которое должно было состояться за неделю до окончания семестра. Гарри тренировался каждую свободную минуту. В этот раз он был более уверен в себе, чем во время предыдущих испытаний. Конечно, задание будет трудным и опасным, но Хмури был прав — Гарри сумел справиться с чудовищами и заколдованными преградами в прошлые два раза, и теперь он лучше мог подготовиться к тому, что ожидало его впереди.

Профессору МакГонагалл порядком надоело натыкаться на тренирующихся Гарри, Рона и Гермиону, куда бы она ни шла, и она разрешила им заниматься в классной комнате Трансфигурации, пустующей в обеденное время. Гарри скоро наловчился набрасывать Барьерное заклятие — заклинание, используемое для остановки и торможения атакующих, заклятие Сокращения, используемое для раздробления твёрдых предметов, оказавшихся на пути, и заклятие Четырёх

Сторон, которое где-то откопала Гермиона и которое могло оказаться чрезвычайно полезным в том случае, если он заблудится в лабиринте. Этим заклинанием можно было направить кончик волшебной палочки на север и таким образом проверить, в правильном ли направлении он идёт. Но ему всё ещё не удавалось осилить Ограждающее заклятие. Этим заклинанием можно было установить вокруг себя временную невидимую стену, которая должна была отбивать несильные проклятия. Гермиона раздробила его стену прицельным попаданием Чарами Ватных Ног, и Гарри минут десять телепался по комнате, пока она не отыскала контрпроклятье.

— Но ты всё равно хорошо подготовлен, — ободрила его Гермиона, проверяя по списку, какие заклинания они уже прошли, — какое-нибудь из этих заклятий тебе обязательно пригодится.

— Идите сюда, посмотрите-ка на них, — вдруг позвал их Рон, стоящий у окна. Он пытался рассмотреть что-то во дворе. — Что это там делает Малфой?

Гарри и Гермиона подошли к окну. Малфой, Крэбб и Гойл сгрудились в тени дерева. Крэбб и Гойл, казалось, стояли на стрёме — и оба ухмылялись. Малфой прикрывал рот рукой и что-то шептал.

— По-моему, он говорит по рации, — удивлённо сказал Гарри.

— Не может быть, — отрезала Гермиона, — сколько раз я тебе говорила, что такого рода штуки не работают на территории Хогвартса? Давай, Гарри, — быстро добавила она, отходя от окна, — попробуй наложить Ограждающее заклятие ещё раз.

Сириус теперь посылал ему по сове в день. Как и Гермиона, он целиком погрузился в подготовку к Третьему заданию, отодвинув всё остальное на задний план. С каждой совой он напоминал Гарри, что тот не в силах повлиять на происходящее за пределами Хогвартса.

Если Волдеморт действительно набирается сил, — писал он, — твоя безопасность является моей самой неотложной заботой. Он, я уверен, не смеет надеяться добраться до тебя, пока ты находишься под опекой Дамблдора, но всё же, не стоит рисковать — сосредоточься на том, чтобы выбраться из лабиринта в целости-сохранности, а потом мы сможем заняться другими проблемами.

Чем ближе подходило двадцать четвёртое июня, тем больше нервничал Гарри, но всё же не так сильно, как перед первыми двумя задания-

ми. Во-первых, он был уверен, что на этот раз он сделал всё возможное, чтобы подготовиться, а, кроме того, это задание было последним препятствием, и хорошо ли, плохо ли он выполнит его, турнир, наконец-то, закончится к его превеликому облегчению.

За завтраком в день последнего испытания стол Гриффиндора гудел от радостного возбуждения. Прибыла совиная почта с открыткой от Сириуса, в которой он пожелал Гарри удачи. Открытка была обыкновенным кусочком пергамента, сложенным пополам, на котором красовался отпечаток грязной лапы, но Гарри был ей очень рад. Маленькая ушастая сова, как обычно, принесла Гермионе свежий выпуск утреннего «Ежедневного Пророка». Гермиона раскрыла газету, взглянула на первую страницу и прыснула на неё полным ртом тыквенного сока.

— Что такое? — хором спросили Гарри и Рон, вылупив на неё глаза.

— Ничего, — быстро ответила Гермиона и сделала попытку спрятать газету, но Рону удалось выхватить её. Он взглянул на заголовок и прорычал: — Ни за что! Да ещё и сегодня! Вот ведь, старая кляча!

— Что? — спросил Гарри. — Опять Рита Ски-

тер?

— Нет, — ответил Рон и, подобно Гермионе, попытался спихнуть газету с глаз подальше.

— Обо мне, конечно, — предположил Гарри.

— С чего ты взял? — абсолютно неубедительным тоном произнёс Рон.

Но не успел Гарри потребовать газету, как со Слизеринского стола раздался вопль Драко Малфоя.

— Эй, Поттер! Поттер! Как твоя головушка? Как ты себя чувствуешь? Я надеюсь, ты не кинешься на нас, как припадочный?

У Малфоя в руках был свежий выпуск «Ежедневного Пророка». Весь стол Слизерина дружно заржал, вытягивая шеи, чтобы посмотреть на реакцию Гарри.

— Рон, дай мне газету, — потребовал Гарри, — дай сейчас же.

Рон неохотно протянул ему газету. С первой страницы на Гарри глядело его собственное лицо, помещённое под крупным заголовком:

«Гарри Поттер — Легко возбудимый и опасный для окружающих

Мальчик, одержавший победу над Тем-Кого-Нельзя-Называть, неуравновешен и, возможно, даже представляет опасность для окружающих,

пишет Рита Скитер, наш специальный корреспондент. В свете недавно обнаруженных и вызывающих сильное беспокойство фактов о необычайном поведении Гарри Поттера возникают сомнения, позволит ли ему то болезненное состояние, в котором он пребывает, участвовать в требующем чрезвычайных усилий Турнире Трёх Волшебников да и, вообще, проходить учёбу в школе Хогвартс.

Согласно эксклюзивной информации, полученной нашей газетой, Поттер регулярно падает в обморок в школе и часто жалуется на боль в шраме на лбу (оставленном проклятьем, которым Сам-Знаете-Кто пытался его убить). В прошлый понедельник во время урока Прорицания ваш верный корреспондент явилась свидетельницей того, как Поттер выбежал из класса, заявив, что из-за сильной боли в шраме он более не в состоянии присутствовать на уроке.

Возможно, предполагают главные врачеватели Больницы магических недугов и травм имени Святого Мунго, что мозг Поттера был задет во время атаки Сами-Знаете-Кого, и его настойчивые жалобы о неослабной боли в шраме являются ни чем иным, как выражением тщательно скрываемого помешательства.

— Но возможно и то, что он просто прикидывается, — предположил один из специалистов, — вполне вероятно, что он это делает с одной целью — чтобы привлечь к себе внимание.

Вопреки всем препятствиям «Ежедневному Пророку» удалось выявить вызывающие беспокойство факты о Гарри Поттере, которые тщательно скрывал от волшебной общественности директор школы Хогвартс Альбус Дамблдор.

— Поттер говорит на змеином языке, — сообщил нашему корреспонденту Драко Малфой, четверокурсник Хогвартса. — Пару лет назад в школе происходили неоднократные нападения на учеников, и большинство считало, что в них замешан Поттер, особенно после того, как он полностью потерял самообладание на встрече Клуба Дуэлянтов и натравил змею на другого ученика. Инцидент, в конце концов, замяли. К тому же, он дружит с оборотнями и великанами. Мы полагаем, что он в состоянии пойти на всё, чтобы хоть как-то повластвовать над другими.

Знание змеиного языка всегда считалось одним из элементов Тёмной Магии. Действительно, самым известным Заклинателем нашего времени считается не кто иной, как сам Сами-Знаете-Кто. Член Лиги Защиты от Тёмных Сил, пожелавший

остаться неизвестным, заявил, что он рекомендует подозрительно относиться к любому магу, говорящему на змеином языке: — Я лично отношусь с глубоким недоверием к любому, кто может говорить со змеями, поскольку змеи часто используются в наихудших видах Тёмной Магии и исторически ассоциируются со злодеями. — Кроме того, — те, кто общается с такими злобными созданиями, как оборотни и великаны, по всей вероятности, сами склонны к насилию.

Альбусу Дамблдору надлежит основательно поразмыслить, стоит ли допускать такого ребёнка до участия в Турнире. Существует мнение, что Поттер не остановится ни перед чем и даже прибегнет к Тёмной Магии в отчаянной попытке выиграть турнир, третий этап которого состоится сегодня вечером»

— Прошлась по мне по-чёрному, а? — тихо произнёс Гарри, аккуратно складывая газету.

За столом Слизерина Малфой, Крэбб и Гойл покатывались от хохота, крутя пальцами у висков, строя рожи и выкручивая языки, как змеиные жала.

— Откуда она узнала о боли в шраме на Прорицании? — удивился Рон. — Она не могла там находиться, ни под каким видом, и не могла

слышать…

— Окно было открыто, — сказал Гарри, — я открыл его, чтобы легче было дышать.

— Да, но ты ведь был на самой верхушке Северной Башни! — возразила Гермиона. — Твой голос не могли услышать стоящие у подножия!

— По-моему, ты как раз собиралась разобраться в магических методах подслушивания, всяких там «жучках», — сказал Гарри, — вот ты и скажи мне, как она узнала.

— Я пыталась, — проговорила Гермиона, — но я… но…

Неожиданно на её лице появилось отсутствующее выражение. Она медленно подняла руку и провела рукой по волосам.

— Что с тобой? — насторожился Рон.

— Ничего, — выдохнула Гермиона. Она опять прочесала пальцами волосы, а затем поднесла их ко рту, как будто говорила по невидимой рации. Гарри и Рон переглянулись.

— У меня возникла идея, — проговорила Гермиона, уставившись в пространство, — по-моему я знаю… потому что тогда никто не мог бы её увидеть… даже Хмури… и она тогда смогла бы оказаться на подоконнике… но ведь это не разрешается… это совершенно точно не разрешается…

По-моему, Рита у нас в кармане! Дай-ка я сбегаю в библиотеку на минутку — просто, чтобы убедиться!

И с этими словами Гермиона схватила сумку и пулей вылетела из зала.

— Эй! — закричал ей вслед Рон. — У нас же через десять минут экзамен по Истории Магии! Вот, чёрт! — сказал он, повернувшись к Гарри. — Она, должно быть, просто ненавидит эту Скитер, раз рискует опоздать из-за неё на экзамен! А какие у тебя планы на урок Биннса? Опять будешь читать?

Как участника Турнира, Гарри освободили от экзаменов, и во время уроков он тихонько сидел в заднем ряду, пытаясь отыскать новые заклятья для применения в Третьем задании.

— Ага, наверно, — ответил Гарри. В этот момент в зал вошла профессор Мак-Гонагалл и направилась к столу Гриффиндора.

— Поттер, Чемпионы собираются в комнате за залом сразу же после завтрака, — сказала она.

— Но ведь испытание начнётся только вечером! — Гарри так разволновался, решив, что перепутал время начала состязания, что уронил яичницу на колени.

— Я прекрасно это знаю, Поттер, — ответила

она, — но на этот последний этап пригласили семьи Чемпионов. И сейчас у вас всех будет возможность пообщаться.

Сказав это, она удалилась. Гарри молча смотрел ей вслед.

— Она что, надеется, что Дёрсли появятся здесь? — сардонически заметил он.

— Кто его знает, — отозвался Рон. — Ладно, Гарри, я побегу, а то опоздаю к Биннсу. Пока.

Гарри доел завтрак в пустеющем Большом зале. Он видел, как Флёр Делакур встала из-за стола Рэйвенкло и пошла за Седриком в боковую комнату. Крам вразвалку последовал за ними. Гарри же продолжал сидеть, где сидел. Ему совсем не хотелось идти туда. У него не было родственников — по крайней мере, таких родственников, которые бы приехали поболеть за него на турнире, в котором он ставил на карту свою жизнь. Но как раз, когда он встал из-за стола, раздумывая, не пойти ли в библиотеку и поискать новые заклятия, дверь комнаты открылась, и оттуда выглянул Седрик.

— Гарри, ну где же ты? Тебя ждут!

Озадаченный Гарри засомневался, не явилось ли всё-таки сюда семейство Дёрсли? Он пересёк залу и открыл дверь в комнату.

Седрик и его родители стояли у самой двери. Виктор Крам в углу что-то быстро говорил по-болгарски своим черноволосым родителям. Он явно унаследовал крючковатый нос своего отца. На другом конце комнаты Флёр щебетала по-французски с матерью. Младшая сестрёнка Флёр, Габриэль, держала мать за руку. Она помахала Гарри и Гарри, улыбнувшись, помахал ей в ответ. А потом он увидел стоящих у камина миссис Уизли и Билла, которые широко ему улыбались.

— Сюрприз! — радостно проговорила миссис Уизли. Гарри, улыбаясь от уха до уха, заторопился к ним навстречу. — Мы решили приехать и поболеть за тебя, Гарри! — продолжала она, целуя его в щёку.

— Как жизнь? — улыбнулся Билл и пожал ему руку. — Чарли тоже хотел приехать, но его не отпустили с работы. Он сказал, что ты здорово отличился с Рогохвостом!

Гарри заметил, что через плечо матери Флёр Делакур с большим интересом поглядывает на Билла. По её лицу было видно, что она ничего не имеет против его длинных волос и серьги с клыком.

— Ой, как здорово! — пробормотал Гарри. — А я на секунду подумал, что Дёрсли…

Миссис Уизли поджала губы. Она обычно воздерживалась от критики Дёрсли в присутствии Гарри, но её глаза всегда загорались недобрым огнём, когда кто-нибудь упоминал это имя.

— Так здорово снова быть в Хогвартсе! — проговорил Билл, осматриваясь (Виолетта, приятельница Толстой Дамы, подмигнула ему со своего портрета). — Я здесь не был целых пять лет. Послушай, а портрет этого свихнутого рыцаря, сэра Кадогана, всё ещё тут?

— Ага, — ответил Гарри, который познакомился с сэром Кадоганом в прошлом году.

— А Толстая Дама? — спросил Билл.

— О, она здесь ещё с тех времён, когда я тут училась, — сказала миссис Уизли, — мне здорово влетело от неё один раз, когда я вернулась в четыре часа утра!

— А что ты делала до четырёх утра? — поразился Билл.

Миссис Уизли улыбнулась, в её глазах сверкнул озорной огонёк.

— Гуляла с твоим отцом, — ответила она, — а ему сильно досталось от Аполлиона Прингла — он был тогда у нас смотрителем — у отца до сих пор следы остались…

— Может, ты нам покажешь, где что, Гарри? —

попросил Билл.

— Давайте, — согласился Гарри и все трое направились к дверям, ведущим в Большой зал. Когда они проходили мимо Эймоса Диггори, тот повернул к ним голову.

— А вот и наш маленький герой! — надменно проговорил он, оглядывая Гарри с головы до ног. — Ты, я думаю, уже не раздуваешься от гордости, теперь, когда Седрик нагнал тебя по количеству очков!

— Что? — недоумённо переспросил Гарри.

— Не обращай внимания, — вмешался Седрик, нахмурившись на отца, — он злится с тех пор, как прочитал статью Риты Скитер о Турнире, ну… ты знаешь… ту, где она пишет так, будто ты — единственный Чемпион Хогвартса.

— И он не сделал ни малейшей попытки опровергнуть её заявление, — проговорил мистер Диггори громким голосом, предназначенным Гарри, который к этому времени уже выходил из комнаты вместе с миссис Уизли и Биллом. — И всё же, ты покажешь ему, Сед, а? Один раз ты ему уже вмазал!

— Эймос, ты разве не знаешь, что Рита Скитер из кожи вон лезет, чтобы наделать гадостей, — сердито сказала миссис Уизли. — Уж кто-кто, а ты,

работая в министерстве, должен об этом знать!

Мистер Диггори приготовился сказать что-то явно не совсем приятное, но его жена остановила его, коснувшись его руки, и он, пожав плечами, смолчал.

Гарри прекрасно провёл утро, разгуливая по солнечным полянам Хогвартса с миссис Уизли и Биллом, показывая им Бобатонский экипаж и корабль Дурмштранга. Миссис Уизли страшно заинтересовалась Дракучей Ивой, которую посадили уже после того, как она закончила школу, и предалась воспоминаниям о бывшем лесничем Хогвартса по имени Огг.

— А как дела у Перси? — спросил Гарри, пока они обходили теплицы.

— Так себе, — ответил Билл.

— Он в очень неважном расположении духа, — отозвалась миссис Уизли, понижая голос и оглядываясь. — В министерстве хотят прикрыть исчезновение Крауча, но Перси постоянно вызывают и расспрашивают об инструкциях, которые Крауч ему присылает. Они полагают, что эти инструкции, возможно, пишет кто-то другой. Бедный Перси — ему так тяжело. И ему не позволили заместить Крауча сегодня вечером на состязании, где он должен был быть пятым

судьёй. Место Крауча займёт Корнелиус Фадж.

Подошло время обеда, и они направились назад в замок.

— Мама?! Билл?! — изумился Рон, увидев их за столом Гриффиндора. — Что вы тут делаете?

— Мы приехали, чтобы поболеть за Гарри во время последнего испытания, — улыбнулась миссис Уизли. — И я должна сказать, что я совсем не против отдохнуть от готовки. Ну, как прошёл экзамен?

— А… нормально, — ответил Рон, — я никак не мог вспомнить имена всех гоблинских повстанцев, так что просто придумал парочку. Авось сойдёт, — заключил он, накладывая себе на тарелку корнуэльский пирог, но, увидев суровое лицо матери, добавил. — Их всех звали что-то типа Типрут Бородач и Арг Неряха, так что назвать их было парой пустяков!

Фред, Джордж и Джинни уселись рядом с ними. Гарри был беспредельно счастлив. Ему казалось, что он снова в Норе, он перестал волноваться о сегодняшнем вечере и, пока не появилась Гермиона, даже не вспомнил, что у неё родилась какая-то мысль о Рите Скитер.

— Ну, так что, ты нам расскажешь?…

Гермиона предостерегающе покачала головой,

взглянув на миссис Уизли.

— Здравствуй, Гермиона, — натянуто сказала та.

— Здравствуйте, — поздоровалась Гермиона. Её улыбка увяла при виде ледяного выражения лица миссис Уизли.

Гарри взглянул на них и сказал: — Миссис Уизли, вы, я надеюсь, не поверили той чуши, которую Рита Скитер написала в «Ведьминском Еженедельнике»? Потому что мы с Гермионой просто друзья.

— Ах так… — протянула миссис Уизли. — Ну, разумеется, я не поверила!

Но она немедленно потеплела по отношению к Гермионе.

После обеда Гарри, Билл и миссис Уизли пошли гулять по окрестностям замка, и вернулись в Большой зал только вечером, к началу торжественного пира. К преподавателям к этому времени присоединились Людо Бэгмэн и Корнелиус Фадж. Бэгмэн светился от радости, а Корнелиус Фадж сидел рядом с мадам Максим с каменным лицом и молчал. Мадам Максим сосредоточилась на своей тарелке, и Гарри показалось, что её глаза покраснели. Хагрид поглядывал на неё, сидя на своём краю стола.

За ужином был огромный выбор блюд, гораздо больше, чем обычно. Но Гарри, который уже сильно нервничал, почти ни к чему не притронулся. Когда заколдованный потолок над головой начал от голубого плавно переходить к сумрачно фиолетовому, Дамблдор поднялся на ноги и призвал зал к тишине.

— Дамы и господа! Через пять минут я приглашу вас спуститься на квиддитчное поле на третье и последнее испытание Турнира Трёх Волшебников. А сейчас, господа Чемпионы, пожалуйста, пройдите на стадион с господином Бэгмэном.

Гарри вскочил с места. Гриффиндорцы дружно зааплодировали, семья Уизли и Гермиона пожелали ему ни пуха ни пера, и с этими добрыми напутствиями он отправился вслед за Седриком, Флёр и Виктором из Большого зала.

— Как ты себя чувствуешь, Гарри, — спросил его Бэгмэн, спускаясь вниз по каменным ступенькам, — уверен в себе?

— Да, вполне, — ответил Гарри. И в этом была доля правды. Он нервничал, конечно, но в то же время продолжал перебирать в уме проклятия и заклятия, которым научился, и сознание того, что он не забыл ни одного из них, придавало ему уверенности.

Они вышли на квиддитчное поле, которое теперь стало совершенно неузнаваемым. Вокруг поля выросла живая изгородь высотой в двадцать футов. Прямо перед ними в изгороди зияло отверстие — вход в лабиринт. За отверстием начинался тёмный и жутковатый на вид коридор.

Через пять минут трибуны начали заполняться людьми, в воздухе раздавались возбуждённые голоса и топот сотен ног, торопящихся занять места. Небо приобрело тёмно-синий оттенок, и на нём уже появились первые звёзды. К Бэгмэну подошли Хагрид, профессор Хмури, профессор МакГонагалл и профессор Флитвик. На их шляпах сверкали огромные красные светящиеся звёзды — у всех, кроме Хагрида, который приколол звезду на спину своей кротовой жилетки.

— Мы будем патрулировать вокруг лабиринта, — объявила Чемпионам профессор МакГонагалл. — Если у вас возникнут серьёзные неприятности и вам понадобится помощь, пошлите в воздух красные искорки и один из нас придёт вам на помощь. Понятно?

Чемпионы кивнули.

— В таком случае, разойдись! — бодро скомандовал Бэгмэн четырём патрульным.

— Удачи, Гарри, — прошептал Хагрид. Четвёрка

патрульных разошлась в разные стороны и встала на страже с четырёх сторон лабиринта. Бэгмэн направил на горло волшебную палочку, пробормотал: — Сонорус, — и его магически усиленный голос раскатился над трибунами.

— Дамы и господа, с минуты на минуту начнётся третье и последнее состязание Турнира Трёх Волшебников. Позвольте мне напомнить вам счёт. На первом месте с восьмьюдесятью пятью очками находятся представители школы Хогвартс мистер Седрик Диггори и мистер Гарри Поттер! — Аплодисменты зрителей вспугнули стаи птиц, взлетевших из глубин Запретного Леса в темнеющее небо.

— На втором месте с восьмьюдесятью очками находится мистер Виктор Крам, представитель Института Дурмштранг!

Аплодисменты продолжались.

— На третьем месте находится мисс Флёр Делакур, представительница академии Бобатон!

В темноте Гарри разглядел миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону, вежливо аплодирующих Флёр. Он помахал им рукой, и они, широко улыбаясь, помахали ему в ответ.

— Итак, по моему свистку, Гарри и Седрик, — гремел Бэгмэн, — три… два… один…!

Он свистнул, и Гарри с Седриком рванулись ко входу в лабиринт.

Высоченная живая изгородь откидывала чёрные тени на тропу и то ли оттого, что она была такой высокой и толстой, то ли потому, что её заколдовали, снаружи в лабиринт не доносилось ни единого звука. Гарри показалось, что он снова оказался под водой. Он вытащил волшебную палочку и произнёс — Люмос. — За его спиной Седрик сделал то же самое.

Через полсотни шагов они подошли к развилке. Гарри и Седрик переглянулись.

— Ну, пока, — сказал Гарри и повернул налево. Седрик пошёл направо.

До ушей Гарри донёсся второй свисток Бэгмэна — Крам вошёл в лабиринт. Гарри заторопился. Тропа, которую он выбрал, казалась совершенно пустынной. Он повернул направо и ускорил шаги, держа волшебную палочку высоко над головой и пытаясь разглядеть дорогу как можно дальше вперёд, но ничего не видел.

Издалека донёсся третий свисток Бэгмэна. Все четыре Чемпиона теперь находились внутри лабиринта.

Гарри оглядывался на каждом шагу. У него было такое чувство, как будто за ним следят. С каждым

шагом в лабиринте становилось всё темнее, а небо над головой приобрело тёмно-синий цвет. Он снова оказался у развилки.

— Укажи, — прошептал он волшебной палочке, положив её на раскрытую ладонь.

Палочка повернулась, указывая кончиком направо, прямо в сплошную стену изгороди. Там был север, и Гарри знал, что центр лабиринта лежит на северо-западе. Единственное, что ему оставалось — это повернуть налево и потом при первой возможности — направо.

Так он и сделал. Дорога, лежащая перед ним, была пустынной и, когда Гарри добрался до поворота направо и повернул туда, перед ним вновь легла чистая безо всяких препятствий тропинка. Полное отсутствие препятствий почему-то начинало беспокоить Гарри. Ему уже пора было на кого-нибудь наткнуться! Похоже было, что лабиринт старался убаюкать его ложным чувством безопасности. Наконец, за его спиной послышался шорох. Гарри выставил перед собой волшебную палочку, готовый атаковать противника, но луч света упал на Седрика, который выскочил на тропинку с правой стороны. Седрика колотило. Рукав его мантии дымился.

— Хагридовы Взрывохвостые Крутоны! — про-

шипел он. — Ты даже не можешь себе представить их размеров! Мне едва удалось вырваться!

Он покачал головой и нырнул на соседнюю тропинку. Сосредоточившись на том, чтобы оказаться как можно подальше от Крутонов, Гарри вновь заторопился вперёд. Повернув за очередной угол, он носом к носу столкнулся с плывущим к нему навстречу… Дементором. Двенадцати футов росту, с лицом, закрытым капюшоном, раскинув гниющие, покрытые струпьями руки, Дементор брёл к нему навстречу, слепо пытаясь определить, где стоит Гарри. Гарри уже чувствовал смрадное дыхание и наплывающий обморочный холод, но он точно знал, что от него требуется…

Он призвал самую счастливую мысль, которую только смог, изо всех сил сосредоточившись на том, что уже выбрался из лабиринта и справляет окончание турнира с Роном и Гермионой, поднял волшебную палочку и прокричал — Экспекто Патронум!

Из кончика его палочки выскочил серебряный олень и бросился на Дементора. Дементор отступил и плюхнулся на землю, запутавшись в полах своих одежд… Гарри ещё никогда не видел, чтобы Дементор спотыкался.

— Подожди-ка, — закричал он, продвигаясь вперёд под защитой своего серебряного Покровителя, — ты — просто Боггарт! Риддикулус!

Раздался громкий треск, и Боггарт взорвался, оставив за собой лишь струйку дыма. Серебряный олень тоже исчез к величайшему сожалению Гарри, которому очень хотелось, чтобы олень остался с ним… Он опять быстро зашагал вперёд, напряжённо прислушиваясь и держа волшебную палочку как можно выше.

Налево… направо… опять налево… Два раза он забрёл в тупик. Он опять сотворил заклинание Четырёх Сторон и обнаружил, что ушёл слишком далеко на восток. Он пошёл назад, повернул направо и увидел прямо перед собой висящую в воздухе золотую дымку.

Гарри осторожно подошёл поближе и направил луч волшебной палочки прямо на дымку. Это явно было какое-то колдовство. Он минутку поразмышлял, не попробовать ли ему взорвать эту дымку.

— Редукто! — произнёс он.

Заклинание пронзило дымку, не причинив ей никакого вреда. Чего и следовало ожидать — заклятие Сокращения разрушало только твёрдые объекты… А что, если он просто пройдет сквозь

неё? Рискнуть, или вернуться назад?

Его размышления прервал отчаянный вопль, нарушивший тишину.

— Флёр? — крикнул Гарри.

Ответом была мёртвая тишина. Он огляделся. Что же с ней случилось? Крик, казалось, донёсся откуда-то спереди. Он глубоко вздохнул и нырнул в заколдованную дымку.

И тут же всё перевернулось вверх ногами. Он свисал с земли с поднявшимися дыбом волосами и сползающими с носа очками, угрожающими сорваться и улететь в бездонную глубь неба. Он прижал их к носу и повис, охваченный страхом. Казалось, подошвы его ботинок приклеились к траве, которая стала потолком. Под ним раскинулось бесконечное, усыпанное звёздами небо. У него было такое чувство, что если он двинет ногой, то оторвется от земли и провалится в бесконечную даль.

— Думай, — приказал он себе, чувствуя, как кровь приливает к вискам, — шевели мозгами!

Но ни одно известное ему заклинание не действовало против перевернувшегося вверх ногами мира. Решиться и сдвинуть с места ногу? Он чувствовал, как кровь стучит в голове. Перед ним стоял выбор — попробовать и сдвинуться с

места, или послать в небо красные искорки, быть спасённым и дисквалифицированным.

Он зажмурился, чтобы не видеть перед собой бесконечного пространства и, напрягшись, сдвинул с места правую ногу.

Как только его нога оторвалась от травяного потолка, мир встал на место. Гарри упал на колени на замечательную, изумительную, совершенно твёрдую землю. Его тело было ватным от пережитого ужаса. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, поднялся на ноги и заторопился вперёд, оглядываясь назад на золотистую дымку, которая невинно поблёскивала в лунном свете.

Он помедлил на перекрёстке двух тропинок, пытаясь найти следы Флёр. Он не сомневался, что кричала она. Кто повстречался ей на дороге? Всё ли обошлось? Красные искры не поднялись в воздух, но значило ли это, что ей удалось выкарабкаться самостоятельно, или наоборот — она попала в такой переплёт, что не смогла даже добраться до волшебной палочки?! Гарри решил повернуть направо. Ему становилось всё больше и больше не по себе… И в голове настойчиво крутилась мысль, которую он никак не мог от себя отогнать: — Осталось на одного Чемпиона меньше!

Кубок был где-то рядом, и, было похоже, что Флёр выбыла из соревнования. Он уже почти у цели… А что, если он, и вправду, выиграет турнир? На мгновение, впервые с того момента, как он стал Чемпионом, он представил себе, как поднимает над головой Кубок Трёх Волшебников перед лицом всей школы…

Минут десять он шёл, не встречая никого на своём пути, но всё время попадал в тупики. Дважды он пошёл по той же самой тропинке. Наконец, он вышел на ещё нехоженую дорожку и трусцой побежал вперёд. Свет, отбрасываемый его волшебной палочкой, перекидывался из стороны в сторону, искажая его силуэт на стенах живой изгороди. Он завернул за очередной угол и оказался прямо перед Взрывохвостым Крутоном.

Седрик был прав — Крутон был гигантским, десяти футов в длину и больше всего напоминал невероятных размеров скорпиона. Его огромное жало загибалось назад на спину, тяжёлый панцирь блистал под лучом волшебной палочки Гарри, направленной прямо на него.

— Ступефай!

Заклятие врезалось в броню Крутона и отскочило назад. Гарри быстро нагнулся, и заклятье, пролетев над его головой, обожгло ему макушку.

Запахло палёными волосами. Крутон выплюнул сильную огневую струю из хвоста и ринулся на Гарри.

— Импедимента! — истошно закричал Гарри. Заклинание опять врезалось в броню и опять отскочило рикошетом. Гарри попятился и упал на спину. — ИМПЕДИМЕНТА!

Крутон застыл в нескольких шагах от Гарри — заклинание ударило его в незащищённое панцирем мясистое брюхо. Тяжело дыша, Гарри отполз от чудовища и изо всех сил помчался в противоположную сторону. Барьерное заклятье имело лишь временный эффект, и Крутон через несколько минут вновь должен был обрести способность шевелить своими многочисленными конечностями.

Гарри повернул налево и угодил в тупик, повернул направо и оказался в другом тупике. Заставив себя остановиться, с сердцем, готовым вырваться из груди, он опять сотворил заклятье Четырёх Сторон, повернул назад и выбрал тропу, которая шла на северо-запад.

Он бежал по тропе уже несколько минут, когда вдруг с параллельной дорожки до него донеслись громкие голоса, звук которых заставил его резко остановиться.

— Что ты делаешь? — кричал Седрик. — Ты что, свихнулся? Что ты творишь?!

А потом раздался голос Крама: — Круцио!

Воздух наполнился криками Седрика. Гарри в ужасе помчался по тропинке, пытаясь найти переход на дорожку, где кричал Седрик. Но переходов не было. Гарри попробовал накинуть заклятье Сокращения на изгородь. Оно оказалось не особо эффективным, но всё же прожгло в ней небольшое отверстие, в которое Гарри удалось просунуть ногу. Изо всех сил пиная ногой толстые кусты и ветки, пока они не сломались под его напором, он, наконец, расширил отверстие и, разрывая о колючки одежду, смог пролезть через него. Справа от себя он увидел Седрика, корчащегося на траве от боли и стоящего над ним Крама.

Гарри вскочил на ноги и направил волшебную палочку на Крама. Крам поднял голову и, увидев Гарри, повернулся и побежал прочь.

— Ступефай! — во всю силу лёгких закричал Гарри.

Заклятие вонзилось Краму в спину. Он резко остановился на бегу и мешком свалился лицом вниз на траву, где и остался лежать без движения. Гарри кинулся к Седрику, который перестал корчиться от боли и тихонько лежал, тяжело дыша

и закрыв лицо руками.

— Седрик, ты цел? — хрипло спросил Гарри, схватив Седрика за руку.

— Да, — тяжело переводя дыхание, ответил Седрик, — ты представляешь, он подкрался сзади… Я услышал шаги, повернулся, — а он стоит и направляет на меня волшебную палочку…

Седрик поднялся на ноги. Его всё ещё трясло. Они оба взглянули на лежащего ничком Крама.

— Просто невероятно!.. Я думал, он нормальный парень! — не отводя глаз от Крама, сказал Гарри.

— И я, — согласился Седрик.

— А ты слышал крик Флёр? — спросил Гарри.

— Да, — ответил Седрик, — ты думаешь, там тоже приложил руку Крам?

— Не знаю, — медленно проговорил Гарри.

— Что будем с ним делать? Оставим его здесь? — пробормотал Седрик.

— Нет, — сказал Гарри, — давай пошлём вверх красные искры, чтобы кто-нибудь пришёл за ним… А то его, наверняка, сожрёт Крутон.

— И он полностью этого заслуживает! — пробурчал Седрик, но всё же поднял вверх палочку и послал в небо букет красных искр, которые повисли в воздухе над Крамом, обозначая место, где он лежал.

Гарри и Седрик постояли немножко в темноте, оглядываясь по сторонам. Наконец Седрик прервал молчание: — Ну так что же, пошли, что ли?

— Что? — переспросил Гарри, — ах, да… пошли.

Наступила неловкая пауза. Они с Седриком на время объединились против Крама, но сейчас оба вспомнили, что в этой игре они противники. Они молча пошли по тёмной тропинке. У развилки Гарри повернул налево, а Седрик направо. Звуки шагов Седрика скоро растаяли в темноте.

Гарри продвигался вперёд, время от времени проверяя направление заклятием Четырёх Сторон. Теперь их осталось только двое, и желание добраться до Кубка первым обжигало его всё сильнее. Мысль о том, что только что сделал Крам, не оставляла его в покое. Наложение Непростительного заклятия на другого человека каралось пожизненным заключением в Азкабане, так сказал Хмури. Он не мог поверить, что Крам настолько хотел выиграть этот турнир!.. Гарри ускорил шаги.

Время от времени он забредал в тупики, но сгущающаяся вокруг него тьма подтверждала, что он приближается к центру лабиринта. Вскоре, шагая по длинной прямой тропе, он заметил

впереди какое-то движение, и луч от его волшебной палочки осветил диковинное существо, как будто сошедшее с картинки «Чудовищной Книги Чудовищ».

Перед ним стоял Сфинкс. С телом огромного льва, гигантскими, когтистыми лапами, длинным желтоватым хвостом с коричневой кисточкой на конце и головой женщины. Сфинкс, не отрываясь, смотрел на Гарри своими миндалевидными глазами. Гарри поднял волшебную палочку и замешкался. Сфинкс не собирался нападать, а просто прогуливался взад и вперёд, преграждая ему дорогу. Вдруг он заговорил низким и хриплым голосом.

— Ты совсем близок к своей цели. Быстрей всего ты доберёшься до неё, если пройдёшь мимо меня.

— В таком случае… отойдите, пожалуйста… — вежливо попросил Гарри, прекрасно понимая, что за ответ он получит на свою просьбу.

— Нет, не отойду, — сказал Сфинкс, продолжая ходить взад и вперёд. — По крайней мере, до тех пор, пока ты не разгадаешь мою загадку. Отгадай её с первого раза, и я пропущу тебя, ошибись — и я нападу на тебя, промолчи — я позволю тебе повернуться и уйти.

У Гарри ёкнуло сердце. Гермиона была мастером в подобных вещах — не он. Он взвесил свои шансы. Если загадка окажется слишком трудной, он просто смолчит и уйдёт искать другую дорогу в центр.

— Хорошо, — сказал он, — загадывайте.

Сфинкс уселся прямо посредине тропы, поджав задние ноги, и продекламировал:

Две первые буквы возьмёшь у отца
Захочешь с начала, захочешь с конца.
А следующей буквой гудит паровоз,
Когда машинист нервно тянет за трос.
Начало конца завершает шараду,
Но букве последней мы вовсе не рады.
Решеньем, как липкою сетью обвиты,
И страшен его поцелуй ядовитый.

Гарри уставился на Сфинкса.

— Не могли бы вы повторить вашу загадку ещё раз… но помедленнее? — попросил он.

Тот моргнул, улыбнулся и повторил.

— И из этого получится существо, чей поцелуй ядовит? — спросил Гарри.

Сфинкс мягко улыбнулся ему в ответ своей загадочной улыбкой. Гарри решил посчитать его улыбку за знак согласия и принялся напряжённо размышлять. В мире есть куча созданий, с кото-

рыми не стоит целоваться. Ему, почему-то, всё время лезли в голову Взрывохвостые Крутоны, но внутренний голос говорил, что это — не они. Придётся разгадывать по слогам.

— Так… Две первые буквы возьмёшь у отца… С начала, или с конца… Гм… Я вернусь к этому слогу позже… Теперь, не повторите ли вы следующий слог?

Сфинкс повторил следующее двустишье.

— А следующей буквой гудит паровоз, когда машинист нервно тянет за трос… Может, это У?

— Теперь последний… Начало конца завершает шараду, но букве последней мы вовсе не рады… — понятия не имею! Что ж вернусь к первому: отец… папа… может быть, это ПА? ПА…У…? Чей поцелуй ядовит?… ПАУК!

Сфинкс широко улыбнулся. Он поднялся на ноги, потянулся и отошёл в сторону, пропуская Гарри.

— Спасибо! — вскричал Гарри и, в восторге от собственной гениальности, помчался вперёд.

Он, должно быть, уже совсем близко… Волшебная палочка подтверждала, что он идёт по правильному курсу… если он не столкнётся ни с чем особенно ужасным, у него есть шанс!

Гарри побежал во весь дух. На развилке он

опять прошептал своей волшебной палочке: — Укажи! Она развернулась и указала направо. Он ринулся вперёд и увидел в просвете прямо перед собой стоящий на плите блистающий Кубок Трёх Волшебников. До него оставалось всего лишь ярдов сто. И вдруг с боковой дорожки прямо перед ним выскочила тёмная фигура.

Седрик, похоже, добежит до Кубка первым. Он летел на всех парусах, и Гарри понимал, что ему ни за что не нагнать Седрика. Седрик был намного выше, и ноги у него — длиннее.

И вдруг Гарри заметил огромную тень по другую сторону изгороди слева от себя, поспешно продвигающуюся по тропе, пересекающей ту, по которой бежал Седрик. Существо двигалось так быстро, что Седрик обязательно должен был с ним столкнуться, но он не замечал ничего вокруг, кроме Кубка.

— Седрик, — заорал Гарри, — слева!

Седрик обернулся как раз вовремя, чтобы увернуться от существа, но в спешке споткнулся. Гарри увидел, как волшебная палочка Седрика вылетела у него из рук. Существо вступило на освещённую светом от Кубка поляну и оказалось огромным пауком, который устремился на Седрика.

— Ступефай! — закричал Гарри. Заклинание ударило в гигантское, покрытое чёрной щетиной тело паука — и не более того. Как будто ушибленный камнем, паук покачнулся, дёрнулся, сменил курс и побежал к Гарри.

— Ступефай! Импедимента! Ступефай!

Бесполезно! Паук был либо слишком большим, либо очень волшебным и заклятия не причиняли ему никакого вреда, а только раздражали его. Перед полными ужаса глазами Гарри предстало восемь светящихся чёрных глаз и острые как бритва клешни — паук навис над ним.

В следующее мгновенье, зажатый в передних ногах паука, Гарри взлетел в воздух и начал бешено сопротивляться. Он попытался лягнуть паука, но его нога попала в клешню и тут же загорелась невыносимой болью. Он услышал крик Седрика:

— Ступефай! — но его заклинание произвело на паука не больше эффекта, чем заклинание Гарри. Гарри поднял свою волшебную палочку и в тот момент, когда паук опять открыл свои огромные клешни, закричал: — Экспеллиармус!

Заклинание сработало. Паук выпустил Гарри и уронил его на землю. Гарри свалился с высоты двенадцати футов и приземлился на повреждённую ногу. Не раздумывая, Гарри направил свою

волшебную палочку в незащищённое брюхо гигантского паука, подобно тому, как он сделал с Крутоном и закричал: — Ступефай! Его голос слился с голосом Седрика, тоже кричавшим — Ступефай!

Объединившись, оба заклинания сделали то, что не смогло сделать одно. Паук опрокинулся на бок, подминая под себя близлежащий участок живой изгороди и раскидывая путаницу волосатых ног поперёк тропы.

— Гарри, ты ранен? — услышал Гарри крик Седрика. — Он свалился на тебя?

— Нет! — тяжело дыша, прокричал в ответ Гарри. Он взглянул на ногу, из которой ручьём лила кровь. Его изорванные одежды были покрыты какими-то густыми, клееобразными выделениями из клешней паука. Он попытался встать на ноги, но ноги не держали его. Он прислонился к изгороди, глотая ртом воздух, и оглянулся.

Седрик стоял в нескольких шагах от кубка, сияющего за его спиной.

— Ну что же, бери его, — еле переводя дыхание, проговорил Гарри, — иди и забирай. Ты — совсем рядом!

Но Седрик не сдвинулся с места. Он стоял и смотрел на Гарри. Потом повернулся и взглянул

на Кубок. Золотое сияние Кубка осветило лицо Седрика, и Гарри увидел, как это лицо исказила мучительная тоска. Он перевёл глаза на Гарри, который стоял теперь, цепляясь за изгородь, чтобы не упасть. Седрик глубоко вздохнул.

— Нет, Кубок — твой. Он по праву принадлежит тебе. Ты два раза меня спас в этом проклятом лабиринте.

— Так не годится, это не по правилам, — возразил Гарри. Он почувствовал прилив злости. Его нога разрывалась от боли, да и всё тело ломило после борьбы с пауком. И после всех усилий Седрик первым добрался до Кубка, так же, как он первым пригласил Чо пойти с ним на бал. — Тот, кто первым дотронется до Кубка, выиграет. И это — ты. Послушай, я не собираюсь бежать с тобой наперегонки с такой ногой.

Седрик сделал несколько шагов по направлению к оглушённому пауку, прочь от Кубка, и покачал головой.

— Нет, — твёрдо сказал он.

— Кончай с этим благородством, — раздражённо проговорил Гарри. — Давай, бери его, и выберемся, наконец, отсюда.

Седрик смотрел на Гарри, который покачнулся и ухватился рукой за изгородь.

— Ты рассказал мне о драконах, — не обращая никакого внимания на его слова, продолжал Седрик. — Я бы провалил Первое задание, если бы не ты.

— Мне тоже помогли, — отрезал Гарри, пытаясь вытереть залитую кровью ногу полой мантии, — а ты мне помог с яйцом. Так что мы с тобой — квиты.

— Так мне самому помогли с яйцом, — возразил Седрик.

— Всё равно, мы с тобой квиты, — настаивал Гарри, осторожно пытаясь встать на поврежденную ногу. Нога сильно задрожала. При падении он, похоже, растянул лодыжку.

— И тебе должны были присудить больше очков за Второе задание, — упрямо продолжал Седрик, — ты задержался, чтобы освободить всех заложников. Я тоже должен был остаться.

— Да, но я был единственным идиотом, который принял слова той песни всерьёз, — с горечью сказал Гарри. — Бери же Кубок!

— Не возьму! — твёрдо ответил Седрик.

Он переступил через запутанные ноги паука и подошёл к Гарри, который поражённо глядел на него. Седрик не шутил. Он отказывался от славы, подобной которой Дом Хаффлпафф не видал уже

несколько столетий!

— Давай, — сказал Седрик. У него был такой вид, как будто это слово стоило ему неимоверных усилий, но его лицо дышало решимостью, руки были скрещены на груди, и было ясно, что он принял окончательное решение.

Гарри перевёл глаза с Седрика на Кубок. На одно прекрасное, замечательное, изумительное мгновенье он представил себя чемпионом, выходящим из лабиринта с Кубком в руках. Он видел себя с кубком, высоко поднятым над головой, слышал рёв толпы, видел восхищённое лицо Чо, отчётливее, чем когда-либо… но картина растаяла у него перед глазами так же быстро, как появилась. Он всё ещё стоял в центре лабиринта, а перед ним было хмурое и упрямое лицо Седрика.

— Вместе, — сказал Гарри.

— Что?

— Мы поднимем его одновременно. Это будет победой Хогвартса. У нас будет ничья.

Седрик внимательно посмотрел на Гарри. Он опустил руки.

— Ты… ты уверен?

— Да, — твёрдо сказал Гарри. — Да… мы помогали друг другу, ведь так? Мы оба подойдём к Кубку

и вместе поднимем его.

У Седрика на мгновение было такое выражение, как будто он не поверил своим ушам, но постепенно его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Согласен, — сказал он, — пошли.

Он схватил Гарри под локоть и помог ему допрыгать до плиты, на которой стоял Кубок. Добравшись до Кубка, они протянули руки, каждый к одной из двух блистающих ручек.

— На счет три, хорошо? — сказал Гарри. — Раз, два, три…

И они одновременно схватили Кубок за ручки.

В то же мгновение Гарри почувствовал сильный рывок где-то в районе живота. Его ноги оторвались от земли. Он не мог, как ни пытался, оторвать руки от Кубка, который тянул его ввысь в свисте ветра и водовороте цветов. Седрик летел рядом с ним.

32. Плоть, кровь и кость

Гарри почувствовал, как его ноги ударились о землю, больная нога подогнулась и он рухнул ничком, наконец-то выронив Кубок Трёх Волшебников.

— Где мы? — спросил Гарри, поднимая голову. Седрик пожал плечами. Поднявшись, он помог Гарри встать на ноги, и они вместе огляделись. Было ясно, что их занесло далеко-далеко, за сотни миль от Хогвартса: не было видно даже гор, окружающих замок. Они стояли посреди тёмного заросшего кладбища. Направо, за высокой лиственницей, виднелся силуэт маленькой церкви, слева возвышался холм, на котором Гарри разглядел очертания внушительного старого дома. Седрик взглянул на Кубок, лежавший на земле, затем на Гарри.

— Тебе говорили, что это Портключ? — спросил он.

— Нет, — ответил Гарри, осматривая кладбище. Вокруг было очень тихо, и что-то неуловимо жуткое витало в воздухе. — Это что, часть задания?

— Не знаю, — встревоженно ответил Седрик. —

Давай-ка вытащим волшебные палочки, как ты думаешь?

— Давай, — согласился Гарри, обрадовавшись, что Седрик первым об этом подумал.

Они достали волшебные палочки. Гарри продолжал оглядываться. У него опять возникло ощущение, что за ними кто-то следит.

— Кто-то идет, — внезапно сказал он. Там, во тьме между могил, кто-то брёл к ним. Он был невысок и закутан в плащ с капюшоном. Гарри не видел лица незнакомца, но по его походке и согнутым рукам, было ясно, что он что-то несёт. Всё ближе и ближе — и Гарри увидел, что его ноша похожа на младенца… а может, на связку пелёнок?

Гарри опустил волшебную палочку и искоса взглянул на Седрика, который ответил ему таким же недоумённым взглядом. Они оба вновь перевели глаза на приближающегося незнакомца.

Тот остановился у высокого мраморного надгробия, всего в двух метрах от них.

Теперь Гарри, Седрик и человек в плаще смотрели друг на друга.

И вдруг шрам Гарри пронзила чудовищная боль. Это была самая ужасная боль в его жизни. Он прижал руки к лицу, и волшебная палочка

выскользнула из пальцев. Колени подогнулись, и он рухнул на землю. Его голова разрывалась от боли.

Откуда-то издалека, сверху, он услышал высокий ледяной голос, который произнёс: — Убей лишнего. — И следом — взмах волшебной палочки, и второй голос, прохрипевший в ночь: — Авада Кедавра!

Залп зелёного света обжёг веки Гарри, и что-то тяжёлое рухнуло на землю рядом с ним. Жжение в шраме стало таким сильным, что Гарри задохнулся, и вдруг — боль отступила. В ужасе от того, что ему предстояло увидеть, он открыл воспалённые глаза.

Седрик лежал, раскинувшись на земле, рядом с ним. Он был мёртв.

В этот миг, который длился вечность, Гарри смотрел в лицо Седрика, в его распахнутые серые глаза, теперь пустые и мертвые, как окна брошенного дома. Рот Седрика был полуоткрыт, будто от удивления. — Нет! Я не верю! Не верю! — билась, ломая крылья, мысль в голове Гарри, и в этот момент он почувствовал, что его ставят на ноги.

Коротышка в плаще положил свой свёрток на землю, зажёг волшебную палочку и поволок Гарри к мраморному надгробию. В неровном свете

Гарри разглядел имя на плите, прежде чем его развернули и прижали к ней:

ТОМ РИДДЛ

Человек в плаще стал привязывать Гарри к надгробию, обматывая тугими верёвками от шеи до лодыжек. Из-под капюшона доносилось частое, сиплое дыхание. Гарри попытался сопротивляться, и коротышка ударил его — рукой, на которой не хватало пальца. И Гарри понял, кто скрывается под капюшоном: Червехвост.

— Ты! — ахнул он.

Но Червехвост не ответил. Закончив привязывать Гарри, он проверил, тугие ли верёвки. Когда он ощупывал узлы, его пальцы нервно дрожали. Убедившись, что Гарри привязан к надгробию так надежно, что не сможет пошевельнуться, Червехвост вытянул из-под плаща чёрную тряпку и грубо заткнул Гарри рот. Затем, не проронив не слова, он развернулся и ушёл. Гарри не мог издать ни звука, он даже не мог повернуть головы, чтобы узнать, куда исчез Червехвост, и видел только то, что было прямо перед надгробием.

Мёртвый Седрик лежал в нескольких футах от могилы. Рядом в свете звёзд мерцал Кубок Трёх Волшебников. У ног Седрика валялась волшебная палочка Гарри, а у самой могилы лежал свёрток,

который Гарри сначала принял за младенца. Казалось, что свёрток возбуждённо шевелится. Когда Гарри взглянул на него, шрам снова взорвался болью, и внезапно Гарри понял — ему не хочется знать, что там, в этом свёртке. Он не хотел, чтобы свёрток развернули. Услышав шум у своих ног, Гарри взглянул вниз. Огромная змея скользила по траве вокруг надгробия, к которому он был привязан.

Снова послышалось быстрое, сиплое дыхание Червехвоста. Похоже, он волочил по земле что-то тяжёлое. Когда предатель опять появился в поле зрения Гарри, тот увидел, что Червехвост тащит к могиле каменный котёл. Котёл, казалось, был наполнен водой: Гарри слышал плеск — и был гораздо больше любого котла, который ему приходилось видеть. Это была огромная каменная утроба, способная вместить взрослого человека.

Существо в свёртке завертелось сильнее, как будто хотело скорее освободиться. Червехвост занялся котлом. Он быстро провёл волшебной палочкой по днищу, и под котлом внезапно затрещало пламя. Огромная змея уползла в темноту, подальше от огня.

Жидкость в котле закипела очень быстро. На поверхности появились не только пузыри, но

и огненные вспышки. Пар сгущался, очертания Червехвоста, поддерживавшего пламя, расплывались в тумане. Сверток задёргался с новой силой. И Гарри вновь услышал высокий ледяной голос:
— Торопись!

Вся поверхность жидкости теперь сияла, будто усыпанная бриллиантами.

— Все готово, Повелитель.

— Теперь пора… — проскрипел ледяной голос. Червехвост развернул лежащий на земле свёрток, освобождая существо внутри, и даже кляп не мог заглушить дикого крика Гарри.

Червехвост развернул нечто отвратительное, покрытое слизью, слепое — а ведь оно было в сто раз страшнее, чем казалось. Существо формой напоминало скрюченного младенца, за исключением того, что оно было абсолютно непохоже на младенца. Оно было тёмно-красное, почти чёрное, безволосое и чешуйчатое. Его руки и ноги были тоненькими и слабыми, а лицо… Ни у одного ребёнка не было такого ужасного лица — плоского, змеиного, со светящимися красными глазами.

Существо казалось совсем беспомощным. Оно подняло свои тоненькие ручки, обнимая Червехвоста за шею, чтобы тот его поднял. В этот

момент капюшон Червехвоста соскользнул, и в неровном свете пламени Гарри увидел, что его лицо перекошено от отвращения. На секунду при свете вспышек, танцующих на поверхности зелья перед Гарри мелькнуло лицо твари, плоское и злобное. Затем Червехвост опустил существо в котёл. Послышалось шипение, и оно скрылось в глубине. Гарри услышал, как слабое тело с тихим стуком ударилось о дно котла.

Хоть бы он утонул, думал Гарри. Его шрам невыносимо горел. Пусть он утонет, пожалуйста! Червехвост заговорил, его голос дрожал, как лист на ветру. Он поднял волшебную палочку, закрыл глаза и произнес:

— Кость отца, без ведома данная, ты обновишь своего сына!

Поверхность могилы у ног Гарри затрещала. Он с ужасом смотрел, как тонкая струйка праха поднялась в воздух по приказу Червехвоста и мягко упала в котёл. Сияющая поверхность зелья помутнела и зашипела, вспышки разлетелись во все стороны, и отвар засветился ядовито-голубым цветом.

Червехвост чуть слышно заскулил, доставая из-под плаща длинный, тонкий, сверкающий серебром кинжал. Его голос перешёл в приглу-

шённые рыдания.

— Плоть… слуги… д-добровольно данная — ты… оживишь… своего господина.

Червехвост вытянул перед собой правую руку — ту, на которой не хватало пальца. Он сжал кинжал левой рукой и замахнулся…

Гарри понял, что собирается сделать Червехвост за секунду до того, как оно свершилось, и зажмурился изо всех сил. Если бы мог, он зажал бы уши, чтобы не слышать пронзительного крика, огласившего ночь. Но он слышал, он слышал, как что-то упало на землю, слышал, как Червехвост задыхается в муках, слышал отвратительный всплеск, будто что-то упало в котёл. Он не мог заставить себя открыть глаза… но зелье стало огненно-красным, и его сияние просвечивало сквозь веки Гарри…

Вдруг он ощутил дыхание на своем лице и понял, что Червехвост стоит прямо перед ним, тяжело дыша и подвывая от боли.

— К-кровь врага… насильно взятая… ты воскресишь своего недруга.

Гарри ничего не мог поделать, он был слишком крепко связан. Глядя вниз, безнадежно пытаясь ослабить веревки, он увидел серебряный кинжал, дрожащий в оставшейся руке Червехвоста. Он

почувствовал, как острие входит в сгиб его руки и кровь течёт по рукаву разорванной мантии. Червехвост, корчась от боли, вынул из кармана маленький стеклянный сосуд и приложил его к ране Гарри, чтобы кровь стекала туда.

Затем он устремился к котлу, и вылил кровь Гарри в зелье. Жидкость внезапно стала ослепительно белой. Червехвост, завершив своё дело, рухнул у котла на колени, свалился на бок и остался лежать на земле, обнимая кровавый обрубок руки, задыхаясь и скуля. Котел ровно кипёл, посылая ослепительные вспышки во всех направлениях, такие яркие, что тьма кладбища казалась ещё чернее. Но ничего не происходило. — Хоть бы он утонул, — думал Гарри. — Хоть бы у них ничего не вышло.

И вдруг вспышки, вылетавшие из котла, погасли. Вместо них в воздух вознёсся поток белого пара, застилая Гарри глаза. Теперь он не видел ни Червехвоста, ни Седрика — только туман, висящий над котлом. — Не вышло, — подумал Гарри. — Он утонул… Пусть, пусть он окажется мёртвым! — Но вдруг, холодея от ужаса, в дымке перед собой он различил тёмный силуэт человека. Высокий и худой, как скелет, он медленно поднимался из котла.

— Одень меня, — произнёс высокий ледяной голос из-за стены пара, и Червехвост, ноя и стеная, прижимая к груди искалеченную руку, бросился поднимать с земли чёрную мантию и накинул её на своего повелителя.

Худой человек шагнул из котла, не сводя с Гарри глаз. И перед Гарри предстало лицо, три года преследовавшее его в ночных кошмарах: белее кости, с широкими, злобными алыми глазами, плоским, как у змеи, носом и щёлочками вместо ноздрей… Лорд Волдеморт возродился!

33. Пожиратели Смерти

Волдеморт отвернулся от Гарри и начал осматривать своё тело. Ладонями, похожими на больших бледных пауков, он гладил свои плечи, грудь, лицо. Его красные глаза с кошачьими зрачками вспыхнули. Он поднял руки к небу и посмотрел на них с ликованием, сжимая и разжимая неимоверно длинные пальцы. Он не обращал внимания ни на Червехвоста, который лежал на земле, корчась и истекая кровью, ни на гигантскую змею, которая снова появилась из темноты и снова с шипением вилась вокруг Гарри. Волдеморт запустил руку в глубокий карман плаща и вынул волшебную палочку. Он нежно погладил её, а затем направил на Червехвоста. В тот же момент Червехвоста подняло с земли и отбросило к надгробию, к которому был привязан Гарри. Он рухнул у подножия и остался лежать там, корчась и рыдая. Волдеморт же перевел свои красные глаза на Гарри и рассмеялся холодным, безжалостным смехом.

— Повелитель… — Червехвост задыхался, — Повелитель, вы обещали, вы же обещали…

Одежда Червехвоста промокла от крови, и тускло поблескивала в лунном свете.

— Дай руку, — лениво протянул Волдеморт.

— О, Повелитель, благодарю вас, Повелитель…

Он протянул кровавый обрубок, но Волдеморт вновь рассмеялся.

— Другую руку, Червехвост.

— О, Повелитель, пожалуйста…

Волдеморт наклонился, схватил левую руку Червехвоста и поднял рукав чуть выше локтя. И Гарри увидел ярко-красное клеймо — череп со змеёй выползающей изо рта. Тот самый символ, который появился в небе во время Кубка мира по Квиддитчу — Тёмная метка. Волдеморт внимательно разглядывал его, не обращая внимания на плач Червехвоста.

— Метка опять проявилась, — тихо сказал он. — Они все должны были её заметить, и теперь мы увидим, теперь мы убедимся…

Своим длинным белым пальцем он нажал на клеймо на руке Червехвоста.

Шрам на лбу Гарри вновь пронзила боль, а Червехвост взвыл страшным голосом.

Когда Волдеморт убрал палец, Гарри увидел, что метка стала чёрной. С видом садистского удовлетворения на лице, Волдеморт выпрямился,

и оглядел тёмное кладбище.

— Многие ли из вас осмелятся вернуться, когда почувствуют это? — прошептал он, направив красные, светящиеся глаза к звёздному небу. — И многие ли окажутся глупцами, не явившись?

Он принялся ходить взад и вперед мимо Гарри и Червехвоста, не переставая осматривать кладбище. Спустя минуту, Волдеморт снова посмотрел на Гарри, и жестокая улыбка исказила его змеиное лицо.

— Гарри Поттер, ты стоишь на останках моего покойного отца, — тихо прошипел он. — Он был маггл, и глупец, и чем-то схож с твоей матушкой. Но ведь они исполнили своё предназначение, как ты считаешь? Твоя мать умерла, защищая тебя, а своего отца я убил сам, и смотри, сколько пользы он мне принёс после смерти…

Волдеморт снова рассмеялся. Он ходил взад и вперед, оглядываясь по сторонам, а змея скользила кругами.

— Видишь этот дом на холме, Поттер? Это дом моего отца. Моя мать, которая жила в здешней деревне, полюбила его, но он бросил её, когда она призналась, что она ведьма. Моему отцу не нравилось волшебство. Он бросил мою мать и вернулся к своим родителям — магглам, ещё до

моего рождения. И она умерла, дав мне жизнь, оставила меня одного, Поттер, только для того, чтобы магглы отдали меня в свой сиротский приют. Но я поклялся найти отца и отомстить ему. Да, отомстить Тому Риддлу, глупцу, имя которого я унаследовал! Но что-то я увлёкся рассказом семейных историй, — тихо сказал Волдеморт. — Становлюсь сентиментальным. Но посмотри, Гарри! Вот моя настоящая семья, она возвращается ко мне!

Неожиданно в воздухе послышался шелест одежд. Повсюду: между могилами, за деревьями, в каждом тёмном уголке кладбища — появлялись волшебники. Все они были в масках и плащах с капюшонами. Один за другим они приближались; медленно, с опаской, словно не веря своим глазам. Волдеморт ждал. Затем один из Пожирателей смерти упал на колени, подполз к нему и поцеловал край его плаща.

— Повелитель… Повелитель… — бормотал он.

Все как один Пожиратели смерти последовали его примеру. Они ползли к Волдеморту на коленях и целовали его плащ, а после отползали назад и поднимались на ноги, заполняя безмолвный круг, в центре которого были могила Тома Риддла, Гарри, Волдеморт, и скулящий Червехвост.

В кольце волшебников были пустые места, как будто ждавшие ещё кого-то. Но Волдеморт, похоже, больше никого не ждал. Он окинул взглядом кольцо волшебников, и фигуры в плащах затрепетали, хотя никакого ветра не было.

— Добро пожаловать, Пожиратели смерти, — спокойно сказал Волдеморт. — Тринадцать лет, подумать только, наша последняя встреча произошла тринадцать лет назад! Но вы откликнулись на мой зов, будто она была только вчера. Значит, мы по-прежнему едины под знаком Тёмной метки! Хотя так ли это?

Он поднял свое ужасное лицо и принюхался, раздувая узкие ноздри.

— Я чувствую запах вины, — сказал он. — В воздухе висит запах раскаяния…

Снова дрожь пробежала по кругу волшебников, будто бы каждый хотел отступить подальше, но не мог.

— Я вижу, что все вы живы и здоровы, и при ваших волшебных силах, в превосходной форме, одним словом! И я спрашиваю себя, почему эта толпа чародеев не пришла на помощь своему Повелителю, которому они клялись в вечной верности?

Молчание можно было продавать оптом. Никто

не двинулся с места, кроме Червехвоста, дергавшегося на земле, и рыдавшего над кровавым обрубком руки.

— И я отвечаю себе, — прошептал Волдеморт, — они, должно быть, решили, что я сломлен, поверили, что меня больше нет. Они вернулись в стан моих врагов, поклялись, что невиновны, обмануты, околдованы. И я снова задаю себе вопрос, — продолжал Волдеморт, — как могли они поверить, что я не восстану вновь? Они, знавшие, сколько сил я потратил много лет назад, чтобы оградить себя от смерти? Они, видевшие доказательства моей невероятной силы в те времена, когда я был могущественнее любого из живущих волшебников? И я отвечаю себе: быть может, они поверили, что есть еще более могущественная сила? Что кто-то мог превзойти даже Лорда Волдеморта? Кто знает, может быть теперь, они служат другому. Быть может, этому защитнику отребья, нечистокровных и магглов — Альбусу Дамблдору?

При упоминании имени Дамблдора стоящие в кольце зашевелились, некоторые что-то забормотали, качая головами в знак отрицания. Но Волдеморт не обратил на них внимания.

— Это — большое разочарование для меня.

Признаюсь, я разочарован.

Один из волшебников неожиданно бросился вперед, разрывая кольцо. Дрожа с головы до пят, он упал к ногам Волдеморта.

— Повелитель! — воскликнул он, — Повелитель, простите меня! Простите нас всех!

Волдеморт рассмеялся. Он взмахнул волшебной палочкой, и воскликнул — Круцио!

Пожиратель смерти, лежавший на земле начал корчиться и кричать так, что Гарри показалось, что этот крик слышно по всей округе. — Хоть бы вызвали полицию, — подумал он в отчаянии, — хоть кто-нибудь, сделайте же что-нибудь…

Волдеморт снова поднял волшебную палочку. Пожиратель смерти, которого он подверг пытке, теперь лежал, судорожно глотая воздух.

— Встань, Авери, — мягко сказал Волдеморт. — Поднимись. Ты просишь о прощении? Я не прощаю. Я не забываю. Тринадцать долгих лет… Вы все заплатите мне тринадцатью годами верной службы, прежде чем я вас прощу. Червехвост уже заплатил часть своего долга, не так ли, Червехвост?

Он взглянул вниз, на Червехвоста, продолжавшего стонать.

— Ты вернулся ко мне, но не из верности, а из

страха, что бывшие друзья тебе отомстят. Ты ведь понимаешь, что заслужил эту боль, Червехвост?

— Да, Повелитель, — проскулил Червехвост, — но, пожалуйста, Повелитель, пожалуйста!..

— Однако ты помог мне вернуть телесную оболочку. Несмотря на твою никчёмность и малодушие, ты помог мне. А Лорд Волдеморт награждает своих помощников…

Волдеморт взмахнул волшебной палочкой. Теперь с конца палочки свисала лента, блестящая, словно сделанная из расплавленного серебра. На секунду, потеряв форму, она всколыхнулась и превратилась в копию человеческой руки, сияющую, как лунный свет, и примкнула к окровавленному запястью Червехвоста.

Плач Червехвоста оборвался. Хрипло и измученно дыша, он поднял голову и потрясённо уставился на серебряную ладонь, безупречно сидящую на его руке. Казалось, он надел сверкающую перчатку. Червехвост пошевелил блестящими пальцами, затем, трепеща, поднял маленький прутик и раздавил его в пыль.

— Мой Повелитель, — прошептал он. — О, она прекрасна. Благодарю, благодарю вас, Повелитель!

Он встал на колени и поцеловал край плаща

Волдеморта.

— Пусть твоя верность будет впредь непоколебима, Червехвост, — сказал Волдеморт.

— О да, Повелитель, — Червехвост поднялся и занял своё место в кольце, не сводя глаз со своей новой удивительной руки, так и не вытерев слёз. Теперь Волдеморт приблизился к человеку справа от Червехвоста.

— Люциус, мой изменчивый друг, — прошептал он, словно в замешательстве. — Мне сказали, что ты не отступился от старых традиций, хотя остальному миру показываешь респектабельное лицо. Я верю, что ты по-прежнему готов истреблять магглов. Однако ты никогда не пытался разыскать меня, Люциус! Я согласен, то, как ты воспользовался ситуацией на Кубке по Квиддитчу — было забавно, но неужели ты не мог обратить свою энергию на розыски и на помощь твоему Повелителю?

— Мой господин, я постоянно был наготове, — послышался торопливый голос Люциуса Малфоя из-под капюшона. — Если бы от вас поступил какой-нибудь знак, хоть какой-то намёк на то где вы, я тотчас примчался бы к вам, и ничто бы меня не остановило.

— И, тем не менее, ты бежал от моей Метки,

когда верный Пожиратель смерти послал его в небо прошлым летом? — медленно произнес Волдеморт, и мистер Малфой запнулся. — Да, мне известно об этом, Люциус. Ты разочаровал меня. Я ожидаю более верной службы в будущем.

— Конечно, мой господин, конечно. Вы так милостивы, благодарю вас.

Волдеморт двинулся дальше и остановился, глядя на проем, разделявший Малфоя и следующую фигуру. Проем мог вместить двух человек:
— Здесь должны были стоять Лестранжи, — тихо сказал Волдеморт. — Но они заживо погребены в Азкабане. Они были верны мне, они предпочли тюрьму предательству. Когда Азкабан будет взят, я отблагодарю их так, как они и не мечтали. Дементоры присоединятся к нам. Они наши природные союзники. Мы призовём изгнанных великанов. Я верну всех моих преданных слуг. И у меня будет армия наводящих ужас созданий…

Он двинулся дальше. Мимо некоторых Пожирателей смерти он проходил молча, перед другими останавливался и говорил с ними.

— Макнэйр… Червехвост говорит, что ты теперь занят уничтожением опасных чудовищ для Министерства Магии? Скоро у тебя появятся более подходящие жертвы. Лорд Волдеморт поза-

ботится об этом…

— Благодарю, Повелитель… благодарю вас, — бормотал в ответ Макнэйр.

— А здесь, — Волдеморт перешёл к двум самым массивным фигурам, — здесь Крэбб и Гойл. Надеюсь, на этот раз ты покажешь, на что способен, Крэбб? И ты, Гойл?

Те неуклюже поклонились, глухо пробубнив:
— Да, Повелитель, непременно, Повелитель.

— То же самое относится и к тебе, Нотт, — тихо сказал Волдеморт, проходя мимо скрюченной фигуры, в тени мистера Гойла.

— Мой господин, я падаю ниц перед вами, я ваш самый верный…

— Довольно, — прервал его Волдеморт.

Он дошёл до самого широкого проема в кольце и остановился, глядя в него своими пустыми, красными глазами, словно видел там кого-то.

— А здесь — шесть отсутствующих Пожирателей смерти, трое погибли, служа мне. Один слишком труслив, чтобы вернуться, он за это заплатит. Ещё один, я полагаю, оставил меня навсегда, он будет убит, разумеется. И ещё один, тот, кто остаётся моим самым верным слугой, он уже снова помогает мне.

Пожиратели смерти зашевелились, и Гарри

увидел, как они искоса смотрят друг на друга из-под масок.

— Он сейчас в Хогвартсе, мой верный служитель, и это с его помощью наш юный друг прибыл сюда этой ночью. Да, — сказал Волдеморт, и ухмылка искривила его безгубый рот, в то время как глаза волшебников обратились в сторону Гарри. — Гарри Поттер любезно прибыл на мой день ПЕРЕ-РОЖДЕНИЯ. Можно сказать, он мой почетный гость.

Все молчали. Затем Пожиратель смерти справа от Червехвоста вышел вперёд, и из-под маски послышался голос Люциуса Малфоя.

— Господин, мы жаждем узнать, и мы умоляем вас сказать нам, как произошло это чудо. Как вы смогли вернуться к нам?

— О, это невероятная история, Люциус, — сказал Волдеморт. — И она начинается, и заканчивается с участия моего юного друга.

Он неторопливо подошел к Гарри, так, чтобы всей толпе было видно их обоих.

— Вам, конечно, известно, что этого мальчика называют причиной моего падения? — негромко сказал Волдеморт, глядя красными глазами на Гарри. Шрам на лбу Гарри невыносимо горел, и он едва сдерживался, чтобы не закричать от бо-

ли. — Вы все знаете, что в ночь, когда я лишился своей волшебной силы и телесной оболочки, я пытался убить его. Его мать погибла, пытаясь спасти сына и, сама того не зная, дала ему защиту, силы которой я, признаюсь, не предугадал. Я не мог дотронуться до ребенка.

Волдеморт приблизил свой длинный белый палец к щеке Гарри: — Его мать оставила на нем печать самопожертвования. Это — древняя магия, я должен был помнить, с моей стороны было глупо не предвидеть этого, но теперь-то уж всё, что было, не имеет значения. Теперь я могу к нему прикоснуться.

Гарри почувствовал прикосновение холодного длинного пальца, и ему показалось, что сейчас его голова разорвется от боли. Волдеморт тихо хохотнул ему в ухо, затем убрал палец и продолжил, обращаясь к Пожирателям смерти.

— Я просчитался, друзья мои, и я признаю это. Мое проклятие было отражено безумным самопожертвованием женщины, и легло на меня самого. А-а-ах, такая страшная боль, друзья мои, ничто не могло подготовить меня к этому. Моё тело было сорвано с меня, я стал ничтожнее простого духа, слабее самого бессильного привидения, но по-прежнему был жив. Чем я был, неизвестно

даже мне. Я, прошедший дальше, чем кто бы то ни было по пути к бессмертию. Вы знаете, что моя цель — победа над смертью. И вот настал час испытания, и оказалось, что один из моих экспериментов сработал, ибо я не был убит, хотя проклятие должно было это сделать. В любом случае, я был слабее слабейшего живого существа, и не мог себе помочь, поскольку у меня не было тела, а любое заклинание требовало использования волшебной палочки. Я помню только, как заставлял себя, секунду за секундой, без сна, без отдыха — существовать. Я скрылся в лесах отдалённой страны и ждал. Конечно же, думал я, один из моих верных Пожирателей смерти постарается найти меня. Один из них придет и сотворит волшебство, недоступное мне, чтобы восстановить моё тело, но ждал я напрасно.

По кругу слушателей прокатилась волна трепета. Волдеморт выдержал леденящую паузу, и продолжил.

— Только одна способность оставалась со мной. Я мог проникать в тела других существ. Но я не смел показываться там, где было людно, поскольку знал, что Авроры по-прежнему настороже и разыскивают меня. Иногда я вселялся в животных, предпочитая, разумеется, змей. Но внутри

их тел было ненамного лучше, чем совсем без них, поскольку змеиные тела плохо приспособлены для занятий магией, и моё пребывание в них укорачивало им жизнь. Они умирали слишком быстро. Затем, четыре года назад, казалось, моё возвращение стало неотвратимо. Колдун — молодой, легкомысленный и наивный, забрёл в лес, где я жил, и наши пути пересеклись. Он был воплощением всех возможностей, о которых я мечтал: он был учителем в школе Дамблдора, и его было легко подчинить моей воле. Он принёс меня обратно в эту страну и, спустя некоторое время, я вселился в его тело, чтобы понаблюдать, как он выполняет мои приказы. Но мой план рухнул. Я не смог похитить Философский камень. Мне не суждено было гарантированное бессмертие. Мне вновь помешали. На моем пути вновь встал Гарри Поттер.

Снова воцарилось молчание. Пожиратели смерти стояли неподвижно, взгляды их застыли на Волдеморте и Гарри.

— Мой служитель умер, когда я покинул его тело, а я остался таким же бессильным, каким был до этого, — продолжал Волдеморт. — Я вернулся в своё отдалённое укрытие, и, не стану лукавить, начал думать, что никогда уже не вер-

ну свою волшебную мощь. Да, пожалуй, это был мой самый чёрный час. Я не мог рассчитывать на то, что судьба пошлёт мне другого волшебника, телом которого я смог бы управлять, и меня уже оставила надежда на то, что кого-нибудь из моих Пожирателей смерти заботит, что случилось со мной.

Один или два волшебника в кольце беспокойно зашевелились, но Волдеморт не обратил на них внимания.

— Вот тогда, меньше года назад, когда я почти оставил надежду, это свершилось — наконец-то! — мой слуга вернулся ко мне. Червехвост, инсценировавший свою гибель, дабы избежать правосудия, был вынужден скрываться от тех, кого раньше называл своими друзьями. И он решил вернуться к своему повелителю. Он разыскивал меня в стране, где я, по слухам, скрывался. Конечно же, не без помощи крыс, встречавшихся по пути. У Червехвоста удивительный талант располагать к себе крыс, не так ли, Червехвост? Его маленькие грязные приятели рассказали ему о страшном месте в глухом албанском лесу. Они избегали этого места, потому что мелких животных там ждала смерть в образе тёмной тени, вселявшейся в них. Но путь ко мне был

нелёгок. Однажды вечером, уже рядом с моим лесом, он легкомысленно остановился в таверне, чтобы перекусить. И надо же было случиться, чтобы там он столкнулся с Бертой Джоркинс, ведьмой из Министерства Магии. Теперь слушайте и убеждайтесь, как судьба благосклонна к Лорду Волдеморту. Эта встреча могла означать конец для Червехвоста, а для меня — потерю моей последней надежды на возрождение. Но Червехвост продемонстрировал находчивость, которой я от него никогда не ожидал, он уговорил Берту Джоркинс пойти вместе с ним на ночную прогулку. Червехвост обманом привел её ко мне. И Берта Джоркинс, которая могла всё испортить, оказалась большим подарком судьбы, чем я мог надеяться в самых дерзких мечтах. Потому что, после некоторого давления, она оказалась настоящим кладезем информации. Берта рассказала мне, что в этом году в Хогвартсе будет проходить Турнир Трёх Волшебников. Она сказала, что знает верного мне Пожирателя смерти, который, если я только с ним свяжусь, с радостью будет мне помогать. Она рассказала мне очень многое. Но средства, которыми я воздействовал на неё, чтобы взломать заклятие Забвения, были очень сильными, и когда я получил от неё всю

полезную информацию, её тело и сознание были непоправимо повреждены. Она сослужила свою службу. Я не мог вселиться в её тело, и тогда я уничтожил его.

Волдеморт улыбнулся своей ужасной улыбкой, глаза его были пусты и безжалостны.

— Тело Червехвоста, однако, не подходило для вселения, поскольку все считали его мёртвым. Если бы его заметили, это привлекло бы слишком много внимания. Тем не менее, он был полезным слугой. Будучи сам неважным волшебником, Червехвост мог следовать моим указаниям. В результате я смог возвратиться в зачаточное телесное состояние, получив слабое тело, в котором я стал существовать, ожидая главных ингредиентов настоящего возрождения. Два-три заклятия моего изобретения. Небольшая помощь моей дорогой Нагини, — красные глаза Волдеморта обратились к змее, продолжавшей кружить вокруг могилы, — с помощью зелья, составленного из крови единорога и змеиного яда, который дала Нагини, в скором времени я почти возвратился в человеческую форму и набрался сил для путешествия. Надежды похитить Философский камень больше не было, поскольку я знал, что Дамблдор сделал всё, чтобы его уничтожить. Но

я желал вернуться к обычной жизни, прежде чем продолжить путь к бессмертию. Я упростил свою задачу. Теперь мне было достаточно моего прежнего тела и силы. Я знал, как этого достичь. Зелье, воссоздавшее меня этой ночью — это часть старинной Тёмной магии. Мне были нужны три могущественных компонента. Один из них был уже под рукой — не правда ли, Червехвост? Плоть, отданная слугой. Чтобы добыть кость моего отца мы, естественно, должны были прийти сюда, на место его захоронения. Но вот кровь недруга… Червехвост посоветовал бы использовать любого волшебника, так ведь, Червехвост? Любого волшебника, который ненавидел меня, ведь многие из них ненавидят меня и поныне. Но я знал единственного, кого я должен был использовать, если хотел снова возродиться и обрести ещё большую силу, чем имел до своего падения. Мне нужна была кровь Гарри Поттера. Я желал крови того, кто лишил меня власти тринадцать лет назад, ибо пожизненная защита, которую однажды дала ему его мать, стала бы моей. Но как я мог изловить Гарри Поттера? Ведь он даже не подозревал, каким надежным покровительством наделил его Дамблдор в день, когда ему выпало позаботиться о будущем мальчика. Дамблдор использовал

методы древнейшей магии, чтобы обеспечить защиту Гарри, пока тот находится под опекой своих родственников. Даже я не мог коснуться его тогда. Затем, разумеется, был Кубок мира по Квиддитчу. Я подумал, что там защита будет слабее, но тогда я не был ещё достаточно силён, чтобы похитить его среди толпы волшебников из министерства. А потом он снова вернулся в Хогвартс, под кривой нос обожателя магглов, под его заботливый присмотр с утра и до вечера. Как же я мог до него добраться? Разумеется, воспользовавшись информацией Берты Джоркинс. Верный мне Пожиратель смерти, живший на территории Хогвартса, по моему приказу опустил пергамент с именем мальчика в Кубок Огня. Он же подстроил победу Гарри Поттера в турнире — чтобы тот первым коснулся Кубка, превращённого моим слугой в Портключ, который и принёс его сюда, за пределы власти и защиты Дамблдора, прямо мне в руки. И вот он здесь! Мальчик, который, как вы верили, был причиной моего падения.

Волдеморт медленно двинулся вперед и повернулся к Гарри, поднимая свою волшебную палочку.

— Круцио!

Боль, которая обрушилась на Гарри, была самой

ужасной в его жизни, кости горели, голова раскалывалась, шрам полыхал, закатившиеся глаза бешено вращались, и ему хотелось лишь одного — чтобы все поскорее закончилось… потерять сознание… умереть…

Вдруг боль прекратилась. Он безжизненно повис на веревках, которыми был привязан к надгробию, и через какую-то дымку опять увидел красные глаза. Смех Пожирателей смерти гремел в ночи.

— Теперь, я думаю, вы видите, как наивно было предполагать, что этот мальчик когда-нибудь мог быть сильнее меня, — сказал Волдеморт. — Но я не хочу, чтобы у кого-либо осталось хоть малейшее сомнение. Гарри Поттер спасся от меня по счастливой случайности. И я докажу своё могущество, убив его, здесь и сейчас, на глазах у всех вас. Здесь нет Дамблдора, готового помочь ему, и нет матери, готовой умереть за него. Ему будет позволено защищаться, чтобы никто из вас не усомнился, кто из нас сильнее. Подожди еще немного, Нагини, — прошептал он, и змея отползла по траве в сторону Пожирателей смерти, замерших в ожидании.

— Теперь развяжи его, Червехвост, и верни ему волшебную палочку.

34. Приори Инкантатем

Червехвост направился к Гарри, который пытался размять онемевшие ноги, чтобы не упасть, когда веревки будут развязаны. Он грубо выдернул кляп изо рта Гарри и одним взмахом серебряной руки рассёк его путы.

У Гарри промелькнула мысль о бегстве, но он едва мог ступить на больную ногу. А Пожиратели смерти, тем временем, приближались, сжимая кольцо вокруг него и Волдеморта, так, что просветы между ними исчезли. Червехвост вышел из круга, подошел к мёртвому Седрику, вернулся с волшебной палочкой Гарри, и избегая его взгляда, грубо сунул её ему в руку. А потом снова влился в кольцо Пожирателей смерти.

— Тебя обучали искусству дуэли, Гарри Поттер? — мягко спросил Волдеморт, и его красные глаза сверкнули.

Эти слова напомнили Гарри Клуб Дуэлянтов, который он пару раз посещал два года назад — словно это было в другой жизни. Он выучил тогда только заклинание разоружения… Но какой смысл разоружать Волдеморта, даже если бы

это ему и удалось, когда вокруг как минимум три десятка Пожирателей смерти? Гарри никогда не учился ничему, что могло бы хоть как-то пригодиться в подобной ситуации. Он знал, что ему предстояло… То, о чём Хмури всегда предупреждал… неодолимое проклятие Авада Кедавра — и Волдеморт прав — на этот раз здесь нет его матери, чтобы отдать за него жизнь… Он абсолютно беззащитен…

— Мы должны поклониться друг другу, Гарри, — сказал Волдеморт, слегка наклоняясь, но не отводя змеиного лица от Гарри. — Условности должны быть соблюдены… Уверен, Дамблдор хотел бы, чтобы его воспитанник продемонстрировал хорошие манеры… Поклонись смерти, Гарри…

Пожиратели смерти снова расхохотались. Волдеморт ухмылялся своим безгубым ртом. Но Гарри не поклонился. Он решил, что не позволит Волдеморту издеваться над собой перед тем, как тот его убьёт… Гарри не доставит ему такого удовольствия.

— Я сказал, поклонись, — произнёс Волдеморт, опуская волшебную палочку — и Гарри почувствовал, как его позвоночник сгибается, словно огромная невидимая рука грубо давит на него.

Пожиратели смерти хохотали всё громче.

— Очень хорошо, — вкрадчиво сказал Волдеморт, и одновременно с тем, как он поднял волшебную палочку, давление, которое чувствовал Гарри, исчезло. — Теперь встань передо мной как подобает мужчине… гордо и не сгибая спины. Так встретил смерть твой отец…

— А теперь сразимся.

Волдеморт взмахнул палочкой, и не успел Гарри предпринять что-нибудь, чтобы защититься, не успел даже пошевельнуться, как его снова ударило заклятие Круциатус. Боль была настолько сильной и всепоглощающей, что мир превратился в огромный вулкан… Казалось, раскалённые добела ножи пронзают каждый кусочек его кожи… голова была готова разорваться от боли. Он кричал громче, чем когда-либо в своей жизни…

И вдруг пытка прекратилась. Гарри перевернулся и с трудом поднялся на ноги. Его трясло, как до этого — Червехвоста с отрубленной рукой; он качнулся в сторону Пожирателей смерти, но те оттолкнули его обратно, к Волдеморту.

— Небольшой перерыв, — сказал Волдеморт, раздувая от возбуждения щёлочки ноздрей. — Больно было, правда, Гарри? Ты ведь не хочешь, чтобы я это повторил?

Гарри не ответил. В безжалостных глазах врага читался приговор — такой же, как и Седрику… он умрёт, и ничего с этим нельзя поделать… Но он не будет танцевать под его дудку! Он не станет подчиняться Волдеморту… не будет просить пощады…

— Я спросил, хочешь ли ты, чтобы я повторил пытку, — тихо произнёс Волдеморт. — Отвечай же! Империо!

И третий раз в жизни Гарри почувствовал, как исчезают все тревоги и заботы… Какое это блаженство — ни о чём не думать… словно прекрасный сон… просто скажи «нет»… скажи «нет»… «нет»… просто скажи «нет»…

Нет, не скажу, произнёс голос в глубине его мозга, ни за что не скажу.

Просто скажи «нет»…

Я не стану, я не скажу…

Только скажи «нет»…

— НЕ СКАЖУ!

Эти слова вырвались у Гарри; они разнеслись эхом по кладбищу, и блаженство оборвалось, словно его окатили ледяной водой — мгновенно вернулась боль во всем теле после проклятия пытки, и сознание того, где он находится и что ему предстоит…

— Не скажешь? — тихо спросил Волдеморт. Пожиратели смерти больше не смеялись. — Ты не скажешь «нет»? Гарри, послушание — ценное качество, и я должен привить его тебе перед тем, как ты умрешь… Что же, может быть, ещё немного боли?

Волдеморт поднял волшебную палочку, но на этот раз Гарри был готов. Сработала реакция, выработанная на квиддитчных тренировках — он отпрянул в сторону, пригнулся, и перекатился за мраморное надгробие отца Волдеморта, которое тут же раскололось от удара проклятия, миновавшего Гарри.

— Мы здесь не в прятки играем, Гарри, — ледяной голос Волдеморта звучал всё ближе, Пожиратели смерти опять хохотали. — Тебе не скрыться от меня. Означает ли это, что ты устал от дуэли? Предпочитаешь покончить со всем прямо сейчас? Тогда выходи, Гарри… выходи играть… это будет быстро… и, быть может, даже не больно… Мне трудно сказать… Я никогда не умирал…

Гарри съёжился за надгробием. Он знал, что конец близок. Надежды не было… не было и помощи. И, слыша приближающиеся шаги Волдеморта, он твёрдо знал лишь одно: он не умрёт здесь, скорчившись, как ребёнок, играющий в

прятки; он не умрет коленопреклонённым у ног Волдеморта… он встретит смерть стоя, как его отец, и до последней секунды будет сопротивляться, даже если спасение невозможно…

Змеиное лицо Волдеморта ещё не показалось из-за надгробия, но Гарри уже был на ногах… он сжал волшебную палочку, выставил её перед собой и выскочил из-за плиты, оказавшись лицом к лицу с Волдемортом.

Волдеморт был наготове. В тот момент, когда Гарри выкрикнул — Экспеллиармус! — он проревел — Авада Кедавра!

Поток зелёного света выстрелил из палочки Волдеморта, одновременно с потоком красного света — из палочки Гарри — они столкнулись в воздухе — и внезапно палочка Гарри завибрировала, словно через неё прошёл электрический разряд; пальцы прилипли к дереву так, что Гарри не мог бы разжать их, даже если бы захотел — и узкий луч света, не красный и не зелёный, а ярко-золотой, соединил две волшебные палочки. Гарри проследил за лучом ошеломлённым взглядом и увидел, что длинные пальцы Волдеморта тоже изо всех сил сжимают дрожащую волшебную палочку.

А потом внезапно Гарри почувствовал, как

его ноги отрываются от земли. Неведомая сила подняла его и Волдеморта в воздух и перенесла в сторону от надгробия, на участок, свободный от могил… Пожиратели смерти кричали, спрашивая Волдеморта, что делать, они приближались, снова смыкая круг, держа наготове волшебные палочки. Змея скользила у их ног…

Золотой луч, соединяющий волшебные палочки, разделился на множество нитей. Тысячи лучей взлетели арками над головами Гарри и Волдеморта, и скрестились, образовав золотой купол, сотканный из света. Пожиратели смерти кружили снаружи, как стая шакалов, но теперь их крики доносились словно издалека.

— Ничего не делайте! — кричал Волдеморт Пожирателям смерти, и Гарри видел, как, вытаращив от потрясения красные глаза, он изо всех сил старается разорвать золотой луч, по-прежнему соединяющий их. Гарри ещё сильнее вцепился в волшебную палочку, теперь уже двумя руками, и золотая нить не обрывалась.

— Ничего не делайте без моего приказа! — кричал Волдеморт Пожирателям смерти.

И вдруг послышалась прекрасная, неземная мелодия… Каждая нить световой паутины вокруг Гарри и Волдеморта пела. Гарри узнал этот звук

несмотря на то, что слышал его только один-единственный раз в жизни: это была песнь феникса.

Для Гарри это была песня надежды… самая прекрасная и желанная из всех… Эта мелодия напомнила ему Дамблдора, и ему показалось, что он слышит дружеский голос:

Не дай связи порваться.

Я знаю, ответил Гарри мелодии, я знаю, я смогу… но как только он подумал об этом, ему стало гораздо труднее. Волшебная палочка задрожала в его руках ещё сильнее… Луч между ним и Волдемортом изменился… теперь по нити, соединяющей волшебные палочки, скользили световые шары — Гарри почувствовал, как палочка в его руке затрепетала, когда световые бусины медленно двинулись к нему… Они неслись всё быстрее и быстрее, и он чувствовал, как волшебная палочка бешено скачет в пальцах…

Когда ближайший световой шар приблизился к концу палочки, дерево нагрелось так, что Гарри испугался, что палочка вспыхнет. Чем ближе был шар, тем сильнее билась палочка Гарри; он был уверен, что она не выдержит соприкосновения с шаром, а просто разлетится у него руках.

Он сосредоточил каждую частицу своего сознания на том, чтобы заставить шар двигаться

обратно, к Волдеморту. В ушах Гарри звенела песня феникса, он не сводил разъярённого взгляда с шара… и медленно, очень медленно шары остановились, а затем, так же медленно, начали двигаться в противоположном направлении… и теперь уже волшебная палочка неистово билась в руках изумлённого Волдеморта.

Один из световых шаров подрагивал всего в нескольких дюймах от конца палочки Волдеморта. Гарри не знал, что происходит и что должно случиться… но теперь он, как никогда прежде, сосредоточился на том, чтобы заставить световой шар зайти обратно в волшебную палочку Волдеморта… и медленно… очень медленно… шар продвинулся по золотой нити… вздрогнул на миг… и затем коснулся палочки….

В ту же секунду из волшебной палочки Волдеморта послышались глухие крики боли… затем — от ужаса Волдеморт выпучил красные глаза — словно сотканная из плотного дыма из его палочки вылетела рука — и исчезла… Это был призрак руки, которую он сотворил для Червехвоста… снова крики боли… и затем что-то гораздо большее появилось из волшебной палочки, серое и туманное… Голова… затем грудь и руки… тело Седрика Диггори.

В этот миг Гарри от потрясения едва не выпустил волшебную палочку, но его пальцы вцепились в неё с такой силой, что нить не прервалась, даже тогда, когда туманный призрак Седрика Диггори (призрак ли? он не был прозрачным) полностью материализовался из волшебной палочки Волдеморта, словно пройдя узкий тунель… и тень Седрика поднялась, взглянула на золотую нить света и заговорила.

— Держись, Гарри.

Голос звучал глухо и загробно. Гарри взглянул на Волдеморта… его расширенные красные глаза по-прежнему выражали ужас… для него это было такой же неожиданностью, как и для Гарри… откуда-то издалека доносились голоса испуганных Пожирателей смерти, рыскавших снаружи купола…

Из палочки снова раздались стоны… и появился кто-то ещё… следующий призрак: голова, за ней — руки и тело… старик, которого Гарри видел во сне, теперь выплывал из палочки, как до этого — Седрик… И его тень, или призрак, что бы это ни было, опустился рядом с Седриком, и, опираясь на костыль, с некоторым удивлением окинул взглядом Гарри, Волдеморта, золотую сеть и связанные нитью волшебные палочки. —

Так значит, он и вправду колдун? — произнёс старик, глядя на Волдеморта. — Он убил меня… Не сдавайся, парень…

Но из палочки уже показалась другая голова… серая, как голова статуи, сотканной из дыма — это была голова женщины… Гарри, вцепившись в палочку, смотрел, как на землю опустилась тень Берты Джоркинс. Она смотрела на противостояние широко раскрытыми глазами.

— Не отпускай, не дай связи прерваться! — крикнула она, глухо и загробно, как Седрик. — Не сдавайся, Гарри — не отпускай!

И три призрака закружили внутри золотого купола, в такт хороводу Пожирателей смерти… мёртвые жертвы Волдеморта летали вокруг дуэлянтов, шепча Гарри слова поддержки и злобно шипя что-то, Гарри не слышал что, Волдеморту.

Из волшебной палочки Волдеморта показалась следующая голова… и теперь Гарри знал, кто это будет… он ждал этого с того момента, когда призрак Седрика появился перед ним… знал, потому что этой ночью думал о женщине, призрак которой видел перед собой, больше чем о ком-либо другом…

Туманный силуэт длинноволосой женщины опустился на землю, как до этого — Берта, вы-

прямился и посмотрел на него… и Гарри, сжимая дрожащую палочку, взглянул в призрачное лицо своей матери.

— Сейчас появится отец… — сказала она тихо. — Он хочет тебя увидеть… Всё будет хорошо… держись…

И снова, как раньше… сначала голова, потом тело… туманный силуэт высокого мужчины с растрёпанными как у Гарри волосами… Джеймс Поттер появился из волшебной палочки Волдеморта, опустился на землю и выпрямился. Он приблизился к Гарри, посмотрел на него, и заговорил, таким же глухим, загробным голосом, как и остальные, но тихо, так, что Волдеморт (с искажённым от ужаса лицом, смотрящий, как тени его жертв вьются вокруг) не слышал…

— Когда связь оборвётся, мы задержимся здесь на считанные секунды… но это даст тебе время… ты должен добраться до Портключа, он вернёт тебя в Хогвартс… ты понял, Гарри?

— Да, — выдохнул Гарри, из последних сил пытаясь удержать вырывающуюся волшебную палочку.

— Гарри… — прошептал призрак Седрика, — забери меня с собой, пожалуйста. Верни моё тело родителям…

— Обещаю, — ответил Гарри. Его лицо исказила судорога.

— Теперь — пора, — прошептал отец, — приготовься бежать… сейчас…

— СЕЙЧАС! — крикнул Гарри; он знал, что ему всё равно не удержать волшебную палочку ни секундой дольше — он изо всех сил дернул её вверх, и золотая нить порвалась; световой купол пропал, песнь феникса замерла — но туманные силуэты жертв Волдеморта не исчезли — они смыкались вокруг него, загораживая Гарри. И Гарри побежал изо всех сил… Он сбил с ног двух потрясённых Пожирателей смерти; он мчался зигзагами между памятниками, чувствуя, как ему вслед летят заклятия, и ударяются о мраморные плиты… Он лавировал между могилами и заклятиями, пробираясь к телу Седрика, не замечая больше боли в ноге, думая только о том, что он должен сделать…

— Оглушить его! — донёсся вопль Волдеморта.

В десяти футах от Седрика Гарри нырнул за мраморного ангела, чтобы укрыться от настигающих красных залпов; крыло ангела тут же разлетелось под ударами заклятий. Крепче сжав волшебную палочку, Гарри выглянул из-за статуи.

— Импедимента! — прокричал он, направив

палочку на Пожирателей смерти.

Услышав приглушённый крик, он решил, что ему удалось остановить как минимум одного, но у него не было времени оглянуться и посмотреть; он бросился к Кубку, слыша позади новые заклятия; падая и пытаясь дотянуться до руки Седрика, он увидел проносящиеся над ним световые залпы.

— Посторонитесь! Я убью его! Он мой! — ревел Волдеморт. Пальцы Гарри сомкнулись на запястье Седрика; всего одна могильная плита отделяла его от Волдеморта, но тело Седрика было слишком тяжёлым, Гарри не мог его поднять — ему было не дотянуться до Кубка…

Глаза Волдеморта пламенели в темноте. Гарри увидел, как его рот расползается в ухмылке, как тот заносит волшебную палочку…

— Акцио! — крикнул Гарри, направив палочку на Кубок Трёх Волшебников. Кубок поднялся в воздух и полетел к нему. Гарри ухватился за ручку. Он ещё успел услышать гневный рёв Волдеморта, но в этот же миг почувствовал рывок где-то в середине живота. Это означало, что Портключ сработал — теперь его и Седрика уносил разноцветный ветер… Они возвращались.

35. Веритасерум

Гарри плашмя шлёпнулся на землю, уткнулся лицом в запах травы, да так и замер. Он лежал, закрыв глаза, и не мог вдохнуть. Казалось, падение выбило весь воздух из лёгких. Голова кружилась, его тошнило, а земля качалась, словно палуба в шторм. Пытаясь удержать равновесие, Гарри сильнее вцепился в то, что сжимал в руках: гладкую, холодную ручку Кубка Трёх Волшебников и тело Седрика. Он чувствовал, что если разожмёт пальцы, то скользнёт прямо во тьму, клубящуюся в голове. И он лежал так, рывками втягивая травяной запах, и ждал, чтобы хоть что-нибудь произошло. Шрам на лбу горел болью, мучительно отзываясь на людской гомон. Отовсюду доносились голоса, топот, крики. Гарри лежал, отвернувшись от шума, как если бы это был кошмар, который вот-вот кончится…

Вдруг пара рук схватила его и перевернула.

— Гарри! Гарри!

Он открыл глаза. Над ним поднималось звёздное небо и Альбус Дамблдор. Вокруг толкались тени, надвигаясь всё ближе, Гарри чувствовал,

как земля под головой дрожит от топота.

Он лежал у края лабиринта и видел трибуны, возвышающиеся над ним, силуэты людей на их фоне, звёзды в небе.

Гарри отпустил кубок, но ещё сильнее вцепился в Седрика. Свободной рукой он поймал запястье Дамблдора, пытаясь сосредоточиться на его лице, но лицо расплывалось. — Он вернулся, — прошептал Гарри. — Он вернулся. Волдеморт.

— Что происходит? Что случилось? — перевёрнутое лицо Корнелиуса Фаджа возникло рядом с Дамблдором; министр выглядел бледным и потрясённым. — Боже мой — Диггори! — прошептал он. — Дамблдор — он мёртв!

Слова понеслись, словно эхо, от тени к тени. Те, что были ближе, передавали их тем, кто был дальше, а те тут же выкрикивали их — и слова разносились в ночи:

— Мёртв!

— Он мёртв!

— Седрик Диггори! Мёртв!

— Гарри, отпусти его, — донёсся до него голос Фаджа, и Гарри ощутил, как чьи-то пальцы попытались отнять у него Седрика, но Гарри не отпускал.

Тогда лицо Дамблдора, всё ещё размытое и

нечёткое, склонилось к нему: — Гарри, ты уже не сможешь ему помочь. Всё кончилось. Отпусти.

— Он хотел, чтобы я принёс его назад, — прошептал Гарри — ему было необходимо это объяснить. — Он хотел, чтобы я вернул его родителям…

— Да, да, Гарри… Теперь можешь отпустить его…

Дамблдор наклонился и, с невероятной для такого старого и худого человека силой, поднял Гарри с земли и поставил на ноги. Гарри покачнулся. Голова раскалывалась, больная нога подворачивалась. В толпе вокруг них проталкивались поближе, повторяя:

— Что случилось?

— Что произошло?

— Диггори мёртв!

— Ему нужно в больничное крыло! — громко объявил Фадж. — Ему плохо, он ранен… Дамблдор, родители Диггори, они здесь, на трибунах…

— Я возьму Гарри, Дамблдор, я отведу его…

— Нет, я думаю…

— Дамблдор, сейчас здесь будет Эймос Диггори, вон он бежит… Вы не думаете, что нужно сообщить ему — прежде, чем он увидит?

— Гарри, оставайся здесь…

Девушки кричали и рыдали… Всё вокруг двигалось рывками, словно в свете стробоскопа.

— Всё хорошо, сынок, я отведу тебя в больничное крыло.

— Дамблдор велел остаться, — выдавил Гарри. Шрам налился такой болью, что казалось, он сейчас потеряет сознание; перед глазами плыли круги.

— Тебе нужно лечь, ну пойдём же.

Кто-то больше и сильнее Гарри, тащил его сквозь перепуганную толпу. Люди охали, кричали и огрызались на того, кто толкал их, ведя Гарри в замок. Через лужайку, мимо озера и Дурмштрангского корабля. Гарри слышал только тяжёлое дыхание незнакомца, помогающего ему переставлять ноги.

— Что случилось, Гарри? — наконец спросил тот, поднимая его по каменным ступенькам. Бух. Бух. Бух. Это был Хмури-«Дикий Глаз».

— Кубок оказался Портключом, — сказал Гарри, когда они пересекали вестибюль. — Перенёс меня и Седрика на кладбище, там был Волдеморт — Лорд Волдеморт.

Бух. Бух. Бух. Мраморная лестница.

— Тёмный Лорд был там? А дальше?

— Убил Седрика… Он убил Седрика.

— А потом?

Бух. Бух. Бух. По коридору.

— Зелье, оно вернуло ему тело.

— Тёмный Лорд снова обрел тело? Он вернулся?

— Потом — Пожиратели Смерти… а потом была дуэль…

— Ты дрался с Тёмным Лордом?

— Сбежал… Палочка… сделала странное… я видел маму с папой… они вышли из его палочки…

— Сюда. Гарри, присядь. Всё будет хорошо. Нака выпей это.

Гарри услышал, как ключ провернулся в замке и почувствовал, как ему в руки сунули кубок.

— Выпей и ты почувствуешь себя лучше. Ну, давай. Гарри, я должен точно знать, что случилось, — Хмури помог содержимому кубка влиться в горло Гарри, и тот от неожиданности поперхнулся. Комочек перца стёк в желудок, и взгляд Гарри внезапно прояснился, кабинет Хмури стал чётче, да и сам Хмури тоже. Он был бледен, как Фадж, и оба его глаза не мигая, буравили Гарри.

— Волдеморт вернулся, Гарри? Ты уверен, что он вернулся? Каким образом?

— Он взял составные части для зелья из могилы своего отца, от Червехвоста и от меня, — сказал

Гарри. Голова прояснилась, а боль в шраме чуть стихла. Лицо Хмури было отчетливо видно, даже при столь скудном свете. Крики и плач с квиддитчного поля были слышны даже здесь.

— Что Тёмный Лорд взял у тебя? — спросил Хмури.

— Кровь, — ответил Гарри, поднимая руку. Рукав был разрезан кинжалом Червехвоста. Хмури резко выдохнул.

— А Пожиратели Смерти? Они вернулись?

— Да, — сказал Гарри. — Большинство…

— Как он обращался с ними? — тихо спросили Хмури. — Он простил их?

Но Гарри внезапно вспомнил. Он должен был сказать Дамблдору, он должен был сказать немедленно: — В Хогвартсе — Пожиратель Смерти! Пожиратель Смерти — они запихнули моё имя в Кубок Огня, они удостоверились, что я дошёл до конца, — Гарри, попытался встать, но Хмури усадил его обратно.

— Я знаю, кто этот Пожиратель Смерти, — спокойно произнес он.

— Каркаров? — яростно спросил Гарри. — Где он? Вы поймали его? Он заперт?

— Каркаров? — усмехнулся Хмури. — Каркаров сбежал сегодня вечером, когда почувствовал, что

Тёмная Метка горит у него на руке. Он предал слишком много верных сторонников Тёмного Лорда, чтобы жаждать встречи с ним. Но я сомневаюсь, что он далеко уйдёт. У Тёмного Лорда много способов найти своих врагов.

— Каркарова нет? Он сбежал? Но тогда — тогда не он сунул моё имя в Кубок?

— Нет, — сказал Хмури медленно. — Нет, это был не он, это был я!

Гарри не поверил своим ушам.

— Нет, не вы… Вы не могли сделать это!

— Я ручаюсь тебе, что это моя работа, — сказал Хмури, в то время как его волшебный глаз обежал комнату и уставился на дверь. Гарри понял, что тот хотел убедиться, что за ней никого нет. Тем временем Хмури вытащил палочку и направил её на Гарри. — Он простил их? — спросил он. — Пожирателей Смерти, которые оставались на свободе? Тех, которые избежали Азкабана?

— Чего? — переспросил Гарри.

Он смотрел на палочку Хмури. Просто злая шутка, так ведь?

— Я спросил тебя, — тихо повторил Хмури, — он простил те отбросы, которые никогда даже не потрудились найти его? Тех жалких трусов, которые даже не выдержали Азкабан ради него?

Неверных, недоношенных ошмётков, у которых хватило храбрости, чтобы скакать в масках на Кубке мира по Квиддитчу, но которые тут же струхнули, увидев Тёмную Метку, которую я запустил в небо?

— Вы? О чём вы говорите?

— Я же говорил, Гарри… я же говорил. Больше всего на свете я ненавижу Пожирателей смерти, оставшихся на свободе. Они отвернулись от моего Повелителя, когда он больше всего нуждался в их помощи. Я думал, он покарает их. Я ожидал, что он будет мучить их. Скажи мне, что он наказал их, Гарри, — лицо Хмури внезапно осветилось безумной улыбкой. — Скажи мне, что он сказал им, что я, я один оставался преданным, готовым рискнуть всем, чтобы дать ему то, что он хотел больше всего — тебя!

— Вы не могли… Это — это не могли быть вы!

— Кто подложил твоё имя в Кубок Огня, под видом другой школы? Я. Кто отпугнул всех, кто мог бы навредить тебе или помешать победить в Турнире? Я. Кто подговорил Хагрида показать тебе драконов? Снова я. Кто помог тебе найти единственный способ, которым ты мог бы победить дракона? И это сделал я.

Волшебный глаз Хмури, теперь отвернулся от

двери. Он уставился на Гарри. Его кривой рот перекосился ещё сильнее.

— Ох и нелегко же было провести тебя, Гарри, через все три задания, не вызвав подозрений. Мне пришлось использовать каждую капельку хитрости, которая у меня есть, чтобы никто не заподозрил, что я приложил руку к твоему успеху. Дамблдор бы обязательно что-то заподозрил, если бы ты справился со всем одной левой. Я знал, что если ты войдёшь в лабиринт задолго до остальных, мне удастся отделаться от них и расчистить тебе дорогу. Но мне ещё приходилось бороться с твоей глупостью. А Второе задание… Это был момент, когда я больше всего боялся, что мы провалим весь план. Я следил за тобой, Поттер. Я знал, что ты не разгадал подсказку в яйце, так что мне пришлось дать тебе другой намёк.

— Это были не вы, — хрипло перебил его Гарри. — Мне подсказал Седрик.

— А кто велел Седрику открыть его под водой? Я велел. Я полагал, что он расскажет тебе. Благородными людьми так легко манипулировать, Поттер. Я был уверен, что Седрик захочет отплатить тебе за то, что ты рассказал ему о драконах. Он так и сделал. Но даже тогда, Поттер, даже тогда ты чуть всё не провалил. Я наблюдал за тобой

всё то время, как ты сидел в библиотеке. Книга, которая была тебе нужна, всё время находилась в вашей спальне. Я сделал так, чтобы она оказалась там, я дал её сынку Лонгботтома, разве ты не помнишь? «Волшебные водяные растения Средиземноморья». Там бы ты нашёл всё, что нужно о Жаброслях. Я рассчитывал, что ты спросишь всех и каждого, кто мог бы помочь. Лонгботтом моментально рассказал бы тебе. Но ты не сделал этого, не сделал… У тебя есть дурная черта, которая могла бы разрушить всё — ты слишком горд и независим.

— Что мне оставалось делать? Передать тебе информацию через другой независимый источник. Ты рассказал мне на Рождественском Балу, что домовой по имени Добби сделал тебе подарок на Рождество. Я вызвал этого домового в учительскую, чтобы отдать кое-какие вещи в чистку, а затем организовал громкую дискуссию с профессором МакГонагалл о взятых заложниках и поинтересовался, сможет ли Поттер додуматься до использования Жаброслей. И твой маленький друг побежал прямо в кладовку Снейпа, и затем поспешил к тебе.

Палочка Хмури всё ещё была направлена прямо Гарри в сердце, а за его спиной во Вражьем

Стекле, где отражались все недоброжелатели в округе, двигались туманные силуэты.

— Ты был в озере так долго, Поттер, я уж подумал, что ты утонул. Но к счастью, Дамблдор принял твой идиотизм за благородство, и дал тебе высокий бал. Я облегчённо вздохнул. Конечно в лабиринте сегодня вечером тебе было намного легче, чем полагалось, — сказал Хмури. — Я шагал по периметру, способный видеть сквозь преграды и заклясть большинство препятствий на твоём пути. Я оглушил Флёр Делакур, когда она проходила мимо. Я использовал заклятие Империус на Краме, так, чтобы он покончил с Диггори и расчистил тебе дорогу к Кубку.

Гарри смотрел на Хмури. Он никак не мог понять, как такое могло случиться… Друг Дамблдора, известный Аврор… Тот, кто поймал стольких Пожирателей смерти… Это был дурной сон… ночной кошмар…

Туманные формы во Вражьем Стекле стали отчетливей. Гарри видел за спиной Хмури три тени, подступающих всё ближе и ближе. Но Хмури не замечал их. Его волшебный глаз смотрел на Гарри.

— Тёмный Лорд не смог убить тебя, Поттер, а он так хотел, — прошептал Хмури. — Вообрази, как

он вознаградит меня, когда узнает, что я сделал это за него. Я отдал ему тебя — того, в ком он нуждался больше всего, чтобы возродиться — а потом я убил тебя для него. Я буду выделен из всех Пожирателей Смерти. Я буду его самым дорогим, его самым близким сторонником. Ближе чем сын! — нормальный глаз Хмури затуманился, волшебный глаз замер на Гарри. Дверь была заперта, и Гарри знал, что не успеет вовремя достать палочку…

— У нас с Тёмным Лордом, — сказал Хмури — много общего.

У него было совершенно невменяемое лицо. Он стоял над Гарри, злобно сверля его взглядом: — У нас у обоих, например, были совсем никудышные отцы, правда, абсолютно никудышные. Мы оба, Гарри, носили дурацкие имена наших отцов. И мы оба имели удовольствие… Самое большое удовольствие, убить их, во имя дальнейшего возвышения Тёмного Начала!

— Вы сошли с ума, — сказал Гарри — он не мог удержаться. — Вы с ума сошли!

— С ума сошёл, да? — голос Хмури сорвался. — Это мы посмотрим! Мы ещё увидим, кто сошёл с ума теперь, когда Тёмный Лорд возродился, и я на его стороне! Он вернулся, Гарри Поттер, ты не

уничтожил его — и теперь — я уничтожу тебя!

Хмури поднял палочку и открыл рот. Гарри засунул руку под мантию…

— Ступефай!

Ослепительная вспышка красного света ворвалась в комнату, с грохотом разнеся в щепки дверь, и Хмури как подкошенный рухнул на пол. Гарри всё ещё смотрел на то место, где секунду назад было лицо Хмури, но вместо него видел Альбуса Дамблдора, профессора Снейпа и профессора МакГонагалл, чьи изображения отражались во Вражьем Стекле. Гарри обернулся и увидел их, настоящих, в дверном проёме. Впереди, сжимая волшебную палочку, стоял Дамблдор. В этот момент Гарри впервые по-настоящему понял, почему люди говорили, что Дамблдор был единственным волшебником, которого боялся Волдеморт. Выражение лица Дамблдора, когда он смотрел вниз на бессознательное тело Хмури-«Дикого Глаза», было ужаснее, чем Гарри мог вообразить. На лице Дамблдора не было ни привычной мягкой улыбки, ни весёлого огонька в глазах. Была лишь холодная ярость в каждой морщинке древнего лица. Ощущение мощи исходило от Дамблдора, словно обжигающий жар. Он ступил в кабинет, пинком перевернул Хмури на

спину, чтобы было видно лицо. Снейп следовал за ним, изучая Вражье Стекло, где всё ещё виднелось его собственное лицо, заглядывающее в комнату. Профессор МакГонагалл же поспешила прямо к Гарри.

— Пойдёмте, Поттер, — прошептала она. Её тонкие губы дёргались так, будто она была готова разрыдаться. — Пойдёмте в больничное крыло.

— Нет, — отрезал Дамблдор.

— Альбус, посмотрите на него. Он уже всего натерпелся сегодня вечером.

— Он останется здесь, Минерва, потому что ему необходимо понять, — отрезал Дамблдор. — Путь к выздоровлению идёт через способность смириться с происшедшим — и сначала — необходимо разобраться, что к чему. Он должен знать, кто и зачем подверг его испытаниям, которые он перенёс сегодня вечером.

— Хмури, — сказал Гарри. Он все никак не мог поверить. — Как это мог быть Хмури?

— Это — не Аластор Хмури, — спокойно произнёс Дамблдор. — Вы никогда не были знакомы с Аластором Хмури. Настоящий Хмури не увёл бы тебя из-под моего надзора после того, что случилось сегодня вечером. В тот момент, когда он забрал тебя, я всё понял и последовал за вами.

Дамблдор наклонился над ненастоящим Хмури и снял с его пояса флягу и связку ключей с кольцом. Потом он повернулся к профессору МакГонагалл и Снейпу.

— Северус, пожалуйста, принесите мне самую сильную Сыворотку правды, которая у вас есть, а потом спуститесь в кухню и приведите домового по имени Винки. Минерва, будьте любезны, сходите к хижине Хагрида, там на тыквенной грядке вы увидите большого чёрного пса. Проводите его в мой кабинет и скажите, что я скоро буду, затем возвращайтесь сюда.

Если Снейп или МакГонагалл нашли эти указания странными, то никак этого не показали. Они развернулись и вышли из кабинета. Дамблдор подошёл к сундуку с семью замками, вставил первый ключ в замок и распахнул сундук. Там была куча магических книг. Дамблдор закрыл сундук, вставил второй ключ во второй замок и вновь откинул крышку.

Книги исчезли. На сей раз, там была куча сломанных Плутоскопов, несколько свитков пергамента, перья и что-то похожее на серебристый Плащ-невидимку. Гарри изумлённо наблюдал, как Дамблдор вставил третий, четвертый, пятый и шестой ключи в соответствующие замки, и

каждый раз, когда он открывал сундук, там было что-то новое. Когда он вставил седьмой ключ в замок и отбросил крышку, Гарри вскрикнул от изумления. Внутри оказалось нечто вроде ямы или подземной комнаты, где на полу десятью футами ниже, лежал худой, отощавший и, видимо, крепко спящий — настоящий Хмури-«Дикий Глаз». У него не было деревянной ноги, глазница волшебного глаза выглядела пустой, и не хватало нескольких прядей седых волос.

Ошеломлённый Гарри переводил взгляд со спящего Хмури в сундуке на бессознательного Хмури, лежавшего на полу кабинета. Дамблдор легко спрыгнул на пол около спящего Хмури и склонился над ним.

— Оглушён — под Заклятием Империус — очень слаб, — констатировал он. — Конечно, им нужно было оставить его в живых. Гарри, брось вниз плащ самозванца — он замерзает. Мадам Помфри нужно его осмотреть, но сейчас он вроде в безопасности.

Гарри сделал в точности то, что велел Дамблдор. Тот завернул Хмури в плащ и снова выкарабкался из сундука. Потом он взял со стола флягу и, отвинтив крышку, перевернул её. Тягучая, клейкая жидкость брызнула на пол.

— Оборотное зелье, Гарри, — сказал Дамблдор. — Просто и гениально. Всем известно, что Хмури никогда не пьёт ничего, кроме содержимого своей фляги. Самозванцу, конечно, нужно было держать настоящего Хмури рядом, так, чтобы он мог продолжать делать зелье. Посмотри на его волосы. — Дамблдор взглянул на Хмури в сундуке. — Самозванец отрезал их весь год, видишь, как обкорнал? Но я думаю, в волнении сегодняшней ночи, наш поддельный Хмури мог забыть принимать его с той частотой, с какой должен был: раз в час… каждый час… и скоро мы в этом убедимся.

Дамблдор выдвинул стул из за стола и сел, глядя на бессознательного Хмури на полу. Гарри тоже смотрел на него. Несколько минут прошло в молчании…

Потом, прямо на глазах Гарри, лицо человека на полу начало меняться. Шрамы исчезали, кожа становилась гладкой, искорёженный нос стал целым и начал уменьшаться. Длинная грива седых волос укоротилась до русого ёжика. С громким стуком отвалилась деревянная нога, и на её месте появилась нормальная, а в следующий миг из глазницы выскочил волшебный глаз и покатился по полу, продолжая бешено вращаться.

Гарри рассматривал человека, лежащего перед ним. У того была бледная, веснушчатая кожа и соломенная шевелюра. Гарри знал его. Он видел в Думоотводе Дамблдора, как его уводили из суда Дементоры, а он кричал Краучу, что невиновен. Только теперь вокруг его глаз залегли морщинки, отчего он казался намного старше. В коридоре раздались поспешные шаги. Это вернулся Снейп, Винки бежала за ним по пятам. Профессор МакГонагалл пришла сразу следом.

— Крауч! — воскликнул Снейп, застыв на пороге. — Барти Крауч!

— Святые небеса, — прошептала профессор МакГонагалл, останавливаясь и разглядывая человека на полу. Грязная, растрёпанная Винки выглянула из-за ног Снейпа. Она открыла рот и пронзительно завопила: — Мастер Барти, мастер Барти, что вы здесь делать?

Она бросилась на грудь молодого человека. — Вы убили его! Вы убили его! Вы убить сына хозяина!

— Он просто оглушён, Винки, — сказал Дамблдор. — Отойди, пожалуйста. Северус, вы принесли Сыворотку? — Снейп вручил Дамблдору маленькую стеклянную бутылочку абсолютно прозрачной жидкости: ту самую, которой он

угрожал Гарри в классе. Дамблдор встал со стула, склонился над человеком на полу, и посадил его к стене, под Вражьим Стеклом, в котором так и застыли отражения Дамблдора, Снейпа и МакГонагалл. Винки замерла, стоя на коленках, дрожа, прижав руки к лицу. Дамблдор открыл Краучу рот и влил туда три капли микстуры. Потом он направил палочку ему в грудь и произнёс:
— Эннервате.

Сын Крауча открыл глаза. Его лицо было расслаблено, взгляд рассредоточен.

Дамблдор опустился на колени, так, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Вы меня слышите? — спросил он спокойно.

Веки человека дрогнули: — Да.

— Я хочу, чтобы вы рассказали нам, — мягко продолжил Дамблдор, — как вы попали сюда. Как вы убежали из Азкабана?

Крауч сделал глубокий, судорожный вздох, затем начал говорить глухим, невыразительным голосом.

— Моя мать спасла меня. Она знала, что умирает, и убедила отца спасти меня в качестве последнего одолжения ей. Он любил её так, как никогда не любил меня, поэтому согласился. Они пришли навестить меня, а потом дали гло-

ток Оборотного зелья, содержащий волос моей матери. Она приняла Оборотное зелье с моим волосом. Мы поменялись, — Винки, дрожа, покачала головой.

— Не говорить больше. Мастер Барти, не говорить больше, вы навлекаете неприятности на отца! — Но Крауч снова вздохнул и так же глухо продолжил.

— Дементоры слепы. Они ощущали одного здорового и одного умирающего человека, вошедших в Азкабан. Они ощущали одного здорового и одного умирающего человека, вышедших из него. Отец тайно вывел меня наружу, замаскировав под мою мать, на случай, если кто-то из заключённых наблюдает через двери. Моя мать умерла вскоре после того в Азкабане. Она была осторожна, пила Оборотное зелье до самого конца. Затем её похоронили под моим именем и внешностью. Все думали, что она — это я. — Он опять моргнул.

— И что ваш отец сделал с вами, когда привёл домой? — спокойно спросил Дамблдор.

— Организовал смерть моей матери. Тихие, частные похороны. Та могила пуста. Винки ухаживала за мной, пока я не выздоровел. Потом меня нужно было спрятать. Мною нужно было управлять. Отцу пришлось использовать множе-

ство заклинаний, чтобы подчинить меня. Когда я восстановил силы, то стал думать только о том, чтобы найти моего Повелителя, и служить ему.

— Как ваш отец подчинил вас? — сказал Дамблдор.

— Заклятие Империус, — ответил тот. — Я был под контролем отца. Я был вынужден носить Плащ-невидимку день и ночь, а для пущей сохранности со мной постоянно был домовой. Она была моей охранницей и опекуншей. Винки жалела меня. Она убедила отца разрешить иногда доставлять мне удовольствие. В награду за хорошее поведение.

— Мастер Барти, мастер Барти, — рыдала Винки. — Не говорите им, у нас будут неприятности…

— Кто-нибудь ещё знал, что вы живы? — спросил Дамблдор. — Кто-нибудь, кроме вашего отца и домового?

— Да, — сказал Крауч, его веки снова дрогнули. — Ведьма из отцовского отдела. Берта Джоркинс. Она пришла к нам домой с какими-то бумагами, отцу на подпись. Его не было дома. Винки проводила её внутрь и вернулась ко мне на кухню. Но Берта Джоркинс услышала, как Винки говорит со мной. Она услышала

достаточно, чтобы понять, кто скрывается под Плащом-невидимкой. Когда отец вернулся домой, Берта припёрла его к стенке. Он использовал очень мощное заклинание Памяти против неё, чтобы заставить её забыть то, что она выяснила. Слишком мощное. Он сказал, что оно навсегда повредило её память.

— Почему она совала нос в дела моих хозяев? — рыдала Винки. — Почему она не оставить нас в покое?

— Расскажите про Кубок мира по Квиддитчу, — сказал Дамблдор.

— Винки уговорила отца, — монотонно продолжал Крауч. — Она потратила несколько месяцев, убеждая его. Я не выходил из дома в течение многих лет, и очень любил Квиддитч. Позвольте ему пойти, умоляла Винки. Он будет в Плащеневидимке. Он сможет посмотреть. Позвольте ему в этот раз подышать свежим воздухом. Винки сказала, что моя мать хотела бы этого. Она сказала отцу, что моя мать умерла, чтобы дать мне свободу, и что она спасала меня не для жизни в заключении. В конце концов, он согласился. Всё было тщательно спланировано. Отец отвёл меня и Винки в Верхнюю Ложу ещё днём. Винки должна была говорить, что она заняла место для отца,

а я должен был сидеть там, невидимый для всех. Мы должны были уйти, когда все покинут ложу. Всем бы казалось, что Винки одна, никто бы и не догадался. Но Винки не знала, что я становлюсь сильнее. Я начинал бороться с заклятием Империус. Случались времена, когда я снова был почти самостоятелен. На короткое время я оказывался вне отцовского контроля. Это случилось, там, в Верхней Ложе. Было похоже на пробуждение от глубокого сна. Я очнулся среди толпы, в середине матча, и увидел перед собой палочку, торчавшую из кармана мальчишки. Мне не позволяли иметь палочку после Азкабана, и я украл её. Винки не заметила, она боится высоты. Всю игру Винки закрывала лицо руками.

— Мастер Барти, вы плохой мальчик! — шептала Винки сквозь слёзы, льющиеся меж пальцев.

— Значит, вы взяли палочку, — сказал Дамблдор, — и что вы с ней сделали?

— Мы вернулись к палатке, — сказал Крауч. — Тогда мы услышали их. Мы услышали Пожирателей Смерти. Тех, кто не был в Азкабане. Тех, кто никогда не страдал за моего Повелителя. Они отвернулись от него. Они не были порабощены, как я, и могли искать его, но не сделали этого. Они просто развлекались с магглами. Звук

их голосов пробудил меня. Моё сознание прояснилось, как никогда за эти годы. Я был зол. У меня была палочка. Я хотел напасть на них за то, что они предали моего Повелителя. Отец покинул палатку, пошёл освобождать магглов. Винки испугалась, увидев мою ярость. Она использовала свой тип волшебства, чтобы привязать меня к себе. Она утащила меня от палатки, потянула в лес, подальше от Пожирателей Смерти. Я пытался удержать её. Я хотел вернуться в лагерь. Я хотел показать этим Пожирателям Смерти, что значит верность Тёмному Лорду, и наказать их. Я использовал украденную палочку, чтобы пустить Тёмную метку. Прибыли волшебники министерства. Они всюду палили Оглушающими заклинаниями. Одно из заклинаний проникло сквозь деревья, где стояли мы с Винки. Связь, соединяющая нас, была разрушена. Нас обоих оглушило. Когда Винки обнаружили, мой отец понял, что я где-то поблизости. Он поискал в кустах, где её нашли, и почувствовал, что я тоже лежу там. Он дождался, пока другие сотрудники министерства покинут лес, затем снова наложил на меня заклятие Империус и отвёз домой. Он уволил Винки. Она подвела его. Она позволила мне взять палочку. Она едва не упустила меня.

От этих слов Винки отчаянно пискнула.

— Теперь в доме остались только мы с отцом. И затем, затем, — голова Крауча крутанулась, безумная усмешка тронула его губы, — мой Повелитель прибыл за мной. Он достиг нашего дома поздно ночью на руках своего слуги Червехвоста. Мой Повелитель узнал, что я всё ещё жив. Он захватил Берту Джоркинс в Албании и пытал её. Она многое рассказала ему. Берта рассказала о Турнире Трёх Волшебников. Она сказала, что старый Аврор, Хмури, собрался преподавать в Хогвартсе. Он пытал её, пока не прорвался через заклинание Памяти, которое наложил мой отец. После этого Берта рассказала, что я убежал из Азкабана. Она сказала ему, что отец держит меня в заключении, чтобы не дать мне заняться его поисками. Так Повелитель узнал, что я был его преданным слугой — возможно, самым преданным из всех. Мой Повелитель задумал план, основанный на информации, которую дала ему Берта. Он нуждался во мне. Он пришел к нам домой около полуночи. Дверь открыл мой отец.

Улыбка на лице Крауча стала ещё шире, словно это было самым сладким воспоминанием в его жизни. Винки испуганно таращилась на него сквозь пальцы. Она казалась слишком потрясён-

ной, чтобы говорить или даже дрожать.

— А дальше всё случилось очень быстро. Мой Повелитель наложил на отца заклятие Империус. И теперь отец оказался управляем. Мой Повелитель вынудил его заниматься своими делами, действовать как обычно, как если бы всё было в порядке. А я освободился. Я очнулся. Я был свободен и жив так, как никогда за всю жизнь.

— И что Лорд Волдеморт велел вам сделать? — спросил Дамблдор.

— Он спросил меня, готов ли я рискнуть всем ради него. Я был готов. Это было моей мечтой, моим самым большим желанием, служить ему, оказаться ему полезным. Он сказал мне, что ему нужно послать преданного слугу в Хогвартс. Слугу, который бы незаметно провел Гарри Поттера через Турнир. Слугу, который следил бы за Гарри Поттером, гарантировав, что тот достигнет Кубка Трёх Волшебников. Кубок необходимо было превратить в Портключ, который отправил бы первого человека, который коснется его, к моему Повелителю. Но сначала…

— Вам нужен был Аластор Хмури, — сказал Дамблдор. Его синие глаза сверкали, хотя голос оставался спокойным.

— Мы провернули это на пару с Червехвостом.

Мы заранее сварили Оборотное зелье. Потом мы пробрались к его дому. Хмури учинил переполох. Но нам удалось подчинить его как раз вовремя и запихнуть в его же волшебный сундук, предварительно взяв немного волос и добавив в зелье. Я выпил его, и стал двойником Хмури. Кроме того, мы взяли его ногу и глаз, так что я был готов встретить Артура Уизли, когда он прибыл успокоить магглов, которые слышали шум. Я расшебуршил мусорные ящики. Артуру Уизли я сказал, что во двор залезли злоумышленники и напоролись на мусорные ящики. Потом я упаковал одежду Хмури и датчики тьмы, положил их в сундук с пленником, и отправился в Хогвартс. Я оставил его в живых под заклятием Империус. Мне было нужно иногда задавать ему вопросы, чтобы узнать его прошлое, изучить его привычки так, чтобы я смог одурачить даже Дамблдора, к тому же мне нужны были его волосы, чтобы делать Оборотное зелье. Достать другие компоненты было проще. Я украл кожу бумсланга в подземелье. Когда учитель Зельеварения застал меня в своей кладовке, я сказал, что действую по приказу.

— А что стало с Червехвостом после того, как вы напали на Хмури? — спросил Дамблдор.

— Червехвост остался заботиться о моём хозя-

ине в отцовском доме, и следить за отцом.

— Но отец сбежал, — подсказал Дамблдор.

— Да. Через некоторое время отец начал бороться с заклятием Империус точно так же, как и я. Были периоды, когда он осознавал происходящее. Мой Повелитель решил, что стало небезопасно выпускать его из дома. Вместо этого, он заставил отца посылать письма в министерство. Он заставил его писать и говорить, что он болен. Но Червехвост пренебрег своими обязанностями. Он был недостаточно внимателен. Отец сбежал. Мой Повелитель предположил, что тот направляется в Хогвартс. Отец собирался рассказать всё Дамблдору. Он собирался признаться, что выкрал меня из Азкабана. Мой Повелитель написал мне в письме о побеге отца. Он велел мне остановить его любой ценой. Так что я ждал и наблюдал. Я использовал карту, которую взял у Гарри Поттера. Карту, которая чуть всё не погубила.

— Карту? — быстро переспросил Дамблдор. — Какую такую карту?

— Карту Поттера с планом Хогвартса. Он увидел меня на нём. Он увидел меня крадущим дополнительные компоненты для Оборотного зелья из кладовой Снейпа. К счастью, Поттер решил, что это мой отец, ведь у нас одинаковые имена. Я

забрал карту у Поттера той ночью, и сказал ему, что мой отец ненавидит Тёмных Магов. Поттер полагал, что отец подозревает Снейпа. В течение недели я ждал, когда отец доберется до Хогвартса. Наконец, однажды вечером карта показала, что он появился на территории замка. Я натянул Плащ-невидимку и двинулся ему навстречу. Он шёл вдоль опушки леса. И тут появились Поттер и Крам. Я ждал. Я не мог причинить вреда Поттеру, он предназначался моему Повелителю. Поттер побежал, чтобы позвать Дамблдора. Я оглушил Крама, а потом убил отца.

— Не-е-ет! — завопила Винки. — Мастер Барти, мастер Барти, что вы говорите?

— Вы убили отца, — повторил Дамблдор, тем же самым мягким голосом. — Что вы сделали с телом?

— Отнёс в лес и накрыл Плащом-невидимкой. У меня была карта. Я видел, как Поттер вбежал в замок. Он встретил Снейпа, затем к ним присоединился Дамблдор. Я видел, как они покинули замок. Я вышел из леса позади них и догнал их.

Я сказал Дамблдору, что Снейп рассказал мне, куда они пошли. Дамблдор велел мне отыскать отца. Я же возвратился к его телу, продолжая следить за остальными по карте. Когда они ушли,

я преобразовал тело отца. Он стал костью, которую я похоронил в свежевскопанной земле перед хижиной Хагрида, закутавшись в Плащ-невидимку.

Наступила гнетущая тишина, только Винки продолжала рыдать. Тогда Дамблдор сказал: — И сегодня вечером…

— Я предложил отнести Кубок в лабиринт перед обедом, — прошептал Барти Крауч. — Превратил его в Портключ. План моего Повелителя сработал. Он вернул былую силу, а я получу награду, о которой даже не мечтал никто из волшебников.

Безумная улыбка вновь озарила его лицо и он уронил голову на плечо. В наступившей тишине были слышны лишь всхлипы Винки, рыдавшей в углу.

36. На перепутье

Дамблдор встал. Он пристально посмотрел на Барти Крауча, на лице его читалось отвращение. Затем он снова взмахнул волшебной палочкой — из неё вылетели веревки и крепко обвились вокруг Барти Крауча. Он повернулся к профессору МакГонагалл:

— Минерва, могу я попросить вас посторожить его, пока я отведу Гарри наверх?

— Конечно, — сказала профессор МакГонагалл. Её лицо выражало брезгливость, как будто перед её глазами кого-то только что стошнило. Но когда она вытащила свою палочку и наставила её на Барти Крауча, её рука не дрогнула.

— Северус, — Дамблдор обратился к Снейпу, — пожалуйста, попросите мадам Помфри зайти сюда. Нужно перенести Аластора Хмури в больничное крыло. Затем спуститесь вниз и найдите Корнелиуса Фаджа. Я не сомневаюсь, что он захочет лично задать Краучу пару вопросов. Передайте, что, если я ему понадоблюсь, то через полчаса он сможет найти меня в больничном крыле.

Снейп молча кивнул и вышел из комнаты.

— Гарри, — мягко позвал Дамблдор.

Гарри встал и снова покачнулся — боль в ноге, которую он не замечал, пока слушал Крауча, теперь стала ещё сильнее. Он понял, что дрожит. Дамблдор взял Гарри под руку, и они вышли в тёмный коридор.

— Сперва пойдём ко мне в кабинет, Гарри, — спокойно сказал Дамблдор, когда они прошли лестничный пролёт. — Там нас ждёт Сириус.

Гарри кивнул. Он словно окоченел и потерял чувство реальности, но ему было всё равно, он был даже рад этому. Он не хотел ворошить свежие и чёткие как фотографии воспоминания о том, что произошло с тех пор, как он прикоснулся к Кубку Трёх Волшебников. Ему не хотелось вспоминать всё увиденное, но в голове проносились ясные, словно фотографии, сцены. Хмури-«Дикий Глаз» в своём сундуке. Червехвост, катающийся по земле, сжимающий обрубок руки. Появление Волдеморта из дымящегося котла. Седрик… мёртвый… просит вернуть его тело родителям…

— Профессор, — пробормотал Гарри, — где мистер и миссис Диггори?

— Они с профессором Спраут, — сказал Дамблдор. Его голос, такой спокойный во время допроса

Барти Крауча, слегка дрогнул. — Она — Глава Дома Седрика и хорошо его знала.

Они дошли до каменной горгульи. Дамблдор сказал пароль, горгулья отодвинулась, и они поднялись по винтовому эскалатору к дубовой двери. Дамблдор открыл её и вошел.

Там стоял Сириус. Лицо его осунулось, как тогда, когда он сбежал из Азкабана. Он кинулся к Гарри.

— Как ты? Я знал… я знал, что нечто вроде этого должно… что там стряслось?

Руки его задрожали, когда он усаживал Гарри в кресло у стола.

— Что случилось? — настойчиво повторил он.

Дамблдор стал пересказывать Сириусу историю Барти Крауча. Гарри почти не слушал. Он был совершенно разбит, каждая косточка в его теле ныла; он хотел просто сидеть здесь, чтобы никто его не трогал, пока он не заснёт — тогда ему больше не надо будет ни думать, ни чувствовать.

Послышался лёгкий шелест крыльев. Феникс Фокс слетел с насеста, скользнул через кабинет и сел Гарри на колено.

— Привет, Фокс, — тихо сказал Гарри.

Он погладил красивые золотисто-алые перья феникса. Фокс дружелюбно смотрел на него. В

исходившем от него тепле было что-то успокаивающее.

Дамблдор замолчал. Он сел за стол, напротив Гарри и попытался заглянуть ему в глаза. Но Гарри избегал его взгляда: он знал, что нужно Дамблдору — тот хотел, чтобы Гарри всё вспомнил, чтобы пережил сегодняшний вечер заново.

— Мне нужно знать, что произошло после того, как ты прикоснулся к Портключу в лабиринте, Гарри, — произнёс Дамблдор.

— Мы можем отложить это до утра, Дамблдор? — резко спросил Сириус. Он положил руку на плечо Гарри. — Пусть поспит. Ему надо отдохнуть.

Гарри почувствовал, как в нём поднимается волна благодарности к Сириусу, но Дамблдор словно того не слышал. Он наклонился к Гарри. Гарри неохотно поднял голову и взглянул в синие глаза.

— Если бы я мог помочь тебе, — мягко сказал Дамблдор, — погрузив тебя в зачарованный сон и позволив тем самым оттянуть момент, когда тебе придется подумать о том, что произошло сегодня, я бы это сделал. Но я-то знаю. Ненадолго заглушённая боль становится сильнее, когда ты её наконец почувствуешь. Ты был храбр, ты

превзошел все мои ожидания. Я прошу тебя снова набраться мужества. Я прошу тебя рассказать нам, что произошло.

Феникс пропел одну мягкую ноту. Звук задрожал в воздухе, и у Гарри возникло ощущение, что горячая жидкая капля проскользнула по его горлу в желудок, согрела его и придала сил.

Он глубоко вздохнул и стал рассказывать. Пока он говорил, перед его глазами проносились видения этой ночи: он видел лопающиеся пузырьки в зелье, оживившем Волдеморта, видел Пожирателей смерти, появляющихся у могил, тело Седрика, лежащее на земле рядом с Кубком Трёх Волшебников.

Пару раз, Сириус порывался что-то сказать, всё ещё держа руку на плече Гарри, но Дамблдор останавливал его, и Гарри был этому рад, потому что теперь ему легче было продолжать рассказ. Это было, пожалуй, облегчением; Гарри чувствовал, словно что-то ядовитое испаряется из него, и ему стоило больших усилий произносить вслух события этого вечера, но он понял, что, когда закончит, ему станет легче.

Когда Гарри рассказал, как Червехвост пронзил его руку кинжалом, Сириус испустил дикий вопль, а Дамблдор встал так резко, что Гарри

вздрогнул. Дамблдор обошёл вокруг стола и попросил Гарри вытянуть руку. Гарри показал место, где был распорот рукав, и порез.

— Он сказал, что моя кровь сделает его сильнее, чем любая другая, — объяснил Гарри Дамблдору. — Он сказал, что та защита, которую… мне оставила мама… перейдёт и к нему тоже. И он оказался прав — он мог ко мне прикоснуться, без вреда для себя, он дотронулся до моего лица.

На долю секунды Гарри показалось, что в глазах Дамблдора он заметил триумфальный блеск. Но в следующую секунду он убедил себя, что ему показалось, потому что, когда он возвращался к своему креслу за столом, таким старым и усталым Гарри его ещё никогда не видел.

— Очень хорошо, — сказал он, усаживаясь. — Волдеморт одолел именно этот барьер. Гарри, продолжай, пожалуйста.

Гарри объяснил, как Волдеморт появился из котла, рассказал всё, что помнил из речи Волдеморта к Пожирателям смерти. Затем как Волдеморт развязал его, вернул ему волшебную палочку и приготовился к дуэли.

Но когда он дошёл до того момента, когда золотые потоки света соединили его с Волдемортом палочки, ему помешал комок в горле. Он пытался

продолжать, но образы, появившиеся из палочки Волдеморта, всплывали в его памяти. Он видел Седрика, старика, Берту Джоркинс… свою мать… отца…

Он обрадовался, когда тишину нарушил Сириус.

— Палочки соединились? — спросил он, переводя взгляд с Гарри на Дамблдора. — Но почему?

Гарри посмотрел на Дамблдора, у того было застывшее выражение лица.

— Приори Инкантатем, — пробормотал он.

Дамблдор взглянул на Гарри, и между ними словно проскочила искорка понимания.

— Эффект Обратного Заклинания? — отрезал Сириус.

— Именно, — подтвердил Дамблдор. — Палочки Гарри и Волдеморта — близнецы. В каждой по перу из хвоста феникса. Вот этого самого феникса, — добавил он, указывая на золотисто-алую птицу, удобно устроившуюся на колене у Гарри.

— Перо в моей палочке от Фокса? — удивлённо спросил Гарри.

— Да, — ответил Дамблдор. — Когда четыре года назад ты купил эту палочку, мистер Оллливандер отправил мне письмо, едва ты вышел из магазина.

— И что бывает, когда палочка встречает свою «сестру»? — спросил Сириус.

— Они не очень хорошо действуют друг против друга, — сказал Дамблдор. — Если, всё же, владельцы заставят палочки работать… можно увидеть очень необычное явление. Одна из палочек заставляет другую извергать заклинания, которые та сотворила — в обратном порядке. Сначала самое недавнее, затем то, что ему предшествовало…

Он вопросительно посмотрел на Гарри и тот кивнул.

— Это означает, — медленно произнес Дамблдор, глядя на Гарри, — что должно было появиться нечто, похожее на Седрика.

Гарри снова кивнул.

— Диггори ожил? — с нажимом спросил Сириус.

— Ни одно заклинание не может оживить мёртвого, — мрачно ответил Дамблдор. — Всё, что может появиться, это лишь нечто вроде эха. Тень живого Седрика появилась из палочки… я прав, Гарри?

— Он говорил со мной, — сказал Гарри. Он вдруг снова задрожал. — Это… привидение Седрика… что бы это ни было… он говорил со мной.

— Эхо, — сказал Дамблдор, — которое приняло вид и характер Седрика. Я думаю, появились и другие жертвы Волдеморта…

— Какой-то старик, — сказал Гарри, всё ещё чувствуя комок в горле. — Берта Джоркинс и…

— Твои родители? — закончил за него Дамблдор.

— Да, — прошептал Гарри.

Сириус так сжал плечо Гарри, что ему стало больно.

— Последние жертвы палочки, — кивнув, сказал Дамблдор. — В обратном порядке. Их было бы больше, если бы палочки оставались соединёнными. Очень хорошо, Гарри, эти эхо, тени… что они сделали?

Гарри описал, как фигуры, возникшие из палочки, патрулировали границы золотого купола, как Волдеморт испугался их, как тень отца сказала Гарри, что надо делать, и как Седрик выразил своё последнее желание.

Гарри был не в силах продолжать. Он посмотрел на Сириуса и увидел, что тот закрыл лицо руками.

Вдруг Фокс слетел на пол. Он положил свою прекрасную голову на истерзанную ногу Гарри и крупные, жемчужные слёзы покатились из его

глаз на рану, нанесённую пауком. Боль исчезла. Рана на ноге зажила.

— Я повторяю, — сказал Дамблдор, когда феникс вернулся на насест напротив двери, — ты собрал всё своё мужество, Гарри, ты сделал больше, чем я мог от тебя ожидать. Ты храбро сражался, как те, кто погиб, пытаясь противостоять Волдеморту, когда он был могущественным. На тебя свалилось тяжёлое бремя, но ты выдержал — ты сделал то, чего мы ожидали. Я провожу тебя до больницы. Я не хочу, чтобы сегодня ты остался в спальне. Сонное зелье и немного покоя… Сириус, ты хочешь побыть с ним?

Сириус кивнул и встал. Он снова превратился в огромного чёрного пса и вместе с Гарри и Дамблдором вышел из кабинета, проводя их до больничного крыла.

Когда Дамблдор открыл дверь, Гарри увидел миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону, обступивших встревоженную мадам Помфри. Они наперебой спрашивали, где Гарри и что случилось.

Не успели Гарри, Дамблдор и чёрный пёс войти, как все окружили их, а Миссис Уизли испустила сдавленный вопль.

— Гарри! О, Гарри!

Она поспешила к нему, но Дамблдор её опередил.

— Молли, — сказал он, поднимая руку, — пожалуйста, выслушай меня. Гарри сегодня многое пережил. Он только что мне всё рассказал. Сейчас ему нужны лишь сон, тишина и покой. Если он захочет, чтобы вы все остались с ним, — добавил он, глядя на Рона, Гермиону и Билла, — можете остаться. Но, пожалуйста, не забрасывайте его вопросами. Он сам вам расскажет, когда сочтёт это нужным. Но уж точно не сегодня.

Миссис Уизли кивнула. Она была очень бледна.

Повернувшись к Рону, Гермионе и Биллу, она прошипела, словно они шумели:

— Вы слышали? Ему нужен покой!

— Директор, — сказала мадам Помфри, уставившись на Сириуса, — а что…

— Этот пёс побудет с Гарри, — спокойно сказал Дамблдор. — Уверяю вас, он очень хорошо себя ведёт. Гарри, я подожду, пока ты ляжешь.

Гарри был страшно благодарен Дамблдору за то, что тот попросил остальных не расспрашивать его. Не то чтоб Гарри не хотел, чтобы они были рядом, но при мысли, что придется снова всё объяснять, пережить всё ещё раз… нет, это

было выше его сил.

— Я загляну к тебе, как только увижусь с Фаджем, Гарри, — сказал Дамблдор. — Мне бы хотелось, чтобы ты остался здесь до завтра, пока я не сообщу ученикам. Он вышел.

Мадам Помфри уложила Гарри в ближайшую кровать. Гарри увидел Хмури-«Дикого Глаза», неподвижно лежавшего в другом конце комнаты. Его деревянная нога и волшебный глаз были на тумбочке, рядом.

— Как он? — спросил Гарри.

— Он поправится, — сказала мадам Помфри, дала Гарри пижаму и поставила ширму. Он переоделся и нырнул в кровать. Рон, Гермиона, Билл, миссис Уизли и чёрный пёс зашли и уселись вокруг него. Рон и Гермиона осторожно на него поглядывали, как будто побаивались его.

— Ничего страшного, — сказал им Гарри. — Я просто устал.

Глаза миссис Уизли наполнились слезами, и она зачем-то стала поправлять ему одеяло.

Мадам Помфри вернулась из своего кабинета с кубком и маленькой бутылочкой, в которой было фиолетовое зелье.

— Выпей до дна, Гарри, — сказала она. — Это зелье для снов без сновидений.

Гарри взял кубок и осушил его в несколько глотков. Его сразу же сморило. Всё вокруг стало расплывчатым: лампы дружелюбно подмигивали сквозь ширму, его тело словно проваливалось в пуховый матрас. Прежде чем он допил зелье, не успев сказать ни слова, он погрузился в сон.

Гарри проснулся, но не до конца — сонный, он не хотел открывать глаза, желая снова заснуть. Комната была слабо освещена, он был уверен, что сейчас ночь, и чувствовал, что спал не очень долго.

Затем он услышал шёпот.

— Они его разбудят, если не замолчат!

— О чём это они? Неужто ещё что-нибудь стряслось?

Гарри приоткрыл глаза. Кто-то снял с него очки. Он различил расплывчатые силуэты Билла и миссис Уизли, стоящую неподалёку.

— Это голос Фаджа, — прошептала она. — А это Минерва МакГонагалл, да? Но о чём они спорят?

Теперь их услышал и Гарри: кто-то кричал и бежал по коридору к больничному крылу.

— Ничего не поделаешь, Минерва… — услышали они голос Фадж.

— Вы не должны были пускать его в замок! — закричала профессор МакГонагалл. — Когда

Дамблдор узнает…

Гарри услышал, как распахнулась дверь. Никем не замеченный, Гарри сел и надел очки. Все взгляды были прикованы к двери. Билл поднял ширмы.

Ворвался Фадж, профессор МакГонагалл и следом за ними — Снейп.

— Где Дамблдор? — спросил Фадж у миссис Уизли.

— Его здесь нет, — сердито ответила она. — Это больничное крыло, министр, не думаете ли вы, что лучше было бы…

Вдруг дверь распахнулась, и в палату влетел Дамблдор.

— В чём дело? — требовательно спросил он, переводя взгляд с Фаджа на профессора МакГонагалл. — Почему вы вломились сюда? Минерва, я удивлён — разве я не просил вас не отходить от Барти Крауча…

— Его больше не нужно охранять, Дамблдор! — взвизгнула она. — Об этом позаботился министр!

Гарри никогда еще не видел, чтобы профессор МакГонагалл так злилась — она едва держала себя в руках. На её щеках выступили красные пятна, кулаки сжались, она тряслась от гнева.

— Когда мы рассказали мистеру Фаджу, что

поймали Пожирателя Смерти, который в ответе за всё случившееся сегодня, — негромко произнес Снейп, — он решил, что надо, прежде всего, позаботиться о собственной безопасности. Он настоял, чтобы вместе с ним в замок проник Дементор. Он привёл Дементора в кабинет, где был Барти Крауч…

— Я говорила ему, что вы против, Дамблдор! — воскликнула профессор МакГонагалл. — Я сказала, что вы никогда не потерпите Дементора в замке, но…

— Дамочка! — прорычал Фадж, Гарри никогда не видел его таким разъярённым. — Как Министр Магии, я сам решаю, как защитить себя, когда я допрашиваю чрезвычайно опасного…

Но голос профессора МакГонагалл заглушил слова Фаджа.

— Когда это… это создание вошло в комнату, — закричала она, указывая на Фаджа, вся дрожа, — оно напало на Крауча и… и…

Гарри почувствовал, что его желудок сжался и похолодел, когда профессор МакГонагалл пыталась подобрать слова, чтобы описать, что произошло. Ей не нужно было заканчивать фразу. Он знал, что сделал Дементор. Он наградил Барти Крауча своим роковым поцелуем. Он лишил его

души через рот. Это было хуже, чем умереть.

— Как бы там ни было, он это заслужил! — выпалил Фадж. — Из-за него погибло несколько человек!

— Но теперь он не может дать показания, Корнелиус, — сказал Дамблдор. Он пристально смотрел на Фаджа, словно увидел его впервые. — Он не может объяснить, почему он их убил.

— Почему он их убил? Ну, это же очевидно! — раздражённо сказал Фадж. — Он был полным психом! Из того, что мне рассказали Минерва и Северус, он думал, что действует под руководством Сами-Знаете-Кого!

— Волдеморт на самом деле руководил им, Корнелиус, — сказал Дамблдор. — Смерть этих людей была частью плана Волдеморта, чтобы вернуть ему силу. План сработал. Волдеморт вновь обрёл своё тело.

Фадж выглядел так, словно его огрели обухом по голове. Изумлённо моргая, он уставился на Дамблдора, не в силах поверить, что тот только что сказал.

Он забормотал, ошарашенно глядя на Дамблдора:

— Сами-Знаете-Кто… вернулся? Абсурд! Дамблдор, вы шутите…

— Как тебе уже, несомненно, сказали Минерва и Северус, — продолжал Дамблдор, — мы слышали признание Барти Крауча. Под действием Сыворотки правды он рассказал нам, как сбежал из Азкабана, и как Волдеморт узнал всё от Берты Джоркинс и явился, чтобы спасти Барти от его отца, как использовал Крауча для того, чтобы похитить Гарри. Повторяю, план сработал. Крауч помог Волдеморту вернуться.

— Послушайте, Дамблдор, — сказал Фадж, и Гарри был поражён, увидев на его лице лёгкую усмешку, — вы ведь не можете в это верить. Сам-Знаешь-Кто — вернулся? Не может быть… конечно, Крауч мог верить, что он действует в соответствии с приказами Сам-Знаешь-Кого — но так воспринимать слова сумасшедшего, Дамблдор…

— Сегодня вечером, когда Гарри прикоснулся к Кубку Трёх Волшебников, он очутился прямо перед Волдемортом, — твёрдо произнес Дамблдор. — Он был свидетелем перерождения Лорда Волдеморта. Я вам всё объясню, если вы пройдете в мой кабинет.

Дамблдор оглянулся и увидел, что Гарри проснулся, но покачал головой и сказал:

— Боюсь, что сегодня я не разрешу вам расспра-

шивать Гарри.

Улыбка Фаджа превратилась в странную усмешку.

Он тоже посмотрел на Гарри, затем на Дамблдора и сказал:

— Вы… вы верите Гарри на слово, так, Дамблдор?

На секунду в воздухе повисла тишина, которую нарушил Сириус. Шерсть у него встала дыбом, он рычал на Фаджа.

— Конечно, я верю Гарри, — сказал Дамблдор, глаза его сверкали. — Я слышал признание Крауча, я слышал рассказ Гарри о том, что произошло после того, как он прикоснулся к Кубку Трёх Волшебников; эти две истории дополняют друг друга, они объясняют всё, что случилось с момента исчезновения Берты Джоркинс прошлым летом.

Фадж всё ещё загадочно улыбался. Он снова посмотрел на Гарри, прежде чем ответить.

— Вы верите, что Волдеморт вернулся, услышав это от убийцы-психа и мальчика, который… эээ…

Фадж снова бросил взгляд на Гарри, и тот вдруг понял.

— Вы прочли слишком много статей Риты Скитер, мистер Фадж, — спокойно сказал он.

Рон, Гермиона, миссис Уизли и Билл так и под-

скочили. Никто и не догадывался, что Гарри уже проснулся.

Фадж слегка покраснел, но на его лице отражалось упрямство и решимость.

— Ну и что? — сказал он, глядя на Дамблдора. — А если бы я узнал, что вы кое-что скрываете об этом мальчике? Говорит по-змеиному, а? И с ним вечно что-то происходит…

— То есть вы считаете, Гарри выдумал, что у него болел шрам? — холодно сказал Дамблдор.

— Так вы признаёте, что у него болел шрам, да? — быстро сказал Фадж. — Головные боли? Кошмары? Возможно, галлюцинации?

— Послушайте, Корнелиус, — сказал Дамблдор, приближаясь к Фаджу — он снова излучал необъяснимую власть, Гарри ощутил это, ещё когда Дамблдор оглушил молодого Крауча. — Гарри так же здоров, как вы или я. Шрам на лбу не повлиял на его умственные способности. Я считаю, что шрам Гарри болит, когда Лорд Волдеморт рядом или когда того одолевают мысли об убийстве.

Фадж чуть отступил, но не потерял решимости.

— Простите, Дамблдор, но я никогда не слышал о шраме, полученном вместе с проклятием, который бил тревогу перед…

— Слушайте, я видел, как Волдеморт возродился! — крикнул Гарри. Он попытался выскочить из кровати, но миссис Уизли удержала его. — Я видел Пожирателей Смерти! Я могу назвать их имена! Люциус Малфой…

Снейп вздрогнул, но лишь только Гарри посмотрел на него, тот перевёл взгляд на Фаджа.

— Малфой был оправдан! — сказал Фадж оскорблённым тоном. — Уважаемая семья… пожертвования на добрые дела…

— Макнейр! — продолжал Гарри.

— Тоже вне подозрений! Сейчас работает в министерстве!

— Эвери, Нотт, Крэбб, Гойл…

— Ты просто повторяешь имена тех оправданных, бывших Пожиратели смерти тринадцать лет назад! — сердито произнёс Фадж. — Ты мог найти эти имена в документах старых судебных процессов! Ради бога, Дамблдор — мальчик влип в историю в конце прошлого года, его выдумки становятся всё причудливей, и вы всему верите — он разговаривает со змеями, и вы всё ещё думаете, что ему можно доверять?

— Глупец! — закричала профессор МакГонагалл. — Седрик Диггори! Мистер Крауч! Они погибли не от рук сумасшедшего лунатика!

— А я не вижу доказательств обратного! — заорал Фадж, окончательно разозлившись, лицо его пылало. — Мне кажется, вы все сеете панику и разрушаете всё, над чем мы работали эти тринадцать лет!

Гарри не верил своим ушам. Он всегда считал Фаджа добрым человеком, немного вспыльчивым, заносчивым, но всё же добродушным. Но сейчас перед ним стоял маленький, разъярённый волшебник, решительно отказывавшийся допустить возможность разрушения своего удобного и упорядоченного мира — поверить, что Волдеморт вернулся.

— Волдеморт вернулся, — повторил Дамблдор. — Если вы поймёте это сейчас, и примете необходимые меры, мы ещё сможем исправить ситуацию. Первый и самый важный шаг — это отстранить Дементоров от охраны Азкабана…

— Абсурд! — воскликнул Фадж. — Отстранить Дементоров! Да меня вышвырнут с работы, если я предложу такое! Половина из нас спокойно спит по ночам только потому, что Дементоры охраняют Азкабан!

— А вторая почти не спит, Корнелиус, зная, что вы заставили Дементоров охранять самых опасных сторонников Волдеморта; и те, и другие

присоединятся к нему, стоит Волдеморту только приказать! — сказал Дамблдор. — Они не будут хранить вам верность, Фадж! Волдеморт предложит им по-другому использовать свои силы, и это доставит им больше удовольствия, он предложит им больше, чем вы! На его стороне будут Дементоры и те, кто снова к нему присоединился! Вам будет трудно остановить Волдеморта, помешать ему обрести прежнее могущество, не допустить, чтобы он стал таким, как тринадцать лет назад!

Фадж открывал и закрывал рот, не находя слов, чтобы выразить своё возмущение.

— Во-вторых, вы должны немедленно отправить посланцев к великанам, — безапелляционно произнёс Дамблдор.

— Посланцев к великанам? — взвизгнул Фадж, обретя наконец способность говорить. — Это что за безумная мысль?

— Протяните им руку дружбы, сейчас, пока не поздно, — сказал Дамблдор, — или Волдеморт убедит их, что он единственный из волшебников может дать им их свободу и права!

— Вы… вы шутите! — вздохнул Фадж, покачав головой, отступая от Дамблдора. — Если волшебное сообщество узнает, что я связался с великанами… люди их ненавидят, Дамблдор, это

будет конец моей карьеры…

— Вы ослеплены, — ответил Дамблдор, повышая голос, в воздухе сквозила почти осязаемая власть, глаза его метали молнии, — любовью к своему министерству, Корнелиус! Для вас всегда было слишком важно «происхождение»! Вы не смогли понять, что дело не в том, кем человек рожден, важно, кем он станет! Ваш Дементор только что покончил с последним магом из старинного уважаемого рода — видите, какой путь избрал Крауч? Повторяю: сделайте то, что я предложил, и о вас будут помнить, в министерстве и за его пределами, как об одном из храбрейших и величайших Министров Магии. Если же вы ничего не предпримете, в истории вы останетесь как человек, который отступил, и тем самым дал Волдеморту ещё один шанс уничтожить тот мир, который мы пытались восстановить!

— Безумец, — прошептал Фадж, отступая назад. — Сумасшедший…

Воцарилась тишина. Мадам Помфри неподвижно стояла в метре от кровати Гарри, прижав руки ко рту. Миссис Уизли всё ещё была около Гарри, держа руку на его плече, чтобы помешать ему встать. Билл, Рон и Гермиона уставились на Фаджа.

— Если ваша решимость закрыть на всё глаза так далеко вас завела, — сказал Дамблдор, — мы разойдёмся. Делайте, что хотите. Я же поступлю по-своему.

В голосе Дамблдора не было и тени угрозы, его слова прозвучали скорее как утверждение, но Фадж напрягся, словно Дамблдор собирался использовать против него свою палочку.

— Так. Слушайте, Дамблдор, — сказал он, грозя пальцем. — Я всегда предоставлял вам свободу действий. Я очень вас уважал. Я мог не соглашаться с некоторыми вашими решениями, но я молчал. Немногие позволили бы вам взять на работу оборотней, или Хагрида, решать, чему учить студентов, без разрешения министерства. Но если вы собираетесь действовать против меня…

— Единственный, против кого я намереваюсь действовать — это Лорд Волдеморт, — сказал Дамблдор. — Если вы против Волдеморта, то мы заодно, Корнелиус.

Похоже, Фаджу на это нечего было ответить. Он переминался с ноги на ногу, мял в руках котелок.

Наконец, он произнес с оттенком мольбы в голосе:

— Он не может вернуться, просто не может…

Снейп выскочил вперед, мимо Дамблдора, закатывая левый рукав. Он выставил предплечье и показал его Фаджу, который в ужасе отскочил.

— Вот, — отрезал Снейп. — Тёмная Метка. Она не такая яркая, как была, когда час назад вспыхнула чёрным, но её ещё видно. У каждого Пожирателя Смерти есть знак, оставленный Тёмным Лордом. По этому знаку нас можно было отличить друг друга, и он показывает, что мы связаны с ним. Когда он прикасался к Метке любого из Пожирателя Смерти, мы должны были Аппарировать туда, где был он. Метка становилась чётче и чётче, целый год. Почему сегодня исчез Каркаров? Мы оба почувствовали, как горят метки. Мы оба знали, что он вернулся. Каркаров боится мести Волдеморта. Он предал слишком много своих «друзей», чтобы надеяться на радушный приём.

Фадж отстранился от Снейпа и покачал головой. Было непохоже, что он поверил хоть слову из того, что сказал Снейп. Он с отвращением уставился на зловещую Тёмную метку на руке Снейпа, затем посмотрел на Дамблдора и прошептал:

— Не знаю, во что вы и ваш персонал играете, Дамблдор, но я слышал достаточно. Мне больше нечего добавить. Я встречусь с вами завтра, Дам-

блдор, чтобы обсудить вопрос о том, кто будет управлять школой. Я должен вернуться в министерство.

Он почти дошёл до двери, когда внезапно замер. Он повернулся, прошёл через палату и остановился у кровати Гарри.

— Твой выигрыш, — коротко сказал он, вынимая из кармана сумку с золотом и бросая её на тумбочку у кровати. — Тысяча галеонов. По правилам, должна быть церемония вручения, но в нынешних обстоятельствах…

Он нахлобучил смятый котелок на голову и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Лишь только он исчез, Дамблдор повернулся к группе у кровати Гарри.

— А теперь к делу, — сказал он. — Молли… могу ли я рассчитывать на тебя и Артура?

— Разумеется, — ответила миссис Уизли. Губы её побелели, но она была полна решимости. — Он знает, что из себя представляет Фадж. Артур занимает в министерстве не очень высокий пост все эти годы только потому, что очень хорошо относится к магглам. Фадж считает, что ему не хватает гордости настоящего волшебника.

— Тогда мне нужно послать ему сообщение, — сказал Дамблдор. — Мы должны немедленно

проинформировать всех, кого можем убедить; в министерстве Артур как раз сможет поговорить с теми, кто не так близорук, как Корнелиус.

— Я пойду к отцу, — сказал Билл, вставая. — Прямо сейчас.

— Отлично, — откликнулся Дамблдор. — Расскажи ему, что произошло. Передай ему, что я скоро с ним свяжусь. Ему нужно быть осторожным. Если Фадж узнает, что я вмешиваюсь в дела министерства…

— Предоставьте это мне, — сказал Билл.

Он хлопнул Гарри по плечу, поцеловал мать в щеку, накинул плащ и быстро вышел из комнаты.

— Минерва, — сказал Дамблдор, обернувшись к профессору МакГонагалл, — вызовите Хагрида ко мне в кабинет, как можно скорее. И — если, конечно, она согласится прийти — мадам Максим.

Профессор МакГонагалл кивнула и молча вышла.

— Поппи, — обратился Дамблдор к мадам Помфри, — сходите, пожалуйста, в кабинет профессора Хмури, там вы найдёте домового, Винки, в глубокой депрессии. Сделайте для неё, все, что можно, и отведите её обратно на кухню. Думаю, Добби за ней присмотрит.

— Да, да… хорошо, — сказала мадам Помфри, сильно удивившись, и тоже ушла.

Дамблдор убедился, что дверь закрыта, и шаги мадам Помфри смолкли, только тогда он заговорил.

— А теперь, — сказал он, — пора двум присутствующим здесь узнать, что собой представляют другие. Сириус… можешь превращаться.

Большой чёрный пёс посмотрел на Дамблдора, и в одно мгновение стал человеком.

Миссис Уизли вскрикнула и отпрыгнула к кровати.

— Сириус Блэк! — завизжала она, указывая на него.

— Ма, замолчи! — крикнул Рон. — Всё в порядке!

Снейп не закричал и не отскочил назад, но на его лице отразился страх, смешанный с гневом.

— Он! — проворчал он, указывая на Сириуса, на чьём лице читалась неприязнь. — Что он здесь делает?

— Он здесь по моему приглашению, — сказал Дамблдор, глядя на них, — так же, как и ты, Северус. Я доверяю вам обоим. Пора вам забыть о ваших разногласиях и начать доверять друг другу.

Гарри решил, что Дамблдор просит о чуде. Сириус и Снейп смотрели друг на друга с нескрываемым отвращением.

— На сегодняшний день, — сказал Дамблдор, с ноткой нетерпения в голосе, — меня устроит, если вы не будете проявлять друг к другу открытой неприязни. Пожмите руки. Сейчас вы на одной стороне. Времени мало, и если те из нас, кто знает правду, не будут держаться вместе, нам не на что надеяться.

Очень медленно — всё ещё глядя друг на друга, и мысленно желая сопернику провалиться сквозь землю, Сириус и Снейп сделали шаг навстречу и обменялись рукопожатием. И быстро разошлись.

— Для начала достаточно, — резюмировал Дамблдор, снова оказываясь между ними. — У меня есть для вас работа. Реакция Фаджа, хоть именно её и следовало ожидать, меняет дело. Сириус, ты сейчас же должен отправиться в путь. Предупреди Ремуса Люпина, Арабеллу Фигг, Мундангуса Флетчера — старую команду. Останься на время у Люпина, я свяжусь с тобой.

— Но… — сказал Гарри.

Он хотел, чтобы Сириус остался. Он не хотел с ним прощаться так быстро.

— Мы очень скоро увидимся, Гарри, — сказал

Сириус, поворачиваясь к нему. — Обещаю тебе. Я должен делать то, что могу, ты ведь понимаешь, правда?

— Да, — ответил Гарри. — Да… конечно, понимаю.

Сириус быстро схватил его руку, кивнул Дамблдору, снова обернулся чёрным псом и побежал к двери, которую открыл лапой и исчез.

— Северус, — сказал Дамблдор, поворачиваясь к Снейпу, — ты знаешь, что я попрошу тебя сделать. Если ты готов…

— Готов, — ответил Снейп.

Он был бледнее, чем обычно, и его холодные, чёрные глаза странно сверкали.

— В таком случае, удачи, — сказал Дамблдор, глядя, с некоторым опасением, как Снейп молча вышел вслед за Сириусом.

Дамблдор заговорил лишь через несколько минут.

— Я должен пойти вниз, — наконец сказал он. — Встретиться с Диггори. Гарри, допей своё зелье. До свидания.

Когда Дамблдор ушёл, Гарри откинулся на подушки. Рон, Гермиона и миссис Уизли всё ещё смотрели на него. Все они очень долго молчали.

— Допей зелье, Гарри, — наконец сказала мис-

сис Уизли. Она задела локтем сумку с золотом на тумбочке, когда потянулась за кубком и бутылкой. — Хорошо выспись. Постарайся подумать о чём-нибудь другом… подумай о том, что ты сможешь купить на выигранные деньги!

— Мне не нужно этого золота, — безразлично сказал Гарри. — Возьмите. Пусть кто угодно забирает. Я не должен был его выигрывать. Оно должно было принадлежать Седрику.

То, с чем он боролся с тех пор, как выбрался из лабиринта, готово было одержать над ним победу. У него защипало в глазах. Он моргнул и уставился в потолок.

— Ты не виноват, Гарри, — прошептала миссис Уизли.

— Я предложил, чтобы он взял Кубок вместе со мной, — произнес Гарри.

Теперь защипало и в горле. Хоть бы Рон отвернулся!

Миссис Уизли поставила кубок с зельем на тумбочку у кровати, наклонилась и обняла Гарри. Он не помнил, чтобы кто-нибудь его так обнимал, может быть, только мама. Всё, что случилось сегодня, казалось, навалилось на него полным грузом, когда миссис Уизли его обняла. Лицо матери, голос отца, мёртвый Седрик на земле

— всё закружилось у Гарри в голове, пока он не почувствовал, что больше не выдержит, если только не взвоет сейчас от горя.

Но тут раздался громкий хлопок, и миссис Уизли выпустила Гарри из объятий. Гермиона стояла у окна и что-то крепко сжимала в руке.

— Простите, — прошептала она.

— Твоё зелье, Гарри, — быстро сказала миссис Уизли, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Гарри осушил кубок одним глотком. Эффект был мгновенный. Тяжёлые волны колдовского сна окутали его, он упал на подушки и больше ни о чём не думал.

37. Начало

Следующие несколько дней оставили в памяти Гарри лишь смутные воспоминания. Даже спустя месяц он не мог вспомнить всего. Казалось, пережито было столько, что больше просто не вмещалось в сознание. Воспоминания, которые иногда наплывали на него, причиняли боль. Самым тяжелым, пожалуй, было следующее утро — встреча с родителями Седрика Диггори.

Они не обвиняли его в случившемся; наоборот, благодарили за то, что он принёс им тело сына. Мистер Диггори во время разговора всхлипывал. Миссис Диггори уже не могла плакать.

— Так, значит, он почти не страдал, — сказала она, когда Гарри рассказал, как Седрик погиб. — И, Эймос, в конце концов… Седрик погиб сразу после того, как выиграл Турнир. Он, должно быть, был очень счастлив тогда…

Потом они встали, она взглянула на Гарри и сказала: — Ты теперь береги себя.

Гарри схватил мешок с золотом с тумбочки у кровати.

— Возьмите это, — пробормотал он. — Оно

должно было достаться Седрику, он дошёл первым, возьмите.

— О нет, оно твоё, дорогой, я не могу… пусть останется у тебя, — ответила миссис Диггори, отступая.

На следующий вечер Гарри вернулся в гриффиндорскую башню. От Рона и Гермионы он узнал, что утром во время завтрака Дамблдор обратился к ученикам. Директор только попросил оставить Гарри в покое и не спрашивать о том, что случилось в лабиринте. Большинство учеников, как заметил Гарри, обходили его в коридорах, избегали смотреть ему в глаза. Некоторые шептались у него за спиной. Наверно, многие верили статье Риты Скитер о том, что он не в себе и, вероятно, опасен. Видимо, они строили свои версии смерти Седрика. К своему удивлению, Гарри обнаружил, что это его не особенно волнует. Больше всего ему нравилось быть с Роном и Гермионой, когда они говорили о других вещах или играли в шахматы, а он просто молча сидел рядом. Он чувствовал, что они достигли того уровня понимания, когда слова уже не нужны: каждый ждал какого-то знака или вести о том, что происходит за пределами Хогвартса — и было бесполезно строить предположения о будущих событиях,

пока они не знают ничего определённо. Только однажды они коснулись этой темы: когда Рон рассказал Гарри о встрече миссис Уизли с Дамблдором перед отъездом домой.

— Она просила разрешения, чтобы ты мог поехать к нам на это лето, — сказал он. — Но Дамблдор хочет, чтобы ты вернулся к Дёрсли, хотя бы сначала.

— Почему? — спросил Гарри.

— Она сказала, что у Дамблдора есть свои основания, — ответил Рон, мрачно тряхнув головой. — Я думаю, мы должны ему доверять, не так ли?

Единственным человеком, кроме Рона и Гермионы, с которым Гарри мог разговаривать, был Хагрид. Учителя Защиты от Тёмных Искусств больше не было, так что уроки по этому предмету были свободными. Они воспользовались этим в четверг после полудня, чтобы спуститься в хижину к Хагриду. Был ясный, солнечный день; Клык выскочил из открытой двери, когда они приблизились, лая и виляя хвостом, как сумасшедший.

— Кто там? — спросил Хагрид, подходя к двери. — Гарри!

Он вышел им навстречу, притянул Гарри, обнял его одной рукой, взъерошил волосы и сказал:

— Рад видеть тебя, дружище. Очень рад.

Войдя в дом, они увидели на деревянном столе перед камином две чайные чашки размером с ведро каждая.

— Пили чай с Олимпией, — сказал Хагрид. — Она только-только ушла.

— С кем? — удивился Рон.

— С мадам Максим, с кем же ещё! — ответил Хагрид.

— Вы что, помирились? — спросил Рон.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — беззаботно сказал Хагрид, доставая из шкафа ещё чашек. Приготовив чай и предложив каждому кексы на блюде, он откинулся в кресле и стал вглядываться в Гарри своими чёрными глазами-бусинками.

— Как ты? Держишься? — спросил он хрипло.

— Да… — ответил Гарри.

— Нет, ты ещё не оправился, — сказал Хагрид. — Конечно же, нет. Но ничего, всё перемелется.

Гарри промолчал.

— Я знал, что он вернется, — сказал Хагрид, и Гарри, Рон и Гермиона вытаращились на него.

— Я знал это многие годы, Гарри. Знал, что он где-то скрывался и ждал своего часа. Это должно было случиться. Ну, и теперь вот — случилось, и нам всем придётся это пережить. Мы будем

бороться. Придётся. Мы должны остановить его, пока он не набрал силу. Таков план Дамблдора, во всяком случае. Великий он человек, Дамблдор. Пока он с нами, я не особенно беспокоюсь.

Заметив недоверие на их лицах, Хагрид поднял свои кустистые брови и продолжал:

— Бесполезно сидеть и волноваться по ерунде. Чему быть — того не миновать, и, когда придет время, мы примем бой. Дамблдор рассказал мне о том, что ты сделал, Гарри, — Хагрид приосанился, глядя на Гарри. — Ты сделал то же, что сделал бы твой отец, и у меня нет большей похвалы для тебя.

Гарри улыбнулся в ответ. Это была его первая улыбка за много дней. — Хагрид, что тебе поручил Дамблдор? Он велел профессору МакГонагалл позвать вас и мадам Максим на разговор — той ночью.

— Этим летом мне предстоит поработать, — сказал Хагрид. — Правда, это секрет. Я не должен говорить об этом даже с вами, ребята. Олимпия, то есть мадам Максим, видимо, присоединится ко мне. Я так думаю. Мне кажется, я её убедил.

— Это имеет отношение к Волдеморту?

Хагрид поёжился, услышав это имя.

— Кто знает, — произнес он уклончиво. — А

теперь… кто хочет пойти со мной навестить последнего Крутона? Да я пошутил, пошутил! — поспешно добавил он, глядя на их лица.

Вечером перед возвращением к Дёрсли Гарри с тяжёлым сердцем собирал свой чемодан. Он с ужасом думал о прощальном ужине, который в обычные времена был праздником, когда провозглашали победителя соревнования между Домами. После возвращения из больничного крыла он старался не появляться в Большом зале, когда там было много народа. Лучше было есть в одиночестве, избегая взглядов других ребят.

Когда Гарри, Рон и Гермиона вошли в зал, они сразу увидели, что украшений там нет. Обычно для Прощального Пира Большой Зал был убран в цвета Дома-победителя. Этим вечером, однако, стена за столом преподавателей была завешена чёрным. Гарри сразу же понял, что это — знак уважения к памяти Седрика.

Настоящий Хмури-«Дикий Глаз» сидел теперь за столом преподавателей, при своей деревянной ноге и волшебном глазе. Он дёргался и вздрагивал всякий раз, когда кто-нибудь с ним заговаривал. Гарри мог его понять: после десятимесячного заключения в своём же собственном сундуке будешь пугаться любого шороха! Кресло профес-

сора Каркарова пустовало. Сидя рядом с другими учениками Гриффиндора, Гарри задумался о том, где он теперь и настиг ли его Волдеморт.

Мадам Максим по-прежнему была здесь. Она сидела рядом с Хагридом. Они о чём-то тихо говорили. Дальше за столом рядом с профессором МакГонагалл сидел Снейп. Когда Гарри встретился с ним глазами, тот некоторое время не сводил с него взгляда. Гарри не понял его выражения, но лицо у Снейпа, как обычно, было кислым и неприязненным. Гарри ещё долго продолжал смотреть на него после того, как тот отвернулся.

Что же Снейп сделал по приказу Дамблдора в ночь, когда Волдеморт вернулся? И почему… почему Дамблдор был так убеждён, что Снейп на их стороне? Он был нашим шпионом, так сказал Дамблдор в Думосбросе. Снейп стал шпионить против Волдеморта «с большим риском для себя». Не принялся ли он снова за эту работу? Может быть, он связался с Пожирателями Смерти? Притворился, что никогда на самом деле не переходил на сторону Дамблдора, что дожидался, как и Волдеморт, своего часа?

Размышления Гарри были прерваны профессором Дамблдором, который поднялся со своего места за столом преподавателей. Большой зал, и

так не особенно шумный по сравнению с обычными Прощальными вечерами, затих.

Оглядывая всех в зале, профессор Дамблдор сказал:

— Конец ещё одного года.

Он помолчал и взглянул на лица сидящих за столом Хаффлпаффа, самые подавленные перед началом его речи, и теперь всё ещё самые грустные и бледные во всем в зале.

— Мне нужно сказать вам очень многое, — произнес Дамблдор, — но сначала я должен признать, что мы потеряли очень хорошего человека, который должен был сидеть сегодня здесь, — он указал на стол Хаффлпаффа, — празднуя вместе с нами. Я хотел бы попросить вас всех встать и поднять ваши кубки в память о Седрике Диггори.

Скамьи заскрипели, все, как один, встали и подняли свои кубки, и гулкое эхо пронеслось по залу:

— За Седрика Диггори.

Гарри мельком заметил в толпе Чо. Она молча плакала. Он опустил глаза, снова занимая своё место за столом.

— Седрик был примером тех качеств, которые отличают Хаффлпафф, — продолжал Дамблдор. — Он был хорошим и верным другом, настоящим

тружеником, ценил честную игру. Его смерть затронула всех вас, вне зависимости от того, были вы знакомы с ним или нет. Я думаю, что поэтому вы имеете право узнать о том, как это произошло.

Гарри поднял голову и в изумлении уставился на Дамблдора.

— Седрика Диггори убил Лорд Волдеморт.

Панический шёпот пронёсся по Большому Залу. Все смотрели на Дамблдора с ужасом и недоверием. Он же был совершенно спокоен, глядя на них, пока шепот не затих.

— Министерство Магии, — продолжил Дамблдор, — было против того, чтобы я вам это говорил. Вполне возможно, что некоторых родителей приведёт в ужас то, что я пошёл на это: либо потому, что они не поверят, что Лорд Волдеморт вернулся, либо потому, что, по их мнению, я не должен был говорить вам об этом, поскольку вы ещё очень молоды. Однако я убеждён, что правда в большинстве случаев предпочтительнее лжи, и любая попытка изобразить, что Седрик погиб в результате несчастного случая или по собственной вине, была бы оскорблением его памяти.

Шок и ужас читался на всех лицах, обращённых к Дамблдору… или — почти на всех. Опять слизе-

ринцы. Гарри увидел, что Драко Малфой что-то шепчет Крэббу и Гойлу, и почувствовал горячий болезненный толчок гнева в животе. Гарри заставил себя опять повернуться к Дамблдору.

— В связи с гибелью Седрика необходимо упомянуть ещё одного человека, — продолжал Дамблдор. — Я имею в виду, конечно, Гарри Поттера.

По Большому залу как будто пробежала волна, когда ученики повернулись в сторону Гарри, затем опять к Дамблдору.

— Гарри Поттеру удалось спастись от Лорда Волдеморта, — сказал Дамблдор. — Он рисковал своей собственной жизнью, чтобы принести тело Седрика обратно в Хогвартс. Он проявил во всех отношениях такую отвагу, какую мало кто из волшебников когда-либо проявлял перед лицом Волдеморта. И это вызывает во мне большое уважение.

Дамблдор повернулся в сторону Гарри с серьёзным выражением лица и еще раз поднял свой кубок. Почти все в Большом Зале последовали примеру и тихо произнесли имя Гарри так же, как до того имя Седрика, и выпили за него. Но между стоящими учениками Гарри видел Малфоя, Крэбба, Гойла и многих других слизеринцев,

которые демонстративно остались сидеть, не прикасаясь к своим кубкам. Дамблдор, не обладавший волшебным глазом, этого не увидел.

Когда все снова заняли свои места, Дамблдор продолжал:

— Целью Турнира Трёх Волшебников было углубить понимание и наладить связи между волшебниками. В свете того, что случилось — я имею в виду возвращение Лорда Волдеморта — это стало ещё важнее, чем раньше.

Дамблдор окинул взглядом мадам Максим с Хагридом, Флёр Делакур и её соучеников из Бобатона, Виктора Крама и учеников из Дурмштранга за столом Слизерина. Крам, как заметил Гарри, глядел настороженно, почти испуганно, как будто ожидал, что Дамблдор скажет что-то очень суровое.

— Каждого присутствующего в этом зале гостя, — сказал Дамблдор, задерживаясь взглядом на учениках Дурмштранга, — мы будем рады принять у себя, если они когда-нибудь пожелают вновь посетить нас. Я повторяю для всех вас: теперь, когда Лорд Волдеморт вернулся, наша сила — в единстве, наша слабость — в разногласиях. У Лорда Волдеморта очень сильный дар сеять раздоры и вражду. Мы можем противостоять это-

му, только проявив дружбу и доверие такой же силы. Различия в обычаях и языках — ничто, если наши сердца открыты и цели едины. Я полагаю — и всем сердцем надеюсь, что я не прав — что всем нам предстоят тёмные и тяжёлые времена. Некоторые из вас непосредственно пострадали от руки Лорда Волдеморта. Семьи многих из вас были разрушены. И вот неделю назад один из наших студентов пал жертвой… Помните Седрика. Помните, если когда-нибудь вам придётся сделать выбор между тем, что правильно, и тем, что легко, — не забывайте, что произошло с хорошим, добрым и смелым юношей, который оказался на пути у Лорда Волдеморта. Помните Седрика Диггори.

Вещи Гарри были упакованы в чемодан, сверху в клетке сидела Хедвига. Гарри, Рон и Гермиона ждали повозок до станции Хогсмид в переполненном вестибюле. Был прекрасный летний день. Гарри думалось, что когда он вернётся вечером на Привит Драйв, клумбы и деревья там будут в цвету и будет жарко. Эта мысль не доставила ему ни малейшей радости.

— Арри!

Он оглянулся. По каменным ступеням в замок бежала Флёр Делакур. Вдалеке за её спиной

виднелся Хагрид, помогающий мадам Максим запрячь гигантских коней. Бобатонская карета была готова к отбытию.

— Ми ведь увидимся снова, я надеюсь, правда? — сказала Флёр, поравнявшись с ним, и протянула руку. — Я надеюсь поработать здесь, штоби улюшшить мой английский.

— Он уже и так вполне хорош, — просипел Рон.

Флёр улыбнулась ему, Гермиона нахмурилась.

— До свидания, Арри, — сказала Флёр, поворачиваясь, чтобы уйти. — Било приятно с тобой познакомиться!

Глядя, как Флёр с переливающимися на солнце серебристыми волосами бежит по газону к мадам Максим, Гарри почувствовал, что его настроение немного улучшилось.

— Интересно, как студенты из Дурмштранга доберутся обратно, — сказал Рон. — Как ты думаешь, они могут управлять кораблем без Каркарова?

— Каркаров не управлял, — послышался раздражённый голос. — Он сидел в каюте, а всю работу делали мы.

Крам пришёл попрощаться с Гермионой.

— Мы можем поговорить? — спросил он её.

— О… да… конечно, — сказала Гермиона, слегка

волнуясь, и последовала за Крамом через толпу.

— Поторопись! — крикнул Рон ей вслед. — Повозки будут здесь с минуты на минуту!

Однако пока Гарри ждал повозок, Рон вытягивал шею в надежде разглядеть сквозь толпу, что делают Крам и Гермиона.

Они вернулись очень быстро. Рон глядел на Гермиону во все глаза, но её лицо ничего не выражало.

— Мне нравился Диггори, — внезапно сказал Крам Гарри. — Он всегда был приветлив со мной. Всегда. Несмотря на то, что я из Дурмштранга — и с Каркаровым, — добавил он, мрачнея.

— Ему нашли замену? — спросил Гарри.

Крам пожал плечами. Он сжал руку Гарри и после — Рона, на лице которого отражалась болезненная внутренняя борьба. Крам уже направился к выходу, когда Рон не выдержал и выпалил:

— Можно мне твой автограф?

Гермиона отвернулась, улыбаясь, глядя на катящиеся к ним вверх по дорожке самоходные повозки, пока Крам, не без удивления, но с удовольствием, подписывал Рону кусочек пергамента.

По пути обратно на Кингс-Кросс погода была полной противоположностью той, что встретила

их на пути в Хогвартс в прошлом сентябре. Небо было безоблачным. Гарри, Рону и Гермионе удалось занять отдельное купе. Пигвиджена опять накрыли парадной мантией Рона, чтоб не ухал; Хедвига дремала, спрятав голову под крыло, а Косолап свернулся на свободном сидении наподобие большой меховой рыжей подушки. Поезд шёл на юг, и чем дальше он уходил, тем свободнее и непринуждённее болтали Гарри, Рон и Гермиона. Речь Дамблдора на Прощальном Пире принесла Гарри непонятное облегчение. Говорить о том, что произошло, стало не так больно. Они прервали обсуждение, что Дамблдор теперь может предпринять, чтобы остановить Волдеморта, только когда прибыла тележка с обедом.

Вернувшись с едой и положив сдачу в свою сумку, Гермиона вытащила оттуда номер «Ежедневного Пророка». Гарри взглянул на газету с опаской, не уверенный в самом деле, хочет ли он знать, что там может быть написано. Но Гермиона, видя его замешательство, спокойно сказала:

— Здесь ничего нет. Сам посмотри, совсем ничего. Я проверяла каждый день. Только маленькая заметка после третьего задания о том, что ты выиграл Турнир. Они даже не упомянули Седрика. Ни слова о том, что произошло. Я так думаю, что

Фадж велел им молчать.

— Он никогда не смог бы заставить Риту молчать, — сказал Гарри. — Особенно, если речь идёт о такой истории.

— О, Рита ничего не пишет уже с третьего задания, — сказала Гермиона каким-то странным голосом. — На самом деле, — добавила она, и её голос слегка задрожал, — Рита Скитер вообще не собирается ничего писать некоторое время. Конечно, если она не хочет, чтобы я проболталась.

— Ты о чём это? — спросил Рон.

— Я выяснила, каким образом она подслушивала разговоры в то время, когда ей было запрещено появляться на территории Хогвартса! — выпалила Гермиона.

Гарри показалось, что Гермиона уже несколько дней умирала от желания рассказать им об этом, но сдерживалась из-за всего, что произошло в эти дни.

— И как же она это делала? — воскликнул Гарри.

— Как ты узнала? — спросил Рон, не сводя с неё глаз.

— Вообще-то, Гарри, это ты подал мне идею, — ответила она.

— Я? — озадаченно сказал Гарри. — Как?

— Жучки! — радостно пояснила Гермиона.

— Ты же сама говорила, что они не работают…

— Да нет, не электронные жучки, — сказала Гермиона. — Нет, понимаешь… Рита Скитер, — голос Гермионы звенел от тихого торжества, — незарегистрированный анимаг. Она может превращаться, — Гермиона вынула из сумки маленькую закрытую стеклянную банку, — в жука.

— Ты шутишь, — воскликнул Рон. — Ты ведь не… она ведь не…

— Вот именно, — радостно сказала Гермиона, встряхивая банку перед ними. Внутри было несколько прутиков, листьев и большой, толстый жук.

— Да ни за что на свете — не может быть! — прошептал Рон, поднимая банку, чтобы рассмотреть получше.

— Да нет же, это правда, — сияя, заявила Гермиона. — Я поймала её на подоконнике в больничном крыле. Посмотрите поближе, и вы увидите узоры на её усиках — совершенно по форме её паршивых очков.

Гарри взглянул и убедился, что она совершенно права. Он тоже кое-что вспомнил:

— В тот вечер, когда Хагрид рассказывал мадам Максим о своей матери — помните, на статуе

сидел жук!

— Совершенно верно, — сказала Гермиона. — И Виктор снял жука с моих волос, когда мы говорили у озера. И, если я не ошибаюсь, Рита сидела на подоконнике в классе Прорицания в тот день, когда твой шрам заболел. Так она весь год гонялась за сенсациями.

— Значит, когда мы видели Малфоя у того дерева… — медленно произнес Рон.

— Он говорил с ней, она была у него в руке, — продолжила Гермиона. — Малфой, конечно же, в курсе. Вот как она добывала все свои миленькие интервью с учениками Слизерина. Им не было дела до того, что она делала что-то запрещённое, главное было наговорить гадостей о нас и Хагриде.

Гермиона забрала банку у Рона и улыбнулась, глядя на жука, который злобно жужжал за стеклом.

— Я сказала ей, что выпущу её, когда мы вернемся в Лондон, — продолжила она. — Я наложила Нерушимое Заклинание на банку, так что она не может трансформироваться. И я велела ей отложить перо на целый год. Посмотрим, пройдет ли у неё привычка писать гадости о людях.

Безмятежно улыбаясь, Гермиона положила

жука в школьную сумку.

Дверь купе скользнула в сторону.

— Очень умно, Грэйнджер, — послышался голос Драко Малфоя. Крэбб и Гойл возвышались у него за спиной.

Вид у всех троих был ещё более самодовольный, заносчивый и угрожающий, чем когда бы то ни было раньше.

— Ну что? — протянул Малфой, заходя в купе и оглядываясь по сторонам с ухмылкой на губах. — Ты изловила какую-то жалкую репортёршу, а Поттер — опять любимчик Дамблдора. Конец света!

Он ухмыльнулся ещё шире. Крэбб и Гойл недобро косились на них.

— Что, пытаетесь не думать об этом? — тихо сказал Малфой, глядя на сидящих в купе. — Стараетесь не думать о том, что случилось?

— Убирайся, — сказал Гарри.

Он не был так близко от Малфоя с тех пор, как наблюдал за ним, шептавшимся с Крэббом и Гойлом, во время речи Дамблдора о Седрике. В ушах у Гарри зазвенело. Рука сжала под мантией волшебную палочку.

— Ты выбрал не ту сторону, Поттер! Я предупреждал тебя! Я сказал тебе, что ты должен быть

разборчивее в выборе компании, помнишь? Когда мы встретились в поезде, в первый день в Хогвартсе? Я советовал тебе не шляться с таким сбродом! — он дернул головой в сторону Рона и Гермионы. — Теперь слишком поздно, Поттер! Их уничтожат в первую очередь, теперь, когда Тёмный Лорд вернулся! Грязнокровок и магглолюбов — первыми! Нет, вторыми, Диггори был пер…

В купе как будто взорвалась коробка с фейерверками. Ослеплённый взрывом заклинаний, выстреливших со всех сторон, оглушённый серией взрывов, Гарри поморгал и глянул вниз.

Малфой, Крэбб и Гойл лежали без сознания на пороге купе. Он, Рон и Гермиона — уже на ногах, — все трое использовали разные заклятия. Но они оказались не единственными, кто это сделал.

— Мы догадались, что замышляла эта троица, — невозмутимо сказал Фред, наступая на Гойла и входя в купе. Он сжимал в руке волшебную палочку. Джордж последовал за ним, старательно наступив на Малфоя.

— Интересный эффект, — заметил Джордж, глядя вниз на Крэбба. — Кто использовал Заклятие Фурункулов?

— Я, — отозвался Гарри.

— Странно, — сказал Джордж беспечно. — А я использовал Ватные Ноги. Похоже, их нельзя смешивать. Выглядит, как будто у него по всему лицу растут маленькие щупальца. Ладно, давайте уберём их отсюда, они не слишком украшают интерьер.

Рон, Гарри и Джордж пинали и перекатывали Малфоя, Крэбба и Гойла, пока не выпихнули в коридор. Те всё ещё были без сознания и выглядели один ужаснее другого — из-за полученной смеси заклинаний. Затем Рон, Гарри и Джордж вернулись в купе и закрыли дверь.

— Кто хочет сыграть в Подрывного Дурака? — поинтересовался Фред, вынимая карты.

В середине пятой игры Гарри решил спросить:

— Так ты скажешь нам, наконец, — обратился он к Джорджу, — кого вы шантажировали?

— О, — мрачно отозвался Джордж, — про это.

— Да это неважно, — Фред нетерпеливо тряхнул головой. — Так, ерунда. Уж во всяком случае, теперь.

— Мы бросили эту затею, — пожал плечами Джордж.

Но Гарри, Рон и Гермиона продолжали выспрашивать, и, наконец, Фред сказал:

— Ладно, ладно, если уж вы действительно

хотите знать… Это был Людо Бэгмэн.

— Бэгмэн? — воскликнул Гарри. — Вы хотите сказать, что он был замешан…

— Да нет, — сказал Джордж хмуро. — Ничего подобного. Тупой пройдоха. У него ума не хватило бы.

— Так что же тогда? — спросил Рон.

Фред поколебался, затем сказал:

— Вы помните, как мы с ним поспорили на Чемпионате Мира по Квиддичу? О том, что Ирландия выиграет, но Крам поймает Снитч?

— Разумеется, — ответили Гарри и Рон.

— Ну так вот, этот жулик заплатил нам лепреконским золотом, полученным от ирландских талисманов.

— Ну, и?

— И, — раздраженно сказал Фред, — оно исчезло. На следующее утро его уже не было.

— Но это, наверное, была ошибка, ведь могло так получиться? — спросила Гермиона.

Джордж невесело засмеялся.

— Да, так мы сначала и подумали. Мы решили, что, если ему напишем и скажем, что он ошибся, он раскошелится. Но увы. Проигнорировал наше письмо. Мы опять пытались поговорить с ним об этом в Хогвартсе, но он всё время сторонился нас,

изобретая разные причины.

— В конце концов он оказался довольно пакостным типом, — продолжил Фред. — Заявил нам, что мы слишком молоды для азартных игр и что ничего он нам не отдаст.

— Тогда мы потребовали, чтобы он вернул хотя бы наши деньги, — сердито сказал Джордж.

— Неужели он отказался? — ахнула Гермиона.

— Угадала, — ответил Фред.

— Но это же были все ваши сбережения! — произнёс Рон.

— Ох, не напоминай, — продолжил Джордж. — Разумеется, в конце концов, мы поняли, в чём дело. У отца Ли Джордана тоже были трудности, когда он пытался забрать свои деньги у Бэгмэна. Оказалось, что у того большие неприятности с гоблинами. Он задолжал им кучу денег. Вот они и прижали его к стенке после Чемпионата Мира, забрали всё золото, что у него было. И всё равно этого было недостаточно для покрытия долгов. Они следили за ним всю дорогу до Хогвартса. Он проиграл всё. У него и двух галлеонов не найдется. И знаете, как этот болван попытался расплатиться с гоблинами?

— Как? — спросил Гарри.

— Он поспорил на тебя, приятель, — сказал

Фред. — Поспорил с ними на большую сумму, что ты выиграешь турнир.

— Так вот почему он все пытался помочь мне выиграть! — воскликнул Гарри. — Ну, так я выиграл, разве не так? Теперь-то он сможет с вами расплатиться?

— Нет, — покачал головой Джордж. — Гоблины играли так же нечестно, как и он. Они сказали, что ты разделил победу с Диггори, а Бэгмэн ставил на тебя одного. Так что Бэгмэну пришлось улепётывать. Он сбежал сразу же после третьего задания.

Джордж тяжело вздохнул и принялся снова сдавать карты.

Остаток путешествия прошел достаточно приятно; Гарри хотелось, чтобы оно продолжалось всё лето, а лучше всего — чтобы вообще никогда не доезжать до Кингс-Кросс… Но, как он недавно узнал, часы продолжают тикать с той же скоростью, даже когда тебя ждут неприятности. И вот уже Хогвартс-Экспресс тянулся вдоль платформы Девять и Три Четверти. Обычные неразбериха и гвалт заполнили коридоры, и ученики начали высаживаться на платформу. Рон и Гермиона со своими чемоданами протиснулись наружу мимо Малфоя, Крэбба и Гойла. Гарри продолжал

сидеть.

— Фред, Джордж, подождите минуту.

Близнецы обернулись. Гарри открыл чемодан и вытащил свой выигрыш.

— Вот, берите, — сказал он и сунул мешок в руки Джорджу.

— Что? — потрясённо спросил Фред.

— Возьмите, — повторил Гарри твердо. — Я не хочу этого золота.

— Ты сдурел? — воскликнул Джордж, пытаясь пихнуть мешок обратно Гарри.

— Нет. Возьмите это себе и займитесь своими изобретениями. Это — для лавки розыгрышей.

— Точно спятил, — произнес Фред почти с ужасом.

— Послушайте, — продолжал Гарри. — Если вы не возьмёте, я выброшу его в сточную канаву. Я не хочу этого золота и оно мне не нужно. А вот развлечься мне бы не мешало. Да и не только мне, и я так думаю, что скоро это будет нужно больше, чем когда-либо.

— Гарри, — тихо сказал Джордж, взвешивая в руках мешок, — здесь не меньше тысячи галлеонов.

— Ну да, — ответил Гарри, ухмыляясь. — Ты только подумай, на сколько Канареечных Сливок

этого хватит.

Близнецы смотрели на него в изумлении.

— Только не говорите вашей маме, откуда это… хотя, кто знает, может быть, она перестанет так уж настаивать, чтобы вы работали в министерстве. Об этом стоит подумать.

— Гарри, — начал было Фред, но Гарри вынул свою волшебную палочку.

— Значит, так, — сказал он тоном, не допускающим возражений, — или вы его забираете, или я наложу на вас заклятие. Я теперь знаю много хороших заклятий… Только сделайте мне одно одолжение, ладно? Купите Рону какую-нибудь другую парадную мантию и скажите, что это от вас.

Он вышел из купе прежде, чем они успели ещё что-нибудь сказать, перешагнув через Малфоя, Крэбба и Гойла, которые по-прежнему лежали на полу, покрытые следами заклятий.

Дядя Вернон ждал его за барьером. Миссис Уизли стояла неподалеку. Увидев Гарри, она крепко обняла его и прошептала:

— Я думаю, что Дамблдор разрешит тебе приехать к нам этим летом. Пиши, Гарри.

— Пока, Гарри, — сказал Рон, хлопнув его по спине.

— До свидания, Гарри! — сказала Гермиона, и сделала то, чего раньше никогда не делала — поцеловала его в щеку.

— Гарри… спасибо, — шепнул Джордж, а Фред рядом кивал изо всех сил.

Гарри подмигнул в ответ, повернулся к дяде Вернону и молча покинул вокзал вслед за ним.

«Ещё рано волноваться», — сказал он себе, занимая заднее сиденье в машине Дёрсли.

Как сказал Хагрид, чему быть, того не миновать. И, когда придёт время, он примет бой.